

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЖЮЛЬ ВЕРН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

**Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1956**

ЖЮЛЬ ВЕРН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ

**ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ**

В СТРАНЕ МЕХОВ

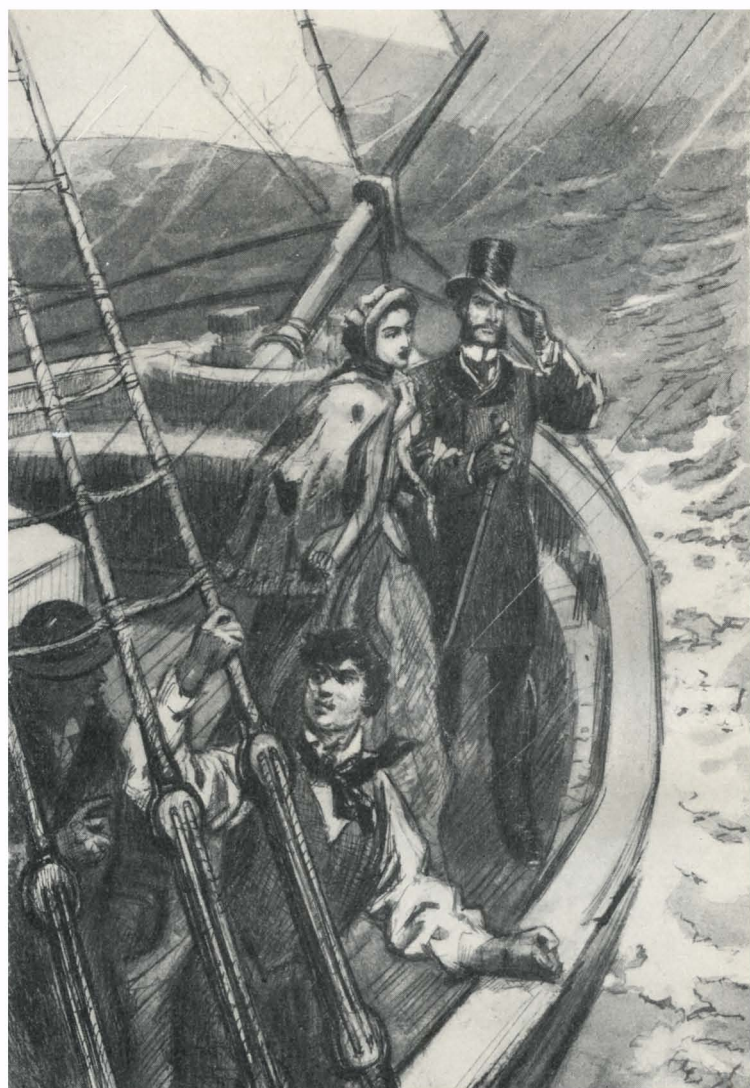

**Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1956**

*Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова*

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

**ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ**

*Перевод Н. С. Габинского
под редакцией Я. З. Лесюка*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*где заключается взаимный договор, по которому
Паспарту поступает в услужение к Филеасу Фоггу*

В доме номер семь на Сэвиль-роу, Берлингтон Гарденс, — в том самом доме, где в 1814 году умер Шеридан, — в 1872 году проживал Филеас Фогг, эсквайр; хотя этот человек всячески старался не привлекать к себе внимания, он слыл одним из наиболее оригинальных и примечательных членов лондонского Реформ-клуба.

Таким образом, одного из самых знаменитых ораторов, украшавших Англию своим талантом, сменил упомянутый Филеас Фогг, человек загадочный, о котором было известно лишь то, что он принадлежал к высшему английскому обществу, был прекрасно воспитан и необычайно красив.

Говорили, что он походил на Байрона (однако только лицом; обе ноги у него были здоровы), но то был Байрон, носивший усы и бакенбарды, Байрон бесстрастный, который мог бы прожить, не старея, целую тысячу лет.

Филеас Фогг, несомненно, был англичанином, но, по всей вероятности, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни причалы, ни доки Лондона никогда не принимали корабля, который принадлежал бы судовладельцу Филеасу Фоггу. Имя этого джентльмена не числилось в списках членов какого-либо

правительственного комитета. Не значилось оно также ни в коллегии адвокатов, ни в корпорациях юристов — одном из «иннов» — Темпля, Линкольна или Грея. Никогда не выступал он ни в Канцлерском суде, ни в Суде королевской скамьи, ни в Шахматной палате, ни в Церковном суде. Он не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни землевладельцем. Он не имел отношения ни к «Британскому королевскому обществу», ни к «Лондонскому институту», ни к «Институту прикладного искусства», ни к «Институту Рассела», ни к «Институту западных литератур», ни к «Институту права», ни, наконец, к «Институту наук и искусств», состоящему под высоким покровительством ее величества королевы. Не принадлежал он также ни к одному из тех многочисленных обществ, которые так распространены в столице Англии, — начиная от «Музыкального» и кончая «Энтомологическим обществом», основанным, главным образом, в целях истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, каким образом этот столь таинственный джентльмен оказался членом такой почтенной ассоциации, надлежит ответить: «Он избран по рекомендации братьев Бэринг, у которых ему открыт текущий счет». Это обстоятельство и тот факт, что его чеки исправно и незамедлительно оплачивались, придавали ему в обществе вес.

Был ли Филеас Фогг богат? Несомненно. Но как он нажил свое состояние? На этот вопрос не могли ответить даже самые осведомленные люди, а мистер Фогг был последним, к кому уместно было бы обратиться за подобными сведениями. Он не отличался расточительностью, но во всяком случае не был скуп, ибо, когда требовались деньги для осуществления какого-либо благородного, великодушного или полезного дела, он, молча и обычно скрывая свое имя, приходил на помощь.

Словом, трудно было себе представить менее общительного человека. Он говорил ровно столько, сколько было необходимо, и чем молчаливее он был, тем таинственнее казался. А между тем жизнь его проходила

у всех на виду; но он с такой математической точностью делал изо дня в день одно и то же, что неудовлетворенное воображение поневоле искало себе пищи за пределами этой видимой жизни.

Путешествовал ли он? Весьма возможно, ибо никто лучше его не знал карты земного шара. Не было такого пункта, даже весьма отдаленного, о котором он не имел бы самых точных сведений. Не раз удавалось ему с помощью нескольких кратких, но ясных замечаний разрешать бесконечные споры, которые велись в клубе по поводу пропавших или заблудившихся путешественников. Он указывал наиболее вероятный исход дела, и развитие последующих событий неизменно подтверждало его предположения, словно Филеас Фогг был одарен способностью ясновидения. Казалось, этот человек успел побывать всюду, во всяком случае — мысленно.

А между тем было достоверно известно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, утверждали, что его можно встретить только по дороге из дома в клуб или обратно, и нигде больше. Времяпрепровождение Филеаса Фогга в клубе сводилось к чтению газет и игре в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой, столь подходившей к его натуре игре, но выигрыш никогда не оставался у него в кошельке, а составлял значительную долю в его пожертвованиях на благотворительные цели. Уместно заметить, что мистер Фогг вообще играл не ради выигрыша. Игра для него была состязанием, борьбой с затруднениями, но борьбой, не требующей ни движения, ни перемены места, а потому не утомительной. А это соответствовало его характеру.

Насколько известно, Филеас Фогг был холост и бездетен, — что случается даже с самыми почтенными людьми, — и не имел ни родных, ни друзей, — что уже случается поистине редко. Он жил одиноко в своем доме на Сэвиль-роу, куда никто не был вхож. Его личная жизнь никогда не являлась предметом обсуждения. Ему прислуживал лишь один человек. Завтракал и обедал он в клубе в точно установленные часы, всегда в одном и том же зале и за одним и тем же столиком, не угощая своих партнеров по игре и не приглашая

никого из посторонних. Ровно в полночь он возвращался домой, никогда не оставаясь ночевать в прекрасных комфортабельных комнатах, которые Реформ-клуб предоставляет для этой цели своим членам. Из двадцати четырех часов десять он проводил дома — либо в постели, либо за туалетом. Если уж Филеас Фогг прогуливался, то неизменно мерил своими ровными шагами приемный зал клуба, выстланный мозаичным паркетом, или расхаживал по круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, покоившимся на двадцати ионических колоннах красного порфира. Кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клуба снабжали его к завтраку и обеду самой лучшей провизией; клубные лакеи — безмолвные, торжественные фигуры в черных фраках и башмаках на войлочной подошве — прислуживали ему, подавая кушанья в особой фарфоровой посуде; стол был покрыт восхитительным саксонским полотном, сервирован старинным хрусталем, предназначенным для шерри, портвейна или кларета, настоянного на корице и гвоздике; и, наконец, к столу подавали лед — гордость клуба, — придававший приятную свежесть этим напиткам: он с большими затратами доставлялся в Лондон прямо с американских озер.

Если человека, ведущего подобную жизнь, именуют чудачком, то следует признать, что чудачество вещь весьма приятная!

Дом на Сэвиль-роу не блистал роскошью, но отличался полным комфортом. К тому же при неизменных привычках хозяина обязанности прислуги были несложны. Однако Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги исключительной точности и аккуратности. Как раз в тот день, 2 октября, Филеас Фогг рассчитал своего слугу Джемса Форстера, который провинился в том, что принес своему хозяину воду для бритья, нагретую до восьмидесяти четырех градусов по Фаренгейту вместо восьмидесяти шести; и теперь он ждал нового слугу, который должен был явиться между одиннадцатью часами и половиной двенадцатого утра.

Филеас Фогг плотно сидел в кресле, сдвинув пятки, как солдат на параде; опершись руками на колени, вы-

прямившись и подняв голову, он следил за движением стрелки стоявших на камине часов, которые одновременно показывали часы, минуты, секунды, дни недели, числа месяца и год. Ровно в половине двенадцатого мистер Фогг, следуя своей ежедневной привычке, должен был выйти из дому и отправиться в Реформ-клуб.

В эту минуту раздался стук в дверь маленькой гостиной, где находился Филеас Фогг.

Появился уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — доложил он.

В комнату с поклоном вошел малый лет тридцати.

— Вы француз и вас зовут Джон? — спросил Филеас Фогг.

— Жан, с вашего позволения, — ответил вошедший, — Жан Паспарту¹. Прозвище это мне дали давно, и оно доказывает, что я способен выпутаться из любого затруднения. Я считаю себя честным человеком, сударь, но, говоря по правде, перепробовал немало профессий. Я был бродячим певцом, наездником в цирке, вольтижировал, как Леотар, и танцевал на проволоке, как Блонден; затем, чтобы лучше использовать свои способности, сделался преподавателем гимнастики и, наконец, был в Париже старшим пожарным. В моем послужном списке числится несколько недурных пожаров. Но вот уж пять лет, как я покинул Францию и, чтобы вкусить прелести домашней жизни, служу в Англии лакеем. Оставшись без места и узнав, что мистер Филеас Фогг самый аккуратный человек и самый большой домосед в Соединенном королевстве, я прихожу сюда в надежде зажить спокойно и позабыть о том, что меня зовут Паспарту...

— Вы мне подходите, Паспарту, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали, и у меня о вас хорошие сведения. Вам известны мои условия?

— Да, сударь.

— Хорошо. Сколько времени на ваших часах?

— Одиннадцать часов двадцать две минуты, —

¹ От франц. — *passe partout*, буквально — проходящий всюду; здесь — пролаза, ловкий человек.

ответил Паспарту, извлекая из недр жилетного кармана громадные серебряные часы.

— Ваши отстают, — заметил мистер Фогг.

— Простите, сударь, это невозможно.

— Они отстают на четыре минуты. Но это несущественно. Достаточно установить расхождение. Итак, начиная с этого мгновения — то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, второго октября, тысяча восемьсот семьдесят второго года — вы у меня на службе.

Сказав это, Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой шляпу, привычным движением надел ее на голову и вышел из комнаты, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как хлопнула наружная дверь: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула второй раз: это ушел его предшественник Джемс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Сэвиль-роу.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*где Паспарту убеждается, что нашел, наконец, свой
идеал*

— Честное слово, — промолвил несколько опешивший Паспарту, — таких живых молодцов, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!

Здесь уместно пояснить, что «молодцы» мадам Тюссо — это восковые фигуры, весьма популярные в Лондоне, которым, право же, недостает лишь дара речи, чтобы быть живыми.

За несколько минут разговора с Филеасом Фоггом Паспарту успел хотя и бегло, но внимательно разглядеть своего будущего хозяина. То был мужчина лет сорока, высокого роста, с красивым и благородным лицом, украшенным белокурыми усами и бакенбардами; на лбу — ни одной морщины, цвет лица матовый, зубы безукоризненные. Его внешность даже не портила некоторая дородность; казалось, он в высшей степени обладал тем, что физиономисты называют «спокойствием

в движении» — свойством, присущим людям, которые больше делают, чем говорят. Невозмутимый, флегматичный, с ясным, бесстрастным взглядом, он представлял собою совершенный тип хладнокровного англичанина: такие люди нередко встречаются в Соединенном королевстве, и Анжелика Кауфман чудесно, хотя и несколько академично, воспроизводит их в своих рисунках. Во всех жизненных обстоятельствах такой человек остается тем же уравновешенным существом, все части тела которого правильно пригнаны, столь же точно выверенным, как хронометр фирмы «Лерой» или «Эрншоу». И действительно, Филеас Фогг олицетворял собою точность, что было ясно по «выражению его рук и ног», ибо у человека, как и у животного, конечности являются лучшими выразителями его страстей.

Филеас Фогг принадлежал к числу тех математически-точных людей, которые никогда не спешат и всегда поспевают во-время, экономя при этом каждое движение. Он никогда не делал лишнего шага и шел всегда кратчайшим путем. Не позволяя себе глядеть по сторонам, он не допускал ни одного лишнего жеста. Его никогда не видели ни возбужденным, ни подавленным. То был самый неторопливый и одновременно самый аккуратный человек на свете. Само собою понятно, что такой человек жил одиноко и, если так можно выразиться, вне всяких общественных связей. Он знал, что в жизни поневоле приходится, как говорят, тереться между людей, а так как трение замедляет движение, то он держался в стороне от всех.

Что касается Жана, по прозвищу Паспарту, истого парижанина, парижанина до мозга костей, то он уже пять лет жил в Англии в должности слуги и тщетно искал себе в Лондоне хозяина, к которому мог бы прижаться.

Паспарту не походил ни на одного из тех Фронтенов или Маскарилей с самоуверенным и холодным взором, которые ходят, задрав нос и подняв плечи, и ведут себя, как бесстыжие наглецы. Нет! Паспарту был честный малый, с приветливым лицом и пухлыми губами, всегда готовыми что-нибудь отведать или кого-нибудь поцеловать, кроткий, услужливый, со славной круглой

головой, которую хотелось бы видеть на плечах друга. У него были голубые глаза, румяные щеки, такие толстые, что он мог любоваться собственными скулами; обладая высоким ростом, широкой грудью и мощной мускулатурой, он отличался геркулесовой силой, которую развил еще в молодости постоянными упражнениями. Его темные волосы всегда были всклокочены. Если скульпторы античной древности знали восемнадцать способов укладывать волосы Минервы, то Паспарту знал лишь один способ управляться со своей шевелюрой: два-три взмаха гребешком — и прическа готова.

Сказать заранее, уживется ли этот порывистый малый с Филеасом Фоггом, не позволяло простое благоразумие. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требовался его хозяину? Это можно было бы проверить только на опыте. Проведя, как известно, довольно бурную молодость, Паспарту жаждал теперь покоя. Наслышавшись об английской методичности и о вошедшем в поговорку бесстрастии английских джентльменов, он отправился искать счастья в Англию. Но до сих пор судьба ему не благоприятствовала. Он нигде не мог прочно обосноваться, хотя сменил уже десяток мест. Всюду хозяева были свое нравны, неровны в обращении, искали приключений или часто переезжали с места на место. Это не могло удовлетворить Паспарту. Его последний хозяин, член парламента, молодой лорд Лонгсферри, после ночей, проведенных в «устричных залах» Гай-Маркета, весьма часто возвращался домой на плечах полисменов. Паспарту, желая прежде всего сохранить уважение к своему хозяину, рискнул сделать ему несколько почтительных замечаний, которые были приняты неодобрительно, и Паспарту покинул его. Тем временем он узнал, что Филеас Фогг, эсквайр, ищет слугу. Он навел справки об этом джентльмене. Человек, который ведет столь размеренный образ жизни, всегда ночует у себя, не путешествует, никогда не отлучается из дому даже на сутки, весьма устраивал Паспарту. Он отправился к Филеасу Фоггу и поступил на службу при уже известных читателю обстоятельствах.

Итак, часы пробили половину двенадцатого. Паспарту находился один в доме на Сэвиль-роу. Он тотчас же начал осмотр своего нового жилища и обозрел его полностью — от чердака до подвала. Ему понравился этот чистый, хорошо устроенный, добропорядочный, строгий, пуританский дом. Он походил на раковину улитки, но на раковину, освещаемую и отапливаемую газом: углеводород служил здесь для всех нужд отопления и освещения. Паспарту без труда нашел на третьем этаже предназначенную ему комнату. Она ему понравилась. С помощью электрических звонков и переговорных трубок она сообщалась с комнатами второго и первого этажей. На камине стояли электрические часы, соединенные с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба маятника ударяли одновременно — в одну и ту же секунду. «Это как раз по мне, это как раз по мне», — повторял про себя Паспарту.

В своей комнате, над часами, он заметил приколотый к стене листок бумаги. Это было расписание его ежедневных обязанностей. Паспарту прочел его. Здесь было подробно указано все, что требовалось от слуги с восьми часов утра, когда Филеас Фогг вставал, и до половины двенадцатого, когда он выходил из дому и отправлялся завтракать в Реформ-клуб: чай с поджаренным хлебом — в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья — в девять часов тридцать семь минут, без двадцати десять — прическа и т. п. И далее, с половины двенадцатого утра до полуночи — времени, когда пунктуальный джентльмен ложился, — все было расписано, предусмотрено, упорядочено. Паспарту с удовольствием перечитал это расписание и стал заучивать его наизусть.

Что касается гардероба джентльмена, то он был прекрасно подобран и содержался в превосходном состоянии. Каждая пара брюк, фрак или жилет имели порядковый номер, отмеченный во входящем или исходящем реестре, с указанием даты, когда, в зависимости от сезона, их следовало надевать. Так же образцово содержалась и обувь.

Словом, этот дом на Сэвиль-роу — храм беспорядка во времена знаменитого, но беспутного Шеридана —

был теперь комфортабельно обставлен и свидетельствовал о полном достатке. В доме не было ни библиотеки, ни книг, ибо мистер Фогг в них не нуждался: Реформ-клуб предоставлял в распоряжение своих членов две библиотеки, в одной находились книги по изящной словесности, в другой — по вопросам права и политики. В спальне Филеаса Фогга стоял несгораемый шкаф средней величины, который прекрасно защищал хранившиеся в нем ценности и от пожара и от воров. В доме не было никакого оружия — ни охотничьих, ни военных принадлежностей. Все указывало на самый мирный образ жизни хозяина.

Рассмотрев в мельчайших подробностях свое новое жилище, Паспарту потер руки, улыбнулся во всю ширь своего лица и радостно произнес:

— Это мне нравится! Это как раз по мне! Мы отлично сговоримся с мистером Фоггом. Какой домосед! Настоящее воплощение точности! Не человек, а машина! Ну что ж, я ничего не имею против того, чтоб служить машине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*где завязывается разговор, который может дорого
обойтись Филеасу Фоггу*

Филеас Фогг вышел из своего дома на Сэвиль-роу в половине двенадцатого и, сделав пятьсот семьдесят пять шагов правой ногой и пятьсот семьдесят шесть левой, достиг Реформ-клуба; постройка этого величественного здания в Пэль-Мэль стоила не менее трех миллионов.

Филеас Фогг направился прямо в столовую, все девять окон которой выходили в прекрасный сад; осень уже позолотила в нем деревья. Он занял свое обычное место за столиком, на котором уже стоял его прибор. Завтрак состоял из закусок, отварной рыбы, приправленной отменным соусом «ридинг», кровавого ростбифа с грибной подливкой, пирога с ревенем и кры-

жовником и куска честерского сыра; все это было залито несколькими чашками превосходного чая, выращенного специально по заказу Реформ-клуба.

В двенадцать сорок семь наш джентльмен поднялся и прошел в большой салон — роскошную комнату, увешанную картинами в дорогих рамах. Там слуга подал ему свежий номер газеты «Таймс», и Филеас Фогг старательно разрезал его листы, выказав при этом сноровку, свидетельствующую о давней привычке к подобной весьма сложной операции. Чтение этой газеты заняло Филеаса Фогга до трех часов сорока пяти минут; последовавшее за этим изучение «Стандарда» продолжалось до обеда. Обед этот походил на завтрак и отличался от него лишь прибавлением «королевского британского соуса».

Без двадцати шесть наш джентльмен возвратился в большой салон и погрузился в чтение «Морнинг кроникл».

Получасом позднее несколько членов Реформ-клуба появились в зале и подошли к камину, в котором пылал огонь. Это были обычные партнеры мистера Филеаса Фогга, такие же, как он, заядлые игроки в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Сэлливан и Сэмюэль Фаллентин, пивовар Томас Флэнаган и Готье Ральф, один из администраторов Английского банка, — все люди богатые и пользовавшиеся почетом даже в этом клубе, среди членов которого встречаются промышленные и финансовые тузы.

— Ну, Ральф, как обстоят дела с кражей? — спросил Томас Флэнаган.

— Что ж, банку, видимо, придется проститься со своими деньгами, — заметил Эндрю Стюарт.

— А я, наоборот, надеюсь, что мы все же задержим вора, — возразил Готье Ральф. — Мы послали ловких полицейских агентов и в Америку и в Европу — во все главнейшие портовые города, так что этому господину трудно будет ускользнуть.

— Так, значит, приметы вора известны? — спросил Эндрю Стюарт.

— Прежде всего это не вор, — серьезно ответил Готье Ральф.

— Как! Молодчик, стащивший пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов банковыми билетами, не вор?!
— Нет, — повторил Готье Ральф.

— Значит, это делец? — спросил Джон Сэлливан.

— «Морнинг кроникл» уверяет, что это — джентльмен.

Слова эти принадлежали Филеасу Фоггу, голова которого поднялась над ворохом наваленных вокруг него газет. Он поздоровался со своими партнерами, те в свою очередь приветствовали его.

Событие, о котором шла речь и о котором с таким увлечением писали все газеты Соединенного королевства, произошло три дня назад — 29 сентября. Пачка банковых билетов на огромную сумму — пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов — была похищена с конторки главного кассира Английского банка.

В ответ на удивленные вопросы, как могла произойти подобная кража, помощник управляющего банком Готье Ральф ограничивался следующим ответом: «В эту минуту кассир вписывал в приход поступление в три шиллинга и шесть пенсов, а за всем ведь не уследишь».

Чтобы обстоятельства этого дела стали более понятными, уместно заметить, что замечательное учреждение, именуемое «Английским банком», самым ревностным образом оберегает достоинство своих клиентов и поэтому не имеет ни охраны, ни даже решеток. Золото, серебро, банковые билеты открыто лежат повсюду и предоставлены, так сказать, «на милость» первого встречного. Разве допустимо подвергать сомнению честность своих посетителей? Один из самых внимательных наблюдателей английских нравов рассказывал даже о таком случае. Как-то раз в одном из залов банка его заинтересовал лежавший на конторке золотой слиток весом в семь или восемь фунтов; он взял этот слиток, осмотрел его и передал соседу, тот — другому, так что слиток, переходя из рук в руки, исчез в глубине темного коридора и вернулся на свое место лишь через полчаса, причем кассир не поднял даже головы.

Но 29 сентября дело происходило несколько иначе. Пачка банковых билетов не вернулась на свое место, и когда великолепные часы, висевшие в отделе чековых операций, пробили пять часов — время окончания работы, — Английскому банку ничего не оставалось, как внести эти пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов в графу убытков.

Когда факт кражи был должным образом установлен, сыщики, отобранные из числа наиболее ловких агентов сыскаго отделения, были разосланы в крупнейшие порты — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и другие; в случае удачи им была обещана премия в две тысячи фунтов стерлингов и сверх того пять процентов с найденной суммы. В ожидании сведений, которые полиция надеялась получить в результате начавшегося следствия, сыщикам было поручено тщательно наблюдать за всеми прибывающими и отъезжающими путешественниками.

Как утверждала газета «Морнинг кроникл», можно было предположить, что лицо, совершившее кражу, не входило ни в одну из воровских шаяк Англии. В тот самый день, 29 сентября, многие видели, как некий хорошо одетый джентльмен почтенного вида и с прекрасными манерами расхаживал в зале выплат, где произошла кража. Следствие позволило довольно точно установить приметы этого джентльмена, и они тотчас же были разосланы всем сыщикам Соединенного королевства и континента. Некоторые проницательные умы — и в числе их Готье Ральф — были твердо уверены, что вору не ускользнуть.

Легко себе представить, что это происшествие находилось в центре внимания Лондона и всей Англии. О нем горячо спорили, обсуждали возможный успех или неудачу действий столичной полиции. Не удивительно поэтому, что и среди членов Реформ-клуба велись подобные разговоры, тем более что один из собеседников был помощником управляющего банком.

Достопочтенный Готье Ральф несколько не сомневался в результатах поисков, считая, что назначенная премия должна изрядно подстегнуть рвение и сообра-

зительность агентов. Но его коллега Эндрю Стюарт далеко не разделял этой уверенности. Спор продолжался и за карточным столом; Стюарт сидел против Флэнагана, Фаллентин — против Филеаса Фогга. Во время игры партнеры не разговаривали, но между робберами прерванная беседа возобновлялась с еще большим жаром.

— Я утверждаю, — сказал Эндрю Стюарт, — что все шансы на стороне вора; это, без сомнения, ловкий малый.

— Ну, нет! — ответил Ральф. — Нет ни одной страны, где бы он мог укрыться.

— Как это так?

— Куда ж ему, по-вашему, поехать?

— Не знаю, — ответил Эндрю Стюарт, — но во всяком случае мир велик.

— Когда-то был велик, — вполголоса заметил Филеас Фогг. — Снимите! — добавил он, протягивая коллуду Томасу Флэнагану.

На время роббера спор затих. Но вскоре Эндрю Стюарт возобновил его.

— Что значит: «Когда-то»? — спросил он. — Или земля, ненароком, уменьшилась?

— Без сомнения, — ответил Готье Ральф. — Я согласен с мистёром Фоггом. Земля уменьшилась, раз ее можно теперь объехать в десять раз быстрее, чем сто лет назад. А это в данном случае ускорит поиски.

— И облегчит вору бегство!

— Мистер Стюарт, ваш ход! — произнес Филеас Фогг.

Но недоверчивый Стюарт не успокоился и после окончания партии снова возобновил разговор.

— Надо признать, мистер Ральф, — сказал он, — вы избрали действительно забавный способ доказательства того, что земля уменьшилась! Итак, раз ее теперь можно объехать в три месяца...

— Всего в восемьдесят дней, — заметил Филеас Фогг.

— Действительно, господа, — подхватил Джон Сэливан, — в восемьдесят дней, с тех пор как открыто

движение по линии между Роталем и Аллахабадом, по Великой индийской железной дороге; вот расчет, составленный «Морнинг кроникл»:

Из Лондона в Суэц, через Мон-Сенис и Бриндизи, поездом и пакетботом	7 дней
Из Суэца в Бомбей пакетботом	13 дней
Из Бомбея в Калькутту поездом	3 дня
Из Калькутты в Гонконг (Китай) пакетботом	13 дней
Из Гонконга в Иокогаму (Япония) пакетботом	6 дней
Из Иокогамы в Сан-Франциско пакетботом	22 дня
Из Сан-Франциско в Нью-Йорк поездом	7 дней
Из Нью-Йорка в Лондон пакетботом и поездом	9 дней

Итого — 80 дней

— Да, восемьдесят дней! — воскликнул Эндрю Стюарт, в рассеянности сбрасывая козырь. — Но здесь не учитывается ни дурная погода, ни встречные ветры, ни кораблекрушения, ни железнодорожные катастрофы и тому подобное.

— Все это учтено, — ответил Филеас Фогг, делая ход, ибо на сей раз спор продолжался уже во время игры.

— Даже если индусы или индейцы разберут рельсы? — горячился Эндрю Стюарт. — Если они остановят поезд, разграбят вагоны, скальпируют пассажиров?

— Все это учтено, — повторил Филеас Фогг и объявил, бросая карты на стол: — Два старших козыря!

Эндрю Стюарт, чья очередь была сдавать, собрал карты, говоря:

— Теоретически вы правы, мистер Фогг, но на практике...

— И на практике тоже, мистер Стюарт.

— Хотел бы я посмотреть, как это у вас получается!

— Это от вас зависит. Поедьте вместе.

— Сохрани меня небо! — вскричал Стюарт. — Но бьюсь об заклад на четыре тысячи фунтов, что такое путешествие при существующих условиях невозможно.

— Напротив, вполне возможно, — возразил мистер Фогг.

— Ну что ж, совершите его!

— Вокруг света в восемьдесят дней?

— Да!

— Охотно.

— Когда?

— Немедленно.

— Это безумие! — воскликнул Эндрю Стюарт, которого начало раздражать упрямство партнера. — Давайте лучше продолжать игру!

— В таком случае пересдайте, — заметил Филеас Фогг, — в вашей сдаче ошибка.

Эндрю Стюарт лихорадочно собрал карты; затем вдруг бросил их на стол:

— Хорошо, мистер Фогг, я ставлю четыре тысячи фунтов!

— Дорогой Стюарт, — сказал Фаллентин, — успокойтесь. Ведь это не всерьез!

— Когда я держу пари, то это всегда всерьез, — ответил Эндрю Стюарт.

— Идет! — сказал мистер Фогг. Затем, обернувшись к своим партнерам, добавил: — У меня лежит двадцать тысяч фунтов стерлингов в банке братьев Бэринг. Я охотно рискну этой суммой...

— Двадцать тысяч фунтов! — воскликнул Джон Сэлливан. — Двадцать тысяч фунтов, которые вы можете потерять из-за непредвиденной задержки!

— Непредвиденного не существует, — спокойно ответил Филеас Фогг.

— Мистер Фогг, но ведь срок в восемьдесят дней — срок минимальный.

— Хорошо использованный минимум вполне достаточен.

— Но, чтобы не опоздать, вам придется с математической точностью перескакивать с поезда на пакетбот и с пакетбота на поезд!

— Я и сделаю это с математической точностью.

— Это просто шутка!

— Настоящий англичанин никогда не шутит, когда

дело идет о столь серьезной вещи, как пари, — ответил Филеас Фогг. — Бьюсь об заклад на двадцать тысяч фунтов против всякого желающего, что объеду вокруг земного шара не больше чем в восемьдесят дней, то есть в тысячу девятьсот двадцать часов, или в сто пятнадцать тысяч двести минут. Принимаете пари?

— Принимаем, — ответили Стюарт, Фаллентип, Сэлливан, Флэнаган и Ральф, посовещавшись между собой.

— Хорошо, — заметил мистер Фогг. — Поезд в Дувр отходит в восемь сорок пять. Я поеду этим поездом.

— Сегодня вечером? — переспросил Стюарт.

— Да, сегодня вечером, — ответил Филеас Фогг. — Итак, — добавил он, взглянув на карманный календарь, — сегодня у нас среда, второе октября. Я должен вернуться в Лондон, в этот самый зал Реформ-клуба, в субботу, двадцать первого декабря в восемь часов сорок пять минут вечера; в противном случае двадцать тысяч фунтов стерлингов, которые лежат в настоящее время на моем текущем счете в банке братьев Бэринг, будут по праву и справедливости принадлежать вам, господа. Вот чек на эту сумму.

Протокол пари был составлен и тут же подписан шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг остался невозмутимым. Разумеется, он заключал пари не для того, чтобы выиграть деньги: он поставил двадцать тысяч фунтов — половину своего состояния, ибо предвидел, что вторую половину ему, быть может, придется израсходовать, чтобы благополучно довести до конца свое трудное, чтобы не сказать невыполнимое, намерение. Что касается его противников, то их смущал не размер ставки, а сомнение в том, порядочно ли принимать пари на подобных условиях.

Прошло семь часов. Партнеры предложили мистеру Фоггу прекратить игру, чтобы подготовиться к путешествию.

— Я всегда готов! — отвечал невозмутимый джентльмен, сдавая карты. — Бубны козыри, — сказал он. — Ваш ход, мистер Стюарт!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой Филеас Фогг изумляет своего слугу
Паспарту*

В семь часов двадцать пять минут Филеас Фогг, выиграв в вист около двадцати гиней, распрощался со своими почтенными партнерами и покинул Реформ-клуб. В семь часов пятьдесят минут он отпер двери и вошел к себе в дом.

Паспарту, уже успевший старательно изучить расписание дня, был несколько удивлен, что мистер Фогг погрешил против точности и явился в неурочное время. Согласно расписанию обитатель дома на Сэвиль-роу должен был возвратиться только в полночь.

Филеас Фогг сразу же прошел в свою комнату и оттуда позвал:

— Паспарту!

Паспарту не ответил. Этот зов не мог относиться к нему: сейчас было не его время.

— Паспарту! — повторил мистер Фогг, не повышая голоса.

Паспарту вошел.

— Я вас зову второй раз, — заметил мистер Фогг.

— Да, но сейчас не полночь, — ответил Паспарту, указывая на часы.

— Я это знаю, — сказал мистер Фогг, — и не упрекаю вас. Через десять минут мы отправляемся в Дувр и Кале.

Что-то вроде гримасы показалось на круглой физиономии француза. Было очевидно, что он плохо слышал.

— Вы переезжаете, сударь? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Фогг. — Мы отправляемся в кругосветное путешествие.

Паспарту вытаращил глаза, поднял брови и развел руками; он весь как-то обмяк, и вид его выражал изумление, граничащее с остолебенением.

— Кругосветное путешествие... — пробормотал он.

— В восемьдесят дней, — пояснил мистер Фогг. — Поэтому нам нельзя терять ни минуты.

— А как же багаж? — спросил Паспарту, растерянно оглядываясь вокруг.

— Никакого багажа. Только ручной саквояж с двумя шерстяными рубашками и тремя парами носок. То же самое — для вас. Остальное купим в дороге. Захватите мой плащ и дорожное одеяло. Наденьте прочную обувь. Впрочем, нам совсем или почти совсем не придется ходить пешком. Ступайте.

Паспарту хотел что-то ответить, но не мог. Он вышел из комнаты мистера Фогга, поднялся к себе и, упав на стул, от души выругался.

— Вот так штука, черт возьми! А я-то думал пожить спокойно!.. — проворчал он.

Затем машинально он занялся приготовлениями к отъезду. Вокруг света в восемьдесят дней! Уж не имеет ли он дело с сумасшедшим? Как будто нет... Может быть, это шутка? Они едут в Дувр — ладно. В Кале — куда ни шло. В конце концов это не могло особенно огорчить честного малого: вот уж пять лет, как он не ступал на землю своей родины. Быть может, они доберутся и до Парижа? Ну что ж, честное слово, он с удовольствием увидит вновь великую столицу! Уж, конечно, такой солидный джентльмен непременно там остановится... Пусть так, однакоже он снимается с места, он переезжает, этот джентльмен, такой домосед!

В восемь часов Паспарту уложил в скромный саквояж дорожные вещи — свои и мистера Фогга; затем, все еще пребывая в смятении, он покинул свою комнату, тщательно запер ее на ключ и вошел к мистеру Фоггу.

Мистер Фогг был готов. В руках он держал знаменитый железнодорожный и пароходный справочник и путеводитель Бредшоу, который должен был ему служить во время путешествия. Он взял из рук Паспарту саквояж, открыл его и вложил туда объемистую пачку хрустящих банковых билетов, которые имеют хождение во всех странах.

— Вы ничего не забыли? — спросил он.

— Ничего, сударь.

— Мой плащ и одеяло?

— Вот они.

— Отлично, берите саквояж.

Мистер Фогг передал саквояж Паспарту.

— Берегите его, — добавил он. — Здесь двадцать тысяч фунтов.

Саквояж чуть не выскользнул из рук Паспарту, словно эти двадцать тысяч фунтов были в золотых монетах и обладали изрядным весом.

Господин и слуга вышли из дому; входная дверь была заперта двойным поворотом ключа.

Стоянка экипажей находилась в конце Сэвиль-роу. Филеас Фогг и его слуга сели в кэб, который быстро повез их к вокзалу Чэринг-Кросс, откуда начинается ветка Юго-Восточной железной дороги.

В восемь часов двадцать минут кэб остановился перед решеткой вокзала. Паспарту спрыгнул на землю. Его господин последовал за ним и расплатился с кучером.

В эту минуту какая-то нищенка, босая, в рваной шали на плечах, в помятой шляпке с изломанным пером, держа за руку ребенка, приблизилась к мистеру Фоггу и попросила милостыню.

Мистер Фогг вынул из кармана двадцать гиней, которые только что выиграл в вист, и протянул их женщине со словами:

— Возьмите, моя милая, я рад, что встретил вас.

Затем он прошел дальше.

Паспарту почувствовал, что глаза его увлажнились. Новый господин расположил к себе его сердце.

Мистер Фогг в сопровождении слуги вошел в большой зал вокзала. Здесь он приказал Паспарту взять два билета первого класса до Парижа. Затем, обернувшись, он заметил пятерых своих коллег по Реформ-клубу.

— Господа, я уезжаю, — сказал он, — и различные визы, поставленные на моем паспорте, который я беру для этой цели, помогут вам, по моем возвращении, проверить маршрут.

— О мистер Фогг, — учтиво ответил Готье Ральф, — это совершенно излишне. Мы вполне доверяем вашему слову джентльмена!

— Так все же будет лучше, — заметил мистер Фогг.

— Вы не забыли, что должны вернуться... — начал Эндрю Стюарт.

— Через восемьдесят дней, — прервал его мистер Фогг, — в субботу, двадцать первого декабря тысяча восемьсот семьдесят второго года, в восемь часов сорок пять минут вечера. До свиданья, господа!

В восемь сорок Филеас Фогг и его слуга заняли места в купе. В восемь сорок пять раздался свисток, и поезд тронулся.

Ночь была темная. Моросил мелкий дождь. Филеас Фогг молчал, откинувшись на спинку дивана. Паспарту, все еще ошеломленный, машинально прижимал к себе саквояж с банковыми билетами.

Но не успел поезд пройти Сайденхем, как Паспарту испустил вопль отчаяния.

— Что с вами? — осведомился мистер Фогг.

— Дело в том... что... в спешке... от волнения... я забыл...

— Что именно?

— Погасить газовый рожок в своей комнате.

— Что ж, мой милый, — невозмутимо ответил мистер Фогг, — он будет гореть за ваш счет!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой на лондонской бирже появляется новая
ценность*

Покидая Лондон, Филеас Фогг, без сомнения, не подозревал, что его отъезд вызовет такой большой шум. Известие о пари сперва распространилось в Реформ-клубе и породило сильное возбуждение среди членов этой почтенной корпорации. Затем по милости репортеров это возбуждение перекинулось в газеты, а через газеты оно передалось населению Лондона и всего Соединенного королевства.

«Вопрос о кругосветном путешествии» комментировался, обсуждался, разбирался с такой горячностью и страстью, словно речь шла о новом *Алабамском деле*.

Одни приняли сторону Филеаса Фогга, другие — и они вскоре составили значительное большинство — выступили против него. Совершить кругосветное путешествие при помощи современных средств передвижения не в теории, не на бумаге, а на деле, и в такой короткий срок! Это не только нелепо, — это безумие!

«Таймс», «Стандард», «Ивнинг стар», «Морнинг кроникл» и двадцать других крупных газет высказались против мистера Фогга. Одна лишь «Дейли телеграф» до некоторой степени поддерживала его. Почти все называли Филеаса Фогга маниаком, сумасшедшим, а его коллег из Реформ-клуба порицали за то, что те заключили пари с человеком, умственные способности которого были явно не в порядке.

В печати по этому поводу появился ряд весьма страстных, но строго логических статей. Всем известно, какой интерес возбуждает в Англии все, что касается географии. Поэтому не было ни одного читателя, к какому бы сословию он ни принадлежал, который бы не проглатывал столбцы газет, посвященные путешествию Филеаса Фогга.

В первые дни несколько смелых умов — главным образом женщины — были за него, особенно после того, как «Иллюстриейтед Лондон ньюс» поместила его портрет, воспроизведенный с фотографии, хранившейся в архивах Реформ-клуба. Некоторые джентльмены отваживались даже говорить: «Эге! А почему бы и нет? Случались ведь вещи и более необычные!» В большинстве своем то были читатели «Дейли телеграф». Но вскоре стало заметно, что и эта газета начинает сдавать.

Но вот 7 октября появилась длинная статья в «Известиях Королевского географического общества». Она рассматривала вопрос со всех точек зрения и убедительно доказывала всю абсурдность затеянного предприятия. Из этой статьи следовало, что все окажется против путешественника: и люди и стихия. Успешно преодолеть все преграды можно лишь при том условии, если будет иметь место совершенно чудесная согласованность часов прибытия и отправления поездов и пароходов, которой не существует и не может существовать. Пожалуй, в Европе, где расстояния не так уж ве-

лики, можно еще рассчитывать на точное отправление и прибытие поездов; но разве можно основывать выполнение подобного предприятия на точном соблюдении расписания, разве можно надеяться пересечь в три дня Индию и в семь дней Соединенные Штаты? Поломки машин, крушения, столкновения, ненастье, снежные заносы — не окажется ли все это против Филеаса Фогга? А путешествуя зимою на пакетботе, не будет ли он во власти ветров и туманов? И разве редки случаи, когда даже самые быстроходные суда океанских линий опаздывают на два-три дня? А ведь достаточно одного опоздания, только одного, — и вся последовательность маршрута будет непорочно нарушена. Если Филеас Фогг опоздает к отплытию пакетбота хотя бы на несколько часов, он будет вынужден дожидаться следующего, и его дальнейшее путешествие потеряет всякий смысл.

Статья наделала много шума. Почти все газеты перепечатали ее, и акции Филеаса Фогга сильно упали.

В первые дни после отъезда нашего джентльмена возможный исход его предприятия стал предметом крупных пари. Всем известно, что представляют собою в Англии любители пари — люди, куда более умные и возвышенные, чем обыкновенные игроки. Держать пари — это черта английского характера. Вот почему не только члены Реформ-клуба ставили крупные ставки «за» и «против» Филеаса Фогга, но и рядовая публика приняла участие в этой игре. Словно беговая лошадь, Филеас Фогг был внесен в своеобразный список чистокровных рысаков. Он оказался ценностью, которая тотчас же стала котироваться на лондонской бирже. «Филеаса Фогга» покупали и продавали за наличные или в кредит; он был объектом крупных сделок. Но спустя пять дней после его отъезда, когда появилась статья в «Известиях Королевского географического общества», началось усиленное предложение «Филеаса Фогга». Он падал в цене. Его предлагали просто пачками. Сначала против него ставили по пять или по десять, но затем уже по двадцать, по пятьдесят или по сто против одного!

Но один верный сторонник у него остался. То был разбитый параличом старый лорд Олбермейль. Достопочтенный джентльмен, прикованный к креслу, отдал бы все свое состояние, чтобы объехать вокруг света хоть в десять лет! Он поставил за Филеаса Фогга пять тысяч фунтов стерлингов. И когда ему указывали не только на вздорность, но и на бесполезность этой затеи, он неизменно отвечал: «Если такое путешествие осуществимо, то пусть англичанин первым и совершит его!»

Итак, число сторонников Филеаса Фогга все больше и больше таяло; все не без основания ставили против него; теперь пари против Фогга заключались из расчета полтора ста или двести против одного. А через семь дней после отъезда нашего джентльмена одно совершенно неожиданное событие привело к тому, что он и вовсе перестал котиrowаться.

В тот день в девять часов вечера директор лондонской полиции получил по телеграфу следующую депешу:

«Из Суэца в Лондон.

*Роуэну, директору полиции, центральное управление,
Скотланд-плейс.*

Я преследую вора, обокравшего Английский банк, это — Филеас Фогг. Безотлагательно вышлите ордер на арест в Бомбей (Британская Индия).

Фикс, полицейский агент».

Депеша эта произвела немедленный эффект. Почтенный джентльмен исчез, уступив место жулику, похитившему банковые билеты. Его фотография, хранившаяся в Реформ-клубе вместе с портретами всех его коллег, была тщательно изучена. Она в точности воспроизводила человека, приметы которого были установлены следствием. Всем припомнился таинственный образ жизни Филеаса Фогга, его склонность к уединению, его внезапный отъезд, и тогда стало очевидным, что этот человек, под предлогом кругосветного путешествия, прикрываясь сумасбродным пари, стремился к одному: сбить с толку агентов английской полиции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой сыщик Фикс проявляет вполне законное
нетерпение*

Депеша, касающаяся Филеаса Фогга, была послана при следующих обстоятельствах.

В среду, 9 октября, к одиннадцати часам утра в Суэце ожидался пакетбот «Монголия» компании «Пен-нинсюлер-энд-Ориенталь». Это был железный винтовой пароход со спардеком, валовой вместимостью в две тысячи восемьсот тонн и номинальной мощностью в пятьсот лошадиных сил. «Монголия» совершала регулярные рейсы между Бриндизи и Бомбеем через Суэцкий канал. Это было одно из наиболее быстроходных судов компании, и оно всегда превышало свою официальную часовую скорость, которая была установлена в десять миль на отрезке пути между Бриндизи и Суэцем и в 9,53 мили между Суэцем и Бомбеем.

В ожидании прибытия «Монголии» по набережной прогуливались два человека. Они расхаживали в толпе среди местных жителей и иностранцев, нахлынувших в этот город — еще недавно небольшое местечко, которому великое творение г-на Лессепса обеспечило большую будущность.

Один из них был консулом Соединенного королевства в Суэце; несмотря на мрачные предположения британского правительства и зловещие предсказания инженера Стефенсона, он каждый день мог видеть на канале английские суда, вдвое сокращавшие таким образом путь из Англии в Индию, который прежде шел мимо мыса Доброй Надежды.

Другой был человек небольшого роста, худощавый, с нервным, довольно умным лицом и сурово нахмуренными бровями. Сквозь его длинные ресницы блестели живые глаза, которым он умел по желанию придавать безразличное выражение. В эту минуту он проявлял заметное нетерпение и беспокойно расхаживал взад и вперед по набережной.

Человека этого звали Фикс; он был одним из тех «детективов», или агентов английской полиции, которые

были разосланы в различные порты после кражи в Английском банке. Фикс должен был тщательно наблюдать за путешественниками, проезжающими через Суэц, и, если бы какой-нибудь из них показался ему подозрительным, следовать за ним в ожидании получения ордера на арест.

И вот два дня назад Фикс получил от директора лондонской полиции приметы предполагаемого вора — того почтенного, хорошо одетого джентльмена, который был замечен в платёжном зале банка в день кражи.

Вполне понятно, что прельщенный большой наградой, обещанной за поимку вора, сыщик с нетерпением ожидал прибытия «Монголии».

— Вы утверждаете, господин консул, что этот пароход не может опоздать? — в десятый раз спрашивал он.

— Не может, господин Фикс, — отвечал консул. — Он вчера находился вблизи Порт-Саида, а оставшиеся сто шестьдесят километров по каналу — для такого судна сущие пустяки. Говорю вам, «Монголия» всегда получает премию в двадцать пять фунтов, которые правительство выдает за каждые выигранные против расписания сутки.

— Этот пакетбот следует прямо из Бриндизи? — спросил Фикс.

— Из самого Бриндизи, где он забирает почту для Индии; оттуда он вышел в субботу в пять часов дня. Так что вооружитесь терпением, он не может запоздать. Но я, право, не понимаю, как вам удастся на основании полученных примет узнать вора, если он находится на борту «Монголии»?

— Господин консул, — отвечал Фикс, — этих людей не узнаешь, а чувствуешь. Надо иметь особый нюх, чутье, которому помогают слух, зрение и обоняние. За свою жизнь я арестовал немало подобных джентльменов, и если только наш вор сейчас на борту парохода, он, ручаюсь вам, не ускользнет из моих рук.

— Я был бы очень рад, мистер Фикс, так как дело касается крупной кражи.

— Кражи великолепной, — с восторгом ответил агент. — Пятьдесят пять тысяч фунтов! Нам не часто попадают такие случаи! Вор нынче мельчает! Порода

Шепардов хиреет! Теперь идут на виселицу из-за нескольких шиллингов!

— Мистер Фикс, — ответил консул, — вы говорите так убедительно, что я от всего сердца желаю вам удачи; но повторяю снова: боюсь, что при создавшихся условиях это трудное дело. Знаете ли, ведь согласно полученным вами приметам вор этот вполне походит на честного человека?

— Господин консул, — наставительно произнес полицейский инспектор, — крупные воры всегда походят на честных людей. Вы отлично понимаете, что тому, кто похож на мошенника, не остается ничего другого, как быть честным человеком; иначе его тотчас же арестуют. За честными-то физиономиями и надо следить в первую очередь. Работа трудная, я согласен, и это скорее искусство, чем ремесло.

Отсюда ясно, что вышеупомянутый Фикс не был лишен известной доли самомнения.

Между тем набережная понемногу оживала. Моряки разных национальностей, коммерсанты, маклеры, носильщики, феллахи толпились у пристани. Чувствовалось, что пакетбот вот-вот прибывает.

Погода стояла довольно хорошая, но холодная, дул восточный ветер. Несколько минаретов вырисовывалось над городом в бледных лучах солнца. Мол длиною в две тысячи метров, словно рука, тянулся на юг вдоль рейда Суэца. По поверхности Красного моря скользило несколько рыбачьих и каботажных судов; некоторые из них сохраняли в своих очертаниях изящные пропорции античной галеры.

Бродя в толпе, Фикс, следуя профессиональной привычке, быстрым взглядом окидывал каждого прохожего.

Было половина одиннадцатого.

— Однако этот пакетбот не придет! — воскликнул он, услышав бой портовых часов.

— Он уже близко, — ответил консул.

— Сколько времени простоят он в Суэце? — спросил Фикс.

— Четыре часа. Время, необходимое для погрузки угля. От Суэца до Адена, находящегося на другом

конце Красного моря, одна тысяча триста десять миль, так что ему следует запастись топливом.

— А из Суэца судно направляется прямо в Бомбей? — спросил Фикс.

— Да, прямым рейсом.

— В таком случае, если вор избрал этот путь и это судно, то, несомненно, он должен рассчитывать высадиться в Суэце, чтобы достичь голландских или французских владений в Азии. Он должен хорошо понимать, что Индия — британская колония и там он не будет находиться в безопасности.

— Да, конечно, если только он не мастер своего дела, — заметил консул. — Как вы сами знаете, английскому преступнику куда легче укрыться в Лондоне, чем за границей.

После этих слов, заставивших сыщика серьезно задуматься, консул вернулся к себе; британское консульство находилось неподалеку от набережной. Оставшись один, полицейский инспектор окончательно поддался нервному возбуждению; у него было странное предчувствие, что вор должен находиться именно на борту «Монголии»; и действительно, если бы этот мошенник покинул Англию с намерением добраться до Нового Света, то путь через Индию, менее охраняемый и труднее поддающийся наблюдению, чем путь через Атлантический океан, должен был привлечь его внимание.

Но Фикс не долго предавался размышлениям. Громкие гудки возвестили о прибытии пакетбота. Ватага носильщиков и феллахов, грозя неприкосновенности боков и одежды публики, ринулась к пристани. Несколько лодок отчалили от пристани и направились навстречу «Монголии».

Вскоре меж берегов канала показался гигантский корпус «Монголии»; и когда часы пробили одиннадцать, парход, с шумом и свистом выпуская пары, стал на рейд.

На борту парохода находилось довольно много пассажиров. Некоторые из них остались на палубе, чтобы полюбоваться живописной панорамой города; но большинство спустилось в шлюпки, окружившие «Монголию» со всех сторон.

Фикс самым тщательным образом изучал каждого пассажира, сходявшего на берег.

В эту минуту один из пассажиров, решительно расталкивая феллахов, пристававших к нему с предложением услуг, приблизился к сыщику и вежливо попросил указать местонахождение британского консульства. При этом он показал паспорт, на котором, без сомнения, хотел поставить британскую визу.

Фикс безотчетно взял паспорт и бросил быстрый взгляд на приметы владельца. Он с трудом удержал невольное движение радости. Листок задрожал в его руке. Приметы, указанные в паспорте, совпадали с теми, которые он получил от начальника лондонской полиции.

— Это не ваш паспорт? — спросил он пассажира.

— Нет, — ответил тот, — это паспорт моего господина.

— А где ваш господин?

— Остался на пароходе.

— Но он должен сам явиться в консульство, — заявил агент, — чтобы его личность можно было удостоверить.

— Как, разве это необходимо?

— Совершенно необходимо.

— А где помещается консульство?

— Вон там, на углу площади, — ответил сыщик, показывая на дом, отстоявший не дальше двухсот шагов.

— Тогда мне придется пойти за моим господином, хотя он и не любит, чтобы его беспокоили.

Пассажир раскланялся с Фиксом и вернулся на пароход.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*которая лишний раз свидетельствует о бесполезности
паспортов в делах полиции*

Инспектор полиции покинул набережную и быстрым шагом направился к консульству. Там он потребовал, чтобы его немедленно провели к консулу.

— Господин консул, — начал он без всяких предисловий, — я сильно подозреваю, что наш вор — на борту «Монголии».

И Фикс передал свой разговор со слугой по поводу паспорта.

— Очень хорошо, мистер Фикс, — ответил консул, — я не прочь увидеть физиономию этого мошенника. Но он, может быть, и не придет ко мне, если он действительно тот, за кого вы его принимаете. Воры не любят оставлять за собою следы, да к тому же формальность с паспортами теперь не обязательна.

— Господин консул, — ответил агент, — если это человек умный, как и следует предполагать, он придет!

— Визировать свой паспорт?

— Да. Паспорта для того и устроены, чтобы мешать честным людям и помогать мошенникам. Я уверен, что его паспорт в порядке, но, надеюсь, вы откажете ему в визе...

— Но почему? Если паспорт в порядке, — ответил консул, — я не вправе отказать в визе.

— А между тем, господин консул, было бы очень хорошо задержать здесь этого человека, пока я не получу из Лондона ордер на его арест.

— Ну это, мистер Фикс, уж ваше дело, — ответил консул, — но я не могу...

Консул не успел закончить фразы. В дверь постучали, и клерк ввел в кабинет двух иностранцев, один из которых был тем самым слугой, что разговаривал с сыщиком.

Это действительно были господин и слуга...

Господин предъявил свой паспорт и немногословно попросил консула завизировать его.

Тот взял паспорт и стал внимательно изучать его, в то время как Фикс из угла кабинета рассматривал, или, вернее, пожирал, глазами незнакомца.

Кончив читать, консул спросил:

— Вы Филеас Фогг, эсквайр?

— Да, сударь, — ответил джентльмен.

— А этот человек ваш слуга?

— Да, француз, по имени Паспарту.

— Вы прибыли из Лондона?

— Да.

— И направляетесь?..

— В Бомбей.

— Прекрасно, сударь. Вам известно, что формальность с визой необязательна и мы не требуем больше предъявления паспорта?

— Я это знаю, сударь, — ответил Филеас Фогг, — но хочу на основании вашей визы засвидетельствовать свой проезд через Суэц.

— Извольте, сударь.

Консул поставил в паспорте свою подпись и дату, затем приложил печать. Мистер Фогг оплатил положенный сбор и, холодно раскланявшись, вышел в сопровождении слуги.

— Ну как? — спросил Фикс.

— Что ж, у него наружность вполне порядочного человека!

— Возможно, — ответил Фикс, — но не в этом дело. Не кажется ли вам, господин консул, что этот флегматичный джентльмен точь-в-точь походит на вора, приметы которого я получил?

— Согласен, но ведь вы знаете — приметы...

— Ну, в этом я разберусь. Мне кажется, что слуга не так непроницаем, как его господин, — ответил Фикс. — К тому же он француз и не сумеет удержаться, чтобы не поговорить. До свидания, господин консул.

Сказав это, агент вышел и пустился на поиски Паспарту.

Тем временем мистер Фогг, покинув здание консульства, направился на набережную. Там он отдал несколько приказаний своему слуге, затем сел в лодку, вернулся на «Монголию» и прошел к себе в каюту. Здесь он вынул записную книжку, в которой уже было записано следующее:

«Выехал из Лондона в среду, 2 октября, в 8 часов 45 минут вечера.

Прибыл в Париж в четверг, 3 октября, в 7 часов 20 минут утра.

Выехал из Парижа в четверг, 3 октября, в 8 часов 40 минут утра.

Прибыл через Мон-Сенис в Турин в пятницу, 4 октября, в 6 часов 35 минут утра.

Выехал из Турина в пятницу, в 7 часов 20 минут утра.

Прибыл в Бриндизи в субботу, 5 октября, в 4 часа дня.

Сел на «Монголию» в субботу, в 5 часов вечера.

Прибыл в Суэц в среду, 9 октября, в 11 часов утра. Всего израсходовано 158½ часов, или 6½ суток».

Мистер Фогг внес все эти даты в маршрут, разграфленный на колонки, в которых, начиная со 2 октября по 21 декабря, были вписаны название месяца, число и день недели предполагаемого прибытия и оставлено место для указания даты действительного прибытия во все главнейшие пункты: Париж, Бриндизи, Суэц, Бомбей, Калькутту, Сингапур, Гонконг, Иокогаму, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Ливерпуль, Лондон. Это позволяло вычислить выигрыш или потерю во времени на каждом участке пути.

Методически размеченный маршрут давал возможность мистеру Фоггу в любое время проверить, опаздывает ли он, или опережает расписание.

В этот день, в среду, 9 октября, он записал свое прибытие в Суэц, куда приехал точно по расписанию: до сих пор у него не было ни потери, ни выигрыша во времени.

Затем он приказал подать себе завтрак в каюту. Что касается осмотра города, то об этом он даже не подумал, ибо принадлежал к породе англичан, предоставляющих своим слугам осматривать страны, через которые они проезжают.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Паспарту говорит, пожалуй, несколько больше того, чем следовало

В скором времени Фикс нашел Паспарту, который прохаживался по набережной, глаза в свое удовольствие по сторонам и удивляясь всему виденному.

— Ну как, дружище, — спросил его Фикс, — ваше дело с паспортом улажено?

— Ах, это вы, сударь! — ответил француз. — Очень благодарен, у нас все в порядке.

— И теперь вы осматриваете местность?

— Да, но мы едем так быстро, что кажется, будто путешествуешь во сне. Значит, мы сейчас в Суэце?

— В Суэце.

— В Египте?

— В Египте, разумеется.

— То есть в Африке?

— В Африке.

— В Африке! — повторил Паспарту. — Вот ни за что бы не поверил. Вы только подумайте, я и не помышлял ехать дальше Парижа, этой знаменитой столицы, которую мне удалось на сей раз повидать только между семью часами двадцатью минутами и восемью часами сорока минутами утра — по пути с Северного вокзала на Лионский, — да и то сквозь мокрые от дождя стекла кареты! А жаль! Мне так бы хотелось еще раз побывать на кладбище Пер-Лашез и в цирке на Елисейских полях.

— Так, значит, вы сильно спешили? — спросил полицейский инспектор.

— Я-то нет. Это все мой господин. Кстати, мне нужно еще купить сорочки и носки! Ведь мы выехали без вещей, с одним лишь ручным саквояжем.

— Я могу вас проводить на базар, где вы найдете все, что нужно.

— Право, вы очень любезны, сударь, — ответил Паспарту.

Оба отправились в путь. Паспарту продолжал болтать.

— Только бы мне не опоздать на пароход! — беспокоился он.

— У вас еще много времени, — ответил Фикс, — сейчас только полдень.

Паспарту извлек свои громадные часы.

— Как полдень! — воскликнул он. — Сейчас только девять часов пятьдесят две минуты!

— Ваши часы отстают, — заметил Фикс.

— Мои часы! Наши фамильные часы, которые мне достались от прадедушки! Да они не ошибаются и на пять минут в год! Это настоящий хронометр!

— Я понимаю, в чем дело, — сказал Фикс. — У вас все еще лондонское время, а оно отстает от здешнего приблизительно на два часа. Вам следует в каждой стране переводить часы на местное время.

— Мне! Переводить часы! — воскликнул Паспарту. — Никогда!

— Но тогда они не будут соответствовать солнцу.

— Тем хуже для солнца! Значит, оно ошибается!

И честный малый с гордым видом опустил часы в карман.

Помолчав немного, Фикс снова спросил:

— Значит, вы покинули Лондон весьма поспешно?

— Еще бы! В прошлую среду мистер Фогг вопреки своим привычкам вернулся из клуба в восемь часов вечера, и три четверти часа спустя мы уже двинулись в путь.

— Куда же направляется ваш господин?

— Все вперед и вперед! Он едет вокруг света!

— Вокруг света? — вскричал Фикс.

— Да, в восемьдесят дней! Он говорит, что это — пари, но, между нами говоря, я не верю. Ведь это сущая бессмыслица! Здесь кроется что-то другое.

— Он, верно, оригинал, ваш мистер Фогг?

— Я тоже так думаю.

— И, вероятно, богат?

— Очевидно. Ведь мы везем с собой кругленькую сумму новехонькими банковыми билетами! В расходах не стесняемся. Судите сами! Он обещал славную премию механику «Монголии», если мы придем в Бомбей раньше срока.

— А вы давно знаете своего господина?

— Я-то? — переспросил Паспарту. — Да я поступил к нему в самый день отъезда.

Легко понять, какое впечатление произвели эти ответы на и без того уже возбужденное воображение инспектора полиции.

Этот поспешный отъезд из Лондона вскоре после кражи, крупная сумма, которую человек везет с собою,

стремление достичь отдаленных стран под предлогом необыкновенного пари — все это должно было утвердить и утверждало Фикса в его предположениях. Из дальнейшего разговора с французом он убедился, что слуга совершенно не знает своего господина, что тот жил в Лондоне уединенно и, как говорят, был богат, хотя источник его богатства никому не известен, что это человек непроницаемый и т. д. С другой стороны, Фикс убедился, что Филеас Фогг не высадился в Суэце и действительно направляется в Бомбей.

— Далеко отсюда Бомбей? — спросил Паспарту.

— Порядочно, — ответил агент. — Вам придется еще дней десять ехать морем.

— А где он, этот Бомбей?

— В Индии.

— В Азии?

— Конечно.

— Черт возьми! Знаете... меня мучит одна вещь... мой рожок!

— Какой рожок?

— Да газовый рожок, который я позабыл завернуть и который горит теперь за мой счет. Вот я подсчитал, что газу сгорает в сутки на два шиллинга, то есть как раз на шесть пенсов больше того, что я получаю в день. И если путешествие затянется, то, вы сами понимаете...

Понял ли Фикс все обстоятельства, связанные с газовым рожком? Вряд ли. Он больше не слушал, он обдумывал план. Француз и он пришли на базар. Фикс оставил своего спутника делать покупки, порекомендовав ему не опоздать к отплытию «Монголии», сам же поспешно вернулся в консульство.

Придя к определенному решению, Фикс вновь обрел все свое хладнокровие.

— Господин консул, — сказал он, — у меня больше нет сомнений. Молодчик у нас в руках. Он хочет сойти за чудака, который намерен объехать вокруг света в восемьдесят дней.

— В таком случае это ловкий пройдоха, — заметил консул, — он рассчитывает вернуться в Лондон, сбив с толку полицию двух континентов!

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил Фикс.

— Но не ошибаетесь ли вы? — переспросил консул.

— Нет, не ошибаюсь.

— Тогда зачем этот вор вздумал зарегистрировать свой проезд через Суэц?

— Зачем?.. Я и сам не знаю, — ответил сыщик, — но вот послушайте...

И в нескольких словах он передал консулу свой разговор со слугой пресловутого мистера Фогга.

— В самом деле, — заметил консул, — все говорит против этого человека. Что же вы собираетесь делать?

— Отправить депешу в Лондон, чтобы незамедлительно прислали ордер на его арест в Бомбей, а самому сесть на «Монголию» и следовать за вором до Индии; и там, на британской территории, вежливо подойти с ордером в руках и взять его за плечо.

Хладнокровно высказав все это, агент распрощался с консулом и отправился на телеграф. Отсюда он и послал начальнику полиции уже известную нам депешу.

Четверть часа спустя Фикс с легким чемоданом в руках, но с солидным запасом денег ступил на палубу «Монголии», и вскоре быстрый пакетбот уже несея по водам Красного моря.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Красное море и Индийский океан благоприятствуют планам мистера Филеаса Фогга

Расстояние между Суэцем и Аденом составляет ровно тысячу триста десять миль; по условиям договора с компанией пароходы должны проходить этот путь за сто тридцать восемь часов. «Монголия», котлы которой работали с полной нагрузкой, шла, рассчитывая прибыть в Аден раньше установленного срока.

Большинство пассажиров, севших в Бриндизи, ехало в Индию. Одни направлялись в Бомбей, другие — в Калькутту, но также через Бомбей, ибо с тех пор, как

железная дорога пересекала во всю ширину полуостров Индостан, не было больше необходимости огибать Цейлон.

Среди пассажиров «Монголии» находилось много гражданских чиновников и офицеров всех рангов. Одни из них служили в собственно британской армии, другие командовали туземными войсками сипаев; те и другие продолжали получать громадные оклады даже в описываемое время, когда права и обязанности Ост-Индской компании перешли к государству. Младшие лейтенанты получали 7 тысяч франков, бригадиры — 60 тысяч, генералы — 100 тысяч.

В общем, на борту «Монголии» жилось неплохо; к обществу чиновников присоединилось несколько обладателей миллионных состояний — молодых англичан, вздумавших вдали от родины основать новые торговые предприятия. Казначей, доверенное лицо компании, по должности занимавший положение, почти равное капитану, устроил все на славу. За утренним завтраком, за ленчем, за обедом и ужином столы ломились от мясных блюд и закусок, приготовляемых на судовой кухне. Пассажирки — их было несколько — по два раза в день меняли туалеты, слушали музыку и, когда позволяло море, даже танцевали.

Но Красное море, как все длинные и узкие заливы, было капризно и часто беспокойно. Когда ветер дул со стороны Азии или от берегов Африки, «Монголию», наминавшую длинное веретено, снабженное винтом, отчаянно качало. Тогда дамы укрывались в каютах, музыка замолкала, пение и танцы прекращались. Между тем, несмотря на качку, несмотря на шквал, пакетбот, движимый своей мощной машиной, не замедляя хода неся к Баб-эль-Мандебскому проливу.

Что же делал в это время Филеас Фогг? Быть может, взволнованный и беспокойный, он следил за сменой ветров, мешавших движению судна, или за бурными волнами, грозившими поломать машину, или, наконец, представлял себе всевозможные аварии, которые могли заставить «Монголию» зайти в какой-нибудь порт и нанести этим непоправимый ущерб его путешествию?

Ничуть не бывало! Во всяком случае, если этот джентльмен и помышлял о подобных неожиданностях, он никак этого не выказывал. Он неизменно оставался все тем же бесстрастным человеком, все тем же невозмутимым членом Реформ-клуба, которого не могли заставить врасплох никакие происшествия или несчастные случаи. Он казался не более возбужденным, чем судовой хронометр. Он редко показывался на палубе. Он мало интересовался Красным морем, столь прославленным событиями первых веков истории человечества. Он не выходил полюбоваться городами, разбросанными по берегам моря, живописные силуэты которых порою вырисовывались на горизонте. Он даже и не думал об опасностях этого Арабского залива, о котором историки древности — Страбон, Арриан, Артемидор, Эдриси — упоминают не иначе как с ужасом и в который мореплаватели отваживались некогда проникать, лишь обезопасив себя искупительными жертвоприношениями.

Что же делал этот оригинал во время своего пребывания на «Монголии»? Прежде всего он четыре раза на дню принимал пищу, причем ни боковая, ни килевая качка не могла помешать работе его организма — этой превосходно налаженной машины. Затем он играл в вист.

Да! Он нашел партнеров, таких же азартных, как и он сам. То были: сборщик податей, возвращавшийся к себе в Гоа, священник, преподобный Децимус Смит, направлявшийся в Бомбей, и бригадный генерал британской армии, спешивший к своему корпусу, расквартированному в Бенаресе. Три этих пассажира питали к висту такую же страсть, как и мистер Фогг, и, подобно ему, молчаливые и сосредоточенные, они проводили целые часы за картами.

Что касается Паспарту, то он ничуть не страдал от морской болезни. Он занимал отдельную каюту в носовой части судна и так же, как и его господин, питался на славу. Нельзя сказать, чтобы путешествие в подобных условиях ему не нравилось. Он начал находить вкус в этой жизни: «Хорошая пища, удобное помещение, новые страны!» К тому же он был совершенно уверен, что вся эта затея кончится в Бомбее.

На другой день после отплытия из Суэца, 10 октября утром, он не без удовольствия увидел на палубе того самого обходительного человека, к которому обратился на набережной по прибытии в Египет.

— Если я не ошибаюсь, — обратился к нему Паспарту с самой любезной улыбкой, — это вы, сударь, с такой готовностью служили мне гидом в Суэце?

— А ведь правда! — ответил сыщик. — Теперь и я вас узнал! Вы слуга того самого чудака-англичанина...

— Вот именно, мистер...

— Фикс.

— Мистер Фикс, рад вас встретить на корабле. Далеко едете?

— Так же, как и вы, — в Бомбей.

— Тем лучше! Скажите, вам уже случалось когда-нибудь проделывать этот путь?

— Несколько раз, — ответил Фикс. — Я агент компании «Пенинсюлер».

— В таком случае вы знаете Индию?

— Н-да... — процедил сыщик, который не хотел слишком много говорить.

— Что ж, любопытная страна эта Индия?

— Чрезвычайно любопытная! Мечети, минареты, храмы, факиры, пагоды, тигры, змеи, баядерки! Надо надеяться, у вас будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с этой страной?

— Надеюсь, мистер Фикс. Судите сами: не станет же человек в здравом уме всю жизнь перескакивать с парохода на поезд и с поезда на пароход под тем предлогом, что он совершает кругосветное путешествие в восемьдесят дней! Нет. Можете не сомневаться: вся эта сумасшедшая гонка окончится в Бомбее.

— А как себя чувствует мистер Фогг? — самым естественным тоном спросил Фикс.

— Великолепно. Как и я, впрочем. Ем, как проголодавшийся людоед. Вот что значит морской воздух!

— Я что-то ни разу не видел вашего господина на палубе.

— Он никогда не выходит. Он не любознателен.

— А не кажется ли вам, господин Паспарту, что за этим пресловутым кругосветным путешествием скры-

вається какое-нибудь секретное поручение... ну, скажем, дипломатическое?

— Право же, мистер Фикс, я ничего об этом не знаю и, откровенно говоря, не дал бы и полкроны, чтобы узнать.

После этой встречи Паспарту и Фикс часто беседовали друг с другом. Полицейский инспектор всячески стремился сблизиться со слугою мистера Фогга. Это могло ему при случае пригодиться. Поэтому он нередко приглашал Паспарту в бар «Монголии» и угощал его там стаканчиком виски или кружкой эля; наш приятель принимал это без всякой церемонии и, не желая оставаться в долгу, в свою очередь угощал мистера Фикса, которого находил весьма симпатичным джентльменом.

Между тем пакетбот быстро двигался вперед. 13 октября уже показались окрестности города Мока, окруженного полуразвалившимися стенами, над которыми возвышались зеленеющие финиковые пальмы. А вдалеке, на склонах гор, раскинулись обширные плантации кофейных деревьев. Паспарту с восхищением разглядывал этот знаменитый город: он находил, что кольцо полуразрушенных стен и развалины башни делали его похожим на огромную кофейную чашку.

Следующей ночью «Монголия» пересекла Баб-эль-Мандебский пролив, что по-арабски значит «Врата слез»; а на другой день, четырнадцатого, судно остановилось в гавани Стимер-Пойнт, в северо-западной части Аденского рейда. Здесь пароход должен был вновь пополнить запасы топлива. Обеспечение топливом паровых котлов в местах, отдаленных от его добычи, — важная и сложная задача. Одна лишь компания «Пенинсюлер» ежегодно расходует на эти цели восемьсот тысяч фунтов стерлингов (двадцать миллионов франков). Для этого приходится устраивать специальные склады в различных далеких портах; и цена угля возрастает до восьмидесяти франков за тонну.

«Монголии» предстояло пройти до Бомбея еще тысячу шестьсот пятьдесят миль, и, чтобы набить свои бункеры, ей надо было задержаться на четыре часа в Стимер-Пойнте.

Но эта задержка ни в коей мере не могла отразиться на планах Филеаса Фогга. Она была предусмотрена. К тому же вместо утра 15 октября «Монголия» прибыла в Аден 14-го вечером. Следовательно, уже имелся выигрыш в пятнадцать часов.

Мистер Фогг и его слуга сошли на берег. Джентльмен отправился визировать свой паспорт. Фикс незаметно последовал за ним. Когда формальность с визой была выполнена, Филеас Фогг вернулся на корабль, чтобы продолжить прерванную партию в вист.

Паспарту, по обыкновению, разгуливал среди толпы сомалийцев, банианов, парсов, евреев, арабов и европейцев, из которых состояло двадцатипяти тысячное население Адена. Он любовался укреплениями, превращающими этот город в Гибралтар Индийского океана; осматривал великолепные водоемы, которые обслуживаются английскими инженерами две тысячи лет спустя после инженеров царя Соломона.

«Любопытно, любопытно! — думал Паспарту, возвращаясь на пароход. — Я теперь вижу, что путешествие — вещь бесполезная, если хочешь увидеть что-нибудь новенькое».

В шесть часов вечера «Монголия», рассекая лопастями винта волны Аденского рейда, вышла в Индийский океан. Ей полагалось за сто шестьдесят восемь часов покрыть расстояние между Аденом и Бомбеем. Впрочем, Индийский океан ей благоприятствовал. Дул все время северо-западный ветер. Паруса пришли на помощь пару.

Приобретя большую устойчивость, судно меньше подвергалось качке. Дамы в свежих туалетах вновь показались на палубе. Опять послышалось пение, начались танцы.

Словом, путешествие проходило в превосходных условиях. Паспарту был в восхищении от любезного попутчика, которого в лице Фикса послал ему случай.

К полудню в воскресенье, 20 октября, показался индийский берег. Два часа спустя на палубу «Монголии» поднялся лоцман. На горизонте, на фоне неба, вырисовывались мягкие очертания далеких холмов. Затем явственнее выступили ряды пальм, в которых утопал

город. Пакетбот вошел на рейд, образованный островами Солсетт, Колаба, Элефанта, Батчер, и в половине пятого причалил к набережной Бомбея.

Филеас Фогг заканчивал в эту минуту свой тридцать третий робер, во время которого ему и его партнеру благодаря смелому маневру удалось взять тринадцать взяток и закончить это прекрасное путешествие «большим шлемом».

«Монголия» должна была прийти в Бомбей только 22 октября. В действительности она пришла 20. Следовательно, начиная с момента отъезда из Лондона, накопился выигрыш в два дня, который Филеас Фогг методически записал в свой маршрут, в графу прибылей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой Паспарту весьма счастлив, что отделался
потерей одной только обуви*

Всем известно, что Индия — этот огромный треугольник, вершина которого обращена на юг, а основание на север, — обладает территорией в один миллион четыреста тысяч квадратных миль, неравномерно заселенной ста восемьюдесятью миллионами жителей. Британское правительство в ту пору фактически владело только частью этой громадной страны. Его представляли генерал-губернатор в Калькутте, губернаторы в Мадрасе, Бомбее, Бенгалии и вице-губернатор в Агре.

Но собственно Британская Индия занимала тогда площадь лишь в семьсот тысяч квадратных миль с населением в сто или сто десять миллионов человек. Значительная часть территории Индии еще не была подчинена власти английской королевы; в некоторых отдаленных округах дикие и жестокие раджи еще пользовались полной независимостью.

Начиная с 1756 года, когда первое английское поселение было основано на том месте, где ныне расположен город Мадрас, и до того времени, когда разрази-

лось грандиозное восстание сипаев, знаменитая Ост-Индская компания была в этой стране всемогущей. Мало-помалу она прибирала к рукам различные провинции, покупая их у раджей на условиях ежегодной ренты, которую выплачивала плохо или вовсе не выплачивала. Она сама назначала генерал-губернатора и всех военных и гражданских чиновников; но в настоящее время компании больше не существует, и все английские владения в Индии подчинены непосредственно власти английской короны.

Внешний вид, нравы, этнографические различия полуострова видоизменяются с каждым днем. В прежние времена путешествие по полуострову совершалось с помощью самых древних способов передвижения: пешком, верхом, в тележке, тачке, паланкине, карете, на спине человека и т. д. Теперь же пароходы с большой скоростью пробегают по Инду и Гангу, и железная дорога, пересекающая весь полуостров Индостан и разветвляющаяся в разных направлениях, соединяет Бомбей с Калькуттой: расстояние между ними поезд покрывает за три дня.

Железнодорожная магистраль, пересекающая Индию, не представляет собою прямой линии. От Бомбея до Калькутты — около тысячи ста миль, и поезд, обладающий средней скоростью, прошел бы это расстояние быстрее, чем в три дня; но на деле это расстояние увеличивается по крайней мере на целую треть вследствие тех отклонений, которые делает железнодорожный путь, подымаясь на север к Аллахабаду.

Вот наиболее значительные пункты Великой индийской железной дороги: покидая остров Бомбей, она проходит через Солсетт, перебрасывается на материк напротив Тхана, пересекает горный хребет Западных Гхат, поворачивает на северо-восток до Бурханпура, проходит по территории полунезависимого княжества Бундельханд, затем поднимается на север до Аллахабада, отклоняясь к востоку, встречается с Гангом у Бенареса, слегка отходит от течения реки, спускается на юго-восток к Бурдвану и французскому городу Шандернагору и заканчивается у Калькутты.

В половине пятого пассажиры «Монголии» высадились в Бомбее; поезд на Калькутту отходил ровно в восемь часов вечера.

Распрощавшись со своими партнерами, мистер Фогг покинул пакетбот и дал своему слуге подробные распоряжения относительно некоторых покупок, не преминув предупредить его, чтобы он непременно был на вокзале до восьми часов, а сам размеренным шагом, отбивавшим секунды, словно маятник астрономических часов, направился в паспортное бюро.

Что касается достопримечательностей Бомбея — ратуши, прекрасной библиотеки, фортов, доков, хлопкового рынка, базара, мечетей, синагог, армянских церквей, великолепной пагоды Малабар-Хилл, украшенной двумя многоугольными башнями, — то он и не подумал их осмотреть. Не взглянул он ни на чудесные образцы архитектуры в Элефанте, ни на таинственные подземелья в юго-восточной части гавани, ни на пещеры Канхэри на острове Солсетт — эти замечательные останки буддийского зодчества.

Нет, он ничем не интересовался! Выйдя из паспортного бюро, Филеас Фогг спокойно прошел на вокзал и заказал обед. Среди прочих блюд метрдотель счел нужным порекомендовать посетителю превосходное, как он выразился, фрикассе из «местного кролика».

Филеас Фогг последовал совету и добросовестно отведал этого блюда; несмотря на пряный соус, оно показалось ему отвратительным.

Он звонком подозвал метрдотеля.

— Сударь, — сказал он, устремив на него пристальный взгляд, — по-вашему, это кролик?

— Да, милорд, — нагло ответил плут, — это кролик джунглей.

— А этот кролик не мяукал, когда его убивали?

— Мяукал! Что вы, милорд! Кролик! Клянусь вам...

— Не клянитесь, — холодно заметил мистер Фогг, — лучше вспомните о тех временах, когда кошки в Индии считались священными животными. Хорошие тогда были времена!

— Для кошек, милорд?

— Пожалуй, и для путешественников.

Сделав это замечание, мистер Фогг продолжал спокойно обедать.

Сыщик Фикс сошел с «Монголии» следом за мистром Фоггом и поспешил к директору бомбейской полиции. Он предъявил свои документы и рассказал о возложенной на него обязанности, а также о том, что он обнаружил предполагаемого вора. Не получен ли из Лондона ордер на арест?.. Нет, ничего не получено. Впрочем, ордер, отправленный после отъезда Фогга, и не мог еще прибыть в Бомбей.

Фикс был сильно смущен. Он попытался добиться ордера на арест мистера Фогга от начальника бомбейской полиции. Тот отказал. Дело касалось лондонской полиции, и только она одна могла выдать законное предписание на арест. Подобное строгое соблюдение законности прекрасно объясняется нравами самих англичан, которые весьма щепетильны в вопросах неприкосновенности человеческой личности и не допускают никаких посягательств на нее.

Фикс больше не настаивал: он понял, что должен покориться и ждать ордера. Но он решил не терять из виду этого непроницаемого мошенника во время его пребывания в Бомбее. Он не сомневался, что Филеас Фогг здесь задержится, — таково же было, как мы знаем, и мнение Паспарту, — а за это время ордер успеет прибыть.

Выслушав приказания, полученные от своего господина при высадке с «Монголии», Паспарту понял, что в Бомбее произойдет то же самое, что в Суэце и в Париже, что путешествие здесь не закончится, а продолжится по крайней мере до Калькутты, а может быть, и еще дальше. И он спросил себя: «А что, если мистер Фогг держит пари не на шутку и ему, Паспарту, который мечтал о спокойной жизни, в самом деле суждено объехать вокруг света в восемьдесят дней?!» Купив сорочки и несколько пар носков, Паспарту тем временем прогуливался по улицам Бомбея. Улицы были полны народа, наряду с европейцами всех национальностей попадались персы в остроконечных колпаках, банианы в круглых тюрбанах, сикхи в четырехугольных колпаках, армяне в долгополых халатах, парсы в высоких

черных шапках. В тот день был праздник парсов, или гебров, которые считают себя прямыми потомками последователей Заратустры; это самые предприимчивые, самые цивилизованные, самые умные, самые суровые жители Индии; к их числу принадлежат ныне наиболее богатые негоцианты — уроженцы Бомбея. Праздник этот представлял собою нечто вроде религиозного карнавала или шествия, сопровождавшегося различными зрелищами; в нем участвовали баядерки, закутанные в розовый газ, расшитый золотыми и серебряными узорами; они с большим искусством и при этом вполне благопристойно танцевали под звуки скрипок и барабанов.

Нечего и говорить, что Паспарту смотрел на все эти любопытные церемонии, широко раскрыв глаза, словно малый ребенок. Все это было для него удивительно; все поражало его слух и зрение.

К несчастью для него и для его господина, любопытство завлекло Паспарту дальше, чем следовало; и это могло помешать Филеасу Фоггу продолжить его путешествие.

Насмотревшись вдоволь на шествие парсов, Паспарту направился к вокзалу; на пути ему встретилась чудесная пагода Малабар-Хилл, и ему пришла в голову несчастная мысль осмотреть ее изнутри.

Он не знал двух вещей: что, во-первых, вход в некоторые индуские пагоды христианам категорически запрещен и, во-вторых, что сами правоверные могут входить туда, лишь оставив свою обувь у порога. Здесь уместно заметить, что из чисто политических соображений английское правительство заставляет уважать вплоть до мельчайших особенностей верования индусов и сурово наказывает всякого, кто оскорбляет их религиозные чувства.

Паспарту вошел в пагоду, не помышляя, что совершает преступление: просто он, как турист, хотел полюбоваться внутренней отделкой Малабар-Хилла, ослепительными украшениями храма, выполненными в стиле браминской архитектуры. И вдруг он был повержен на священные плиты пола. Три жреца с горящими яростью глазами набросились на Паспарту, повалили и,

сорвав с него ботинки и носки, принялись колотить его, испуская дикие вопли.

Сильный и ловкий француз мгновенно вскочил. Ударом кулака и пинком ноги он сшиб с ног двух противников, запутавшихся в своих длинных одеяниях, стремительно выбежал из пагоды и вскоре оставил позади третьего преследователя, который гнался за ним, натавливая на него толпу.

Без пяти восемь, всего лишь за несколько минут до отхода поезда, с непокрытой головой, босиком и без покупок, которые он растерял в свалке, Паспарту прибежал на вокзал.

Фикс был уже там, на перроне. Проследив мистера Фогга до вокзала, он понял, что этот мошенник собирается покинуть Бомбей. Фикс тотчас же решил сопровождать его до Калькутты и, если понадобится, дальше. Паспарту не видел Фикса, державшегося в тени, но тот слышал, как француз коротко рассказал мистеру Фоггу о своих приключениях.

— Надеюсь, с вами этого больше не случится, — спокойно заметил Филеас Фогг, занимая место в одном из вагонов поезда.

Бедный малый в полном смущении, босой, молча поплелся за своим господином.

Фикс уже собирался войти в соседний вагон, как вдруг его осенила новая мысль.

— Нет! — сказал он себе. — Я останусь здесь... Преступление совершено на индийской территории... Молодчик теперь в моих руках!

В это мгновение паровоз пронзительно засвистел, и поезд исчез в темноте ночи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой Филеас Фогг покупает за баснословную
цену животное для верховой езды*

Поезд отошел точно в назначенный час. Среди его пассажиров было несколько офицеров, гражданских чиновников и торговцев опиумом и индиго, которых дела призывали в восточную часть страны.

Паспарту ехал в одном купе со своим господином. Против них поместился третий пассажир.

Это был бригадный генерал, сэр Фрэнсис Кромарти, один из партнеров мистера Фогга во время переезда из Суэца в Бомбей; теперь он направлялся к своим войсковым частям, расположенным в окрестностях Бенареса.

Сэр Фрэнсис Кромарти, высокий блондин лет пятидесяти, весьма отличившийся во время последнего восстания сипаев, с полным основанием мог считаться местным жителем. Он с юных лет жил в Индии, лишь изредка посещая родные места. Человек образованный, он охотно рассказал бы много интересного об обычаях, истории и государственном устройстве Индии, если бы Филеас Фогг был человеком, которого такие вещи интересуют. Но наш джентльмен ни о чем не расспрашивал. Филеас Фогг не путешествовал — он описывал окружность. То было весомое тело, пробежавшее по орбите вокруг земного шара, следуя законам точной механики. В эту минуту мистер Фогг как раз подсчитывал в уме количество часов, протекших со времени его отъезда из Лондона, и, несомненно, стал бы потирать от удовольствия руки, если бы подобное бесполезное движение было свойственно его натуре.

Сэр Фрэнсис Кромарти уже разглядел в своем попутчике оригинала, хотя и наблюдал его лишь за картами и в перерыве между двумя роберами. Он спрашивал себя, доступны ли душе Филеаса Фогга красоты природы и высокие чувства, есть ли у него душевные устремления и бьется ли человеческое сердце под этой холодной оболочкой? Для него все это еще оставалось неясным. Ни один из оригиналов, которых бригадный генерал встречал в своей жизни, не походил на мистера Фогга — это порождение точных наук!

Филеас Фогг не скрывал от сэра Фрэнсиса Кромарти ни цели своего кругосветного путешествия, ни условий, которыми оно было обставлено. Бригадный генерал видел в этом пари лишь голое чудачество, без всякой благой и полезной цели, которой разумный человек должен руководствоваться во всех своих начинаниях. Затея этого странного джентльмена, очевидно, не могла принести никакой пользы ни ему, ни ближним.

Через час после отъезда из Бомбея поезд, пройдя по мосту, пересек остров Солсетт и вступил на материк. Миновав станцию Кальян, он оставил вправо железнодорожную ветку, которая через Кандаллах и Пуну ведет на юго-восток Индии, и вскоре достиг станции Пауэлл. Миновав этот пункт, он углубился в район Западных Гхат — сильно разветвленного горного хребта с базальтовыми основаниями; наиболее высокие вершины этих гор покрыты густым лесом.

Время от времени сэр Фрэнсис Кромарти и Филеас Фогг обменивались словами; возобновляя то и дело прерывавшуюся беседу, бригадный генерал сказал:

— А несколько лет назад вам, мистер Фогг, в этом месте пришлось бы, вероятно, задержаться, и это нарушило бы ваш маршрут.

— Почему, сэр Фрэнсис?

— Потому что железная дорога останавливалась у подошвы этих гор и далее приходилось продолжать путь в паланкине или верхом до станции Кандаллах, расположенной на противоположном склоне.

— Подобная задержка несколько не нарушила бы моих планов, — ответил мистер Фогг. — Я предвидел возможность некоторых препятствий.

— Кстати, мистер Фогг, — заметил бригадный генерал, — вы рисковали попасть в очень скверную историю из-за походов этого молодца.

Паспарту, закутав ноги в дорожное одеяло, крепко спал, не подозревая, что разговор идет о нем.

— Английское правительство чрезвычайно сурово и с полным основанием карает подобные правонарушения, оскорбляющие религиозные верования индусов, — продолжал генерал, — и если бы вашего слугу поймали...

— Что ж, если бы его поймали, сэр Фрэнсис, — ответил мистер Фогг, — его подвергли бы наказанию, по отбытии которого он спокойно бы вернулся на родину. Так что я не вижу, каким образом это могло бы меня задержать!

На этом беседа прекратилась. За ночь поезд пересек хребет Западных Гхат, прибыл в Насик и утром 21 октября достиг относительно ровной местности в области Кхандейш. Среди хорошо обработанных полей

виднелись небольшие селения, где минареты пагод заменяли колокольни европейских церквей. Многочисленные речки и ручьи — притоки или притоки притоков Годавери — орошали эту плодородную местность.

Паспарту, проснувшись, смотрел в окно и не мог поверить, что он пересекает Индию в поезде Великой индийской полуостровной железной дороги. Это казалось ему неправдоподобным; а между тем это было именно так! Управляемый английским машинистом паровоз, в топках которого пылал английский уголь, извергал облака дыма на лежавшие по обеим сторонам дороги плантации кофе, хлопка, мускатного ореха, гвоздичного дерева, красного перца. Струи пара спиралью обвивались вокруг пальм, между которыми вырисовывались живописные бунгало, «виари» — заброшенные монастыри — и чудесные храмы, искусно украшенные прихотливым орнаментом, характерным для индийской архитектуры. Дальше до самого горизонта раскинулись громадные пространства джунглей, где водилось множество змей и тигров, пугавшихся грохота поезда, и, наконец, виднелись леса, вырубленные по обеим сторонам железной дороги; там еще водились слоны, которые задумчивым взором провожали бешено мчавшийся состав.

Утром, оставив в стороне станцию Малеганом, путешественники миновали эту зловещую местность, которую так часто обгащают кровью поклонники богини Кали. Неподалеку вставала Элора со своими замечательными пагодами; она расположена вблизи знаменитого Аурангабада, некогда столицы свирепого Ауранг-Зеба; теперь это — просто главный город одной из провинций, отрезанных от королевства Низам. Этой областью некогда управлял Ферингза — вождь тугов, король «душителю». Убийцы, объединенные им в неувловимые братства, душили в честь богини Смерти людей всех возрастов, не проливая при этом ни капли крови; было время, когда, копнув землю в любом месте, вы рисковали наткнуться на труп задушенного. Британскому правительству удалось в значительной степени положить конец этим убийствам, но ужасное сообщество тугов все же действует и поныне.

В половине первого дня поезд остановился на станции Бурханпур, где Паспарту сумел за огромные деньги раздобыть пару туземных туфель, расшитых фальшивым жемчугом, которые он надел с нескрываемым удовольствием.

Путешественники, наскоро позавтракав, двинулись дальше — к станции Ассургур; путь некоторое время шел берегом реки Тапти, впадающей в Камбейский залив близ Сурата.

Здесь будет уместно упомянуть о тех мыслях, которые бродили в голове Паспарту. До приезда в Бомбей он думал, и мог так думать, что именно в Бомбее вся эта затея и закончится. Но теперь, когда поезд на всех парах пересекал Индию, в сознании нашего молодца произошел переворот. Любовь к приключениям вновь проснулась в нем. В нем воскресла былая склонность к фантазированию; он теперь всерьез принимал планы своего господина, поверил и в реальность кругосветного путешествия и в то, что назначенный срок должен быть соблюден. Его уже беспокоила возможность опоздания, несчастных случаев, которые могут произойти в пути. Он почувствовал и себя заинтересованным в этом пари и дрожал при мысли, что накануне чуть было не испортил все дело своим непростительным ротозейством. Менее флегматичный, чем мистер Фогг, он был более склонен к тревоге. Он считал и пересчитывал истекшие дни, проклинал остановки поезда, обвинял его в медлительности и про себя осуждал мистера Фогга за то, что тот не пообещал премии машинисту. Наш славный малый не понимал того, что поезд — не пакетбот и скорость его строго регламентирована расписанием.

К вечеру они углубились в ущелья Сатпурских гор, разделяющих области Кхандейш и Бундельханд.

Утром 22 октября на вопрос сэра Фрэнсиса Кромarti: «Который час?» — Паспарту, поглядев на свои часы, ответил: «Три часа ночи». В действительности же эти замечательные часы, поставленные по Гринвичскому меридиану, который проходит приблизительно на семьдесят семь градусов западнее, должны были отставать — и отставали — на четыре часа.

Сэр Фрэнсис Кромарти, поставив свои часы по местному времени, сделал Паспарту такое же замечание, как и Фикс. Он постарался объяснить ему, что часы надо переводить с каждым новым меридианом и что, двигаясь все время на восток, то есть навстречу солнцу, после каждого пройденного градуса дни становятся на четыре минуты короче. Но все было бесполезно. Понял или нет упрямый малый рассуждения бригадного генерала — неизвестно, но, во всяком случае, он не перевел своих часов, и они попрежнему продолжали показывать лондонское время. Впрочем, то была лишь невинная причуда, которая не могла никому повредить.

В восемь часов утра поезд остановился в пятнадцати милях от станции Роталь, посреди широкой поляны, окруженной несколькими бунгало и хижинами рабочих. Кондуктор прошел вдоль вагонов, повторяя: «Пассажиры, выходите! Пассажиры, выходите!..»

Филеас Фогг посмотрел на Фрэнсиса Кромарти, который, казалось, не понимал, чем объясняется неожиданная остановка на опушке леса, среди тамариндовых деревьев и финиковых пальм.

Паспарту, не менее удивленный, выскочил из вагона, но тотчас же вернулся, крича:

— Железная дорога кончилась, сударь!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти.

— Я хочу сказать, что поезд дальше не пойдет.

Бригадный генерал тотчас же вышел из вагона. Филеас Фогг не спеша последовал за ним. Оба направились к кондуктору.

— Где мы находимся? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти.

— В поселке Кольби, — ответил кондуктор.

— Мы здесь останавливаемся?

— Разумеется. Железная дорога не достроена...

— Как? Не достроена?!

— Нет! Остается еще проложить отрезок пути миль в пятьдесят до Аллахабада, откуда линия продолжается дальше.

— Но ведь газеты объявили, что дорога полностью открыта!

— Что делать, господин генерал, газеты ошиблись.

— А вы продаете билеты от Бомбея до Калькутты! — продолжал сэр Фрэнсис Кромарти, который начал горячиться.

— Верно, — ответил кондуктор, — но пассажиры знают, что от Кольби до Аллахабада им надо добираться собственными средствами.

Сэр Фрэнсис Кромарти был взбешен. Паспарту охотно уложил бы на месте ни в чем не повинного кондуктора. Он не решался взглянуть на своего господина.

— Сэр Фрэнсис, — спокойно сказал мистер Фогг, — если вам угодно, мы поищем какой-нибудь способ добраться до Аллахабада.

— Мистер Фогг, эта задержка разрушает ваши планы?

— Нет, сэр Фрэнсис, она предусмотрена.

— Как! Вы знали, что дорога...

— Отнюдь нет. Но я знал, что какое-нибудь препятствие рано или поздно встретится на моем пути. Ничего не потеряно. У меня в запасе два дня. Пароход из Калькутты в Гонконг уходит двадцать пятого в полдень. Сегодня только двадцать второе. Мы будем в Калькутте вовремя.

Что можно было возразить, выслушав столь уверенный ответ?

Работы по сооружению железной дороги действительно были прерваны в этом месте. Газеты, подобно часам, которые спешат, преждевременно сообщили об открытии линии. Большинство пассажиров знало об этом перерыве в железнодорожном пути. Сойдя с поезда, они быстро завладели всеми средствами передвижения, какими только располагал поселок. Четырехколесные телеги — пальки-гари, тележки, запряженные зебу (местная порода быков), дорожные повозки, похожие на передвижные пагоды, паланкины, пони — все было разобрано. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти, обыскав весь поселок, вернулись ни с чем.

— Я пойду пешком, — сказал Филеас Фогг.

Паспарту, который в это время подошел к мистеру Фоггу, состроил выразительную гримасу, посмотрев на свои великолепные, но мало пригодные для ходьбы туфли. К счастью, он также ходил на разведку, и теперь, несколько замявшись, объявил о своем открытии:

— Сударь, я, кажется, нашел средство передвижения.

— Какое?

— Слона! У индуса, который живет шагах в ста отсюда, есть слон.

— Ну что ж, пойдем посмотрим слона, — ответил мистер Фогг.

Пять минут спустя Филеас Фогг, сэр Фрэнсис Кромarti и Паспарту подошли к хижине, рядом с которой имелся загон, огороженный высоким частоколом. В хижине жил индус, в загоне — слон. По их просьбе индус ввел мистера Фогга и обоих его спутников в загон.

Там они увидели почти ручное животное, которое хозяин тренировал как боевого слона, а не как вьючное животное. С этой целью он старался изменить мягкий от природы характер слона и довести его до состояния бешенства, называемого по-индийски «муч». Это достигается тем, что в продолжение трех месяцев слона кормят сахаром и маслом. Такой режим, казалось бы, не может дать ожидаемого результата, но тем не менее он с успехом применяется дрессировщиками слонов. К счастью для мистера Фогга, слона лишь недавно начали подвергать подобной диете, и «муч» не давал еще себя чувствовать.

Киуни, так звали слона, как и все его сородичи, обладал способностью быстро и долго ходить; за неимением другого верхового животного Филеас Фогг решил воспользоваться слоном.

Но слоны в Индии дороги, ибо их с каждым годом становится все меньше. Самцы, которые одни только годны для цирковых состязаний, считаются большой редкостью. Эти животные, будучи в неволе, далеко не всегда дают потомство, так что их можно раздобыть только охотой. Поэтому слонов в Индии тщательно оберегают, и когда мистер Фогг попросил

индуса уступить ему напрокат слона, тот наотрез отказался.

Фогг настаивал и предложил необычайную цену: десять фунтов стерлингов в час. Отказ. Двадцать фунтов? Опять отказ! Сорок фунтов? Снова отказ! Паспарту подпрыгивал при каждой надбавке, но индус не сдавался.

Цена была очень хорошей. Если считать, что слон потратит пятнадцать часов, чтобы дойти до Аллахабада, то он принесет своему хозяину сумму в шестьсот фунтов стерлингов.

Филеас Фогг, нисколько не горячась, предложил индусу продать слона и назвал для начала сумму в тысячу фунтов.

Индус не хотел продавать! Вероятно, плут предвкушал хорошую наживу.

Сэр Фрэнсис Кромарти отозвал мистера Фогга в сторону и посоветовал ему хорошенько подумать, прежде чем набавлять цену. Филеас Фогг ответил своему спутнику, что не имеет привычки действовать необдуманно, что в конечном счете дело идет о пари в двадцать тысяч фунтов, что слон ему необходим и что он приобретет его, даже если ему придется заплатить в двадцать раз больше, чем тот стоит.

Мистер Фогг вернулся к индусу, чьи маленькие, горевшие жадностью глаза ясно показывали, что дело только в цене. Филеас Фогг предложил ему тысячу двести фунтов, затем полторы тысячи, потом тысячу восемьсот, наконец две тысячи. Паспарту, обычно такой румяный, был бледен от волнения.

На двух тысячах индус сдался.

— Клянусь моими туфлями, — вскричал Паспарту, — это не плохая цена за слоновье мясо!

Сделка была заключена, оставалось найти проводника. Это уже было легче. Молодой парс с умным лицом предложил свои услуги. Мистер Фогг согласился, пообещав ему такое вознаграждение, которое могло лишь удвоить его усердие.

Слона вывели и тотчас же оседлали. Парс в совершенстве знал ремесло «махута», или корнака. Он

покрыл спину слона чем-то вроде попоны и привесил с каждого бока по довольно-таки неудобной корзине.

Филеас Фогг заплатил индусу банковыми билетами, извлеченными из недр знаменитого дорожного саквояжа. Паспарту показалось, что каждая бумажка вынута у него из нутра. Затем мистер Фогг предложил сэру Фрэнсису Кромарти доставить его на станцию Аллахабад. Бригадный генерал согласился. Лишний пассажир не мог утомить гигантское животное.

Продовольствие было закуплено в Кольби. Сэр Фрэнсис Кромарти занял место в одной корзине, Филеас Фогг — в другой. Паспарту уселся на спину животного, между своим господином и бригадным генералом, парс взобрался слону на шею, и в девять часов животное вышло из поселка, направляясь в Аллахабад по кратчайшей дороге — через густой пальмовый лес.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*где рассказывается о том, как Филеас Фогг и его
спутники углубились в чащу индийских лесов, и о
том, что из этого вышло*

Чтобы сократить путь, проводник оставил в стороне железнодорожную линию, на которой шли последние строительные работы. Направление железнодорожной линии, очень извилистой вследствие капризных разветвлений гор Виндхья, не являлось кратчайшим и было невыгодно Филеасу Фоггу. Парс, хорошо знакомый со всеми дорогами и тропинками этой местности, повез путешественников напрямик через лес, чтобы таким образом сократить дорогу миль на двадцать.

Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти, запрятанные в свои корзины по самую шею, жестоко страдали от тряской рыси слона, которого беспрестанно погонял его махут. Но они переносили свое положение с чисто британским хладнокровием и, едва видя друг друга, лишь изредка перекидывались словами.

Паспарту сидел на спине животного и первый принимал на себя все толчки; помня наставления своего господина, он старался держать язык за зубами из боязни откусить его. То взлетая на шею слона, то скатываясь на круп, честный малый проделывал, подобно клоуну на трамплине, сложные упражнения. Но, несмотря на эти неистовые прыжки, он болтал, смеялся и время от времени вытаскивал из сумки кусок сахару и протягивал его умному Киуни, который брал угощение кончиком хобота, ни на минуту не замедляя своей размеренной рыси.

После двух часов пути проводник остановил слона и дал ему часовой отдых. Животное поело веток и молодых побегов и утолило жажду из находившегося вблизи болота. Сэр Фрэнсис Кромарти не жаловался на остановку. Он чувствовал себя разбитым. Зато мистер Фогг выглядел таким свежим, словно только что встал с постели.

— Вы что, железный, что ли? — с восхищением спросил бригадный генерал.

— Из кованого железа! — ответил Паспарту, который занимался приготовлением незатейливого завтрака.

В полдень проводник подал знак к отъезду. Местность становилась все более дикой. Высокие пальмовые деревья сменились зарослями тамаринда и карликовых пальм; затем путники выехали на широкую долину, покрытую чахлым кустарником и усеянную крупными глыбами камня. Вся эта часть горного Бундельханда, редко посещаемая путешественниками, заселена племенами фанатиков, принадлежащих к одной из самых жестоких сект индусской религии. Господство англичан еще не упрочилось в этой области, находящейся под властью радж, куда трудно проникнуть ввиду малой доступности гор Виндхья.

Несколько раз путешественники встречали свирепые толпы индусов, которые гневными жестами провожали быстроногое животное. Парс, насколько это было возможно, стремился избегать подобных встреч, справедливо считая их опасными. Путешественники почти не видели никаких животных: за весь день им попалось лишь несколько обезьян, которые немедленно

устремлялись в бегство и своими ужимками и гримасами сильно забавляли Паспарту.

Одна мысль среди множества прочих особенно занимала нашего молодца. Что сделает мистер Фогг со слонем, когда они приедут в Аллахабад? Возьмет его с собою? Невозможно! Транспортные расходы, прибавленные к стоимости слона, сделали бы эту покупку совершенно разорительной. Может быть, он его продаст? Или отпустит на волю? Благородное животное вполне заслуживало подобной счастливой участи. А вдруг мистер Фогг возьмет да и подарит слона ему, Паспарту? Тогда он окажется в большом затруднении. Эта мысль не давала Паспарту покоя.

В восемь часов вечера главная горная цепь Виндхья осталась позади, и путешественники сделали привал в развалившемся бунгало у подошвы северного склона хребта.

За день было пройдено около двадцати пяти миль, до станции Аллахабад оставалось столько же.

Ночь была холодная. Внутри бунгало парс развел костер из сухих веток, наполнивший помещение приятной теплотой. Ужин приготовили из провизии, закупленной в Кольби. Изнуренные и разбитые путешественники с жадностью принялись за еду. Беседа, начавшаяся несколькими отрывистыми фразами, вскоре сменилась звонким храпом. Проводник бодрствовал около Киуни, который спал стоя, опершись о ствол могучего дерева.

Ночь прошла спокойно. Лишь рев гепардов и пантер да пронзительный хохот обезьян время от времени нарушали тишину. Но хищники ограничивались рычаньем и не предпринимали никаких враждебных действий против обитателей бунгало. Сэр Фрэнсис Кромарти спал крепко, как солдат после утомительного перехода. Паспарту в беспокойном сне повторял курбеты, сделанные им за день. Что же касается мистера Фогга, то он спал так же мирно, как в своем тихом доме на Сэвиль-роу.

В шесть часов утра путники снова двинулись в путь. Проводник надеялся к вечеру достигнуть станции Аллахабад. Таким образом мистер Фогг терял только часть

тех сорока восьми часов, которые он сберег с начала пути.

Миновав последние отроги горного хребта Виндхья, Киуни снова перешел на рысь. К полудню проводник обогнул стороною поселок Калленджер, расположенный на реке Кен, впадающей в один из притоков Ганга. Он все время держался вдали от населенных мест, чувствуя себя в безопасности среди пустынных полей и низин, указывавших на приближение великой реки. Станция Аллахабад находилась не дальше, чем в двенадцати милях к северо-востоку. Последний привал сделали в тени банановых деревьев, сочные плоды которых, столь же сытные, как хлеб, и столь же вкусные, как сливки, были по достоинству оценены нашими путешественниками.

В два часа проводник свернул под покров густого леса, который тянулся на несколько миль. Ехать лесом было безопаснее, чем по открытому месту. Во всяком случае, до сих пор не произошло ни одной неприятной встречи, и можно было надеяться, что путешествие окончится без приключений, как вдруг слон неожиданно остановился, проявляя явное беспокойство.

Было четыре часа пополудни.

— Что случилось? — спросил сэр Фрэнсис Кромarti, высовывая голову из своей корзины.

— Не знаю, господин генерал, — ответил парс, вслушиваясь в неясные звуки, долетавшие сквозь густую листву.

Несколько мгновений спустя гул сделался более отчетливым. Казалось, издали доносились слившиеся в единый хор человеческие голоса и медные инструменты.

Паспарту весь обратился в слух и зрение. Мистер Фогг терпеливо ждал, не произнося ни слова.

Проводник соскочил на землю, привязал животное к дереву и углубился в лесные заросли. Несколько минут спустя он вернулся, говоря:

— Это процессия браминов, направляющаяся в нашу сторону. Постараемся, чтобы они нас не заметили.

Проводник отвязал слона и завел его в чащу, посоветовав путешественникам не сходить на землю. Сам

он стоял настороже, готовый в любую минуту взобраться на слона, если бы пришлось бежать. Он надеялся, что толпа верующих пройдет мимо, не заметив их, ибо они были совершенно скрыты густой листвой деревьев.

Нестройный шум голосов и музыкальных инструментов приближался. Слышалось однообразное пение, сопровождаемое барабанным боем и звоном цимбал. Вскоре под деревьями, в полусотне шагов от наших путешественников, показалась голова процессии. Мистер Фогг и его спутники сквозь листву свободно различали причудливые фигуры участников этой религиозной церемонии.

В первом ряду выступали жрецы с митрами на головах и в длинных, расшитых золотом одеяниях. Их окружали мужчины, женщины, дети, тянувшие какие-то похоронные псалмы, прерываемые через правильные промежутки ударами там-тама и цимбал. Позади них, запряженная двумя парами зебу в роскошных пополах, двигалась колесница на высоких колесах, спицы и ободья которых изображали переплетающихся змей. На ней возвышалась безобразная статуя с четырьмя руками, темнокрасным телом, дикими глазами, спутанными волосами, высунутым языком и губами, выкрашенными хною и бетелем. На шее у нее было ожерелье из мертвых голов, а на бедрах — пояс из отрубленных рук. Она стояла на распростертом теле великана без головы.

Сэр Фрэнсис Кромарти узнал эту статую.

— Богиня Кали, — прошептал он, — богиня любви и смерти.

— Смерти — согласен, но любви — никогда! — заявил Паспарту. — Что за гнусная особа!

Парс сделал ему знак замолчать.

Вокруг статуи суетились, метались, извивались старые факиры, исполосованные коричневой краской и покрытые крестообразными порезами, из которых каплями сочилась кровь; это были те исступленные фанатики, которые во время торжественных индусских церемоний до сих пор еще бросаются под колеса колесницы Джагернаута.

За ними несколько браминов в пышных восточных одеяниях вели какую-то женщину, с трудом передвигавшую ноги.

Эта женщина была молода и белым цветом кожи походила на жительницу Европы. Ее голова, шея, плечи, уши, руки и ноги были украшены драгоценными камнями, ожерельями, браслетами, серьгами и кольцами. Туника, расшитая золотом и покрытая легким покрывалом, обрисовывала очертания ее фигуры.

Вслед за молодой женщиной — какой ужасный контраст для глаз! — стража с заткнутыми за пояс обнаженными саблями и длинными пистолетами, украшенными серебряными насечками, несла в паланкине труп человека.

Это было тело старика, облаченное в роскошные одежды раджи; как и при жизни, на нем был тюрбан, вышитый жемчугом, тканый золотом шелковый халат, изукрашенный бриллиантами кашемировый пояс и драгоценное оружие индийского владетельного князя.

Позади шел оркестр музыкантов, сопровождаемый толпой фанатиков, чьи дикие крики заглушали порою звуки музыкальных инструментов.

Сэр Фрэнсис Кромарти печальным взглядом проводил это пышное шествие и, обратившись к проводнику, сказал:

— Сутти!

Парс утвердительно кивнул головой и приложил палец к губам. Длинная процессия медленно прошла под деревьями, и вскоре последние ряды ее скрылись в чаще леса.

Мало-помалу пение стихло. Некоторое время слышались еще отдаленные выкрики, и, наконец, весь этот шум сменился глубокой тишиной.

Филеас Фогг слышал слово, произнесенное сэром Френсисом Кромарти, и, как только процессия исчезла, спросил:

— Что такое «сутти»?

— Сутти — это, мистер Фогг, человеческое жертвоприношение, — ответил бригадный генерал, — но жертвоприношение добровольное. Женщина, которую

вы только что видели, будет сожжена завтра при первых лучах солнца.

— Негодяи! — воскликнул Паспарту, который не мог сдержать своего негодования.

— А мертвец? — спросил мистер Фогг.

— Это князь, ее муж, — ответил проводник, — раджа независимого княжества Бундельханд.

— Как, разве эти варварские обычаи все еще существуют в Индии? И англичане не сумели их искоренить? — спросил Филеас Фогг, в голосе которого не слышалось ни малейшего волнения.

— В большей части Индии, — ответил сэр Фрэнсис Кромарти, — подобных жертв больше не приносят, но мы не имеем никакой власти в диких отдаленных местностях и, в частности, в Бундельханде. В северных отрогах гор Виндхья не прекращаются убийства и грабежи.

— Несчастная! — прошептал Паспарту. — Ее сожгут заживо!

— Да, — ответил бригадный генерал, — а если бы ее не сожгли, вы и представить себе не можете, на какую ужасную жизнь обрекли бы ее близкие! Таким женщинам отрезают волосы, им дают в день всего несколько щепоток риса и считают нечистыми тварями, они умирают, где придется, словно паршивые собаки. Обычно эта ужасная перспектива, а не любовь или религиозный фанатизм толкает этих несчастных на смертные муки. Иногда, впрочем, такие жертвоприношения и на самом деле бывают добровольными, и требуется решительное вмешательство властей, чтобы их предотвратить. Несколько лет назад, когда я жил в Бомбее, к губернатору обратилась молодая вдова с просьбой позволить ей быть сожженной вместе с телом мужа. Как вы можете догадаться, губернатор отказал. Тогда эта женщина покинула город, отправилась во владения какого-то раджи и там принесла себя в жертву.

Во время рассказа бригадного генерала проводник все время покачивал головой и, когда тот кончил, сказал:

— Жертва, которую принесут завтра на восходе солнца, не будет добровольной.

— Откуда вы знаете?

— Об этом знает весь Бундельханд.

— Однако эта несчастная и не пытается даже сопротивляться, — заметил сэр Фрэнсис Кромарти.

— Да, но ведь она одурманена парами опиума и конопли.

— Куда ее ведут?

— В пагоду Пилладжи, в двух милях отсюда. Там она проведет ночь в ожидании часа жертвоприношения.

— Когда произойдет жертвоприношение?

— Завтра, при первых проблесках зари.

Сказав это, проводник вывел слона из чащи и возвратился к нему на шею. Но, прежде чем он успел подать сигнал особым свистом, мистер Фогг остановил его и, обратившись к сэру Фрэнсису Кромарти, спросил:

— А что, если мы спасем эту женщину?

— Спасти эту женщину, мистер Фогг!.. — вскричал бригадный генерал.

— У меня в запасе еще двенадцать часов. Я могу ими пожертвовать.

— А ведь вы, оказывается, человек с сердцем! — заметил генерал.

— Иногда, — просто ответил Филеас Фогг. — Когда у меня есть время.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой Паспарту лишний раз доказывает, что
счастье улыбается смельчакам*

Предприятие было крайне смелое, полное трудностей и, быть может, невыполнимое. Мистер Фогг рисковал своей жизнью или по крайней мере свободой, а следовательно, и успешным исходом своего пари; но он не колебался. Впрочем в лице сэра Фрэнсиса Кромарти он нашел решительного помощника.

Что же касается Паспарту, то он был готов на все; на него можно было положиться. Он был в восторге от намерения своего господина. Под его ледяной внешностью он угадал отзывчивое сердце. Он начинал любить Филеаса Фогга.

Оставался проводник. На чью сторону станет он в этом деле? Не вздумает ли он помогать индусам? Необходимо было обеспечить если не его содействие, то хотя бы нейтралитет.

Сэр Фрэнсис Кромарти откровенно спросил его об этом.

— Господин генерал, я — парс и эта женщина тоже парсианка. Располагайте мною.

— Прекрасно, — произнес мистер Фогг.

— Но знаете, — продолжал проводник, — мы не только рискуем жизнью, нам грозят страшные мучения, если нас схватят. Подумайте об этом.

— Мы уже подумали, — ответил мистер Фогг. — Мне кажется, для выполнения нашего замысла надо дожидаться ночи?

— Я того же мнения, — сказал проводник.

Благородный индус сообщил некоторые подробности о несчастной женщине. Эта красавица индуска из племени парсов была дочерью богатого купца из Бомбея. В этом городе она получила чисто английское воспитание и по манерам и образованию могла сойти за европейскую женщину. Звали ее Ауда.

Оставшись сиротой, она насильно была выдана за муж за старого раджу Бундельханда. Три месяца спустя Ауда овдовела. Зная об ожидавшей ее участи, она бежала, но тотчас была поймана; заинтересованные в ее смерти родственники раджи обрекли ее на мучительную казнь, от которой ее, видимо, ничто не могло избавить.

Этот рассказ только укрепил мистера Фогга и его спутников в их благородном решении. Проводнику приказали направить слона к пагоде Пилладжи, к которой надо подойти как можно ближе.

Полчаса спустя они остановились в густых зарослях, шагах в пятидесяти от пагоды; она не была им видна,

но дикие крики фанатиков явственно доносились до их слуха.

Затем путники тщательно обсудили, как добраться до несчастной. Проводник знал пагоду Пилладжи, где, по его мнению, была заключена молодая женщина. Сумеют ли они проникнуть туда через один из входов, когда толпа, опьянев, погрузится в сон, или им придется сделать пролом в стене? Решить это можно будет лишь на месте. Ясно было одно: похищение надо было произвести этой ночью, не дожидаясь утра, когда жертву поведут на казнь. Тогда уже не в силах человеческих будет ее спасти.

Мистер Фогг и его товарищи выжидали наступления ночи. В сумерки, часов в шесть вечера, они решили отправиться на разведку вокруг пагоды. Оттуда еще доносились затихающие крики факиров. По своему обыкновению, эти люди были, вероятно, погружены в глубокое опьянение, вызванное «hang» — жидким опиумом, смешанным с настоем конопли, так что вскоре могла представиться возможность незаметно проскользнуть к храму.

Парс, за которым следовали мистер Фогг, сэр Фрэнсис Кромарти и Паспарту, бесшумно продвигался вперед. Минут десять они пробирались, прячась за деревьями, а затем вышли на берег маленькой речки; там, при свете железных светильников, на концах которых курилась смола, они заметили грудку срубленных стволов. То был будущий костер, сложенный из драгоценных сандаловых деревьев, пропитанных душистым маслом. На нем лежал набальзамированный труп раджи, который должны были сжечь вместе с несчастной вдовой. В ста шагах от костра возвышалась пагода, минареты которой выступали из мрака среди вершин деревьев.

— Вперед! — тихо произнес проводник.

И, удвоив осторожность, он бесшумно пополз вместе со своими спутниками в высокой траве.

Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра в ветвях деревьев. Вскоре проводник остановился у края прогалины. Несколько смоляных факелов освещали ее. Поляна была усеяна группами спящих

индусов, отяжелевших от опьянения. Она напоминала покрытое трупами поле сражения. Мужчины, женщины, дети — все лежали вповалку. Несколько пьяниц что-то выкрикивали хриплыми голосами.

На заднем плане, среди темной массы деревьев, смутно виднелась пагода Пилладжи. Но, к великому разочарованию проводника, стража раджи бодрствовала: освещенные коптящими светильниками, караульные расхаживали с обнаженными саблями у дверей. Можно было предположить, что и внутри пагоды жрецы тоже не спят.

Парс остановился. Он понял, что проникнуть в храм невозможно, и отвел своих товарищей вглубь леса.

Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти тоже убедились, что с этой стороны ничего предпринять нельзя.

Они остановились и начали тихо совещаться.

— Подождем, — сказал бригадный генерал, — сейчас только восемь часов, и весьма возможно, что ночью стража тоже заснет.

— Это действительно возможно, — согласился проводник.

Филеас Фогг и его спутники расположились у подножья дерева и стали ждать.

Время тянулось так медленно! Проводник несколько раз покидал их, отправляясь на разведку. Стража раджи все еще бодрствовала, горели светильники, а из окон пагоды проникал слабый свет.

Так прождали до полуночи. Положение не изменилось. Охрана попрежнему бодрствовала. Становилось очевидным, что на сон стражи рассчитывать нельзя. Вероятно, им и не давали опьяняющих снадобий. Необходимо было действовать иначе и попытаться проникнуть в пагоду через отверстие в стене. Оставалось выяснить, не бодрствуют ли и жрецы около своей жертвы так же, как стража у входа в пагоду?

После краткого совещания двинулись вперед. Впереди шел проводник, мистер Фогг, сэр Фрэнсис и Паспарту следовали за ним. Они сделали довольно длинный обход, чтобы приблизиться к пагоде с противоположной стороны.

Около половины первого ночи они остановились у стен здания, не встретив по пути ни одного человека. Охраны с этой стороны не было никакой, но зато там не было ни окон, ни дверей!

Ночь была темная. Луна, уже находившаяся на ущербе, стояла низко над горизонтом, затянутым тучами. Высокие деревья еще больше усиливали темноту.

Но было недостаточно дойти до пагоды, предстояло еще проделать отверстие в стене. Для этой операции у Филеаса Фогга и его спутников не было ничего, кроме карманных ножей. К счастью, стены храма были выложены из смеси кирпича и дерева, и их, вероятно, нетрудно было разобрать. Если вынуть первый кирпич, за ним легко последуют и остальные.

Стараясь производить как можно меньше шума, все приступили к работе. Парс и Паспарту разбирали кирпичи, чтобы образовалось отверстие шириной в два фута.

Работа подвигалась успешно, как вдруг внутри храма послышался крик, и почти тотчас снаружи раздалась ответные крики.

Паспарту и проводник прервали работу. Неужели они замечены? Что это? Не сигнал ли тревоги? Простая осторожность требовала, чтобы они удалились, и они отошли, а вслед за ними — Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти. Они вновь укрылись за деревьями в ожидании, пока уляжется тревога, чтобы затем опять приступить к делу.

Но, на беду, у задней стены пагоды появилась стража и расположилась там, не позволяя приблизиться к пролому.

Трудно описать разочарование этих четырех людей, вынужденных прервать свою работу. Теперь, когда они были лишены возможности проникнуть к пленнице, как сумеют они ее спасти? Сэр Фрэнсис Кромарти в ярости сжимал кулаки. Паспарту был вне себя, и проводник с трудом сдерживал его. Невозмутимый Фогг молча ждал, не проявляя своих чувств.

— Что ж, нам остается только уйти? — тихо спросил бригадный генерал.

— Да, больше ничего не остается, — подтвердил проводник.

— Подождите, — сказал мистер Фогг. — Меня вполне устраивает прибыть в Аллахабад к полудню.

— Но на что вы надеетесь? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти. — Через несколько часов наступит день и...

— Удача, которая от нас ускользает, может прийти в последний миг.

Бригадному генералу захотелось проникнуть в мысли Филеаса Фогга.

На что рассчитывает этот хладнокровный англичанин? Уж не собирается ли он в момент казни броситься к молодой женщине и на глазах у всех вырвать ее из рук палачей?

Но ведь это безумие, и нельзя допустить, чтобы человек дошел до подобного безрассудства. Так или иначе, но сэр Фрэнсис Кромарти решил дожидаться развязки этого страшного события. Тем временем проводник не решался оставаться дольше со своими спутниками на том месте, где они были укрыты, и отвел их на край прогалины. Здесь, спрятавшись за деревьями, они могли не выпускать из виду группы спящих людей.

Паспарту, сидя на нижних ветвях дерева, обдумывал одну мысль, которая, словно молния, пронзила его сознание и все глубже и глубже внедрялась в его мозг.

Сначала он говорил себе: «Какое безумие!» — но потом стал повторять: «А почему бы и нет? Это, может быть, единственный шанс с такими дикарями!..»

Так или иначе, Паспарту больше не раздумывал, он поспешно, с гибкостью змеи, спустился по ветвям, концы которых доходили до земли.

Часы шли, и вскоре небо несколько посветлело, возвещая о приближении дня. Но все же было еще довольно темно.

Время жертвоприношения наступило. Спящие индусы словно воскресли. Толпа зашевелилась. Послышались звуки там-тама. Пение и крики снова усилились. Пришел час, когда несчастная должна была умереть. В это мгновение двери пагоды распахнулись. Сноп света вырвался изнутри. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис

Кромарти увидели ярко освещенную жертву, которую двое жрецов влекли наружу. Им показалось, что несчастная стряхнула с себя дурман и, следуя властному чувству самосохранения, пыталась вырваться из рук своих палачей. Сердце сэра Фрэнсиса Кромарти забилося, он судорожно схватил Филеаса Фогга за руку и почувствовал, что эта рука сжимает раскрытый нож.

В это время толпа пришла в движение. Молодая женщина снова впала в оцепенение, вызванное парами конопли. Она прошла сквозь ряды факиров, которые провожали ее ритуальными возгласами.

Филеас Фогг и его товарищи, смешавшись с толпой, последовали за процессией.

Минуты через две они дошли до берега реки и остановились меньше чем в пятидесяти шагах от костра, на котором лежало тело раджи. В полутьме они видели, как бесчувственное тело женщины положили рядом с трупом ее мужа.

Затем к пропитанным маслом дровам поднесли зажженный факел, и они тотчас же вспыхнули.

В этот миг сэр Фрэнсис Кромарти и проводник еле удержали Филеаса Фогга, который в порыве благородного безрассудства готов был броситься в костер...

Филеасу Фоггу удалось уже оттолкнуть своих спутников, как вдруг произошло нечто неожиданное. Раздался всеобщий крик ужаса. Толпа в страхе распростерлась на земле.

Старый раджа ожил! Словно привидение, он поднялся со своего ложа, взял молодую жену на руки и сошел с костра, окутанный клубами дыма, придававшими ему призрачный вид.

Факиры, стража и жрецы, охваченные внезапным ужасом, приникли к земле, не смея поднять глаза и лицезреть подобное чудо!

Бездыханная жертва невесомо покоилась на мощных руках. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти застыли на месте. Проводник в страхе склонил голову, Паспарту, без сомнения, тоже был потрясен!..

Воскресший раджа остановился возле мистера Фогга и генерала и отрывисто сказал:

— Бежим!..

То был не кто иной, как Паспарту, который пробрался к костру под прикрытием густого дыма, Паспарту, который, воспользовавшись темнотой, вырвал молодую женщину из рук смерти, Паспарту, который среди всеобщего смятения блестяще сыграл свою роль!

Через мгновение все четверо скрылись в лесу и вскоре крупной рысью неслись на своем слоне. Но крики, проклятья и свист пули, пробившей шляпу мистера Фогга, показали, что хитрость их открыта. На пылавшем костре выделялось тело старого раджи. Жрецы, очнувшись от оцепенения, поняли, что их жертву похитили.

Они тотчас бросились в лес. Стража следовала за ними. Вдогонку похитителям раздался залп, но они быстро неслись вперед и вскоре стали недосыгаемы для пуль и стрел преследователей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Филеас Фогг пересекает чудесную долину
Ганга, даже не подумав ею полюбоваться*

Смелое похищение удалось. Паспарту долго посмеивался, вспоминая о своей удаче. Сэр Фрэнсис Кромарти крепко пожал руку отважному малому. А мистер Фогг сказал ему «хорошо», что в устах этого джентльмена было высшей похвалой. На это Паспарту ответил, что вся честь предприятия принадлежит его господину. Ему же просто пришла в голову одна смешная мысль; его забавляло, что на несколько мгновений он, Паспарту, прежний гимнаст и бывший сержант пожарной команды, превратится в старого набальзамированного раджу, мужа прелестной женщины!

А молодая индуска все еще не приходила в себя. Завернутая в дорожное одеяло, она покоилась в одной из корзин.

Слон, направляемый уверенной рукой парса, быстро бежал по еще темному лесу. Спустя час они были уже на широкой равнине. В семь часов сделали привал.

Молодая женщина все еще пребывала в полном беспмятстве. Проводник влил ей в рот несколько глотков разбавленного брэнди, но действие одурманивающих паров еще продолжалось.

Сэр Фрэнсис Кромарти, знавший, как долго длится состояние сна от действия паров конопли, нисколько не беспокоился.

Но если выздоровление молодой женщины и не вызвало у генерала сомнений, то ее будущее представлялось ему менее ясным. Он прямо заявил Филеасу Фоггу, что если миссис Ауда останется в Индии, то неминуемо попадет в руки своих палачей. Эти фанатики рассеяны по всему полуострову и, невзирая на все старания английской полиции, сумеют разыскать свою жертву, будь то в Мадрасе, в Бомбее или в Калькутте. В подтверждение сказанного сэр Фрэнсис Кромарти сослался на недавно имевший место случай. По его мнению, молодая женщина будет в безопасности только за пределами Индии.

Филеас Фогг ответил, что он отдает себе в этом отчет и примет нужное решение.

Около десяти часов утра проводник сообщил о прибытии на станцию Аллахабад. Отсюда вновь начиналась прерванная железнодорожная линия. Расстояние между Аллахабадом и Калькуттой поезда проходили менее чем за сутки.

Следовательно, Филеас Фогг прибудет во-время, и ему удастся попасть на пароход, отходящий в Гонконг на следующий день, 25 октября, в полдень.

Молодую женщину поместили в одну из комнат на вокзале. Паспарту было поручено приобрести для нее различные предметы туалета: платье, шаль, меха и прочее — все, что удастся найти. Филеас Фогг открыл для этой цели неограниченный кредит.

Паспарту сейчас же направился в город и быстро обегал его улицы. Название Аллахабад означает «град божий», это один из наиболее почитаемых городов Индии, куда стекаются паломники со всего полуострова, ибо расположен он у слияния двух священных рек — Ганга и Джамны. Согласно сказаниям «Рамаяны»,

Ганг берет свое начало на небе, откуда по милости Браммы спускается на землю.

Делая всевозможные покупки, Паспарту быстро осмотрел Аллахабад с его великолепной крепостью, ставшей ныне государственной тюрьмой. Раньше это был большой город с сильно развитой торговлей и промышленностью. Теперь там нет ни того, ни другого. Паспарту безрезультатно разыскивал магазин с модными товарами, словно он был на Риджент-стрит, и в конце концов оказался в лавке старого несговорчивого еврея-перекупщика, где нашел нужные ему вещи: платье из шотландской материи, широкое манто и великолепную шубу из меха выдры, за которую, не задумываясь, заплатил семьдесят пять фунтов стерлингов. Затем, торжествуя, он вернулся на вокзал.

Ауда понемногу приходила в себя. Действие дурмана, которому подвергли ее священнослужители из пагоды Пилладжи, мало-помалу ослабевало, и ее прекрасные глаза приобретали вновь свою индийскую мягкость.

Некогда король-поэт Усаф Уддауль прославил прелести королевы Аменагара; он говорил:

«Ее сверкающие волосы, разделенные ровным пробором, обрамляли нежные и тонкие щеки, блиставшие свежестью и белизной. Черные брови были подобны луку бога любви Кама, а под длинными шелковыми ресницами в черных зрачках ее громадных прозрачных глаз, словно в священных озерах Гималаев, отражался чистейший небесный свет. Точеные, ровные белые зубы сверкали меж смеющихся губ, как капли росы в чашечке полураскрывшегося цветка граната. Ее маленькие уши были изящно закруглены, ее розовые руки и крохотные ножки, подобные бутону лотоса, ослепляли, словно драгоценные жемчужины Цейлона или прекраснейшие бриллианты Голконды. Ее тонкая и гибкая талия, которую легко можно было обхватить одной рукой, подчеркивала изящную округлость бедер и высокую грудь, которой цветущая юность придавала столько прелести; под складками шелковой туники она казалась отлитой из чистого серебра божественной рукой предвечного ваятеля Виквакарма».

Не прибегая к такого рода поэтическим преувеличениям, можно сказать, что миссис Ауда — вдова раджи Бундельханда — была очаровательной женщиной в европейском понимании этого слова. Она говорила на совершенно чистом английском языке, и проводник не преувеличивал, утверждая, что молодая парсианка благодаря воспитанию превратилась в англичанку.

Время отхода поезда приближалось. Проводник ждал. Мистер Фогг рассчитался с ним, не заплатив сверх обусловленной цены ни одного фартинга. Это несколько удивило Паспарту, который знал, сколь многим его господин обязан проводнику. В самом деле, ведь парс добровольно рисковал жизнью, принимая участие в похищении Ауды из пагоды Пилладжи, и, если индусы когда-нибудь узнают об этом, ему трудно будет избежать их мести.

Оставался еще Киуни. Что сделают со слоном, купленным за такую дорогую цену?

Но, оказывается, мистер Фогг уже принял на этот счет решение.

— Парс, — сказал он проводнику, — ты хорошо и самоотверженно служил нам. Я заплатил тебе за службу, но не за самоотверженность. Хочешь взять слона? Он твой.

Глаза проводника сверкнули.

— Ваша милость, вы дарите мне целое состояние! — вскричал он.

— Бери его, проводник, — ответил мистер Фогг, — я все равно еще у тебя в долгу.

— Вот хорошо! — воскликнул Паспарту. — Бери его, друг! Киуни — славное и храброе животное! — И, подойдя к слону, он протянул ему несколько кусков сахара: — На, Киуни, на!

Слон тихо затрубил от удовольствия, затем взял Паспарту за пояс и поднял хоботом до уровня своей головы. Паспарту, несколько не испугавшись, приласкал животное, которое вновь осторожно поставило его на землю; на пожатие хобота честного Киуни Паспарту ответил крепким пожатием своей честной руки.

Несколько минут спустя Филеас Фогг, сэр Фрэнсис Кромарти и Паспарту разместились в комфортабель-

ном вагоне, где лучшее место уже занимала миссис Ауда; поезд на всех парах помчался к Бенаресу.

Расстояние в восемьдесят с лишним миль, отделяющее этот город от Аллахабада, было покрыто за два часа.

За это время молодая женщина совсем пришла в себя, дурман от паров конопли рассеялся.

Каково же было ее удивление, когда она увидела себя в купе вагона в европейской одежде, среди совершенно незнакомых ей путешественников!

Прежде всего спутники постарались подкрепить ее несколькими глотками ликера, затем бригадный генерал рассказал ей обо всем случившемся. Он особо подчеркнул самоотверженность Филеаса Фогга, который, не задумываясь, рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее, а также то, что счастливым исходом всего предприятия она обязана смелой изобретательности Паспарту.

Мистер Фогг не прерывал его рассказа. Паспарту в смущении повторял:

— Какие пустяки!

Миссис Ауда горячо благодарила своих спасителей: правда, больше слезами, чем словами. Ее прекрасные глаза лучше всяких речей выражали ее признательность. Вскоре мысли молодой женщины перенеслись к недавним событиям, а глаза вновь увидели землю Индии, где ее ожидало еще столько опасностей. И она задрожала от ужаса.

Филеас Фогг понял, что происходит в душе миссис Ауды, и, чтобы успокоить ее, он предложил — кстати сказать, достаточно бесстрастным тоном — довезти ее до Гонконга, где она сможет остаться, пока вся эта история не заглохнет.

Миссис Ауда с благодарностью приняла это предложение. Как раз в Гонконге жил один ее родственник, парс, как и она, крупный коммерсант, обосновавшийся в этом совершенно английском городе, хотя и расположенном на китайской земле.

В половине первого дня поезд подошел к Бенаресу... Браминская легенда утверждает, что этот город стоит на месте древнего Кази, который некогда висел в пространстве между зенитом и надиром, подобно гробнице

Магомета. Но в нашу, более реалистическую эпоху Бенарес — Афины Индии, как его именуют востоковеды, — самым прозаическим образом покоится на земле, и Паспарту на одно мгновение увидел его кирпичные дома и плетеные хижины, придающие городу весьма унылый вид, лишенный всякой экзотики.

Здесь заканчивал свой путь сэр Фрэнсис Кромарти. Войсковые части, к которым он направлялся, были расквартированы в нескольких милях к северу от города. Бригадный генерал распрощался с мистером Фоггом, пожелав ему полного успеха в путешествии, и выразил надежду, что он когда-нибудь повторит его с менее оригинальной, но более полезной целью. Мистер Фогг слегка пожал пальцы своего спутника, миссис Ауда простилась с ним гораздо теплее. Она сказала, что никогда не забудет, чем обязана сэру Фрэнсису Кромарти. Что касается Паспарту, то бригадный генерал крепко пожал ему руку, и растроганный малый спросил себя, где и как он сумеет доказать генералу свою преданность.

Затем путешественники расстались.

После Бенареса железнодорожный путь некоторое время идет долиной Ганга. Из окон вагона благодаря ясной погоде можно было любоваться разнообразными пейзажами Бихара; мимо проносились горы, покрытые зеленью, поля ячменя, кукурузы и пшеницы, водоемы, населенные зеленоватыми аллигаторами, чистенькие селения и все еще зеленые леса. Несколько слонов и буйволов купались в священных водах реки, а рядом — группы индусов обоего пола, невзирая на осенний холод, благочестиво совершали ритуальные омовения в священных струях. Эти верующие — ярые враги буддизма и горячие приверженцы браминской религии, воплощенной в трех образах: Вишну — бога солнца, Шивы — божественного олицетворения сил природы и Брами — верховного владыки священнослужителей и законодателей. Но какими глазами Брами, Шива и Вишну должны были смотреть на «британизированную» ныне Индию, где ревущие пароходы мутят священные воды Ганга, пугают чаек, летающих над его

поверхностью, черепах, которыми кишат берега, и распростертых у реки богомольцев?

Вся эта панорама стремительно проносилась перед окнами вагона, и клубы белого пара часто скрывали от глаз отдельные ее детали. Путешественники едва успели различить форт Чунар, расположенный в двадцати милях к юго-востоку от Бенареса, древнюю цитадель раджей Бихара, Газипур, и расположенные там крупные фабрики розовой воды и масла, а также могилу лорда Корнваллиса, которая возвышается на левом берегу Ганга; перед ними промелькнул укрепленный город Буксар, Патна, крупный промышленный и торговый центр, где находился главный рынок опиума, а также наиболее европеизированный город Монгхир, напоминающий Манчестер или Бирмингем и знаменитый своими чугунолитейными заводами и фабриками, изготавливающими различные орудия и холодное оружие; их высокие трубы оскверняли небо Браммы дымом и копотью. Какая пощечина стране грез!

Наступила ночь; поезд мчался на всех парах, сопровождаемый рычанием тигров и медведей и завыванием волков, испуганных локомотивом; теперь уже нельзя было различить никаких чудес Бенгалии: ни Голконды, ни развалин Гура, ни Муршидабада, бывшего некогда столицей, ни Бурдвана, ни Хугли, ни Шандернагора, этого французского пункта на территории Индии, где Паспарту с гордостью увидел развевающийся флаг своей родины!

Наконец, в семь часов утра прибыли в Калькутту. Пароход, отправлявшийся в Гонконг, снимался с якоря лишь в полдень. В распоряжении Филеаса Фогга осталось еще пять часов.

По составленному им расписанию наш джентльмен должен был прибыть в столицу Индии 25 октября, на двадцать третий день после своего отъезда из Лондона. Он приехал туда точно в назначенный день. Итак, он не опоздал и не прибыл раньше срока. Два дня, которые он выиграл в пути между Лондоном и Бомбеем, были потеряны во время переезда через Индию по известным нам причинам. Но можно было предполагать, что Филеас Фогг об этом не сожалел.

ГЛАВА ПЯТПАДЦАТАЯ,

в которой саквояж с банковыми билетами облегчается еще на несколько тысяч фунтов стерлингов

Поезд остановился на вокзале. Паспарту вышел из вагона первым, за ним последовал мистер Фогг, который помог сойти на перрон своей молодой спутнице. Филеас Фогг предполагал сразу же отправиться на пакетбот, идущий в Гонконг, с тем чтобы удобно устроить миссис Ауду, которую он не хотел оставлять одну, пока она находится в этой стране, где ей грозит столько опасностей.

В ту минуту, когда мистер Фогг выходил из вокзала, к нему подошел полисмен и спросил:

— Мистер Филеас Фогг?

— Да.

— А этот человек — ваш слуга? — прибавил полисмен, показывая на Паспарту.

— Да.

— Будьте любезны оба следовать за мной.

Мистер Фогг ни одним жестом не выразил своего удивления. Полицейский был представителем закона, а для всякого англичанина закон — святыня. Паспарту, как истый француз, попробовал было рассуждать, но полисмен коснулся его своим жезлом, и мистер Фогг сделал своему слуге знак подчиниться.

— Может ли эта дама сопровождать нас? — спросил мистер Фогг.

— Может! — ответил полисмен.

Полицейский проводил мистера Фогга и его спутников к пальки-гари — четырехколесному и четырехместному экипажу, запряженному парой лошадей. Тронулись в путь. Во время переезда, длившегося двадцать минут, никто не проронил ни слова.

Экипаж сначала пересек «черный город» — узенькие улочки, загроможденные лачугами, где ютились грязные и оборванные люди — разноплеменное население этих кварталов. Затем он проехал европейский город, застроенный кирпичными домами, осененный кокосовыми пальмами и ошетилившийся строительными

лесами; здесь, несмотря на утренний час, проезжали элегантные всадники и двигались роскошные кареты.

Экипаж остановился перед каким-то зданием невзрачного вида, мало похожим на жилой дом. Полисмен высадил своих пленников — их с полным правом можно было так назвать — и провел в комнату с решетками на окнах. Затем он объявил:

— В половине девятого вы предстанете пред судьей Обадия!

Затем он вышел и запер дверь.

— Ну вот! Мы арестованы! — воскликнул Паспарту, опускаясь на стул.

Миссис Ауда, тщетно стараясь скрыть волнение, сказала, обращаясь к мистеру Фоггу:

— Вы должны расстаться со мною, сударь! Вас преследуют из-за меня! За то, что вы меня спасли!

Филеас Фогг коротко ответил, что это невозможно. Преследовать по делу «сутти»! Немыслимо! Как жалобщики осмелились бы об этом заявить? Тут какая-то ошибка. Мистер Фогг закончил уверением, что он во всех случаях не покинет молодой женщины и сопроводит ее до Гонконга.

— Но пароход отходит в полдень! — заметил Паспарту.

— Мы еще до полудня будем на борту, — спокойно ответил невозмутимый джентльмен.

Это было сказано так уверенно, что Паспарту невольно повторил про себя:

— Черт побери! Ну, конечно! Еще до полудня будем на пароходе! — Но он отнюдь не был в этом уверен.

В половине девятого дверь комнаты отворилась. Появился полисмен и провел арестованных в соседнее помещение. Это был зал суда, наполненный многочисленной публикой, состоявшей из европейцев и местных жителей. Мистер Фогг, миссис Ауда и Паспарту сели на скамью перед возвышением, предназначенным для судьи и секретаря.

Почти тотчас же вышел в сопровождении секретаря и сам судья Обадия. Это был толстый, совершенно круглый человек. Он снял с гвоздя один из париков и ловко надел его себе на голову.

— Слушается первое дело, — объявил он.

Но вдруг он поднес руку к голове и воскликнул:

— Эге! Да ведь это не мой парик!

— Ваша правда, мистер Обадия, — это мой, — сказал секретарь.

— Дорогой мистер Ойстерпуф, неужели вы думаете, что судья может вынести правильный приговор, будучи в парике секретаря?

Произошел обмен париками. Во время этих приготовлений Паспарту весь сгорал от нетерпения — ему казалось, что стрелка громадных часов, висевших в зале суда, страшно быстро движется по циферблату.

— Слушается первое дело, — повторил судья.

— Филеас Фогг! — провозгласил секретарь Ойстерпуф.

— Я, — ответил мистер Фогг.

— Паспарту!

— Здесь! — отозвался Паспарту.

— Превосходно! — начал судья. — Вот уже два дня, как вас ищут во всех поездах, прибывающих из Бомбея.

— Но в чем нас обвиняют? — нетерпеливо перебил Паспарту.

— Вы это сейчас узнаете, — ответил судья.

— Сударь, — начал Филеас Фогг, — я британский гражданин и имею право...

— С вами непочтительно обошлись? — спросил судья.

— Отнюдь нет.

— Прекрасно! Вызовите жалобщиков.

По приказу судьи дверь распахнулась, и пристав ввел в зал трех индийских жрецов.

— Так я и думал! — прошептал Паспарту. — Это те самые мерзавцы, что хотели сжечь нашу молодую даму.

Жрецы встали перед судьей, и секретарь громким голосом прочел их жалобу на Филеаса Фогга и его слугу, обвиняемых в кощунственном осквернении браминского святилища.

— Вы слышали? — спросил судья Филеаса Фогга.

— Да, — ответил мистер Фогг, посмотрев на часы, — слышал и признаю.

— Ага! Вы признаете?..

— Да, признаю и жду, чтобы эти три жреца в свою очередь признались в том, что они были намерены делать в пагоде Пилладжи.

Жрецы переглянулись. Они, казалось, ничего не поняли из слов обвиняемого.

— Вот именно, — нетерпеливо вмешался Паспарту, — в той самой пагоде Пилладжи, перед которой они собирались сжечь свою жертву!

Снова полная растерянность жрецов и крайнее изумление судьи Обадия.

— Какую жертву? — спросил он. — Кого сжечь? В самом центре Бомбея!

— Бомбея? — воскликнул Паспарту.

— Ну да. Ведь речь идет не о пагоде Пилладжи, а о пагоде Малабар-Хилл в Бомбее.

— В качестве вещественного доказательства представлены башмаки святотатца, — прибавил секретарь, ставя на стол пару обуви.

— Мои башмаки! — закричал Паспарту, который был до того удивлен, что не мог сдержать невольного восклицания.

Можно себе представить, какая путаница была в умах и господина и его слуги. Они давно забыли про случай в бомбейской пагоде, и вдруг он неожиданно привел их на скамью подсудимых здесь, в Калькутте.

Дело в том, что сыщик Фикс оценил все выгоды, какие он мог извлечь из злосчастного поступка Паспарту. Отложив на двенадцать часов свой отъезд, Фикс предложил жрецам Малабар-Хилла совет и помощь. Он пообещал им добиться крупного возмещения за нарушение святости храма, хорошо зная, что английское правительство очень сурово относится к подобным проступкам, и с ближайшим поездом отправился со жрецами следом за осквернителями. Вследствие задержки, вызванной освобождением молодой вдовы, Фикс и его индусы прибыли в Калькутту раньше Филеаса Фогга и Паспарту, которых местные власти, предупрежденные телеграммой, должны были задержать при выходе из вагона. Можно себе представить, как был раздосадован Фикс, узнав, что Филеас Фогг еще не приехал в столицу Индии. Он решил, что его вор сошел на

одной из станций Индийской железной дороги и скрылся в северных провинциях. Одержимый смертельным беспокойством, сыщик целые сутки безотлучно находился на вокзале. И какова же была его радость, когда утром он увидел путешественников, выходящих из вагона; правда, с ними была какая-то молодая дама, присутствие которой казалось Фиксу необъяснимым. Он сейчас же подослал к ним полисмена, и вот каким образом мистер Фогг, Паспарту и вдова раджи Бундельханда предстали перед судьей Обадия.

Если бы Паспарту был менее занят ходом дела, он мог бы заметить в уголке зала сыщика, который следил за ходом судебного заседания с вполне понятным интересом, ибо в Калькутте, так же как в Бомбее и Суэце, ордер на арест все еще не был им получен.

Между тем судья Обадия приказал занести в протокол признание, вырвавшееся у Паспарту, который отдал бы все на свете, лишь бы взять обратно свои неосторожные слова.

— Признаете ли вы факт преступления? — спросил судья.

— Признаю, — холодно ответил мистер Фогг.

— В виду того, — продолжал судья, — что английский закон равно охраняет религиозные верования всех народов, населяющих Индию, и принимая во внимание, что проступок признан обвиняемым Паспарту, пытавшимся коснуться кощунственной стопой пола пагоды Малабар-Хилл в Бомбее двадцатого октября сего года, суд постановляет приговорить вышеупомянутого Паспарту к двум неделям тюрьмы и штрафа в триста фунтов.

— Триста фунтов? — воскликнул Паспарту, которого по-настоящему огорчил только штраф.

— Молчать! — крикнул судебный пристав визгливым голосом.

— Принимая во внимание, — продолжал судья Обадия, — что хотя судебным следствием и не был доказан факт сговора слуги и его господина в этом деле, но что господин во всех случаях должен отвечать за действия и поступки слуги, суд постановляет приговорить вышеупомянутого Филеаса Фогга к восьми дням

тюрьмы и полуторастам фунтам стерлингов штрафа. Секретарь, огласите следующее дело!

Сидя в своем углу, Фикс испытывал невыразимое удовольствие. Филеас Фогг задержан в Калькутте на целых восемь дней, а этого времени вполне достаточно для того, чтобы прибыл ордер на его арест.

Паспарту был ошеломлен. Этот приговор разорял его господина. Пари в двадцать тысяч фунтов проиграно, и все из-за того, что он, Паспарту, как последний зевака, забрел в проклятую пагоду!

Филеас Фогг, сохраняя полное самообладание, как будто приговор его вовсе не касался, даже бровью не повел. Но когда секретарь начал объявлять следующее дело, он поднялся с места и заявил:

— Я предлагаю залог.

— Это ваше право, — ответил судья.

У Фикса мороз пробежал по спине, но он быстро оправился, когда услышал, что судья, принимая во внимание то обстоятельство, что Филеас Фогг и Паспарту не являются жителями Калькутты, назначил для каждого из них огромный залог — в тысячу фунтов.

Это должно было обойтись мистеру Фоггу в две тысячи фунтов, если он не предпочтет отбыть наказание.

— Я плачу, — сказал наш джентльмен.

Он вынул из саквояжа, который держал Паспарту, пачку банковых билетов и положил ее на стол секретаря.

— Эта сумма вам будет возвращена по выходе из тюрьмы, — сказал судья, — а пока вы освобождены под залог.

— Идем! — сказал мистер Фогг своему слуге.

— Пусть они мне по крайней мере вернут мои башмаки! — в ярости воскликнул Паспарту.

Башмаки были ему возвращены.

— Ну и дорого же они мне обошлись! Больше тысячи фунтов каждый! И к тому же еще жмут! — бормотал Паспарту.

Совершенно убитый, Паспарту последовал за мистром Фоггом, который предложил руку молодой женщине. Фикс, до последней минуты надеявшийся, что его вор никогда не решится расстаться с суммой в две ты-

сячи фунтов и предпочтет отсидеть восемь дней в тюрьме, бросился вслед за ними.

Мистер Фогг нанял коляску и сел в нее с миссис Аудой и Паспарту. Фикс побежал следом за коляской, которая вскоре остановилась на набережной.

В полумиле от них, на рейде, уже стоял «Рангун» с развевающимся на мачте флагом. Пробило одиннадцать часов. Мистер Фогг прибыл на час раньше расписания. Фикс видел, как он вышел из кареты и вместе с миссис Аудой и Паспарту сел в лодку. Сыщик топнул ногой.

— Негодяй! — воскликнул он. — Он уезжает! Две тысячи фунтов пропали! Он расточителен, как вор. Ну что ж, если надо, я поеду за ним на край света. Но, если так пойдет и дальше, он скоро истратит все украденные деньги!

Инспектор полиции имел все основания негодовать. Действительно, с тех пор как Филеас Фогг покинул Лондон, он потратил на путевые расходы, награды, покупку слона, залог и штраф больше пяти тысяч фунтов стерлингов, а ведь по мере уменьшения похищенной суммы уменьшалась и премия сыщика.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой Фикс делает вид, будто не понимает,
о чем с ним ведут речь*

«Рангун» — одно из судов компании «Пенинсюлер-энд-Ориенталь», совершающих рейсы в Китайском и Японском морях, — был железный винтовой пароход валовой вместимостью в тысячу семьсот семьдесят тонн и мощностью в четыреста лошадиных сил. По быстротходности он был равен «Монголии», но в отношении удобств значительно уступал ей; поэтому миссис Ауду не удалось устроить так хорошо, как того желал бы Филеас Фогг. Но в конце концов дело шло о переезде всего в три с половиной тысячи миль, на что требовалось одиннадцать — двенадцать дней, а молодая

женщина оказалась не слишком привередливой пассажиркой.

В первые же дни путешествия миссис Ауда ближе познакомилась с Филеасом Фоггом. При каждом удобном случае она выражала ему свою живейшую благодарность. Флегматичный джентльмен выслушивал ее, во всяком случае внешне, весьма холодно, по крайней мере ни единым жестом, ни единой интонацией не выказывая ни малейших признаков чувства. Он тщательно следил, чтобы молодая женщина ни в чем не испытывала недостатка: в определенные часы он регулярно навещал ее, и если не разговаривал, то по крайней мере слушал. Он вел себя в отношении к ней в высшей степени учтиво, но действовал при этом со своеобразной грацией автомата. Миссис Ауда не знала, что и думать, пока Паспарту не объяснил ей, что за странный человек его господин. От него она узнала, какое пари гонит этого джентльмена вокруг света. Миссис Ауда улыбнулась; но в конце концов она была ему обязана жизнью, и ее спаситель ничего не терял от того, что она смотрела на него сквозь очки признательности.

Миссис Ауда подтвердила волнующую историю, которую рассказал о ней проводник. Она действительно происходила из племени парсов, играющего видную роль среди народов, населяющих Индию. Многие парсийские купцы составили себе в Индии крупные состояния на торговле хлопком. Один из них, сэр Джемс Джиджибой, даже получил от английского правительства дворянское звание; миссис Ауда приходилась родственницей этому богатому купцу, проживавшему в Бомбее. К двоюродному брату сэра Джиджибоя, к почтенному Джиджи, она и ехала теперь в Гонконг. Найдет ли она у него убежище и поддержку? Она не могла этого утверждать. Но мистер Фогг обычно отвечал, что ей не следует беспокоиться и что все устроится «математически». Именно так он и выразился.

Поняла ли молодая женщина это странное выражение? Неизвестно. Во всяком случае, ее большие глаза, «прозрачные, как священные озера Гималаев»,

часто останавливались на мистере Фогге. Но непроницаемый Фогг, чопорный, как обычно, отнюдь не походил на человека, готового погрузиться в эти озера.

Первая часть переезда на «Рангуна» прошла в превосходных условиях. Погода стояла хорошая. На всем протяжении огромного залива, который моряки называют «Бенгальским бассейном», стихии благоприятствовали путешествию. Вскоре с «Рангуна» заметили Большой Андаман, главный из Андаманских островов, с живописной горой Сэдл-Пик, возвышающейся на две тысячи четыреста футов и видной мореплавателям с далекого расстояния.

Пароход прошел довольно близко от берега. Дикие папуасы, обитатели острова, не показывались. Эти существа находятся на последней ступени человеческой цивилизации, но к людоедам их причисляют без всяких оснований.

Вид островов издали был великолепен. На переднем плане выступали громадные леса латаний, капустной пальмы, бамбука, мускатного ореха, индийского дуба, гигантских мимоз и древовидных папоротников, а сзади вырисовывались изящные силуэты гор. Берега кишели тысячами драгоценных саланг, съедобные гнезда которых считаются изысканным блюдом в Небесной империи. Но разнообразные пейзажи Андаманских островов быстро промелькнули мимо «Рангуна», который на всех парах продолжал свой путь к Малаккскому проливу, служащему воротами в Китайское море.

Что же делал в продолжение этого переезда сыщик Фикс, столь некстати вовлеченный в кругосветное путешествие? Покидая Калькутту, он оставил распоряжение переслать ему ордер на арест мистера Фогга, если тот, наконец, будет получен, в Гонконг; садясь на пакетбот, он счастливо избежал встречи с Паспарту и рассчитывал остаться незамеченным до прибытия «Рангуна» в Гонконг. Действительно, Фиксу было бы трудно объяснить Паспарту, не возбуждая его подозрений, почему он очутился на борту пакетбота, когда ему следовало находиться в Бомбее. Но в силу

обстоятельств ему все же пришлось возобновить знакомство с честным малым. Каким образом? Мы это сейчас увидим.

Все надежды, все желания сыщика сосредоточились теперь на одной точке земного шара — Гонконге, так как остановка пакетбота в Сингапуре была слишком кратковременной, чтобы Фикс мог что-либо предпринять в этом городе. Следовательно, он должен был арестовать вора в Гонконге, ибо в противном случае тот снова ускользнул бы от него, и на сей раз, так сказать, безвозвратно.

Ведь Гонконг был последней английской территорией на пути Филеаса Фогга. Дальше — Китай, Япония, Америка предоставляли почти надежное убежище мистеру Фоггу. В Гонконге, если только ордер, который, очевидно, следует за сыщиком, прибудет во-время, Фикс арестует Фогга и передаст его в руки местной полиции. Тут не будет никаких затруднений. Но за пределами Гонконга простого ордера на арест уже недостаточно. Там потребуются специальное постановление о выдаче преступника. Отсюда — всевозможные задержки, проволочки и препятствия, которыми вор, конечно, не преминет воспользоваться, чтобы навсегда ускользнуть от английской полиции. Если попытка арестовать его в Гонконге не удастся, будет крайне трудно, пожалуй даже невозможно, возобновить ее с шансами на успех.

«Итак, — повторял про себя Фикс в те долгие часы, которые он проводил в каюте, — или ордер будет в Гонконге и я арестую этого молодчика, или его там не окажется, и тогда мне необходимо любой ценой задержать отъезд этого Фогга! В Бомбее у меня сорвалось, в Калькутте тоже! Если я и в Гонконге промахнусь, моя репутация погибла! Во что бы то ни стало мне надо добиться цели. Вопрос лишь в том, как задержать, если понадобится, отъезд этого проклятого Фогга!»

В крайнем случае Фикс решил во всем признаться Паспарту и рассказать ему, что за человек его хозяин. После такого разоблачения прозревший Паспарту, который явно не является сообщником Фогга, из боязни

оказаться скомпрометированным, без сомнения, перейдет на сторону Фикса. Но средство это было рискованное и воспользоваться им следовало лишь за отсутствием иных возможностей. Достаточно было одного слова Паспарту своему господину, чтобы безвозвратно погубить все дело.

Итак, полицейский инспектор находился в величайшем затруднении. Но присутствие миссис Ауды в обществе Филеаса Фогга на борту «Рангуна» наполнило его новыми надеждами.

Кто эта женщина? Какое стечение обстоятельств связало ее с Филеасом Фоггом? Очевидно, их встреча произошла где-то между Бомбеем и Калькуттой. Но где именно? Только ли случай свел мистера Фогга с этой молоденькой путешественницей? Или, быть может, самое путешествие через Индию было затеяно ради свидания с этой красавицей? А ведь она и вправду очаровательна! Фикс хорошо рассмотрел ее в зале суда в Калькутте.

Понятно, до какой степени было возбуждено любопытство полицейского инспектора! Он спрашивал себя, не имеет ли здесь место преступное похищение? Что ж! Очень может быть. Эта мысль крепко засела в мозгу Фикса, и он сразу понял, сколько выгоды он мог бы извлечь из этого обстоятельства. Замужем эта молодая женщина или нет, но похищение налицо, а это значит, что в Гонконге можно устроить ее похитителю такие затруднения, из которых он не выпутается ни за какие деньги.

Но незачем дожидаться прибытия «Рангуна» в Гонконг. У этого Фогга отвратительная привычка скакать с одного корабля на другой, и, прежде чем Фикс успеет приступить к делу, он, чего доброго, окажется уже далеко. Поэтому надо было прежде всего заранее предупредить английские власти в Гонконге. Это сделать легко, ибо пакетбот заходит в Сингапур, а Сингапур связан с китайской территорией телеграфной линией.

Однако, прежде чем действовать и чтобы бить наверняка, Фикс решил еще раз порасспросить Паспарту. Он знал, что честному малому нетрудно развязать язык, и решил нарушить инкогнито, которое сохранял

до тех пор. Терять времени было нельзя. Дело происходило 30 октября; на следующий день «Рангун» должен был прибыть в Сингапур.

Поэтому Фикс вышел в тот день из каюты и поднялся на палубу, намереваясь первым подойти к Паспарту и выразить крайнее удивление по поводу встречи. Паспарту прогуливался на передней части палубы, как вдруг к нему бросился инспектор и воскликнул:

— Как, вы на «Рангуне»?

— Мистер Фикс здесь! — воскликнул пораженный Паспарту, узнав своего попутчика по «Монголии». — Как? Я оставил вас в Бомбее и встречаю на пути в Гонконг! Чего доброго, и вы тоже совершаете кругосветное путешествие?

— Нет, нет, — ответил Фикс, — я думаю остановиться в Гонконге, по крайней мере на несколько дней.

— Вот как? — протянул Паспарту, слегка удивленный. — Но почему я вас ни разу не видел после отъезда из Калькутты?

— Да так, небольшое недомогание... морская болезнь... Я оставался в каюте... Бенгальский залив я переношу хуже, чем Индийский океан. А ваш господин мистер Филеас Фогг?

— В полном здравии и столь же пунктуален, как его расписание. Ни одного дня опоздания! Ах, мистер Фикс, вы ведь еще не знаете: с нами едет молодая дама.

— Молодая дама? — спросил полицейский, прекрасно разыгрывая неведение.

Паспарту немедленно ввел его в курс событий. Он рассказал о случае в бомбейской пагоде, о покупке слона за две тысячи фунтов, о деле «сутти», о похищении Ауды, о судебном приговоре в Калькутте и об освобождении под залог. Фикс, осведомленный о последних событиях, делал вид, будто ему ничего неизвестно, и Паспарту с большим удовольствием рассказывал о своих похождениях столь внимательному слушателю.

— Что ж, — спросил в заключение Фикс, — ваш хозяин собирается увезти эту молодую даму в Европу?

— Вовсе нет, мистер Фикс, вовсе нет! Мы просто провожаем ее к родственнику, богатому купцу в Гонконге,

«Ничего не поделаешь!» — сказал себе сыщик, стараясь скрыть разочарование.

— Стакан джина, господин Паспарту?

— Весьма охотно, господин Фикс. Как не выпить за нашу встречу на «Рангуне»!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой во время переезда из Сингапура в Гонконг поднимаются и разрешаются некоторые вопросы

Начиная с этого дня, Паспарту и сыщик часто встречались, но полицейский держал себя со своим спутником очень осторожно и больше не пытался его расспрашивать. Раз или два ему удалось увидеть мистера Фогга, который охотно проводил время в большом салоне «Рангуна» — или в обществе миссис Ауды, или за своим неизменным вистом.

Что касается Паспарту, то он начал всерьез задумываться над тем, как случилось, что Фикс еще раз оказался на пути мистера Фогга. И действительно, было чему удивляться. Этот приветливый и обязательный джентльмен сначала встречается им в Суэце, садится на «Монголию», высаживается в Бомбее, где намеревается задержаться, и вдруг теперь он оказывается на «Рангуне», идущем в Гонконг, — словом, в точности следует маршруту мистера Фогга; над всем этим стоило поразмыслить. По меньшей мере странное совпадение! За кем охотится этот Фикс? Паспарту готов был биться об заклад на свои индусские туфли, которые он заботливо сохранил, что Фикс покинет Гонконг в одно время с ними и, вероятно, на том же пароходе.

Паспарту мог размышлять хоть целый век, но он никогда бы не догадался, какая миссия поручена сыщику. Ему бы и в голову не пришло, что Филеаса Фогга «выслеживают» как вора по всему земному шару. Но человеческой природе свойственно всему находить объяснение, и Паспарту, озаренный внезапной

мыслью, объяснил себе, и довольно правдоподобно, постоянное присутствие мистера Фикса. По его мнению, выходило, что Фикс не кто иной, как агент коллег мистера Фогга по Реформ-клубу, посланный ими для наблюдения за правильным выполнением условий кругосветного путешествия.

— Это ясно! Это ясно! — повторял честный малый, гордясь своей проницательностью. — Он шпион, которого эти джентльмены пустили по нашим следам. Какой недостойный поступок! Мистер Фогг — такой честный, такой порядочный человек! И его выслеживают с помощью сыщика. Ну, господа из Реформ-клуба, это вам дорого обойдется!

Восхищенный своим открытием, Паспарту все же решил ничего не говорить мистеру Фоггу, боясь, что тот будет справедливо оскорблен недоверием, которое ему выказывают противники. Но зато он решил при случае хорошенько поиздеваться над Фиксом и высмеять его, не выдавая себя.

В среду, 30 октября, во второй половине дня «Рангун» вошел в Малаккский пролив, отделяющий одноименный полуостров от острова Суматры. Невдалеке от этого острова глазам пассажиров предстала группа живописных гористых островков.

А на следующий день, в четыре часа утра, пакетбот, выиграв полдня против расписания, пришвартовался в Сингапуре, чтобы пополнить свои запасы угля.

Филеас Фогг записал этот выигрыш времени в графу прибылей; на сей раз наш джентльмен сошел на берег, так как миссис Ауда выразила желание прогуляться.

Фикс, которому все действия Фогга казались подозрительными, незаметно последовал за ними. А Паспарту, смеясь про себя над маневрами Фикса, отправился, как обычно, за покупками.

Остров Сингапур невелик и не производит внушительного впечатления. Ему недостает гор, то есть рельефа. Тем не менее он по-своему очарователен. Это огромный парк, прорезанный прекрасными дорогами. Красивый экипаж, запряженный изящными лошада-

ками, вывезенными из Новой Голландии¹, помчал миссис Ауду и Филеаса Фогга по одной из этих дорог, среди чащи пальм с блестящими листьями и гвоздичных деревьев, покрытых полураспустившимися бутонами. Заросли перца заменяли здесь терновые изгороди европейских деревень; купы саговых пальм, высокие древовидные папоротники создавали чисто тропический пейзаж; мускатные деревья с покрытыми лаком листьями наполняли воздух пряным ароматом; лес был полон подвижных гримасничающих обезьян; в зарослях, наверное, водились тигры. Тем, кто спросит, почему на таком сравнительно маленьком острове до сих пор не истреблены эти кровожадные хищники, следует ответить, что тигры добираются сюда вплавь — через пролив — с Малаккского полуострова.

После двухчасовой прогулки по острову миссис Ауда и ее спутник, который смотрел вокруг себя, мало что замечая, вернулись в город, в это скопище тяжеловесных и приземистых домов, окруженных прелестными садами, где произрастают мангустаны, ананасы и другие вкуснейшие плоды мира.

В десять часов Фогг и его дама поднялись на пакетбот, не подозревая, что всю дорогу их сопровождал полицейский инспектор, которому пришлось для этого потратиться на наем экипажа.

Паспарту ожидал их на палубе «Рангуна». Он купил несколько дюжин плодов мангустана; плоды эти — величиной со среднее яблоко, темнокоричневые снаружи и яркокрасные внутри, их белая мякоть таег во рту и очень ценится истинными знатоками. Паспарту был весьма счастлив предложить эти плоды миссис Ауде, которая ласково поблагодарила его за это.

В одиннадцать часов «Рангун», наполнив бункеры углем, снялся с якоря, и несколько часов спустя пассажиры уже потеряли из виду высокие горы Малакки, густые леса которых дают приют самым великолепным тиграм на земном шаре.

Приблизительно тысяча триста миль отделяют Сингапур от острова Гонконга — небольшого клочка

¹ Новая Голландия — первоначальное название Австралии.

британской территории вблизи китайского берега. Филеас Фогг был очень заинтересован в том, чтобы проделать оставшийся путь самое большое за шесть дней и успеть сесть в Гонконге на пароход, отходивший 6 ноября в один из главных портов Японии — Иокогаму.

«Рангун» был сильно нагружен. В Сингапуре село много пассажиров: индусов, цейлонцев, китайцев, малайцев, португальцев; большинство из них разместилось во втором классе.

Стоявшая дотоле хорошая погода с последней четвертью луны испортилась. На море поднялось сильное волнение. Ветер несколько раз переходил в сильный бриз, но дул, к счастью, с юго-востока, что благоприятствовало ходу судна. Едва лишь представлялась возможность, капитан приказывал ставить паруса. Пароход, превращаясь в бриг, плыл под двумя марселями и фоком, и его скорость благодаря объединенной силе пара и ветра значительно возрастала. Так, преодолевая сильную, хотя и короткую, но подчас весьма изнуряющую волну, судно прошло мимо берегов Аннама и Кохинхины.

Но повинно в качке было скорее судно, нежели море, и большинству страдавших от морской болезни пассажиров «Рангуна» следовало жаловаться именно на пакетбот.

Действительно, корабли компании «Пенинсюлер», плавающие в китайских морях, обладают серьезным конструктивным недостатком. Осадка труженного судна и высота надводного борта плохо рассчитаны, поэтому суда эти слабо сопротивляются бурному морю. Их запас пловучести невелик, и они, как выражаются моряки, «легко потопляемы»; в связи с этим обстоятельством достаточно нескольких тяжелых валов, чтобы резко изменить их скорость. Если не по мощности паровых машин, то по своим мореходным качествам эти суда значительно уступают таким судам французской компании «Мессажери», как «Императрица» и «Камбоджа», которые соответственно техническим расчетам могут выдержать до полного погружения вес воды, равный их собственному весу, тогда как суда компании

«Пенинсюлер» «Голгонда», «Корея» и тот же «Рангун» рискуют пойти ко дну под давлением воды, равным лишь одной шестой части их веса.

Поэтому в дурную погоду надо было принимать серьезные меры предосторожности. Иногда судну даже приходилось под небольшими парами ложиться в дрейф. Эта потеря времени, повидимому, нисколько не отражалась на настроении Филеаса Фогга, но выводила из себя Паспарту. Тогда он обвинял капитана, механика, компанию и посылал к чертям всех имеющих хоть какое-нибудь отношение к перевозке пассажиров. Возможно, что мысль о газовом рожке, горящем за его счет в доме на Сэвиль-роу, в значительной мере объясняла его нетерпение.

— Вы, значит, очень спешите в Гонконг? — спросил его однажды сыщик.

— Очень спешим! — ответил Паспарту.

— Вы полагаете, что мистер Фогг стремится застать парход на Йокогаму?

— В высшей степени.

— Так вы теперь поверили в это кругосветное путешествие?

— Вполне. А вы, мистер Фикс?

— Я? Я не верю!

— Шутник! — воскликнул, подмигивая, Паспарту.

Это замечание заставило сыщика задуматься. Эпитет, употребленный Паспарту, почему-то встревожил его. Не разгадал ли его француз? Он не знал, что подумать. Как мог, однако, Паспарту узнать, что Фикс — сыщик, когда это оставалось тайной для всех? А между тем, говоря с ним в таком тоне, Паспарту, несомненно, таил какую-то заднюю мысль.

В другой раз Паспарту пошел еще дальше: он не в силах был держать язык за зубами.

— Послушайте, мистер Фикс, — обратился он с хитрым видом к своему собеседнику, — неужели нам, к глубочайшему сожалению, придется расстаться с вами по приезде в Гонконг?

— Я, право, не знаю! — ответил растерявшийся сыщик. — Может быть, мне...

— Эх, — сказал Паспарту, — если бы вы нас сопровождали и дальше, это было бы прямо счастьем для меня! Право, агент Восточной индийской компании не может остановиться на полдороге! Вы ехали только до Бомбея, а вот уже скоро и Китай! Недалеко и Америка, а от Америки рукой подать до Европы!

Фикс внимательно посмотрел на своего собеседника, который улыбался ему самым любезным образом, и также решил рассмеяться. Паспарту, который был в ударе, спросил его:

— Прибыльно ли ваше ремесло?

— И да и нет, — ответил Фикс, не моргнув. — Бывают дела хорошие и плохие. Но вы ведь сами понимаете, что я путешествовую не за свой счет.

— О, уж в этом-то я не сомневаюсь! — воскликнул Паспарту, заливаясь смехом.

На этом беседа закончилась; Фикс вернулся к себе в каюту и задумался. Очевидно, его разгадали. Так или иначе, но француз пронюхал, что он сыщик. Но предупредил ли он своего господина? Какую роль он сам играет во всей этой истории? Соучастник он или нет? Неужели дело раскрыто и, следовательно, проиграно? Сыщик провел несколько трудных часов: то он думал, что все пропало, то надеялся, что Фогг ничего не знает о создавшемся положении. Словом, Фикс не знал, что предпринять.

Но затем он успокоился и решил действовать с Паспарту в открытую. Если ему не удастся арестовать Фогга в Гонконге и тот приготовится на сей раз окончательно покинуть британскую территорию, то он, Фикс, все откроет Паспарту. Если слуга — сообщник своего господина и все рассказал тому, тогда дело плохо; если же слуга не замешан в краже, тогда в его интересах будет покинуть вора.

Таковы были взаимоотношения этих двух людей, а над ними в своем величественном бесстрастии парил Филеас Фогг. Он деловито описывал орбиту вокруг земного шара, нисколько не беспокоясь о тяготеющих к нему спутниках.

А между тем в соседстве с ним находилась, говоря языком астрономов, возмущающая звезда, которая,

казалось бы, должна была произвести некоторые пертурбации в сердце нашего джентльмена. Но нет! Прелести миссис Ауды, к крайнему удивлению Паспарту, не производили этих пертурбаций, а если таковые и происходили, то во всяком случае их было труднее вычислить, чем те пертурбации Урана, благодаря которым был открыт Нептун.

Паспарту дивился этому с каждым днем все больше, особенно потому, что в глазах молодой женщины он читал столько признательности к его господину! Но, как видно, Филеас Фогг обладал сердцем, способным лишь на героические, а не на любовные порывы! Не было в нем и признаков озабоченности, неизбежной в столь рискованном путешествии. Зато Паспарту находился в постоянном волнении. Однажды, опершись на поручни, ограждающие спуск в машинное отделение, он смотрел на мощную машину, которая по временам вся сотрясалась, когда при сильной качке над водой появлялся бешено вращавшийся винт. И пар вырывался тогда из клапанов, что вызывало ярость честного малого.

— Эти клапаны плохо работают! — кричал он. — Мы не движемся! У этих англичан всегда так! Будь это американский пароход, он, быть может, и взорвался бы, но все же шел бы скорей!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой Филеас Фогг, Паспарту и Фикс занимаются
каждый своим делом*

В последние дни плавания стояла довольно ненастная погода. Дул сильный северо-западный ветер, мешавший ходу судна. Малоустойчивый «Рангун» сильно качало, и пассажиры справедливо негодовали на огромные валы, вызывавшие тошноту.

Третьего и четвертого ноября разразилось что-то вроде бури. Шквал яростно хлестал по волнам. «Рангун» вынужден был на целые полдня лечь в дрейф, его винт делал лишь по десять оборотов в минуту, чтобы

судно могло хотя бы противиться волнам. Все паруса были убраны, и ветер ревел среди голых снастей.

Скорость пакетбота, естественно, сильно уменьшилась, и можно было предполагать, что если буря не утихнет, то он придет в Гонконг с опозданием часов на двадцать, если не больше, против времени, установленного расписанием.

Филеас Фогг с обычной невозмутимостью взирал на разъяренное море, которое, казалось, вступило с ним в единоборство. Его чело ни на мгновение не омрачалось, хотя опоздание на двадцать часов могло нарушить весь ход его путешествия, ибо он рисковал опоздать к отплытию парохода в Иокогаму. Но этот человек без нервов не ощущал ни беспокойства, ни волнения. Казалось, что налетевшая буря также входила в его расписание, что он и ее предвидел. Миссис Ауда, заговорив со своим спутником об этой досадной помехе, убедилась, что он столь же спокоен, как и всегда.

Но Фикс смотрел на все это другими глазами. Совсем другими. Буря эта ему даже нравилась. Восторгу его, конечно, не было бы границ, если бы «Рангун» под напором шторма вдруг повернул бы назад. Всякое опоздание было ему на руку, так как оно могло заставить мистера Фогга задержаться на несколько дней в Гонконге. Словом, небесные стихии со шквалами и бурями были козырями в его игре. Правда, ему немного нездоровилось, но какое это имело значение! Он не обращал внимания на тошноту, и, хотя его всего корчило от морской болезни, в душе он испытывал огромное удовлетворение.

Легко себе представить, с какой нескрываемой яростью встретил это испытание Паспарту. До сих пор все шло так замечательно! Земля и вода, казалось, покорно служили его господину. Пароходы и поезда слушались его. Ветер и пар объединялись, чтобы содействовать его путешествию. Неужели теперь пробил час разочарований? Паспарту не находил себе места, словно сумму в двадцать тысяч фунтов предстояло выплатить из его кошелька. Буря раздражала его, шквал приводил в бешенство, и он охотно высек бы это непокорное море! Бедный малый! Фикс заботливо скрывал

от него свое удовлетворение и хорошо делал, так как, если бы Паспарту догадался о его тайной радости, сыщику пришлось бы пережить несколько неприятных минут.

В продолжение всего шторма Паспарту не покидал палубы «Рангуна». Он не мог оставаться внизу; он карабкался на мачты, помогая матросам, и удивлял весь экипаж своей обезьяньей ловкостью и проворством. Сотни раз он задавал один и тот же вопрос капитану, офицерам, матросам, которые не могли удержаться от смеха, видя растерянность честного малого. Паспарту хотел наверняка знать, сколько времени продлится буря. Его отсылали к барометру. Он тряс его, но ни толчки, ни оскорбления, которыми он осыпал безответный барометр, не помогали: тот и не думал подниматься.

Наконец, шторм утих. Днем 4 ноября состояние моря улучшилось. Ветер переместился на два румба к югу и вновь сделался благоприятным.

Лицо Паспарту прояснилось вместе с погодой. Поставили марсели и нижние паруса, и «Рангун» с большой скоростью вновь устремился вперед.

Но наверстать потерянное время полностью было уже невозможно. С этим надо было примириться, земля показалась только 6 ноября в пять часов утра. По расписанию Филеас Фогг должен был прибыть в Гонконг 5, но прибыл только 6 ноября. Он опаздывал, следовательно, на целые сутки и волей-неволей должен был пропустить пароход на Иокогаму.

В шесть часов лоцман поднялся на борт «Рангуна» и стал на мостик, чтобы ввести судно в Гонконгский порт.

Паспарту умирал от желания спросить его, ушел ли пакетбот в Иокогаму, но не решился, желая сохранить до последней минуты хотя бы тень надежды. Он поделился с Фиксом своим беспокойством, и тот — хитрая лиса! — начал его утешать, говоря, что мистер Фогг может поехать и со следующим пароходом. Это привело Паспарту в дикую ярость.

Но если Паспарту так и не отважился заговорить с лоцманом, то мистер Фогг, заглянув в путеводитель,

хладнокровно спросил лоцмана, не знает ли он, когда уходит из Гонконга какой-нибудь пароход в Иокогаму.

— Завтра с утренним приливом, — ответил лоцман.

— Вот как! — сказал мистер Фогг, не выражая ни малейшего удивления.

Присутствовавший при этом разговоре Паспарту охотно расцеловал бы лоцмана, зато Фиксу захотелось свернуть моряку шею.

— Как называется этот пароход? — спросил мистер Фогг.

— «Карнатик», — ответил лоцман.

— Разве он не должен был отплыть вчера?

— Вы правы, сударь, но на нем пришлось ремонтировать один из котлов, и поэтому он отойдет лишь завтра.

— Благодарю вас, — сказал мистер Фогг и возвратился в салон своей размеренной походкой.

Что касается Паспарту, то он стиснул руку лоцмана и сильно потряс ее, восклицая:

— Вы, лоцман, молодец!

Лоцман, конечно, так и не узнал, почему его ответ вызвал столь дружеские излияния. Раздался свисток, и он, поднявшись на капитанский мостик, повел пакетбот среди целой флотилии джонок, лодок, на которых китайцы живут целыми семьями, рыболовных суденышек и кораблей всех видов, теснившихся на Гонконгском рейде.

В час дня «Рангун» пришвартовался к набережной и пассажиры начали высаживаться.

Надо признать, что случай сильно помог Филеасу Фоггу. Если бы «Карнатику» не понадобилось ремонтировать котел, он отплыл бы 5 ноября, и путешественникам, отправляющимся в Японию, пришлось бы восемь дней дожидаться следующего парохода. Правда, мистер Фогг опоздал на целые сутки, но это опоздание не могло иметь губительных последствий для его дальнейшего пути.

Отплытие парохода, курсирующего через Тихий океан между Иокогамой и Сан-Франциско, согласовано с приходом пакетбота из Гонконга, и он не может отойти до прибытия последнего. Правда, в Иокогаме

Филеас Фогг будет на сутки позже против расписания, но это опоздание легко нагнать во время двадцатидвухдневного пути через Тихий океан. Таково было положение Филеаса Фогга на тридцать пятый день после его отъезда из Лондона.

«Карнатик» должен был отплыть на завтра в пять часов утра, так что в распоряжении мистера Фогга имелось шестнадцать часов, чтобы заняться делами, то есть устройством миссис Ауды. Сойдя с парохода, он предложил молодой женщине руку и проводил ее до паланкина. Он попросил носильщиков указать ему лучший отель; те назвали гостиницу «Клуб». Паланкин, сопровождаемый Паспарту, пустился в путь и через двадцать минут прибыл к месту назначения.

Для молодой женщины были сняты отдельные комнаты, и Филеас Фогг позаботился, чтобы она ни в чем не нуждалась. После этого он сообщил миссис Ауде, что немедленно отправляется разыскивать ее родственника, на попечение которого он должен был ее оставить в Гонконге. Одновременно с этим он приказал Паспарту не покидать гостиницы, чтобы молодая женщина не оставалась одна.

Наш джентльмен приказал доставить себя на биржу. Там, несомненно, должны были знать такого человека, как почтенный Джиджи, который считался одним из богатейших коммерсантов города.

Маклер, к которому обратился мистер Фогг, действительно знал этого негоцианта-парса. Но тот уже два года, как не жил в Китае. Составив себе большое состояние, он переселился в Европу, как предполагали в Голландию, ибо в этой стране у него были большие связи по прежней коммерческой деятельности.

Филеас Фогг тотчас же вернулся в гостиницу и попросил у миссис Ауды разрешения повидать ее. Без долгих предисловий он сообщил ей, что почтенный Джиджи больше не живет в Гонконге и, вероятнее всего, поселился в Голландии.

Сначала миссис Ауда ничего не ответила. Она провела рукой по лицу и задумалась. Потом своим нежным голосом спросила:

— Что ж мне теперь делать, мистер Фогг?

— Очень просто, — ответил джентльмен, — отправиться в Европу.

— Но я не могу так злоупотреблять...

— Вы ничем не злоупотребляете, и ваше присутствие нисколько не нарушает моих планов... Паспарту!

— Что угодно? — спросил Паспарту.

— Отправляйтесь на «Карнатик» и закажите три каюты.

Восхищенный возможностью продолжать путешествие в обществе молодой женщины, которая была с ним так ласкова, Паспарту тотчас же помчался на пароход.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой описывается, как Паспарту проявил слишком живой интерес к делам своего господина и то, что из этого вышло

Гонконг — небольшой остров, который по нанкинскому договору после войны 1842 года перешел во владение Англии. За несколько лет колонизаторской деятельности предприимчивая Великобритания выстроила здесь крупный город и создала порт, назвав его Виктория. Островок этот расположен в устье реки Кантон и отделен лишь шестьюдесятью милями от португальского города Макао, стоящего на другом берегу реки. Гонконг неизбежно должен был победить в коммерческой войне Макао, и ныне большая часть китайского транзита проходит через английский город. Глядя на его доки, верфи, пакгаузы, больницы, готический собор, «government-house»¹, на его мощенные шебен улицы, можно подумать, что находишься не в Китае, а в одном из торговых городов графства Кент или Сэррей, прорезавших толщу земного шара и вынырнувших на его противоположной стороне.

Паспарту, засунув руки в карманы, направился в порт, глаза на паланкины — эти крытые носилки,

¹ Правительственное здание (англ.).

еще не вышедшие из моды в Небесной империи, и с любопытством рассматривая толпы китайцев, японцев и европейцев, наполнявших улицы. За малым исключением это был все тот же Бомбей, Калькутта или Сингапур, вновь оказавшиеся на пути нашего славного малого. Цепь английских городов тянулась вокруг всего земного шара.

Паспарту пришел в порт Виктория. Там, в устье реки Кантон, стояло множество судов всех национальностей: английских, французских, американских, голландских, военных кораблей и коммерческих судов, японских и китайских лодок, джонок, сампанов и даже лодок с цветами, образовавших на воде пловучие цветники. Прогуливаясь, Паспарту заметил несколько очень старых китайцев, одетых во все желтое. Зайдя в цирюльню, чтобы побриться «на китайский манер», он узнал от местного Фигаро, бегло говорившего по-английски, что каждому из этих стариков исполнилось по крайней мере восемьдесят лет и что, достигнув этого возраста, они получили право носить желтый цвет, который в Китае является императорской привилегией. Сам не зная почему, Паспарту нашел это весьма забавным.

Побрившись, он вернулся в порт, где стоял «Карнатик», и заметил там Фикса, который прогуливался взад и вперед. Паспарту несколько не удивился этой встрече, но он прочел на лице полицейского инспектора живейшую досаду и растерянность.

«Эге! — воскликнул про себя Паспарту, — видно, неважны дела у джентльменов из Реформ-клуба!»

Сделав вид, что не замечает дурного настроения Фикса, он с сияющей улыбкой подошел к нему.

Сыщик имел достаточно оснований проклинать свое роковое невезение. Ордера на арест все еще не было! Очевидно, он путешествует вслед за ним и может настичь его лишь в том случае, если Фикс на несколько дней задержится в каком-нибудь городе. Но так как Гонконг был последней английской территорией на пути Фогга, то следовало во что бы то ни стало задержать его здесь, чтобы он окончательно не ускользнул.

— Ну как, мистер Фикс, вы все же надумали сопровождать нас до Америки? — спросил Паспарту.

— Да! — процедил сквозь зубы Фикс.

— Вот как! — воскликнул с громким хохотом Паспарту. — Я знал, что вы не можете расстаться с нами. Ну что ж, идемте, заказывайте себе каюту!

И они вместе вошли в бюро морских сообщений и заказали четыре каюты. При этом служащий предупредил их, что ремонт «Карнатика» закончен и пакетбот уйдет не на следующее утро, как предполагалось, а в этот же день в восемь часов вечера.

— Великолепно! — заметил Паспарту. — Это вполне устраивает моего господина. Пойду его предупредить.

Тут Фикс отважился на крайнее средство. Он решил все открыть Паспарту. Это был, пожалуй, единственный способ на несколько дней задержать Филеаса Фогга в Гонконге.

Выйдя из бюро, Фикс предложил своему спутнику зайти в таверну освежиться. У Паспарту было еще время. Он принял приглашение Фикса.

На набережной им попалась таверна. У нее был очень заманчивый вид. Оба вошли в нее. Это был просторный, хорошо убранный зал, в глубине которого стояло что-то вроде огромной походной кровати со множеством подушек. На ней лежало несколько спящих.

Человек тридцать посетителей сидело за маленькими столиками из плетеного тростника. Одни пили английское пиво, эль или портер, другие предпочитали алкогольные напитки — ликер, джин или брэнди. Кроме того, большинство курило длинные глиняные трубки, набитые шариками опиума, смешанного с розовой эссенцией. Время от времени кто-нибудь из курильщиков терял сознание и скатывался под стол, и тогда двое официантов хватали его за голову и за ноги и клали на кровать, где уже лежало около двадцати человек в последней стадии опьянения.

Фикс и Паспарту поняли, что попали в одну из тех курилен, куда сходятся несчастные, исхудалые, отупевшие и впавшие в слабоумие люди, которым предприимчивая Англия продает ежегодно на двести шестьдесят миллионов франков губительного снадобья, называемого опиумом! Презренные миллионы, полученные от

использования одного из самых губительных человеческих пороков!

Китайское правительство давно стремится путем суровых законов пресечь это зло, но тщетно. От обеспеченных слоев населения, которым некогда было предоставлено исключительное право курения опиума, эта привычка перешла к широким слоям народа, и вред, производимый ею, не мог уже быть ограничен. В Китае опиум курят всюду и особенно в центральной части страны. Мужчины и женщины предаются этой пагубной страсти и, привыкнув вдыхать дым опиума, уже не могут без этого обходиться, не испытывая мучительных судорог в желудке. Привычный курильщик может выкурить в день до восьми трубок, но через пять лет такой жизни он умирает.

В одну из этих многочисленных даже в Гонконге курilen и попали Фикс и Паспарту, желавшие немного освежиться. У Паспарту не было с собой денег, но он охотно воспользовался «любезностью» своего спутника, рассчитывая отплатить ему в свое время тем же.

Они спросили две бутылки портвейна, которым француз воздал должное. Фикс, более сдержанный, наблюдал за своим спутником с особым вниманием. Говорили о том, о сем и больше всего о прекрасной идее Фикса также совершить путешествие на «Карнатике». Вспомнили о том, что пароход должен отойти на несколько часов раньше назначенного срока. Паспарту, опорожнив обе бутылки, поднялся, чтобы пойти предупредить своего господина.

Фикс удержал его.

— Минутку, — сказал он.

— Что вы хотите, мистер Фикс?

— Мне надо с вами потолковать о серьезных делах.

— О серьезных делах! — воскликнул Паспарту, допивая несколько капель вина, оставшихся на дне его стакана. — Ну что ж, мы поговорим о них завтра. Сегодня мне некогда.

— Оставайтесь, — настаивал Фикс, — дело касается вашего господина!

Паспарту при этих словах внимательно посмотрел на своего собеседника.

Выражение лица Фикса показалось ему странным. Он снова сел.

— Что ж вы хотите мне сообщить? — спросил он.

Фикс понизил голос и, взяв за локоть своего собеседника, сказал:

— Вы догадались, кто я такой?

— Еще бы! — ухмыльнулся Паспарту.

— Тогда я вам признаюсь во всем...

— Теперь, когда я и так все знаю, приятель! Вот уж совсем неумно! Ну ладно, ваяйте. Но сначала позвольте мне сказать, что ваши джентльмены напрасно потратились.

— Напрасно?! — спросил Фикс. — Вам легко говорить. Сразу видно, что вы не знаете, какая сумма...

— Очень хорошо знаю! — ответил Паспарту. — Двадцать тысяч фунтов.

— Пятьдесят пять тысяч фунтов! — поправил Фикс, сжимая руку француза.

— Как! — воскликнул Паспарту. — Мистер Фогг рискнул!.. Пятьдесят пять тысяч фунтов!.. Ну, тогда еще больше оснований не терять ни минуты, — добавил он, вновь поднимаясь из-за стола.

— Пятьдесят пять тысяч фунтов, — повторил Фикс, насильно усаживая Паспарту на место и приказав принести еще бутылку брэнди. — В случае успеха я получу премию в две тысячи фунтов. Хотите пятьсот фунтов при условии, что вы мне поможете.

— Помогу вам? — воскликнул Паспарту, вытаращив глаза от изумления.

— Да, поможете мне на несколько дней задержать господина Фогга в Гонконге!

— Это еще что такое?! Что за вздор вы городите! — вскричал Паспарту. — Мало того что ваши джентльмены следят за моим господином, сомневаются в его порядочности, они еще вздумали чинить ему препятствия! Мне просто стыдно за них!

— Как? Что вы этим хотите сказать? — спросил Фикс.

— Я хочу сказать, что это просто неприлично. Это все равно, что обобрать мистера Фогга и вынуть у него деньги из кармана.

— Именно к этому мы и стремимся!

— Так это же западня! — воскликнул Паспарту, возбужденный действием брэнди, ибо Фикс все время наполнял его стакан и честный малый пил, не переставая. — Настоящая-западня! А еще называются коллеги! Джентльмены!

Фикс ничего не понимал.

— Коллеги! — продолжал кричать Паспарту. — Члены Реформ-клуба! Знайте же, мистер Фикс, мой господин — честный человек, и раз уж он заключает пари, то выполняет его по всем правилам.

— За кого вы меня принимаете? — спросил Фикс, пристально вглядываясь в Паспарту.

— Черт возьми! Конечно, за агента членов Реформ-клуба, которому поручено проверять маршрут моего господина, что в высшей степени унижительно! Вот почему, хотя я уже давно вас разгадал, я, разумеется, ничего не сказал мистеру Фоггу!

— Он ничего не знает?.. — живо спросил Фикс.

— Ничего, — ответил Паспарту, еще раз осушая свой стакан.

Сыщик провел рукой по лбу. Он не решался продолжать разговор. Что ему надлежало предпринять? Заблуждение Паспарту казалось искренним, но это еще более затрудняло выполнение плана агента. Было очевидно, что француз говорил совершенно чистосердечно и отнюдь не был соучастником своего господина, а ведь этого соучастия Фикс и боялся больше всего.

«Ну что ж, — подумал сыщик, — раз он не соучастник, он мне поможет».

И сыщик вторично решился. Впрочем, у него больше не было времени ждать. Любой ценой надо было задержать Фогга в Гонконге.

— Слушайте! — быстро заговорил Фикс. — Слушайте меня хорошенько. Я вовсе не тот, за кого вы меня принимаете. Я не агент членов Реформ-клуба.

— Вот как! — протянул Паспарту, насмешливо глядя на него.

— Я — полицейский инспектор, у меня поручение от столичной полиции...

— Вы... полицейский инспектор?

— Да, и я это вам сейчас докажу, — продолжал Фикс. — Вот мои полномочия.

Полицейский агент вытащил из бумажника свои документы и показал своему собеседнику полномочия, подписанные начальником лондонской полиции. Опешивший Паспарту, лишившись дара речи, смотрел на Фикса.

— Пари мистера Фогга, — продолжал Фикс, — лишь предлог, с помощью которого он надул и вас и своих коллег по Реформ-клубу, ибо он был заинтересован в том, чтобы обеспечить себе ваше невольное участие.

— Но в чем? — воскликнул Паспарту.

— Слушайте. Двадцать девятого сентября в Английском банке была совершена кража пятидесяти пяти тысяч фунтов стерлингов человеком, приметы которого установлены. Так вот, смотрите, они точь-в-точь соответствуют наружности Фогга.

— Ну вот еще! — закричал Паспарту, ударяя своим могучим кулаком по столу. — Мой господин — самый честный человек на свете!

— А почему вы знаете? — возразил Фикс. — Он ведь вам вовсе незнаком! Поступили вы к нему в день отъезда, а выехал он поспешно, воспользовавшись нелепым предлогом, даже без вещей, захватив с собою лишь большую сумму денег. И вы осмеливаетесь после этого утверждать, что он — честный человек!

— Да! да! — машинально повторял бедный малый.

— Вы что ж, хотите быть арестованным, как его соучастник?

Паспарту схватился за голову. Он был неузнаваем. Он не смел взглянуть на полицейского инспектора. Филеас Фогг — вор! Он, спаситель Ауды, смелый и великодушный человек! А между тем какие жестокие улики выдвинуты против него! Паспарту постарался отбросить все подозрения, возникшие в его мозгу. Нет, он не хотел верить в виновность своего господина!

— В конце концов чего вы от меня хотите? — спросил он сыщика, страшным усилием воли овладев собою.

— Вот чего, — ответил сыщик. — Я проследил господина Фогга до Гонконга, но этого мало: до сих пор не получен приказ об его аресте, который я затребовал из Лондона. Вы должны помочь мне задержать его в Гонконге...

— Я! Чтобы я...

— А я поделюсь с вами премией в две тысячи фунтов стерлингов, обещанной Английским банком.

— Никогда! — ответил Паспарту, который попытался подняться и снова упал на стул, чувствуя, что и силы и разум изменяют ему. — Мистер Фикс, — произнес он заикаясь, — если даже все, что вы мне говорили, правда... если даже мой господин тот самый вор, которого вы разыскиваете... хотя я отвергаю это... я был... я у него на службе... и я видел, что он добр и великодушен... Предать его!.. никогда... ни за какие блага мира. Я не из такого теста сделан!

— Вы отказываетесь?

— Отказываюсь.

— Будем считать, что я ничего не говорил, — сказал Фикс, — а теперь выпьем.

— Да, выпьем!

Паспарту чувствовал, что пьянеет все больше и больше. Фикс, понимая, что надо любой ценой разлучить слугу и господина, решил его доконать. На столе лежало несколько трубок, набитых опиумом. Одну из них Фикс взял и сунул в руку Паспарту, тот поднес ее к губам, зажег и сделал несколько затяжек; голова его отяжелела под действием яда и склонилась на стол.

— Наконец-то! — сказал Фикс, глядя на неподвижного Паспарту. — Наш господин Фогг не будет предупрежден во-время об отходе «Карнатика», а если он все же уедет, то по крайней мере без этого проклятого француза!

И он вышел из таверны, заплатив по счету.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой Фикс входит в непосредственные отношения с Филеасом Фоггом

Во время вышеописанной сцены, которая могла иметь столь серьезные последствия для судьбы мистера Фогга, этот джентльмен сопровождал миссис Ауду в прогулке по английским кварталам города. С тех пор как миссис Ауда приняла его предложение проводить ее до Европы, ему приходилось заботиться обо всех мелочах, необходимых для столь далекого путешествия. Когда англичанин его склада совершает кругосветное путешествие с одним лишь саквояжем в руках, это еще куда ни шло! Но женщина, конечно, не способна проделать столь долгий путь в таких условиях. Поэтому возникла необходимость приобрести ей одежду и все нужное для путешествия. Мистер Фогг выполнил эту обязанность с присущим ему спокойствием и на все извинения и протесты смущенной такой любезностью молодой вдовы неизменно отвечал:

— Это в интересах моего путешествия, это входит в мою программу.

Сделав покупки, мистер Фогг и молодая женщина вернулись в гостиницу и пообедали за роскошно сервированным столом. Затем немного уставшая миссис Ауда поднялась к себе в комнату, пожав на английский манер руку своему невозмутимому спасителю.

А почтенный джентльмен на весь вечер погрузился в чтение «Таймса» и «Иллюстриейтед Лондон ньюс».

Будь он человеком, способным чему-нибудь удивляться, его, наверное, изумило бы отсутствие Паспарту, который не появился к часу, положенному для отхода ко сну. Но, зная, что пакетбот на Йокогаму покидает Гонконг лишь на следующий день утром, мистер Фогг не придавал этому большого значения. Утром на его звонок Паспарту тоже не явился.

Что подумал почтенный джентльмен, узнав, что его слуга вообще не вернулся в гостиницу, этого никто не может сказать. Мистер Фогг ограничился тем, что взял

свой саквояж, послал предупредить миссис Ауду и приказал нанять паланкин.

Было еще только восемь часов. Полный прилив, которым должен был воспользоваться «Карнатик», чтобы выйти в открытое море, ожидался в половине десятого.

Паланкин прибыл к дверям гостиницы, мистер Фогг и миссис Ауда заняли места в этом комфортабельном экипаже; багаж следовал за ними в тележке.

Через полчаса наши путешественники были уже на пристани, и там мистер Фогг узнал, что «Карнатик» отплыл накануне.

Мистер Фогг, который рассчитывал найти одновременно и пакетбот и своего слугу, не нашел ни того, ни другого. На его лице не промелькнуло и тени досады, а в ответ на тревожный взгляд миссис Ауды он только произнес:

— Сударыня, это простая случайность, не больше.

В эту минуту к ним приблизился какой-то человек, внимательно наблюдавший за ними издалека. То был полицейский инспектор Фикс. Он поклонился и сказал:

— Сударь, вы, верно, как и я, один из пассажиров, прибывших вчера на «Рангуне»?

— Да, — холодно ответил мистер Фогг. — Но я не имею чести...

— Извините меня, я рассчитывал найти здесь вашего слугу.

— А вы знаете, где он? — живо спросила молодая женщина.

— Как! Разве он не с вами? — с притворным удивлением сказал Фикс.

— Нет, — ответила миссис Ауда. — Он не появлялся со вчерашнего дня. Не уехал ли он без нас на «Карнатике»?

— Без вас, сударыня?.. — протянул агент. — Но простите за нескромный вопрос: вы, стало быть, рассчитывали отплыть на этом пакетботе?

— Да, сударь.

— Я тоже, сударыня, и теперь я в полном отчаянии. «Карнатик» закончил ремонт раньше времени и покинул Гонконг двенадцать часов тому назад, не

предупредив никого из пассажиров. И теперь придется ждать восемь дней до следующего парохода!

Говоря «восемь дней», Фикс чувствовал, как его сердце колотится от радости. Восемь дней! Фогг задержан на восемь дней в Гонконге! За это время придет ордер на его арест. Наконец-то судьба улыбнулась представителю закона.

Его словно обухом ударили по голове, когда он услышал, как Филеас Фогг спокойно произнес:

— Но ведь в Гонконге должны быть, мне кажется, и другие корабли помимо «Карнатика».

И мистер Фогг, предложив руку миссис Ауде, отправился к докам в поисках отплывающего судна.

Ошеломленный Фикс следовал за ним. Можно было подумать, что какая-то нить привязывала его к этому человеку.

Но, как видно, судьба окончательно изменила тому, кому так исправно дотоле служила. Филеас Фогг в продолжение трех часов исходил гавань вдоль и поперек; он решил, если понадобится, зафрахтовать специальное судно до Йокогамы, но видел лишь суда, которые стояли под погрузкой или выгрузкой и, следовательно, не могли сняться с якоря. В сердце Фикса оживала надежда.

Однако мистер Фогг не падал духом. Он продолжал свои поиски, готовый добраться даже до Макао, как вдруг его остановил во внешней гавани какой-то моряк.

— Ваша милость ищет корабль? — сказал он, снимая шляпу.

— У вас есть готовый к отплытию корабль? — спросил мистер Фогг.

— Да. Лоцманское судно номер сорок три, лучшее во всей флотилии.

— Хороший ход?

— От восьми до девяти миль. Желаете взглянуть на него!

— Да.

— Ваша милость останется довольна. Ведь дело идет о морской прогулке?

— Нет. О путешествии.

— О путешествии?

— Возьметесь вы доставить меня в Иокогаму?

При этих словах моряк вытаращил глаза и замахал руками.

— Ваша милость изволит смеяться?

— Нет! Я опоздал к отплытию «Карнатика», а мне необходимо не позднее четырнадцатого быть в Иокогаме, чтобы застать пароход на Сан-Франциско.

— Очень сожалею, но это невозможно.

— Я вам предлагаю сто фунтов в день и премию в двести фунтов, если вы доставите меня во-время.

— Это серьезно? — спросил лоцман.

— Совершенно серьезно, — ответил мистер Фогг.

Лоцман отошел в сторону. Он смотрел на море, очевидно борясь между желанием заработать такую громадную сумму и боязнию пуститься в столь далекий путь. Фикс смертельно волновался.

В это время мистер Фогг, обернувшись к миссис Ауде, спросил:

— Вам не будет страшно, сударыня?

— С вами, мистер Фогг, нет! — ответила молодая женщина.

Лоцман вновь подошел к нашему джентльмену, вертя шапку в руках.

— Ну, как, лоцман? — спросил мистер Фогг.

— Так вот, ваша милость, — ответил лоцман, — я не могу рисковать ни моими людьми, ни собою, ни вами, пускаясь в такое длинное путешествие в это время года на судне водоизмещением всего в двадцать тонн. К тому же мы все равно не попадем в срок, так как от Гонконга до Иокогамы тысяча шестьсот пятьдесят миль.

— Всего тысяча шестьсот.

— Ну, это одно и то же.

Фикс глубоко перевел дух.

— Но, — продолжал лоцман, — быть может, есть средство уладить это дело иным путем.

У Фикса перехватило дыхание.

— Каким? — спросил Филеас Фогг.

— Отправившись к южным берегам Японии — в Нагасаки; расстояние до этого порта — тысяча сто миль. Или даже еще лучше — в Шанхай, расположенный в восьмистах милях от Гонконга. В этом случае

мы не будем слишком сильно удаляться от китайских берегов, что для нас весьма выгодно, тем более что морские течения направлены здесь на север.

— Лощман, — сказал Филеас Фогг, — я должен сесть на американский пароход в Иокогаме, а не в Шанхае и не в Нагасаки.

— Почему это? — спросил лощман. — Ведь пакетбот, следующий в Сан-Франциско, отправляется именно из Шанхая, а в Иокогаме и Нагасаки он делает лишь остановки.

— Вы уверены в своих словах?

— Вполне уверен.

— Когда пакетбот отходит из Шанхая?

— Одинадцатого в семь вечера. Так что в нашем распоряжении четверо суток. Четверо суток — это девять часов. При средней скорости в восемь миль в час, если мы будем обеспечены всем необходимым, если продержится юго-восточный ветер и если море будет спокойно, мы сможем покрыть за это время восемьсот миль, отделяющих нас от Шанхая.

— А когда вы можете отплыть?

— Через час. Нужно успеть запастись продовольствием и сняться с якоря.

— Вопрос решен... Вы владелец судна?

— Да. Я — Джон Бэнсби, владелец «Танкадеры».

— Хотите задаток?

— Если это не затруднит вашу милость.

— Вот двести фунтов в счет платы... Сударь, — продолжал Фогг, поворачиваясь к Фиксу, — если вы желаете воспользоваться...

— Сударь, — не колеблясь, ответил Фикс, — я сам хотел просить вас об этом одолжении.

— Хорошо. Через полчаса мы будем на борту.

— Но как же быть с нашим бедным Паспарту? — спросила миссис Ауда, которую очень беспокоило исчезновение француза.

— Я сделаю для него все, что можно, — ответил Филеас Фогг.

Расстроенный, взволнованный и взбешенный Фикс поднялся на лощманское судно, а мистер Фогг и его спутница направились в полицейское управление. Там

Филеас Фогг указал приметы Паспарту и оставил достаточную сумму для его отправки домой. Те же формальности были выполнены у французского консула, и затем паланкин после краткой остановки у гостиницы, где был взят багаж, доставил путешественников в гавань.

Пробило три часа. Лоцманское судно № 43 было готово к отплытию: экипаж находился на борту, припасы были погружены.

«Танкадера» была очаровательная маленькая шхуна водоизмещением в двадцать тонн, стройная, узкая, с острым носом. Она походила на гоночную яхту. Начищенные медные части ее блестели, железные были никелированы, палуба сверкала белизной слоновой кости; все указывало на то, что судовладелец Джон Бэнсби содержал свое судно в прекрасном состоянии. Обе мачты шхуны несколько отклонялись назад. Шхуна несла кливера, фок, грот, бизань, а также марсели, при попутном ветре она могла поднять и добавочные паруса. При хорошем ветре шхуна развивала большую скорость и уже выиграла несколько призов на состязаниях лоцманских судов.

Экипаж «Танкадеры» состоял из ее хозяина Джона Бэнсби и четырех матросов. Все они были смелыми моряками, которые в любую погоду отваживались пускаться на поиски кораблей и прекрасно знали море. Сам Джон Бэнсби, человек лет сорока пяти, черный от загара, сильный, с живым взглядом и энергичным лицом, очень уверенный в себе и отлично знавший свое дело, был способен вселить уверенность даже в самого робкого человека.

Филеас Фогг и миссис Ауда поднялись на борт шхуны. Фикс был уже там. Через люк в задней части судна путешественники спустились в квадратную каюту с нишами в стенах для коек. Посреди под яркой лампой стоял стол. В каюте было тесно, но чисто.

— Сожалею, что не могу предложить вам ничего лучшего, — сказал мистер Фогг Фиксу, который молча поклонился.

Сыщик испытывал некоторое унижение, чувствуя себя обязанным этому господину Фоггу.

«Бесспорно, — думал он, — этот мошенник весьма учтив, но все же он мошенник!»

В три часа десять минут на шхуне подняли паруса и на гафеле зареял британский флаг. Пассажиры находились на палубе. Мистер Фогг и миссис Ауда бросили последний взгляд на набережную в надежде, не покажется ли там Паспарту.

Фикс испытывал некоторые опасения, так как случай мог привести сюда несчастного малого, с которым он так недостойно поступил, и неизбежное объяснение окончилось бы не в пользу сыщика. Но француз не показывался: несомненно, он находился еще под влиянием одуряющего наркотика.

Наконец, Джон Бэнсби вывел судно в открытое море, ветер наполнил все паруса, и «Танкадера» устремилась вперед, подпрыгивая на волнах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой владелец «Танкадеры» рискует потерять премию в двести фунтов

Переезд в восемьсот миль в такое время года на судне водоизмещением в двадцать тонн был рискованным делом. Китайские моря очень беспокойны, и на них бывают ужасные бури, особенно в дни равноденствий, — а дело происходило еще в начале ноября.

Конечно, лоцману, при том огромном вознаграждении, которое он получал за каждый день пути, было выгоднее доставить своих пассажиров до самой Иокогамы. Но подобное путешествие было бы безрассудством, и уже сама попытка добраться до Шанхая являлась крайне смелым, чтобы не сказать дерзким, предприятием. Однако Джон Бэнсби твердо и, пожалуй, не без оснований надеялся на «Танкадери», которая, как чайка, покачивалась на волнах.

В последние часы первого дня пути «Танкадера» плыла вдоль извилистых берегов Гонконга и при по-

путном ветре развивала большую скорость, превосходно держась на волнах.

— Мне нет нужды, лоцман, рекомендовать вам максимальную быстроту, — сказал Филеас Фогг, когда шхуна вышла в открытое море.

— Положитесь на меня, ваша милость, — ответил Джон Бэнсби. — Мы поставили все паруса, какие ветер позволяет нести. Топсели не прибавят ничего, они могут только помешать ходу судна.

— Это ваше дело, лоцман, а не мое. Я полагаюсь на вас.

Филеас Фогг, широко расставив ноги и выпрямив корпус, стоял крепко, как моряк, и невозмутимо смотрел на бурное море. Молодая женщина, сидевшая на корме, чувствовала себя взволнованной, глядя на потемневший в сумерках океан, с которым боролось хрупкое судно. Над ее головой развевались белые паруса, уносившие шхуну вперед, словно широкие крылья. Шхуна, подхваченная ветром, казалось, летела по воздуху.

Спустилась ночь. Луна вступила в первую четверть, и ее слабый свет вскоре должен был погаснуть на туманном горизонте. Тучи, шедшие с востока, уже заволокли часть небосклона.

Лоцман засветил сигнальные огни — необходимая предосторожность в этих морях, у берегов которых плавают столько судов. Столкновения судов здесь не редкость, а при той скорости, какую развивала шхуна, она разбилась бы при первом ударе.

Фикс размышлял, стоя на носу судна. Он держался в стороне, зная, что Фогг по натуре неразговорчив. К тому же ему было неприятно беседовать с человеком, чьими услугами он пользовался. Он думал о будущем. Он был уверен, что Фогг не остановится в Иокोगаме, а немедленно сядет на пакетбот, идущий в Сан-Франциско, чтобы достигнуть Америки, широкие просторы которой обещали ему безопасность и безнаказанность. План Филеаса Фогга представлялся Фиксу необычайно простым.

Вместо того чтобы из Англии отплыть непосредственно в Соединенные Штаты, как это сделал бы

обыкновенный мошенник, этот Фогг проделал огромный крюк и пересек три четверти земного шара только для того, чтобы вернее достигнуть американского континента и, сбив со следов полицию, спокойно прожить деньги, похищенные в банке. Но что будет делать он, Фикс, на территории Соединенных Штатов? Оставит ли он в покое этого человека? Нет, тысячу раз нет! До тех пор, пока не будет вынесено постановление о выдаче вора, он не отстанет от него ни на шаг. Это его долг, и он выполнит его до конца. Во всяком случае, ему на помощь пришло счастливое обстоятельство: около Фогга нет больше Паспарту, а после тех признаний, которые сделал ему Фикс, было очень важно, чтобы слуга и господин никогда больше не встретились.

Филеас Фогг тоже думал о своем слуге, о его таинственном исчезновении. Перебрав все возможности, он пришел к заключению, что бедный малый вследствие какого-то недоразумения в последнюю минуту, видимо, сел на «Карнатик». Такого же мнения держалась и миссис Ауда, глубоко сожалевшая об этом честном слуге, которому она была так обязана. Можно было надеяться встретить Паспарту в Иокогаме, и, если «Карнатик» доставил его туда, это будет нетрудно узнать.

К десяти часам вечера ветер посвежел. Может быть, осторожнее было бы взять один риф, но лоцман, внимательно посмотрев на небо, решил оставить паруса так, как есть. Впрочем, «Танкадера», обладавшая большой осадкой, сохраняла устойчивость, идя под развернутыми парусами, которые к тому же нетрудно было быстро убрать, если бы разыгралась буря.

В полночь Филеас Фогг и миссис Ауда спустились в каюту. Фикс уже был там и лежал на одной из коек. Лоцман и матросы всю ночь оставались на палубе.

Наутро, 8 ноября, к восходу солнца шхуна уже прошла больше ста миль. Лаг, который часто опускали в море, показывал среднюю скорость от восьми до девяти миль в час. На «Танкадере» поставили все паруса, и при ровном боковом ветре она давала максимум скорости. Если ветер не изменит своего направления, судну будет обеспечена удача.

В течение всего дня «Танкадера» сколько-нибудь

значительно не отклонялась от берега и течения благоприятствовали ее курсу. Она плыла милях в пяти от земли, остававшейся у нее по левому борту, и временами, когда рассеивался туман, были видны неровные очертания берега. Ветер дул с суши, и поэтому море было не так бурно: благоприятное обстоятельство для шхуны, ибо суда малого тоннажа больше всего страдают от волн, которые уменьшают скорость, или, как говорят моряки, «убивают» ее.

К полудню ветер немного ослабел и подул с юго-востока. Лоцман приказал поставить топсель, но часа через два принужден был убрать его, так как ветер вновь усилился.

Мистер Фогг и его молодая спутница, к великому счастью, оказались нечувствительными к морской болезни и с аппетитом ели консервы и корабельные сухари. Фикс был приглашен разделить с ними трапезу и, к крайней своей досаде, должен был принять это предложение, ибо хорошо знал, что желудок, как и корабль, необходимо загружать балластом. Путешествовать на средства этого человека и вдобавок питаться за его счет он находил не совсем порядочным; но тем не менее он поел, правда немного.

По окончании завтрака Фикс почувствовал себя обязанным отвести мистера Фогга в сторону и сказать:

— Сударь...

Это слово жгло ему губы, он сдерживал себя, чтобы не схватить этого «сударя» за шиворот!

— Сударь, — продолжал он, — вы были столь любезны, что предложили мне место на этом судне. Хотя мои средства не позволяют мне жить так широко, как вы, я все же хотел бы заплатить свою долю...

— Не будем говорить об этом, сударь, — ответил мистер Фогг.

— Но я хотел бы...

— Нет, сударь, — повторил Фогг тоном, не допускавшим возражений. — Это входит в общие расходы!

Фикс поклонился и замолк. Затем он отправился на нос шхуны и за весь день не сказал больше ни слова.

Судно быстро мчалось вперед. Джон Бэнсби надеялся на успех. Несколько раз он повторял мистеру

Фоггу, что к назначенному сроку они будут в Шанхае. Мистер Фогг кратко отвечал, что он на это и рассчитывает. Впрочем, весь экипаж маленькой шхуны был преисполнен рвения. Премия воодушевляла этих смелых людей. И поэтому — ни одной снасти, не натянутой до предела! Ни одного плохо поставленного паруса! Ни одного резкого поворота, в котором можно было бы обвинить рулевого! Все маневры производились с такой тщательностью, словно шхуна участвовала в гонках Королевского яхт-клуба.

К вечеру лоцман определил по лагу, что от Гонконга шхуна прошла двести двадцать миль, и Филеас Фогг мог надеяться, что по прибытии в Йокогаму ему не придется записывать в свой маршрут ни минуты опоздания. Таким образом, серьезная неудача, постигшая его впервые после отъезда из Лондона, не должна была, видимо, нанести никакого ущерба его планам.

Под утро «Танкадера» прошла пролив Фо-Кьен, отделяющий большой остров Формозу от китайского берега, и пересекла тропик Рака. Море в этом проливе очень опасно: оно полно водоворотов, образуемых встречными течениями. Шхуну сильно качало. Короткие волны пересекали ей путь. На палубе было трудно стоять.

С наступлением дня ветер еще больше усилился. На небе появились предвестники шторма. К тому же барометр предсказывал скорую перемену погоды; его суточный ход был неправильный, и ртуть капризно колебалась в трубке. На юго-востоке море вздымалось длинными волнами, от которых «пахло бурей». Накануне солнце зашло в красном тумане, висевшем над фосфоресцирующими волнами океана.

Лоцман долго рассматривал мрачное небо и бормotal сквозь зубы что-то неразборчивое. Оказавшись рядом со своим пассажиром, он негромко спросил:

— Вашей милости можно говорить все?

— Все, — ответил Филеас Фогг.

— Нас ожидает шторм.

— Откуда он идет: с севера или с юга? — спокойно спросил мистер Фогг.

— С юга. Смотрите, какой собирается тайфун!

— Ну, так что ж! Тайфун с юга нам по пути, — ответил мистер Фогг.

— Если вы так на это смотрите, мне нечего больше сказать, — заметил лоцман.

Предчувствия не обманули Джона Бэнсби. В более раннее время года тайфун, по выражению одного известного метеоролога, пронесся бы всего лишь светящимся водопадом электрических разрядов, но в дни осеннего равноденствия можно было опасаться жестокой бури.

Лоцман заранее принял необходимые меры предосторожности. Он приказал убрать все паруса и спустить реи на палубу. Стеньги были также опущены. Люки наглухо задраили, чтобы ни одна капля воды не могла проникнуть в трюм судна. Один лишь треугольный парус из толстого полотна был оставлен на мачте, чтобы удерживать шхуну в попутном ветре. После этого оставалось только ждать.

Джон Бэнсби предложил своим пассажирам спуститься в каюту, но оставаться в тесном помещении, почти лишенном свежего воздуха и сотрясаемом волнами, было неприятно. Ни мистер Фогг, ни миссис Ауда, ни даже Фикс не согласились покинуть палубу.

К восьми часам сильный шквал с потоками дождя обрушился на шхуну. Увлекаемая своим единственным парусом, «Танкадера», словно перышко, была подхвачена бешеным ветром, силу которого невозможно точно передать. Сравнить его скорость с учетверенной скоростью несущегося на всех парах локомотива — значило лишь приблизиться к истине.

В продолжение всего дня судно, уносимое чудовищными волнами, мчалось к северу, сохраняя, к счастью, скорость, равную скорости этих волн. Двадцать раз на него грозили обрушиться горы воды, встававшие за его кормой. Но ловкий поворот руля, за которым стоял сам лоцман, каждый раз спасал судно от катастрофы. Временами пассажиров с ног до головы окатывало налетавшей волной, но они переносили это с философским спокойствием. Фикс, конечно, ворчал, но бесстрашная Ауда, не отрывая глаз от Филеаса Фогга, хладнокровием которого она любовалась, выказывала

себя достойной его спутницей, не обращая внимания на порывы ветра, налетавшего с обоих бортов судна. Что касается Филеаса Фогга, то можно было подумывать, будто тайфун тоже входил в его расчеты.

До сих пор «Танкадера» неизменно шла к северу, но к вечеру, как и можно было опасаться, ветер повернул на три румба и подул с северо-запада. Шхуна, идущая теперь бортом к волне, отчаянно сотрясалась. Море било в нее с такой силой, что можно было бы опасаться за ее целостность, если бы все части судна не были так крепко пригнаны друг к другу.

К ночи буря еще больше усилилась. Видя, что наступают темнота, а с темнотою и шторм становится сильнее, Джон Бэнсби начал тревожиться. Он спрашивал себя, не пора ли пристать к берегу, и посоветовался об этом со своими матросами.

Затем он подошел к Филеасу Фоггу и сказал:

— Мне кажется, ваша милость, мы хорошо сделаем, если зайдем в один из ближних портов.

— Я тоже так думаю, — ответил мистер Фогг.

— Вот как! — произнес лоцман. — Но в какой?

— Я знаю лишь один порт, — спокойно ответил Филеас Фогг.

— И он называется?..

— Шанхай.

Лоцман сначала не понял смысла этого ответа, свидетельствовавшего о несокрушимой настойчивости и решимости. Потом он воскликнул:

— Ну что ж, хорошо! Ваша милость правы. В Шанхай!

И направление «Танкадеры» неизменно поддерживалось на север.

То была поистине ужасная ночь! Только чудом маленькая шхуна не перевернулась. Два раза она скрывалась под водой, и, если бы не крепкие найтовы, все было бы смыто с палубы. Миссис Ауда чувствовала себя совсем разбитой, но не издала ни единой жалобы. Несколько раз мистер Фогг бросался к ней, чтобы защитить ее от ярости волн.

Наступил день. Буря все еще продолжалась с прежней силой. Но ветер опять переменял направление и

дул теперь с юго-востока. Эта перемена благоприятствовала «Танкадере», которая вновь двинулась вперед по бушующему морю, где сталкивались встречные волны. Будь судно построено не так прочно, эти волны разбили бы его одним ударом.

Время от времени среди разорванных ключев тумана показывался берег, но не было видно ни единого судна. Только одна «Танкадера» боролась с морем.

К полудню появились первые признаки успокоения, к закату солнца они стали более определенными.

Буря стихла так же внезапно, как началась. Разбитые от усталости пассажиры могли, наконец, закусить и немного отдохнуть.

Ночь прошла относительно спокойно. Лоцман вновь поставил паруса, взяв на них два рифа. Шхуна пошла со значительной скоростью. На восходе солнца следующего дня, 11 ноября, Джон Бэнсби, определив положение судна, заявил, что до Шанхая осталось меньше ста миль.

Но эти сто миль надо было пройти в один день! К вечеру мистер Фогг должен прибыть в Шанхай, если он не хочет опоздать к отходу пакетбота на Йокогаму. Не будь этой бури, из-за которой пропало несколько часов, шхуна была бы уже в тридцати милях от порта.

Ветер заметно стихал, и с ним, к счастью, стихало и волнение. Шхуна оделась парусами. Топсель, кливер, контрфок — все толкало судно вперед; море пенилось под его форштевнем.

К полудню «Танкадера» была всего в сорока пяти милях от Шанхая. Оставалось шесть часов до отхода парохода на Йокогаму.

На борту началось волнение. Всем хотелось во что бы то ни стало прибыть во-время. Все — кроме, конечно, Филеаса Фогга — чувствовали, как их сердца бьются от нетерпения. Маленькой шхуне надо было сохранить скорость не менее девяти миль в час, а ветер все слабел и слабел! Это был неустойчивый бриз, капризные порывы которого налетали откуда-то сбоку. Стоило им прекратиться, и море сейчас же успокаивалось.

Но все же судно было такое легкое, высокие, тонкого полотна паруса так хорошо держали ветер, что

«Танкадера», подгоняемая еще и течением, к шести часам вечера находилась в десяти милях от устья реки, на которой стоит Шанхай: самый город был расположен приблизительно в двенадцати милях вверх по ее течению.

В семь часов до Шанхая оставалось три мили. Страшное проклятие сорвалось с губ лоцмана... Премия в двести фунтов стерлингов, видимо, ускользала от него. Он посмотрел на мистера Фогга. Филеас Фогг оставался спокойным, хотя на карту было поставлено все его состояние...

В этот миг вдали показался длинный черный силуэт, увенчанный облаком дыма. То был американский пакетбот, отходивший из порта в назначенное время.

— Проклятье! — вскричал Джон Бэнсби, в отчаянии выпуская из рук руль.

— Сигнал! — спокойно приказал Филеас Фогг.

На носу «Танкадеры» стояла маленькая бронзовая пушка. Она служила для подачи сигналов во время тумана.

Пушку зарядили по самое жерло, но когда лоцман уже готов был поджечь фитиль, мистер Фогг приказал:

— Спустить флаг!

Флаг был спущен до середины мачты. Это было сигналом бедствия, и можно было надеяться, что американский пакетбот, заметив сигнал, изменит курс, чтобы подойти к шхуне.

— Огонь! — скомандовал мистер Фогг.

И звук выстрела маленькой бронзовой пушки разнесся в воздухе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

*где Паспарту убеждается, что, даже находясь у
антиподов, все же следует иметь немного денег в
кармане*

Седьмого ноября в половине седьмого вечера «Карнатик» покинул Гонконг и на всех парах устремился к Японии. На нем был полный груз и множество пассажиров. Только две каюты первого класса оставались

свободными: те самые каюты, которые были заказаны мистером Фоггом.

На другой день утром пассажиры второго класса не без некоторого удивления могли увидеть растрепанного шатающегося человека с тусклым взглядом, который нетвердыми шагами вышел из каюты и тяжело опустился на палубную скамью.

Это был Паспарту. Вот что с ним произошло.

Через несколько мгновений после того, как Фикс покинул курильню, двое слуг подняли крепко спавшего Паспарту и положили его на кровать, предназначенную для курильщиков. Часа через три Паспарту, преследуемый даже во сне навязчивой идеей, поборол одуряющее действие наркотика и очнулся. Мысль о невыполненном долге вывела его из оцепенения. Он покинул ложе пьяниц и, шатаясь, держась за стены, падая и поднимаясь, но все время неудержимо стремясь вперед, словно под властью какого-то инстинкта, вышел из курильни, крича словно в сне: «Карнатик!» «Карнатик!»

Пароход уже дымил, готовый к отплытию. Паспарту оставалось сделать лишь несколько шагов. Он устремился через трап, ступил на борт и свалился без сознания на баче в ту самую минуту, когда «Карнатик» поднимал якоря.

Матросы, привыкшие к подобным сценам, перетащили бедного малого в одну из кают второго класса, и Паспарту проснулся только на другой день в полуторастах милях от китайского берега.

Вот почему Паспарту оказался в это утро на палубе «Карнатика» и вдыхал полной грудью свежий морской воздух. Этот чистый воздух его окончательно протрезвил. Он с трудом стал собирать свои мысли и, наконец, припомнил все, что случилось накануне: признание Фикса, курильню и т. д.

«Очевидно, — подумал он, — я здорово нализался! Что-то скажет мистер Фогг? Во всяком случае, я не опоздал на пароход, а это самое главное!»

Затем он подумал о Фиксе.

«Надеюсь, — сказал он себе, — что теперь мы от него избавились: после такого предложения он не посмеет последовать за нами на «Карнатике». Поли-

цейский инспектор, сыщик гонится по пятам за моим господином, подозревая его в том, что он ограбил банк! Этого еще не хватало! Мистер Фогг такой же вор, как я — убийца!»

Должен ли Паспарту рассказать все это своему господину? Следует ли мистеру Фоггу знать о той роли, какую играет в этом деле Фикс? Может быть, лучше подождать возвращения в Лондон и лишь тогда рассказать ему о том, как полицейский агент из столицы гнался за ним вокруг света, и вместе с Филеасом Фоггом посмеяться над этим молодчиком? Да, конечно, так будет лучше. Во всяком случае, над этим стоит подумать. А теперь он немедленно отправится к мистеру Фоггу и извинится перед ним за свое неприличное поведение.

Паспарту поднялся с места. По морю ходили волны, и пакетбот сильно качало. Честный малый, еще не совсем твердо держась на ногах, кое-как добрался до кормы, где помещались каюты первого класса.

На палубе он не встретил никого, кто походил бы на его господина или миссис Ауду.

«Ага, — сказал сам себе Паспарту, — миссис Ауда еще спит в этот час. А мистер Фогг, видно, нашел себе партнеров для виста и по своему обыкновению...»

Рассуждая таким образом, Паспарту спустился в салон. Мистера Фогга там не было. Паспарту оставалось только одно: спросить у судового казначея, какую каюту занимает мистер Фогг. Тот ответил, что не знает пассажира с такой фамилией.

— Простите меня, — настаивал Паспарту, — но я говорю о высоком, спокойном, малообщительном джентльмене и о молодой женщине...

— На пакетботе нет ни одной молодой женщины, — ответил казначей. — Да вот вам список пассажиров, посмотрите сами.

Паспарту пробежал глазами список. Фамилии его господина там не было.

У Паспарту потемнело в глазах. Но потом у него мелькнула новая мысль.

— Черт возьми, ведь я нахожусь на «Карнатике»? — воскликнул он.

- Да, — ответил казначей.
- На пути в Иокогаму?
- Совершенно верно.

Паспарту было испугался: уж не ошибся ли он судном? Но это оказался действительно «Карнатик», и все же его господина здесь не было.

Паспарту упал в кресло. Это известие поразило его, как громом. Но вдруг его словно осенило. Он вспомнил, что час отплытия «Карнатика» был перенесен и он, Паспарту, должен был предупредить своего господина, но не сделал этого! Следовательно, по его вине мистер Фогг и миссис Ауда опоздали к отходу пакетбота!

Это его вина, конечно, но в еще большей мере — вина того предателя, который напоил Паспарту, чтобы разлучить его с мистером Фоггом и задержать того в Гонконге. Наконец-то он разгадал маневр полицейского инспектора! И теперь мистер Фогг наверняка разорен, проиграл свое пари и, может быть, уже арестован и заключен в тюрьму!.. При этой мысли Паспарту принялся рвать на себе волосы. Ах! Если только когда-нибудь этот Фикс попадется ему в руки, уж он сведет с ним счеты!

Несколько оправившись от удара, Паспарту вновь обрел хладнокровие и принялся обдумывать создавшееся положение. Оно было незавидным. Наш француз был на пути в Японию. Добраться-то он до нее доберется, но как выбраться оттуда? В карманах у него было пусто. Ни одного шиллинга, ни одного пенни! Во всяком случае, его проезд и питание были заранее оплачены. Следовательно, в его распоряжении было пять или шесть дней, чтобы принять какое-либо решение. Сколько он съел и выпил за этот переезд, не поддается описанию. Он ел и за мистера Фогга, и за миссис Ауду, и за самого себя. Он ел так, словно Япония, где он должен был высадиться, была пустыней, лишенной каких бы то ни было съестных припасов.

Тринадцатого ноября с утренним приливом «Карнатик» вошел в порт Иокогама.

Иокогама — важный порт на Тихом океане, куда заходят все пароходы, как почтовые, так и пассажир-

ские, совершающие рейсы между Северной Америкой, Китаем, Японией и Малайским архипелагом. Иокогама находится в бухте Иеддо, неподалеку от второй столицы японской империи — громадного города Иеддо, бывшего некогда резиденцией сиюгунов в те времена, когда существовал этот гражданский император; Иеддо — соперник Киото, где живет микадо, божественный император, потомок богов.

«Карнатик» пришвартовался к набережной Иокогамы, неподалеку от мола и таможенных складов, среди многочисленных судов разных национальностей.

Паспарту без всякого восторга ступил на землю столь любопытной Страны Сынов Солнца. Ему не оставалось ничего лучшего, как довериться случаю, и он побрел наугад по улицам города.

Сначала Паспарту очутился в европейском квартале, с невысокими, окруженными верандами домиками, которые правильными рядами тянулись вдоль улиц, площадей, доков, складов до самого порта. Здесь, как в Гонконге и Калькутте, население состояло из представителей всех национальностей: американцев, англичан, китайцев, голландцев — купцов, готовых все продать и все купить; среди них наш француз чувствовал себя таким же чужим, как если бы попал к готтентотам.

У Паспарту, правда, была одна возможность: обратиться в Иокогаме к английскому или французскому консулу, но его останавливала необходимость рассказать свою историю, так тесно связанную с именем и делами его господина, и поэтому, прежде чем прибегнуть к этому средству, он решил испытать все другие возможности.

Итак, миновав европейскую часть города и не встретив по пути ничего для себя подходящего, он попал в японскую часть, решив, если понадобится, дойти до Иеддо.

Туземная часть Иокогамы называется Бентен — по имени богини моря, почитаемой на соседних островах. Здесь он увидел великолепные пихтовые и кедровые аллеи, священные ворота причудливой архитектуры, мостики, повисшие среди зарослей тростника и бам-

бука, храмы, укрывшиеся под высокими, печальными вековыми кедрами, святилища, в глубине которых мирно существовали буддийские жрецы и последователи Конфуция, нескончаемые улицы, полные розовых толстошеких ребят, словно сошедших с какой-нибудь японской ширмы, играющих посреди дороги с рыжими бесхвостыми, очень ленивыми и очень ласковыми кошками и коротконогими собачонками.

На улицах — бесконечный водоворот прохожих: процессии бонз, монотонно стучащих в тамбурины, якунины — таможенные или полицейские офицеры в остроконечных лакированных шапках, с двумя саблями за поясом, солдаты, одетые в синие с белыми полосами одежды из хлопчатобумажной материи и вооруженные пистонными ружьями, телохранители микадо в шелковых камзолах и кольчугах и множество других военных различных рангов, ибо в Японии профессию солдата уважают в такой же мере, в какой ее презирают в Китае. Повсюду — монахи, собирающие подаяние, паломники в длинных одеяниях и просто прохожие — низкорослые, с гладкими черными, как вороново крыло, волосами, большеголовые, узкогрудые и тонконогие; лица их имеют все оттенки от темномедного до матовобелого, но они никогда не бывают желтыми, как у китайцев, от которых японцы весьма отличаются своим внешним видом. Среди повозок, паланкинов, рикш мелкими шажками семенили женщины, маленькие ножки которых были обуты в соломенные сандалии, полотняные туфли или изящные деревянные башмаки: большинство женщин не отличалось красотой, глаза у них были подведены, грудь стянута, а зубы согласно моде начернены, но все они, не без элегантности, носили национальные костюмы «кимono» — нечто вроде капота, перехваченного широким шелковым шарфом, концы которого были завязаны сзади причудливым бантом; так что костюм современных парижских модниц заимствован, видимо, у японок.

Паспарту несколько часов расхаживал среди этой пестрой толпы, смотрел на полные любопытных товаров лавки и базары, где продавалось множество всевозможных побрякушек, золотых и серебряных япон-

ских изделий, видел он и закусочные, украшенные разноцветными флажками и лентами, куда он не имел возможности зайти; встречались ему и чайные домики, в которых посетители чашками пьют теплую благовонную воду с «саке» — напитком, который получают из перебродившего риса; попадались ему и курильни, где курят тонкий табак, но не опиум, которого почти не знают в Японии.

Затем Паспарту очутился в поле, среди обширных рисовых плантаций. Там цвели, распространяя свой последний осенний аромат, великолепные камелии, росшие не на кустах, а на деревьях; огороженные бамбуковой изгородью, стояли яблони, вишни, сливы; местные жители разводят эти плодовые деревья главным образом ради их цветов, а не ради плодов, и с помощью гримасничающих пугал и трещоток защищают их от полчищ воробьев, ворон, голубей и прочих прожорливых пернатых. На величественных кедрах обитали громадные орлы; в листве каждой плакучей ивы гнездились цапли, печально стоявшие, поджав одну ногу; повсюду виднелись вороны, утки, ястребы, дикие гуси и огромное количество журавлей, которых японцы величают «господами» и считают символом счастья и долголетия.

Бродя по полям, Паспарту разглядел в траве несколько фиалок.

— Вот и хорошо, — сказал он, — они заменят мне ужин.

Но, понюхав фиалки, он убедился, что они уже не пахнут.

«Не везет!» — подумал он.

Правда, честный малый, покидая «Карнатик», предусмотрительно наелся за завтраком, как мог, но после целого дня ходьбы он чувствовал, что его желудок пуст. Он успел заметить полное отсутствие свинины, козлятины и баранины в лавках мясников, а так как он знал, что убой рогатого скота, предназначенного исключительно для полевых работ, считается в Японии святотатством, то решил, что мясо там едят крайне редко. Он не ошибся; но за отсутствием говядины он с удовольствием согласился бы на хороший кусок кабана

или лося, помирился бы на куропатке или перепеле — словом, не отказался бы от любой живности или рыбы, которыми обычно питаются японцы, прибавляя к ним немного риса. Но ему пришлось скрепя сердце примириться с необходимостью отложить заботу о своем пропитании до завтрашнего дня.

Наступила ночь. Паспарту вернулся в туземную часть города; он брел по улицам, увешанным разноцветными фонариками, оглядываясь на фокусников и бродячих астрологов, собирающих толпы вокруг своих подозрительных труб. Затем он вновь увидел рейд, освещенный огнями рыбацких лодок, с которых ловили рыбу, приманивая ее светом пылающих факелов.

Наконец, улицы опустели. На смену толпе появились якунины. Эти офицеры стражи, одетые в великолепные костюмы и окруженные толпой солдат, походили на посланников, и Паспарту шутливо повторял при виде каждого блистательного патруля:

— Ну вот еще один японский посол отправляется в Европу!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой нос Паспарту чрезмерно удлиняется

На следующее утро Паспарту, изнуренный и голодный, решил, что следует во что бы то ни стало поесть, и чем скорее, тем лучше. Правда, у него была возможность продать свои часы, но он скорее умер бы с голоду, чем согласился бы на это. Теперь или никогда честному малому представлялся случай использовать не особенно мелодичный, но сильный голос, которым наградила его природа.

Он знал несколько французских и английских песенок и решил попробовать их спеть. «Японцы — настоящее любители музыки, так как все у них совершается под звуки цимбал, там-тамов и барабанов, и они не могут не оценить талант европейского виртуоза», — думал Паспарту.

Но не слишком ли рано было устраивать концерт? Пожалуй, разбуженные спозаранку слушатели не захотят отплатить певцу монетками с изображением ми-кадо.

Паспарту решил обождать несколько часов; но в дороге ему пришла мысль, что он слишком хорошо одет для бродячего певца, и он надумал обменять свою одежду на какое-нибудь старье, более гармонирующее с его положением. Такой обмен должен был к тому же дать ему еще некоторую сумму денег, которую он сможет немедленно употребить на удовлетворение своего аппетита.

Решение было принято, оставалось привести его в исполнение. После долгих поисков Паспарту разыскал местного старьевщика, которому изложил свое желание. Европейский костюм приглянулся старьевщику, и вскоре Паспарту вышел от него в поношенном японском одеянии, а на голове у него красовался сбитый на сторону, выцветший от времени тюрбан. Но зато в его кармане позвякивало несколько серебряных монеток.

«Ладно, — думал он, — предположим, что сегодня карнавал».

Первой заботой «японизировавшегося» Паспарту было войти в скромный с виду чайный домик, где он подкрепился куском какой-то дичи и несколькими пригоршнями риса; завтракал он как человек, для которого вопрос об обеде все еще нуждается в разрешении.

«Теперь, — решил он про себя, как следует подкрепившись, — не будем терять головы. У меня нет уже больше возможности переменить это тряпье на нечто еще более японское. Следовательно, надо придумать способ, как можно скорее покинуть Страну Восходящего Солнца, о которой у меня навсегда останется самое печальное воспоминание!»

Паспарту решил разыскать отплывающие в Америку пароходы. Он рассчитывал предложить свои услуги в качестве повара или стюарда, не требуя за это ничего, кроме питания и бесплатного проезда. Добравшись до Сан-Франциско, он уж найдет способ выпутаться из беды. Сейчас самое важное — преодолеть

четыре тысячи семьсот миль Тихого океана, отделяющие Японию от Нового Света.

Паспарту был не из тех людей, которые долго раздумывают, и он прямо направился в порт. Но, по мере того как он приближался к докам, его проект, дотоле казавшийся таким простым, представлялся ему все менее и менее выполнимым. С какой стати на американском пароходе вдруг понадобится повар или стюард и какое доверие может внушить он, Паспарту, наряженный в столь странный костюм? Какие рекомендации он в состоянии представить, на кого сослаться?

Раздумывая таким образом, Паспарту случайно увидел громадную афишу, которую какой-то клоун таскал по улицам Иокогамы. На этой афише было написано по-английски:

ЯПОНСКАЯ АКРОБАТИЧЕСКАЯ ТРУППА ДОСТОПОЧТЕННОГО

ВИЛЬЯМА БАТУЛЬКАРА

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Перед отъездом в Соединенные Штаты Америки

ДЛИННЫЕ НОСЫ — ДЛИННЫЕ НОСЫ

ПОД НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГА
ТЕНГУ!

ОГРОМНЫЙ УСПЕХ!

— Соединенные Штаты Америки! — воскликнул Паспарту. — Вот это-то мне и нужно!

Он последовал за человеком-афишей и вскоре пришел в японский город. Четверть часа спустя он стоял перед просторным балаганом, украшенным несколькими полосами бумажных лент, на стенах которого была намалевана яркими красками целая толпа клоунов.

Здесь помещалось заведение достопочтенного Батулькара, своего рода американского Барнума, директора труппы скоморохов, жонглеров, клоунов, акробатов, эквилибристов, гимнастов, которые, если верить

афише, давали последние представления перед отъездом из Страны Восходящего Солнца в Соединенные Штаты.

Паспарту вошел в преддверье балагана и спросил мистера Батулькара. Мистер Батулькар тотчас же появился.

— Что вам надо? — спросил он Паспарту, которого с первого взгляда принял за туземца.

— Не нужен ли вам слуга? — спросил Паспарту.

— Слуга? — переспросил Батулькар, поглаживая густую седую бороду, которая росла у него на шее, под подбородком. — У меня уже есть двое слуг, послушных и верных, которые никогда меня не покинут и служат даром — только за то, что я их кормлю... Вот они, — заключил он, вытягивая две здоровенные руки с толстыми, как струны контрабаса, жилами.

— Значит, я не могу ничем вам быть полезен?

— Ничем.

— Эх, черт побери! а мне так хотелось уехать вместе с вами!

— Вот что! — сказал почтенный Батулькар. — Вы, я вижу, такой же японец, как я обезьяна! С какой стати вы так вырядились?

— Всякий одевается, как может!

— Это правда. Вы француз?

— Да, парижанин из Парижа!

— Если так, вы, наверное, умеете гримасничать?

— Черт возьми! — ответил Паспарту, задетый тем, что его национальность дала повод к подобному вопросу. — Мы, французы, умеем гримасничать, но насколько не лучше американцев.

— Верно. Я не могу вас взять в качестве слуги, но могу взять в клоуны. Понимаете, милейший, во Франции любят иностранных шутов, а за границей предпочитают французских.

— Ах, вот как!

— Вы, надеюсь, сильны?

— Да, в особенности когда встаю из-за стола.

— А петь вы умеете?

— Да, — ответил Паспарту, который в свое время участвовал в нескольких уличных концертах.

— Но сможете ли вы петь стоя вниз головой, так, чтобы на подошве вашей левой ноги вертелся волчок, а на подошве правой балансировала обнаженная сабля?

— Еще бы! — ответил Паспарту, вспоминая свои упражнения в юношеские годы.

— Ну вот, в этом все и дело, — заметил достопочтенный Батилькар.

Соглашение было подписано *hic et nunc*¹.

Наконец-то Паспарту нашел себе занятие! Он был приглашен делать все, что придется, в знаменитую японскую труппу. Правда, в этом было для него мало лестного, но зато через неделю он уже окажется на пути к Сан-Франциско!

Представление, возвещенное с таким шумом достопочтенным Батилькаром, начиналось в три часа, и вскоре грозные инструменты японского оркестра — барабаны и там-тамы — уже грохотали у дверей балагана. Само собой понятно, что у Паспарту не было времени выучить какую-нибудь роль, но он должен был подпирать своими здоровенными плечами большую человеческую пирамиду, составленную «Длинными носами» бога Тенгу. Этим «гвоздем программы» заканчивалась серия различных номеров представления.

Задолго до трех часов зрители заполнили просторный балаган. Европейцы и туземцы, китайцы и японцы, мужчины, женщины и дети теснились на узких скамейках и в расположенных против сцены ложах. Музыканты удалились вглубь балагана, и оркестр в полном составе — гонги, там-тамы, трещотки, флейты, тамбурины и большие барабаны — гремел вовсю.

Спектакль походил на все обычные представления акробатов. Но надо признать, что японцы — лучшие эквилибристы в мире. Один из жонглеров, вооруженный веером и маленькими клочками бумаги, изображал изящных бабочек, порхающих над цветами. Другой благовонным дымом своей трубки быстро чертил в воздухе голубоватые слова, из которых составлялось

¹ Тотчас же, на месте (лат.).

приветствие зрителям. Третий жонглировал зажженными свечами, тушил их, когда они пролетали у его губ, снова зажигал одну о другую, не прерывая ни на мгновение своих ловких упражнений. Наконец, еще один проделывал всевозможные трюки с вертящимися волчками. Казалось, эти жужжащие игрушки начинали жить в его руках какой-то своей, особой жизнью; безостановочно вращаясь, они бегали по чубукам трубок, по остриям сабель, по тонким, как волосок, проволокам, протянутым от одного края сцены к другому, забирались на большие стеклянные сосуды, прыгали по ступенькам бамбуковой лестницы и разбегались во все углы, создавая сочетанием различных звуков самые странные гармонические эффекты. Фокусник жонглировал ими, а они все вертелись, словно мячики; он их подбрасывал деревянными ракетками, как воланы, а они вертелись не переставая; он прятал волчки в карман, а когда вынимал их оттуда, они все еще вертелись до той самой минуты, когда, спустив весь завод, загорались снопом бенгальских огней.

Не стоит описывать все чудеса эквилибристики, показанные акробатами и гимнастами труппы. Упражнения на лестнице с шестом, шаром, бочонками и т. д. были исполнены с удивительной точностью. Но «гвоздем программы» все же было выступление «Длинных носов», совершенно удивительных эквилибристов, каких Европа еще не знает.

Эти «Длинные носы» составляли особую корпорацию, находившуюся под непосредственным покровительством бога Тенгу. Одетые в средневековые костюмы, они носили за плечами по паре великолепных крыльев. Но главным их отличием был длинный нос, укрепленный на лице, и особенно то, как они им пользовались. Эти носы были из бамбука, длиною в пять, шесть и даже десять футов: у одних прямые, у других изогнутые, у одних гладкие, у других покрытые бородавками. Они были крепко привязаны, и все свои акробатические упражнения артисты производили с их помощью. Около дюжины поклонников бога Тенгу легло на спину, а товарищи их начали резвиться на их носгах, торчавших, словно громоотводы, прыгая, перелетая с

одного на другой и выделявая самые невероятные штуки.

В заключение был специально объявлен особый номер — человеческая пирамида: полсотни «Длинных носов» должны были изобразить «колесницу Джагернаута». Но, вместо того чтобы построить пирамиду, опираясь друг другу на плечи, артисты достопочтенного Батулькара пользовались для этой цели своими носами. Один из тех, кто составлял основание колесницы, недавно покинул труппу, и Паспарту, как человек сильный и ловкий, должен был занять его место.

Конечно, честный малый чувствовал себя довольно уныло, когда ему пришлось, как в печальные дни юности, облачиться в украшенный разноцветными крыльями средневековый костюм, а к его лицу приладили шестифутовый нос! Но в конце концов этот нос доставлял ему пропитание, и Паспарту смирился.

Паспарту вышел на сцену и встал в ряд вместе со своими товарищами, которые должны были изображать основание «колесницы Джагернаута». Затем все они растянулись на полу и подняли носы к небу. Вторая группа эквилибристов поместилась на остриях этих носов, затем взгромоздилась третья, еще выше — четвертая, и скоро живое сооружение, державшееся только на острие бамбуковых носов, вознеслось до самого потолка балагана.

Аплодисменты публики все усиливались, звуки оркестра нарастали подобно грому, как вдруг пирамида зашаталась и равновесие нарушилось: один из нижних носов, видимо, допустил какой-то промах, выбыл из игры, и все сооружение рассыпалось, как карточный домик...

То была вина Паспарту, который, покинув свое место, перелетел без помощи крыльев через рампу и, взобравшись на галерею, упал к ногам одного из зрителей с криком:

— Сударь! Сударь!

— Это вы? — спросил тот.

— Да, я!

— Ну что ж, в таком случае идем на пакетбот, мой милый.

Мистер Фогг, находившаяся с ним миссис Ауда и Паспарту поспешили к выходу из балагана; но там их остановил разъяренный Батулькар, требуя возмещения убытков. Филеас Фогг умерил гнев почтенного владельца балагана, бросив ему пачку банковых билетов. И в половине седьмого, перед самым отплытием американского пакетбота, мистер Фогг и миссис Ауда вступили на палубу судна, сопровождаемые Паспарту с крыльями за спиной и шестифутовым носом, который он так и не успел снять!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

*во время которой совершается путешествие через
Тихий океан*

То, что произошло неподалеку от входа в Шанхайский порт, понятно само собой. Сигналы «Танкадеры» были замечены с пакетбота, шедшего в Иокогаму. Увидев приспущенный флаг, капитан направил свое судно к маленькой шхуне. Несколько мгновений спустя Филеас Фогг, оплатив свой проезд согласно уговору, передал Джону Бэнсби пятьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Затем почтенный джентльмен, миссис Ауда и Фикс поднялись на палубу парохода, который тотчас же взял курс на Нагасаки и Иокогаму.

Прибыв в Иокогаму утром 14 ноября в назначенный час, Филеас Фогг расстался с Фиксом, который пошел по своим делам, и отправился на «Карнатик», где узнал, к великой радости миссис Ауды, а может быть, и своей, хотя по его виду это не было заметно, что француз Паспарту действительно прибыл накануне в Иокогаму.

Филеас Фогг, который должен был в тот же вечер отплыть в Сан-Франциско, немедленно отправился на поиски своего слуги. Его обращение к французскому и английскому консулам не дало результата; тщетной оказалась надежда встретить Паспарту на улицах Иокогамы. Фогг совсем уже было отчаялся найти Пас-

парту, как вдруг, повинувшись какому-то инстинкту, а может быть, предчувствию, зашел в балаган достопочтенного Батулькара. Конечно, он не мог бы узнать Паспарту в его эксцентрическом одеянии, но тот, лежа на спине, заметил своего господина среди зрителей на галерее. Увидев его, он невольно сделал своим длинным носом движение, которое нарушило равновесие всей пирамиды. Читатель уже знает, что из этого последовало.

Все это Паспарту услышал из уст миссис Ауды, которая рассказала ему также, как протекал их переезд из Гонконга в Иокогаму в обществе некоего господина Фикса на шхуне «Танкадера».

Услышав фамилию Фикса, Паспарту даже бровью не повел. Он считал, что еще не время рассказать мистеру Фоггу о том, что произошло между ним, Паспарту, и сыщиком. Поэтому, описывая свои похождения, он обвинил во всем себя и просил прощения за то, что застрял в Гонконге, накурившись опиума до бесчувствия.

Мистер Фогг невозмутимо выслушал этот рассказ и ничего не сказал, потом он снабдил своего слугу деньгами, достаточными для того, чтобы тот мог приобрести здесь же, на судне, более подходящий костюм. Не прошло и часа, как Паспарту, освободившись от носа и крыльев, ничем уже не напоминал поклонника бога Тенгу.

Пакетбот, совершавший рейсы между Иокогамой и Сан-Франциско, принадлежал Тихоокеанской почтовой компании и назывался «Генерал Грант». Это был большой колесный пароход вместимостью в две тысячи пятьсот тонн; он был хорошо оснащен и мог развить большую скорость. Громадный балансир непрерывно поднимался и опускался над палубой судна; один его конец соединялся со штоком поршня, а другой — с кривошипом, который преобразовывал прямолинейное движение во вращательное и передавал его непосредственно оси колес. «Генерал Грант» был оснащен тремя мачтами и мог нести паруса, большая поверхность которых значительно увеличивала скорость судна. Следуя по двенадцати миль в час, пакетбот дол-

жен был пересечь Тихий океан за двадцать один день. Таким образом, Филеас Фогг мог рассчитывать, что, прибыв в Сан-Франциско 2 декабря, он будет в Нью-Йорке одиннадцатого, а в Лондоне — двадцатого, то есть на несколько часов раньше роковой даты — 21 декабря.

На пароходе было много пассажиров: англичане, американцы, немало китайских кули, эмигрировавших в Америку, было также несколько офицеров индийской армии, которые проводили свой отпуск, совершая кругосветное путешествие.

Плавание прошло без всяких морских приключений. Пакетбот, движимый мощными колесами и неся большое количество парусов, шел ровно, без качки. Тихий океан оправдывал свое название. Мистер Фогг был, как всегда, спокоен и малообщителен. Его молодая спутница чувствовала, что она все больше и больше привязывается к этому человеку и не только узами признательности. Молчаливый, но проявивший к ней столько великодушия, Филеас Фогг производил на нее гораздо большее впечатление, чем она сама думала, но чувства, в которых она почти не отдавала себе отчета, как будто нисколько не действовали на загадочную натуру мистера Фогга.

Миссис Ауда была теперь всей душой заинтересована в планах нашего джентльмена. Ее тревожили все препятствия, которые могли привести к неудаче путешествия. Она часто беседовала об этом с Паспарту, который прекрасно умел читать в ее сердце. Славный малый теперь слепо верил в своего господина и, не переставая, расточал похвалы великодушию, благородству и самоотверженности мистера Фогга; успокаивая Ауду относительно исхода путешествия, он убеждал ее, что самая трудная часть пути пройдена: они уже миновали экзотические страны — Китай и Японию — и вновь вступают в пределы цивилизованного мира; чтобы закончить в срок это невероятное путешествие вокруг света, осталось только проехать поездом от Сан-Франциско до Нью-Йорка и океанским пароходом от Нью-Йорка до Лондона.

Через девять дней после отъезда из Иокогамы Филеас Фогг проехал ровно половину земного шара.

Действительно, «Генерал Грант» 23 ноября пересек сто восьмидесятый меридиан, тот самый, на котором в Южном полушарии находятся антиподы Лондона. Правда, из восьмидесяти дней, имевшихся в его распоряжении, мистер Фогг истратил пятьдесят два, и у него оставалось в запасе всего двадцать восемь дней. Но здесь надо заметить, что если наш путешественник и находился на полпути, то лишь в отношении «разности меридианов», а в действительности он уже покрыл более двух третей всего расстояния. В самом деле, сколько вынужденных зигзагов пришлось ему проделать между Лондоном и Аденом, Аденом и Бомбеем, Калькуттой и Сингапуром, Сингапуром и Иокогамой! Если двигаться вокруг земли по пятидесятой параллели, на которой находится Лондон, то весь путь равнялся бы приблизительно двенадцати тысячам миль, тогда как Филеасу Фоггу, вынужденному считаться с капризами средств передвижения, предстояло проехать около двадцати шести тысяч миль, из которых к этому дню, 23 ноября, позади осталось около семнадцати с половиной тысяч. Теперь перед ним лежал прямой путь и не было Фикса, чтобы чинить препятствия!

В этот самый день, 23 ноября, Паспарту испытывал большую радость. Читатель, наверное, помнит, что этот упрямец во что бы то ни стало пожелал сохранить на своих знаменитых фамильных часах лондонское время, считая неверным время всех других стран, через которые он проезжал. И вот 23 ноября, хотя он ни разу не переводил стрелок своих часов ни вперед, ни назад, они показали одинаковое время с судовыми часами.

Легко понять, как торжествовал Паспарту. Ему очень хотелось знать, что сказал бы об этом Фикс, если бы находился здесь.

«Этот мошенник наплел мне кучу вздора про меридианы, про солнце и луну! — твердил Паспарту. — Как бы не так! Послушаешь этих людей, так сразу испортишь свои часы! Я всегда был уверен, что рано или поздно солнцу придется равняться по моим часам!..»

Паспарту и не подозревал, что, будь циферблат его часов разделен на двадцать четыре часа, как на итальянских башенных часах, он не имел бы никакого основания торжествовать: в то время как судовые часы показывали бы девять утра, стрелки его часов показывали бы девять вечера, то есть двадцать один час полуночи предыдущего дня, и разница во времени была бы как раз такая, какая существует между Лондоном и сто восьмидесятым меридианом.

Но если бы Фикс и мог объяснить это чисто физическое явление, то, несомненно, Паспарту оказался бы не способен понять и, главное, принять его. Во всяком случае, если бы сыщик, что было совершенно невероятно, появился в ту минуту на палубе, то Паспарту, с полным правом сердившийся на него, наверное, заговорил бы с ним на совсем другую тему и совершенно иным образом!

Где же находился, однако, в это время Фикс?.. Он как раз и находился на борту «Генерала Гранта».

Действительно, прибыв в Йокогаму, полицейский инспектор оставил мистера Фога, рассчитывая вновь найти его днем, и немедленно отправился к английскому консулу. Там он, наконец, получил ордер на арест, который следовал за ним от самого Бомбея и был выдан уже сорок дней назад: этот ордер был отправлен из Гонконга на том самом «Карнатике», на котором Фикс должен был ехать сам. Можно себе представить, как был разочарован сыщик! Ведь ордер стал теперь бесполезен! Фогг уже покинул английские владения! Отныне для ареста преступника необходимо было постановление о его выдаче!

«Что ж! — сказал себе Фикс, несколько остыв от гнева. — Если мой ордер не годится здесь, он будет полезен в Англии. Этот мошенник, думая, что он сбил с толку полицию, собирается, как видно, вернуться на родину. Ну что ж! Я поеду за ним. Что же касается денег, то дай бог, чтобы хоть что-нибудь осталось! На все эти переезды, премии, судебные процессы, штрафы, покупку слона и прочие путевые расходы наш молодчик уже выбросил больше пяти тысяч фунтов. Но в конце концов банк достаточно богат!»

Приняв такое решение, Фикс тотчас же отправился на пароход «Генерал Грант». Он был на палубе, когда туда поднялись мистер Фогг и миссис Ауда. К своему величайшему удивлению, Фикс узнал и Паспарту в его одеянии вестника бога Тенгу. Фикс тотчас же спрятался в каюту, чтобы избежать объяснения, которое могло все испортить; рассчитывая на большое количество пассажиров, сыщик надеялся не попасться на глаза своему врагу, но в конце концов столкнулся с ним лицом к лицу на носу корабля.

Без долгих объяснений Паспарту схватил Фикса за горло и, к великому удовольствию нескольких американцев, которые немедленно стали биться об заклад, задал несчастному сыщику великолепную трепку, наглядно доказавшую полное превосходство французского бокса над английским.

Отведя душу, Паспарту сразу успокоился и почувствовал большое облегчение. Фикс поднялся в довольно плачевном состоянии и, взглянув на своего противника, холодно спросил:

— Вы кончили?

— Пока кончил.

— Тогда пойдем поговорим.

— Чтобы я...

— Это в интересах вашего господина.

Паспарту, словно загипнотизированный хладнокровием сыщика, последовал за ним, и они уселись на носу парохода.

— Вы меня поколотили, — начал Фикс. — Хорошо. А теперь выслушайте. До сих пор я был противником господина Фогга, но теперь я на его стороне.

— Наконец-то! — воскликнул Паспарту. — Вы его считаете честным человеком?

— Ничуть, — холодно ответил Фикс, — я его считаю мошенником... Тише! Сидите спокойно и дайте мне договорить. Пока господин Фогг находился в британских владениях, я был заинтересован в том, чтобы задержать его до прибытия ордера на арест. Я делал для этого все. Я натравил на него жрецов из бомбейской пагоды, я напоил вас в Гонконге и разлучил с вашим

господином, я сделал так, что он опоздал на пакетбот, шедший в Йокогаму...

Паспарту слушал, стиснув кулаки.

— Теперь же, — продолжал Фикс, — господин Фогг, повидимому, возвращается в Англию? Превосходно, я последую за ним. Но отныне я буду устранять с его дороги все препятствия с таким же старанием, с каким я их до сих пор нагромождал. Вы видите, я переменил игру, ибо этого требуют мои интересы. Прибавлю, что ваши интересы совпадают с моими, так как лишь в Англии вы узнаете, служите ли вы у преступника или у честного человека!

Паспарту очень внимательно выслушал Фикса и убедился, что тот говорит совершенно искренне.

— Будем друзьями? — спросил Фикс.

— Друзьями — нет, — ответил Паспарту. — Союзниками — пожалуй, но с одним условием: при малейшей попытке предательства я сверну вам шею.

— Идет! — спокойно ответил полицейский инспектор.

Одиннадцать дней спустя, 3 декабря, «Генерал Грант» вошел в пролив Золотых Ворот и прибыл в Сан-Франциско.

Мистер Фогг пока что не выиграл и не проиграл ни одного дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

*в которой дается беглый обзор города Сан-Франциско
в день митинга*

Было семь часов утра, когда Филеас Фогг, миссис Ауда и Паспарту ступили на американский материк, если можно назвать так пловучую пристань, к которой они пришвартовались. Эта пристань, поднимающаяся и опускающаяся в зависимости от прилива и отлива, облегчает погрузку и выгрузку судов. Здесь пристают клиперы всех размеров, пароходы всех национальностей, а также многоэтажные речные суда, курсирующие по реке Сакраменто и ее притокам. Тут же

лежат груды разнообразных товаров, отправляемых в Мексику, Перу, Чили, Бразилию, в Европу и Азию, а также на различные острова Тихого океана.

Обрадовавшись, что он, наконец, попал на американскую землю, Паспарту вздумал высадиться на берег посредством сальто-мортале самого высшего класса. Но, прыгнув на пристань, он чуть было не провалился, так как настил ее оказался гнилым. Смущенный столь неудачным «вступлением» на новый материк, честный малый испустил отчаянный крик, который вспугнул целую стаю бакланов и пеликанов, завсегдатаев пловучих пристаней.

Мистер Фогг, сойдя на пристань, тотчас же осведомился, когда отправляется ближайший поезд в Нью-Йорк. Он отходил в шесть часов вечера. Мистер Фогг имел таким образом возможность провести в главном городе Калифорнии целый день. Он нанял экипаж и сел в него вместе с миссис Аудой. Паспарту взобрался на козлы, и экипаж — три доллара за рейс — отправился в «Международный отель».

Со своего высокого сиденья Паспарту с любопытством обозревал большой американский город: широкие улицы, низкие, вытянувшиеся в правильную линию дома, церкви и храмы в стиле англосаксонской готики, гигантские доки, склады, похожие на дворцы, одни — деревянные, другие — кирпичные; по улицам двигались бесчисленные экипажи, омнибусы, трамваи, а по тротуарам сновала многочисленная толпа: американцы, европейцы, попадались также китайцы и индейцы — все те, из кого состояло двухсоттысячное население города.

Паспарту удивлялся всему, что видел. Он был в том легендарном городе, который еще в 1849 году был центром бандитов, поджигателей, убийц, стекавшихся сюда, как в обетованную землю, на поиски золота; здесь весь этот сброд играл в карты на золотой песок, держа в одной руке нож, а в другой — револьвер. Но это «доброе старое время» прошло. Теперь Сан-Франциско имел вид большого торгового города. Высокая башня городской ратуши, на которой стояли часовые, возвышалась над всеми улицами и проспектами, пересекавшимися

под прямым углом; между ними здесь и там виднелись зеленевшие скверы, а дальше находился китайский город, казалось перенесенный сюда в игрушечной шка-тулке прямо из Небесной империи. Здесь не было больше ни сомбреро, ни красных рубашек, которые некогда носили золотоискатели, не было также индейцев, украшенных перьями; вместо всего этого — черные фракы и шелковые цилиндры — обязательная принадлежность многочисленных джентльменов, страдаемых жаждой деятельности. Некоторые улицы — и среди них Монтгомери-стрит, соответствующая по значению лондонскому Риджент-стрит, Итальянскому бульвару в Париже и нью-йоркскому Бродвею, — изобиловали великолепною магазинами, в витринах которых были выставлены товары, присланные со всех концов света.

Когда Паспарту попал в «Международный отель», ему показалось, что он и не покидал Англии.

Весь нижний этаж отеля был отведен под громадный бар — нечто вроде буфета, открытого бесплатно для всех посетителей. Вяленое мясо, устричный суп, бисквит, сыр-честер можно было получить без денег. Платили только за напитки — эль, портвейн, херес, если кому-нибудь приходило желание освежиться. Такой порядок показался Паспарту «вполне американским».

Ресторан отеля был очень комфортабелен. Мистер Фогг и миссис Ауда заняли столик и получили обильный завтрак, который подавали на крошечных тарелочках негры-официанты.

После завтрака Филеас Фогг в сопровождении миссис Ауды вышел из отеля и направился к английскому консулу, чтобы завизировать свой паспорт. На тротуаре он встретил своего слугу, который спросил, не следует ли перед поездкой по Тихоокеанской железной дороге запастись ради предосторожности несколькими дюжинами карабинов Инфельда или револьверов Кольта. Паспарту слышал толки о том, что индейцы племен сиу и поани, подобно испанским грабителям, останавливают поезда. Мистер Фогг ответил, что это совершенно излишняя предосторожность, но предоставил Паспарту свободу действовать, как ему заблагорассу-

дится. Затем наш джентльмен продолжал свой путь к английскому консульству.

Филеас Фогг не прошел и двухсот шагов, как «по чистейшей случайности» встретился с Фиксом. Сыщик изобразил крайнее удивление. Как? Он совершил вместе с мистером Фоггом переезд через Тихий океан, и они ни разу не встретились! Во всяком случае, Фикс почитает за честь вновь увидеть джентльмена, которому он стольким обязан, и, так как дела призывают его в Европу, он с восторгом совершит это путешествие в столь приятной компании.

Мистер Фогг ответил, что он чрезвычайно польщен, и Фикс, который не хотел терять из виду нашего джентльмена, попросил у него разрешения вместе осмотреть этот любопытный город. Фогг согласился.

И вот миссис Ауда, Филеас Фогг и Фикс отправились бродить по улицам Сан-Франциско. Вскоре они очутились на Монтгомери-стрит, где собралась огромная толпа. На тротуарах, посреди мостовой, на трамвайных рельсах, несмотря на движение экипажей и омнибусов, на порогах лавок, в окнах квартир и даже на крышах домов виднелось множество народа. Среди всей этой толпы сновали люди-афиши. По ветру развевались флажки и знамена. Со всех сторон слышались выкрики:

— Да здравствует Кэмерфильд!

— Ура Мэндибой!

Это был какой-то митинг: так по крайней мере решил Фикс. Он поделился своей догадкой с мистером Фоггом и добавил:

— Нам, пожалуй, лучше не ввязываться в эту лавку, сударь, а то еще того и гляди получишь удар кулаком!

— Вы правы, — ответил мистер Фогг, — и кулаки всегда остаются кулаками, даже если дело идет о политике!

Фикс счел нужным улыбнуться на это замечание, и, чтобы лучше видеть все происходящее, но не толкаться в толпе, миссис Ауда, Филеас Фогг и Фикс взобрались на верхнюю площадку лестницы, которая вела на террасу, расположенную над Монтгомери-стрит.

Перед ними, на другой стороне улицы, между складом угольщика и лавкой торговца керосином, возвышалась под открытым небом трибуна, к которой, видно, и стремились многочисленные потоки людей.

По какому же поводу, с какой целью происходил этот митинг? Филеас Фогг не имел об этом никакого представления. Шло ли дело о назначении какого-нибудь важного военного или гражданского чиновника, о выборах губернатора штата или члена конгресса? Судя по необычайному возбуждению, охватившему город, можно было предположить и то и другое.

В эту минуту в толпе началось заметное движение. Все руки взлетели вверх. Некоторые из них, сжатые в кулак, быстро поднимались и опускались среди немолчных криков, очевидно свидетельствуя об энергии голосующих. Толпа бушевала и волновалась. Знамена, покачиваясь, исчезали на мгновение и появлялись вновь, изодранные в клочья. Волнение толпы докатывалось до лестницы, и вся масса человеческих голов подавалась то вперед, то назад, как волны моря под ударами шквала. Количество цилиндров уменьшалось на глазах, а те, что еще оставались на головах, утерjali свою нормальную высоту.

— Как видно, этот митинг, — заметил Фикс, — посвящен какому-то животрепещущему вопросу. Меня не удивит, если окажется, что они вновь обсуждают *Алабамское дело*, хотя оно уже решено.

— Возможно, — кратко ответил мистер Фогг.

— Во всяком случае, — продолжал Фикс, — тут налицо два вождя: почтенный Кэмерфильд и почтенный Мэндибой.

Опираясь на руку Филеаса Фогга, миссис Ауда с любопытством наблюдала бурную сцену, происходившую на улице. Фикс только было собрался узнать у соседей причину этого народного волнения, как вдруг движение в толпе усилилось. Приветственные крики и ругательства стали еще громче. Древки флагов превратились в наступательное оружие. Все руки сжались в кулаки. С крыш остановившихся карет и прервавших движение омнибусов началась настоящая перестрелка. Сапоги и башмаки описывали в воздухе длинные траек-

тории, и среди выкриков слышалось несколько револьверных выстрелов.

Свалка докатилась до лестницы и распространилась на нижние ступени. Как видно, одна из партий отступала, но зрителям не было понятно, кто берет верх: Мэндибой или Кэмерфильд.

— Думаю, что благоразумнее всего нам будет уйти, — заметил Фикс, которому вовсе не хотелось, чтобы его «подопечный» ввязался в какую-нибудь историю или стал жертвой случайного удара. — Если здесь как-нибудь замешана Англия и в нас узнают англичан, то обязательно втянут в драку!

— Английский гражданин... — начал было Филеас Фогг.

Но наш джентльмен не успел закончить фразу. Сзади него, на террасе, раздались ужасающие вопли: «Гип-гип, ура! Да здравствует Мэндибой!» То был новый отряд избирателей, который спешил на подмогу, обходя с фланга сторонников Кэмерфильда.

Мистер Фогг, миссис Ауда и Фикс очутились между двух огней. Отступать было поздно. Поток людей, вооруженных кастетами и тростями с свинцовыми набалдашниками, был неудержим. Филеаса Фогга и Фикса, защищавших молодую женщину, сильно помяли. Как всегда флегматичный, мистер Фогг попробовал было отбиваться с помощью того естественного оружия, которым природа снабдила каждого англичанина, но тщетно. Здоровенный широкоплечий мужчина с рыжей бородой и багровым лицом, как видно предводитель этой банды, занес свои страшные кулаки над мистером Фоггом, и нашему джентльмену пришлось бы худо, если бы не Фикс, который самоотверженно принял предназначенный для другого удар. Огромная шишка тотчас же вскочила у него на голове под шелковым цилиндром, который сразу превратился в берет.

— Янки! — процедил мистер Фогг, бросая на своего противника взгляд, полный презрения.

— Англичанин! — ответил тот.

— Мы с вами еще встретимся!

— Когда вам будет угодно. Ваше имя?

— Филеас Фогг. А ваше?

— Полковник Стэмп В. Проктор.

Вслед за тем человеческая волна пронеслась дальше. Фикса сбили с ног; когда он поднялся, вся его одежда была порвана в клочья, но серьезных ушибов он не получил. Его дорожное пальто оказалось разорванным на две неравные части, а брюки походили на штаны, которые носят некоторые индейцы, выдрав предварительно, согласно туземной моде, всю их заднюю часть. Но, главное, миссис Ауда осталась невредима, один лишь Фикс пострадал от кулачных ударов.

— Благодарю вас, — сказал мистер Фогг сыщику, когда они выбрались из толпы.

— Не за что, — ответил Фикс, — но идемте!

— Куда?

— В магазин готового платья.

Действительно, подобное посещение было вполне своевременно. Костюмы Филеаса Фогга и Фикса превратились в лохмотья, словно оба джентльмена дрались на стороне почтенных Кэмерфильда или Мэндибоя.

Час спустя, одевшись как следует и купив новые головные уборы, они вернулись в «Международный отель».

Паспарту уже ожидал там своего хозяина, вооруженный полдюжиной шестизарядных револьверов центрального боя. Когда он заметил Фикса рядом с мистером Фоггом, лицо его омрачилось. Но миссис Ауда кратко рассказала ему о случившемся, и Паспарту успокоился. Очевидно, Фикс перестал быть врагом и сделался союзником. Он честно держал свое слово.

После обеда вызвали экипаж, который должен был отвезти наших путешественников и их багаж на вокзал. Садясь в экипаж, мистер Фогг спросил Фикса:

— Вы больше не видели этого полковника Проктора?

— Нет, — ответил Фикс.

— Я вернусь в Америку и найду его, — холодно произнес мистер Фогг. — Не подобает, чтобы британский гражданин позволил так с собою обращаться.

Полицейский инспектор улыбнулся и промолчал. Как видно, мистер Фогг относился к той категории англичан, которые не допускают дуэли у себя на ро-

дине, но за границей готовы драться, когда надо защитить свою честь.

Без четверти шесть путешественники прибыли на вокзал и застали поезд, готовый к отправлению.

Входя в вагон, мистер Фогг спросил у проводника:

— Послушайте, друг мой, что это сегодня происходило в Сан-Франциско?

— Митинг, сударь, — ответил проводник.

— Но мне показалось, что на улицах было необычайное оживление?

— Нет, то был обычный избирательный митинг.

— Вероятно, выбрали главнокомандующего? — спросил мистер Фогг.

— Нет, сударь, мирового судью.

Выслушав этот ответ, мистер Фогг молча вошел в вагон; через мгновение поезд на всех парах понесся вперед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой описывается путешествие в экспрессе
Тихоокеанской железной дороги*

«От океана до океана» — так называют американцы великий железнодорожный путь, пересекающий Соединенные Штаты в самом широком месте их территории. Но в действительности Тихоокеанская железная дорога разделяется на две части: Центральную Тихоокеанскую — между Сан-Франциско и Огденом — и Объединенную Тихоокеанскую — между Огденом и Омахой. Там сходятся пять отдельных линий, связывающих Омаху с Нью-Йорком.

Таким образом, Нью-Йорк и Сан-Франциско в настоящее время соединены непрерывной металлической лентой длиной в три тысячи семьсот восемьдесят шесть миль. Между Омахой и Тихим океаном железнодорожный путь пересекает местность, часто еще посещаемую индейцами и дикими зверями, — обширную территорию, которую около 1845 года начали заселять мормоны после их изгнания из Иллинойса.

В прежнее время, даже при самых благоприятных обстоятельствах, на переезд между Нью-Йорком и Сан-Франциско затрачивали шесть месяцев. Теперь же достаточно семи дней.

В 1862 году, несмотря на противодействие депутатов южных штатов, которые желали, чтобы путь проходил южнее, железная дорога была намечена между сорок первой и сорок второй параллелями. Покойный президент Линкольн лично заложил начало пути в городе Омахе, в штате Небраска. Работы тотчас же начались и производились с чисто американской деловитостью, не терпящей ни бюрократизма, ни бумажной переписки. Быстрота строительства ни в коей мере не должна была вредить прочности сооружений. В прерии укладывалось по полторы мили пути в день. По рельсам, уложенным накануне, локомотив доставлял рельсы, нужные на завтрашний день, и двигался все дальше и дальше, по мере того как строилась дорога.

От Тихоокеанской железной дороги отходит несколько ответвлений: в штатах Айова, Канзас, Колорадо и Орегон. От Омахи она идет вдоль левого берега реки Платт до устья ее северного рукава, затем сворачивает к югу, пересекает земли Ларами, Уосатский горный хребет, огибает Солёное озеро, подходит к столице мормонов Солт-Лейк-Сити, затем углубляется в долину Туилла, проходит пустыней, огибает гору Седара и Гумбольдта, пересекает Гумбольдт-ривер, горы Сьерра-Невада, Скалистые горы и долиной реки Сакраменто постепенно спускается к Тихому океану.

Такова была эта длинная артерия, которую поезда пробегали за семь дней, и она позволяла мистеру Фоггу надеяться 11 декабря сесть в Нью-Йорке на пакетбот, следующий в Ливерпуль.

Вагон, в котором поместился Филеас Фогг, представлял собою нечто вроде длинного омнибуса, лежащего на двух четырехколесных платформах, подвижность которых легко позволяла преодолевать кривые небольшого радиуса. В вагоне не было купе: перпендикулярно его оси располагались два ряда кресел; между

ними оставался свободный проход, ведущий в туалетную комнату и уборную, которые имелись в каждом вагоне. По всей длине поезда вагоны сообщались между собою при помощи площадок, так что пассажиры могли свободно переходить из одного конца состава в другой; в их распоряжении были вагоны-рестораны, вагоны-террасы, вагоны-салоны, вагоны-кофейни. Недоставало только вагонов-театров. Но со временем появятся и они.

По площадкам, соединявшим вагоны, непрерывно сновали газетчики, продавцы книг, напитков, сигар, съестных припасов и прочих товаров; в покупателях недостатка не было.

Поезд отошел от станции Окленд в шесть часов вечера. Наступила ночь — темная, холодная ночь, небо заволочло тучами, которые угрожали каждую минуту прорваться снежной метелью. Поезд шел со средней скоростью. Принимая в расчет остановки, он двигался не быстрее двадцати миль в час; тем не менее, идя таким ходом, он мог пересечь территорию Соединенных Штатов в установленный срок.

Пассажиры в вагоне разговаривали мало. Все начинали понежнго дремать. Паспарту сидел рядом с полицейским инспектором, но оба они молчали. После описанных выше событий их отношения заметно охладели. Не чувствовалось ни прежней симпатии, ни дружбы. Фикс ни в чем не изменил своего поведения, но зато Паспарту держался крайне сдержанно и при малейшем подозрении готов был задушить своего бывшего друга.

Через час после отхода поезда пошел снег, но, к счастью, мелкий, не мешавший движению состава. Из окон вагона виднелась теперь лишь бескрайняя белая пелена, на фоне которой клубы выбрасываемого локомотивом пара казались сероватыми.

В восемь часов в вагон вошел проводник и объявил пассажирам, что наступило время ложиться спать. То был «спальный» вагон, и через несколько минут он действительно превратился в дортуар. Спинки кресел откидывались с помощью остроумных приспособлений,

появлялись прекрасно набитые тюфяки, в несколько секунд возникли кабинки, и каждый пассажир вскоре получил в свое распоряжение удобную постель, защищенную плотной занавеской от нескромных взглядов. Простыни были белоснежные, подушки мягкие. Оставалось только лечь спать, что все и сделали, чувствуя себя, словно в каюте комфортабельного поезда, а поезд в это время на всех парах мчался через штат Калифорния.

На территории между Сан-Франциско и Сакраменто рельеф местности довольно ровный. Эта часть железнодорожного пути носит название Центральной Тихоокеанской дороги; она начинается от Сакраменто и направляется на восток, где пересекается с линией, идущей от Омахи. От Сан-Франциско до столицы Калифорнии дорога идет прямо на север, вдоль реки Америкэн-ривер, впадающей в залив Сан-Пабло. Расстояние в сто двадцать миль между этими большими городами было покрыто за шесть часов, и к полуночи, когда пассажиры еще видели первый сон, поезд прибыл в Сакраменто. Таким образом, им ничем не удалось полюбоваться в этом большом городе, столице штата Калифорния; не увидели они ни его прекрасных набережных, ни широких улиц, ни великолепных отелей, ни скверов, ни церквей.

Покинув Сакраменто и миновав станции Джанкшен, Роклин, Оберн, Колфакс, поезд углубился в горный массив Сьерра-Невада. В семь часов утра он прошел через станцию Сиско. Час спустя спальня вновь превратилась в обыкновенный вагон, и путешественники могли любоваться из окон прекрасной панорамой этого гористого края. Железнодорожный путь, подчиняясь капризам Сьерры, то полз по склону гор, то словно повисал над пропастью, то прихотливо извивался, избегая крутых поворотов, то устремлялся в узкие ущелья, откуда, казалось, не было никакого выхода. Паровоз с высеребренным колоколом, большим фонарем, бросавшим по сторонам желтоватый свет, и особым предохранительным выступом, торчащим впереди, как огромная шпора, сверкал, словно оправа очков; его свистки и гудки сме-

шивались с ревом потоков и водопадов, а столбы дыма вились среди темных ветвей сосен и елей.

На пути почти не попадалось ни мостов, ни туннелей. Железнодорожное полотно шло вдоль склонов гор, не всегда придерживаясь кратчайшего пути и не вступая в борьбу с природой.

К девяти часам, через долину Карсон, поезд вступил в пределы штата Невада, следуя все время в северо-восточном направлении. В полдень он отошел от Рено, где была двадцатиминутная остановка, во время которой пассажиры успели позавтракать.

Начиная от этого пункта, железнодорожный путь, следуя вдоль берега реки Гумбольдт-ривер, несколько миль идет к северу. Затем он поворачивает на восток и не покидает берегов реки вплоть до гор Гумбольдта, расположенных почти у самой восточной оконечности штата Невада, где река берет свое начало.

Позавтракав, мистер Фогг, миссис Ауда и их спутники вновь заняли места в вагоне. Филеас Фогг, молодая женщина, Фикс и Паспарту, удобно усевшись, любовались разнообразными видами, пронесившимися мимо окон: обширной прерией, на горизонте которой вырисовывались горы, и пенистыми, бурными ручьями. По временам большие стада бизонов, словно живая плотина, появлялись вдали. Эти нескончаемые армии жвачных часто являются непреодолимым препятствием для движения поездов. Бывают случаи, когда несколько тысяч бизонов плотными рядами тянутся поперек железнодорожного полотна много часов подряд. Паровозу приходится тогда останавливаться и ждать, пока путь вновь освободится.

Так случилось и на этот раз. Около трех часов дня стадо в десять или двенадцать тысяч голов преградило дорогу. Паровоз, замедлив скорость, попытался было при помощи своей шпору разбить с фланга эту громадную колонну, но был в конце концов вынужден остановиться перед плотной массой животных.

Бизоны, которых американцы неправильно называют буйволами, двигались спокойным шагом, издавая

по временам громкое мычанье. Ростом они выше европейских быков; хвост и ноги у них короткие, загривок выдается, образуя мускульный горб; рога этих животных широко расставлены, с головы, шеи и плеч свисает длинная грива. Нечего было и думать о том, чтобы остановить их шествие. Приняв то или другое направление, бизоны следуют ему, не обращая внимания на препятствия. Никакая плотина не смогла бы сдержать этот живой поток.

Высыпав на площадки, пассажиры наблюдали это любопытное зрелище. Но тот, кому, казалось, следовало бы торопиться больше всех, — Филеас Фогг, — оставался на месте и с философским спокойствием ожидал, пока бизоны соблаговолят освободить ему путь. Паспарту был взбешен задержкой, вызванной скопищем животных. Он готов был разрядить в них весь арсенал своих револьверов.

— Что за страна! — восклицал он. — Обыкновенные быки останавливают поезда и идут, как на параде, не заботясь о том, что задерживают движение! Черт возьми! Хотел бы я знать, предусмотрел ли мистер Фогг в своих планах эту помеху? И чего только смотрит машинист? Пустил бы паровоз прямо на этих глупых тварей!

Но машинист и не пытался прорваться сквозь препятствие и действовал вполне разумно. Конечно, паровоз раздавил бы несколько передних бизонов, но при всей своей мощности он в конце концов сошел бы с рельс, и поезд неминуемо потерпел бы крушение.

Самое лучшее было терпеливо ждать, а потом, увеличив скорость, попытаться наверстать потерянное время. Прохождение бизонов продолжалось долгих три часа, и путь освободился лишь к ночи. В то время как последние ряды бизонов все еще пересекали рельсы, первые уже скрылись за горизонтом.

В восемь часов поезд прошел сквозь ущелье гор Гумбольдта и в половине десятого очутился на территории штата Юта, в районе Большого Соленого озера — любопытной стране мормонов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой Паспарту со скоростью двадцати миль в час изучает историю мормонов

В ночь с 5 на 6 декабря поезд прошел около пятидесяти миль в юго-восточном направлении; затем он углубился на такое же расстояние к северо-востоку и приблизился к Большому Соленому озеру.

Около девяти часов утра Паспарту вышел на площадку вагона подышать свежим воздухом. Погода стояла холодная, небо было серое, но снег больше не шел. Солнечный диск, разорвавший пелену тумана, походил на огромную золотую монету, и Паспарту занялся вычислением, сколько могло быть в нем фунтов стерлингов, как вдруг был отвлечен от этого полезного занятия появлением весьма странного персонажа.

Этот субъект, севший в поезд на станции Элко, был долговым мужчиной со смуглым лицом и черными усами, на нем были черные чулки, черная шелковая шляпа, черный жилет и черные панталоны, белый галстук и лайковые перчатки. Он походил на священника. Переходя из вагона в вагон вдоль поезда, он на каждой двери приклеивал рукописное объявление.

Паспарту подошел к одному из этих объявлений и прочел, что почтенный «старец» Уильям Хитч, мормонский миссионер, пользуясь своим присутствием в поезде № 48, прочтет в вагоне № 117 между одиннадцатью часами и полуднем лекцию, посвященную мормонизму. Он приглашает джентльменов, желающих просветиться в вопросах таинств религии «святых последних дней», прослушать ее.

«Что ж, надо будет пойти», — решил про себя Паспарту, который знал о мормонах лишь то, что в основе их общежития лежит многоженство.

Новость быстро облетела поезд, в котором было около сотни пассажиров. Из этого числа свыше тридцати человек, привлеченных интересом к лекции, разместилось к одиннадцати часам на скамейках вагона № 117. Паспарту восседал в первом ряду

верующих. Ни его господин, ни Фикс не беспокоили себя посещением лекции.

В назначенное время «старец» Уильям Хитч встал и довольно раздраженным голосом, как будто ему кто-то заранее противоречил, закричал:

— Я вам говорю, что Джо Смит — мученик, что его брат Хайрем — тоже мученик и что преследования федеральным правительством пророков сделают также мучеником Брайама Юнга! Кто осмелится утверждать противное?!

Никто не рискнул противоречить миссионеру, возбуждение которого контрастировало с его спокойным от природы выражением лица. Но, без сомнения, гнев его объяснялся тем обстоятельством, что мормонизм в то время подвергался преследованиям. Действительно, правительству Соединенных Штатов не без усилий удавалось смирять этих непокорных фанатиков. Так был подчинен федеральным законам штат Юта, после того как по обвинению в многоженстве и подстрекательстве к мятежу был заключен в тюрьму Брайам Юнг. С этого времени ученики пророка удвоили свои усилия и, не прибегая пока к открытым действиям, словесно боролись против постановлений конгресса.

Вот почему «старец» Уильям Хитч вербовал приверженцев даже в поездах.

С неистовыми жестами и завываниями он рассказывал своим слушателям историю мормонизма с библейских времен: «Как в Израиле мормонский пророк из колена Иосифа провозгласил положения новой религии и передал их своему сыну Морому; как много веков спустя перевод этой драгоценной книги, начертанной египетскими письменами, был сделан фермером из штата Вермонт, Джозефом Смитом-младшим, который объявился как пророк, исполненный откровения, в 1825 году; как небесный посланник предстал перед ним в блистающем лесу и передал ему послания всевышнего».

В эту минуту несколько слушателей, мало интересующихся такими давними историями, покинули вагон; но Уильям Хитч, продолжая, рассказал, «как Смит-младший, поддержанный отцом, двумя братьями и не-

сколькими учениками, основал религию «святых последних дней» — религию, которой придерживаются не только в Америке, но и в Англии, Скандинавских странах и Германии, — религию, в числе последователей которой встречаются не только ремесленники, но и люди свободных профессий; как была создана колония в Огайо; как в основанном ими городе Киркланде был воздвигнут храм стоимостью в двести тысяч долларов; как Смит стал предприимчивым банкиром и получил от простого показывателя мумий папирус, написанный рукою Авраама и других знаменитых египтян».

Повествование несколько затянулось, и ряды слушателей вновь поредели, в вагоне осталось теперь не более двух десятков людей.

Но «старец», нимало не обеспокоенный бегством слушателей, весьма подробно рассказал, «как в 1837 году Джо Смит обанкротился; как разоренные пайщики вымазали его дегтем и вывалили в перьях; как он вновь объявился через несколько лет еще более почитаемым и славным, чем раньше, став главой трехтысячной процветающей общины в Индепенденсе, в штате Миссури, и как, преследуемый ненавистью язычников, он вынужден был бежать на Дальний Запад».

Осталось только десять слушателей и среди них честный Паспарту, который слушал, развесив уши. Таким образом, он узнал, «как после долгих преследований Смит снова появился в Иллинойсе и в 1839 году основал на берегах Миссисипи город Нову-ля-Бель, население которого достигло двадцати пяти тысяч душ; как Смит стал мэром, верховным судьей и главнокомандующим; как в 1843 году он выставил свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов; как в конце концов его заманили в ловушку в Карфагене; как он был брошен в темницу и убит замаскированной бандой...»

В эту минуту Паспарту был один-одинешенек в вагоне, и «старец», глядя ему в лицо, гипнотизировал его своим голосом, напоминая ему, как два года спустя после убийства Смита его преемник, вдохновленный свыше пророк Брайам Юнг, покинул город Нову и

обосновался на берегах Соленого озера; и здесь, на чудесной земле, среди плодородных долин, расположенных на пути движения переселенцев из Юты в Калифорнию, он основал новую общину, которая благодаря мормонскому принципу многоженства неимоверно разрослась.

— И вот, — заключил Уильям Хитч, — вот почему зависть конгресса ополчилась против нас! Вот почему федеральные войска топчут землю Юты, почему наш вождь, пророк Брайам Юнг, незаконно заключен в темницу! Уступим ли мы силе? Никогда! Изгнанные из Вермонта, изгнанные из Иллинойса, изгнанные из Огайо, изгнанные из Миссури, изгнанные из Юты, мы найдем новые независимые земли, где раскинем наши шатры... А вы, мой верный ученик, — обратился «старец» к своему единственному слушателю, бросая на него гневные взгляды, — раскинете ли вы свой шатер под сенью нашего знамени?

— Нет! — храбро ответил Паспарту и пустился наутек, оставив одержимого вещать в пустыне.

Во время этой проповеди поезд шел быстрым ходом и к половине первого дня достиг северо-западной оконечности Соленого озера. Отсюда путешественники могли обозреть на большом пространстве это внутреннее море, называемое так же Мертвым морем, в которое впадает американский Иордан. Это прекрасное озеро обрамлено великолепными дикими утесами, широкие основания которых покрыты белым соляным налетом; его огромная водная поверхность занимала некогда еще более обширное пространство; со временем, по мере роста наслоений, поверхность озера уменьшилась, но глубина его возросла.

Соленое озеро, имеющее около семидесяти миль в длину и около тридцати пяти миль в ширину, расположено на высоте трех тысяч восьмисот футов над уровнем моря. Весьма отличное от Асфальтового озера, глубина которого больше на тысячу двести футов, оно содержит в своих водах значительный процент соли, а также до одной четверти растворенных твердых веществ. Удельный вес воды — тысяча сто семьдесят, если принимать вес дистиллированной воды за тысячу.

Рыбы не могут жить в этом озере. Те из них, которые попадают сюда из Иордана, Вебера и других рек, быстро погибают; но утверждение, будто плотность воды в озере настолько значительна, что человек не может в него погрузиться, неверно.

Вокруг озера лежат прекрасно возделанные земли, ибо мормоны очень привержены земледелию; повсюду разбросаны ранчо, загоны для домашнего скота, поля ячменя и овса, кукурузы, сорго, пышные луга, изгороди из шиповника, заросли акаций и молочая. Так выглядел бы этот край через шесть месяцев, летом, но в то время земля была запорошена тонким слоем снега.

В два часа дня пассажиры высадились на станции Огден. Поезд отходил дальше только в шесть часов вечера, и у мистера Фогга, миссис Ауды и обоих их спутников было достаточно времени, чтобы по небольшой железнодорожной ветке съездить из Огдена в «Город святых». Двух часов им вполне хватило для осмотра этого обычного американского города, который в качестве такового построен по единому стандарту Соединенных Штатов — в виде огромной шахматной доски с длинными холодными линиями и, как выразился Виктор Гюго, с «унылой мрачностью прямых углов». Основатель «Города святых» не мог преодолеть присущего англосаксам стремления к симметрии. В этой удивительной стране, где люди отнюдь не находятся на уровне ее установлений, все делается «смаху»: города, дома, глупости.

В три часа дня наши путешественники уже прогуливались по улицам города, расположенного между рекой Иорданом и нижними отрогами Уосатчского хребта. В городе было немного церквей; наиболее монументальными зданиями в нем были дом пророка, резиденция самоуправления и арсенал; отдельные дома были построены из голубоватого кирпича, обнесены верандами и галереями и окружены садами, где росли пальмы, акации и рожковые деревья. Город был опоясан построенной в 1853 году стеной из глины и булыжника. На главной улице, где находился рынок, высилось несколько украшенных флагами гостиниц, среди них «Гостиница Соленого озера».

Мистеру Фоггу и его спутникам город показался не особенно густо населенным. Улицы были почти пусты, кроме, однако, той части города, где находился храм; они достигли его, лишь миновав несколько кварталов, окруженных палисадами. Женщин в городе было довольно много, что объясняется составом мормонской семьи. Не следует, однако, думать, что все мормоны — многоженцы. Они свободны поступать так, как желают, но надо отметить, что почти все жительницы штата Юты стремятся выйти замуж, ибо согласно религии мормонов небо на том свете не дарует блаженства незамужним женщинам. Эти несчастные создания не выглядят ни счастливыми, ни довольными. Некоторые из них, без сомнения, более богатые, носили свободные в талии черные шелковые жакеты, а на головах — капюшоны или скромные шали. Остальные были одеты в ситцевые платья.

Паспарту в качестве убежденного холостяка не без некоторого чувства страха смотрел на этих мормонов, которые в количестве нескольких душ были призваны уболаговлять одного мормона. С присущим ему здравым смыслом он представил себе этого несчастного мужа. Ему показалось устрашающим вести столько дам сразу через все превратности земного существования вплоть до мормонского рая, где мужу предстояло навсегда оставаться в компании с ними и с достойным Смитом, который должен будет украшать своим присутствием это место вечного блаженства. Такая перспектива мало улыбалась Паспарту, и ему казалось даже — быть может, он в этом заблуждался, — что жительницы Грейт-Лейк-Сити бросали на него несколько взволнованные взгляды.

К счастью, пребывание Паспарту в «Городе святых» было непродолжительным. Без малого в четыре часа наши путешественники вернулись на вокзал и вновь заняли места в своем вагоне.

Раздался свисток, но в ту минуту, когда колеса локомотива пришли в движение и поезд стал набирать скорость, раздались крики: «Остановите! Остановите!»

Тронувшийся поезд не останавливают. Джентльмен, издававший эти крики, был, очевидно, каким-то

опоздавшим мормоном. Он мчался во весь дух. К счастью для него, вокзал не имел ни дверей, ни барьеров. Он перебежал дорогу, вскочил на подножку последнего вагона и, задыхаясь, упал на лавку.

Паспарту, который с волнением следил за этими гимнастическими упражнениями, с живейшим интересом рассматривал опоздавшего, ибо узнал, что этот гражданин Юты удрал из дому после семейной сцены.

Когда мормон немного пришел в себя, Паспарту как можно вежливее осведомился у него о количестве жен: судя по поспешному бегству джентльмена, честный малый предполагал, что у того их должно было быть по крайней мере двадцать.

— Одна, сударь! — воскликнул мормон, воздевая руки к небу. — Только одна, но и этого вполне достаточно!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

*в которой Паспарту не может никого заставить
внять голосу рассудка*

Покинув Большое Соленое озеро и станцию Огден, поезд в продолжение часа шел в северном направлении до Вебер-ривер; он покрыл после отхода из Сан-Франциско уже около девятисот миль. Затем он вновь повернул к востоку и двинулся через сильно пересеченный горный Уосатчский массив. Сооружение участка пути между этими горами и Скалистыми горами в собственном смысле этого слова стоило американским инженерам наибольших трудностей. Именно на этом участке каждая миля железнодорожного пути обошлась правительству Соединенных Штатов в сорок восемь тысяч долларов, тогда как миля пути на равнине обходилась лишь в шестнадцать тысяч долларов; но, как уже было сказано, инженеры не боролись с природой — они старались перехитрить ее, обходя все препятствия; так на протяжении всего пути меж океанами они прорыли только один туннель длиной в четырнадцать тысяч футов.

У Солепого озера железнодорожный путь достигал своей наивысшей точки. Оттуда он описывал сильно вытянутую кривую, спускавшуюся в долину Биттер-крик, чтобы затем подняться вновь до водораздела между Атлантическим и Тихим океанами. Речки в этом горном районе весьма многочисленны. Поезду приходилось пересекать мосты через Мадди, Грин-ривер и другие. По мере приближения к цели Паспарту становился все более нетерпеливым. Фиксу также хотелось поскорее миновать этот трудный отрезок пути. Он боялся задержек, опасался несчастных случаев и больше, чем сам мистер Фогг, жаждал вступить на британскую территорию.

В десять часов вечера поезд ненадолго остановился на станции Форт-Бриджер и затем, пройдя еще двадцать миль, вступил в штат Вайоминг — старинную Дакоту, — следуя все время по долине реки Биттер, откуда вытекает часть вод, образующих бассейн реки Колорадо.

На другой день, 7 декабря, поезд сделал пятнадцатиминутную остановку на станции Грин-ривер. За ночь выпал обильный снег пополам с дождем, но он уже почти растаял и не мог помешать движению поезда. Все же скверная погода очень беспокоила Паспарту, ибо снежные заносы могли поставить под угрозу все путешествие.

«И с чего это мистер Фогг вздумал путешествовать зимою! — размышлял Паспарту. — Не мог он разве дожидаться лета, когда больше шансов на успех?»

Но в то время как честного малого беспокоило только состояние неба и понижение температуры, миссис Ауда испытывала живейшее беспокойство совсем по другому поводу.

Дело в том, что на станции Грин-ривер из вагонов вышло несколько пассажиров, которые прогуливались на платформе в ожидании отхода поезда. Среди них молодая женщина заметила и полковника Стэмпа В. Проктора, того самого американца, который столь грубо обошелся с мистером Фоггом во время митинга в Сан-Франциско. Миссис Ауда не хотела быть узнанной и тотчас же отступила вглубь вагона.

Это обстоятельство сильно взволновало молодую женщину. Она успела привязаться к человеку, который, несмотря на свое бесстрашие, каждый день доказывал ей свою самую глубокую преданность. Несомненно, она сама еще не понимала всей глубины чувства, зародившегося в ней к ее спасителю, она называла это чувство благодарностью, но незаметно для нее оно превращалось в нечто большее. Поэтому сердце ее сжалось, когда она узнала человека, у которого мистер Фогг рано или поздно хотел потребовать удовлетворения за его поведение. Очевидно, полковник Проктор попал в этот поезд совершенно случайно, но он находился в нем, и было необходимо любой ценой помешать Филеасу Фоггу встретиться со своим противником.

Когда поезд тронулся и мистер Фогг задремал, миссис Ауда, улучив момент, рассказала Фиксу и Паспарту о случившемся.

— Этот Проктор в нашем поезде! — воскликнул Фикс. — Ну что ж, не тревожьтесь, сударыня. Прежде чем иметь дело с господином... с мистером Фоггом, ему придется иметь дело со мной! Мне кажется, он оскорбил сильнее всего именно меня!

— А кроме того, я сам займусь им, хоть он и полковник! — добавил Паспарту.

— Мистер Фикс, — возразила миссис Ауда, — мистер Фогг не позволит никому мстить за себя. По его собственным словам, он способен вернуться в Америку, чтобы отыскать оскорбителя. Если только он увидит полковника Проктора, мы не сможем предотвратить печальных последствий этой встречи. Остается следить за тем, чтобы они не столкнулись.

— Вы правы, сударыня, эта встреча может все погубить, — согласился Фикс. — Победитель или побежденный, мистер Фогг опоздает, и...

— И это будет на руку джентльменам из Реформ-клуба, — подхватил Паспарту. — Через четыре дня мы будем в Нью-Йорке! Если только эти четыре дня мистер Фогг не будет выходить из вагона, можно надеяться, что случай не сведет его с этим проклятым

американцем, разрази его бог. Так что мы сумеем помешать...

На этом беседа прекратилась. Мистер Фогг проснулся и стал смотреть в окно, запорошенное снегом. Немного погодя Паспарту так тихо, что ни его господин, ни миссис Ауда не слышали, спросил сыщика:

— Вы вправду собираетесь за него драться?

— Я сделаю все, чтобы доставить его живым в Европу! — тоном, выражающим твердую решимость, кратко ответил Фикс.

Паспарту почувствовал, как по телу у него пробежали мурашки, но его уверенность в честности его господина не поколебалась.

Однако каким образом можно было удержать мистера Фогга в купе и предотвратить его встречу с полковником Проктором? Конечно, это было не так уж трудно — наш джентльмен по природе был малопопушен и нелюбопытен. К тому же сыщик нашел хорошее средство: через несколько минут он обратился к Филеасу Фоггу и сказал:

— В поезде ужасно долго тянется время, сударь!

— Да, — ответил джентльмен, — но все же оно движется.

— На пакетботах вы, кажется, обычно играли в вист? — продолжал Фикс.

— Да, — ответил Филеас Фогг, — но здесь это трудно осуществить. У меня нет ни карт, ни партнеров.

— О! Карты мы найдем без труда. В американских поездах продается все что угодно. Что касается партнеров, то если миссис Ауда...

— Конечно! — живо отозвалась молодая женщина. — Я играю в вист. Ведь это входит в программу английского воспитания.

— А я смею считать себя неплохим игроком, — заметил Фикс. — Итак, втроем и с «болваном»...

— Охотно, сударь, — ответил Филеас Фогг, обрадованный тем, что может заняться даже в поезде своей любимой игрой.

Паспарту поспешил к стюарду и вскоре вернулся с двумя полными колодами карт, фишками, жетонами

и обитой сукном доской. Все было на месте. Началась игра. Миссис Ауда играла в вист вполне сносно и даже заслужила похвалу от строгого Филеаса Фогга. Что касается сыщика, то он был прямо-таки первоклассным игроком и оказался достойным соперником нашего джентльмена.

«Ну, теперь-то мы его удержим, — решил Паспарту. — Он не сдвинется с места!»

В одиннадцать часов утра поезд достиг водораздела между двумя океанами. То был Бриджерский перевал, находившийся на высоте семи тысяч пятисот двадцати четырех английских футов над уровнем моря, — одна из наиболее высоких точек железнодорожного пути, проходящего через Скалистые горы. Приблизительно в двухстах милях от перевала путешественников ждали, наконец, простирающиеся до самого Атлантического океана широкие равнины, которые природа, словно специально, создала для железнодорожного пути.

По склонам гор, обращенным в сторону Атлантического океана, текли многочисленные реки, притоки или притоки притоков Норт-Платт-ривер. Весь горизонт на север и восток был закрыт огромным полукругом северной части Скалистых гор, увенчанных пиком Ларами. Между этими горами и железнодорожным путем расстилались обширные, хорошо орошаемые долины. С правой стороны полотна высились первые отроги горного массива, который, загибаясь к югу, доходил до истоков реки Арканзас, одного из важнейших притоков Миссури.

В половине первого пассажиры мельком увидели форт Халлек, господствующий над этой местностью. Еще несколько часов, и Скалистые горы останутся позади. Можно было надеяться, что движение поезда через этот труднопроходимый перевал закончится без всяких происшествий. Снег прекратился. Стало холоднее и суше. Большие птицы, испуганные локомотивом, разлетались в стороны. Ни одного дикого зверя — волка или медведя — не показывалось на равнине. То была необозримая голая пустыня.

После довольно изысканного завтрака, поданного в вагон, мистер Фогг и его партнеры вновь принялись за свой нескончаемый вист. Вдруг послышались отчаянные свистки. Поезд остановился.

Паспарту высунулся в окно, но не увидел ничего, что объяснило бы эту остановку. Никакой станции поблизости не было.

Миссис Ауда и Фикс начали беспокоиться, как бы мистер Фогг не вздумал сойти с поезда. Но наш джентльмен удовольствовался тем, что сказал Паспарту:

— Посмотрите-ка, что там такое.

Паспарту выскочил из вагона. Человек сорок пассажиров уже вышли из поезда на полотно, среди них был и полковник Стэмп В. Проктор.

Поезд стоял перед красным сигналом семафора, закрывавшим путь. Машинист и кондуктор, также спустившиеся на полотно, о чем-то живо спорили с путевым обходчиком, которого начальник соседней станции Медисин-Боу выслал навстречу поезду. Пассажиры подошли к разговаривающим и приняли участие в споре. Среди них находился и упомянутый выше полковник Проктор, говоривший, как всегда, громким голосом и сопровождавший свою речь повелительными жестами.

Приблизившись, Паспарту услышал, как сторож говорил:

— Нет никакой возможности проехать! Мост через Медисин-Боу расшатан и не выдержит тяжести поезда.

Висячий мост, о котором шла речь, был перекинут через поток, находившийся на расстоянии одной мили от того места, где остановился поезд. По словам путевого обходчика, мост грозил рухнуть, ибо некоторые из тросов, на которых он висел, порвались. Обходчик не преувеличивал, утверждая, что мост не выдержит тяжести поезда. Надо сказать, что если уж беззаботные американцы становятся осторожными, то лишь безумец не следует их примеру.

Не смея сообщить мистеру Фоггу о случившемся, Паспарту слушал, стиснув зубы, окаменев, как статуя.

— Вот еще! — кричал полковник Проктор. — Что ж, мы, надеюсь, не вздумаем здесь оставаться и пускать корни в снегу!

— Полковник, — обратился к нему кондуктор, — на станцию Омаха послана телеграмма с просьбой выслать встречный поезд, но он едва ли придет в Медисин-Боу раньше чем через шесть часов.

— Шесть часов! — воскликнул Паспарту.

— Да, — подтвердил кондуктор, — и за это время мы едва успеем пешком дойти до станции.

— Пешком! — закричали хором все пассажиры.

— А далеко идти до этой станции? — спросил один из них кондуктора.

— Она расположена в двенадцати милях, по ту сторону реки.

— Двенадцать миль по снегу! — громко возмутился полковник Проктор.

Полковник разразился градом проклятий, ругая на чем свет стоит железнодорожную компанию и кондуктора. Вzbешенный Паспарту готов был ему вторить. Теперь перед ним встало препятствие, которого не преодолеть всем банковым билетам его господина.

Впрочем, недовольны были все: не считая опоздания, им предстояло проделать пешком такой долгий путь по равнине, занесенной снегом. Около поезда поднялся шум, послышались громкие восклицания и крики, которые, естественно, могли бы привлечь внимание Филеаса Фогга, если бы этот джентльмен не был так поглощен игрой.

Во всяком случае, следовало сообщить ему о происшедшем, и Паспарту, опустив голову, направился было к вагону, как вдруг машинист поезда, истый янки, по фамилии Форстер, заметил:

— Господа, мне кажется, есть возможность проехать!

— По мосту? — спросил один из пассажиров.

— Да, по мосту.

— На нашем поезде? — осведомился полковник.

— На нашем поезде.

Паспарту остановился и весь обратился в слух.

— Но ведь мост угрожает рухнуть! — заметил кондуктор.

— Это ничего не значит, — ответил Форстер. — Я думаю, что, если пустить поезд на предельной скорости, есть некоторые шансы проскочить.

— Черт возьми! — вырвалось у Паспарту.

Но некоторым пассажирам это предложение понравилось. Особенно оно понравилось полковнику Проктору. Этот отчаянный человек находил план машиниста вполне осуществимым. Он даже напомнил, что некоторые инженеры предлагали вообще обходиться без мостов, пуская поезда через реки на предельной скорости и т. д. В конце концов все заинтересованные в быстрой переправе пассажиры приняли сторону машиниста.

— Пятьдесят шансов за то, что мы переедем благополучно! — воскликнул один из пассажиров.

— Шестьдесят! — перебил его другой.

— Восемьдесят!.. Девяносто из ста!..

Паспарту оторопел: хотя он и сам был готов на все, лишь бы переправиться через Медисин-Крик, но подобная попытка казалась ему чересчур уж «американской».

«А ведь все можно сделать гораздо проще, но они об этом и не думают!» — решил он и обратился к одному из пассажиров:

— Сударь, способ, предложенный машинистом, кажется мне рискованным, но...

— Восемьдесят шансов! — ответил пассажир и отвернулся.

— Я это знаю, — продолжал Паспарту, обращаясь к другому джентльмену, — но стоит лишь подумать...

— Незачем думать! — ответил американец, пожмая плечами. — Ведь машинист гарантирует возможность переезда!

— Конечно, но было бы благоразумней... — не унимался Паспарту.

— Что?! Благоразумней! — завопил полковник Проктор, которого это случайно услышанное им слово

вывело из себя. — Вам же говорят: на предельной скорости! Понимаете? На предельной скорости!

— Я знаю... Я понимаю... — повторял Паспарту, которому не давали закончить мысль. — Но было бы естественней, если уж вам так не нравится слово «разумнее»...

— Что? Как? Чего он лезет со своим «естественнее»?! — закричали со всех сторон.

Бедный малый не знал, кому отвечать.

— Вы что, боитесь? — спросил полковник Проктор.

— Я боюсь?! — закричал Паспарту. — Ну ладно! Я покажу вам всем, что француз не трусливее американца!

— По вагонам! По вагонам! — закричал кондуктор.

— Да! По вагонам, — повторил Паспарту, — по вагонам! И как можно скорее! Но все же мне никто не помешает думать, что было бы разумнее сначала перейти по мосту пассажирам, а потом уж пустить поезд.

Но ни один человек так и не расслышал этого мудрого замечания, которое все равно не сочли бы справедливым.

Пассажиры вернулись в вагоны. Паспарту занял свое место, не сказав никому о случившемся. Игроки были всецело поглощены вистом.

Раздался пронзительный свисток локомотива. Машинист дал задний ход, отвел поезд почти на целую милю назад, отступая, словно прыгун, желающий взять разбег побольше.

Затем раздался второй свисток, и поезд понесся вперед; он все время набирал скорость, пока она не достигла крайнего предела; был слышен только рев локомотива, поршни которого делали двадцать ходов в секунду, колесные оси дымились, несмотря на обильную смазку. Поезд несся со скоростью ста миль в час — он летел, едва касаясь рельс. Скорость как бы уничтожала тяжесть поезда.

И он пронесся через реку! Промелькнул, точно молния, не заметив моста. Состав словно перепрыгнул

с одного берега на другой, и машинисту удалось остановить мчащийся паровоз только в пяти милях за станцией.

Но едва поезд пересек реку, как окончательно развалившийся мост с грохотом рухнул в быстрые воды Медисин-Боу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

*где рассказывается о таких происшествиях, которые
случаются лишь на железных дорогах Соединенных
Штатов Америки*

В тот вечер поезд, беспрепятственно продолжая свой путь, прошел мимо форта Соудерс, миновал перевал Чейенн и достиг перевала Эванс. В этом месте железная дорога достигает наивысшей точки — восьми тысяч девятиста одного фута над уровнем моря. Отсюда путешественникам предстояло спускаться по бескрайним, сглаженным самой природой равнинам до самых берегов Атлантического океана.

Здесь от главной магистрали отходит железнодорожная ветка на Денвер-Сити, столицу Колорадо. Эти земли богаты золотоносными жилами и серебром. В городе Денвере уже насчитывалось тогда более пятидесяти тысяч жителей.

К этому времени поезд прошел от Сан-Франциско тысячу триста восемьдесят две мили. По всем расчетам до Нью-Йорка оставалось не больше четырех суток пути. Филеас Фог ехал точно по расписанию.

За ночь они оставили слева от себя лагерь Уолбах. Параллельно железнодорожному пути протекала река Лоджпол, являющаяся границей между штатами Вайоминг и Колорадо. В одиннадцать часов поезд вступил в штат Небраска; пройдя неподалеку от Седгвика, он подошел к Джулсбергу, лежащему на южном рукаве Плэтт-ривер.

Именно тут 23 октября 1867 года состоялось открытие Тихоокеанской железной дороги, строительство

которой возглавлял генерал Дж. М. Додж. Здесь остановились два мощных локомотива, привезших состав из девяти вагонов с приглашенными гостями, в числе которых был вице-президент Томас К. Дюрант; здесь раздались приветственные клики; здесь племена сиу и поани изобразили перед собравшимися битву индейцев; здесь сверкали огни фейерверка; здесь, наконец, походная типография напечатала первый номер газеты «Железнодорожный пионер». Так было отмечено открытие этого огромного железнодорожного пути, проложенного через пустыню, чтобы стать проводником цивилизации и прогресса и связать между собою еще не существовавшие тогда селения и города. Свисток паровоза, более мощный, чем лира Амфиона, должен был вскоре вызвать их к жизни из недр американской земли.

В восемь часов утра проехали форт Мак-Ферсон. Триста пятьдесят семь миль отделяли теперь наших путешественников от Омахи. Железнодорожный путь шел по левому берегу извилистого южного рукава Платт-ривер. В девять часов поезд прибыл в крупный город Норт-Платт, лежащий между двумя рукавами этого важного притока реки Миссури, впадающего в нее немного выше Омахи; у Норт-Платта оба рукава сливаются в общий поток.

Сто первый меридиан был пройден.

Мистер Фогг и его партнеры возобновили игру. Никто из них не жаловался на длинную дорогу, никто — даже «болван». Фикс начал с того, что выиграл несколько гиней, которые теперь проигрывал; он был увлечен игрой не меньше мистера Фогга. Все утро нашему джентльмену сильно везло. Козыри и онёры так и сыпались ему в руки. В ту минуту, когда, подготовив смелую комбинацию, он уже собрался было пойти с пик, за его спиной вдруг раздался голос:

— А я пошел бы с бубен!..

Мистер Фогг, миссис Ауда и Фикс подняли головы. Возле них стоял полковник Проктор.

Стэмп В. Проктор и Филеас Фогг тотчас же узнали друг друга.

— А! Это вы, мистер англичанин! — вскричал полковник. — Так это вы собираетесь пойти с пик!

— И я с них пойду, — холодно ответил мистер Фогг, выбрасывая десятку пик.

— А я считаю, что надо идти с бубен! — раздраженным голосом сказал полковник.

Он сделал движение, чтобы схватить положенную карту, и добавил:

— Вы ничего не смыслите в этой игре!

— Быть может, я окажусь искуснее в другой, — сказал Филеас Фогг, вставая.

— От вас зависит испробовать, потомок Джона Буля! — ответил грубяня.

Миссис Ауда побледнела. Вся кровь прилила у нее к сердцу. Она схватила Филеаса Фогга за руку, но тот осторожно высвободил ее. Паспарту готов был броситься на американца, который с вызывающим видом смотрел на своего противника. Но тут поднялся Фикс и, подойдя к полковнику Проктору, сказал:

— Не забывайте, что вам придется иметь дело со мной, сударь; вы меня не только оскорбили, но и ударили!

— Простите, мистер Фикс, но это касается меня одного, — возразил мистер Фогг. — Утверждая, что я ошибаюсь, назначая ход с пик, полковник нанес мне новое оскорбление, и за это он ответит.

— Когда угодно и где угодно, — ответил американец, — а также любым оружием!

Миссис Ауда тщетно пыталась удержать мистера Фогга. Сыщик столь же безуспешно пытался обратить гнев Проктора на себя. Паспарту готов был выбросить полковника за дверь, но удержался, повинуясь знаку своего господина. Филеас Фогг вышел на площадку, американец последовал за ним.

— Сударь, я очень тороплюсь в Европу, и всякая задержка может нанести серьезный ущерб моим интересам, — сказал мистер Фогг своему противнику.

— Это меня не касается! — ответил полковник Проктор.

— Сударь, после нашей встречи в Сан-Франциско, — весьма учтиво продолжал мистер Фогг, — я

предполагал вернуться в Америку и разыскать вас, как только покончу с делами, призывающими меня в Европу.

— В самом деле?

— Угодно вам встретиться со мной через шесть месяцев?

— А почему не через шесть лет?

— Я сказал — через шесть месяцев и точно прибуду в назначенный срок.

— Это все увертки! — закричал Стэмп В. Проктор. — Сейчас или никогда!

— Хорошо, — ответил мистер Фогг. — Вы едете в Нью-Йорк?

— Нет.

— В Чикаго?

— Нет.

— В Омаху?

— Какое вам дело! Знаете ли вы Плам-Крик?

— Нет, — ответил мистер Фогг.

— Это — следующая станция. Поезд будет там через час. Он остановится на десять минут. Десяти минут вполне достаточно, чтобы обменяться несколькими выстрелами из пистолета.

— Хорошо! Пусть будет так! — ответил мистер Фогг. — Я остановлюсь в Плам-Крик.

— А я думаю, что вы там и останетесь, — дерзко сказал американец.

— Как знать, сударь, — ответил мистер Фогг и возвратился в вагон таким же невозмутимым, как обычно.

Там он прежде всего успокоил миссис Ауду, сказав, что никогда не следует бояться хвастунов. Затем он попросил Фикса быть его секундантом в предстоящей дуэли. Фикс не мог отказать, и Филеас Фогг совершенно спокойно возобновил прерванную игру и самым хладнокровным образом пошел с пик.

В одиннадцать часов свисток паровоза возвестил о приближении к станции Плам-Крик. Мистер Фогг поднялся и в сопровождении Фикса вышел на площадку. За ним следовал Паспарту с парой пистолетов. Бледная как смерть миссис Ауда осталась в вагоне.

В эту минуту открылась дверь соседнего вагона и на площадке показался полковник Проктор в сопровождении своего секунданта, американца такого же пошиба, как и он; но только противники собрались сойти на перрон, как кондуктор закричал:

— Здесь нельзя выходить!

— Почему? — спросил полковник.

— Мы опоздали на двадцать минут, и поезд здесь почти не стоит.

— Но я должен здесь драться с этим господином!

— Очень сожалею, — ответил кондуктор, — но мы сию же минуту тронемся. Вот и звонок!

Действительно, раздался удар колокола, и поезд опять пустился в путь.

— Я очень огорчен, господа, — сказал кондуктор. — При других обстоятельствах я был бы готов оказать вам услугу. Но, помимо всего прочего, если вы не успели обменяться выстрелами здесь, кто вам мешает сделать это в пути?

— Это, пожалуй, не улыбается моему противнику! — сказал насмешливым тоном полковник Проктор.

— Напротив, мне это весьма улыбается, — возразил Филеас Фогг.

«Мы действительно в Америке! — подумал Паспарту. — Кондуктор поезда ведет себя как джентльмен из высшего общества!»

И он последовал за своим господином.

Оба противника и их секунденты во главе с кондуктором прошли через весь поезд в задний вагон, где находилось не больше десятка пассажиров. Кондуктор учтиво попросил их на несколько минут освободить вагон, чтобы дать возможность двум джентльменам урегулировать вопрос чести.

Еще бы! Пассажиры были счастливы оказать любезность этим джентльменам и тотчас же вышли на площадки.

Вагон длиною футов в пятьдесят был очень удобен для предстоящей дуэли. Оба противника могли свободно двигаться навстречу друг другу между скамейками и палить, сколько им вздумается. Никогда еще

дуэль не была так просто обставлена. Мистер Фогг и полковник Проктор, вооруженные каждый двумя шестизарядными револьверами, вошли в вагон. Секунданты, оставшись снаружи, заперли двери. По первому свистку паровоза противники должны были открыть стрельбу... Затем две минуты спустя секунданты войдут в вагон и заберут то, что останется от обоих джентльменов.

В самом деле, что могло быть проще? Это было настолько просто, что Фикс и Паспарту чувствовали, как их сердца готовы разорваться от волнения.

Все ждали условленного свистка, как вдруг послышались дикие крики. Вслед за ними раздались выстрелы, но не из вагона, где должна была произойти дуэль. Стрельба началась где-то у паровоза и шла вдоль вагонов. Испуганные крики и стрельба доносились и изнутри состава.

Полковник Проктор и мистер Фогг с револьверами в руках тотчас же выскочили из вагона на площадку и бросились вперед, откуда слышалось больше всего выстрелов и криков.

Они поняли, что поезд атакован отрядом индейцев племени сиу.

Это был отнюдь не первый случай, когда воинственные индейцы нападали на поезда. По своему обыкновению, они, не ожидая остановки состава, вскакивали на подножки и врывались в вагоны, подобно тому, как цирковые наездники вскакивают на несущуюся галопом лошадь; число нападающих обычно не превышало сотни.

У индейцев были ружья. Путешественники, также почти все вооруженные, отвечали на ружейные выстрелы револьверной стрельбой. Прежде всего индейцы устремились к паровозу. Машинист и кочегар были оглушены ударами кастетов. Вождь племени сиу хотел было остановить поезд, но, не зная управления, повернул ручку регулятора в обратную сторону и подбавил пару, так что паровоз понесся вперед с ужасающей скоростью.

Тем временем индейцы наводнили вагоны; словно разъяренные обезьяны, они прыгали по крышам,

врывались в двери и окна и вступали в рукопашную битву с пассажирами. Взломав багажный вагон, они разграбили его, выбросив на полотно все содержимое. Крики и стрельба не прекращались.

Путешественники мужественно оборонялись. Некоторые вагоны, будучи забаррикадированы, выдерживали осаду, словно настоящие подвижные форты, несущиеся со скоростью ста миль в час.

С самого начала нападения миссис Ауда вела себя очень храбро. С револьвером в руке она отважно защищалась и стреляла сквозь разбитые стекла, как только в окне показывалась голова индейца. Десятка два убитых напавших индейцев уже свалились на полотно, и колеса поезда давили нападавших, срывавшихся с площадок на рельсы, как червяков.

Несколько пассажиров, серьезно раненных пулями или оглушенных кастетами, лежало на скамейках вагонов.

С нападением надо было покончить. Борьба, длившаяся уже десять минут, неизбежно привела бы к победе индейцев, в случае если бы не удалось остановить поезд. Действительно, до станции форт Керней оставалось не больше двух миль. Там находился американский военный пост, но если бы форт был пройден, то вплоть до следующей станции индейцы оставались бы хозяевами поезда.

Рядом с мистером Фоггом дрался кондуктор; сраженный пулей, он, падая, крикнул:

— Мы погибли, если через пять минут поезд не остановится!

— Он остановится! — сказал Филеас Фогг, бросаясь к двери.

— Останьтесь, сударь, за это возьмусь я! — вскричал Паспарту.

Филеас Фогг не успел удержать храброго малого, который, открыв дверцу, незаметно для индейцев скользнул под вагон. Борьба продолжалась, над головой Паспарту свистели пули, но он с ловкостью и гибкостью бывшего гимнаста, цепляясь за цепи, буфера и рычаги тормозов, искусно пробирался под вагонами

и, наконец, достиг головы поезда. Никто его не заметил, да и не мог заметить.

Повиснув на одной руке между багажным вагоном и тендером, он другой рукой сбросил предохранительные цепи; вследствие непрерывной тяги ему никак не удавалось снять соединительный крюк, пока, наконец, толчок паровоза не помог ему это сделать, после чего отцепленный поезд начал мало-помалу замедлять ход, тогда как локомотив с новой силой помчался вперед.

В силу инерции состав еще несколько минут продолжал двигаться, но пассажиры пустили в ход вагонные тормоза, и поезд, наконец, остановился меньше чем в ста шагах от станции Керней.

Солдаты форта, услышав стрельбу, поспешно выскочили навстречу поезду. Индейцы не стали ожидать их и разбежались прежде, чем поезд успел окончательно остановиться.

Когда путешественники произвели на перроне станции переключку, оказалось, что не хватает нескольких человек и среди них отважного француза, которому все были обязаны своим спасением.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ,

в которой Филеас Фогг всего лишь выполняет свой долг

Паспарту и еще двое пассажиров исчезли. Может быть, они были убиты в бою? Может быть, были пленены индейцами? Никто этого пока не знал.

Много пассажиров было ранено, но никто — смертельно. Одно из наиболее серьезных ранений получил полковник Проктор, который все время отважно сражался, пока не упал, получив пулю в пах. Вместе с другими ранеными он был перенесен на станцию, где всем пострадавшим оказали немедленную помощь.

Миссис Ауда осталась невредимой. Филеас Фогг, хотя и не берег себя, не получил не единой царапины.

Фикс отделался легкой раной в руку. Но Паспарту исчез, и крупные слезы текли из глаз молодой женщины.

Все пассажиры вышли из поезда. Колеса вагонов были испачканы кровью. На спицах и ободьях висели бесформенные клочья мяса. На снежной равнине, насколько хватал взор, виднелись кровавые следы. Последние индейцы убегали на юг, в сторону Репаббликан-ривер.

Скрестив руки на груди, мистер Фогг стоял недвижимо. Ему предстояло принять важное решение. Миссис Ауда стояла рядом и молча смотрела на него... Он понял ее взгляд. Что, если его слуга попал в плен? Не должен ли он, Фогг, рискнуть всем, чтобы вырвать его из рук индейцев?

— Я найду его живым или мертвым, — просто сказал он миссис Ауде.

— О мистер... мистер Фогг! — вскричала молодая женщина, схватив руки своего спутника и обливая их слезами.

— Живым, — добавил мистер Фогг, — если только мы не будем терять ни одной минуты!

Принимая такое решение, Филеас Фогг жертвовал всем. Он шел на полное разорение. Стоило ему задержаться на один день, и он мог опоздать на пакетбот, отходивший из Нью-Йорка. А это неизбежно влекло за собою проигрыш пари. Но, сознавая, что таков его долг, он не колебался.

В эту минуту к нему подошел капитан, командир форта Керней. Его солдаты — около сотни человек — готовы были к обороне на случай, если бы индейцы вздумали атаковать вокзал.

— Сударь, — обратился к нему мистер Фогг, — трое пассажиров исчезли.

— Убиты? — спросил капитан.

— Убиты или попали в плен, — ответил Филеас Фогг. — Необходимо это выяснить. Намерены ли вы преследовать индейцев?

— Это очень серьезный вопрос, сударь, — ответил капитан. — Ведь индейцы могут уйти даже за реку Арканзас. Я не имею права покинуть порученный мне форт.

— Сударь, дело идет о жизни трех человек! — продолжал Филеас Фогг.

— Это так... Но могу ли я рисковать пятьюдесятью, чтобы спасти троих?

— Я не знаю, можете ли вы, но вы должны, сударь.

— Сударь, — ответил капитан, — никто здесь не имеет права указывать мне, каков мой долг.

— Хорошо, — холодно сказал Филеас Фогг. — Я пойду один!

— Вы, сударь! — воскликнул подошедший Фикс. — Вы хотите один преследовать индейцев!

— Я не могу допустить, чтобы погиб человек, которому все мы обязаны жизнью. Я пойду!

— Нет, вы пойдете не один! — вскричал невольно взволнованный капитан. — Нет! Вы смелый человек! Найдется ли среди вас тридцать добровольцев? — крикнул он, обращаясь к солдатам.

Вся рота целиком шагнула вперед. Капитану осталось лишь выбирать. Тридцать солдат были выделены, и старый сержант назначен командиром.

— Спасибо, капитан, — сказал мистер Фогг.

— Вы мне позволите идти с вами? — спросил Фикс у нашего джентльмена.

— Как вам будет угодно, сударь, — ответил ему Филеас Фогг. — Но если хотите оказать мне услугу, то лучше оставайтесь с миссис Аудой. Если со мной случится несчастье...

Внезапная бледность покрыла лицо полицейского инспектора. Отпустить человека, за которым он следовал с таким упорством и настойчивостью! Отпустить его одного в эту пустыню! Фикс внимательно посмотрел на мистера Фогга и, несмотря на все свои подзрения, несмотря на борьбу, происходившую у него в душе, опустил глаза перед спокойным и открытым взором джентльмена.

— Я остаюсь, — сказал он.

Несколько мгновений спустя мистер Фогг пожал руку молодой женщине, передал ей свой драгоценный саквояж и отправился вместе с сержантом и его маленьким войском.

Однако, прежде чем двинуться в путь, он сказал солдатам:

— Друзья, вас ожидает тысяча фунтов, если мы спасем пленников!

Было несколько минут первого.

Удалившись в одну из комнат при вокзале, миссис Ауда в ожидании дальнейших событий в одиночестве размышляла о Филеасе Фогге, о его прямоте и великодушии, о его спокойном мужестве. Мистер Фогг поставил на карту все состояние и теперь во имя долга, не колеблясь, без лишних слов подверг опасности и свою жизнь. В ее глазах Филеас Фогг становился героем.

Полицейский инспектор Фикс думал иначе и не мог сдержать своего волнения. Он нервно шагал по перрону вокзала. Его первый порыв прошел, и он снова стал самим собою. Фогг ушел! Сыщик понял, как глупо он поступил, дав ему уйти. Как! Он следовал за этим человеком вокруг всего земного шара и вдруг отпустил его одного! Вся его натура восставала: он обвинял себя, бранил, как бранил бы инспектор столичной полиции глупого сыщика, попавшегося на хитрую уловку вора.

«Дурак, дурак! — повторял про себя Фикс. — Тот, другой, наверное, уже рассказал ему, кто я таков! Он ушел и больше не вернется! Где я его теперь отыщу? Да как же я, сыщик Фикс, мог позволить так себя провести, когда в моем кармане ордер на его арест?! Положительно, я совершенный болван!» Пока полицейский инспектор размышлял таким образом, часы медленно текли. Он не знал, как поступить. Временами у него возникало желание рассказать обо всем миссис Ауде. Но он хорошо понимал, как его признание будет встречено молодой женщиной. Что предпринять! Он сам готов был отправиться по снежной равнине вслед за этим Фоггом! Его было не так уж трудно найти. Ведь следы отряда еще виднелись на снегу!.. Но вскоре их занесло вновь выпавшим снегом.

Тогда отчаяние овладело Фиксом. Он испытал даже сильное желание бросить всю эту игру. Случай покинуть станцию Керней и продолжить путешествие,

столь обильное для него неудачами, вскоре представился.

Действительно, около двух часов пополудни, когда снег валил крупными хлопьями, с востока вдруг слышались протяжные свистки. Огромная тень, предшествуемая снопом рыжего света, медленно продвигалась сквозь туман, который, увеличивая, придавал ей фантастические очертания.

Между тем с востока не ждали никакого поезда. Помощь, которую запросили по телеграфу, не могла еще прибыть так скоро, а поезд из Омахи в Сан-Франциско должен был пройти здесь только завтра. Наконец, все объяснилось.

Паровоз, медленно приближавшийся к станции и все время пронзительно свистевший, был тот самый, что оторвался от состава и с бешеной быстротой умчался вперед вместе с кочегаром и машинистом, которые лежали без сознания. Так он пронесся несколько миль, но затем вследствие недостатка топлива огонь в топке погас, давление пара уменьшилось, и через час, постепенно замедляя ход, паровоз остановился в двадцати милях за станцией Керней.

Машинист и кочегар были живы и после довольно продолжительного обморока пришли в себя.

Паровоз не двигался. Когда машинист увидел, что паровоз стоит в пустыне один, без вагонов, он сообразил, что произошло. Каким образом состав был отцеплен, он не мог понять, но несколько не сомневался, что поезд остался позади и терпит бедствие.

Машинист не колебался: он знал, что ему следовало делать. Продолжать путь в сторону Омахи, разумеется, было бы гораздо безопаснее, чем возвращаться назад к поезду, который, быть может, еще грабили индейцы... Но будь что будет! В топку подбросили дров и угля, огонь вновь разгорелся, давление пара опять повысилось, паровоз двинулся задним ходом и около двух часов дня подошел к станции Керней. Это он и свистел все время в тумане.

Пассажиры были чрезвычайно довольны, увидев, что паровоз снова занял свое место во главе поезда.

Им представлялась, наконец, возможность продолжать столь печально прерванный путь.

Когда паровоз подошел к станции, миссис Ауда вышла на платформу и спросила кондуктора:

— Вы едете?

— Немедленно, сударыня.

— А пленные?.. Наши несчастные спутники?..

— Я не могу нарушить расписание, — ответил кондуктор. — Мы и так опоздали на три часа.

— А когда приходит следующий поезд из Сан-Франциско?

— Завтра вечером.

— Завтра вечером! Но это будет слишком поздно. Надо подождать...

— Никак нельзя, — возразил кондуктор. — Если вы желаете продолжать путь, пожалуйста в вагон.

— Я не поеду, — ответила молодая женщина.

Фикс слышал этот разговор. За несколько мгновений до этого, когда не было никакой возможности уехать, он уже почти решил покинуть станцию Керней; теперь же, когда поезд стоял здесь под парами и Фиксу оставалось лишь вновь занять свое место в вагоне, какая-то непреодолимая сила приковала его к земле. Этот станционный перрон жег ему ноги, но он не мог сойти с него. В нем снова разгорелась борьба. Неудача наполняла его яростью. Он решил бороться до конца.

Между тем пассажиры и раненные, — и среди них полковник Проктор, состояние которого было очень серьезно, — заняли места в вагонах. Перегретый котел шумел, пар вырывался из клапанов. Наконец, машинист дал свисток, поезд тронулся и быстро исчез из виду, смешивая свой белый дым с вихрем снежной метели.

Полицейский инспектор Фикс остался.

Прошло несколько часов. Погода была скверная, мороз усиливался. Фикс неподвижно сидел на скамейке вокзала. Миссис Ауда, несмотря на сильный ветер, то и дело выходила из комнаты, предоставленной в ее распоряжение. Она доходила до края платформы, напряженно вглядывалась сквозь снежную бурю в ту-

манную даль и старалась уловить хоть какой-нибудь звук. Но тщетно. Она уходила назад, продрогнув от холода, чтобы затем снова выйти и опять безуспешно.

Наступил вечер. Маленький отряд не возвращался. Где он был сейчас? Настиг ли он индейцев? Произошла ли стычка, или солдаты, затерянные в тумане, шли наугад? Капитан форта Керней был весьма озабочен, хотя и не хотел выказывать свое беспокойство.

Наступила ночь, снег все еще падал, хотя не так обильно, однако стало еще холоднее. Даже самый бесстрашный взор не мог бы без ужаса созерцать эту безбрежную тьму. Полная тишина царила в долине. Ни птица, ни зверь не нарушали этого бесконечного покоя.

Всю ночь миссис Ауда бродила по затерянной в прериях платформе; душа ее была полна самых злобеших предчувствий, сердце — во власти страшной тоски. Воображение уносило ее далеко отсюда и рисовало ей тысячу опасностей. Что она выстрадала за эти долгие часы — не поддается описанию.

Фикс неподвижно сидел на том же месте, но он также не спал. Какой-то человек на мгновение подошел к нему и заговорил с ним, но полицейский агент отрицательно покачал головой, и тот удалился.

Так прошла ночь. На заре тусклый диск солнца поднялся над туманным горизонтом. Теперь уже можно было разглядеть местность на две мили вокруг. Филеас Фогг с отрядом направился к югу... Но на юге было совершенно пустынно. Было семь часов утра.

Чрезвычайно озабоченный капитан не знал, что предпринять. Должен ли он послать новый отряд на помощь первому? Должен ли пожертвовать новыми людьми, когда оставалось так мало шансов на спасение уже пожертвовавших собою добровольцев? Однако колебание его было непродолжительным, он подозревал к себе жестом одного из лейтенантов и приказал ему произвести разведку в южном направлении, но в эту минуту послышались выстрелы. Может быть, то был сигнал? Солдаты выбежали из форта и в полумиле заметили маленький отряд, возвращавшийся в полном порядке.

Мистер Фогг шел впереди, возле него шагали Паспарту и два других пассажира, освобожденные из рук индейцев.

В десяти милях к югу от форта Керней произошла стычка. Незадолго до прибытия отряда Паспарту и его два товарища уже вступили в борьбу со стражей, и француз успел уложить троих ударами кулака, когда на помощь подоспел его господин с отрядом солдат.

Всех — и спасенных и спасителей — приветствовали криками радости; Филеас Фогг роздал солдатам обещанную награду.

«Однако следует признать, что я довольно дорого стою своему господину», — не без некоторых оснований подумал Паспарту.

Фикс молча смотрел на мистера Фогга, и трудно было понять ощущения, которые боролись в эту минуту в душе сыщика. Что касается миссис Ауды, то она схватила руку мистера Фогга и сжала ее в своих ладонях, будучи не в силах вымолвить ни слова!

Едва Паспарту подошел к станции, он тотчас же принялся искать поезд. Он надеялся, что состав уже готов к отправлению в Омаху и можно будет наверстать потерянное время.

— Поезд! Где же поезд! — вскричал он.

— Ушел, — ответил Фикс.

— А когда пойдет следующий? — спросил Филеас Фогг.

— Только сегодня вечером.

— А! — спокойно проговорил бесстрастный джентльмен.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой сыщик Фикс принимает близко к сердцу
интересы мистера Фогга*

Филеас Фогг опаздывал на двадцать часов. Паспарту — невольная причина этого опоздания — был в отчаянии. Решительно, он разорил своего господина!

В эту минуту полицейский инспектор подошел к мистеру Фоггу и спросил, глядя на него в упор:

— Вы в самом деле очень торопитесь?

— В самом деле, — ответил Филеас Фогг.

— Простите мою настойчивость, — продолжал Фикс. — Вам необходимо прибыть в Нью-Йорк одиннадцатого числа до девяти часов вечера, то есть до отхода пакетбота в Ливерпуль?

— Крайне необходимо.

— И если бы ваше путешествие не было прервано нападением индейцев, вы были бы в Нью-Йорке одиннадцатого утром?

— Да, за двенадцать часов до отхода пакетбота.

— Хорошо. Вы опоздали на двадцать часов. Двадцать минус двенадцать будет восемь. Надо выиграть эти восемь часов. Хотите попытаться это сделать?

— Пешком? — спросил мистер Фогг.

— Нет, в санях, — возразил Фикс, — в санях с парусом. Один человек предложил мне этот способ передвижения.

Фикс имел в виду того незнакомца, который подходил к нему ночью на вокзале; тогда Фикс отклонил его предложение.

Филеас Фогг ничего не ответил, но, когда Фикс указал ему на этого человека, который прогуливался перед зданием вокзала, наш джентльмен подошел к нему. Минуту спустя Филеас Фогг и американец, по фамилии Мадж, входили в сарай, выстроенный у стены форта Керней.

Там мистер Фогг увидел довольно оригинальный экипаж — нечто вроде платформы, установленной на двух длинных бревнах, спереди слегка закругленных, как полозья саней; на ней свободно могли поместиться пять или шесть человек. В передней части платформы возвышалась высокая мачта, к которой был прикреплен огромный косой парус. В основание этой мачты, прочно удерживаемой металлическими вантами, упирался железный бушприт, который служил для постановки большого кливера. В задней части саней было нечто вроде руля, позволявшего управлять всем этим сооружением.

Таким образом, это были сани, оснащенные, как шлюп. Зимой на замерзшей равнине, когда поезда часто останавливаются из-за снежных заносов, сани эти служат для быстрого переезда с одной станции на другую. Парусность их очень велика — гораздо больше, чем у гоночных яхт, ибо саням не угрожает опасность опрокинуться, — и при попутном ветре они скользят по равнине с такой же, если не с большей, скоростью, как курьерский поезд.

В несколько мгновений сделка между мистером Фоггом и владельцем этого сухопутного корабля была совершена. Ветер был благоприятный. Он дул прямо с запада и притом довольно сильно. Снег затвердел, и Мадж брался за несколько часов доставить мистера Фогга до станции Омаха. От этой станции поезда отходили часто, и было много линий, ведущих в Чикаго и Нью-Йорк. Появлялась возможность наверстать потерянное время, и колебаться поэтому не приходилось.

Не желая подвергать миссис Ауду неудобствам путешествия под открытым небом при холодном ветре, который должен был сделаться еще невыносимее вследствие скорости движения, мистер Фогг предложил ей остаться на станции Керней под охраной Паспарту. Честный малый должен был доставить молодую женщину в Европу более удобным путем и в более сносных условиях.

Не желая разлучаться с мистером Фоггом, миссис Ауда отказалась, и Паспарту был этому очень рад. Ни за что на свете он не хотел оставлять своего господина, особенно вдвоем с Фиксом.

Что думал в это время полицейский инспектор, сказать трудно. Поколебалось ли его убеждение в виновности мистера Фогга, когда тот вернулся на станцию Керней? Или, может быть, он считал его исключительно по смелости мошенником, который надеялся, что, вернувшись в Англию после кругосветного путешествия, он будет там в полной безопасности? Возможно, что мнение Фикса о Филеасе Фогге действительно изменилось, но его решение выполнить свой долг осталось неизменным, поэтому он больше всех спешил вернуться в Англию.

В восемь часов утра сани были готовы к отъезду. Путешественники — их трудно было назвать пассажирами — разместились в них, плотно закутавшись в свои дорожные одеяла. Два огромных паруса были подняты, и сани под действием ветра заскользили по снежному насту со скоростью сорока миль в час.

Расстояние между фортом Керней и Омахой по прямой линии, «по полету пчелы», как выражаются американцы, — не больше двухсот миль. Если бы ветер оставался попутным, это расстояние можно было бы пройти за пять часов. Если не произойдет никакого происшествия, то в час дня сани должны будут достичь Омахи.

Какой это был переезд! Путешественники сидели, тесно прижавшись друг к другу, и не могли разговаривать. От холода, который еще усиливался из-за быстрого движения, у них захватывало дух. Сани скользили по поверхности равнины с такой же легкостью, как судно — по водной глади: без малейшей качки. Когда налетал ветер, казалось, что сани летят по воздуху на своих парусах, подобных огромным широким крыльям. Мадж твердо держал курс, ловкими движениями руля направляя сани по прямой линии. Все паруса были подняты. Переставили кливер, подняли стеньгу и поставили топсель; все они вместе увеличивали скорость движения саней. Невозможно было с математической точностью вычислить эту скорость, но было несомненно, что она составляла не меньше сорока миль в час.

— Если ничего не сломается, мы приедем вовремя, — заметил Мадж.

А приехать во-время Маджу очень хотелось, так как мистер Фогг, верный своей системе, пообещал ему значительную премию.

Равнина, которую по прямой линии пересекали сани, была плоской, словно море. Она походила на огромный замерзший пруд. Железная дорога проходит на этой территории с юго-запада на северо-запад через Гранд-Айленд, Колумбус — крупный город штата Небраска, Скулер, Фримонт и Омаху и все время тянется правым берегом Платт-ривер. Сани сокращали

этот путь, проходя по хорде дуги, которую описывает железная дорога. Мадж не опасался, что их задержит Платт-ривер, образующая перед Фримонтом небольшую излучину, ибо река замерзла. Таким образом, на всем протяжении пути не было никаких препятствий, и Филеас Фогг мог опасаться только двух обстоятельств: поломки саней и перемены или прекращения ветра.

Но ветер не ослабевал. Напротив. Он дул с такой силой, что гнулась мачта, поддерживаемая металлическими вантами. Эти металлические тросы, похожие на струны какого-то огромного инструмента, гудели от ветра, словно чья-то невидимая рука водила по ним смычком. И сани неслись под жалобную мелодию совершенно исключительной силы.

— Эти тросы звучат в квинту и в октаву, — заметил Филеас Фогг.

Таковы были единственные слова, которые он произнес за всю дорогу. Миссис Ауда, тщательно закутанная в дорожные одеяла и меха, была по мере возможности защищена от холода.

Что касается Паспарту, то он жадно вдыхал морозный воздух, и лицо его было красно, как диск солнца, когда оно садится в тумане. С присущим ему непоколебимым оптимизмом он снова начал надеяться на успех. Ну что ж, вместо того чтобы приехать в Нью-Йорк утром, они приедут вечером, лишь бы им застать пакетбот, отходящий в Ливерпуль!

Паспарту даже хотелось пожать руку своему союзнику Фиксу. Он помнил, что парусные сани были раздобыты именно им и что только благодаря сыщику его господин может прибыть в Омаху во-время. Однако, следуя какому-то предчувствию, он сдержался и не изменил своего обычного настороженного отношения к Фиксу.

Во всяком случае, Паспарту знал, что он никогда не позабудет одного — жертвы, которую, не колеблясь, принес мистер Фогг, чтобы вырвать его из рук индейцев племени сиу. Для этого мистер Фогг рисковал своим состоянием и самой жизнью... Нет! Его слуга этого никогда не забудет!

Пока каждый из путешественников предавался своим размышлениям, сани буквально летели по бескрайнему снежному ковру. Иногда они пересекали небольшие речки, притоки или притоки притоков Литл-Блу-ривер, но путешественники не замечали этого, ибо и поля и водные потоки были покрыты одним и тем же белым покровом. Равнина была совершенно пустынна. Расположенная между Тихоокеанской железной дорогой и веткой, идущей от форта Керней на Сент-Джозеф, она образовывала как бы обширный необитаемый остров. Ни деревни, ни станции, ни даже форта. Временами мелькали лишь одинокие, покрытые снегом кривые деревья, которые сгибались под порывами ветра. Иногда стаи диких птиц взлетали над равниной. Изредка койоты, голодные и худые, бросались в погоню за саними, надеясь чем-нибудь поживиться. Паспарту с револьвером в руке готов был немедленно открыть огонь по ближайшим из них. Если бы с саними что-нибудь случилось, путешественникам, подвергшимся нападению этих свирепых хищников, пришлось бы плохо. Но сани держались крепко, стремительно мчались вперед, и скоро стая воющих зверей осталась далеко позади.

В полдень Мадж по некоторым признакам заметил, что они миновали Платт-ривер. Он ничего не сказал, но теперь был уверен, что до Омахи остается не больше двадцати миль.

И действительно, меньше чем через час искусный водитель оставил руль и начал спешно убирать паруса; по инерции сани прокатились еще полмили. Но, наконец, они остановились, и Мадж, указав на ряд покрытых снегом крыш, сказал:

— Ну вот мы и приехали!

Приехали! Приехали на станцию, откуда многочисленные поезда ежедневно следуют на восток Соединенных Штатов!

Паспарту и Фикс соскочили на землю и расправили свои онемевшие конечности. Затем они помогли сойти с саней миссис Ауде и мистеру Фоггу. Филеас Фогг щедро расплатился с Маджем, которому

Паспарту дружески пожал руку. После этого все четверо поспешили на вокзал.

В Омахе — этом важном центре штата Небраска — кончается собственно Тихоокеанская железная дорога, соединяющая бассейн Миссисипи с Тихим океаном. От Омахи начинается уже новая линия, носящая название Чикаго-Рок-Айлендской дороги, которая идет прямо на восток и на пути к Чикаго насчитывает пятьдесят станций.

Поезд прямого сообщения был готов к отходу. Филеас Фогг и его спутники едва успели сесть в вагон. Города Омахи они вовсе не видели, но Паспарту не очень об этом сожалел: он понимал, что теперь не время осматривать город.

С чрезвычайной быстротой поезд пролетел по штату Айова, через города Каунсил-Блафс, Де-Мойн и Айова-Сити. Ночью он пересек у Давенпорта Миссисипи и через Рок-Айленд вошел в пределы штата Иллинойс. На другой день, 10 декабря, в четыре часа вечера поезд прибыл в Чикаго; город этот уже поднялся из развалин и еще горделивее раскинулся на берегах чудесного озера Мичиган.

Девятьсот миль отделяют Чикаго от Нью-Йорка. Поездов здесь было много, и мистер Фогг пересел непосредственно с одного на другой. Быстроходный локомотив линии Питтсбург — Форт-Уэйн — Чикаго понесся на всех парах, словно понимая, что достопочтенному джентльмену нельзя терять времени. Молнией промчался он через штаты Индиана, Огайо, Пенсильвания, Нью-Джерси, проезжая города с античными названиями, во многих из которых уже были и улицы и конная железная дорога, но еще не было домов. Наконец, показался Гудзон, и 11 декабря в четверть двенадцатого ночи поезд остановился на вокзале, расположенном на правом берегу реки, как раз против пристани паромов линии компании Кунарда-лайн.

Пароход «Китай», идущий в Ливерпуль, снялся с якоря сорок пять минут назад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

*в которой Филеас Фогг вступает в непосредственную
борьбу с неудачей*

Вместе с «Китаем», казалось, исчезли и все надежды Филеаса Фогга.

Действительно, ни один из пакетботов, курсирующих между Европой и Америкой, ни суда французской Трансатлантической компании, ни корабли компании «Уайт-стар-лайн», ни пароходы компании «Иммэн» или Гамбургской линии, ни другие не подходили для Филеаса Фогга.

В самом деле, пароход «Перейр» французской Трансатлантической компании, великолепные суда которой не уступают по быстроходности судам всех других линий, а по удобствам даже превосходят их, отходил лишь через два дня — 14 декабря. При этом, как и корабли Гамбургской компании, он следовал не прямо в Ливерпуль или Лондон, а заходил в Гавр, и этот добавочный переезд от Гавра до Саутгемптона задержал бы Филеаса Фогга и окончательно свел бы на нет все его последние усилия.

Что касается пакетботов Иммэн, один из которых — «Город Париж» — отходил на другой день, то о них нечего было и думать. Эти суда предназначены главным образом для перевозки эмигрантов. Их машины слабы, и большею частью они идут под парусами, так что скорость их незначительна. На переход из Нью-Йорка в Англию они затрачивают больше времени, чем оставалось в распоряжении мистера Фогга, чтобы выиграть пари.

Все это наш джентльмен узнал вполне точно из своего путеводителя Бредшоу, в котором были подробно указаны все океанские пароходные линии.

Паспарту был совершенно уничтожен. Мысль, что они опоздали на пакетбот всего лишь на сорок пять минут, убивала его. Во всем виноват он один: вместо того чтобы помогать своему господину, он только сеял препятствия на его пути! Вспоминая все злоключения этого пугешествия, подводя итог истраченным лишь

по его вине суммам, думая об огромном пари, о значительных издержках на путешествие, потерявшее теперь всякий смысл и разорившее мистера Фогга, бедный малый осыпал себя бранью.

Однако Филеас Фогг ни единым словом не упрекнул его. Покидая пристань, откуда отходили пакеты трансаатлантических линий, он только сказал своим спутникам:

— Пойдемте. Завтра мы что-нибудь решим.

Мистер Фогг, миссис Ауда, Фикс и Паспарту переправились через Гудзон на небольшом пароходике и сели в фиакр, который доставил их в гостиницу «Сент-Николас» на Бродвее. Там они сняли несколько номеров и провели ночь, которая пролетела очень быстро для Филеаса Фогга, спавшего, как всегда, превосходно, но показалась очень длинной миссис Ауде и другим его спутникам, которым волнение не давало заснуть.

Наступил следующий день — 12 декабря. От семи часов утра 12 декабря до восьми часов сорока пяти минут вечера 21 декабря оставалось девять суток тринадцать часов сорок пять минут. Если бы Филеас Фогг отправился накануне на «Китае» — одним из самых быстрходных трансаатлантических пароходов компании Кунард-лайн, — он прибыл бы в Ливерпуль, а затем в Лондон в назначенный срок!

Мистер Фогг вышел из гостиницы, приказав своему слуге дожидаться его и предупредить миссис Ауду, чтобы она в любую минуту была готова к отъезду.

Он отправился на берег Гудзона и стал старательно искать среди стоявших у пристани и на якоре посреди реки кораблей какой-нибудь пароход, готовый к отплытию. На многих судах был уже поднят флаг, и они собирались выйти в море с утренним приливом: из огромного великолепного Нью-Йоркского порта ежедневно отправляются во все концы света многие десятки кораблей; но в большинстве своем это были парусные суда, и они не годились для мистера Фогга.

Последняя попытка нашего джентльмена грозила окончиться неудачей, как вдруг он заметил судно,

стоявшее на якоре перед Бэтери, в одном кабельтове от берега. Это был торговый винтовой пароход изящной формы, из его трубы валили густые клубы дыма, что указывало на скорое отплытие судна.

Филеас Фогг нанял лодку, сел в нее и в несколько взмахов весел очутился у трапа «Генриетты», парохода с железным корпусом, но деревянными надстройками.

Капитан «Генриетты» был на борту. Филеас Фогг поднялся на палубу и попросил вызвать его. Тот не заставил себя ждать.

Это был человек лет пятидесяти, настоящий морской волк, как видно, человек сварливый и малопрятный в обращении. Выпученные глаза зеленоватого цвета, рыжие волосы, крепко сколоченная фигура — ничто не напоминало в нем человека из общества.

— Вы капитан? — спросил мистер Фогг.

— Да, я.

— Я — Филеас Фогг из Лондона.

— А я — Эндрю Спида из Кардифа.

— Вы скоро отплываете?..

— Через час.

— И направляетесь?..

— В Бордо.

— Какой у вас груз?

— Одни камни в трюме. Никакого груза. Иду с балластом.

— У вас есть пассажиры?

— Нет пассажиров. Никогда не будет пассажиров. Громоздкий шумный товар.

— Хорошо ли идет ваше судно?

— Одиннадцать — двенадцать узлов. «Генриетта» — корабль известный.

— Согласны вы перевезти меня в Ливерпуль? Меня и еще троих людей.

— В Ливерпуль? А почему не в Китай?

— Я сказал: в Ливерпуль.

— Нет!

— Не хотите?

— Нет. Я собираюсь в Бордо, и я пойду в Бордо

— Ни за какие деньги?

— Ни за какие деньги.

Капитан произнес это тоном, не терпящим возражений.

— Но владельцы «Генриетты»... — возразил Филеас Фогг.

— Владельцы — это я, — ответил капитан. — Судно принадлежит мне.

— Тогда я его зафрахтую.

— Нет!

— Я покупаю его.

— Нет!

Филеас Фогг и бровью не повел. Однако положение было серьезное. Нью-Йорк не походил на Гонконг, а капитан «Генриетты» — на владельца «Танкадеры». До сих пор деньги нашего джентльмена побеждали все препятствия. На сей раз деньги оказались бессильны.

Однако необходимо было найти средство переправиться через Атлантический океан на судне, иначе пришлось бы лететь на воздушном шаре, что было и опасно да и вообще невыполнимо.

Но Филеасу Фоггу, видимо, пришла в голову какая-то мысль, ибо он сказал капитану:

— Хорошо, согласны вы доставить меня в Бордо?

— Нет, даже если вы заплатите двести долларов!

— Я предлагаю вам две тысячи.

— С каждого?

— С каждого.

— И вас четверо?

— Четверо.

Капитан Спиди принялся тереть себе лоб с такой силой, словно хотел содрать с него кожу. Получить восемь тысяч долларов, не уклоняясь от своего пути! Ради этого стоило отбросить в сторону свое отвращение к грузу, именуемому пассажирами. Впрочем, пассажиры по две тысячи долларов уже не пассажиры, а драгоценный товар.

— Я отплываю в девять часов, — коротко сказал капитан Спиди, — и если вы и ваши спутники...

— В девять часов мы будем на борту, — столь же лаконично ответил Филеас Фогг.

Было восемь часов тридцать минут утра. Покинув «Генриетту», мистер Фогг вышел на берег, нанял карету и вернулся в гостиницу, чтобы захватить миссис Ауду, Паспарту и неразлучного Фикса, которому он любезно предложил поехать вместе с ними. Все это было сделано с тем спокойствием, которое не покидало нашего джентльмена ни при каких обстоятельствах.

К моменту отплытия «Генриетты» все четверо были на борту.

Когда Паспарту узнал, во что обойдется этот последний переезд, он испустил протяжное «о-о-о!», заключавшее все ступени нисходящей хроматической гаммы!

Что касается сыщика Фикса, то он решил, что Английскому банку не выпутаться из этого дела без значительных убытков. Действительно, к концу путешествия, при условии если Филеас Фогг не выбросит еще несколько пачек ассигнаций в море, мешок с банковыми билетами должен был облегчиться больше, чем на семь тысяч фунтов стерлингов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

где Филеас Фогг оказывается на высоте положения

Через час «Генриетта» прошла мимо пловучего маяка, указывающего вход в Гудзон, обогнула мыс Санди-Хук и вышла в открытое море. Днем она миновала Лонг-Айленд в виду маяка Файр-Айленд и быстро понеслась к востоку.

На другой день, 13 декабря, в самый полдень, на мостик вззошел человек, чтобы определить координаты судна. Читатель, без сомнения, думает, что то был капитан Спиди! Ничуть не бывало! Это был Филеас Фогг, эсквайр.

Что касается капитана Спиди, то он был попросту заперт на ключ в своей каюте и рычал там от гнева.

Впрочем, его крайняя ярость была вполне прости-тельна.

Все произошло очень просто. Филеас Фогг хотел ехать в Ливерпуль, капитан не хотел его туда везти. Тогда Филеас Фогг согласился ехать в Бордо, но за тридцать часов своего пребывания на борту корабля он так умело действовал банковыми билетами, что весь экипаж — матросы и кочегары, — экипаж, надо заметить, несколько ненадежный и находившийся в пло-хих отношениях с капитаном, — перешел на сторону нашего джентльмена. Вот почему Филеас Фогг коман-довал с мостика вместо Эндрю Спиди, вот почему Эндрю Спиди сидел под замком в своей каюте и, на-конец, вот почему «Генриетта» шла в Ливерпуль. Однако по тому, как Филеас Фогг управлял кораблем, было ясно, что он был когда-то моряком.

Как окончилось это приключение, читатель узнает впоследствии. Пока же миссис Ауда очень беспокои-лась, хотя и не говорила об этом. Фикс сначала совер-шенно растерялся. Паспарту же находил это приклю-чение прямо-таки восхитительным.

Капитан Спиди заявил, что «Генриетта» делает от одиннадцати до двенадцати узлов; и действительно, ее средняя скорость была именно такой.

За девять дней, то есть с 12 по 21 декабря, «Ген-риетта» могла достичь берегов Англии, если только... И тут, как всегда, являлось множество всяческих «если»; если море будет относительно спокойно, если ветер не изменится, если не будет повреждений в ма-шине или в самом судне, «Генриетта» сможет покрыть три тысячи миль, отделяющие Нью-Йорк от Ливер-пуля. Правда, история с «Генриеттой» вместе с делом о похищении банковых билетов грозила завести на-шего джентльмена несколько дальше, чем он того хо-тел бы.

Первые дни плавание проходило в превосходных условиях. Море было довольно спокойно; ветер неиз-менно дул в северо-восточном направлении. Поста-вили паруса, и «Генриетта» шла, словно настоящее трансатлантическое судно.

Паспарту был в восторге. Последний подвиг мистера Фогга, на последствия которого француз закрывал глаза, приводил его в восхищение. Никогда экипаж не видел такого подвижного и веселого человека. Он дружески болтал с матросами и изумлял их своими цирковыми фокусами. Он расточал им самые лестные комплименты и угощал их лучшими напитками. По его мнению, они несли службу, как джентльмены, а коچهгары поддерживали огни в топках, как герои. Его хорошее настроение заражало всех. Паспарту забыл прошлое, все неудачи и опасности. Он думал только о близкой цели и кипел от нетерпения, словно подогреваемый котлами «Генриетты». Часто достойный малый прохаживался вокруг Фикса и многозначительно на него поглядывал, но молчал, так как между бывшими друзьями уже не было прежней близости.

А Фикс, надо сказать, ничего уже не понимал! Захват «Генриетты», подкуп экипажа, Фогг, управляющий кораблем, словно заправский моряк, — все это его ошеломило. Он не знал, что и думать! Но в конце концов джентльмен, начавший с кражи пятидесяти пяти тысяч фунтов стерлингов, вполне мог кончить похищением судна. И Фикс, естественно, пришел к заключению, что «Генриетта», управляемая Фоггом, идет вовсе не в Ливерпуль, а куда-нибудь в другое место, где вор, обратившись в пирата, будет чувствовать себя в безопасности! Надо сознаться, что такое предположение было довольно правдоподобно, и сыщик начал серьезно жалеть, что ввязался в это дело.

Капитан Спиди продолжал буйствовать у себя в каюте, и Паспарту, которому было поручено его кормить, делал это, несмотря на всю свою силу, с большими предосторожностями. Мистер Фогг как будто забыл о существовании капитана.

Тринадцатого «Генриетта» миновала Ньюфаундлендскую банку. Переход этой части океана очень труден. Здесь, особенно зимой, часто бывают туманы и шквалы. Еще накануне барометр резко упал, предвещая близкую перемену погоды. И действительно, за ночь температура понизилась: стало холоднее, и по дул юго-восточный ветер.

Это было серьезным препятствием. Мистер Фогг, чтобы не менять курса, приказал убрать паруса и усилить пары. Все же из-за состояния моря движение судна замедлилось. Высокие волны разбивались о его форштевень. Началась сильная килевая качка, которая также уменьшала скорость. Ветер все свежел и грозил превратиться в ураган. Можно было предвидеть, что «Генриетта» вскоре не сможет выдержать напора волн. А бегство от бури сулило неизвестность и всевозможные опасности.

Лицо Паспарту темнело одновременно с небом. Два дня честный малый испытывал смертельное беспокойство. Но Филеас Фогг был смелый моряк, он знал, как бороться со стихией, и шел вперед, не убавляя паров. Когда «Генриетта» не могла одолеть волны, она шла сквозь нее и проходила, хотя палубу и заливало водой. Иногда под напором водяных гор, подымавших корму судна, винт показывался над водой, и лопасти его бешено вращались в воздухе, — но, несмотря ни на что, судно двигалось вперед.

Однако ветер не достиг той силы, какой можно было опасаться. То был не ураган, несущийся со скоростью девяноста миль в час, а просто очень свежий ветер, но, к сожалению, он настойчиво дул с юго-востока и не позволял поставить паруса. А их помощь, как увидит читатель, была бы очень кстати!

Шестнадцатого декабря исполнилось семьдесят пять дней с момента отъезда из Лондона. В общем, «Генриетта» пока что не сильно опаздывала, и особенно тревожиться не приходилось. Самая трудная часть пути была позади, и оставалось пройти еще немного больше половины всего расстояния. Летом можно было бы поручиться за успех, но зимой все зависело от капризов погоды. Паспарту не высказывал своего мнения. В глубине души он надеялся, что если ветер не захочет служить, то можно рассчитывать на пар.

В этот самый день механик вышел на палубу, разыскал мистера Фогга и о чем-то горячо беседовал с ним.

Неизвестно почему, — вероятно, в силу предчувствия, — Паспарту охватило смутное беспокойство. Он охотно отдал бы одно ухо, чтобы услышать другим, что говорилось на мостике. Все же ему удалось разобрать несколько слов, и среди них — вопрос мистера Фогга:

— Вы уверены в том, что говорите?

— Уверен, сударь, — ответил механик. — Не забывайте, что с самого выхода в море все котлы в действии: на путь от Нью-Йорка до Бордо под малыми парами запасов угля хватило бы, но для перехода на всех парах от Нью-Йорка до Ливерпуля его не хватит.

— Я подумаю, — ответил мистер Фогг.

Паспарту понял все. Его охватило смертельное беспокойство. Уголь приходил к концу!

«Ну, — подумал он, — если мой хозяин справится и с этим, то он просто великий человек!»

Столкнувшись с Фиксом, он не мог удержаться, чтобы не посвятить его в положение дел.

— Так вы воображаете, — процедил сквозь зубы сыщик, — что мы идем в Ливерпуль?!

— Черт возьми! Куда же еще!

— Глупец! — процедил полицейский инспектор и отошел, пожимая плечами.

Паспарту собирался тотчас же хорошенько отплатить за эту характеристику, понимая, впрочем, чем она была вызвана. Но, подумав, что бедный Фикс, вероятно, очень огорчен своей неудачей, что самолюбие его сильно задето этой бессмысленной кругосветной гонкой по ложному следу, Паспарту решил простить обиду.

На что же, однако, рассчитывал Филеас Фогг? Трудно было догадаться. Но, как видно, этот флегматичный джентльмен принял какое-то решение, ибо в тот же вечер он позвал механика и сказал ему:

— Поддерживайте огонь и идите на всех парах до полного истощения запасов топлива.

Через несколько минут из труб «Генриетты» повалили густые клубы дыма.

Судно шло на всех парах, но через два дня, восемнадцатого числа, механик, как он и предупреждал, объявил, что угля осталось меньше, чем на один день.

— Не убавлять огня! — приказал мистер Фогг. — Наоборот, увеличить давление пара.

В тот же день, около полудня, определив широту и долготу судна, мистер Фогг подозвал Паспарту и велел ему привести капитана Спиди. Честный малый выслушал это приказание с таким видом, словно ему поручили спустить с цепи тигра, и, спускаясь с мостика, пробормотал:

— Ну и взбесится же он!

Действительно, через несколько минут в вихре криков и проклятий в рубку влетела бомба. Этой бомбой был капитан Спиди. Бомба явно готова была взорваться.

— Где мы?! — первым делом закричал капитан, задыхаясь от ярости. Можно было опасаться, что достойного капитана тут же хватит апоплексический удар. — Где мы?! — повторил он, весь багровый от гнева.

— В семистах семидесяти милях от Ливерпуля, — ответил мистер Фогг с невозмутимым спокойствием.

— Пират! — прохрипел Эндрю Спиди.

— Я приказал позвать вас, сударь...

— Морской разбойник!

— ...чтобы просить вас продать мне ваш корабль, — продолжал Филеас Фогг.

— Нет! Тысяча чертей, нет!

— Дело в том, что я буду вынужден сжечь его.

— Сжечь мой корабль?!

— Да, по крайней мере деревянные части, ибо у нас не хватает топлива.

— Сжечь мой корабль! — завопил капитан Спиди, потеряв способность к членораздельной речи. — Корабль, который стоит пятьдесят тысяч долларов!

— Вот вам шестьдесят тысяч, — ответил Филеас, протягивая капитану пачку банковых билетов.

Это произвело магическое действие на Эндрю Спиди. Ни один американец не может равнодушно видеть шестьдесят тысяч долларов. Капитан в одно мгновение забыл свой гнев, свое заточение и всю ненависть, которую он питал к Филеасу Фоггу. Судну было уже двадцать лет. Так что подобную сделку надо было счи-

тагы находкой!.. Бомба уже не могла разорваться — Филеас Фогг вырвал из нее фитиль.

— А железный корпус пусть останется мне... — сказал капитан, значительно более мягким тоном.

— Да, и корпус и машина. Согласны?

— Согласен.

И Эндрю Спиди вырвал пачку банкнот из рук Филеаса Фогга, пересчитал их и засунул в карман.

Во время этой сцены Паспарту весь побелел. С Фиксом едва не сделался удар. Около двадцати тысяч фунтов уже истрачено, а этот Фогг еще отдает владельцу судна и корпус и машину, то есть почти все, что есть ценного в судне! Правда, украденная в банке сумма составляла пятьдесят пять тысяч фунтов!..

— Не удивляйтесь, — сказал мистер Фогг Эндрю Спиди, когда тот спрятал деньги. — Я потеряю двадцать тысяч фунтов стерлингов, если не прибуду в Лондон двадцать первого декабря в восемь часов сорок пять минут вечера. А так как в Нью-Йорке я опоздал на пакетбот, а вы отказались меня везти в Ливерпуль...

— И очень хорошо сделал, пятьдесят тысяч чертей! — воскликнул Эндрю Спиди. — Потому что я заработал по крайней мере сорок тысяч долларов! — Потом он прибавил более спокойным тоном: — Знаете что, капитан...

— Фогг.

— Так вот, капитан Фогг, в вас есть что-то от янки!

После этих слов, которые он считал комплиментом, Эндрю Спиди хотел было удалиться, но Филеас Фогг остановил его:

— Значит, теперь корабль принадлежит мне?

— Конечно, — от кили до клотиков, но, разумеется, только «дерево»!

— Хорошо. Прикажете разобрать все внутренние переборки и топите ими.

Можно себе представить, сколько понадобилось сухого дерева, чтобы поддерживать достаточное давление пара. В этот день ют, рубка, каюты, нижняя палуба — все ушло в топку.

На другой день, 19 декабря, сожгли рангоут и его запасные части. Снесли мачты и разрубили их топо-

рами. Экипаж работал с невероятным рвением. Паспарту рубил, резал, пилил — словом, трудился за десятерых. Словно дух разрушения пронесся над кораблем.

На следующее утро, 20 декабря, фальшборт и все надводные части судна, а также большая часть палубы были сожжены. «Генриетту» так обгорнали, что та походила на пловучий понтон.

В этот день показался ирландский берег и стал виден маяк Фастенет.

Однако в десять часов вечера судно было еще лишь на траверсе Квинстауна. Чтобы достичь Лондона, у Филеаса Фогга оставалось в распоряжении только двадцать четыре часа. Между тем за это время «Генриетта» могла дойти лишь до Ливерпуля, даже идя на всех парах. А у отважного джентльмена уже нечем было поддерживать пары!

— Мне вас вправду жаль, сударь, — сказал капитан Спиди, заинтересовавшийся, наконец, планами мистера Фогга. — Все против вас! Мы еще только у Квинстауна.

— А! — заметил мистер Фогг. — Так это видны его огни?

— Да.

— Можем мы войти в гавань?

— Не раньше, чем через три часа: только во время прилива.

— Что ж, подождем, — спокойно ответил мистер Фогг. По его лицу нельзя было заметить, что он намерен предпринять еще последнее усилие в борьбе с враждебной судьбой!

Квинстаун — небольшой порт на ирландском побережье, в котором трансатлантические пароходы сгружают почту из Соединенных Штатов, откуда она курьерскими поездами доставляется в Дублин, а затем на быстроходных судах перевозится в Ливерпуль, опережая таким образом на двенадцать часов самые быстроходные пакетботы океанских компаний.

Эти-то двенадцать часов, которые выгадывает таким способом американская почта, хотел выгадать и Филеас Фогг. Вместо того чтобы прибыть на «Генриетте» в Ливерпуль на следующий день вечером, он

намеревался попасть туда в полдень и, следовательно, приехать в Лондон до восьми часов сорока пяти минут вечера.

Около часу ночи, во время прилива, «Генриетта» вошла в порт Квинстаун, и Филеас Фогг обменялся крепким рукопожатием с капитаном Спиди, который остался на своем ободранном судне, все же стоившем по крайней мере половину той суммы, которую он за него уже получил.

Пассажиры высадились на берег. В эту минуту Фикс испытывал сильнейшее желание арестовать мистера Фогга. Однако он этого не сделал! Почему? Какая борьба происходила в нем? Переменилось ли его мнение о мистере Фогге? Понял ли он, наконец, что ошибся? Так или иначе, но Фикс не расстался с нашим джентльменом. Вместе с ним, миссис Аудой и Паспарту, который еще не успел отдышаться, он в половине второго ночи сел в Квинстауне в поезд, прибыл на рассвете в Дублин и тотчас пересел вместе со всеми на один из почтовых пароходов, настоящий стальной таран, который был снабжен настолько сильной машиной, что мог пренебрегать волнами и прорезывал их насквозь.

Без двадцати минут двенадцать 21 декабря Филеас Фогг был на Ливерпульской набережной. Он находился всего в шести часах от Лондона.

В эту минуту к нему подошел Фикс, положил ему руку на плечо и предъявил свои полномочия.

— Вы — господин Филеас Фогг?

— Да, сударь.

— Именем королевы вы арестованы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой Паспарту получает возможность очень
зло пошутить*

Филеас Фогг находился в тюрьме. Его заперли в полицейский пост при ливерпульской таможне, где он должен был провести ночь в ожидании перевода в Лондон.

В момент ареста Паспарту хотел броситься на сыщика, но его удержали полисмены. Миссис Ауда, подавленная грубостью всего случившегося и ни о чем не знавшая, ничего не могла понять. Паспарту объяснил ей, в чем дело. Мистер Фогг, этот честный и храбрый джентльмен, которому она была обязана жизнью, арестован как вор! Молодая женщина протестовала против подобного предположения, она возмущалась, плакала, видя, что ничего не может сделать, ничего предпринять для спасения своего спасителя.

Что касается Фикса, то он арестовал нашего джентльмена, ибо этого требовал его долг — все равно, виновен ли тот, или нет. Правосудие разберется.

Ужасная мысль пришла тогда в голову Паспарту: мысль, что он один виновен в случившемся! В самом деле, зачем он скрыл от мистера Фогга всю эту историю? Почему, узнав, кто такой Фикс и какую цель он преследует, не предупредил о том своего господина? Зная об этом заранее, Филеас Фогг сумел бы представить Фиксу доказательства своей невиновности; он уж, конечно, разъяснил бы ему заблуждение и во всяком случае не возил бы с собою и за свой счет этого проклятого сыщика, первой заботой которого было арестовать мистера Фогга, едва они оба ступили на землю Соединенного королевства. Размышляя о своей беспечности и неосмотрительности, бедный малый испытывал невыносимые угрызения совести. Он плакал, на него было жалко смотреть. Он готов был разбить себе голову!

Несмотря на холод, миссис Ауда и Паспарту остались у подъезда таможни. Ни он, ни она не хотели покидать этого места. Они хотели еще раз увидеть мистера Фогга.

Что касается нашего джентльмена, он был окончательно и бесповоротно разорен, и это случилось в тот миг, когда он уже почти достиг цели! Этот арест погубил его. Приехав без двадцати минут двенадцать 21 декабря в Ливерпуль, он еще имел в своем распоряжении девять часов пять минут, ибо должен был явиться в Реформ-клуб в три четверти девятого, — а ведь до Лондона всего шесть часов езды!

Всякий, кто сумел бы проникнуть в таможенную в эту минуту, увидел бы мистера Фогга, который сидел на деревянной скамье, неподвижный, спокойный, невозмутимый. Нельзя было сказать, что он примирился с судьбой, но даже этот последний ее удар не мог его взволновать, по крайней мере наружно. Может быть, в нем кипело скрытое бешенство — тем более ужасное, что, долго сдерживаемое, оно способно прорваться в последнюю минуту? Неизвестно. Но Филеас Фогг был, как всегда, спокоен и ждал... Чего? Сохранял ли он еще какую-нибудь надежду? Верил ли он еще в успех, когда за ним закрылись двери тюрьмы?

Как бы то ни было, мистер Фогг бережно положил часы на стол и следил за движением стрелок. У него не вырвалось ни единого слова, но взгляд его был как-то особенно напряжен.

Во всяком случае, положение было ужасно, и для того, кто не мог читать мысли Филеаса Фогга, оно сводилось к следующему:

Если Филеас Фогг честный человек — он разорен.

Если он вор — он пойман.

Думал ли он о спасении? Искал ли выхода из своей тюрьмы? Собирался ли бежать? Возможно, что да. Во всяком случае, он зачем-то вдруг поднялся с места и обошел комнату. Но дверь была крепко заперта, окно забрано железной решеткой. Он снова сел, вынул из бумажника свой маршрут и на той строке, где стояло: «21 декабря, суббота, Ливерпуль», прибавил: «80-й день, 11 часов 40 минут утра».

После этого он продолжал ждать.

Часы на здании таможни пробили час. Мистер Фогг отметил, что его часы спешили на две минуты.

Два часа! Если бы он в эту минуту сел в курьерский поезд, то мог бы еще прибыть во-время в Реформ-клуб. Лоб его слегка нахмурился...

В два часа тридцать три минуты снаружи послышался какой-то шум, раздался скрип двери, прозвучали голоса Паспарту и Фикса.

В глазах мистера Фогга блеснул огонек.

Дверь полицейского поста открылась, и он увидел бросившихся к нему миссис Ауду, Паспарту, Фикса.

Фикс задыхался, волосы его были растрепаны... Он едва мог говорить!

— Сударь, — бормотал он, — сударь... простите... злосчастное сходство... Вор уже три дня как арестован... вы... свободны!..

Филеас Фогг был свободен. Он подошел к сыщику. Пристально взглянув ему в лицо, он сделал первое и, вероятно, последнее быстрое движение в своей жизни: отвел обе руки назад и затем с точностью автомата ударил кулаками злосчастного сыщика.

— Хороший удар, черт возьми! — воскликнул Паспарту и как истый француз позволил себе зло пошутить: — Вот прекрасный урок английского бокса!

Сбитый с ног, Фикс не произнес ни слова. Он получил лишь то, что заслужил. Мистер Фогг, миссис Ауда и Паспарту немедленно покинули таможню. Они вскочили в карету и через несколько минут были уже на вокзале.

Филеас Фогг немедленно осведомился об экспрессе на Лондон... Было сорок минут третьего... Экспресс на Лондон отошел тридцать пять минут назад.

Тогда Филеас Фогг заказал специальный поезд.

На станции было несколько паровозов большой мощности, стоявших под парами, но по условиям железнодорожного движения экстренный поезд не мог ютойти раньше трех часов дня.

Ровно в три часа Филеас Фогг, сказав несколько слов машинисту относительно премии, помчался, в обществе молодой женщины и своего верного слуги, по направлению к Лондону.

Надо было пройти за пять с половиной часов расстояние между Ливерпулем и Лондоном; это было бы вполне осуществимо, если бы путь оказался свободен на всем протяжении. Но по дороге происходили вынужденные задержки, и когда наш джентльмен прибыл на лондонский вокзал, все часы Лондона показывали девять часов без десяти минут.

Филеас Фогг совершил путешествие вокруг света, но прибыл в Лондон на пять минут позже назначенного срока!..

Он проиграл.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ,

*в которой Паспарту не заставляет повторять два
раза приказание, отданное ему мистером Фоггом*

На другой день обитатели улицы Сэвиль-роу очень бы удивились, если бы им сказали, что Филеас Фогг вернулся в свой дом. Двери и окна были закрыты. Снаружи также не было заметно каких-нибудь изменений.

Действительно, покинув вокзал, Филеас Фогг приказал Паспарту закупить провизии и отправился домой.

Наш джентльмен перенес с обычным бесстрашием обрушившийся на него удар. Разорен! И по вине этого болвана — полицейского инспектора! Пройти уверенным шагом все расстояние, преодолеть на пути тысячу препятствий, не испугаться тысячи опасностей, найти даже время совершить по дороге несколько добрых дел — и вдруг у самой цели отступить перед грубой силой, которую нельзя было предвидеть и преодолеть, — это было действительно ужасно! От внушительной суммы, которую он захватил с собой при отъезде, оставались лишь жалкие остатки. Все его состояние заключалось теперь в двадцати тысячах фунтов стерлингов, находившихся в банкирском доме братьев Бэринг, но эти деньги он должен был уплатить своим коллегам по Реформ-клубу. После стольких расходов он не разбогател бы даже в том случае, если бы выиграл пари, да вряд ли он и рассчитывал разбогатеть, ибо принадлежал к числу людей, что держат пари лишь ради чести; но это проигранное пари совершенно разоряло его. Так или иначе, решение его было принято. Наш джентльмен знал, что ему остается делать.

Одна из комнат дома на Сэвиль-роу была предоставлена в распоряжение миссис Ауды. Молодая женщина была в отчаянии. По некоторым словам мистера Фогга она поняла, что он обдумывает какой-то злоеущий план.

Всем известно, до каких плачевных результатов доходят иногда одержимые навязчивой идеей англичане-

мономаны. Поэтому Паспарту, не подавая виду, зорко следил за своим господином.

Но прежде всего честный малый поднялся в свою комнату и потушил газовый рожок, который горел восемьдесят дней. В ящике для писем он нашел счет газовой компании и счел более чем своевременным прекратить этот расход, который касался его лично.

Ночь прошла. Мистер Фогг лег спать, но заснул ли он? Что касается миссис Ауды, то она ни на мгновение не смыкала глаз. Паспарту, как верный пес, всю ночь бодрствовал у двери хозяина.

На следующее утро мистер Фогг позвал его и коротко приказал заняться приготовлением завтрака для миссис Ауды. Сам он ограничится чашкой чая и поджаренным хлебом. Пусть миссис Ауда извинит его за то, что он не выйдет к завтраку и к обеду, ибо он намерен заняться приведением в порядок своих дел. Вечером же он просит ее уделить ему несколько минут для разговора.

Паспарту оставалось только выполнять указанное ему расписание дня. Но он смотрел на своего, как всегда, невозмутимого господина и не мог решиться выйти из комнаты. На сердце у него было тяжело. Его терзали угрызения совести, ибо он больше, чем когда-либо, обвинял себя в случившейся непоправимой беде. Да, если бы он предупредил мистера Фогга, если бы он раскрыл планы Фикса, мистер Фогг, конечно, не потащил бы за собой сыщика в Ливерпуль и тогда...

Паспарту не мог больше сдержаться...

— Сударь, господин Фогг, прокляните меня! — вскричал он. — Это моя вина, что...

— Я никого не обвиняю, — самым спокойным тоном ответил мистер Фогг. — Ступайте!

Паспарту вышел из комнаты и отправился к молодой женщине, чтобы сообщить ей о намерениях своего господина.

— Сударыня, — сказал он, — сам я ничего не могу сделать! Я не имею никакого влияния на господина Фогга. Может быть, вы...

— А какое же я могу иметь влияние! — отвечала миссис Ауда. — Мистер Фогг не из тех людей, что под-

даются влиянию! Он никогда не понимал чувства моей беспредельной к нему благодарности! Заглянул ли он хоть раз в мое сердце?.. Друг мой, его нельзя покидать ни на мгновение. Вы говорите, что он выразил желание побеседовать со мною сегодня вечером?

— Да, сударыня. Как видно, он намерен позаботиться о вашей будущей жизни в Англии.

— Подождем, — сказала молодая женщина и задумалась.

Так что в это воскресенье дом на Сэвиль-роу казался необитаемым; в первый раз за все свое пребывание в этом доме Филеас Фогг не отправился в клуб, когда на башне парламента пробило половину двенадцатого.

И зачем бы наш джентльмен пошел в Реформ-клуб? Там его уже больше никто не ждал. Раз он не появился в клубе вчера в роковую субботу, 21 декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера, пари его было проиграно. Ему даже не надо было идти к своему банкиру, чтобы взять у него для расплаты двадцать тысяч фунтов стерлингов. В руках его противников находился подписанный им чек, и достаточно было предъявить его, чтобы деньги Филеаса Фогга были переведены на их счет.

Итак, мистеру Фоггу незачем было выходить из дому, и он не вышел. Он остался у себя в комнате и занялся приведением в порядок своих дел. Паспарту все время бегал вверх и вниз по лестнице дома на Сэвиль-роу. Часы для бедного малого тянулись бесконечно долго. Он подслушивал у дверей своего господина и не считал, что поступает нескромно! Он смотрел в замочную скважину и воображал, что имеет на это право! Паспарту каждую минуту ждал катастрофы. Иногда он вспоминал о Фиксе, но его мнение о сыщике резко изменилось. Он больше не обвинял полицейского инспектора. Фикс ошибся относительно мистера Фогга, как и многие другие, но, выслеживая и арестовывая его, считал, что выполняет свой долг, в то время как он, Паспарту... Эта мысль угнетала его, и он считал себя последним негодяем...

Когда Паспарту становилось невмочь оставаться одному, он стучался к миссис Ауде, входил к ней в комнату, молча садился в угол и смотрел на молодую женщину, попрежнему погруженную в задумчивость.

Около половины восьмого вечера мистер Фогг осведомился у миссис Ауды, может ли она принять его, и вскоре они остались вдвоем в ее комнате.

Филеас Фогг взял стул и сел у камина против молодой женщины. На его лице ничего нельзя было прочесть. Мистер Фогг после возвращения остался таким же, каким был до отъезда.

Они просидели молча минут пять. Потом он поднял глаза на миссис Ауду и сказал:

— Сударыня, простите ли вы мне, что я привез вас в Англию?

— Прощу ли? Мистер Фогг, я... — пролепетала молодая женщина, сердце которой сильно билось.

— Позвольте мне кончить, — продолжал мистер Фогг. — Когда я решил увезти вас из страны, ставшей для вас столь опасной, я был богат и рассчитывал предоставить в ваше распоряжение часть своего состояния. Вы жили бы тогда свободно и счастливо. Теперь же я разорен.

— Я это знаю, мистер Фогг, — отвечала молодая женщина, — и в свою очередь спрашиваю у вас: — Простите ли вы мне, что я последовала за вами и — кто знает? — быть может, этим способствовала вашему разорению?

— Сударыня, вы не могли оставаться в Индии, и ваша безопасность требовала, чтобы вы уехали настолько далеко от этих фанатиков, чтобы они не могли схватить вас.

— Итак, мистер Фогг, — продолжала миссис Ауда, — мало того, что вы спасли меня от ужасной смерти, вы еще считали себя обязанным обеспечить мое существование на чужбине?

— Да, сударыня, — ответил мистер Фогг, — но обязательства обернулись против меня. Все же я прошу вас позволить мне предоставить в ваше распоряжение то немного, что у меня осталось.

— Но, мистер Фогг, что же будет с вами? — спросила миссис Ауда.

— Мне, сударыня, — ответил холодно джентльмен, — ничего не надо.

— Но как вы представляете себе ваше будущее?

— Так, как должно, — ответил мистер Фогг.

— Во всяком случае, — продолжала миссис Ауда, — такой человек, как вы, не может впасть в нужду. Ваши друзья...

— У меня нет друзей, сударыня.

— Ваши родные...

— У меня нет родных.

— Если так, я вас очень жалею, мистер Фогг, ибо одиночество — очень печальная вещь! Как! Неужели нет никого, с кем бы вы могли поделиться своим горем! Говорят, однако, что вдвоем и бедность не так страшна!

— Да, сударыня, говорят.

— Мистер Фогг, — сказала молодая женщина, поднимаясь и протягивая ему руку, — хотите приобрести сразу и родственницу и друга? Хотите, чтобы я стала вашей женой?

При этих словах мистер Фогг в свою очередь встал с места. Какой-то непривычный свет блеснул в его глазах, губы его как будто слегка дрогнули. Миссис Ауда пристально смотрела на него. Искренность, прямота, твердость и нежность благородной женщины, которая решается на все, чтобы спасти того, кому она всем обязана, сначала удивили, затем глубоко тронули его. На мгновение он закрыл глаза, словно избегая ее взгляда и боясь, что он проникнет дальше, чем следует... Потом он вновь открыл их.

— Я люблю вас! — просто сказал он. — Клянусь вам всем святым на свете: я люблю вас и я весь ваш.

— Ах! — воскликнула миссис Ауда, прижимая руку к сердцу.

Мистер Фогг позвонил Паспарту. Тот тотчас явился. Филеас Фогг продолжал держать в своей руке руку миссис Ауды. Паспарту понял все, и его широкое лицо засияло, как тропическое солнце в зените.

Мистер Фогг спросил его, не поздно ли еще уведомить преподобного Сэмюэля Уильсона из прихода Мэри-ле-Бон.

Паспарту улыбнулся счастливой улыбкой.

— Никогда не поздно, — сказал он.

Было пять минут девятого.

— Значит, завтра в понедельник! — прибавил Паспарту.

— Завтра в понедельник? — спросил мистер Фогг, глядя на молодую женщину.

— Завтра в понедельник! — ответила миссис Ауда.

Паспарту выбежал из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой Филеас Фогг вновь становится ценностью
на бирже*

Теперь настало время сказать, какой переворот произошел в общественном мнении Соединенного королевства, когда разнеслась весть об аресте настоящего вора, некоего Джемса Стрэнда, который был задержан в Эдинбурге 17 декабря.

За три дня до этого Филеас Фогг считался преступником, которого настойчиво преследует полиция, теперь же это был честнейший джентльмен, совершающий с математической точностью свое эксцентрическое путешествие вокруг света.

Какой шум и гам поднялся в газетах! Все пари, которые держались за или против мистера Фогга и были уже забыты, вновь воскресли, как по волшебству. Все прежние сделки снова стали действительными. Новые заключались с удвоенной энергией. Имя Филеаса Фогга опять стало котироваться на бирже.

Пять коллег нашего джентльмена по Реформ-клубу провели эти последние три дня в некотором беспокойстве. Этот Филеас Фогг, о котором они и думать позабыли, вновь появился на свет! Где он теперь?! 17 декабря — в день, когда был арестован Джемс Стрэнд, —

минуло семьдесят шесть дней со времени отъезда Филеаса Фогга из Лондона, а от него не было никаких известий! Потерпел ли он неудачу? Отказался ли от борьбы, или все еще движется по избранному им маршруту? Появится ли он в субботу, 21 декабря, ровно в восемь часов сорок пять минут вечера, как воплощение точности, на пороге салона Реформ-клуба?

Невозможно описать то волнение, в котором находилось эти три дня английское общество. В Америку, в Азию полетели депеши с запросами о Филеасе Фогге! Утром и вечером ходили смотреть дом на Сэвиль-роу... Ничего. Сама полиция не знала, что случилось с сыщиком Фиксом, который так неудачно бросился по ложному следу. Все это не мешало людям вновь заключать все более и более крупные пари, спорить на все более крупные суммы. Филеас Фогг, как скаковая лошадь, делал последний поворот. Против него ставили уже не по сто, а по двадцати, по десяти, по пяти против одного, а старый паралитик лорд Олбермейль держал за него пари на равных условиях.

Итак, в субботу вечером на Пэль-Мэлы и на прилегающих улицах толпилось много народу. Целая толпа маклеров все время стояла около здания Реформ-клуба. Движение было затруднено. Всюду спорили, кричали, объявляли курс «Филеаса Фогга», точно так же как объявляют курс английских ценностей на бирже. Полисмены с трудом сдерживали толпу, и, по мере того как обусловленный час возвращения Филеаса Фогга приближался, общее волнение принимало необычайные размеры.

В этот вечер все пятеро партнеров нашего джентльмена собрались задолго до девяти часов вечера в большом салоне Реформ-клуба. Оба банкира — Джон Сэлливан и Сэмюэль Фаллентин, инженер Эндрю Стюарт, Готье Ральф, один из администраторов Английского банка, и пивовар Томас Флэнаган — все ждали с явным беспокойством.

В то мгновение, когда стенные часы показывали двадцать пять минут девятого, Эндрю Стюарт поднялся и сказал:

— Господа, через двадцать минут истечет срок, назначенный нами и мистером Фоггом.

— В котором часу пришел последний поезд из Ливерпуля? — спросил Томас Флэнаган.

— В семь часов двадцать три минуты, — отвечал Готье Ральф, — а следующий приходит только в десять минут первого ночи.

— Итак, господа, — продолжал Эндрю Стюарт, — если бы Филеас Фогг приехал этим поездом, то он был бы уже здесь. Мы можем считать пари выигранным.

— Подождем. Не будем судить раньше времени, — возразил Сэмюэль Фаллентин. — Вы ведь знаете, что наш коллега — исключительный оригинал. Его точность во всем общеизвестна. Он никогда не приходит ни слишком поздно, ни слишком рано, и я не удивлюсь, если он появится здесь в последнюю минуту.

— А я, — заметил как всегда нервный Эндрю Стюарт, — даже если увижу его, то не поверю.

— В самом деле, — сказал Томас Флэнаган, — проект Филеаса Фогга был безрассудным. Какова бы ни была его точность, он все же не мог избежать неминуемых в таком длинном путешествии задержек, а задержка лишь на два или на три дня должна была окончательно погубить все дело.

— Заметьте, кстати, что мы не имели никаких известий от мистера Фогга, — добавил Джон Сэлливан, — а между тем во многих пунктах его маршрута имеется телеграф.

— Он проиграл, господа, — воскликнул Эндрю Стюарт, — он сто раз проиграл! Вы знаете, между прочим, что «Китай» — единственный пакетбот, на который он мог сесть в Нью-Йорке, чтобы попасть вовремя в Ливерпуль, — прибыл вчера. Вот список его пассажиров, помещенный в «Шиппинг-газет»; имени Филеаса Фогга там нет. При самых благоприятных условиях наш коллега находится теперь всего лишь в Америке! Я полагаю, что он опоздает по крайней мере на двадцать дней против назначенного срока. И пять тысяч фунтов старого лорда Олбермейля пойдут прахом.

— Это очевидно, — согласился Готье Ральф, — завтра нам останется лишь предъявить братьям Бэринг чек мистера Фогга.

В это мгновение стенные часы в салоне показывали восемь часов сорок минут.

— Еще пять минут, — сказал Эндрю Стюарт.

Пять членов Реформ-клуба переглянулись. По всей вероятности, сердца их забились быстрее, ибо даже для хороших игроков ставка была весьма крупной! Но они не хотели выказывать своего волнения и по предложению Сэмюэля Фаллентина уселись за карточный стол.

— Я не отдал бы своей доли пари даже в том случае, если бы за четыре тысячи фунтов мне предложили три тысячи девятьсот девяносто девять, — заметил, сядя, Эндрю Стюарт.

Стрелка часов показывала восемь часов сорок две минуты.

Игроки взяли карты, но каждое мгновение их взгляд устремлялся на часы. Можно смело утверждать, что, как ни велика была их уверенность в выигрыше, никогда минуты не тянулись для них так долго!..

— Восемь часов сорок три минуты, — сказал Томас Флэнаган, снимая колоду, предложенную ему Готье Ральфом.

Наступило минутное молчание. В обширном салоне было тихо, но с улицы доносился гул толпы, из которого иногда выделялись резкие выкрики. Маятник стенных часов отбивал секунды с математической точностью. Каждый игрок мог сосчитать его удары, отчетливо раздававшиеся в ушах.

— Восемь часов сорок четыре минуты! — сказал Джон Сэлливан голосом, в котором слышалось невольное волнение.

Еще одна минута — и пари будет выиграно. Эндрю Стюарт и его партнеры больше не играли. Они бросили карты на стол! Они считали секунды.

На сороковой секунде — ничего! На пятидесятой — все еще ничего!

На пятьдесят пятой секунде с улицы донесся шум, походивший на раскаты грома, послышались аплодис-

менты, крики «ура» и даже проклятия, — все это слилось в общий несмолкаемый гул.

Игроки поднялись со своих мест.

На пятьдесят седьмой секунде дверь салона отворилась, и маятник часов не успел еще качнуться в шестидесятый раз, как на пороге показался Филеас Фогг в сопровождении обезумевшей толпы, которая насильно ворвалась за ним в клуб.

— Вот и я, господа, — произнес он спокойным голосом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой доказывается, что, совершив кругосветное путешествие, Филеас Фогг не выиграл ничего, кроме счастья

Да! Это был Филеас Фогг собственной персоной.

Читатель помнит, что в восемь часов пять минут вчераше, приблизительно через сутки после прибытия наших путешественников в Лондон, Паспарту было поручено его господином уведомить преподобного Сэмюэля Уильсона о некоем браке, который должен был совершиться на следующий день.

Паспарту с восторгом отправился выполнять это поручение. Он быстро зашагал к дому преподобного Сэмюэля Уильсона, но не застал его. Разумеется, Паспарту остался подождать его и прождал добрых минут двадцать.

Словом, в восемь часов тридцать пять минут он вышел из дома преподобного отца. Но в каком виде! Растрепанный, без шляпы, он бежал, бежал так, как еще ни один человек не бежал по улице: он мчался по тротуару, словно смерч, опрокидывая по пути прохожих.

Через три минуты он был уже дома на Сэвиль-роу и, задыхаясь, ворвался в комнату мистера Фогга.

Он не мог вымолвить ни слова.

— Что случилось? — спросил мистер Фогг.

— Сударь.. — пробормотал Паспарту, — брак... невозможен...

— Невозможен?

— Да... завтра невозможен.

— Почему?

— Потому что завтра... воскресенье!

— Понедельник, — возразил мистер Фогг.

— Нет... сегодня... суббота...

— Суббота? Быть не может!

— Да, да, да! — закричал Паспарту. — Вы ошиблись на день! Мы приехали на двадцать четыре часа раньше... Но теперь остается только десять минут!..

Паспарту схватил своего господина за воротник и с силой потащил за собой.

Не успев ничего сообразить, Филеас Фогг, увлекаемый своим слугою, очутился на улице, вскочил в кэб, обещал сто фунтов кучеру и, раздавив по дороге двух собак и зацепив пять карет, прибыл в Реформ-клуб.

Стенные часы показывали восемь часов сорок пять минут, когда он появился в большом салоне...

Филеас Фогг совершил путешествие вокруг света в восемьдесят дней!..

Филеас Фогг выиграл пари в двадцать тысяч фунтов стерлингов!..

Но как же столь точный, столь аккуратный человек мог ошибиться на целые сутки? Как он мог думать, что прибыл в Лондон в субботу, 21 декабря, когда на самом деле он приехал в пятницу, 20 декабря, — всего лишь через семьдесят девять дней после своего отъезда?

Вот причина этой ошибки. Она очень проста.

Филеас Фогг, сам того не подозревая, выиграл целые сутки по сравнению со своими записями, ибо, совершая свое путешествие вокруг света, он двигался на *восток*, и, напротив, он потерял бы целые сутки, если бы двигался в противоположном направлении, то есть на *запад*.

Действительно, продвигаясь на восток, Филеас Фогг шел навстречу солнцу, и, следовательно, дни для него столько раз уменьшались на четыре минуты, сколько градусов он проезжал в этом направлении. Так как окружность земного шара делится на триста шестьдесят градусов, то эти триста шестьдесят градусов, умноженные на четыре минуты, дают ровно двадцать

четыре часа, то есть сутки, которые и выиграл Филеас Фогг. Иначе говоря, в то время как Филеас Фогг, двигаясь на восток, видел *восемьдесят раз* прохождение солнца через меридиан, его коллеги, оставшиеся в Лондоне, видели только *семьдесят девять* таких прохождений. Вот почему именно в этот день — в субботу, а не в воскресенье, как полагал Филеас Фогг, — они ожидали его в салоне Реформ-клуба.

Если бы знаменитые часы Паспарту, которые неизменно показывали лондонское время, помимо часов и минут, показывали бы еще и дни, то они отметили бы это обстоятельство.

Итак, Филеас Фогг выиграл двадцать тысяч фунтов стерлингов. Однако, так как он издержал в пути около девятнадцати тысяч, то денежный результат пари был незначителен. Но, как уже было сказано, наш чудак не искал денег, он принял условия этого пари, как принимают условия состязания. Он даже разделил оставшуюся тысячу фунтов между честным Паспарту и злосчастным Фиксом, на которого не был способен сердиться. Однако из денег, предназначенных Паспарту, он все же порядка ради удержал стоимость газа, горевшего по вине француза тысячу девятьсот двадцать часов.

В тот же вечер мистер Фогг, как всегда, спокойный и бесстрастный, обратился к миссис Ауде:

— Вы попрежнему согласны на наш брак, сударыня?

— Мистер Фогг, — отвечала миссис Ауда, — мне кажется, это я должна задать вам такой вопрос. Вы были разорены, теперь вы вновь богаты...

— Простите, сударыня, это состояние принадлежит вам. Если бы вам не пришла мысль об этом браке, мой слуга не пошел бы к преподобному Сэмюэлю Уильсону, я не был бы предупрежден о своей ошибке и...

— Дорогой мистер Фогг... — сказала молодая женщина.

— Дорогая Ауда... — ответил Филеас Фогг.

Само собой разумеется, что свадьба состоялась со-рок восемь часов спустя. Паспарту, гордый, разодетый

и сияющий, был свидетелем со стороны невесты. Разве, спасши ее, он не заслужил этим подобной чести?

На другой день, на рассвете, Паспарту громко постучал в дверь своего господина.

Дверь отворилась, и бесстрастный джентльмен появился на пороге.

— Что случилось, Паспарту? — спросил он.

— Что случилось? Сударь, я только сейчас сообразил...

— Что именно?

— Что мы могли бы совершить путешествие вокруг света всего лишь за семьдесят восемь дней.

— Несомненно, — ответил мистер Фогг, — не проезжая через Индию. Но если бы я не попал в Индию, я не спас бы миссис Ауду, она не стала бы моей женой и...

И мистер Фогг преспокойно закрыл дверь.

Итак, Филеас Фогг выиграл пари. Он в семьдесят дней объехал вокруг света! Он использовал для этого все средства передвижения: пакетботы, железные дороги, коляски, яхты, торговые суда, сани и даже слона. Эксцентричный джентльмен выказал во время этого путешествия изумительную точность и хладнокровие. Ну, а дальше? Что он выиграл в результате своей поездки? Что привез он с собой?

Ничего, скажут некоторые? Да, ничего, если не считать очаровательной жены, которая — как это ни покажется невероятным — сделала его самым счастливым человеком в мире!

А разве для одного этого не стоит объехать вокруг света?

В СТРАНЕ МЕХОВ

*Перевод Л. Л. Слонимской (ч. I)
и А. И. Рудковской (ч. II)
под редакцией Я. Э. Лесюка*

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гости в форте Релайанс

В тот вечер — 17 марта 1859 года — капитан Крэвенти устроил праздник в форте Релайанс.

Но пусть читатель не думает, что это было какое-то парадное собрание, или пышный бал, или шумный раут, или фестиваль под гром большого оркестра. Прием у капитана Крэвенти был много скромнее, хотя хозяин ничего не пожалел, чтобы придать ему как можно больше блеска.

В самом деле, благодаря распорядительности капрала Джолифа просторная зала в нижнем этаже дома совершенно преобразилась. Правда, деревянные стены из грубо отесанных и горизонтально уложенных бревен остались на виду; однако четыре британских флага, укрепленные в четырех углах, и щиты с развешанным на них оружием, заимствованным из арсенала форта, скрашивали наготу стен. Длинные потолочные балки, шероховатые и почернелые, покоились на топорных, не слишком прямо вбитых столбах, зато две лампы с жестяными рефлекторами раскачивались на концах цепей, словно люстры, и, несмотря на мглистый воздух, довольно ярко освещали залу. Окна были узкие, некоторые даже походили на бойницы; и густой слой инея, покрывавший стекла, не давал проникнуть сквозь них любопытному взору; два или три полотнища красной, красиво задрапированной ткани вызывали восхищение

приглашенных. Пол из плотно пригнанных друг к другу толстых трехдюймовых досок был по случаю праздника тщательно подметен капралом Джолифом. Ни кресел, ни диванов, ни стульев, ни других предметов современной мебелировки, которые только мешали бы гостям свободно расхаживать, не было вовсе. Всю обстановку залы составляли деревянные скамьи, накрепко вделанные в толстые стены, несколько больших обрубков дерева, которым топор придал кубическую форму, да два стола на массивных ножках. Но внутренняя стена с узкой одностворчатой дверью в соседнюю комнату была живописно и вместе с тем богато разукрашена. На бревнах в безупречном порядке висели роскошные меха: такого редкостного подбора не встретишь, пожалуй, и в самых заманчивых витринах Риджент-стрит или Невского проспекта. Казалось, вся фауна арктических областей была здесь представлена лучшими образцами своих мехов. Глаза разбегались при виде всех этих богатств; здесь были шкуры волков, медведей бурых и полярных, выдр, росомех, американских норок, бобров, мускусных крыс, горностаев, серебристых лисиц! А над этой своеобразной выставкой красовалась надпись, составленная из искусно вырезанных цветных картонных букв. То был девиз знаменитой Компании Гудзонова залива:

PROPELLE CUTEM!¹

— Ну, капрал Джолиф, — сказал капитан Крэвенти своему подчиненному, — вы просто превзошли самого себя!

— Пожалуй, капитан, пожалуй, — ответил капрал. — Но воздадим каждому свое. Добрая половина ваших похвал причитается по справедливости миссис Джолиф. Ведь это она мне во всем помогала!

— Ваша жена — большая искусница, капрал!

— Ей нет равных, капитан.

Середину залы занимала громадная печь, наполовину кирпичная, наполовину кафельная; ее большая железная труба, выведенная сквозь потолок, выбрасы-

¹ Дорогу мехам! (лат.)

вала наружу клубы черного дыма. Печь пытела, гудела и накалялась, поглощая полные лопаты угля, которые, не жалея, подбрасывал в нее специально представленный к этому делу солдат-истопник. Порою в трубу залетал снаружи порыв ветра. Тогда едкий дым вырывался из топки и расползался по зале; языки пламени лизали кирпичную кладку, густое облако заволакивало лампы, свет тускнел, и сажа осаждалась на потолочные балки. Но это мало смущало гостей форта Релайанс. Печь их согревала, и за щедро распространяемое ею тепло всякий готов был заплатить такой пустяковой неприятностью, как дым, тем более что на дворе стояла страшная стужа, а резкий северный ветер усиливал ее еще больше.

Слышно было, как за окнами дома бушевала непогода. Оледенелые снежинки с шумом ударялись о замерзшие стекла. Острые струйки холодного воздуха, пробиваясь сквозь щели дверей и окон, временами производили явственный свист. Затем наступала полная тишина. Стихии, казалось, переводили дух, а затем буря вновь разражалась с ужасающей силой. Дом дрожал до самого основания, брусья скрипели, балки стонали. Человек новый, не привыкший, как гости форта Релайанс, к таким неистовствам природы, невольно спросил бы себя — не снесет ли бешеный ветер все это сооружение из столбов и досок? Но гостям капитана Крэвенти буря была нипочем; даже выйдя наружу, они испугались бы ее не больше, чем буревестники, что носятся над волнами в самый разгар урагана.

Однако пора объяснить, кто были эти приглашенные. Здесь собралось около ста мужчин и женщин; но лишь двое из них — две дамы — не принадлежали к числу завсегдатаев форта Релайанс. Среди постоянных обитателей форта были: капитан Крэвенти, лейтенант Джаспер Гобсон, сержант Лонг, капрал Джолиф и человек шестьдесят солдат и служащих компании. Некоторые были женаты, среди них — капрал Джолиф, счастливый супруг живой и веселой уроженки Канады, затем некий Мак-Нап, шотландец, женатый на шотландке, и Джон Рэй, недавно взявший себе в жены местную жительницу — индианку. Все это общество

без различия рангов — офицеры, служащие и солдаты пировали в тот вечер у капитана Крэвенти.

Следует добавить, что среди приглашенных были не одни только должностные лица форта Релайанс. Соседние форты — а в этих далеких краях люди, живущие за сто миль друг от друга, считают себя соседями — охотно приняли приглашение капитана Крэвенти. Множество служащих и комиссионеров прибыло из фортов Провиденс и Резольюшен, входивших в округ Невольничьего озера, а также из фортов Чипевайан и Лайард, расположенных южнее. Затерянные в безмолвии северных пустынь, словно какие-нибудь отшельники или ссыльные, люди с радостью воспользовались редким и неожиданным случаем рассеяться и развлечься.

Не отказались от приглашения и несколько индейских вождей. Эти туземцы, находившиеся в постоянных сношениях с факториями, поставляли в порядке обмена большую часть мехов, которыми торговала компания. Главным образом, это были индейцы племени чиппевеев — сильные, великолепно сложенные люди, одетые в куртки из кож и необычайно эффектные меховые плащи. Их лица, разрисованные наполовину красной, наполовину черной краской, были точь-в-точь, как те маски, какими «для пущей убедительности» в Европе наделяют в феериях дьяволов. На макушке каждого индейца, точно раскрытый веер какой-нибудь синьоры, колыхались пучки орлиных перьев, вздрагивавшие при каждом движении черноволосой головы. Индейские вожди, числом двенадцать, не привезли с собой жен: эти несчастные «сквау» живут на положении простых рабынь.

Таков был круг гостей, которых в тот вечер так радушно принимал капитан форта Релайанс. За неимением оркестра танцы не могли состояться, но обильное угощение с успехом заменяло наемных музыкантов европейских балов. На столе возвышался пирамидальный пуддинг, приготовленный собственными руками миссис Джолиф. Он представлял собою усеченный конус из муки, оленьего жира и мяса мускусного быка; не хватало в нем, быть может, только яиц, молока и ли-

мона, рекомендованных поваренными книгами, но этот недостаток вполне возмещался его гигантскими размерами. Миссис Джолиф отрезала от него кусок за куском, а огромному пуддингу все не было конца. На столе лежали также груды сэндвичей, приготовленных за неимением английского хлеба из морских сухарей; между двумя сухарями, с которыми, несмотря на их черствость, без труда справлялись крепкие зубы чиппеев, миссис Джолиф ловко вложила тонкие ломтики «корнбифа», особого рода солонины, заменившей на этот раз йоркскую ветчину и заливное с трюфелями, — блюдо, которое подают к столу в домах Старого Света. Что касается напитков — виски и джина, — то наполненные ими оловянные стаканчики так и ходили вокруг стола. Увенчать весь этот праздник, о котором долго еще будут толковать в индейских вигвамах, должен был великолепный пунш.

Зато каких только комплиментов не наслушались в тот вечер супруги Джолиф! Но и потрудились же они, и с какой готовностью! Они просто разрывались на части! Как усердно потчевали они гостей всевозможной снедью! Нет, они не дожидались, пока их попросят, они предупреждали желания каждого. Гости не успевали и рта раскрыть, не успевали даже захотеть чего-нибудь. За сэндвичами следовали куски неистощимого пуддинга! За пуддингом — стаканчики джина или виски!

— Ах, увольте, миссис Джолиф!

— Вы слишком любезны, капрал! Умоляю вас, разрешите передохнуть!

— Миссис Джолиф, верьте, я сыт по горло!

— Капрал Джолиф, что вы со мной делаете!

— Нет, сударыня, решительно нет!.. Я больше не в состоянии!

Вот восклицания, которые то и дело выслушивала счастливая чета. Но капрал и его супруга умели постоять на своем, и даже самые упорные в конце концов сдавались. И еда продолжалась, и питье шло своим чередом. Разговоры становились громче. Солдаты, служащие — все понемногу оживились. Тут говорили об охоте, там о торговле. Сколько планов было у каждого

на будущий сезон! Всей фауны арктических областей, пожалуй, не хватило бы, чтоб удовлетворить этих предприимчивых охотников. Медведи, лисы, мускусные быки так и валились под их пулями. Бобры, крысы, горностан, куницы, норки тысячами попадались в капканы! Драгоценные меха целыми ворохами накапливались на складах компании, доходы которой, кстати сказать, действительно превосходили в том году все ожидания. Щедро разливаемые спиртные напитки разгорячили воображение европейцев; индейцы же, важные и молчаливые, слишком гордые, чтобы чему-нибудь удивляться, и слишком осмотрительные, чтобы что-нибудь обещать, не мешали этой болтовне, поглощая стакан за стаканом «огненную воду» капитана Крэвенти.

А сам капитан от души радовался шумному веселью: он был счастлив, что ему удалось доставить удовольствие этим горемыкам, заброшенным за пределы обитаемого мира, и, весело расхаживая среди своих гостей, неизменно отвечал на все расспросы, если они касались праздника:

— Спросите у Джолифа! Спросите у Джолифа!

И гости обращались к Джолифу, который для всех находил ласковое слово.

О некоторых лицах, охранявших и обслуживавших форт Релайанс, следует рассказать более подробно, ибо именно им довелось впоследствии стать игрушкой ужасных событий, предвидеть которые не был в состоянии никакой, даже самый прозорливый человеческий ум. Так, несколько слов надо сказать о лейтенанте Джаспере Гобсоне, сержанте Лонге, о супругах Джолиф и о двух приезжих дамах, в честь которых капитан и устроил этот вечер.

Лейтенанту Джасперу Гобсону было сорок лет. Невысокий и худощавый, он не обладал особой физической силой, но его душевная энергия была такова, что он всегда выходил победителем из любых испытаний и самых затруднительных положений. Джаспер воистину был «дитя компании». Его отец, майор Гобсон, ирландец из Дублина, умерший несколько лет назад, долгое время вместе с миссис Гобсон жил в форте Ассинибойн. Здесь и родился Джаспер Гобсон. Здесь, у самого под-

ножья Скалистых гор, проходили его детство и юность. Суровое воспитание майора Гобсона сделало его взрослым мужчиной, хладнокровным и смелым еще в ту пору, когда он был всего лишь подростком. Джаспер Гобсон не был охотником, — он был воином, умным и храбрым офицером. Когда Компании Гудзонова залива пришлось выдержать в Орегоне упорную борьбу с конкурентами, он отличился своим рвением и отвагой и быстро достиг чина лейтенанта. Вследствие его общепризнанных достоинств компания назначила Гобсона начальником экспедиции на крайний север. Этой экспедиции предстояло обследовать расположенные выше семидесятой параллели северные берега Большого Медвежьего озера и основать форт на самой границе американского континента. Отъезд лейтенанта Джаспера Гобсона должен был состояться в первых числах апреля.

Если лейтенант представлял собой законченный тип превосходного офицера, то сержант Лонг, пятидесятилетний человек с такой жесткой бородой, словно она была из кокосовой мочалки, являл собою идеальный тип солдата; храбрый от природы, дисциплинированный, ничего не признающий, кроме приказа, беспрекословно подчиняющийся любому распоряжению, каким бы странным оно ни казалось, никогда не рассуждающий, если дело идет о службе, — Лонг был настоящей машиной в мундире, но машиной совершенной, исправной, которая всегда была на ходу и не знала усталости. Быть может, сержант Лонг иногда бывал слишком строг к своим подчиненным, но так же строг он был и по отношению к себе. Он не терпел ни малейшего нарушения дисциплины и за всякую оплошность безжалостно наказывал; самому же ему никогда не приходилось подвергаться взысканиям. Чин сержанта обязывал его командовать, но, командуя, он не испытывал ни малейшего удовлетворения. Он был рожден повиноваться, и это отсутствие личного честолюбия как нельзя более гармонизировало с его пассивной натурой. Именно из таких людей и составляются грозные армии. Они — всего только руки на службе одной головы. И разве не в этом заключается секрет правильной организации всякой военной силы? Мифология создала два образа силы:

сторукого Бриарея и стоглавую Гидру. Если б эти чудовища вступили в единоборство, то какое из них одержало бы победу? Бриарей.

С капралом Джолифом читатель уже знаком. Он вечно суетился, как хлопотливая муха, но его деловитое жужжание всем было приятно. Из него получился бы хороший дворецкий, солдат же он был неважный и сам это хорошо понимал. Поэтому он охотно именовал себя «капралом по хозяйственной части», но и в этой «хозяйственной части» запутался бы сто раз, если б маленькая миссис Джолиф не направляла мужа своей твердой рукой. Волей-неволей капрал подчинялся супруге, хотя и не желал в этом признаться, без сомнения говоря себе, как философ Санчо: «Совет женщины — это не бог весть что, но надо быть круглым болваном, чтобы к нему не прислушаться!»

На вечере, как уже говорилось, присутствовали две приезжие дамы. Обeim было лет по сорок. Одна из них заслуженно занимала место в первом ряду самых знаменитых путешественниц, соперничая с такими отважными женщинами, как Пфейфер, Тиннэ, Омер де Гелль. Звали ее Полина Барнет, и это имя нередко с почтением упоминалось на заседаниях Королевского географического общества. Свои качества смелой путешественницы Полина Барнет доказывала неоднократно: и когда поднималась вверх по течению Брампутры до гор Тибета и когда пересекала неисследованную область Австралии от бухты Лебединой до залива Карпентария. Пятнадцать лет назад она овдовела, и с тех пор страсть к путешествиям увлекала ее то в одну, то в другую неизвестную страну. Полина Барнет была высокого роста. Гладкие пряди кое-где уже серебрившихся волос обрамляли ее энергическое лицо. Несколько близорукие глаза скрывались за стеклами очков в серебряной оправе, сидевших на длинном, прямом носу с подвижными ноздрями, которые, казалось, «вдыхали воздух неизведанных далей». Ее походка, надо сознаться, скорее напоминала мужскую, нежели женскую, и от всего ее облика веяло не столько грацией, сколько душевной силой. Она была англичанка, уроженка графства Йорк, владела порядочным состоянием, значительную

долю которого тратила на всевозможные опасные экспедиции. И если сейчас Полина Барнет оказалась в форте Релайанс, то привело ее в этот отдаленный край, несомненно, какое-то новое задуманное ею смелое предприятие. После путешествия по тропическим странам ей, видимо, захотелось достигнуть крайних границ северных областей. Ее присутствие в форте было целым событием. Директор компании специальным письмом рекомендовал миссис Барнет вниманию капитана Крэвенти. В этом письме говорилось, что капитан должен всячески способствовать знаменитой путешественнице в осуществлении ее намерения достичь берегов Ледовитого океана. Великое предприятие! Ей предстояло следовать по пути Хэрна, Макензи, Рэя, Франклина. Сколько трудностей, испытаний, опасностей предстояло ей преодолеть в борьбе с грозными стихиями Арктики! Как могла решиться эта женщина отправиться в области, перед которыми отступили или где погибли уже многие и многие исследователи? Но гостя форта Релайанс была не просто женщина: она была Полина Барнет, лауреат Королевского географического общества.

Тут уместно будет заметить, что спутница знаменитой путешественницы, Мэдж, была для нее больше, чем служанка: это был преданный и смелый друг. Мэдж жила только интересами Полины Барнет; своим мужественным характером она походила на древнюю шотландку, вполне достойную стать супругой пресловутого Калеба. Мэдж — рослая и крепко сложенная женщина — была лет на пять старше своей госпожи. Мэдж и Полина были на «ты». Полина относилась к Мэдж, как к старшей сестре; Мэдж обращалась с Полиной, как с дочерью. Эти два существа составляли как бы одно целое.

Для полноты картины добавим, что именно в честь Полины Барнет капитан Крэвенти и пригласил к себе всех этих служащих фортов компании и индейцев племени чиппевеев. Путешественница должна была присоединиться к отряду лейтенанта Гобсона, отправлявшемуся на север. И в тот вечер в большой зале фактории миссис Полину Барнет приветствовали радостными криками «ура».

В этот памятный день печка поглотила добрый центнер угля; причиной тому был сильный холод: на дворе было двадцать четыре градуса ниже нуля по Фаренгейту (31° мороза по Цельсию), ибо форт Релайанс находился на 61° 47' северной широты, то есть всего в четырех градусах от Полярного круга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пушиная Компания Гудзонова залива

— Капитан!

— Миссис Барнет?

— Что вы думаете о лейтенанте Джаспере Гобсоне?

— Думаю, что этот офицер далеко пойдет.

— Как понимать ваши слова — «далеко пойдет»? Не значит ли это, что он пересечет восьмидесятую параллель?

Вопрос миссис Барнет вызвал у капитана Крэвенти невольную улыбку. Они беседовали в уголке у печки в то время, как остальные гости расхаживали по зале, останавливаясь то у стола с кушаньями, то у стола с напитками.

— Сударыня, — ответил капитан, — Джаспер Гобсон совершит все, что в силах совершить человек. Компания поручила ему обследовать север ее владений и основать факторию возможно ближе к границам американского континента; эта фактория будет основана.

— Какая громадная ответственность лежит на лейтенанте Гобсоне! — сказала путешественница.

— Да, сударыня, но Джаспер Гобсон никогда не отступал перед трудностями, как бы велики они ни были.

— Верю вам, капитан, — ответила миссис Барнет, — и скоро увижу лейтенанта Гобсона в деле. Но интересно, какой расчет компании строить форт на берегах Ледовитого океана?

— О, расчет большой, сударыня, — ответил капитан, — я сказал бы даже — двойной. Надо думать, что Россия в недалеком будущем уступит свои американские владения правительству Соединенных Штатов¹. Как только эта сделка состоится, доступ компании к Тихому океану будет сильно затруднен, если только открытый Мак-Клюром Северо-Западный проход не будет превращен в удобный для сообщения путь. Это и должны выяснить новые изыскания, и адмиралтейство намерено послать судно, которое должно будет пройти вдоль американского побережья от Берингова пролива до бухты Коронации — нашей восточной границы, по эту сторону которой и должен быть основан новый форт. Если это предприятие увенчается успехом, новая фабрика станет важным пунктом — в ней сосредоточится вся северная торговля мехами. Пароходы, выйдя из нового форта, уже через несколько дней будут в Тихом океане, тогда как перевозка мехов через индейские территории требует значительного времени и огромных затрат.

— Да, если окажется возможным использовать Северо-Западный проход, это и в самом деле будет большая удача, — ответила миссис Полина Барнет. — Но вы, кажется, говорили о каком-то двойном расчете...

— Сейчас объясню, сударыня, — продолжал капитан, — и вы увидите, что для нашей компании — это вопрос жизни. С вашего разрешения я в двух словах напомним вам ее историю, и тогда вам станет ясно, почему над нашим торговым товариществом, некогда процветавшим, теперь нависла угроза лишиться самого источника своего промысла.

И капитан Крэвенти вкратце изложил историю знаменитой Компании Гудзонова залива.

Известно, что человек еще в глубокой древности заимствовал у животных их шкуры, чтобы прикрывать ими свою наготу. Таким образом, торговля мехами восходит к самым отдаленным временам. Понемногу роскошь в одежде все увеличивалась, и, наконец, дело

¹ Это предвидение капитана Крэвенти действительно в скором времени осуществилось. (*Прим. автора.*)

дошло до того, что пришлось издать специальные законы против расточительности, в частности против моды на меха. Так, в середине XII века была запрещена одежда из пятнистой и серой белки.

В 1553 году Россия основала в своих северных землях несколько зверобойных промыслов, и английские компании не замедлили последовать ее примеру. Торговля соболями, горностаем, бобрами осуществлялась тогда через посредство самоедов. Но в царствование королевы Елизаветы ношение дорогих мехов волею королевы было строго ограничено, и эта отрасль торговли оказалась парализованной на долгие годы.

Наконец, 2 мая 1670 года Компания Гудзонова залива получила привилегию на право торговли мехами. Среди ее акционеров было несколько представителей высшей аристократии — герцог Йоркский, герцог Ольбермейль, граф Шефтсбери и некоторые другие. Ее капитал составлял всего восемь тысяч четыреста двадцать фунтов стерлингов. С нею соперничали различные частные общества, агенты которых, французы, обосновавшиеся в Канаде, пускались в рискованные, но весьма выгодные предприятия. Эти бесстрашные охотники, известные под именем «канадских путешественников», оказались для нарождающейся компании столь серьезными конкурентами, что самое существование ее повисло на волоске.

Но завоевание Канады англичанами упрочило это положение. Через три года после взятия Квебека, в 1766 году, торговля мехами вновь заметно оживилась. Агенты английских компаний освоились с трудностями промысла: они ознакомились с обычаями страны и приспособились к нравам индейцев и их условиям обмена. Однако доходы компании все еще равнялись нулю. А тут еще купцы Монреаля, объединившись, образовали около 1784 года мощную «Северо-Западную компанию», в руках которой вскоре и сосредоточились все операции по торговле пушниной. В 1798 году это новое товарищество вывезло шкур на громадную сумму — сто двадцать тысяч фунтов стерлингов, — и Компания Гудзонова залива вновь оказалась под ударом.

Надо сказать, что «Северо-Западная компания» не брезговала никакими, даже самыми сомнительными средствами, когда дело касалось ее выгоды. Эксплуатируя собственных служащих, спекулируя на нищете индейцев, жестоко обращаясь с ними, грабя и спаивая их, несмотря на запрет парламента продавать спиртные напитки на индейской территории, агенты «Северо-Западной компании» добивались громадных прибылей, хотя с ними тогда уже соперничали американские и русские предприниматели, которые основали в 1809 году «Американскую компанию по торговле мехами» с капиталом в миллион долларов, производившую свои операции к западу от Скалистых гор.

Но более всех других товариществ страдала от конкуренции Компания Гудзонова залива, пока, наконец, в 1821 году, после бесконечно обсуждавшегося договора, она не поглотила свою старую соперницу «Северо-Западную компанию», слившись с нею в одно предприятие под общим названием «Пушной компании Гудзонова залива».

Ныне эта солидная фирма имеет только одного конкурента — «Сен-Луисскую американскую пушную компанию» — и владеет множеством факторий, разбросанных по обширной территории в три миллиона семьсот тысяч квадратных миль. Главные из них расположены в заливе Джемса, возле устья реки Северн, затем южнее и у границ Верхней Канады, а также на озерах Атабаска, Виннипег, Верхнем, Мичиган, Буффало и вдоль рек Колумбия, Макензи, Саскачеван, Ассинибойн и других. Форт Йорк, контролирующий течение реки Нельсон, которая несет свои воды в Гудзонов залив, служит главной квартирой компании и основным складом пушнины. Кроме того, в 1842 году, за ежегодную компенсацию в двести тысяч франков, компания арендовала русские фактории в Северной Америке. Таким образом, она теперь эксплуатирует, и притом за свой собственный счет, огромную область, расположенную между Миссисипи и Тихим океаном. Снаряжаемые компанией отважные путешественники исколесили страну во всех направлениях: в 1770 году к Ледовитому океану отправился Хэрн и обнаружил

там медные месторождения; за годы между 1819 и 1822-м Франклин прошел пять тысяч пятьсот пятьдесят миль вдоль американского побережья; Макензи, открыв реку, которой присвоено его имя, достиг у берегов Тихого океана 52° 24' северной широты. В 1833—1834 годах компания экспортировала в Европу следующее количество шкур и мехов, что дает ясное представление о размерах ее торговых оборотов:

Бобров	1 074
Мертворожденных бобров и бобрового молодняка	92 288
Мускусных крыс	694 092
Барсуков	1 069
Медведей	7 451
Горностаев	491
Речных выдр	5 296
Лис	9 937
Рысей	14 255
Куниц	64 490
Хорьков	25 100
Выдр морских	22 303
Енотов	713
Лебедей	7 918
Волков	8 484
Росомах	1 571

Такая добыча должна была бы обеспечить Компании Гудзонова залива весьма солидные прибыли; но, к сожалению, эти высокие цифры не удержались, и в течение последующих двадцати лет они непрерывно снижались.

Причину этого упадка капитан Крэвенти и пытался объяснить миссис Барнет.

— До тысячи восемьсот тридцать седьмого года, — сказал он, — дела компании, сударыня, шли блестяще. В том году экспорт шкур еще увеличился — до двух миллионов трехсот пятидесяти восьми тысяч штук. Но с тех пор он неуклонно шел на убыль и теперь сократился по меньшей мере наполовину.

— В чем же заключается причина такого резкого снижения экспорта? — спросила миссис Барнет.

— В том, что звери перевелись; а перевелись они из-за чрезмерного усердия и, я бы сказал, преступности охотников. В отведенных для охоты местах зверей

травили и убивали без передышки и разбора, не щадя ни детенышей, ни даже беременных самок. В результате количество пушных зверей неизбежно должно было сократиться. Выдра исчезла почти совсем и встречается теперь лишь у островов на севере Тихого океана. Бобры перебрались небольшими колониями на берега самых дальних рек. То же случилось и с остальными ценными животными: все они должны были бежать от нашествия охотников. Капканы, когда-то переполненные, теперь пустуют. Цены на пушнину растут, ибо в наше время меха в большом ходу. А охотники потеряли вкус к своему делу, остались только самые отчаянные и неутомимые, но и тем приходится уходить за добычей чуть ли не к границам американского континента.

— Тогда понятно, — заметила миссис Барнет, — почему компания придает такое значение постройке фактории на берегах Ледовитого океана: звери удалились за пределы Полярного круга.

— Именно так, сударыня, — ответил капитан. — Впрочем, компания все равно была бы вынуждена перенести центр своей деятельности на север, ибо два года назад решением английского парламента ее владения были сильно сокращены.

— Чем мотивировал парламент это сокращение? — спросила путешественница.

— Важными экономическими соображениями, которыми были сильно озабочены государственные деятели Великобритании. Надо сказать, что цивилизаторских целей компания действительно никогда не имела. Напротив. В ее интересы прямо входило, чтобы земли в ее громадных владениях оставались невозделанными. Все попытки обрабатывать почву, которые вспугнули бы пушных зверей, пресекались ею самым беспощадным образом. В силу самого характера ее промысла она являлась естественным врагом всякого земледельческого предприятия. Более того, административный совет компании попросту не желал знать ничего, что не имело прямого отношения к ее деятельности. Этот произвол компании, нередко наносивший ущерб стране, и вызвал принятые парламентом меры; в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году комиссия, назначенная министром

по делам колоний, постановила присоединить к Канаде все пригодные для обработки земли — например, долины рек Красной и Саскачеван, а компании оставить лишь те ее владения, которые с точки зрения земледелия все равно не имеют никакой будущности. В следующем году компания потеряла западный склон Скалистых гор, перешедший в непосредственное ведение министерства колоний; таким образом, он навсегда был изъят из числа территорий, находившихся ранее в ее ведении. И вот, сударыня, по этим-то причинам, прежде чем вообще отказаться от торговли мехами, компания и решила распространить свою деятельность на почти не исследованные еще области Арктики и через Северо-Западный проход попытаться связать их с Тихим океаном.

Теперь миссис Барнет была посвящена в дальнейшие планы знаменитой Компании Гудзонова залива. Ей предстояло даже присутствовать при основании нового форта на берегах Ледовитого океана. Капитан Крэвенти познакомил ее с положением дел; так как он вообще не прочь был поговорить, то, быть может, пустился бы и в дальнейшие подробности, если б неожиданное обстоятельство не положило конец его красноречию.

Капрал Джолиф во всеуслышание объявил, что с помощью миссис Джолиф он приступает к приготовлению пунша. Это известие, как и следовало ожидать, было принято с восторгом. Послышались даже крики «ура». В чашу (скорее это была целая лохань) была вылита драгоценная влага — не менее десяти пинт брэнди. На дне, отмеренные рукой миссис Джолиф, громоздились куски сахара. На поверхности плавали сморщенные от старости ломтики лимона. Оставалось только поджечь это озеро алкоголя, и капрал с фитилем в руке ожидал команды своего капитана, как будто дело шло по меньшей мере о взрыве мины.

— Джолиф, пора! — возгласил капитан Крэвенти.

Огонь охватил ликер, и в одно мгновение пунш запылал при громких аплодисментах присутствовавших.

Десять минут спустя полные стаканы уже обходили круг гостей и к ним, словно к акциям на бирже во

время повышения курса, со всех сторон протягивались руки.

— Ура! Ура! Ура миссис Барнет! Ура капитану!

Вдруг в разгар этих радостных приветствий сна-ружи донеслись какие-то громкие крики. Все разом смолкли.

— Сержант Лонг, — сказал капитан, — посмотрите, что там такое.

По приказу своего командира сержант, не допив стакана, тотчас вышел из залы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оттаявший ученый

Проходя по узкому коридору к наружным дверям, сержант Лонг услышал, что крики еще больше усилились. Кто-то изо всех сил колотил в ворота, через которые открывался доступ в обнесенный высокой деревянной стеной двор форта. Сержант открыл дверь. Слой снега толщиной в фут покрывал землю. Проваливаясь по колено в эту белую массу, ослепленный метелью, до мозга костей пронизываемый страшным холодом, сержант наискось пересек двор и подошел к воротам.

«Какого это черта принесло в такую погоду! — размышлял он про себя, методически, или, лучше сказать, «дисциплинированно», снимая тяжелые засовы. — Одни только эскимосы рискнут пуститься в путь в подобную стужу!»

— Да откройте же, откройте, наконец! — нетерпеливо кричали снаружи.

— Вам открывают, — спокойно ответил сержант Лонг, даже и не думая торопиться.

Наконец, обе половинки ворот распахнулись. Во двор, как молния, влетели запряженные тремя парами собак сани и отбросили сержанта в сугроб. Еще секунда, и достойный Лонг был бы раздавлен! Но он поднялся, не проронив ни звука, не спеша запер ворота

и своей обычной походкой, то есть делая по семьдесят пять шагов в минуту, направился к дому.

На крыльце уже стояли капитан Крэвенти, лейтенант Джаспер Гобсон и капрал Джолиф и, не обращая ни малейшего внимания на холод, с любопытством разглядывали остановившиеся перед ними белые от снега сани.

Из них тотчас вылез человек, с головой укутанный в меха.

— Форт Релайанс? — спросил он.

— Вы не ошиблись, — ответил капитан.

— Капитан Крэвенти?

— Я. А вы кто?

— Курьер компании.

— Вы один?

— Нет, я привез путешественника!

— Путешественника! Зачем он сюда прибыл?

— Смотреть на луну.

Услышав такой ответ, капитан Крэвенти подумал, уж не имеет ли он дело с сумасшедшим? При подобных обстоятельствах такое предположение было вполне естественно. Но он не успел еще облечь свою мысль в слова, как курьер уже вытащил из саней какой-то неподвижный предмет — нечто вроде запорошенного снегом мешка — и двинулся было с ним к дому.

Капитан спросил его:

— Что это за мешок?

— Это мой путешественник, — ответил курьер.

— Что за путешественник?

— Астроном Томас Блэк.

— Да ведь он же замерз!

— А мы его сейчас разморозим.

И Томас Блэк, подхваченный сержантом, капралом и курьером, вступил таким образом в помещение форта. Его внесли в комнату первого этажа, где благодаря накаливаемой докрасна печке была весьма сносная температура. Там его положили на кровать, и капитан пощупал его руку.

Рука была совершенно ледяная. Когда одеяла и меховые плащи, в которые был плотно запакован Томас Блэк, были развернуты, присутствующие увидели чело-

века лет пятидесяти, толстого, низенького, с седоватыми волосами и растрепанной бородой. Глаза его были закрыты, а губы сжаты так плотно, точно их склеили гуммиарабиком. Человек этот не дышал, а если и дышал, то настолько слабо, что зеркало не затуманилось бы от его дыхания. Джолиф принялся его раздевать, проворно переворачивая с боку на бок и все время приговаривая: — Ну, ну, сударь! Придете ли вы когда-нибудь в себя?

Но таинственный посетитель, явившийся при столь странных обстоятельствах, казался безжизненным трупом. Чтобы согреть его, капрал Джолиф готов был уже прибегнуть к героическому средству — а именно окунуть своего пациента в кипящий пунш.

К счастью для Томаса Блэка, лейтенанту Джасперу Гобсону пришла в голову другая мысль.

— Снега! — распорядился он. — Сержант Лонг, побольше снега!

Уж чего-чего, а снега было вдоволь во дворе форта Релайанс. Пока сержант ходил за ним, Джолиф окончательно раздел астронома. Несчастный весь был покрыт беловатыми пятнами, свидетельствовавшими о том, что холод успел уже глубоко проникнуть в его тело. Необходимо было немедленно вызвать приток крови к пораженным местам. Этого результата Джаспер Гобсон и надеялся достичь путем сильного растирания снегом. Известно, что в северных странах всегда применяется этот способ, когда нужно возобновить циркуляцию крови, которую, так же как и течение рек, останавливает жестокий мороз.

Тем временем сержант Лонг вернулся, и вместе с Джолифом они подвергли вновь прибывшего такому свирепому растиранию, какому, вероятно, тот не подвергался за всю свою жизнь. То было не легкое поглаживание и не успокаивающее прикосновение смазанных жиром пальцев, а более чем энергичный массаж: засучив рукава, оба, как скребницей, терли злополучного Блэка.

Пока эта операция продолжалась, словоохотливый капрал то и дело обращался к путешественнику, хотя тот еще не мог его слышать:

— Да ну же, сударь, хватит! Что это вы вздумали так промерзнуть? Полноте! Будет вам упрямиться!

По всей вероятности, Томас Блэк действительно упрявился, ибо прошло добрых полчаса, прежде чем он согласился подать признаки жизни. Все уже потеряли надежду его оживить, и массажисты даже думали было прекратить свою утомительную работу, как вдруг несчастный несколько раз тихонько вздохнул.

— Он жив! Он приходит в себя! — воскликнул Джаспер Гобсон.

Растирание и правда разогрело тело астронома снаружи, но средством внутренним тоже отнюдь нельзя было пренебрегать. Поэтому капрал Джолиф сбегал за пуншем, и путешественник, проглотив несколько стаканов живительной влаги, тотчас же почувствовал сильное облегчение: его щекам возвратился румянец, глаза вновь обрели способность видеть, губы — шевелиться. Только теперь капитан получил надежду, что Томас Блэк объяснит, наконец, зачем он явился в эти края и к тому же в столь жалком виде.

Астроном, укутанный во множество одеял, немного приподнялся и, опершись на локоть, слабым голосом спросил:

— Форт Релайанс?

— Так точно, — ответил капитан.

— Капитан Крэвенти?

— Да, это я, и говорю вам: «Добро пожаловать, сударь!» Однако позвольте все же узнать, с какою целью прибыли вы в форт Релайанс?

— Смотреть на луну! — откликнулся курьер, которому, видимо, сильно понравилась эта фраза, потому что он повторял ее уже второй раз.

Но Томаса Блэка его ответ, должно быть, вполне удовлетворил, ибо он утвердительно кивнул головой и затем задал следующий вопрос:

— А где лейтенант Гобсон?

— Я здесь, — ответил лейтенант.

— Значит, вы еще не уехали?

— Нет еще, сэр.

— Тогда мне остается только поблагодарить вас, —

сказал Томас Блэк, — а самому уснуть покрепче до завтрашнего утра!

Капитан и его товарищи тотчас удалились, предоставив этому чудаку спокойно отдыхать.

Через полчаса праздник кончился, и гости разошлись в отведенные им помещения: кто — в комнаты самого форта, кто — в жилые дома, расположенные за его оградой.

На следующий день Томас Блэк был почти здоров. Его крепкая натура выдержала атаку свирепого мороза. Всякий другой не оттаял бы, но он все делал не так, как другие.

Однако кто же такой был этот астроном? Откуда он взялся? Зачем пустился в странствие по владениям компании, когда стужа еще продолжала свирепствовать? Что означал ответ курьера? Смотреть на луну! Разве луна светит не всюду и нужно скакать за нею чуть ли не к самому Полярному кругу?

Все эти вопросы задавал себе капитан Крэвенти. Но на другой день, побеседовав в течение часа со своим новым гостем, он уже знал все.

Томас Блэк действительно был астрономом Гринвичской обсерватории, с таким блеском возглавляемой мистером Эйри. Обладая скорее пытливым и живым, нежели теоретическим умом, Томас Блэк за двадцать лет своей деятельности сделал немалый вклад в уранографическую науку. Но в житейском смысле он был человеком беспомощным; вне вопросов астрономии он просто не существовал, словно жил не на земле, а на небесах, и его с успехом можно было принять за потомка того простака-ученого из Лафонтеновой басни, который, сам не зная как, провалился в колодезь. С ним нельзя было говорить ни о чем, кроме звезд и созвездий. Он с удовольствием поселился бы в подзорной трубе. Но когда Томас Блэк делал наблюдения, ему на всем свете не было равных! Его терпение было поистине неиссякаемо! В продолжение многих месяцев он способен был подстергать какое-нибудь небесное явление! Специальностью Томаса Блэка были болиды и падающие звезды, и открытия, сделанные им в этой области астрономии, заслуживали

особого упоминания. Всякий раз, когда требовались какие-нибудь кропотливые изыскания, тончайший анализ и точнейшие определения, неизменно обращались к Томасу Блэку, у которого был на редкость «верный глаз». Способность наблюдать дана не всякому. Поэтому не удивительно, что именно на гринвичского астронома пал выбор, когда пришла пора разгадать, наконец, одно явление, в высшей степени интересовавшее ученых-селенографов.

Известно, что во время полного затмения солнца луна бывает окружена сияющей короной. Но каково происхождение этой короны? Что это — некая плотная субстанция? Или же просто световой эффект — результат преломления солнечных лучей в непосредственной близости от луны? Вот вопрос, который, несмотря на все изыскания, до тех пор оставался нерешенным.

Уже с 1706 года астрономы делали научные описания этого сияющего ореола. Лувиль и Галлей во время полного затмения 1715 года, Маральди — в 1724 году, Антонио де Уллоа — в 1778, Будич и Феррер — в 1806, — все внимательно изучали эту корону; но из их противоречивых гипотез нельзя было сделать окончательных выводов. Во время полного затмения 1842 года ученые всех стран — Эйри, Араго, Петаль, Ложье, Мовэ, Отто, Струве, Пети, Бэйли и другие — пытались добиться полной разгадки этого явления; однако как ни тщательны были их наблюдения, но Араго пришлось признать, что «разногласия крупнейших астрономов, наблюдавших одно и то же затмение в различных пунктах земного шара, до такой степени затемнили этот вопрос, что прийти к какой-либо определенной точке зрения относительно источника этого явления попрежнему оказывается невозможным». С тех пор наблюдалось еще несколько полных солнечных затмений, но найти убедительное решение так и не удалось.

Между тем селенографы считали этот вопрос чрезвычайно важным. Разрешить его нужно было во что бы то ни стало. Наконец, представился новый случай для изучения этой вызвавшей столько споров, сияющей

короны. В 1860 году, 18 июля, должно было состояться новое солнечное затмение — полное на крайнем севере Америки, в Испании, в Северной Африке и еще в некоторых странах. Астрономы условились между собой, что наблюдения будут делаться одновременно в разных местах того пояса, где затмение должно быть полным. И вот Томасу Блэку было поручено наблюдать это затмение в арктических широтах Америки. Таким образом, ему предстояло вести наблюдения приблизительно в тех же условиях, в каких во время затмения 1854 года их вели английские астрономы в Швеции и Норвегии.

Легко догадаться, что Томас Блэк с радостью ухватился за представившийся ему случай изучить сияющую корону. Кроме того, он должен был по возможности определить природу красноватых протуберанцев, появляющихся иногда вокруг контура спутника Земли. Если б гринвичскому астроному удалось неопровержимым образом разрешить этот вопрос, он заслужил бы дружную похвалу всех ученых Европы.

Приготовляясь к отъезду, Томас Блэк заручился рекомендательными письмами, адресованными директорам Компании Гудзонова залива. Как раз в это время компания снаряжала экспедицию к северному побережью американского континента с целью основать там новую факторию. Этим обстоятельством следовало воспользоваться, и Томас Блэк пустился в путь. Он пересек Атлантический океан, высадился в Нью-Йорке и через озера добрался до поселения на реке Красной; далее, от форта к форту, он мчался в санях, управляемых курьером компании, и, несмотря на зиму и жестокие морозы, наперекор всем опасностям путешествия в северных широтах, 17 марта 1859 года достиг форта Релайанс при уже известных читателю обстоятельствах.

Вот что рассказал астроном капитану Крэвенти, который, конечно, выразил полную готовность предоставить в его распоряжение все необходимое.

— Однако, мистер Блэк, — полюбопытствовал капитан, — что заставило вас так торопиться? Ведь

солнечное затмение будет лишь в тысяча восемьсот шестидесятом, то есть будущем, году?

— Меня уведомили, капитан, — ответил астроном, — что компания посылает экспедицию на американское побережье, к северу от семидесятой параллели, и я побоялся опоздать к отъезду лейтенанта Гобсона.

— Мистер Блэк, — возразил капитан, — если б вы даже и не застали здесь лейтенанта, я почел бы своим долгом сопровождать вас лично к берегам Ледовитого океана.

Затем он еще раз заверил астронома, что последний во всем может на него рассчитывать и что в форте Релайанс он желанный гость.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Фактория

Невольничье озеро — одно из самых больших озер, расположенных выше шестьдесят первой параллели. Оно имеет двести пятьдесят миль в длину, пятьдесят — в ширину и лежит ровно на $61^{\circ}25'$ северной широты и на 114° западной долготы. Вся окружающая местность спускается пологими террасами к одному центру — обширной, занятой озером котловине.

Компания сразу же оценила выгодное расположение озера: оно со всех сторон окружено охотничьими угодьями, которые некогда кишмя кишели разным пушным зверем. В озеро впадает и из него вытекает множество рек: Макензи, Атабаска и другие. На его берегах компания выстроила несколько фортов важного значения и между ними: форт Провиденс — на севере и форт Резольюшен — на юге. Что касается форта Релайанс, то он был основан у северо-восточной оконечности озера, милях в трехстах от начала длинного и узкого залива Честерфильд, образуемого водами Гудзонова залива.

Невольничье озеро все усеяно возвышающимися на сто — двести футов над его поверхностью остров-

ками, на которых часто попадаются обнаженные пласты гранита и гнейса. К его северному холмистому берегу вплотную подступают густые леса, граничащие другим своим краем с бесплодным и оледенелым пространством, получившим — и не без причины — название «Проклятой Земли». Зато область, расположенная к югу от озера, почва которой состоит главным образом из известняков, — совершенно плоская, без единого пригорка или малейшей возвышенности. Здесь проходит рубеж, который никогда не переступают крупные жвачные животные полярных областей Америки — буйволы, или, иначе, бизоны, мясо которых составляет почти единственную пищу канадских охотников и индейцев.

Леса, окаймляющие северный берег озера, великолепны. Так далеко на севере — и вдруг роскошная растительность! Но этому не следует удивляться: ведь Невольничье озеро расположено на широте отнюдь не более высокой, чем широта Стокгольма в Швеции или Христиании в Норвегии. Правда, нельзя не отметить, что линии изотерм, показывающие распространение равных температур, вовсе не соответствуют земным параллелям и что на одной и той же широте климат в Америке может быть гораздо холоднее, чем в Европе. В апреле улицы Нью-Йорка еще покрыты снегом, а между тем Нью-Йорк лежит почти на той же параллели, что и Азорские острова. Дело в том, что самый характер континента, его положение относительно океанов и даже состав его почвы оказывают существенное влияние на климатические условия.

Итак, в летнее время форт Релайанс утопал в зелени, и после долгой суровой зимы на ней с особенным наслаждением отдыхал глаз. Эти леса, почти целиком состоящие из тополей, сосен и берез, служили источником ценной древесины. На островках озера росли великолепные ивы. Чащи изобиловали всевозможной дичью, не покидавшей этих мест даже в холодное время года. Несколько южнее водились бизоны и лоси, которых успешно преследовали охотники форта, так же как и канадских дикобразов, чье мясо превосходно на вкус. В водах Невольничьего озера

ловилося множество всякой рыбы. Форели достигали здесь невероятных размеров, и вес их часто превышал шестьдесят фунтов. Шуки, прожорливые налимы, особый вид хариуса, называемый англичанами «голубым», неисчислимые полчища «титтамегов» — по терминологии натуралистов «белых коррегу» — целыми косяками плавали в озере. Итак, для обитателей форта Релайанс вопрос питания разрешался легко: сама природа удовлетворяла все их потребности, и раз их одежда зимою была так же тепла, как одежда лисиц, кунниц, медведей и прочих пушных зверей, то бояться сурового климата им было нечего.

Самый форт состоял из одного лишь деревянного двухэтажного дома, в котором жили командир гарнизона и офицеры. Вокруг этого дома в стройном порядке разместились помещения для солдат, склады компании и конторы, где происходил обмен товаров. Маленькая часовня — ей недоставало только священника — и пороховой погреб дополняли ансамбль построек. Все это было обнесено частоколом в двадцать футов вышиной, составлявшим внушительный параллелограм, в углах которого возвышались остроконечные крыши четырех охраняющих форт небольших бастioned. Таким образом, форт Релайанс был достаточно защищен на случай неожиданного нападения. Эта предосторожность была необходима в свое время, когда индейцы не только не были поставщиками компании, но, напротив того, даже вели с ней борьбу за независимость своего края; не лишней была она и по отношению к агентам и солдатам конкурирующих обществ, оспаривавших друг у друга исключительное право на владение и эксплуатацию этой богатейшей страны мехов.

Компания Гудзонова залива насчитывала тогда на всей своей территории около тысячи человек персонала. Ее власть над подчиненными ей служащими и солдатами была неограниченна и простиралась вплоть до права на их жизнь и смерть. Начальники факторий могли по своему усмотрению устанавливать размер жалования, цены на продовольствие и на меха. Благодаря такой абсолютно бесконтрольной системе полу-

чаемая ими прибыль нередко достигала трехсот процентов.

Следующая таблица, заимствованная из «Путешествия капитана Роберта Лэйда», покажет читателю, на каких условиях производился некогда меновой торг с индейцами, позднее превратившимися в основных и лучших охотников компании. Платежной единицей в те времена служила бобровая шкура.

Индейцы платили:

За ружье	10 шкур бобра
» полфунта пороха	1 шкуру »
» четыре фунта свинца	1 » »
» топор	1 » »
» шесть ножей	1 » »
» фунт стеклянных изделий	1 » »
» платье с галуном	6 шкур »
» платье без галуна	5 » »
» женскую одежду с галуном	6 » »
» фунт табаку	1 шкуру »
» пороховницу	1 » »
» гребень и зеркало	2 шкуры »

Но с некоторых пор бобровая шкура сделалась такой редкостью, что уже не могла служить денежной единицей; ее заменила шкура бизона, являвшаяся ко времени нашего повествования основой всех меновых операций. Когда в форт приходил какой-нибудь индеец, агенты компании давали ему столько деревянных бироков, сколько тот приносил бизоньих шкур, и он тут же обменивал их на промышленные товары. При подобной системе, к тому же самопроизвольно назначая цены на покупаемые и продаваемые ею предметы, компания, естественно, должна была получать и действительно получала громадные доходы.

Таков был порядок, установившийся во всех факториях, а следовательно, и в форте Релайанс. Миссис Барнет имела возможность изучить его во время своего пребывания в форте, длившегося до 16 апреля. Путешественница и лейтенант Гобсон часто беседовали между собой и, твердо решив не отступать ни перед какими препятствиями, строили грандиозные планы. Что касается Томаса Блэка, то он вступал в разговор, только когда речь заходила о его ответственной

миссии. Сияющая корона и красноватые протуберанцы вокруг луны составляли его страсть. Видно было, что он решил посвятить свою жизнь разгадке их происхождения, и, слушая его, миссис Барнет мало-помалу сама живо заинтересовалась этим сугубо научным вопросом. Ах! как им обоим хотелось скорее перейти границу Полярного круга и каким отдаленным казалось 18 июля 1860 года нетерпеливому астроному!

Приготовления к отъезду не могли начаться раньше середины марта, и целый месяц прошел прежде, чем они закончились. Снаряжать экспедицию в полярные страны — трудное и долгое дело! Надо брать с собою все: провиант, одежду, угварь, инструменты, оружие, боевые припасы.

Отряд, возглавляемый лейтенантом Джаспером Гобсоном, состоял из одного офицера, двух унтер-офицеров и десяти солдат; из этих военных трое были люди женатые, и их жены отправлялись вместе с ними. Вот список лиц, которых выбрал капитан Крэвенти из числа наиболее энергичных и бесстрашных:

1. Лейтенант Джаспер Гобсон	12 Хоуп, солдат
2. Сержант Лонг	13. Келлет »
3. Капрал Джолиф	Сверх перечисленных:
4. Петерсен, солдат	Миссис Рэй
5. Бельчер »	Миссис Джолиф
6. Рэй »	Миссис Мак-Нап и
7. Марбр »	трое приезжих:
8. Гарри »	Миссис Полина Барнет
9. Понд »	Мэдж
10. Мак-Нап »	Томас Блэк
11. Сэббн »	

Всего девятнадцать человек, которым предстояло проделать несколько сот миль по пустынной и малоисследованной территории.

Агенты компании доставили в форт Релайанс все необходимое для экспедиции. Подготовлено было двенадцать саней с собачьими упряжками. Эти сани, самого примитивного устройства, представляли собой платформу из нескольких легких досок, прочно скрепленных между собой поперечными железными полосами. Их закругленный передок, сделанный из одного куска дерева с полозьями, загибался кверху, как носок

у коньков, благодаря чему сани, не зарываясь глубоко, легко разрезали снег. Движущей силой — разумной и быстрой — служили шесть собак, запряженных парно; погоняемые длинным бичом проводника, эти собаки способны делать до пятнадцати миль в час.

Путешественники были одеты в подбитые густым мехом олени дохи. Для защиты от простуды при резких колебаниях температуры, столь частых в этих северных широтах, на всех было шерстяное белье. Каждый — будь то офицер или солдат, мужчина или женщина — был обут в тюленьи, сшитые жилами сапоги, с неподражаемым искусством изготавливаемые индейцами. Эти сапоги совершенно непромокаемы и вследствие своей упругости очень удобны при ходьбе. К их подошвам можно прикреплять короткие лыжи, сделанные из сосны, которые не прогибаются под тяжестью человека даже на самом рыхлом снегу и позволяют передвигаться с такой же скоростью, с какой скользят по льду конькобежцы. Меховые шапки и замшевые кушаки дополняли наряд путешественников.

Что касается оружия, то компания снабдила отряд лейтенанта Гобсона полагающимися по уставу карабинами и достаточным количеством боевых припасов; кроме того, в его распоряжении были пистолеты и несколько сабель казенного образца. Из инструментов он взял все, что требуется для плотничьих работ: топоры, пилы, рубанки и прочее; из утвари — все необходимое для обзаведения в условиях фактории крайнего севера, в том числе печь, кузнечный горн, два воздушных насоса для вентиляции и особую лодку — род резинового челнока, — которую надувают в случае надобности.

Что касается довольствия, то тут уже целиком полагались на солдат отряда. Некоторые из них были хорошие охотники, а недостатка в олених не могло быть в этой полярной стране. Целые племена индейцев и эскимосов, почти совершенно лишенные хлеба и других продуктов питания, кормятся исключительно оленим мясом, которого здесь вдоволь и которое к тому же очень вкусно. Тем не менее в предвидении неизбежных задержек и всякого рода затруднений кое-какие припасы все же пришлось захватить. Они состояли

главным образом из мяса бизонов, лосей и ланей, убитых во время продолжительных облав на юге от озера, из «корнбифа», годного к хранению на очень длительные сроки, а также из мясного порошка, приготовленного по способу индейцев. Способ этот заключается в том, что мясо толкут до тех пор, пока оно не превратится в тончайший порошок, который, занимая минимум места, сохраняет в то же время все питательные свойства мяса. Этот мясной порошок не нужно даже варить — он и в натуральном виде представляет собой весьма полезную пищу.

Что касается напитков, то лейтенант Гобсон распорядился взять несколько бочонков брэнди и виски, предполагая, однако, расходовать алкоголь как можно экономнее, так как в северных широтах употребление спиртного очень вредно для здоровья человека. Зато компания наряду с походной аптечкой предоставила в его распоряжение значительное количество лимонного сока, свежих лимонов и различных овощей, необходимых для борьбы с цынгой и для предотвращения этого столь страшного на дальнем севере заболевания. Само собой разумеется, что все участники экспедиции подверглись строгому отбору; допущены были только сильные люди, не слишком полные и не слишком худые, привыкшие за многие годы к суровому местному климату и потому легче других способные переносить трудности путешествия к берегам Ледовитого океана. К тому же все это были люди упорные, смелые, неустрашимые, по собственной охоте вызвавшиеся участвовать в экспедиции. Всем им на время их пребывания у границ американского континента, — если только им удастся обосноваться за семидесятой параллелью, — был назначен двойной оклад.

Для миссис Барнет и ее верной Мэдж были изготовлены особые сани, несколько более комфортабельные. Отважная женщина ни за что не хотела пользоваться какими бы то ни было преимуществами по сравнению со своими спутниками, но ей пришлось уступить настояниям капитана, который, впрочем, выражал в данном случае лишь волю компании. И миссис Барнет вынуждена была подчиниться.

Что касается Томаса Блэка, то те же сани, на которых он прибыл в форт Релайанс, должны были доставить ученого вместе с его скромным багажом к конечной цели путешествия. Весьма немногочисленные инструменты астронома — подзорная труба для наблюдения за луной, секстан и хронометр для определения широты и долготы, несколько карт, две-три книги — все это легко уместилось в санях, и Томас Блэк твердо надеялся, что собаки не вывалят его среди дороги.

Понятно, не была забыта и пища для многочисленных упряжек. Всего собак было семьдесят две — целая свора, которую надо было кормить в пути; и забота об их пропитании была возложена на охотников отряда. Эти собаки, умные и выносливые, были куплены у индейцев-чиппевеев, которые умело приучают их к тяжелому труду.

Лейтенант Джаспер Гобсон быстро и уверенно снаряжал свой маленький отряд. Рвение, с каким он отдавался своим обязанностям, было выше всяких похвал. Гордый возложенным на него поручением, увлеченный своим делом, он входил во все подробности, желая надежно обеспечить успех предприятия. Капрал Джолиф, и без того вечно озабоченный, теперь просто разрывался на части, хотя и без особого толку; зато его жена, как и следовало ожидать, была весьма полезна для экспедиции. Миссис Барнет сильно привязалась к этой рассудительной и расторопной женщине — светловолосой уроженке Канады с большими ласковыми глазами.

Разумеется, капитан Крэвенти приложил все усилия, чтобы оправдать доверие компании. Из инструкций, которые он получил от ее высших должностных лиц, явствовало, какое громадное значение придается благоприятному исходу экспедиции и основанию новой фактории севернее семидесятой параллели. Можно было с уверенностью сказать, что для достижения этой цели сделано все доступное человеческим силам. Вопрос был только в том, не поставит ли сама природа неодолимых препятствий на пути отважного лейтенанта. Но этого не мог знать никто!

ГЛАВА ПЯТАЯ

От форта Релейанс до форта Энтерпрайз

Наконец, наступили первые весенние дни. На холмах местами стоял снег и кое-где зазеленела прошлогодняя трава. Лебеди, тетерева, орлы с лысой головой и другие перелетные птицы, возвращаясь с юга, уже показались в потеплевших небесах. На молодых ветвях тополей, ив и берез начали набухать почки. К болотцам, образовавшимся там и сям от таяния снегов, слетались красноголовые утки разных пород, которых так много водится на севере Америки. Чистики, топорки и гагары устремились на север в поисках более прохладных мест. Землеройки — крошечные мыши величиной с орех — уже отваживались вылезать из своих норок, оставляя на земле прихотливые узоры, нарисованные кончиками коротких остреньких хвостов. Какое наслаждение было вдыхать пьянящий воздух, впитывать в себя живительные лучи весеннего солнца! Природа пробуждалась от долгого сна после бесконечной зимы и, пробуждаясь, улыбалась. Быть может, нигде на земле не бывает так ощутимо это возрождение, как в северных краях!

Однако настоящее таяние снегов еще не наступило. Днем термометр Фаренгейта показывал сорок один градус выше нуля ($+5^{\circ}$ по Цельсию), но по ночам еще держалась низкая температура, и на равнинах сохранялся крепкий снежный наст; этим обстоятельством, благоприятным для езды на санях, и хотел воспользоваться Джаспер Гобсон прежде, чем наступит полная оттепель.

Лед на озере еще оставался не тронутым. За истекший месяц охотники форта сделали несколько удачных вылазок за дичью, которая уже начала появляться на бескрайних, покрытых сплошной снежной пеленой равнинах. Миссис Барнет не могла надивиться умению охотников пользоваться лыжами. Обутые в эти «снеговые башмаки», они носились с быстротой лошади, пущенной в галоп. По совету капитана Крэвенти путешественница стала упражняться в ходьбе на лыжах,

и скоро сама научилась довольно ловко скользить по снегу.

Последние дни в форт толпами стекались индейцы, чтобы обменять на разные промышленные изделия добытые ими за зиму меха. Год был несчастливый. Шкур было мало; правда, добыча куньих мехов достигла довольно больших размеров, но бобры, выдры, рыси, горностаи и лисицы были редкостью. Компания поступала разумно, перенося свою деятельность в новые, более северные места, пока еще не подвергшиеся хищничеству человека.

Утром 16 апреля лейтенант Джаспер Гобсон со своим маленьким отрядом был готов к отъезду. Маршрут по знакомой области между Невольничьим озером и Большим Медвежьим, расположенным уже за Полярным кругом, был намечен заранее. Прежде всего Джаспер Гобсон должен был достичь форта у северной оконечности Большого Медвежьего озера. Следующей остановкой для пополнения запасов отряда назначен был форт Энтерпрайз, построенный в двухстах милях далее к северо-западу, на берегу маленького озера Снэр. Делая по пятнадцати миль в день, Джаспер Гобсон рассчитывал быть там в первых числах мая.

Оттуда отряду предстояло кратчайшим путем добраться до американского побережья и затем двигаться в направлении мыса Батерст. Было условлено, что ровно через год капитан Крэвенти отправит к этому мысу караван с провизией и снаряжением, а лейтенант выйдет навстречу несколько человек, которые проводят караван к тому месту, где будет заложен новый форт. Таким образом, будущность фактории была гарантирована от всяких досадных случайностей, а лейтенанту и его спутникам — этим добровольным изгнанникам — обеспечивалась хотя бы слабая связь с остальным миром.

Рано утром 16 апреля запряженные собаками сани уже стояли наготове у ворот форта, ожидая только своих седоков. Капитан Крэвенти собрал отъезжавших и сказал им в напутствие несколько прочувствованных слов. Больше всего он рекомендовал им сохранять

постоянную и тесную сплоченность, столь необходимую среди тех опасностей, с которыми им предстояло встретиться. Беспрекословное повиновение начальникам, — внушал он, — является важным условием успеха этого предприятия, требующего самоотвержения и преданности делу. Громкие крики «ура» были ответом на его речь. Наскоро попрощавшись с остающимися, все разместились в заранее намеченных для них санях. В голове отряда ехали Джаспер Гобсон и сержант Лонг. За ними — миссис Полина Барнет и Мэдж, которая, как заправский погонщик, размахивала длинным эскимосским кнутом с пучком сушеных жил на конце. В третьих санях сидел Томас Блэк и один из солдат, канадец Петерсен. Далее следовало несколько саней, в которых помещались солдаты и женщины. Замыкал поезд капрал Джолиф со своей супругой. По распоряжению Джаспера Гобсона все должны были по возможности держаться своего места и не нарушать положенного между санями расстояния. При той скорости, с какой они ехали, всякий беспорядок мог привести к столкновению саней и повлечь за собой весьма серьезные последствия.

Покинув форт Релайанс, Джаспер Гобсон двинулся прямо на северо-запад. В первый же день пути надо было пересечь широкую реку, соединявшую Невольничье озеро с озером Уолмсли. Но эта река, еще скованная толстым слоем льда, ничем не отличалась от окружавшей ее необозримой равнины. Сплошной снежный ковер покрывал всю окружающую местность, и сани, подхваченные резвыми собаками, с необыкновенной скоростью летели по снежному насту.

Погода стояла прекрасная, но было еще очень холодно. Солнце, едва поднявшись над горизонтом, описывало в небе длинную, низкую дугу. Его лучи, отраженные ослепительно белым снегом, давали больше света, чем тепла. К счастью, ни малейшее дуновение не возмущало воздух, и благодаря этому легче было переносить мороз. Однако при быстром движении холодный ветер больно резал лицо тем спутникам лейтенанта Гобсона, которые еще не приспособились к полярному климату.

— Пока все идет как нельзя лучше, — говорил Джаспер Гобсон сержанту, неподвижно сидевшему рядом с ним с таким видом, словно он в любой момент был готов взять на караул. — Путешествие началось хорошо. Небо нам благоприятствует, температура вполне приемлемая, собаки мчатся, как экспресс, и если такая погода удержится, то этот перегон мы совершим без помех. А что вы об этом думаете, сержант Лонг?

— То же, что и вы, лейтенант Гобсон, — ответил сержант, который всегда был одного мнения со своим начальником.

— И вы, сержант, как и я, готовы идти до самых берегов Ледовитого океана для пользы нашей разведки? — продолжал Джаспер Гобсон.

— Мне достаточно вашего приказа, лейтенант, и я подчинюсь.

— Я это знаю, сержант, — ответил Джаспер Гобсон. — Я знаю, что вам достаточно распоряжения, чтобы вы его исполнили. Вот если бы все наши люди, подобно вам, исполнились важностью порученного нам дела и душой и телом прониклись бы интересами компании! Ах, сержант Лонг, я уверен, прикажи я вам сделать даже что-нибудь невыполнимое...

— Невыполнимых приказаний не бывает.

— Как! А если я прикажу вам отправиться на Северный полюс?

— Я пойду, лейтенант.

— Да, но надо будет и возвратиться! — добавил, улыбаясь, Джаспер Гобсон.

— Я возвращусь, — просто ответил сержант Лонг.

Пока между лейтенантом Гобсоном и сержантом шла эта беседа, миссис Барнет и Мэдж тоже время от времени обменивались несколькими словами, пользуясь для этого каждым случаем, когда какой-нибудь крутой подъем немного замедлял бег саней. Отважные женщины, надвинув на самые глаза теплые капоры из выдры, по пояс укрывшись плотной шкурой белого медведя, с изумлением глядели на неприветливую природу севера и на бледные очертания вырисовывавшихся на горизонте ледяных гор. Холмы, возвышавшиеся на северном берегу Невольничьего озера, на вершинах

которых торчали искривленные остовы деревьев, остались уже далеко позади. Во все стороны, насколько хватал глаз, простиралась совершенно однообразная равнина. Несколько птиц оживляли своим полетом и пением застывшее в безмолвии пространство. Иногда пролетали стаи направлявшихся на север лебедей, белое оперенье которых сливалось с белизной снегов. Заметить их можно было, только когда они появлялись на фоне сероватого неба. На земле же их не различил бы даже самый зоркий глаз.

— Какая удивительная страна! — говорила миссис Барнет. — Какая разница между этим полярным краем и вечнозелеными равнинами Австралии! Помнишь, милая Мэдж, как нас мучила жара на берегу залива Карпентария? Помнишь это неумолимо палящее небо, без единой тучки, без облачка?

— Нет, дочка, — отвечала Мэдж, — я не умею вспоминать. Ты хранишь в памяти пережитое, а я все забываю.

— Как, Мэдж! — воскликнула миссис Барнет. — Ты позабыла, что такое тропический зной Индии или Австралии? У тебя не осталось воспоминания о муках, которые мы испытали в пустыне, когда у нас не было ни глотка воды, когда солнце жгло чуть ли не до самых костей и даже ночь не приносила облегчение страданиям?

— Нет, Полина, нет! — отвечала Мэдж, плотнее закутываясь в меха. — Ничего не помню. Посуди сама, как мне помнить обо всех этих мучениях? О каком-то там зное, о муках жажды, — да к тому же помнить об этом в то время, когда кругом нас сплошной лед и мне достаточно опустить руки за край саней, чтоб набрать полные пригоршни снега! Мы тут дрогнем под медвежьими шкурами, а ты толкуешь про какую-то жару! Вспоминаешь палящие лучи, когда здесь апрельское солнце не в состоянии растопить даже сосульки у нас под носом! Нет, дочка, и не думай убедить меня, что где-то существует тепло, не уверяй, будто я когда-то жаловалась, что мне слишком жарко, — я все равно не поверю!

Миссис Барнет не могла удержаться от улыбки.

— Видно, ты сильно промерзла, бедняжка Мэдж? — проговорила она.

— Конечно, дочка, промерзла, но не скажу, чтоб эта температура мне не нравилась. Напротив. Такой климат, должно быть, очень полезен, и я не сомневаюсь, что буду прекрасно себя чувствовать в этой части Америки! Положительно, это превосходная страна!

— Да, Мэдж, страна восхитительная, и мы еще ничего не видели из тех чудес, которые в ней таятся! Но дай нам только добраться до берегов Ледовитого океана, дай наступить зиме с ее горами льда, с ее снежной шубой, полярными бурями, северным сиянием, с россыпью ярких звезд, с долгой шестимесячной ночью, и тогда ты поймешь, как разнообразно повсюду и всегда творение создателя!

Так говорила миссис Барнет, увлеченная своим живым воображением. Глушь, суровый климат — все ей было нипочем: она не желала замечать ничего, кроме удивительных явлений природы. Инстинкт путешественницы был в ней сильнее разума. В этом студенном краю она видела только его поэтическую сторону, его грозную красоту, овеянную легендами, увековеченную сагами, воспетую бардами оссиановых времен. Но более положительная Мэдж не закрывала глаза ни на опасности путешествия к далеким областям Арктики, ни на лишения, ожидающие их во время зимовки меньше чем в тридцати градусах от Северного полюса.

Сколько сильных выносливых людей уже погибло здесь, не выдержав усталости, лишений, моральных и физических мук, свирепого мороза! Правда, отряду лейтенанта Джаспера Гобсона не предстояло проникнуть в самые высокие широты. Он не должен был непременно достичь полюса, по примеру всех этих Парри, Россов, Мак-Клюров, Кинов, Мортонов. Но дело в том, что за пределами Полярного круга опасности не возрастают пропорционально высоте широт — они повсюду более или менее одинаковы. Да, Джаспер Гобсон не предполагал забираться выше семидесятой параллели! Все это так. Однако нельзя забывать, что Франклин и его несчастные спутники погибли от холода и голода, не

переступив даже шестьдесят восьмого градуса северной широты!

В санях, занимаемых мистером и миссис Джолиф, велась тем временем совсем иная беседа. Возможно, капрал во время проводов хватил лишнего, ибо происходило невероятное: он вел спор со своей маленькой женошкой. Да! Он ей противился, что случалось с ним лишь при самых исключительных обстоятельствах.

— Да нет же, миссис Джолиф, — твердил он, — не бойтесь! Бояться совершенно нечего! Управлять санями ничуть не труднее, чем колясочкой, в которую впряжен пони, и будь я проклят, если я не справлюсь с какой-то собачьей упряжкой!

— Я не сомневаюсь в твоей ловкости, — отвечала миссис Джолиф. — Я прошу тебя только умерить свой пыл. Смотри! Ты уже опередил всех, и — слышишь — лейтенант Гобсон кричит, чтобы ты вернулся на свое место в хвосте отряда!

— Пусть его кричит, миссис Джолиф, — пусть кричит!

И, вновь хлестнув собак бичом, капрал еще надал ходу.

— Осторожней, Джолиф! — останавливала его жена. — Не так быстро, тут же спуск!

— Спуск! — отвечал капрал. — Вы это называете спуском, миссис Джолиф? Да тут, наоборот, подъем!

— Говорю тебе — спуск!

— А я говорю — подъем! Смотрите! Вон как собаки тянут!

Но сколько он ни уверял, будто собаки тянут, они не тянули вовсе. Напротив, тут был спуск, и очень заметный. Сани летели с головокружительной быстротой и уже сильно вынеслись вперед. Мистера и миссис Джолиф то и дело встряхивало. Толчки, происходившие от неровностей снежного покрова, все учащались. Супругов кидало то вправо, то влево, ударяло друг о друга и подбрасывало ужасающим образом. Но капрал ничего не желал слушать — ни увещаний жены, ни криков лейтенанта Гобсона. Тот, понимая, как опасна такая бешеная езда, тоже погнал свою упряжку в надежде

перехватить неосторожных, — а за ним и весь поезд пустился вскачь.

Капрал между тем знай себе мчался! Он упивался сумасшедшей скачкой — жестикулировал, кричал, размахивал своим длинным бичом, словно заправский погонщик собак.

— Замечательная штука этот бич! — восклицал он. — И здорово же эти эскимосы им владеют — как никто!

— Но ведь ты-то не эскимос! — кричала его жена, пытаясь, но тщетно, схватить за руку своего неосторожного возницу.

— Говорят, — продолжал свое капрал, — говорят, будто эскимосы умеют стегнуть любую собаку по какому им месту вздумается. И что будто они даже могут оторвать кусочек собачьего уха концом этой твердой жилы. А ну-ка, попробуем...

— Не пробуй, Джолиф, не пробуй! — вскричала его испуганная до последней степени жена.

— Да не бойтесь же, миссис Джолиф, не бойтесь! Я свое дело знаю! Вот как раз пятая справа чего-то там пошаливает. Сейчас я ее проучу!..

Но, видимо, капрал еще не совсем был «эскимосом» и не достаточно освоился с употреблением бича, ремень которого достает на четыре фута дальше первой пары собак, — ибо этот бич, со свистом развернувшись во всю длину, обратным взмахом нечаянно обвился вокруг головы самого почтенного Джолифа и сорвал с него меховую шапку. Шапка взлетела высоко вверх, и, если б не этот плотный головной убор, капрал, вне всякого сомнения, оторвал бы кончик собственного уха.

В тот же миг собаки шарахнулись в сторону, сани опрокинулись и чету Джолифов выбросило в снег. К счастью, снег был мягкий, и супруги не ушиблись. Но какой конфуз для капрала! Как уничижающе глянула на него его жена! И каких только упреков не выслушал он от лейтенанта Гобсона!

Сани были подняты, но было решено, что бразды правления не только по части хозяйства, но и по части собачьей упряжки по праву перейдут отныне в руки миссис Джолиф. Пристыженный капрал должен был

подчиниться, и отряд после этой небольшой задержки двинулся дальше.

Следующие пятнадцать дней прошли без особых приключений. Погода все время благоприятствовала путешественникам, температура была сносная, и 1 мая отряд прибыл в форт Энтерпрайз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Битва «вапиги»

Со дня выезда из форта Релайанс экспедиция покрывала расстояние в двести миль. Собаки бежали дружно, и путешественники, пользуясь продолжительными сумерками, не выходили из саней день и ночь, так что, когда, наконец, показалось озеро Снэр, на берегу которого стоял форт Энтерпрайз, они буквально валились с ног от усталости.

Этот форт, всего несколько лет назад основанный Компанией Гудзонова залива, представлял собою в сущности лишь пост малого значения, служивший складом съестных припасов. Тут, по пути от Большого Медвежьего озера, расположенного милях в трехстах к северо-западу, всегда останавливались отряды, сопровождавшие обозы с мехами. Гарнизон форта насчитывал всего двенадцать солдат, самый форт состоял из одного деревянного дома, окруженного частоколом. Как ни мало комфортабельно было это жилище, но спутники лейтенанта Гобсона с радостью воспользовались его кровом и два дня отдыхали после первого длительного перегона.

Скромная полярная весна уже и здесь давала себя чувствовать. Снег мало-помалу стаивал и больше не подмерзал к утру, так как и по ночам не бывало сильных морозов. Кое-где зазеленели тощий мох и редкая трава; мелкие бледные цветочки поднимали между камнями свои влажные венчики. Эти проявления жизни, полупробудившейся после долгой зимы, ласкали утомленный белизной снега взор, и глаз с восторгом

останавливался на редких представителях скупой арктической флоры.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон воспользовались досугом, чтобы прогуляться по берегу маленького озера. Оба любили и глубоко чувствовали природу. Они шли рядом, то проваливаясь в рыхлый снег, то перепрыгивая через образовавшиеся из талых вод стремительные ручьи. Озеро Снэр еще было сковано льдом. Ни одна трещина не предвещала его близкого вскрытия. На его прочной поверхности там и сям возвышались разрушавшиеся ледяные глыбы самых причудливых и живописных очертаний, и лучи солнца, преломляясь в их гранях, окрашивали льдины в различные тона. Казалось, это были куски радуги, которую чья-то могучая рука бросила на землю и разбила вдребезги.

— Как тут красиво, мистер Гобсон! — восклицала миссис Барнет. — Эти краски, как в призме, меняются до бесконечности, чуть переменишь место. Вам не кажется, будто мы склонились над гигантским калейдоскопом? Или эта картина, такая новая для меня, вам уже давно приелась?

— Нет, сударыня, — отвечал лейтенант. — Хоть я и родился на севере и провел здесь все детство и юность, но до сих пор не могу налюбоваться его величественной красотой. Вот вы приходите в восхищение уже сейчас, когда так ярко светит солнце и благодаря этому вид местности совершенно изменился; что же будет, когда вы увидите наш край в разгар жестокой зимы? Признаюсь, сударыня, — это солнце, столь драгоценное в умеренном климате, на мой взгляд только портит наш арктический пейзаж!

— Вот как? — улыбнулась путешественница. — А я все-таки нахожу, что солнце — прекрасный дорожный товарищ, и даже в полярных странах, по-моему, не следует жаловаться на тепло, которое оно дает!

— Э, да что там, сударыня! — ответил Джаспер Гобсон. — Нет, я принадлежу к тем, кто считает, что в Россию надо ехать зимой, а в Сахару летом. Только тогда можно увидеть эти страны в их настоящем виде. Солнце — принадлежность тропических поясов и жарких стран. В тридцати градусах от полюса оно поло-

жительно не у места! Подлинное северное небо — чистое и холодное небо зимы, усеянное звездами и озаренное северным сиянием. Наш край полунощный, а не полуденный, и, верьте слову, сударыня, долгая полярная ночь поберегает для вас множество чудес и очаровательных впечатлений.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — бывали вы когда-нибудь в странах умеренного климата Европы или Америки?

— Да, сударыня, и оценил их по достоинству. Но с тем большим нетерпением и восторгом я каждый раз возвращался в родные края. Я северянин, и нет ничего удивительного, что не боюсь мороза. Меня холод не берет, и я, как эскимос, могу месяцами жить в ледяном доме.

— Мистер Гобсон, — воскликнула путешественница, — вы блестящий адвокат этого страшного врага — мороза! Надеюсь оказаться вполне достойной вас спутницей, и, как бы далеко вы ни пошли сражаться с полярной стужей, я пойду вместе с вами!

— Отлично, сударыня, отлично! Вот, если б все наши спутники — все эти солдаты и женщины — были бы так же отважны! Тогда с божьей помощью мы проникли бы очень далеко!

— Что ж! Начало путешествия вполне удачно, и пока вам не приходится жаловаться. До сих пор — ни одного досадного происшествия, погода благоприятствует санной дороге, температура вполне сносная. Все идет просто на славу.

— Так-то оно так, — ответил лейтенант, — но, сударыня, то самое солнце, которое приводит вас в такой восторг, скоро воздвигнет на нашем пути множество преград и потребует от нас громадной затраты сил.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет.

— Я хочу сказать, что солнечные лучи скоро совершенно изменят и вид и характер местности; талый лед станет только помехой для скольжения саней, дорога сделается неровной и тряской, измученные собаки уже не будут мчать нас с быстротой стрелы, реки и озера растают, и их придется объезжать или перебираться

через них вброд. Все эти перемены, сударыня, которыми мы будем обязаны солнцу, отзовутся для нас лишней усталостью, задержками, всевозможными опасностями, самая малая из которых — крошащийся, проваливающийся под ногами снег и лавины, обрушивающиеся с ледяных гор! Да! Вот во что обойдется нам это солнышко, которое каждый день все выше и выше поднимается над горизонтом! Запомните хорошенько, сударыня! Из четырех элементов древней космогонии нам полезен, нужен, необходим лишь один — воздух. Три остальные — земля, огонь и вода — просто не должны были бы для нас существовать! Они враждебны самой природе полярных стран!..

Лейтенант, конечно, преувеличивал. Миссис Барнет легко опровергла бы его доводы, но ей нравился пыл, с каким он выражал свои мысли. Лейтенант страстно любил край, в который забросили путешественницу превратности ее беспокойной жизни, и эта его любовь служила ручательством, что он не отступит ни перед какими препятствиями.

Однакож Джаспер Гобсон был прав, обвиняя солнце во всех будущих неприятностях. Подтверждение этому последовало три дня спустя, 4 мая, когда отряд вновь двинулся в путь. Термометр даже в самые холодные часы ночи теперь неизменно стоял выше тридцати двух градусов. На обширных равнинах началось бурное таяние. Их белоснежный покров превращался в воду. На неровностях первобытной каменистой почвы сани то и дело подсакивали, и толчки эти передавались путешественникам. Собаки тянули через силу, лишь изредка переходя на бег, и теперь можно было бы без всякой опаски вручить вожжи разудалому Джолифу. Ни его крики, ни подбадривание кнутом не заставили бы измученных псов бежать быстрее.

Случалось, что путешественники, желая облегчить труд собак, часть пути шли пешком. Такой способ передвижения был удобен для охотников отряда, незаметно приблизившегося к более богатым дичью областям Британской Америки. Миссис Барнет и ее верная Мэдж с любопытством следили за охотой, тогда как Томас Блэк, напротив, обнаруживал полнейшее равнодушие

к этому занятию. Не затем приехал он сюда, чтобы гоняться за какими-то норками или горностаями: в этом дальнем краю ему нужно было уловить лишь луну и притом в тот самый миг, когда она закроет своим диском солнце. И чуть только ночное светило выплывало над горизонтом, нетерпеливый астроном так и впивался в него глазами. В таких случаях лейтенант обыкновенно говорил:

— Мистер Блэк, а что, если луна — предположим невероятное! — не явится к вам на свидание восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года? То-то вам будет обидно!

— Мистер Гобсон, — невозмутимо возражал ученый, — если луна позволит себе такое нарушение приличий, я привлеку ее к судебной ответственности!

Лучшими охотниками отряда были Марбр и Сэбин — оба замечательные мастера своего дела. В точности прицела им не было равных, и даже среди самых искусных охотников-индейцев немногие обладали таким метким глазом и такой верной рукой. Они были и звероловы и охотники одновременно. Оба превосходно умели расставлять всякие капканы и западни, с помощью которых ловят куниц и выдр, волков, лис и медведей. Не существовало такой хитрости, которая не была бы им известна. Марбр и Сэбин были люди искусные и сметливые, и капитан Крэвенти поступил мудро, присоединив их к отряду лейтенанта Гобсона.

Однако в пути ни Марбр, ни Сэбин не успевали ставить ловушки. Отлучаться дольше, чем на час или на два, было нельзя, и поневоле приходилось довольствоваться лишь дичью, которую можно было подстрелить из ружья. Все же им посчастливилось убить двух крупных жвачных животных американской фауны, из той породы, которая почти не попадает в этих высоких широтах.

Как-то раз утром — это было 15 мая — оба охотника, лейтенант Гобсон и миссис Барнет отделились от отряда и пошли стороной, несколькими милями восточнее маршрута. Марбр и Сэбин попросили у лейтенанта позволения проследить свежие отпечатки копыт, которые они только что высмотрели, и Джаспер

Гобсон не только разрешил им это, но и сам пожелал сопровождать их вместе с путешественницей.

Несколько больших ланей, повидимому, совсем недавно пробежали здесь. Сомнений быть не могло. Марбр и Сэбин настолько были в этом уверены, что при желании могли бы даже точно определить, к какому виду они принадлежали.

— Вас, кажется, удивляет присутствие здесь этих животных, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет у лейтенанта.

— По правде говоря, да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Такие лани очень редко заходят выше пятьдесят седьмого градуса. Если нам когда и случалось их убивать, то только к югу от Невольничьего озера. Там, в тополевых и ивовых рощах, встречается особый сорт диких роз, которыми эти лани очень любят лакомиться.

— Значит, остается предположить, что жвачные животные, как и пушные звери, бегут от преследования охотников туда, где еще спокойно.

— Другого объяснения их присутствию на высоте шестьдесят пятой параллели я не вижу, — ответил лейтенант, — если только, конечно, наши молодцы не ошиблись в определении природы и происхождения этих следов.

— Нет, лейтенант, — ответил Сэбин, — нет, мы с Марбром не ошиблись. Это следы тех ланей, которых мы, охотники, называем «красными», а индейцы зовут их «вапити».

— Именно так, — вставил Марбр. — Нас, старых звероловов, не проведешь. Да вот, лейтенант! Слышите этот свист?

Джаспер Гобсон, миссис Барнет и их товарищи как раз подошли к подножью небольшого холма; с его склонов уже стоял снег, и по ним легко можно было взобраться. Пока они поспешно поднимались, своеобразный свист, о котором говорил Марбр, стал явственно слышен. Временами к нему примешивался крик, похожий на ослиный, что подтверждало предположение охотников.

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, Марбр и Сэбин, взойдя на вершину холма, окинули взглядом простиравшуюся на восток равнину. На ее неровной поверхности, местами еще заснеженной, кое-где уже проступала зелень, резко выделяясь рядом с ослепительными пятнами снега. Там и сям виднелись обнаженные корявые деревья. На горизонте, на сероватом фоне неба, четко вырисовывались громадные айсберги.

— Вапити! Вапити! Вот они! — разом воскликнули Марбр и Сэбин.

На расстоянии четверти мили действительно виднелась тесная кучка животных, в которых легко было распознать вапити.

— Что это они делают? — спросила путешественница.

— Дерутся, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Это у них такой обычай, когда весеннее солнце разгорячит им кровь. Вот еще одно пагубное следствие влияния вашего лучезарного светила!

С того места, где стояли Джаспер Гобсон, миссис Барнет и их спутники, вапити были хорошо видны. Это были великолепные представители того семейства ланей, которому присвоено столько разных названий: олени круглорogie, олени американские, просто лани, лани красные, лани серые. Эти грациозные существа на высоких точеных ножках были одеты в коричневые шкурки, пестревшие отдельными рыжеватыми волосками, которые в теплое время года становятся особенно яркими. По белым, прекрасно развитым рогам сразу можно было определить, что все это неукротимые самцы, ибо самки ланей совершенно лишены этого украшения. Когда-то вапити водились по всей Северной Америке и главным образом в Соединенных Штатах, где их было очень много; но так как повсюду стали распахивать землю и леса рушились под топором новых поселенцев, вапити пришлось бежать в еще не тронутые области Канады. Но скоро и там их безопасность оказалась под угрозой, и тогда вапити избрали своим местопребыванием побережье Гудзонова залива. Вапити в сущности животные холодного пояса, но, как правильно заметил лейтенант, они почти никогда не

встречаются выше пятьдесят седьмой параллели. Значит, те, которых видели сейчас путешественники, бежали так далеко на север потому, что только в полярной пустыне могли найти покой и спастись от чиппевеев, которые их беспощадно истребляли.

Между тем вапити продолжали ожесточенно драться. Они, должно быть, еще не заметили охотников, присутствие которых, впрочем, вряд ли остановило бы их схватку. Марбр и Сэбин хорошо знали, что во время драки, ослепленные яростью, вапити уже ни на что не обращают внимания и к ним можно подойти совсем близко; поэтому спешить с выстрелом охотники не находили нужным.

Наконец, лейтенант Гобсон спросил, почему же все-таки они так медлят.

— Прошу прощения, лейтенант, — ответил Марбр, — но мы лучше прибережем пули и порох для чего-нибудь другого. Эти и так бьются насмерть, и мы всегда успеем подобрать побежденных.

— Вапити имеют какую-нибудь промысловую ценность? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Их шкуры не так толсты, как у обыкновенных оленей, и из них выделяется очень ценная кожа. Ее натирают их же собственными мозгами и салом, от чего она становится очень мягкой и не боится ни сухости, ни сырости. Индейцы, можно сказать, прямо гоняются за шкурами вапити.

— А их мясо приятно на вкус?

— Нет, сударыня, мясо это неважное, — ответил лейтенант. — Совсем даже неважное. Жесткое и не сочное, а сало застывает и прилипает к зубам, как только снимешь его с огня. Мясо у вапити гораздо хуже, чем у простых ланей, и охотников до него мало. Но, конечно, в голодное время, за неимением лучшего, едят и его, и по питательности оно не уступает всякому другому.

Пока миссис Барнет и Джаспер Гобсон беседовали таким образом, на поле битвы произошла неожиданная перемена. Может быть, вапити уже удовлетворили свою ярость? Или же они заметили охотников и почуяли

близкую опасность? Как бы то ни было, но вдруг все стадо, за исключением двух самых крупных самцов, шарахнулось в сторону и с необыкновенной быстротой умчалось на восток. Через несколько мгновений их и след простыл, и самый быстрый конь не мог бы их догнать.

Но два бесподобных по красоте вапити остались на поле сражения. Опустив головы с ветвистыми рогами, крепко упершись в землю задними копытами, эти равные по силе противники, видимо, собирались биться не на жизнь, а на смерть. Как два борца, которые, раз сойдясь, уже не ослабляют хватки, вапити только переступали передними ногами, но не отпускали друг друга, точно их кто-то сковал между собой.

— С какой яростью они дерутся! — воскликнула миссис Барнет.

— Да, — подхватил Джаспер Гобсон. — Вапити — существа мстительные, и эти двое, надо думать, сводят сейчас какие-то старые счеты!

— Вот бы к ним и подойти, пока они ослеплены злобой, — посоветовала путешественница.

— Время есть, сударыня, — ответил Сэбин. — Они уж от нас не уйдут. Если б мы были даже в трех шагах с ружьем у плеча и уже держали палец на курке, они и то не тронулись бы с места!

— Неужели?

— Он прав, сударыня, — подтвердил Джаспер Гобсон, который, выслушав ответ Сэбина, внимательнее присмотрелся к дерущимся животным. — Не от наших пуль, — сказал он, — так от волчьих зубов они все равно рано или поздно погибнут на этом самом месте.

— Я вас не понимаю, мистер Гобсон, — сказала путешественница.

— А вы подойдите поближе, сударыня, — ответил лейтенант, — и не бойтесь их вспугнуть: они уже не могут никуда убежать, как правильно заметил наш охотник.

Миссис Барнет в сопровождении Сэбина, Марбра и лейтенанта спустилась с холма. Через несколько минут она была уже у самого театра военных действий. Вапити не двинулись. Они продолжали, как два барана,

стукаться лбами, несмотря на то, что давно уже были неразрывно и безнадежно связаны друг с другом.

Дело в том, что в пылу драки вапити так переплетаются рогами, что, только сломав их, могут расцепиться. Такие случаи нередки, и на охотничьих угодьях люди постоянно наталкиваются на их ветвистые придатки, валяющиеся на земле и перевитые между собой. Сцепившиеся таким образом животные скоро умирают с голоду или же становятся легкой добычей хищных зверей.

Две пули прикончили битву вапити. Марбр и Сэбин тут же их освежевали, забрав кожу, выделкой которой надеялись заняться на досуге, а окровавленные туши бросили на съеденье волкам и медведям.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Полярный круг

Экспедиция продолжала двигаться к северо-западу, но усталым собакам все тяжелее было тянуть сани по неровной дороге. Эти мужественные животные, которых в начале путешествия с таким трудом удерживала рука погонщика, теперь уже не порывались быстро бежать. Восемь — десять миль в день — большего нельзя было добиться от переутомленных упряжек. Однако Джаспер Гобсон всячески торопил свой отряд. Он спешил как можно скорей добраться до северных берегов Большого Медвежьего озера, в форт Конфиданс. Там он надеялся получить некоторые необходимые экспедиции сведения. Ему надо было узнать, ходили ли индейцы, постоянно посещающие эти места, на разведку к ближайшей прибрежной полосе Ледовитого океана? И свободен ли от льдов океан в это время года? Все это были важные вопросы, и от того или иного ответа на них зависела судьба новой фактории.

Местность, по которой проходил теперь маленький отряд, была во всех направлениях пересечена ручьями и речками, большей частью притоками двух главных

рек, которые, протекая с юга на север, впадают в Ледовитый океан. На западе течет река Макензи, на востоке — река Коппермайн. Пространство между этими основными водными артериями было все усеяно бесчисленными озерами, озерками и топями. По их подернутой тонким льдом поверхности уже нельзя было отважиться ехать в санях. Поневоле приходилось двигаться в объезд, что намного удлиняло путь. Действительно, зима — самое подходящее для северных стран время года, ибо в эту пору они всего более доступны. Миссис Барнет предстояло еще не раз в этом убедиться.

Вся эта область, входящая в состав Проклятой Земли, была совершенно пустынна, как, впрочем, почти все северные территории американского континента. Подсчитали, что в среднем тут приходится по одному жителю на десять квадратных миль. Кроме индейцев, число которых заметно убавилось, население здесь состоит из нескольких тысяч агентов и солдат, находящихся на службе у разных пушных компаний. Сосредоточено оно главным образом в южных областях и в окрестностях факторий. В продолжение всего пути отряд ни разу не видел человеческого следа. Все следы, сохранившиеся на рыхлом снегу, принадлежали жвачным животным или грызунам. Несколько раз в виду отряда появлялись медведи, которые бывают чрезвычайно опасны, если принадлежат к полярным породам. Все-таки миссис Барнет очень удивлялась, почему эти хищники так редко здесь попадают. Основываясь на рассказах зимовщиков, она думала, что в полярных областях их можно встретить на каждом шагу. Ведь потерпевшим кораблекрушение, а также китоловам в Баффиновом заливе, на Шпицбергене и в Гренландии ежедневно приходится отражать их нападения, а здесь всего только несколько медведей показалось на окружавшем отряд просторе.

— Подождите зимы, сударыня, — отвечал ей лейтенант Гобсон, — подождите, когда наступят холода, а с ними и голод, и к вашим услугам медведей будет сколько угодно.

Двадцать третьего мая, после долгого и утомительного перегона, маленький отряд подошел, наконец,

к Полярному кругу. Как известно, эта параллель, отстоящая от Северного полюса на $23^{\circ}27'57''$, представляет собою математическую границу, которой достигают солнечные лучи, когда сияющее светило описывает крайнюю дугу над противоположным полушарием. Здесь экспедиция вступала уже в собственно арктическую зону.

Эта широта была тщательно определена при помощи точнейших инструментов, которыми астроном Томас Блэк и Джаспер Гобсон владели одинаково искусно. Присутствовавшая при этом миссис Барнет с радостью узнала, что ей удалось достичь Полярного круга: самолюбие путешественницы, впрочем вполне понятное, было удовлетворено.

— В предыдущих ваших странствиях, сударыня, — сказал ей лейтенант, — вы пересекли два тропика, а сегодня стоите на границе Полярного круга. Немногие исследователи отваживались проникать в столь различные пояса! Одни — если можно так выразиться — специализируются на жарких странах, причем Африка и Австралия составляют главное поле их деятельности; так поступают Барт, Бартон, Ливингстон, Спек, Дуглас, Стюарт. Других, напротив, больше привлекают области Арктики, до сих пор почти неизвестные; я имею в виду — Макензи, Франклина, Пэнни, Кэйна, Парри, Рэя, по стопам которых мы сейчас и идем. Миссис же Полину Барнет следует поздравить вдвойне, как путешественницу, так сказать, универсальную.

— Человек должен увидеть или по крайней мере должен стремиться увидеть все, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет. — Лишения и опасности, я думаю, приблизительно везде одинаковы, — в каком бы поясе человек ни очутился. Если в полярных странах не приходится опасаться тропических лихорадок, вредного влияния жаркого климата и свирепости чернокожих племен, то холод — враг отнюдь не менее грозный. Дикие звери встречаются во всех широтах, и вряд ли белые медведи оказывают путешественникам более любезный прием, чем тибетские тигры или африканские львы. Так что опасностей и преград в пределах обоих полярных кругов столько же, сколько и между двумя

тропиками. И тут и там есть области, которые еще долго будут сопротивляться попыткам исследователей проникнуть в них.

— Это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — но у меня есть основания полагать, что арктические области окажут более упорное сопротивление. В тропических странах самым неодолимым препятствием являются туземцы; известно, какое количество путешественников пало жертвой африканских дикарей, но они когда-нибудь подчинятся цивилизующей силе. В областях же Арктики и Антарктики исследователю преграждают путь не туземцы, а сама природа — непроходимые торосы и холод, жестокий холод, парализующий силы человека!

— Следовательно, мистер Гобсон, вы считаете, что жаркий пояс будет исследован раньше и что даже в самые тайники Африки проникнут прежде, чем удастся из конца в конец пройти царство льдов?

— Безусловно, сударыня, — ответил лейтенант, — и мое мнение основано на фактах. Самые смелые первооткрыватели арктических областей — Парри, Пэнни, Франклин, Мак-Клюр, Койн, Мортон — достигли только восемьдесят третьей параллели, не дойдя до полюса целых семи градусов. В то же время отважный Стюарт несколько раз прошел Австралию с юга на север и обратно, а Африку, столь страшную для всякого, кто решится бросить ей вызов, пересек от бухты Лоанго до устья Замбези доктор Ливингстон. Так что можно с полным правом полагать, что экваториальные страны удастся подробно исследовать в географическом отношении раньше, чем полярные территории.

— А как вы думаете, мистер Гобсон, достигнет ли какой-нибудь путешественник самого полюса? — спросила миссис Барнет.

— Вне всякого сомнения, сударыня, — воскликнул Джаспер Гобсон. — Путешественник или путешественница, — добавил он улыбаясь. — Однако мне кажется, что средства, которые до сих пор применялись людьми, пытавшимися достичь этой точки скрещения всех меридианов земного шара, нужно решительно изменить. Говорят, будто некоторые исследователи видели на

крайнем севере открытое море. Но до этого свободного ото льдов моря — если только оно действительно существует — очень трудно добраться, и никто не может с достаточно веским основанием утверждать, что оно простирается до полюса. Я, кстати, считаю, что открытое море скорее затруднило бы, чем облегчило задачу исследователя, и предпочел бы на протяжении всего пути иметь под ногами твердую почву — безразлично, будет ли это камень, или лед. Тогда силами нескольких последовательных экспедиций я создал бы расположенные все ближе и ближе к полюсу склады продовольствия и угля; таким образом, правда с большой затратой времени и средств, — и, может быть, пожертвовав даже людьми для разрешения этой важной научной проблемы, — я все-таки непременно достиг бы этой недосыгаемой точки земного шара.

— Я разделяю ваше стремление, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — и если когда-нибудь вы решитесь осуществить свой замысел, я, не колеблясь, разделю с вами все трудности и опасности, чтобы водружить на Северном полюсе флаг Соединенного королевства! Но в настоящий момент у нас иная цель.

— Да, сейчас это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Однако, если мы выполним поручение компании и на северной границе американского континента воздвигнется новый форт, тем самым будет создан естественный пункт отправления для всякой будущей экспедиции на Север. К тому же мы так усиленно охотимся на пушных зверей, что они бегут от нас к полюсу, и нам волей-неволей придется за ними туда последовать!

— Да, если только не пройдет, наконец, эта разорительная мода на меха, — ответила миссис Барнет.

— Эх, сударыня, — воскликнул лейтенант, — всегда найдется хорошенькая женщина, которой захочется иметь соболью муфту или норковый палантин, и попробуйте-ка не исполнить ее желания!

— Что и говорить, это трудно! — смеясь, ответила путешественница. — И, пожалуй, окажется, что первым до Северного полюса доберется какой-нибудь охотник в погоне за куницей или серебристой лисой!

— Я в этом убежден, сударыня, — сказал Джаспер Гобсон. — Уж такова человеческая натура! Ради наживы человек пойдет куда угодно: нажива — гораздо более сильный и действенный стимул, чем научный интерес!

— Как! И это говорите вы, Джаспер Гобсон!

— Но разве я не агент Компании Гудзонова залива, сударыня, и разве эта компания не рискует своими капиталами и служащими с единственной целью умножить свои доходы?

— Мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — мне кажется, я вас уже достаточно знаю и могу с уверенностью сказать, что вы способны пожертвовать жизнью ради науки. Если из чисто географического интереса понадобилось бы добраться до полюса, я вполне уверена, что вы не колебались бы ни минуты. Впрочем, — добавила она, улыбнувшись, — вопрос о полюсе — вопрос большой, и разрешится он еще очень не скоро. Мы же с вами пока только у Полярного круга и, надеюсь, пересечем его без особых затруднений!

— Не уверен, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, который во время разговора внимательно изучал небо. — Погода за последние дни стала портиться. Смотрите, какой однообразно-серой пеленой затянут горизонт! Вся скопившаяся влага не замедлит обрушиться на нас снегопадом, а если вдобавок поднимется ветер, то нас изрядно потреплет буря. Говоря по правде, хотелось бы мне скорее добраться до Большого Медвежьего озера!

— Тогда, мистер Гобсон, — сказала, вставая, Полина Барнет, — не будем терять времени: давайте сигнал к отъезду.

Торопить лейтенанта не было нужды. Будь он один или в сопровождении таких же энергичных людей, как он сам, Гобсон продолжал бы двигаться вперед, не теряя ни одного дня, ни одной ночи. Но он не мог требовать такой же выносливости от всех, и если на свою собственную усталость он не обращал никакого внимания, то с усталостью других ему приходилось считаться. И в тот день он из предосторожности дал своему маленькому отряду немного передохнуть, но

уже в три часа пополудни прерванное путешествие возобновилось.

Джаспер Гобсон не ошибся, предсказывая близкую перемену погоды. Эта перемена и в самом деле не заставила себя ждать. К вечеру того же дня тучи еще больше сгустились и приобрели зловещий желтоватый оттенок. Лейтенант был сильно встревожен, хотя ничем не обнаруживал своего беспокойства; и в то время как собаки из последних сил тянули его сани, он мирно беседовал с сержантом Лонгом, которого тоже сильно беспокоили признаки надвигающейся бури.

На беду, местность, по которой двигался теперь отряд, была почти совсем непригодна для езды в санях. Неровная, кое-где пересеченная оврагами поверхность, загроможденная то огромными глыбами гранита, то едва подтаявшими громадами льда, чрезвычайно замедляла движение упряжек. Несчастные, до предела измученные собаки едва брели, и бич погонщиков не оказывал на них никакого действия.

Лейтенанту и его спутникам часто приходилось вылезать из саней и помогать загнанным псам, то подталкивая сани сзади, то поддерживая их, чтобы они не перевернулись на неожиданных неровностях почвы. Этот непрерывный труд, понятно, страшно утомлял, но люди терпеливо переносили его. Один только Томас Блэк никогда не покидал своих саней: во-первых, он был слишком погружен в свои мысли, во-вторых, его комплекция препятствовала ему предаваться подобного рода мучительным упражнениям.

Со времени перехода через Полярный круг характер местности, как видит читатель, совершенно изменился. Эти разбросанные повсюду громадные каменные глыбы свидетельствовали о когда-то происшедшей здесь геологической катастрофе. Растительность между тем стала заметно богаче. Уже не только кусты и деревца, но и целые группы деревьев росли на склонах холмов, там, где какой-нибудь выступ заслонял их от пагубного северного ветра. Породы были все те же: сосны, ели да ивы; и то, что они прижились в этой мерзлой земле, доказывало их несомненную жизнеустойчивость; Джаспер Гобсон надеялся, что эти представи-

тели арктической флоры будут сопровождать его до самых берегов Ледовитого океана. Ведь деревья — это бревна, из которых он выстроит свой будущий форт, это дрова, которыми он обогреет его обитателей. Не ему одному — всем его спутникам приходили те же мысли, и всех поражал контраст между этим сравнительно обильным растительностью краем и бесконечными белыми равнинами, простиравшимися между Невольничьим озером и фортом Энтерпрайз.

К ночи плотный желтый туман окутал землю. Поднялся ветер. Вскоре большими хлопьями повалил снег и в несколько минут покрыл землю толстым слоем. В какой-нибудь час снеговой покров достиг фута толщины, но так как он не отвердевал, а тотчас превращался в жидкую грязь, то движение саней еще более затруднилось. Их закругленный кверху передок глубоко зарывался в мягкую массу, останавливавшую сани на каждом шагу.

Около восьми часов вечера ветер задул с удвоенной силой. Косо гонимый снег, который то вдруг прибывало к земле, то вновь поднимало в воздух, крутился теперь сплошным вихрем. Собаки, отбрасываемые порывами ветра, ослепленные вьюгой, насилу передвигали ноги. Отряд в это время проходил по тесному, сжатому с обеих сторон высокими ледяными горами ущелью, в которое с невероятной яростью врывалась буря. Куски льда, оторванные ураганом, лавиной низвергались в проход и делали путь чрезвычайно опасным. Даже самый мелкий из этих обломков льда мог раздавить и сани и сидевших в них людей. При таких условиях ехать дальше было невозможно. Джасперу Гобсону пришлось уступить. Посоветовавшись с сержантом Лонгом, он велел остановиться. Но надо было еще найти укрытие от бушевавшей вокруг метели. Для людей, привыкших к полярным экспедициям, это не составляло труда. Джаспер Гобсон и его товарищи знали, что делать в подобных случаях. Не в первый раз застигала их непогода в нескольких стах милях от фортов компании, в местах, где не было ни эскимосской хижины, ни индейского шалаша, куда они могли бы укрыться.

— К горам! К ледяным горам! — крикнул Джаспер Гобсон.

Его призыв поняли все. Нужно было вырубить в этих оледенелых глыбах так называемые «snow-houses», то есть «снежные дома», или, вернее, просто норы, в которые все забились бы на время бури. Тотчас в хрупкие ледяные пласты вонзились топоры и ломы. Три четверти часа спустя в ледяном массиве был выкопан десяток берлог с узким входом, в каждой из которых могло поместиться по два-три человека. Собак, полагаясь на их смекалку, отпрягли и предоставили самим себе: эти умные животные всегда сумеют найти себе укромный приют под снегом.

К десяти часам все участники экспедиции надежно укрылись в «снежных домах». Разместились по двое или по трое, с кем кому нравилось. Миссис Барнет, Мэдж и лейтенант Гобсон заняли одну ледяную пещеру, в соседней поместился Томас Блэк с сержантом Лонгом. Остальные тоже выбрали себе товарищей по своему желанию. Если эти снежные убежища и не были особенно удобны, зато в них было по-настоящему тепло: недаром индейцы и эскимосы пользуются такими пристанищами даже в самый лютый мороз. Теперь Джаспер Гобсон и его спутники могли спокойно переждать метель, заботясь только о том, чтобы вход в их норы не занесло снегом, который они с этой целью разгребали каждые полчаса. Пока длилась буря, Джаспер Гобсон и его солдаты только раз или два рискнули выглянуть наружу. К счастью, у каждого было при себе достаточно провизии, и все, словно бобры, не страдая ни от голода, ни от холода, легко перенесли это временное затворничество.

В течение сорока восьми часов ураган бушевал со все возрастающей силой. Ветер выл в узком ущелье, срывая на своем пути вершины ледяных гор. По страшному грохоту, двадцать раз повторенному эхом, можно было догадаться, в какой стороне особенно часто происходят обвалы. Джаспер Гобсон не без основания опасался, что вследствие этих обвалов на дороге между горами встанут неодолимые препятствия. К грохоту временами примешивался рев, в

происхождении которого лейтенант не мог ошибиться и не считал нужным скрывать от храброй Полины Барнет, что по ущелью бродят медведи. По счастью, эти свирепые хищники, озабоченные собственным спасением, не открыли убежища путешественников. Ни собаки, ни сани, погребенные под толстым слоем снега, не привлекли их внимания, и медведи ушли, не причинив никому вреда.

Всего ужаснее была ночь с 25 на 26 мая. Сила урагана достигла таких размеров, что можно было опасаться крушения ледяных гор. Слышно было, как эти гигантские массы льда содрогались до самого основания. Страшная смерть была бы делом несчастных, если бы они оказались погребенными под ледяными громадами! Глыбы льда раскалывались с ужасающим треском, и кое-где уже образовались просветы, грозившие близким обвалом. Но этого не произошло. Основной ледяной массив устоял, и к концу ночи — явление нередкое в полярных странах — под влиянием сильного мороза буря внезапно утихла, и с первыми проблесками дня в природе наступила полная тишина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Большое Медвежье озеро

Это была счастливая случайность. Резкого, хотя и не длительного похолодания (в мае месяце такие похолодания бывают даже в умеренном климате) было достаточно, чтобы укрепить толстый слой снега. Дорога исправилась. Джаспер Гобсон снова пустился в путь, а вслед за его санями со всей возможной скоростью понеслись и другие упряжки отряда.

Прежний маршрут был слегка изменен. Вместо того чтобы двигаться прямо на север, экспедиция направилась на запад — если можно так выразиться, вдоль дуги Полярного круга. Лейтенант спешил добраться до форта Конфиданс, построенного у самой оконечности Большого Медвежьего озера. Несколько холодных дней

сильно облегчили его задачу; отряд двигался очень быстро и, не встретив на пути никаких препятствий, 30 мая прибыл в факторию.

Форт Конфиданс и форт Доброй Надежды, основанные на реке Макензи, были самыми северными из всех, какими располагала в те времена Компания Гудзонова залива. Форт Конфиданс, находившийся на северном берегу Большого Медвежьего озера, был очень важен по своему положению: самые воды озера, замерзавшие зимой, свободные летом, служили удобным средством сообщения с фортом Франклина, построенным на южном берегу озера. Помимо постоянного обмена с охотившимися в этих высоких широтах индейцами, обе эти фактории, и главным образом форт Конфиданс, контролировали также берега и воды Большого Медвежьего озера. Это озеро — настоящее «средиземное» море — раскинулось на пространстве нескольких градусов широты и долготы. Его причудливо очерченные берега сближаются на середине, образуя два острых мыса; северная часть озера напоминает собою опрокинутый треугольник. Общий же вид озера походит на распластанную шкуру какого-то большого зверя, у которого не хватает только головы.

Форт Конфиданс построен в конце «правой лапы»; от него до залива Коронации — одного из тех бесчисленных лиманов, которыми так капризно изрезано северное побережье Америки, — менее двухсот миль. Таким образом, форт находится несколько выше Полярного круга, однако все же градусах в трех от семидесятой параллели, за пределами которой Компании Гудзонова залива так важно было основать новую факторию.

По своему устройству форт Конфиданс был точной копией южных факторий. Он состоял из жилого дома для офицеров, помещений для солдат и складов для пушнины; все постройки были деревянные и окружены высоким частоколом. Командовавший фортом капитан находился тогда в отсутствии. Он уехал на восток вместе с партией индейцев и солдат, отправившихся на поиски мест, более богатых пушным зверем. Прошедший сезон не был удачен. Дорогих мехов не хватало.

И только шкурок выдры благодаря соседству озера добыли — как бы в компенсацию — вдоволь; но весь этот запас только что был отослан в центральные фактории Юга, так что в то время склады форта Конфиданс пустовали.

Вместо отсутствовавшего капитана Джаспера Гобсона принял в форте сержант. Этот унтер-офицер по имени Фелтон приходился шурином сержанту Лонгу. Он предоставил всю факторию в распоряжение лейтенанта, который, желая дать своим спутникам хотя бы небольшой отдых, решил провести здесь два-три дня. Так как маленький гарнизон находился в походе, то помещения хватило на всех. Люди и собаки были быстро и удобно размещены. Самую лучшую комнату главного дома отвели, разумеется, миссис Барнет, которая не могла нахвалиться любезностью сержанта Фелтона.

Первым долгом Джаспер Гобсон расспросил Фелтона, не промышляет ли в эту пору какое-нибудь северное индейское племя на берегах Большого Медвежьего озера.

— Да, лейтенант, — ответил Фелтон. — Нам недавно сообщили, что на другом северном выступе озера обнаружена стоянка Индейцев-зайцев.

— В каком расстоянии от форта? — спросил Джаспер Гобсон.

— Милях в тридцати, — ответил сержант. — Вы хотели бы войти с ними в сношения?

— Непременно, — сказал Джаспер Гобсон. — Эти индейцы могут дать мне полезные сведения о территории, граничащей с Ледовитым океаном и оканчивающейся мысом Батерст. Если местность около мыса окажется подходящей, я построю там новую факторию.

— Что ж, лейтенант, — ответил Фелтон, — добраться до стоянки Индейцев-зайцев очень просто.

— Берегом озера?

— Нет, прямо водой. Озеро сейчас свободно от льдов и ветер попутный. Мы предоставим в ваше распоряжение лодку и матроса-рулевого, так что через несколько часов вы будете у стоянки.

— Спасибо, сержант, — сказал Джаспер Гобсон. — Я принимаю ваше предложение, и завтра утром, если позволите...

— Когда вам будет угодно, лейтенант, — ответил сержант Фелтон.

Отъезд был назначен на следующее утро. Узнав о предстоявшей поездке, миссис Барнет попросила разрешения принять в ней участие, и это разрешение, как и следовало ожидать, Джаспер Гобсон дал ей с полной готовностью.

Однако остаток дня тоже надо было на что-то употребить. И вот миссис Барнет, Джаспер Гобсон, несколько солдат, Мэдж, миссис Мак-Нап и миссис Джолиф отправились в сопровождении Фелтона осматривать ближний берег озера. Этот берег не был лишен растительности. Его отлогие склоны, с которых уже сошел снег, поросли хвойными деревьями из породы шотландской сосны. Деревья эти, футов сорока вышиной, доставляли в течение долгих зимних месяцев необходимое для обитателей форта топливо. Их толстые, густо усаженные гибкими ветвями стволы отличались совершенно особой сероватой окраской. Образующие тенистые чащи, эти прямые, одинаковой высоты сосны спускались к самой воде, но при этом группировались так однообразно, что почти не придавали живописности пейзажу. Между перелесками земля была покрыта невысокой беловатой травой, наполнявшей воздух пряным запахом тимьяна. Сержант Фелтон сообщил своим гостям, что эта сильно пахнущая трава носит здесь название «травы-ладана», которое она вполне оправдывает, если бросить ее на горячие уголья.

Отойдя от форта на несколько сот шагов, путешественники очутились у маленькой естественной гавани, окруженной высокими гранитными скалами, защищавшими ее от прибоя. Здесь причаливала флотилия форта Конфиданс, состоявшая, впрочем, из одной рыбацкой лодки, которая и должна была завтра утром доставить Джаспера Гобсона и миссис Барнет к стоянке индейцев. Необозримая даль открывалась с этого места: и лесистые холмы, и извилистые, с мысами и бухточками, берега, и подернутая рябью гладь озера, над которой

еще кое-где вырисовывались подвижные силуэты айсбергов. В южном направлении взгляд упирался в настоящий морской горизонт — явственно закругленную линию между небом и землей, сейчас почти сливавшимися под ослепительными лучами солнца.

Большое водное пространство Медвежьего озера, его заваленные гранитными глыбами и усыпанные крупной галькой берега, заросшие травой пригорки, холмы и возвышавшиеся на них деревья — все говорило о присутствии здесь разнообразной растительной и животной жизни. По озеру с громким кряканьем сновали утки всевозможных пород: гаги, свистуны, чирки, болтливые «старички», которые так и плавают с всегда раскрытым клювом. Сотни быстрых чистиков и тупиков пересекали воздух во всех направлениях. Под деревьями важно расхаживали высокие орланы — вид соколов, фута в два высотой, с пепельно-серым брюшком, синими лапами и клювом и оранжевыми глазами. Гнезда этих пернатых, устроенные из водяных трав на развилинах ветвей, были необыкновенной величины. Охотнику Сэбину удалось убить пару таких громадных орланов, размах крыльев которых равнялся шести футам. Это были великолепные образцы питающихся рыбой перелетных птиц, которых зима гонит к берегам Мексиканского залива, а лето — в самые высокие широты Северной Америки.

Но больше всего заинтересовала наших путников добытая в их присутствии выдра, шкура которой стоила несколько сот рублей. Меха этих редких животных когда-то очень ценились в Китае. Последнее время спрос на них в Небесной империи значительно упал, но на рынках России они попрежнему в большом почете. Там им всегда обеспечен сбыт, и по очень высоким ценам. Русские купцы, промышляющие на границах Нового Корнуоллиса вплоть до берегов Ледовитого океана, без устали охотятся за морской выдрой, которая встречается все реже и реже. Эти животные все дальше и дальше уходят от охотников, и теперь выдру можно встретить только на берегах Камчатки и на островах Берингова архипелага.

— Однако, — добавил сержант Фелтон, сообщивший своим гостям эти сведения, — американской выдрой тоже не следует пренебрегать; та, например, что водится на берегах Большого Медвежьего озера, как-никак, а двести пятьдесят — триста франков за штуку стоит.

Действительно, в водах озера скрывались выдры изумительной красоты. Одну такую выдру ловко подстрелил сам сержант, и, пожалуй, она ни в чем не уступала своим камчатским сородичам. У нее были короткие, с перепончатыми ступнями, лапы, а сама она — от носа до кончика хвоста — была двух с половиной футов длиной, с коричневой, более темной на спине и более светлой на брюхе шкуркой и шелковистым, длинным и блестящим мехом.

— Удачный выстрел! — сказал лейтенант Гобсон, поднося миссис Барнет убитого зверя, чтобы она могла полюбоваться его великолепным мехом.

— Да, мне повезло, мистер Гобсон, — ответил сержант Фелтон. — Если б мы каждый день добывали по шкурке, нам не приходилось бы горевать! Ведь сколько времени потратишь, пока их подстережешь, — так быстро они ныряют и плавают! Выдры охотятся только по ночам и днем очень редко выходят из своих убежищ — древесного дупла или расселины в скале, — так что даже самый опытный охотник не так-то легко их обнаружит.

— Наверно, они тоже мало-помалу исчезают? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил сержант. — И когда их не станет вовсе, доходы компании значительно уменьшатся. За этим мехом гоняются все охотники и особенно наши главные конкуренты — американцы. Вы не встретили во время своего путешествия агентов американских компаний, лейтенант?

— Ни одного, — ответил Джаспер Гобсон. — А разве они заходят в такие высокие широты?

— То и дело, мистер Гобсон, — сказал сержант. — И если эти проныры появились поблизости, так удержи ухо востро!

— Ведь не грабители же они с большой дороги, эти агенты! — заметила миссис Барнет.

— Грабители — не грабители, — ответил сержант, — а соперники очень опасные, и когда дичи мало, охотники оспаривают друг у друга каждого убитого зверя с ружьем в руках. Осмелюсь даже утверждать, что, если дело, задуманное компанией, увенчается успехом и вам удастся основать форт на крайнем севере материка, американцы — черт их побери! — не замедлят последовать вашему примеру.

— Не беда! — ответил лейтенант. — Охотничьи угоды велики, и места под солнцем хватит всем. Наше дело начать! Пока под ногами твердая земля, мы будем идти вперед — и да хранит нас бог!

После трехчасовой прогулки приезжие возвратились в форт Конфиданс. В большой зале их ожидало обильное угощение из рыбы и свежей дичи, и все с удовольствием отдали дань обеду, устроенному сержантом. День закончился продолжительной и приятной беседой, а ночь принесла гостям форта прекрасный сон.

На следующее утро, 31 мая, миссис Барнет и Джаспер Гобсон были на ногах уже с пяти часов. Этот день лейтенант решил посвятить посещению лагеря индейцев, надеясь получить у них нужные ему сведения. Он предложил Томасу Блэку присоединиться к экскурсии. Но астроном предпочел остаться на суше. Он должен был сделать кое-какие астрономические наблюдения и с точностью определить широту и долготу форта Конфиданс. Таким образом, миссис Барнет и Джасперу Гобсону предстояло совершить переезд через озеро в обществе одного только перевозчика — старого матроса Нормана, уже многие годы состоявшего на службе компании.

Оба пассажира в сопровождении сержанта Фелтона явились в маленький порт, где старый Норман уже ждал их в своем суденышке. Это была простая рыбацья лодка — без палубы, шестнадцати футов длиной, оснащенная, как кутер; ею легко мог управлять один человек. Погода стояла хорошая. Дул благоприятствовавший переезду легкий северо-восточный ветер. Сер-

жант Фелтон распрощался со своими гостями, прося извинения, что не сопровождает их сам; но в отсутствие капитана он не имел права оставить факторию. Подняли якорь, лодка вышла из гавани и, идя правым галсом, быстро понеслась по прохладным водам озера.

Действительно, это путешествие было всего только прогулкой, и прогулкой прелестной. Старый матрос, человек, видимо, малоразговорчивый, молча сидел на корме, положив руку на руль. Миссис Барнет и Джаспер Гобсон, расположившись на боковых скамьях, глядели на разворачивавшийся перед ними пейзаж. Лодка пересекала Большое Медвежье озеро по прямой, вдоль его северной стороны, держась милях в трех от берега. С этого расстояния отлично были видны высокие лесистые холмы, постепенно спускавшиеся к западу. С северо-запада к озеру примыкала совершенно плоская равнина, и тут линия горизонта отступала на значительное расстояние. Все это побережье составляло резкий контраст с образующим острый угол берегом, в глубине которого возвышался окруженный зелеными елями форт Конфиданс. Еще можно было различить флаг компании, развевавшийся на верхушке башни. На юге и западе воды озера местами ярко сверкали под косо ударявшими в них лучами солнца; движущиеся айсберги, похожие на груды расплавленного серебра, ослепляли взор; они с такой силой отражали солнечный свет, что глаз не мог выдержать их нестерпимого блеска. От льда, сковывавшего озеро в зимние месяцы, не осталось и следов. Только эти пловучие горы не поддавались таянию и, казалось, противились лучам сияющего светила, которое описывало в течение дня сильно удлиненную дугу, давая земле больше тепла, чем света.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон мирно беседовали, делясь воспоминаниями и обмениваясь впечатлениями от удивительной природы этого края; а между тем лодка, едва колебля спокойные воды, быстро продвигалась вперед.

И в самом деле, отплыв в шесть часов утра, в девять они уже заметно приблизились к той части север-

ного берега, куда держали путь. Стоянка индейцев находилась в северо-западной части Большого Медвежьего озера. Еще не было десяти, когда старый Норман подвел свое суденышко к месту расположения индейского лагеря и бросил якорь у крутого откоса невысокой прибрежной скалы.

Лейтенант и миссис Барнет тотчас же сошли на берег. Навстречу им выбежало несколько индейцев и среди них сильно разукрашенный перьями человек — сам вождь, который обратился к ним с приветствием на малопонятном английском языке.

Индейцы-зайцы, как и Индейцы — медная кожа, Индейцы-бобры и еще некоторые принадлежат к племени чиппевеев и потому мало отличаются друг от друга обычаями и одеждой. К тому же, находясь в постоянных сношениях с факториями, они значительно «британизировались» — в той мере, конечно, в какой это вообще доступно дикарям. Они несут в форты свои охотничьи трофеи и обменивают их на жизненно необходимые предметы, которые за последние годы совершенно перестали вырабатывать сами. Эти индейцы как бы состоят на жаловании компании, от которой во многом зависит их существование, поэтому не удивительно, что они почти уже утратили свои своеобразные черты. Кто хочет видеть туземцев, на которых общение с европейцами не наложило своего отпечатка, тот должен подняться в еще более высокие широты, в те ледяные области, где живут эскимосы. Эскимос и гренландец — вот истинные дети полярных стран.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон направились к стоянке Индейцев-зайцев, расположенной в полу-миле от берега. Там они увидели человек тридцать туземцев — детей, женщин и мужчин, которые промыслили рыбной ловлей и охотой в окрестностях озера. Эти индейцы совсем недавно побывали в северных областях американского континента и могли сообщить Джасперу Гобсону кое-какие — правда, весьма скудные — сведения относительно характера и состояния морского побережья в районе семидесятой параллели. Однако лейтенант с удовлетворением узнал, что

ни один — ни европейский, ни американский — отряд не встретился им в полярном поморье, а также — что Ледовитый океан в это время года свободен от льдов. Что же касается самого мыса Батерст, где Гобсон собирался обосноваться, то Индейцы-зайцы этого мыса не знали. По словам вождя, местность, простиравшаяся от Большого Медвежьего озера в направлении этого мыса, была труднопроходима, сильно пересечена и в данное время малодоступна из-за освободившихся повсюду от льда озер и речушек. Он советовал лейтенанту переправиться к северо-восточной оконечности озера, спуститься по течению реки Коппермайн и оттуда кратчайшим путем добираться до морского берега. И тогда отряду будет уже легче двигаться вдоль побережья Ледовитого океана, и он остановится там, где найдет это для себя подходящим.

Джаспер Гобсон поблагодарил индейского вождя и распрощался с ним, предварительно вручив ему несколько подарков. Затем он вместе с миссис Барнет отправился побродить в окрестностях стоянки: они вернулись к лодке лишь в три часа пополудни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Буря на озере

Старый моряк с нетерпением ожидал возвращения своих пассажиров.

С час назад погода переменилась. Небо неожиданно помрачнело, и вид его не мог не внушать беспокойства человеку, привыкшему прислушиваться к указаниям ветра и туч. Солнце скрылось за густой пеленой тумана, сквозь которую тускло просвечивал его беловатый, лишенный лучей диск. Ветер утих, но слышно было, как на юге озера глухо рокотали волны. Все эти признаки близкой перемены погоды проявились со свойственной высоким широтам внезапностью.

— Едем, лейтенант, едем! — крикнул старый Норман, тревожно вглядываясь в низко нависший над

головой туман. — Едем, не теряя ни минуты. Небо становится грозным.

— Оно и правда уже не то, что было утром, — заметил Джаспер Гобсон. — А мы с вами, миссис Барнет, и не заметили, как изменилась погода!

— Вы опасаетесь бури? — спросила путешественница, обращаясь к Норману.

— Да, сударыня, — ответил старый моряк. — На Медвежьем озере бури не шуточные. Ураганы бывают такие, что и Атлантическому океану впору! Этот невесть откуда взявшийся туман не предвещает ничего хорошего. Впрочем, может быть, шквал и не сейчас налетит, пройдет часа три-четыре, а за это время мы доберемся до форта Конфиданс. Но коли ехать, так ехать, нето лодку разобьет о те вон скалы, что торчат из воды.

Лейтенант не решился вступать с Норманом в спор о вещах, в которых тот знал больше толку, чем он. Переезд через озеро был для старого моряка делом привычным — следовало поэтому положиться на его опыт. Миссис Полина Барнет и Джаспер Гобсон вошли в лодку.

Однако, подняв якорь и уже взявшись за руль, старый Норман (быть может, его сердце сжалось в предчувствии беды) пробормотал себе под нос:

— А не лучше ли нам переждать?

Джаспер Гобсон, от которого не ускользнули эти слова, внимательно посмотрел на сидевшего за рулем старика. Будь лейтенант один, он, не колеблясь, решился бы ехать. Но присутствие миссис Полины Барнет заставляло его быть осторожней. Путешественница угадала причину его нерешимости.

— Не думайте обо мне, мистер Гобсон, — сказала она, — и поступайте так, точно меня здесь нет. Раз уж такой бывалый моряк, как Норман, находит, что нужно ехать, едем не мешкая.

— Что ж! Ехать так ехать! — повторил Норман, убирая якорь. — Пойдем к форту кратчайшим путем!

Лодка отчалила. Но прошел час, а она почти не продвинулась вперед. Порывистый, поминутно менявшийся направление ветер едва надувал бившийся о мачту парус. Туман все сгущался. Лодку довольно сильно

качало, ибо на озере, которое раньше воздуха «чувствовало» надвигающуюся бурю, уже началось волнение. Пассажиры сидели молча, а старый моряк пристально вглядывался своими воспаленными глазами в непроницаемую мглу. Норман, видимо, приготовился ко всему и, ожидая ветра, крепко держал шкот, чтобы тотчас его потравить, если ветер налетит внезапно.

Однако стихии еще не вступили между собой в борьбу, и все обошлось бы, если б лодка плыла хоть немного быстрее. Но прошел уже час, а они и двух миль не отъехали от стоянки индейцев. Вдобавок порывы ветра, налетавшие с суши, словно назло, далеко отбросили лодку, и берег стал едва виден в тумане. Это было весьма досадное обстоятельство, так как если бы ветер продолжал упорно дуть с севера, то, несмотря на все старания Нормана держаться ближе к берегу, легкую лодку, не способную противиться волнам, неминуемо отнесло бы на середину озера.

— Мы почти не движемся, — заметил лейтенант старому моряку.

— Да, мистер Гобсон, не движемся, — ответил матрос. — Ветер никак не хочет установиться, а когда он установится, то, боюсь, будет дуть не в ту сторону, в какую нужно. Тогда, — добавил он, указывая рукой на юг, — мы раньше увидим форт Франклина, чем форт Конфиданс!

— И совершим еще более продолжительную прогулку — вот и все, — пошутила миссис Барнет. — Оно дивное, это ваше Медвежье озеро, — по нему стоит прокатиться с севера на юг! Ведь из форта Франклина люди, надеюсь, возвращаются, — не так ли, Норман?

— Возвращаются, сударыня, когда им удастся до него добраться, — отвечал старый Норман. — Но бури иной раз длятся здесь по пятнадцати дней кряду, и если злая судьба погонит нас к южному берегу, то я не поручусь, что мистер Джаспер Гобсон вернется в форт Конфиданс раньше, чем через месяц!

— О, это дело серьезное! — воскликнул лейтенант. — Такая задержка нарушит все наши планы. Будьте осмотрительны, мой друг, и, если нужно, скорей поворачивайте на север. Миссис Барнет, я думаю, не

испугается перехода в двадцать — двадцать пять миль пешком.

— Я и рад бы вернуться обратно, мистер Гобсон, — ответил Норман, — да это уж мне теперь не удастся. Сами видите: ветер устанавливается с северной стороны. Теперь можно попытаться держать только на северо-восток, и, если ветер не разгуляется, быть может, мы еще доедем благополучно.

Однако около половины пятого появились явственные признаки надвигающейся бури. Что-то пронзительно засвистело в вышине. Ветер, по атмосферическим причинам державшийся верхних слоев воздуха, пока не спускался к поверхности озера, но ждать этого можно было с минуты на минуту. Слышно было, как громко кричали проносившиеся в тумане испуганные птицы. И вдруг туман разорвался. В просвете мелькнули огромные низкие тучи, рваные и косматые, словно клубы черного пара, со страшной быстротой мчавшиеся к югу. Опасения старого моряка оправдались. Ветер дул с севера и скоро должен был достигнуть силы урагана.

— Берегись! — крикнул Норман, натягивая шкот и поворачивая руль так, чтобы судно стало против ветра.

Шквал налетел. Лодка сначала легла на борт, потом выпрямилась и вдруг взлетела на гребень огромного вала. С этой минуты озеро забурило, как море. Его воды были не особенно глубоки, и волны, тяжело ударяясь о дно, с невероятной силой вырывались затем на поверхность.

— На помощь! На помощь! — крикнул старый моряк, пытаясь спустить парус.

Джаспер Гобсон, а затем и миссис Барнет бросились к Норману, пытаясь ему помочь, но все их усилия не привели ни к чему, ибо они были мало знакомы с управлением судна. Между тем фал заело на топе мачты, парус не спускался, а Норман не мог выпустить из рук руля. Лодка каждую минуту могла опрокинуться, и уже несколько валов переклестнуло через борт. Покрытое тучами небо темнело все больше и больше. Хлынул холодный дождь пополам со снегом, и ураган, свирепея, срывал верхушки волн.

— Рубите! Да рубите же! — кричал старый матрос, стараясь перекрычать рев бури.

Джаспер Гобсон, с которого ветром снесло шапку, ослепленный ливнем, схватил нож Нормана и перерезал фал, натянутый, как струна арфы. Но намокший трос заело в отверстиях блоков, и рея осталась висеть на топе мачты.

Тогда Норман решил прекратить бесполезную борьбу и, отдавшись на волю ветра, плыть к югу, — плыть, хотя это был чрезвычайно рискованный маневр, ибо скорость волн превосходила скорость лодки, плыть, хотя ветер неудержимо погнал бы легкое суденышко к южным берегам Большого Медвежьего озера!

Джаспер Гобсон и его отважная спутница сознавали, какая опасность им угрожает. Утлый челн не способен был долго сопротивляться ударам валов. Он или будет разбит, или опрокинется. Жизнь тех, кто в нем находился, была во власти провидения.

Тем не менее ни лейтенант, ни миссис Полина Барнет не поддавались отчаянию. Крепко уцепившись за скамьи, с головы до ног окутываемые холодными волнами, насквозь пронизываемые ледяным ветром, вымокшие под дождем и снегом, они пристально всматривались в окружающий их туман. Земля совершенно исчезла из виду. На расстоянии одного кабельтова от лодки тучи и воды озера сливались в сплошную темную массу. Время от времени взоры путешественников вопросительно обращались на старого Нормана, который, стиснув зубы и судорожно сжимая руль, все еще пытался держать свою лодку круто к ветру.

Но скоро ураган достиг такой силы, что управлять лодкой стало уже невозможно. Ударяясь носом о встречные валы, она неизбежно должна была разлететься в куски. Наружная обшивка уже местами отстала, и когда лодка всей тяжестью низвергалась с гребня волны в пучину, казалось, что больше ей уже не выплыть.

— И все же вперед! вперед! — бормотал старый моряк.

Повернув руль и отпустив шкот, он направил лодку прямо на юг. Парус мгновенно надулся, и суденышко помчалось с головокружительной быстротой. Но громадные валы, более подвижные, чем лодка, бежали еще скорее, и в этом заключалась главная опасность стремительного движения при попутном ветре. Потоки воды то и дело переливались через борт, и лодка уже не могла от них спастись. Она наполнялась, и надо было все время вычерпывать воду, чтобы не пойти ко дну. Чем больше они приближались к середине озера и тем самым дальше удалялись от берегов, тем более бурными становились волны. Ураган бесновался на просторе, не встречая никаких преград — ни холмов, ни полосы леса, как то бывает на суше. Иногда в просветах, или, вернее, разрывах тумана, можно было различить огромные айсберги, которые, словно гигантские поплавки, неслись по волнам, как и лодка, гонимые к югу.

Было половина шестого. Норман и Джаспер Гобсон уже не могли определить ни расстояния, какое они проплыли, ни направления, в каком двигались. Лодка их больше не слушалась, она давно стала игрушкой волн.

В это мгновение в ста футах от кормы поднялся чудовищный вал, увенчанный ярким белым гребнем. Вся водная поверхность перед ним ушла вглубь, образовав зияющую пропасть. Мелкие промежуточные волны, раздавленные ветром, исчезли. В этой кипящей, все более углублявшейся пучине вода казалась черной. Лодку втягивало в эту бездну, и она опускалась все ниже и ниже. Гигантский вал приближался, вбирая в себя все ближние волны. Он уже достигал лодку, грозя раздавить ее. Норман, обернувшись, увидел надвигавшийся вал. Джаспер Гобсон и миссис Барнет тоже глядели на него расширенными от ужаса глазами и ждали, когда он на них обрушится, ибо избежать его они не могли!

И он обрушился с неслыханным грохотом и, разбившись, покрыл собой корму лодки. Страшный толчок потряс судно. Невольный крик вырвался из уст лейте-

нанта и его спутницы, погребенных под этой громадой воды. Им показалось, что лодка идет ко дну.

Однако она все же удержалась на поверхности, хотя и была на три четверти наполнена водой... но старый матрос исчез!

— Норман! — в отчаянии крикнул лейтенант.

Миссис Барнет оглянулась.

Джаспер Гобсон показал ей на опустевшую корму.

— Несчастный, — прошептала путешественница.

И оба вскочили, рискуя быть выброшенными за борт лодки, которую так и швыряло с гребня на гребень. Но они не увидели ничего. Ни крика, ни зова не донеслось до их слуха. Не показалось и тела среди белой пены... Старый моряк нашел свою смерть в волнах.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон опустились на скамьи. Они остались одни и теперь сами должны были заботиться о своем спасении. Но лейтенант и его спутница не умели обращаться с лодкой, тем более при таких отчаянных обстоятельствах, когда с нею не смог бы справиться и опытный моряк. Волны играли суденышком, как щепкой. Натянутый парус мчал его неизвестно куда. Мог ли Джаспер Гобсон остановить этот стремительный бег?

Положение злополучных путешественников, застигнутых бурей на утлом челне, которым они не умели даже управлять, было ужасно.

— Мы пропали! — воскликнул лейтенант.

— Нет, мистер Гобсон, — ответила неустрашимая Полина Барнет. — Постараемся как-нибудь помочь себе, тогда нам поможет и небо!

Только теперь Джаспер Гобсон узнал настоящую цену женщине, с которой его столкнула судьба.

Прежде всего надо было вычерпать из лодки сильно утяжелявшую ее массу воды. Следующий вал наполнил бы ее до краев, и дно могло треснуть. Кроме того, освобожденная от воды лодка легче держалась бы на гребне волн и скорее могла бы уцелеть. Поэтому Джаспер Гобсон и миссис Барнет принялись быстро вычерпывать воду, которая, ударяясь о борт лодки, уже одним этим могла ее опрокинуть. Дело было нелегкое,

так как волны поминутно перехлестывали через борт, и надо было работать черпаком, не переставая. Этим главным образом занималась путешественница. Лейтенант сел за руль и прилагал все усилия держать судно по ветру.

В довершение беды спустилась ночь или если не ночь, — в этих широтах и в это время года она длится всего несколько часов, — то во всяком случае все более и более сгущавшаяся тьма. Низкие тучи, сливаясь с туманом, образовали плотную пелену, сквозь которую едва пробивался рассеянный свет. В нескольких метрах от лодки нельзя было ничего разобрать, между тем если б она наскочила на блуждающую льдину, то тут же разлетелась бы в куски. Пловучие льдины могли появиться в любую минуту, и избежать их при этой скорости не было никакой возможности.

— Руль вам не повинуется, мистер Гобсон? — спросила, воспользовавшись кратким затишьем, миссис Барнет.

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант, — и вы должны быть готовы ко всему.

— Я готова! — просто ответила мужественная женщина.

В ту же секунду послышался оглушительный, раздирающий уши треск. Под напором ветра парус лопнул и улетел, как белое облачко. Лодка, покорная набранной скорости, пронеслась еще немного, потом остановилась и забилась в волнах, как скорлупка. Джаспер Гобсон и миссис Барнет поняли, что наступает конец. Их сбросило со скамей и, раненных и ушибленных, с силой стало швырять по лодке. На борту не было ни куска полотна, который можно было бы натянуть вместо паруса. В потемках, под проливным дождем и снегом злосчастные путешественники едва различали друг друга. За воем бури они даже не слышали своих голосов. Так продолжалось около часа: каждую минуту они ждали гибели и поручили себя воле providения, которое одно могло их спасти.

Как долго носились они по расшвырянным волнам, этого не могли бы сказать ни лейтенант Гобсон,

ни миссис Полина Барнет. И вдруг оба почувствовали страшный толчок.

Лодка наскочила на огромный айсберг — гигантскую пловучую глыбу льда с крутыми и скользкими боками, за которые рука человека не могла бы ухватиться. От внезапного удара, отворотить который не было возможности, нос лодки расселся, и в нее потоками хлынула вода.

— Тонем! Тонем! — закричал Джаспер Гобсон.

Действительно, лодка быстро погружалась, и вода дошла уже до высоты скамей.

— Сударыня! Сударыня! — воскликнул лейтенант. — Я здесь... я вас... не покину!

— Нет, мистер Гобсон! — ответила миссис Полина Барнет. — Один — вы можете спастись... Со мной — вы погибнете! Оставьте меня! Оставьте!

— Никогда! — вскричал лейтенант.

Но едва он произнес это слово, как налетела новая волна, и лодка разом пошла ко дну.

Оба исчезли в водовороте, образовавшемся от стремительного погружения лодки. Несколько мгновений спустя они вновь показались на поверхности. Джаспер Гобсон изо всех сил работал одной рукой, а другой поддерживал свою спутницу. Но было очевидно, что его борьба с разъяренными волнами не может длиться долго и он погибнет вместе с той, кого хотел спасти.

Внезапно до его слуха донеслись какие-то странные звуки. Это не был крик испуганных птиц — это был человеческий голос, это был зов. Джаспер Гобсон, сделав последнее усилие, приподнялся над водой и окинул взглядом бушующие волны.

Он ничего не увидел в густом тумане. Тем не менее крик послышался снова, и на этот раз ближе. Какие смельчаки отважились прийти к нему на помощь? Но кто бы они ни были, они явились слишком поздно. Намокшая одежда стесняла его движения, и он чувствовал, что его тянет ко дну вместе с несчастной женщиной, даже голову которой он уже не в силах был удерживать на поверхности.

Инстинктивно испустив отчаянный крик, Джаспер Гобсон исчез под огромной волной.

Но он не ошибся. Три человека, которых тоже застигла буря, заметили терпевшую бедствие лодку и устремились к ней на помощь. Только эти люди и могли с некоторой надеждой на успех рискнуть вступить в бой со свирепыми волнами — у них одних были лодки, способные противиться буре.

То были трое эскимосов, крепко привязанные к своим каякам. Каяк — это длинная, приподнятая с обоих концов пирога; она состоит из очень легкого деревянного остова, на который туго натянуты тюленьи кожи, прочно сшитые жилами нерпы. Сверху каяк также во всю длину обтянут кожей, и только посередине оставлено круглое отверстие, в которое садится одетый в непромокаемую куртку эскимос. Край отверстия он туго стягивает у пояса, превращаясь таким образом как бы в одно целое с лодкой, в которую уже не может проникнуть ни единая капля воды. Такой каяк, гибкий и подвижный, легко скользит по гребням волн и никогда не тонет; он способен разве что перевернуться, но и тогда один удар весла тотчас возвращает ему правильное положение. Каяк может остаться и остаться невредимым, когда всякая другая шлюпка неизбежно становится добычей бури.

Три эскимоса поспешили на последний отчаянный крик лейтенанта и во-время подоспели на помощь тонущим. Полузахлебнувшиеся Джаспер Гобсон и миссис Барнет почувствовали, как чьи-то сильные руки извлекают их из бездны. Но в окружавшем их мраке они даже не могли разглядеть, кто были их спасители.

Один из эскимосов подхватил лейтенанта и положил его поперек своей лодки, другой сделал то же с миссис Барнет, и все трое, ловко действуя шестифутовыми пагаями, понеслись в своих каяках по пенящимся волнам.

Полчаса спустя потерпевшие крушение были бережно вынесены на песчаный берег в трех милях южнее форта Конфиданс.

Только старого моряка не доставало при возвращении!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Экскурс в прошлое

Около десяти часов вечера миссис Барнет и Джаспер Гобсон постучались в ворота форта. Можно себе представить, с какой радостью они были встречены, — ведь их уже считали погибшими! Но эта радость уступила место глубокой печали, когда они рассказали о гибели старого Нормана. Смелый моряк был общим любимцем, и все вспоминали о нем с чувством глубокого сожаления. Что же касается отважных и самоотверженных эскимосов, то, выслушав с невозмутимым спокойствием горячую благодарность лейтенанта и его спутницы, они даже не пожелали зайти в форт. Их поступок казался им совершенно естественным. Не в первый раз случалось им спасать утопающих, и они тотчас же вновь пустились в опасное плавание по озеру, с которым не расставались круглые сутки, охотясь за выдрами и водоплавающими птицами.

Ночь, следующий день 1 июня, а также ночь с первого на второе, были целиком посвящены отдыху. Товарищи Джаспера Гобсона не прочь были бы задержаться и дольше, но лейтенант твердо решил выехать утром 2 июня, а тут как раз кончилась и буря.

Сержант Фелтон предоставил в распоряжение отряда все имевшиеся в фактории средства. Некоторые упряжки были заменены новыми, и, выйдя из форта, Джаспер Гобсон увидел, что сани отряда в полном порядке выстроились за воротами форта.

Началось расставанье. Все искренне благодарили сержанта Фелтона, в момент нужды оказавшего им такое теплое гостеприимство, и миссис Полина Барнет была не последней в выражении своих чувств. Крепкое рукопожатие, которым обменялся сержант со своим шурином Лонгом, завершило церемонию прощания.

Все попарно разместились в отведенных им санях, и на сей раз миссис Барнет и лейтенант сели вместе. За ними ехала Мэдж с сержантом Лонгом.

Следуя совету индейского вождя, Джаспер Гобсон решил двигаться к побережью Ледовитого океана

кратчайшим путем — от форта Конфиданс прямо наперерез к поморью. Внимательно изучив карты, — впрочем, только приблизительно воспроизводившие очертания местности, — он счел целесообразным спуститься по долине довольно большой реки Коппермайн, которая несет свои воды в залив Коронации.

Расстояние между фортом Конфиданс и устьем реки равняется самое большее полутора градусам, иными словами — восьмидесяти пяти — девяноста милям. Глубокий вырез берега, образующий залив Коронации, заканчивается на севере мысом Крузенштерна, и от этого мыса берег по прямой линии уходит далеко на запад, постепенно поднимаясь к мысу Батерст, находящемуся уже за семидесятой параллелью.

Таким образом, Джаспер Гобсон изменил первоначальный маршрут, которому до сих пор следовал, и, направившись на восток, рассчитывал за несколько часов достичь реки.

На следующий день к полудню, 3 июня, отряд добрался до берегов реки. Быстрая и прозрачная река Коппермайн была уже свободна от льдов; переполняя берега, она протекала по широкой долине, пересеченной множеством мелких речушек, извилистых, но легко переходимых вброд. Итак, путники довольно быстро покрыли в санях значительное расстояние. В дороге Джаспер Гобсон рассказывал своей спутнице историю края, по которому они ехали. Между лейтенантом Гобсоном и путешественницей возникла настоящая близость и искренняя дружба, вполне естественная в их возрасте и положении. Охотница до всего нового, сама отличаясь врожденной жаждой открытий, миссис Полина Барнет любила слушать рассказы об исследователях новых стран.

Джаспер Гобсон, который знал полярные области Америки, можно сказать, «наизусть», вполне мог удовлетворить любопытство своей спутницы.

— Лет девяносто назад, — начал он, — вся область, по которой протекает река Коппермайн, была совершенно неизвестна, и исследованием ее мы обязаны агентам Компании Гудзонова залива. Однако, как это часто случается в науке, ищут одно, а открывают

другое. Так, в поисках Азии Колумб открыл Америку.

— А что искали агенты Компании Гудзонова залива? — спросила миссис Полина Барнет. — Все тот же пресловутый Северо-Западный проход?

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант. — Сто лет назад компания не была заинтересована в этом новом пути сообщения — он скорее был на руку ее конкурентам, чем ей самой. Рассказывают даже, что в тысяча семьсот сорок первом году некий Кристоф Мидлтон, которому было поручено обследовать побережье, был публично обвинен в получении от компании пяти тысяч фунтов стерлингов за то, чтобы удостоверить, будто между двумя океанами не существует и не может существовать морского пути сообщения.

— Это не служит к чести знаменитой компании, — заметила миссис Барнет.

— В данном случае я ее не защищаю, — продолжал Джаспер Гобсон. — Добавлю, что парламент строго осудил действия компании и в тысяча семьсот сорок шестом году пообещал премию в двадцать тысяч фунтов стерлингов тому, кто откроет этот проход. И в том же году два отважных путешественника, Вильям Мур и Фрэнсис Смит, добрались до бухты Репалс в надежде обнаружить этот вожаделенный путь. Однако их попытка не удалась, и после полугодового отсутствия они вынуждены были возвратиться в Англию ни с чем.

— Неужели не нашлось других людей, не менее смелых и предприимчивых, которые тотчас устремились бы по их следам? — спросила миссис Барнет.

— Нет, сударыня, и еще в течение тридцати лет, несмотря на обещанную парламентом высокую награду, никто не решился обратиться к исследованию северо-западной части американского континента, или, лучше сказать, Британской Америки, так как именно это название следовало бы за ней сохранить. Только в тысяча семьсот шестьдесят девятом году один из агентов компании попытался продолжить дело, начатое Муром и Смитом.

— Значит, компания в конце концов отказалась от своего узкого и эгоистичного взгляда, мистер Гобсон?

— Нет, сударыня, тогда еще нет. Сэмюэлю Хэрну — так звали этого агента — было поручено лишь уточнить расположение медных месторождений, о которых сообщали туземные следопыты. Шестого ноября тысяча семьсот шестьдесят девятого года он покинул форт Принца Уэльского на реке Черчилль у западного берега Гудзонова залива. Сэмюэль Хэрн сразу же двинулся на северо-запад, но жестокие морозы и недостаток съестных припасов заставили его вернуться в форт. По счастью, он был не из тех, у кого легко опускаются руки. На следующий год двадцать третьего февраля он вновь отправился в путь в сопровождении нескольких индейцев. Это второе путешествие было связано с необычайными лишениями. Дичи и рыбы, на которые рассчитывал Сэмюэль Хэрн, очень часто не попадалось вовсе. Однажды он целую неделю питался одними дикими плодами, кусками старой кожи и жжеными костями. Этот неустрашимый путешественник, не добившись никаких результатов, вынужден был опять возвратиться в факторию. В третий раз он отправился седьмого декабря тысяча семьсот семидесятого года и после девятнадцати месяцев различных испытаний, тринадцатого июля тысяча семьсот семьдесят второго года, обнаружил реку Коппермайн; он спустился до ее устья и увидел, по его утверждениям, свободное ото льдов море. Так впервые удалось достичь северных берегов Америки.

— Но Северо-Западный проход, иными словами прямой путь сообщения между Атлантическим и Тихим океанами, все-таки не был открыт? — спросила миссис Барнет.

— Не был, сударыня, — ответил лейтенант. — А сколько отважных моряков пускалось с тех пор на его поиски! Фиппс в тысяча семьсот семьдесят третьем году, Джемс Кук и Клерк в тысяча семьсот семьдесят шестого по тысяча семьсот семьдесят девятый год, Коцебу в тысяча восемьсот пятнадцатого по тысяча восемьсот восемнадцатый год, Росс, Парри, Франклин и многие другие отдавали все свои силы на разрешение

этой трудной задачи — и все напрасно; единственный человек, которому действительно удалось северным морским путем пройти из одного океана в другой, был наш современник, бесстрашный исследователь Мак-Клюр.

— Это было географическое открытие огромной важности, мистер Гобсон, — заметила миссис Барнет, — и мы, англичане, можем им гордиться! Но скажите, поощряла ли Компания Гудзонова залива, проникшись, наконец, более благородными идеями, других путешественников после Сэмюэля Хэрна?

— Конечно, сударыня, и благодаря этому капитан Франклин мог осуществить свое путешествие, продолжавшееся с тысяча восемьсот девятнадцатого по тысяча восемьсот двадцать второй год, и исследовать пространство между рекой Хэрна и мысом Турнаген. На этот раз тоже не обошлось без трудностей и жестоких испытаний. Очень часто путешественники оставались совсем без пищи. Два канадца были убиты и съедены своими товарищами... Однако, несмотря на все трудности, капитан Франклин обследовал целых пять тысяч пятьсот пятьдесят миль совершенно неизвестной до него территории северо-американского поморья.

— То был человек необыкновенной энергии, — заметила миссис Полина Барнет, — и он вполне доказал это впоследствии, когда после всего, что ему уже пришлось пережить, отправился еще на завоевание Северного полюса!

— Да, — ответил Джаспер Гобсон, — и нашел жестокую смерть на самом театре своих открытий. Однако теперь точно установлено, что не все спутники Франклина погибли вместе с ним. Многие из этих несчастных, надо думать, еще скитаются среди ледяного безмолвия! Ах! У меня сжимается сердце, когда я представляю себе их страшное одиночество! Настанет день, сударыня, — добавил лейтенант с волнением и какой-то странной уверенностью, — настанет день, когда я обыщу неведомые земли, где произошла эта мрачная трагедия, и...

— И в этот день, — подхватила миссис Барнет, крепко пожав руку лейтенанта, — в этот день я буду

вашим товарищем по экспедиции. Да! Я думала об этом не раз, как и вы, мистер Гобсон, и мое сердце, как и ваше, содрогалось при мысли, что наши соотечественники, англичане, быть может, ждут помощи...

— Которая явится слишком поздно для большинства из этих несчастных, сударыня, но некоторые из них, я уверен, непременно ее дождутся!

— Да услышит вас бог, мистер Гобсон! — ответила миссис Барнет. — И, на мой взгляд, агенты компании, живущие вблизи поморья, должны скорее, чем кто-либо другой, попытаться исполнить этот долг человеколюбия.

— Я разделяю ваше мнение, сударыня, — ответил лейтенант, — тем более что эти агенты привыкли к суровому климату Арктики. Впрочем, они уже не раз доказывали на деле свою самоотверженность. Не они ли помогли капитану Бэку во время его экспедиции тысяча восемьсот тридцать четвертого года, когда он открыл Землю Короля Вильгельма, на которой и произошло впоследствии несчастье с Франклином? И разве не двое наших товарищей, смельчаки Диз и Симпсон, специально посланные в тысяча восемьсот тридцать восьмом году директором компании обследовать побережье Ледовитого океана, — разве не они первые изучили Землю Виктории? Я думаю, что окончательное завоевание Арктики в будущем принадлежит нашей компании. Мало-помалу ее фактории будут забираться все дальше на север, в это вынужденное убежище пушных зверей, и в один прекрасный день какой-нибудь форт возникнет на самом полюсе — математической точке, где скрещиваются все меридианы земного шара!

Во время этой беседы и многих других, за нею последовавших, Джаспер Гобсон рассказал и о собственных приключениях, о борьбе, которую он как агент Компании Гудзонова залива вел с агентами конкурирующих компаний, и о своих попытках исследования неизвестных северных и западных территорий. Со своей стороны, миссис Барнет поделилась с ним воспоминаниями о странствиях по областям, расположенным

между двумя тропиками, о том, что уже было ею сделано и что она надеется еще когда-нибудь совершить. Так, в приятной беседе, лейтенант и его спутница коротали долгие часы путешествия.

Тем временем сани, уносимые мчавшимися во весь опор собаками, быстро двигались к северу. Долина реки Коппермайн заметно расширялась по мере приближения к Ледовитому океану. Тянувшиеся вдоль обоих берегов пологие холмы понемногу становились все ниже. Разбросанные там и сям группы хвойных деревьев нарушали однообразие этого необычайного пейзажа. По реке еще плыли льдины, сопротивлявшиеся действию солнца, но число их сокращалось день ото дня, и лодка, даже шлюпка, без труда спустилась бы по ее течению, ибо на всем протяжении реки не встречалось ни нагромождения скал, ни какого-либо другого естественного препятствия. Русло реки Коппермайн было глубоким и широким. Ее прозрачные воды, питаясь таянием снегов, неслись довольно быстро, но нигде не образовывали бурных стремнин. Чрезвычайно извилистая в верховьях, река мало-помалу выравнивалась и иногда на пространстве нескольких миль текла совсем прямо. По ее широкому и плоскому берегу, покрытому мелким твердым песком и кое-где поросшему низкой сухой травой, легко скользили полозья саней, и весь поезд свободно разворачивался во всю длину. На ровной гладкой дороге почти не встречалось подъемов, и собаки бежали дружно.

Итак, отряд быстро продвигался вперед. Ехали днем и ночью, если только это выражение применимо по отношению к стране, над которой солнце, описывая почти горизонтальную дугу, можно сказать, совсем и не заходит. В этих широтах ночь по-настоящему не длится и двух часов, и в весеннее время утренняя заря тотчас сменяет вечернюю. Погода стояла прекрасная, небо было чистое, хотя и несколько затуманенное на горизонте, и путешествие совершалось при самых благоприятных обстоятельствах.

Два дня отряд без всяких задержек ехал берегом реки Коппермайн. Пушные звери мало посещали ее

окрестности, зато птиц было множество. Они насчитывались здесь тысячами. Почти полное отсутствие куньи, бобров, горностаев и лис немало беспокоило лейтенанта. Он задавал себе вопрос: а что, если все звериное население, хищники и грызуны, слишком рьяно преследуемые охотниками, покинули и эти уголья, так же как они покинули южные? Это было вполне вероятно, так как то здесь, то там встречались следы стоянок и погашение костры, свидетельствовавшие о недавнем пребывании здесь туземных или иных охотников. Джаспер Гобсон ясно видел, что ему придется перенести свои розыски гораздо дальше на север и что, достигнув устья реки Коппермайн, он проделает лишь половину пути. Поэтому он очень спешил, наконец, достигнуть той области поморья, которую мельком видел Хэрн, и всей данной ему властью торопил отряд.

Впрочем, спутники Джаспера Гобсона вполне разделяли его нетерпение. Каждому непременно хотелось поскорее достичь побережья Ледовитого океана. Какая-то непреодолимая сила влекла вперед этих отважных путешественников. Очарование неизведанного манило их к себе. Быть может, действительные испытания и начнутся именно там, на этом желанном берегу? Пусть так! Но все спешили встретиться с ними лицом к лицу и, не отклоняясь, шли к своей цели. Места, по которым они тогда проезжали, не представляли для них прямого интереса: только на берегах Ледовитого океана их ждали настоящие исследования. И всем хотелось бы уже сейчас очутиться в той береговой полосе, которую пересекает в нескольких стах милях к западу семидесятая параллель.

Наконец, 5 июня, через четыре дня после отъезда из форта Конфиданс, лейтенант Гобсон увидел, что река Коппермайн вдруг необычайно расширилась. Западный ее берег, слегка изгибаясь, уходил прямо на север. Восточный же, закругляясь вправо, терялся в туманной дали горизонта.

Джаспер Гобсон остановил отряд и рукою указал своим спутникам на простиравшееся перед ними безбрежное море.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вдоль берега

Широкий лиман, к которому после шестинедельного путешествия подошел отряд, представлял собою четкий, напоминавший по форме трапецию вырез в побережье американского континента. В западный угол лимана впадала широкая река Коппермайн. В восточной же его части глубоко в сушу вдавался длинный рукав, получивший название Батерст-Инлет. С этой стороны капризно извивавшийся берег, изрезанный небольшими заливами и бухтами, ошестинившийся острыми скалами и отвесными утесами, терялся вдали в хаосе ущелий, проливов и кос, придающих картам полярных стран столь причудливые очертания. С другой, левой стороны лимана, от самого устья реки Коппермайн, берег поворачивал круто на север и заканчивался мысом Крузенштерна.

Этот лиман именовался заливом Коронации; он был усеян островами, островками и отмелями, образующими архипелаг Герцога Йоркского.

Посоветовавшись с сержантом Лонгом, Джаспер Гобсон решил предоставить здесь отряду однодневный отдых.

Отсюда в сущности и начиналось настоящее исследование, в результате которого лейтенант должен был отыскать удобное место для постройки новой фактории. Компания предписала ему держаться берегов Ледовитого океана и притом возможно выше семидесятой параллели. Чтобы исполнить это поручение, лейтенант мог только на западе искать пункт, принадлежащий к американскому континенту и расположенный на такой высокой широте. На востоке же все эти разрозненные земли представляли собой части арктической территории, за исключением, пожалуй, полуострова Бутия; здесь действительно проходит семидесятая параллель, но его географическое образование пока почти не изучено.

Джаспер Гобсон, вычислив долготу и широту и установив по карте местонахождение отряда, увидел,

что он находится еще больше чем в ста милях к югу от семидесятой параллели. За мысом Крузенштерна берег сначала несколько отклонялся к востоку, но затем вновь уходил на север и приблизительно у сто тридцатого меридиана под острым углом пересекал семидесятую параллель — как раз на высоте мыса Батерст, который был назначен капитаном Крэвенти как место будущей встречи. До этого-то пункта и должен был добраться отряд, с тем чтобы построить там новый форт, если только окружающая природа предоставит необходимые для фактории ресурсы.

— Вот это место, сержант Лонг, удовлетворяет всем требованиям компании, — сказал лейтенант, показывая унтер-офицеру карту полярных областей. — Море, свободное ото льдов большую часть года, позволит судам попадать через Берингов пролив прямо в форт; доставляя сюда припасы, они одновременно будут забирать добытые меха.

— Не говоря уже о том, что наши люди, — добавил сержант, — живя за семидесятой параллелью, заочно получают двойной оклад!

— Само собой разумеется, — сказал лейтенант, — и вряд ли будут этим недовольны!

— Выходит, нам остается только ехать к мысу Батерст, — заключил сержант Лонг.

Но так как день был отведен для отдыха, то отъезд состоялся лишь завтра, 6 июня.

Вторая часть путешествия, как этого и следовало ожидать, проходила совершенно иначе, чем первая. Строгий распорядок движения саней больше не соблюдался. Каждый ехал как ему нравилось. Двигались короткими переходами, останавливаясь на всех выступах побережья, и большей частью шли пешком. Лейтенант Гобсон требовал от своих товарищей только одного: не удаляться от берега больше чем на три мили и два раза в сутки — в полдень и вечером — непременно собираться всем вместе. На ночь располагались лагерем. Погода, как и бывает в это время года, стояла прекрасная, и температура была относительно высока — в среднем пятьдесят девять градусов по Фаренгейту (15° выше нуля по Цельсию). Два или три на-

летали снежные бури, но длились они недолго и заметного понижения температуры с собой не принесли.

За время между 6 и 20 июня было тщательно обследовано более двухсот пятидесяти миль американского побережья — от мыса Крузенштерна до мыса Парри. География этого края была изучена как нельзя более добросовестно, и Джаспер Гобсон, которому в этом весьма помог Томас Блэк, внес даже кое-какие исправления в гидрографическое описание местности; всю близлежащую территорию обследовали не менее тщательно и уже со специальной, прямо интересовавшей Компанию Гудзонова залива точки зрения.

Водится ли в этих местах дичь? Можно ли с уверенностью рассчитывать, что здесь найдутся и пушные звери и годные на мясо животные? Позволят ли здешние ресурсы снабжать факторию всем необходимым хотя бы в летнее время? Все это были важные вопросы, естественно сильно заботившие лейтенанта Гобсона. И вот что он выяснил.

Дичи — той именно, которой капрал Джолиф и некоторые другие отдавали особое предпочтение, — было маловато. В пернатых, принадлежавших к обширному семейству уток, недостатка, правда, не ощущалось, но грызуны были весьма скудно представлены небольшим количеством полярных зайцев, к которым охотники с трудом могли приблизиться на ружейный выстрел. Зато медведей в этой части американского континента было, видимо, достаточно. Сэбин и Марбр часто натыкались на свежие следы этих хищников. Нескольких они даже увидели и высладили, но те упорно держались на почтительном расстоянии. Однако было очевидно, что зимой эти звери, проголодавшись, спускаются с более высоких широт и будут бродить по берегам Ледовитого океана.

— Медведь — штука тонкая, — разглагольствовал капрал Джолиф, которого сильно занимал вопрос питания. — Когда он в кладовке, пренебрегать его мясом не следует. Но пока он на свободе, дичью назвать его мудрено. Во всяком случае, вы, охотники, будьте уверены: он все силы приложит, чтобы участь, которую вы ему готовите, стала вашей собственной!

Трудно было рассуждать более здраво. Действительно, медведей не приходилось считать надежным источником пропитания. По счастью, целые стада других животных, гораздо более полезных, чем медведи, постоянно посещали эту область; их мясом, прекрасным на вкус, главным образом и питаются эскимосы и некоторые индейские племена. Это олени; и капрал Джолиф, к полному своему удовольствию, убедился, что эти жвачные в изобилии водятся в этой части побережья. Сама природа сделала все, чтобы привлечь их сюда; она щедро покрыла землю тем особым лишайником, который олени так любят и так ловко умеют добывать из-под снега в зимнюю пору, когда он составляет их единственную пищу.

Джаспер Гобсон обрадовался не меньше капрала, обнаружив во многих местах олени следы; их очень легко было распознать, так как копыто у оленя сзади не плоское, а выпуклое, как у верблюда. Замечены были даже довольно большие олени стада: в некоторых частях Америки дикие олени, бывает, сходятся по нескольку тысяч голов. Пойманные живыми, олени быстро приручаются и становятся очень полезными для факторий своим прекрасным молоком (более питательным, чем коровье), а также как упряжные животные. Убитые олени не менее полезны, ибо их весьма плотная кожа идет на выделку верхней одежды, а из шерсти вырабатывается прекрасная пряжа; мясо их очень вкусно; можно сказать, что в высоких широтах нет более драгоценного животного, чем олень. Окончательно убедившись, что в оленях недостатка не будет, Джаспер Гобсон уже почти не сомневался в возможности построить факторию в этих краях.

Удовлетворительным оказалось положение и с пушным зверем. На ручьях виднелись многочисленные хатки бобров и мускусных крыс. Барсуки, рыси, горностаи, росوماхи, куницы и норки, которых не успели еще распугать охотники, часто посещали побережье. Человек пока ничем не обнаружил своего присутствия в этих местах, и животные чувствовали себя в безопасности. Обнаружены были также следы прекрасных голубых и серебристых лис, которые встречаются ныне

все реже и реже и чьи шкуры ценятся на вес золота. Сэбин и Марбр, обследуя берега, не раз могли бы добыть великолепного зверька. Но лейтенант благоразумно запретил всякую охоту подобного рода. Он боялся распугать животных раньше наступления охотничьего сезона, то есть зимних месяцев, когда их мех делается гораздо гуще и красивее. Кроме того, нельзя было перегружать сани. Сэбин и Марбр все это отлично понимали, но тем не менее руки у них так и чесались спустить курок, когда они держали на прицеле какого-нибудь соболя или роскошную лису. Однако слова Джаспера Гобсона были приказом, а лейтенант не терпел, когда его приказы нарушались.

Таким образом, если охотникам в этот период путешествия и приходилось иногда стрелять в четвероногих, то лишь в полярных медведей, которые изредка показывались на пути отряда. Но эти хищники, не побуждаемые голодом, тотчас убегали, и встречи с ними ни разу не привели к серьезным стычкам. Однако если четвероногие вовсе не пострадали от появления отряда, то для пернатых дело обернулось хуже, и они заплатили своей кровью за все животное царство. Убивали белоголовых орлов — огромных птиц, отличающихся необыкновенно пронзительным криком; соколов-рыболовов, которые в летнее время прилетают в арктические широты и устраивают гнезда в дуплах сухих деревьев; убивали белоснежных полярных гусей и диких казарок, лучше которых нет для гурмана птицы во всем гусином семействе; убивали красноголовых с черной грудкой уток, серебристых галок, являющихся разновидностью удивительно безобразных соек-пересмешниц, гагар, чирков и еще многих и многих представителей мира пернатых, крики которых рождали громкое эхо в прибрежных скалах. В северных областях эти птицы живут миллионами, а на побережье Ледовитого океана их количество поистине неисчислимо.

Вполне понятно, что охотники, которым было строго запрещено преследовать четвероногих, с увлечением напали на обитателей пернатого царства. В первые две недели было убито несколько сот различных птиц, большею частью съедобных, составивших приятное

дополнение к порядком надоевшему всем рациону из сушеного мяса и сухарей.

Итак, жаловаться на недостаток животных в этих краях не приходилось. Компании будет чем наполнить свои склады, и личный состав форта тоже не останется при пустых кладовых. Но эти два обстоятельства еще не обеспечивали будущего фактории. В таких высоких широтах нельзя было бы обосноваться, если б окружающая местность не давала необходимого топлива и в таком количестве, чтобы можно было успешно бороться с жестоким арктическим морозом.

К счастью, край оказался лесистым. Гряды холмов, возвышавшиеся немного поодаль от берега, были увенчаны зелеными деревьями, среди которых преобладала сосна. Местами скопления хвойных пород были настолько значительны, что вполне заслуживали названия леса. Кое-где Джаспер Гобсон заметил также группы ив, тополей, карликовых берез и целые заросли толокнянки. В это теплое время года все деревья были покрыты зеленью и странно поражали глаз, привыкший к суровым, обнаженным контурам полярного пейзажа. У подножья холмов земля оделась низкой травкой, которую жадно щипали олени; эта же травка должна была питать их всю долгую зиму. По всей видимости, лейтенанту оставалось только радоваться, что он решил искать новую арену для пушного промысла именно на северо-западе американского континента.

Если животных в этих местах было достаточно, то людей, как уже говорилось, здесь вовсе как будто не было. Не видно было ни эскимосов, которые предпочитают охотиться на землях, прилегающих к Гудзонову заливу, ни индейцев, почти никогда не отваживающихся заходить так далеко за пределы Полярного круга. И верно, в этих отдаленных краях охотника всегда может захватить затяжное ненастье или неожиданный возврат зимы, и тогда он окажется отрезанным от остального мира. Лейтенант Гобсон, надо думать, отнюдь не сетовал на отсутствие себе подобных. Всякий человек здесь был бы для него конкурентом. Он искал никем не занятого края, пустыню, где пушные

звери нашли для себя надежный приют; он не раз толковал на эту тему с миссис Барнет, которая тоже живо была заинтересована в успехе предприятия. Путешественница не забывала, что она гостя Компании Гудзонова залива, и потому, естественно, желала, чтобы лейтенанту во всем сопутствовала удача.

Каково же было разочарование Джаспера Гобсона, когда утром 20 июня он наткнулся на следы недавно покинутой стоянки!

Случилось это на берегу небольшого узкого залива, который носит название залива Дарли и с запада защищен далеко выступающим в море мысом Парри. Тут, у подножья невысокого холма, были обнаружены вбитые в землю колья, служившие, вероятно, оградой, а в стороне, где разводили костер, — кучка остывшей золы.

Около покинутой стоянки собрался весь отряд. Все понимали, что это неожиданное открытие должно крайне огорчить лейтенанта.

— Это действительно большая неприятность! — сказал он. — И я, право, предпочел бы встретиться с целым семейством белых медведей!

— Да, но кто бы ни были люди, которые здесь останавливались, теперь они, вероятно, уже далеко отсюда, — заметила миссис Барнет. — Может быть, они давно вернулись на юг, поближе к знакомым местам.

— Как сказать, сударыня! — ответил лейтенант. — Если это эскимосы, то скорей всего они отправились дальше на север. Если индейцы, то, наверно, они, как и мы, ищут новых охотничьих угодий, а для нас, повторяю, это очень и очень досадное обстоятельство!

— А разве нельзя распознать, к какой народности принадлежат эти охотники? — спросила миссис Барнет. — По-моему, это не так трудно было бы выяснить: ведь эскимосы и индейцы так отличны друг от друга по нравам и обычаям, что и устройство лагеря не может у них быть одинаково.

Миссис Полина Барнет была права: тщательный осмотр стоянки мог дать ответ на этот тревоживший всех вопрос.

Джаспер Гобсон и еще несколько человек занялись подробным обследованием местности в надежде обнаружить какой-нибудь знак — забытый предмет или даже след, который мог бы разрешить их сомнения. Но ни земля, ни остывшая зола не сохранили никаких свидетельств. Разбросанные вокруг кости животных не говорили ровно ничего. Раздосадованный лейтенант готов был уже бросить бесполезные поиски, как вдруг его окликнула миссис Джолиф, которая отошла шагов на сто влево.

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, сержант, капрал и другие тотчас поспешили на зов молодой женщины, которая остановилась и пристально разглядывала что-то на земле.

— Вы ищете следы? — спросила миссис Джолиф у лейтенанта, когда он приблизился к ней. — Вот они, смотрите!

И миссис Джолиф показала на довольно многочисленные следы, явственно отпечатавшиеся на глинистой почве; характер следа мог служить верной приметой, потому что индейцы и эскимосы носят совершенно различную обувь.

Однако Джаспера Гобсона прежде всего поразил необычайный вид этих следов. Они, несомненно, принадлежали человеку, и человеку обутому, но странное дело: человек этот ступал как будто на одни носки! Отпечаток пятки отсутствовал. Кроме того, их оказалось очень много на небольшом пространстве, и все они были необыкновенно между собой перепутаны и то сближались, то скрещивались.

Джаспер Гобсон указал своим спутникам на эту особенность.

— Это не следы идущего человека, — сказал он.

— И не следы человека, который прыгает, ибо здесь нет пятки, — добавила миссис Барнет.

— Пятки нет, ибо это следы человека, который танцует! — заявила миссис Джолиф.

И миссис Джолиф была безусловно права. Внимательный осмотр подтвердил ее догадку: следы явно принадлежали человеку, предавшемуся каким-то хореографическим упражнениям, причем это не было

мерное, тяжелое и неуклюжее топотанье, а легкий, грациозный и веселый танец. Факт был неопровержимый. Но кто же тот жизнерадостный субъект, которому вздумалось или который вдруг почувствовал потребность пуститься в пляс на границе американского континента, в нескольких градусах за Полярным кругом?

— Это, конечно, не эскимос, — сказал лейтенант.

— И не индеец! — воскликнул капрал Джолиф.

— Нет, — это француз! — спокойно заметил сержант Лонг.

И все сошлись в убеждении, что только француз способен танцевать в этом пункте земного шара!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Полуночное солнце

Не был ли вывод сержанта Лонга слишком поспешным? Тут танцевали — сомнений в этом быть не могло. Но из того только, что танцевали легко, нельзя было еще решительно утверждать, что исполнял танец непременно француз.

Однако лейтенант Гобсон согласился с мнением сержанта, которое, впрочем, никому не показалось чересчур смелым. Все признали за достоверное, что какие-то путешественники, среди которых находился по меньшей мере один соотечественник Вестриса, недавно посетили это место.

Вполне понятно, что такое открытие не слишком обрадовало лейтенанта. Джаспер Гобсон имел все основания опасаться, что его опередили неведомые конкуренты, что они рыщут в северо-западной части Британской Америки, — и следовательно, как ни старалась компания держать свои планы в тайне, а слух о них все же дошел до коммерческих кругов Канады или Соединенных Штатов.

Прерванное путешествие возобновилось, но лейтенант казался весьма встревоженным; тем не менее,

пройдя такое огромное расстояние, он уже не мог думать о возвращении назад.

Это неожиданное приключение, естественно, заставило миссис Барнет обратиться к лейтенанту со следующим вопросом:

— Мистер Джаспер, оказывается, французов еще можно встретить на арктических территориях?

— Конечно, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — или если не французов, то канадцев, что в сущности одно и то же, так как они потомки прежних хозяев Канады, — ведь Канада, как известно, когда-то принадлежала Франции! И по правде говоря, они-то и есть самые опасные для нас конкуренты.

— А я-то воображала, — заметила путешественница, — что Компания Гудзонова залива, поглотив в свое время Северо-Западную компанию, уже не имеет соперников на американском континенте.

— Сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — сейчас действительно не существует ни одного крупного объединения, помимо нашей компании, занимающегося сбытом пушнины, но есть еще частные и совершенно независимые от нас фирмы. Большею частью это фирмы американские, сохранившие у себя на службе французских охотников или же их потомков.

— Значит, ими очень дорожат? — спросила миссис Барнет.

— А как же, сударыня, и они того стоят. Все девятью годами, что французы владели Канадой, их охотники всегда и во всем превосходили наших. Что поделаешь! Надо воздавать должное даже своим соперникам!

— Соперникам — особенно! — подтвердила миссис Полина Барнет.

— Да... особенно... В те времена французские охотники, уходя из Монреаля, где была их главная квартира, продвигались на север куда смелее, чем другие. Они годами жили среди индейских племен и, случалось, даже женились на индианках. Их называли «лесными бродягами» или «канадскими путешественниками», а они звали друг друга свояками и братьями. То были люди отважные, ловкие и искусные в деле речной на-

вигации, бесстрашные и беспечные, умевшие приспособиться к любым условиям со свойственной их нации гибкостью, прямодушные и веселые, готовые по всякому поводу и при любых обстоятельствах попеть и поплясать!

— И вы считаете, что люди, на следы которых мы наткнулись, явились в эти дальние края, чтобы охотиться на пушных зверей?

— Другого объяснения быть не может, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон. — Конечно, они ищут новых охотничьих угодий. А так как остановить их нет никакой возможности, то нам остается только поспешить добраться до цели нашего путешествия, а там-то уж мы сумеем потягаться с любыми соперниками!

Джаспер Гобсон, видимо, примирился с неизбежностью конкуренции, которой, впрочем, все равно не мог бы воспрепятствовать, и теперь торопился как можно скорее перейти со своим отрядом за семидесятую параллель. Может быть, — по крайней мере он на это надеялся, — его соперники туда за ним не пойдут!

В последующие дни маленькому отряду пришлось опуститься на двадцать миль к югу, чтобы удобнее обогнуть залив Франклин. Кругом попрежнему все было зелено. Те же четвероногие и птицы водились в изобилии и здесь, и было похоже, что так будет продолжаться на всей северо-западной оконечности американского континента.

Омывавшее эти берега море расстилалось до горизонта, на сколько хватал глаз. Впрочем, на новейших картах и не было показано никакой земли на север от американского побережья. Перед путешественниками лежало совершенно чистое пространство, и только ледовые заторы могли бы помешать кораблям пройти от Берингова пролива до самого полюса.

Четвертого июля, обойдя еще один вдававшийся глубоко в сушу залив — залив Уошберна, отряд подошел к северному берегу малоизвестного дотоле озера, занимавшего совсем незначительную площадь — всего каких-нибудь две квадратных мили. В сущности это

была просто котловина, наполненная пресной водой, — скорее большой водоем, чем озеро.

Сани скользили легко и плавно. Окрестная природа представляла большой соблазн для основателя новой фактории; казалось несомненным, что форт, построенный на оконечности мыса Батерст, будет иметь все преимущества: позади него — озеро, впереди — открытый путь к Берингову проливу, то есть свободное ото льдов в течение четырех-пяти месяцев море; это были в высшей степени благоприятные условия как в отношении вывоза пушнины, так и в смысле снабжения свежими припасами.

На следующий день, 5 июля, около трех часов полудни отряд достиг, наконец, крайней точки мыса Батерст. Оставалось определить положение этого мыса, нанесенного на карты выше семидесятой параллели. Однако гидрографическое описание этих берегов пока еще не могло быть сделано с достаточной точностью, и поэтому на него нельзя было положиться. И Джаспер Гобсон решил пока устроить здесь временный привал.

— А почему бы нам тут не поселиться совсем? — спросил капрал Джолиф. — Согласитесь, лейтенант, местечко славное!

— Оно покажется вам еще лучше, когда вы получите двойное жалование, мой достойный капрал, — ответил лейтенант Гобсон.

— Это уж само собой, — ответил капрал Джолиф. — На то распоряжение компании!

— Так потерпите до завтра, — добавил Гобсон, — и если, как я предполагаю, мыс Батерст действительно находится за семидесятой северной параллелью, то мы и раскинем здесь свои палатки.

Для фактории местность и в самом деле была вполне подходящая. Холмистые берега озера густо заросли лесом, где можно было вдоволь нарубить сосен, берез и других деревьев не только для постройки, но и для отопления нового форта. Отправившись с товарищами на самую оконечность мыса, лейтенант увидел, что на западе берег загибается в виде сильно удлиненной дуги. Довольно высокие утесы, расположенные

в нескольких милях, закрывали с этой стороны горизонт. Что касается воды в котловине, то, несмотря на близкое соседство с морем, она оказалась пресной, без малейшего привкуса соли. Однако если бы даже она и была непригодна к употреблению, все равно колония не осталась бы без питьевой воды, так как неподалеку — в нескольких сотнях шагов — протекала неширокая чистая и светлая речка, впадавшая в юго-восточной части мыса Батерст в Ледовитый океан. Ее неширокое устье, защищенное не скалами, а какими-то странными земляными и песчаными наносами, образовывало естественную гавань, в которой два-три корабля нашли бы надежный приют от ветров открытого моря. Когда впоследствии из Берингова пролива сюда будут заходить корабли, этой бухтой можно будет воспользоваться как удобным местом стоянки. Джаспер Гобсон, желая оказать любезность своей знаменитой спутнице, назвал речку «рекой Полины», а маленький порт — «портом Барнет», чем путешественница была весьма польщена.

Построив форт несколько поодаль от выступа мыса Батерст, можно было рассчитывать, что от самых холодных ветров жилой дом и склады будут совершенно защищены. Уже одно то, что мыс был высокий, создавало уверенность, что фактория не пострадает от жестоких метелей, способных в несколько часов полностью занести снегом целые селения. Пространство между возвышенностью и озером было достаточно обширно, чтобы разместить здесь все необходимые для форта постройки. Форт можно было бы даже оградить частоколом, доходящим до нижних уступов обрыва, а на мысе выстроить укрепленный редут; и то и другое имело бы чисто оборонительное значение, однако могло оказаться полезным на случай, если бы какие-либо конкуренты вздумали обосноваться на той же территории. И хотя Джаспер Гобсон и не намеревался немедленно приступить к сооружению редута, он все же не без удовольствия думал о том, что выбранное им место нетрудно будет защищать.

Погода была прекрасная и даже довольно жаркая. На горизонте не виднелось ни единого облака. Только

небо было, конечно, не таким прозрачным, как в странах с жарким или умеренным климатом, но этого и нельзя было ожидать в высоких широтах, где летом в воздухе почти всегда колышется легкий туман. Но что будет здесь в зимнюю пору, когда побережье обступят неподвижные ледяные горы, когда пронзительный северный ветер, словно хлыстом, будет сечь по утесам, когда над всем краем нависнет четырехмесячная ночь, — что тогда будет представлять собою этот мыс Батерст? Сейчас никому из спутников Джаспера Гобсона подобные мысли на ум не приходили: погода стояла великолепная, вокруг раскинулся зеленый пейзаж, воздух был теплый и море сверкало.

К ночи на берегу озера был разбит временный лагерь; для этого путешественники использовали сани. Миссис Барнет, лейтенант, сержант Лонг и даже Томас Блэк гуляли до самого вечера, обследуя окрестности. Положительно, здесь было хорошо во всех отношениях! Джаспер Гобсон с нетерпением ждал следующего дня, когда он определит, наконец, точные координаты мыса и выяснит, удовлетворяет ли место поставленным компанией требованиям.

— Итак, лейтенант, — сказал астроном, когда они закончили свой обход, — вот поистине очаровательное местечко! Я никогда не поверил бы, что за Полярным кругом может быть так живописно.

— Эх, мистер Блэк! Здесь-то и надо искать самые красивые в мире места! — ответил Джаспер Гобсон. — Но как бы я хотел уже сейчас знать широту и долготу нашего мыса!

— Главное — широту, — заметил астроном, который только и думал что о предстоящем затмении. — Мне кажется, ваши храбрые спутники торопятся не меньше вас, мистер Гобсон. Их ведь ждет двойной оклад, если вы утвердитесь за семидесятой параллелью!

— А разве вы, мистер Блэк, — спросила миссис Барнет, — не заинтересованы — правда, с чисто научной точки зрения — перейти эту параллель?

— Без сомнения, сударыня, без сомнения! Для меня это очень важно, хотя особенно далеко заходить

за семидесятую параллель мне нет надобности, — ответил астроном. — По нашим вычислениям, как известно, абсолютно точным, солнечное затмение, которое мне поручено наблюдать, будет полным только чуть выше этой параллели. Поэтому я с неменьшим нетерпением, чем лейтенант, жду момента, когда мы определим положение мыса Батерст!

— Но ведь это затмение, мистер Блэк, — возразила путешественница, — будет, если не ошибаюсь, только восемнадцатого июля?

— Да, сударыня, — восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года!

— А сейчас пятое июля тысяча восемьсот пятьдесят девятого года! Значит, оно ожидается только через год?

— Совершенно верно, сударыня, — ответил астроном. — Но согласитесь, если б я поехал в будущем году, то рисковал бы явиться слишком поздно!

— Вы правы, мистер Блэк, — сказал Джаспер Гобсон, — и хорошо сделали, что выехали годом раньше. Теперь вы можете быть спокойны, что не пропустите столь интересующего вас затмения. Ибо, должен признаться, наше путешествие от форта Релайанс до мыса Батерст протекало в чрезвычайных условиях. Нам встретилось очень мало препятствий, а потому и опоздание получилось незначительное. Сказать по правде, я не надеялся достичь побережья раньше середины августа, и, если б затмение должно было состояться восемнадцатого июля тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, то есть этим летом, вы очень легко могли бы его пропустить. Да, кроме того, ведь еще не известно, действительно ли мы находимся за семидесятой параллелью!

— Потому-то я и не жалею, любезнейший лейтенант, — отвечал Томас Блэк, — что совершил это путешествие в вашем обществе; теперь я буду терпеливо ждать следующего года, а с ним и моего затмения. Белокурая Фебея, я полагаю, достаточно важная дама и заслуживает того, чтобы ее немного подождали!

На следующий день, 6 июля, незадолго до полудня Джаспер Гобсон и Томас Блэк приготовились определить координаты мыса Батерст, иными словами, точно установить его широту и долготу. Солнце светило довольно ярко, и контуры его были отчетливо видны. Кроме того, в это время года оно максимально поднимается над горизонтом, и при прохождении через меридиан его высокое положение должно было сильно облегчить задачу обоих наблюдателей.

И накануне вечером и затем еще раз утром лейтенант и астроном, вычислив часовые углы при различных высотах солнца, с полной точностью определили долготу мыса. Но Джаспера Гобсона гораздо больше заботила широта места. Если мыс Батерст находится за семидесятой параллелью, то его меридиан в сущности уже не имел особого значения.

Полдень близился. Весь отряд окружил вооруженных секстансами наблюдателей. Мужественные люди с вполне понятным нетерпением ожидали результата обсервации. Положительный результат означал для них окончание путешествия, отрицательный — дальнейшее странствие по побережью в поисках отвечающего требованиям компании места.

Однако продолжение путешествия привело бы, пожалуй, к неудовлетворительному результату. Если судить по картам этой части американского побережья, — правда, весьма несовершенным, — то, начиная от мыса Батерст, берег, отклоняясь к западу, спускался ниже семидесятой параллели и снова переходил за ее пределы лишь в Русской Америке, где англичане не имели никакого права селиться. Вот почему, тщательно изучив карты северных земель, Джаспер Гобсон не без основания избрал своею целью именно мыс Батерст. Этот мыс как бы стрелкой выбегает за семидесятую параллель; и между сотым и сто пятидесятым меридианом никакой другой выступ берега, принадлежащего к названной части континента — то есть к Британской Америке, — за эту параллель не заходит. Оставалось убедиться, в самом ли деле мыс Батерст занимает отведенное ему на последних картах положение.

Вот в общих чертах тот важный вопрос, разрешить который могли только кропотливые наблюдения Томаса Блэка и Джаспера Гобсона.

Солнце уже приближалось к кульминационной точке своего дневного пути. Наблюдатели направили стекла своих секстангов на продолжавшее еще подниматься светило. Наклонно расположенные на секстане зеркала, уловив отражение солнца, должны будут низвести это отражение до уровня горизонта, и мгновение, когда нижний край отраженного солнечного диска коснется горизонта, станет в то же время мгновением, когда солнце будет находиться в наивысшей точке своего дневного пути, и временем его прохождения через меридиан, то есть истинным полднем того места, с которого ведется наблюдение.

Все глядели затаив дыхание.

— Полдень! — воскликнул вскоре Джаспер Гобсон.

— Полдень! — в ту же секунду ответил Томас Блэк.

Приборы тотчас же опустили. Лейтенант и астроном прочли на делениях лимба величины полученных ими углов и принялись за вычисления.

Через несколько минут лейтенант Гобсон встал и, обратившись к своим спутникам, объявил:

— Друзья, от имени Компании Гудзонова залива заверяю вас, что начиная с сегодняшнего дня, шестого июля, вы будете получать обещанное вам двойное жалованье!

— Ура! Ура! Ура компании! — хором закричали достойные товарищи лейтенанта Гобсона.

Мыс Батерст и прилегающая к нему местность и в самом деле оказались расположенными выше семидесятой параллели.

Вот, кстати, эти вычисленные с точностью до одной секунды координаты, которые впоследствии сыграли столь важную роль в судьбе нового форта.

Долгота: $127^{\circ} 36' 12''$ к западу от Гринвичского меридиана.

Широта: $70^{\circ} 44' 37''$ к северу от экватора.

В тот же вечер, расположившись лагерем так далеко от обитаемого мира, более чем в восьмистах милях

от форта Релайанс, отважные пионеры увидели, как лучезарное светило склонилось к западу и, чуть скользнув по горизонту, не спрятаło за ним и краешка своего пламенеющего диска.

Перед их взором впервые засияло полнощное солнце.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Форт Надежды

Место постройки форта было выбрано окончательно. Нигде бы не нашлось более удобного уголка, чем этот прижавшийся к мысу Батерст плоский участок земли на восточном берегу озера. Джаспер Гобсон решил немедленно приступить к сооружению главного дома. Пока что каждому предоставлялось располагаться по своему вкусу, причем изобретательно расставленные сани немало способствовали устройству временного лагеря.

Впрочем, полагаясь на умелость своих товарищей, лейтенант рассчитывал, что самое большее через месяц главный дом будет готов. Он должен был быть достаточно обширным, чтобы на первых порах в нем могли разместиться все девятнадцать членов отряда. Затем, если позволит время, еще до наступления сильных морозов будут выстроены помещения для солдат и склады для хранения мехов и шкур. Но Джаспер Гобсон не надеялся закончить эти работы раньше конца сентября. А с октября наступят долгие ночи, дурная погода, а там и зима с первыми заморозками, так что волей-неволей постройку придется приостановить.

Из десяти солдат, выбранных капитаном Крэвенти, двое, Сэбин и Марбр, были по преимуществу охотниками. Остальные восемь управлялись с топором не менее ловко, чем с ружьем. Они, как моряки, умели делать все, были мастерами на все руки. И сейчас, когда нужно было выстроить форт, на который никто пока еще не собирався нападать, этих людей нужно было использовать скорее как мастеровых, чем как солдат. Петерсен, Бельчер, Рэй, Гарри, Понд, Хоуп, Келлет

превратились в умелых, рьяно принявшихся за дело плотников. Распоряжался ими Мак-Нап, шотландец из Стерлинга: он сумел бы хорошо выстроить не только дом, но даже корабль. В инструментах — топорах, ло- щилах, ножовках, теслах, рубанках, пилах, молотах, молотках и долотах — недостатка не было. Один из солдат, Рэй, кузнец по специальности, мог при помощи маленькой переносной кузницы изготовить болты, шипы, дверные петли, гвозди, винты, гайки — словом, все необходимое для плотничьих работ. Только камен- щика не было среди этих мастеровых, но каменщик и не был нужен, так как все постройки в северных фак- ториях сооружают из дерева. По счастью, окрестности мыса Батерст изобиловали лесом, но странно, — и Джаспер Гобсон сразу это отметил, — что нигде не виднелось ни скалы, ни валуна, ни камня, ни даже гальки. Земля да песок — и ничего больше. Берег был усыпан несметным количеством разбитых прибоем дву- створчатых раковин, морскими растениями и множе- ством зоофитов — большей частью морских ежей и звезд. Лейтенант обратил внимание миссис Полины Барнет на это удивительное отсутствие во всей округе хотя бы одного камня, или куска кремня, или обломка гранита. Да и самый мыс представлял собой только гору сыпучей земли, едва скрепленной корнями рас- тений!

В тот день после полудня Джаспер Гобсон и ма- стер-плотник Мак-Нап отправились на площадку у подножья мыса Батерст выбрать место для постройки главного дома. Отсюда можно было окинуть взглядом и озеро и всю простиравшуюся на запад местность, миль на десять — двенадцать. Направо, милях в четы- рех, громоздились довольно высокие утесы, вдаль слегка подернутые туманом. Налево лежала обширная равнина, или степь, которую зимою нельзя было бы отличить от сплошной ледяной поверхности котловины и океана.

Выбрав место, Джаспер Гобсон и мастер Мак-Нап наметили бечевкой границы дома. Получился прямо- угольник в шестьдесят футов длиной и в тридцать ши- риной. Было решено, что задний фасад дома должен

был иметь, при шестидесяти футах длины, четыре проема: дверь и три окна, выходящие к мысу и во внутренний двор, а передний фасад — четыре окна, обращенные на озеро. Дверь решили пробить не посередине, а в левом углу, чтобы дом был как можно больше приспособлен для жилья. Такое устройство не позволило бы морозному воздуху врываться в задние комнаты, расположенные в противоположном конце здания.

Первое от входа помещение были сени, надежно защищенные от холодных ветров двойной дверью; второе — кухня, нарочно устроенная поближе к выходу, чтобы сырость от частой стряпни не проникала в жилые комнаты; третье — большая зала, в которой все ежедневно будут собираться для общих трапез; четвертое помещение было разделено на маленькие, как корабельные каюты, комнатки. Таков был более чем простой план, выработанный лейтенантом и мастером-плотником.

Солдаты должны были временно жить в большой зале, в глубине которой для них устраивались широкие сплошные нары. Лейтенант, миссис Барнет, Томас Блэк, Мэдж, миссис Джолиф, миссис Мак-Нап и миссис Рэй должны были поселиться в комнатках четвертого отделения дома. По правде сказать, будет довольно-таки тесно, но такое положение продлится недолго, и, как только помещения для солдат будут готовы, главный дом останется в полном распоряжении начальника экспедиции, сержанта, миссис Полины Барнет, которую, конечно, не покинет ее верная Мэдж, и астронома Томаса Блека. Тогда, разрушив временные перегородки, можно будет разделить четвертое отделение всего на три комнаты, ибо зимовщики не должны забывать правила «Долой углы!» Дело в том, что зимой все углы и закоулки промерзают: перегородки препятствуют свободному движению воздуха, и сырость, быстро обращаясь в снег, делает комнаты нежилыми и вредными для их обитателей, вызывая у них нередко серьезные заболевания. Поэтому многие мореплаватели, готовясь к зимовке во льдах, устраивают на своем судне одну общую каюту, в которой живет сообща весь экипаж — и офицеры и матросы. Но Джас-

пер Гобсон не мог так поступить по вполне понятным причинам.

Как видно из описания, этот еще не существовавший главный дом форта должен был состоять из одного этажа под длинной крышей с очень крутыми скатами для быстрого стока талых вод. Что касается снега, то он все равно на ней удержится, и его толстый покров будет полезен вдвойне: он герметически закупорит щели и будет поддерживать в доме ровную температуру. Снег — по природе своей очень плохой проводник тепла; правда, он не дает теплу проникнуть извне, но зато — а это во время арктических зим куда важнее — и не выпускает его наружу.

Через крышу строителям предстояло вывести две трубы: одну — над кухонной плитой, другую — над печью в большой зале; та же печь будет обогревать и комнатки четвертого помещения. Вряд ли дому суждено было заслужить когда-нибудь название архитектурного шедевра, но он должен был стать возможно более удобным жилищем. Чего же еще можно было требовать? Впрочем, зимою, в густых сумерках полярной ночи, среди бурной метели, этот грубо сколоченный, полузасыпанный снегом, белый снизу доверху дом зимовщиков с метущимся над ним по ветру сероватым дымком, быть может, представит собою такое необычное, мрачное и волнующее зрелище, что, раз увидев, его долго не забудет художник.

Итак, план нового дома был готов. Оставалось привести его в исполнение. Это уже было дело мастера Мак-Напа и его подручных. А пока плотники будут трудиться над постройкой, охотники отряда, на которых возложена поставка продовольствия, тоже не останутся праздными. Работы хватит на всех.

Прежде всего Мак-Нап отправился на поиски строевого леса. На холмах он обнаружил в большом количестве сосну, очень похожую на шотландскую. Деревья были средней высоты, вполне подходящие для дома, который предстояло выстроить. В таких простых жилищах стены, полы, потолки, перегородки, переборки, стропила, ребра крыши, столбы, драпка — все делается из бревен, балок и досок.

Понятно, подобного рода сооружение не требует большого искусства, и Мак-Нап строил быстро, однако отнюдь не в ущерб прочности.

Он отобрал сотню самых прямых сосен и спилил их в футе от земли. Их стволы уже без веток, но не очищенные от коры и не остроганные составили такое же количество двадцатифутовых бревен. Топоры и тесла коснулись их только на концах, где надо было выбрать пазы и шипы, которые скрепят их между собою. На это дело ушло несколько дней, и скоро все бревна были доставлены на собаках к площадке, отведенной под главный дом.

Предварительно ее тщательно выровняли. Состоявший из земли и мелкого песка грунт крепко утрамбовали, низкую траву и тощий кустарник выжгли тут же на месте, в результате чего плотный, не пропускающий сырости слой золы густо покрыл землю. Получилось ровное и сухое место, и теперь Мак-Нап мог спокойно укладывать первые венцы.

Когда подготовительные работы были завершены, в углы и в места скрещения внутренних стен вбили вертикальные столбы, на которых должен был покоиться каркас дома. Концы их сначала обуглили, а затем вогнали в землю на глубину нескольких футов. Между этими столбами, несколько стесав их с внутренней стороны, уложили поперечные брусья с заранее сделанными в них проемами для дверей и окон. Наверху брусья соединили карнизом, который, глубоко войдя в пазы, прочно укрепил наружные стены. На этом карнизе утвердили высокие фермы кровли, нависавшие, как у швейцарских шале, над стенами дома. На прямоугольное основание карниза легли потолочные балки, а на слой золы — балки пола.

Все эти балки как наружных, так и внутренних стен были по возможности плотно пригнаны одна к другой. В иных местах для большей прочности кузнец Рэй просверлил их и соединил длинными железными болтами, которые он вогнал в дерево сильными ударами молота. Такие стены, конечно, не были образцом совершенства; в них осталось много щелей, которые необходимо было чем-нибудь наглухо заделать. Мак-Нап решил законо-

патить их, как конопатят борта судов, так, чтобы сквозь них не просочилась ни одна капля воды. Для этой цели взамен пакли употребили сухой мох, который покрывал восточные склоны мыса. Этот мох глубоко забивали в щели, ударяя колотушками по долотам, а пазы мастер велел залить горячей смолой, которую в изобилии давали сосны. Сложенные таким образом стены и хорошо настланные полы были совершенно недоступны для сырости, а самая их толщина могла служить надежной защитой от зимней стужи и пронизывающих ветров.

Навесили дверь и в оба фасада вставили грубо, но прочно сколоченные оконные рамы. За неимением стекол, пришлось удовольствоваться пластинками из рыбьего клея — желтоватого и полупрозрачного роговидного вещества, которым заделали частые переплеты окошек. Впрочем, в стеклах особенной надобности не было: летом окна для проветривания будут постоянно держать открытыми, зимою же, — так как ждать света от черного неба арктической ночи все равно не приходилось, — окна будут наглухо закрыты толстыми ставнями на крепких болтах, способных выдержать любой натиск бури.

Внутренняя отделка дома и комнат была довольно быстро закончена. Вторая дверь в сени, прорубленная позади наружной, защищала входящих и выходящих от резкого перехода между комнатной температурой и температурой наружной. Благодаря этому насыщенный холодом и ледяной сыростью ветер не имел прямого доступа в жилые помещения. Кроме того, в доме были установлены привезенные из форта Релайанс воздушные насосы со специальным резервуаром, при помощи которых можно было регулировать и освежать воздух, когда чересчур сильный мороз не позволит отворять ни дверей, ни окон. Один из насосов должен был удалять из комнаты перегруженный вредными испарениями воздух, другой — без помехи нагнетать в резервуар чистый наружный воздух, который станет потом расходоваться по мере надобности. Лейтенант Гобсон внимательно следил за установкой этих насосов, которые в случае нужды могли оказать обитателям дома неоценимые услуги.

Основным приспособлением в кухне была огромная чугунная плита, привезенная в разобранном виде из форта Релайанс. Кузнецу Рэю оставалось только собрать ее, что не составило особого труда и не отняло много времени. Но дымоходы и трубы как от кухонной плиты, так и от печки в зале потребовали гораздо больших забот и изобретательности. Трубы из листового железа не годились, так как не могли бы устоять против ветров периода равноденствия; необходимо было применить какой-нибудь более прочный материал. После нескольких неудачных проб Джаспер Гобсон решил отказаться от дерева и взамен этого найти что-либо другое. Если б под руками был камень, то затруднение устранили бы легко. Но, как уже было сказано, в окрестностях мыса Батерст камень полностью — и по совершенно необъяснимой причине — отсутствовал.

Зато песчаные берега моря — об этом тоже говорилось — были покрыты миллионами раковин.

— Ну что ж, Мак-Нап, — сказал лейтенант Гобсон, — мы сделаем наши печные трубы из раковин.

— Из раковин?! — вскричал плотник.

— Да, да, Мак-Нап, — ответил Джаспер Гобсон. — Сначала истолчем их, потом пережжем и превратим в известь. А из этой извести наделаем брикетов и сложим из них трубы, как из обыкновенных кирпичей.

— Идет, — ответил плотник, — из раковин так из раковин!

Идея лейтенанта Гобсона была превосходной, и к исполнению ее тотчас же приступили. Берег был буквально усыпан неисчислимым количеством известковых раковин: из подобных раковин частично образованы известняки нижнего слоя третичных отложений. Мак-Нап распорядился набрать несколько тонн этих ракушек; затем смастерили особую печь, чтобы путем переплавки удалить входящую в состав раковин углекислую соль. В конце концов получилась почти такая же известь, какую употребляют каменщики.

Эта операция заняла весь день. Сказать, что Джаспер Гобсон и Мак-Нап получили этим простейшим способом хорошую, жирную, свободную от посторонних примесей, легко делимую при смачивании, густую

и способную быстро затвердевать массу, — было бы преувеличением. Однако какой бы ни была эта извесь, когда из нее сформовали кирпичики, они оказались вполне пригодными для кладки труб. Через несколько дней над крышей вознеслись две конические трубы, толщина которых служила залогом того, что они устоят против сильнейших порывов ветра.

Миссис Барнет поздравила лейтенанта и плотника Мак-Напа с быстрым и успешным завершением этого трудного дела.

— Лишь бы только они у вас не дымили! — прибавила она смеясь.

— Дымить они будут, сударыня, — с философским спокойствием ответил Джаспер Гобсон, — обязательно будут, можете в этом не сомневаться — ведь трубы всегда дымят!

Итак, в какой-нибудь месяц была осуществлена большая работа. На 6 августа назначили торжественное вселение в новый дом. Пока Мак-Нап и его помощники без передышки трудились, пока миссис Джолиф хлопотала у кухонной плиты, сержант Лонг, капрал Джолиф и охотники Марбр и Сэбин во главе с Джаспером Гобсоном вдоль и поперек исходили окрестности мыса Батерст. К своему полному удовлетворению, они убедились, что и пушного и пернатого населения здесь вполне достаточно. Регулярная охота еще не началась, и охотники только обследовали местность. Однако им удалось захватить живьем несколько пар оленей, которых решено было приручить. Самки вскоре должны были дать приплод, а также начать снабжать форт молоком. Животных поспешили водворить в обнесенный частоколом загон, устроенный шагах в пятидесяти от дома. Жена Мак-Напа, индианка, знала толк в уходе за оленями, и на нее были возложены заботы о них.

Что касается миссис Барнет, то с помощью Мэдж она взялась за внутреннее устройство жилья, и вскоре благотворная деятельность этой умной и доброй женщины сказалась в тысяче мелочей, о которых, по всей вероятности, никогда не вспомнили бы Джаспер Гобсон и его товарищи.

Обследовав территорию на пространстве многих миль вокруг, лейтенант обнаружил, что облюбованный им край представлял собою обширный полуостров площадью около ста пятидесяти квадратных миль. Перешеек, мили в четыре шириной, связывал его с американским континентом: на западе перешеек соприкасался с заливом Уошберн, на востоке — с бухтой, врезанной в континент. Границы полуострова, который лейтенант назвал полуостровом Викторией, были таким образом точно установлены.

Затем Джаспер Гобсон решил выяснить, чем богаты озеро и море. Вскоре он узнал, что в неглубоких водах озера в изобилии водятся форель, щука и другие пресноводные рыбы, а это был факт немаловажный. Речка давала приют поднимавшимся вверх по ее течению лососям, а также стайкам суетливых корюшек и еще каких-то мелких рыбешек. Но море оказалось гораздо менее населенным, чем озеро. Правда, время от времени в отдалении проплывали громадные киты, кашалоты и дельфины, спасавшиеся, по всей вероятности, от гарпуна китобоев Берингова пролива; и не исключено было, что в один прекрасный день море выбросит на берег какое-нибудь из этих гигантских млекопитающих. Пожалуй, только таким способом колонисты мыса Батерст и могли бы им завладеть. Западную часть побережья посещали многочисленные стада тюленей, но Джаспер Гобсон запретил своим спутникам заниматься сейчас бесполезной охотой. Позднее видно будет, встретится ли в них вообще какая-нибудь надобность.

Итак, 6 августа колонисты мыса Батерст вступили во владение своим новым жилищем. Они давно подбирали для него удачное название и после долгих споров сошлись на одном, которое было принято единодушно.

Этот дом, или, вернее, форт, — самый северный из всех принадлежавших тогда компании на американском побережье, — был наречен фортом Надежды.

И если, к ущербу современной картографии, его нельзя найти на новейших картах арктических областей, то лишь потому, что страшная участь ожидала его в весьма недалеком будущем.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Несколько экскурсий

Меблировка нового дома не заставила себя долго ждать. Сплошные нары, устроенные в большой зале, были вполне пригодны для сна. Плотник Мак-Нап соорудил огромный стол, толстоногий, топорный и неуклюжий, но зато такой, что уж никогда не подломится под тяжестью яств. Вокруг стола разместились не менее массивные, устойчивые скамьи; слово «мебель», подразумевающее движимое имущество, было к ним мало применимо, ибо сдвинуть их с места не представлялось возможным. Несколько более легких стульев и два поместительных шкафа дополняли убранство залы.

Помещение в глубине дома также было готово. Плотные перегородки разделяли его на шесть кабинок, из которых только две крайние были светлые; на каждую приходилось по одному окну, последнему в переднем и заднем фасаде дома. В каждой комнатке стояли кровать и стол. Миссис Барнет и Мэдж занимали комнату с видом на озеро. Джаспер Гобсон предложил Томасу Блэку вторую светлую комнатку, выходившую окном во двор, и астроном незамедлительно в ней водворился. Сам же лейтенант, в ожидании пока его люди разместятся в отдельных помещениях, довольствовался полутемной каморкой рядом со столовой, кое-как освещавшейся через проделанный в стене глазок. Миссис Джолиф, миссис Мак-Нап и миссис Рэй устроились со своими мужьями в остальных комнатах. Это были три дружные, любящие четы, и разлучать их было бы жестоко. Кстати, в колонии вскоре должен был появиться новый зимовщик. Однажды плотник Мак-Нап, расхрабрившись, обратился к миссис Барнет с вопросом, не окажет ли она ему честь быть крестной матерью его ребенка, который должен был родиться в конце года. Конечно, миссис Барнет с готовностью согласилась.

Сани были полностью разгружены, и все предметы домашнего обихода внесены в комнаты. На чердаке,

куда можно было попасть по лесенке из сеней, сложили инструменты, а также продовольствие и боевые припасы, в которых не предвиделось скорой надобности. Зимнюю одежду, сапоги и куртки, шкуры и меха убрали в огромные шкафы, подальше от сырости.

Следующей заботой лейтенанта была заготовка топлива на зиму. На лесистых холмах нарубили большой запас дров, ибо зимою могли ударить такие морозы, что неделями нельзя будет высунуться наружу. Лейтенант решил даже воспользоваться тем, что тюлени еще выходили на берег, и натопить как можно больше жира; с полярной стужей следовало бороться самыми решительными средствами. По его приказу и под его наблюдением были сделаны особые, вбирающие в себя комнатную влагу конденсаторы; эти аппараты были так устроены, что накапливающийся в них зимою лед всегда легко можно было вытряхнуть.

Вопрос отопления, безусловно очень важный, сильно заботил лейтенанта Гобсона.

— Сударыня, — не раз говорил он путешественнице, — я сын севера и имею кое-какой опыт на сей счет, а главное, я столько читал всевозможных рассказов о зимовках! Уверяю вас, когда предстоит провести зиму в полярных условиях, нет такой предосторожности, которая оказалась бы лишней. Надо предвидеть все, ибо одно-единственное упущение может повлечь за собою непоправимые беды.

— Я верю вам, мистер Гобсон, — отвечала миссис Барнет, — и вижу, что стужа встретит в вашем лице грозного противника. Но разве вопрос продовольствия вы не считаете таким же важным?

— Он важен в равной мере, сударыня, и я приму все меры, чтобы сэкономить взятый нами запас. На днях, как только совсем устроимся, мы начнем охоту на годных в пищу животных. Что касается охоты на пушных зверей, то к ней мы приступим позже, и склады компании пустыми не останутся. Время охоты на куниц, горностаев, лисиц и прочих пушных зверей пока не пришло: они еще не оделись в зимние шубы, и если убивать их сейчас, то шкурки пойдут на двадцать пять процентов дешевле их настоящей стоимости.

Нет, позаботимся прежде о кладовых форта Надежды. Пусть охотники займутся оленями, лосями и вапити, если только они заходят на наши отдаленные берега. Прокормить двадцать человек и шестьдесят собак — это, знаете, не шутка!

Как видим, лейтенант был человек методический. Он действовал обдуманно, и товарищи беспрекословно ему подчинялись; поэтому он мог не сомневаться, что доведет свое трудное дело до благополучного конца.

Погода в те дни стояла прекрасная. Снежный период должен был начаться не ранее, чем через пять недель. Когда работа над главным домом была завершена, плотники по распоряжению Джаспера Гобсона приступили к постройке обширного помещения для собак. Этот «dog-house»¹ был выстроен у подошвы мыса; он вплотную примыкал к откосу, шагах в сорока от правой стены дома. Помещения для солдат предполагалось расположить по левую руку, против псарни, а склады и пороховой погреб — также в пределах ограды, но перед домом.

Из предосторожности, быть может излишней, Джаспер Гобсон хотел выстроить эту ограду до наступления зимы. Сплошной, глубоко вбитый в землю частокол из заостренных бревен должен был защитить факторию не только от вторжения крупных животных, но и от нападения людей, в случае если индейский или какой-либо другой отряд охотников предпринял бы враждебные действия. Лейтенант не забыл следов, оставленных неизвестными людьми на побережье, меньше чем в двухстах милях от форта Надежды. Он хорошо знал, что кочующие охотники способны на любое насилие, и считал необходимым на всякий случай оградить форт от возможного покушения. Линия этих наружных укреплений должна была идти вокруг всей фактории, а в двух передних, обращенных к котловине, углах частокола мастер Мак-Нап взялся выстроить две деревянные башенки, в которых могла бы укрыться охрана форта.

¹ Псарня (англ.).

Если бы еще немного приналець, — а рьяные помощники Мак-Напа умели работать без передышки, — то можно было надеяться, что все эти постройки будут закончены до прихода зимы.

За это время Джаспер Гобсон предпринял несколько охотничьих вылазок. Поход на тюленей был на несколько дней отложен, и охотники занялись преследованием жвачных животных, мясо которых, сушеное и консервированное, должно было в зимние месяцы обеспечить питанием жителей форта.

Начиная с 8 августа Сэбин и Марбр ежедневно обходили окрестности на пространстве многих миль, иногда одни, иногда в сопровождении опытных охотников — лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга. Неугоминая миссис Полина Барнет нередко отправлялась вместе с ними, захватив ружье, которым отлично владела; она ни в чем не уступала своим товарищам по охоте.

Эти походы, продолжавшиеся весь август, были как нельзя более удачны, и запасы провизии на чердаке росли на глазах. Надо сказать, что Марбр и Сэбин в совершенстве знали все применяемые на севере охотничьи уловки, а это было крайне важно, особенно в отношении на редкость пугливых оленей. Как осторожно пробирались они по лесу, стараясь зайти против ветра, чтобы обмануть тонкий нюх этих животных! Иногда они их подманивали, размахивая над зарослью карликовых берез оленьими рогами — великолепным трофеем предыдущих охот, и олени, или «карибу», как их называют индейцы, привлеченные мнимым присутствием своего сородича, подходили на расстояние выстрела, который, конечно, не раздавался впустую. Случалось также, что птица-доносчица, хорошо известная Марбру и Сэбину небольшая дневная сова величиной с голубя, сообщала охотникам, куда скрылись олени. Она оповещала их пронзительным криком, похожим на крик младенца, оправдывая этим данное ей индейцами прозвище «вестницы». Оленей было убито штук пятьдесят. Их мясо, нарезанное длинными и тонкими полосами, составило весьма основательный запас продо-

вольствия, а кожа после дубления должна была пойти на обувь.

Но не одни только карибу послужили для пополнения довольствия форта. Не меньше способствовали этому и полярные зайцы, необыкновенно расплодившиеся на всей окрестной территории. Они оказались не такими трусами, как их европейские сородичи, и самым нелепым образом подставляли себя под выстрелы. Крупные длинноухие черноглазые грызуны с белоснежным, словно лебяжий пух, мехом весили от десяти до пятнадцати фунтов. Охотники настреляли великое множество этих славящихся своим удивительно сочным мясом зверьков. Сотни зайцев были закопчены впрок, а из остальных искусница миссис Джолиф готовила весьма соблазнительные паштеты.

Пока накапливались запасы на будущее время, ежедневное пропитание также не оставалось в небрежении. На стол каждый день подавали полярных зайцев, и проголодавшиеся охотники, не хуже мастеровых Мак-Напа, отдавали должное доброму куску свежей и вкусной зайчатины. В кухне, где священнодействовала миссис Джолиф, эти грызуны подвергались всевозможным кулинарным превращениям; проворная женушка капрала, к великому удовольствию супруга, превосходила самое себя, а он всячески добивался непрестанных похвал по ее адресу, на которые, впрочем, никто не скупился.

Водоплавающие птицы также немало украшали ежедневный рацион. Главным образом то были селившиеся у берегов озера утки, но, кроме них, были и другие птицы, о которых стоит упомянуть. Эти принадлежавшие к породе куропаток пернатые большими стаями садились среди чахлах ив; на языке орнитологов для них существует множество имен. Но когда миссис Барнет спросила однажды у Сэбина, как называются эти птицы, он ответил:

— Сударыня, индейцы зовут их «ивовыми тетеревами», а мы, охотники-европейцы, зовем их «глухари». »

На самом деле эти птицы всего более походили на белых куропаток, только хвост у них был иной:

длинный, с черными крапинками на конце. То была великолепная дичь, которая на весело потрескивающем огне быстро превращалась в превкусное жаркое.

В добавление к этим различным сортам мяса воды озера и речки также вносили посильную лепту. Трудно было найти лучшего рыболова, чем молчаливый и невозмутимый сержант Лонг. Ловил ли он рыбу на живца, или наудачу забрасывал удочку с пустым крючком, — никто не мог соперничать с ним в ловкости и терпении, разве только Мэдж, верная служанка миссис Барнет. Эти два ученика знаменитого Исаака Уолтона часами сидели рядышком с удочками в руках, подстерегая добычу и не произнося ни звука; но благодаря им свежей рыбы всегда было вдосталь, и либо озеро, либо речка ежедневно поставляли к столу форта великолепных представителей семейства лососевых.

Во время экскурсий, которые совершались почти ежедневно до самого конца августа, охотники часто сталкивались с крайне опасными хищными животными. Джаспер Гобсон не без некоторой тревоги обнаружил, что вокруг водится множество медведей. Редко проходил день без того, чтобы в отдалении не показалось два-три страшных хищника. Этих непрошенных гостей не раз приходилось угощать пулями. То вдруг являлась компания бурых медведей, коренных обитателей Проклятой Земли, то — целое семейство гигантских полярных медведей, которых первые же морозы, без всякого сомнения, должны были привести в еще большем числе в окрестности мыса Батерст. Ведь из рассказов зимовщиков известно, что путешественникам и китоловам по нескольку раз в день приходится отражать атаки этих свирепых хищников.

Марбр и Сэбин не раз замечали также стаи волков, которые, почуя охотников, быстрее ветра пускались наутек. То и дело доносился их «лай», особенно когда они преследовали оленя или вапити. Это были большие, в три фута высотой, с длинными хвостами серые волки, шерсть которых должна была побелеть с наступлением зимы. Богатая животными местность давала им легкую добычу, и волки расплодились здесь во множестве. В лесу можно было встретить их

норы с несколькими выходами; в них они прятались, как лисицы. Теперь волки были сыты по горло, и, едва завидев охотников, они обращались в бегство с характерной для их породы трусостью. Но зимой — в голодное время — эти животные могли стать страшными уже одним своим количеством, а о том, что они никуда не уйдут, свидетельствовали их многочисленные логовища.

Однажды охотники принесли в форт Надежды довольно противного с виду зверя, каких ни миссис Полина Барнет, ни астроном Томас Блэк никогда дотоле не видели. То было какое-то длинноstopное животное, похожее на американскую росомаху, — свирепый хищник с коренастым туловищем, на коротких лапах с загнутыми когтями и с могучими челюстями; в его глазах постоянно светится дикая злоба, а спина выгибается, как у животных кошачьей породы.

— Что это за гадкий зверь? — спросила миссис Барнет.

— Сударыня, — ответил склонный к обстоятельным объяснениям Сэбин, — шотландец назвал бы его «квик-хэтч», индеец — «олеку-хау-джью», канадец — «кар-кажу»...

— А по-вашему, это кто? — спросила миссис Барнет.

— А по-моему, это просто росомаха, — объявил очень довольный своим замысловатым ответом охотник.

Действительно, «росомаха», или «лабрадорский барсук», и есть настоящее зоологическое наименование этого удивительного четвероногого. Росомаха — очень опасный ночной хищник; она живет в дуплах деревьев и расселинах скал и беспощадно истребляет бобров, мускусных крыс и других грызунов; она — отъявленный враг лисиц и волков, у которых смело отнимает добычу. Этот весьма хитрый, очень сильный, с замечательным обонянием зверь встречается в самых высоких широтах; его короткий, почти черный зимою мех занимает в экспорте компании далеко не последнее место.

Благодаря охотничьим экскурсиям флора полуострова была обследована не менее подробно, чем

фауна. Но растения, не имеющие возможности, подобно зверям, переселяться на зимнее время в более теплые края, естественно, были менее разнообразны, чем животные. Здесь главным образом встречались сосны и ели, гуще всего разросшиеся на склонах холмов вдоль восточного берега озера. Джаспер Гобсон заметил также несколько «такамахаков» — это особого вида очень высокие душистые тополя; их листья, желтые весной, приобретают осенью яркозеленый цвет. Но тополя попадались редко, так же как и чахлая лиственница, которую не способны были оживить косые лучи солнца. Черная ель привилась здесь лучше, особенно в узких теснинах, где она была защищена от северного ветра. Присутствие этого дерева всех очень обрадовало, так как из его почек готовится пользующееся большим почетом пиво, известное в Северной Америке под названием «елового». Богатый сбор этих почек был сложен в погребе форта Надежды.

Из других деревьев, присущих странам с очень холодным климатом, здесь встречалась еще карликовая береза в два фута высотой и попадались целые рощицы кедров, доставившие на зиму превосходное топливо.

Однако среди дикорастущих на скупой северной почве растений годных в пищу было очень мало. Миссис Джолиф, которую сильно интересовала «полезная» ботаника, нашла только два растения, достойные того, чтобы идти в пищу.

Одно из них, луковичное, очень трудно было распознать, ибо листья у него опадают именно тогда, когда оно входит в пору цветения; оно оказалось диким луком-пореем. Было собрано много луковиц этого порея величиной с яйцо; должным образом приготовленные, они подавались к столу в качестве овощей.

Другое растение, повсеместно известное на севере Америки под названием «лабрадорского чая», в изобилии росло на склонах котловины между рощицами и зарослями кустарника, составляя любимую пищу полярных зайцев. Из этого чая, заваренного крутым кипятком и сдобренного несколькими каплями брэнди или джина, получается прекрасный напиток; это расте-

ние собрали и засушили в большом количестве, что дало возможность экономить запас китайского чая, привезенного из форта Релайанс.

Чтобы восполнить недостаток овощей, Джаспер Гобсон захватил в экспедицию разные семена, которые предполагалось посеять, когда придет время. Главным образом это были щавель и ложечник, очень ценимые в высоких широтах за свои противоцинготные свойства. Можно было надеяться, что эти семена взойдут будущим летом, если только удастся найти место, защищенное от пронизывающего северного ветра, как пламя сжигавшего здесь всякую расгительность.

Впрочем, в аптеке нового форта не было недостатка в противоцинготных средствах. Компания снабдила экспедицию несколькими ящиками лимонов и бутылками лимонного сока — драгоценной эссенцией, без которой не может обойтись ни одна полярная экспедиция. Но этот запас, как и все прочие, необходимо было расходовать экономно, ибо неблагоприятная погода могла на долгое время прервать сообщение между фортом Надежды и факториями Юга.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В пятнадцати милях от мыса Батерст

Наступили первые дни сентября. Хорошая погода могла продержаться в лучшем случае еще недели три, и затем возведение построек по необходимости пришлось бы прекратить. Надо было торопиться. К счастью, работа шла полным ходом. Мастер Мак-Нап и его помощники выказывали чудеса расторопности: еще несколько ударов молотка — и помещение для собак будет совсем готово; частокол охватил уже почти всю окружность форта, оставалось сделать лишь ворота, открывавшие доступ во двор. Этот частокол из заостренных бревен в пятнадцать футов высотой с внутренней стороны был укреплен своего рода равелином, или земляной насыпью. Возведенный на высшей точке

мыса бастион должен был увенчать всю систему укреплений. Как видим, лейтенант Джаспер Гобсон применил не только принцип сплошной оборонительной линии, но и принцип отдельных укреплений, что было очевидным прогрессом в искусстве Вобанов и Кормонтеней. Но и без бастиона частокол уже достаточно обеспечивал безопасность нового форта как от злоумышления людей, так и от нападения животных.

Четвертое сентября Джаспер Гобсон назначил днем охоты на тюленей. Необходимо было до наступления зимы запастись одновременно и горючим и осветительным материалом.

Тюленье лежбище находилось в пятнадцати милях от форта. Джаспер Гобсон предложил миссис Барнет отправиться вместе с отрядом охотников. Путешественница согласилась. Предстоящее избиение само по себе было для нее малопривлекательно, но любознательная женщина не могла не соблазниться возможностью осмотреть край, познакомиться с окрестностями мыса Батерст и в особенности изучить дальнюю часть побережья, замыкавшуюся на горизонте высокими скалами.

В экспедицию лейтенант Гобсон взял сержанта Лонга и солдат Петерсена, Хоупа и Келлета.

Вышли в восемь часов утра. Двое саней, запряженных шестью собаками и предназначенных для перевозки тюленьих туш, сопровождали отряд.

Так как сани были пока порожние, то часть пути решили сделать на собаках. Небо было ясное, но на горизонте скопились низкие облака, и сквозь них едва просвечивали лучи солнца, желтоватый диск которого в это время года уже скрывался по ночам на несколько часов.

Эта часть побережья — к западу от мыса Батерст — представляла собой совершенно плоскую равнину, всего на несколько метров возвышавшуюся над уровнем Ледовитого океана. Столь необычный рельеф местности привлек внимание лейтенанта Гобсона, и вот почему.

Приливы в арктических морях бывают довольно сильными, по крайней мере их такими считают. Путе-

шественники, которым довелось их наблюдать, — Парри, Франклин, оба Росса, Мак-Клор, Мак-Клинтон, — утверждают, что Ледовитый океан во время сизигий¹ поднимается на двадцать — двадцать пять футов выше обычного уровня. Если наблюдения этих исследователей верны, — а сомневаться в их правильности не было никаких оснований, — то лейтенанту Гобсону оставалось только недоумевать, почему океан, поднявшись под влиянием луны, все же не заливают этого почти не возвышающегося над его уровнем берега, хотя никакие препятствия — ни дюны, ни неровности почвы — не встают на пути его волн, и как получается, что приливы не затопляют полуострова вплоть до самых отдаленных точек горизонта и воды озера не смешиваются с водами океана? А этого явно не происходило в то время и, очевидно, не происходило никогда.

Джаспер Гобсон не мог не поделиться этими мыслями со своей спутницей; миссис Барнет ответила, что приливы в Ледовитом океане, по всей вероятности, вовсе не так значительны, как утверждают.

— Да нет, сударыня, совсем напротив, — воскликнул Джаспер Гобсон. — Все путешественники сходятся на том, что в полярных морях бывают очень сильные приливы и отливы. Нельзя же предположить, чтобы все эти люди ошибались!

— Тогда, мистер Гобсон, потрудитесь объяснить, — возразила миссис Барнет, — почему океан не заливают местность, которая и во время отлива едва на десять футов возвышается над его уровнем?

— Эх, сударыня! — ответил Джаспер Гобсон. — В том-то и беда, что я не знаю, как это объяснить. За месяц, что мы живем на этом берегу, я не раз имел случай убедиться, что в обычное время уровень моря поднимается здесь меньше чем на фут. И я готов утверждать, что через две недели, двадцать второго сентября, когда наступит равноденствие и прилив достигнет своего максимума, у побережья возле мыса Батерст уровень моря не повысится больше чем на полтора фута! Впрочем, мы это скоро увидим сами.

¹ Сизигии — фазы луны (полнолуние и новолуние).

— Но все-таки, мистер Гобсон, чем же объясняется такое странное явление? Ведь в нашем мире необъяснимых явлений не бывает!

— Тут одно из двух, сударыня, — ответил лейтенант. — Либо исследователи плохо наблюдали, что очень трудно допустить, когда речь идет о таких людях, как Франклин, Парри, Росс и другие; либо приливы совсем ничтожны именно на этом участке американского побережья и, быть может, по той же причине, по какой они ничтожны во всех закрытых морях, хотя бы в Средиземном море, где близость берегов и узость проливов не дают разгуляться волнам Атлантического океана.

— Остановимся на последней гипотезе, мистер Гобсон, — ответила Полина Барнет.

— Приходится, — ответил лейтенант, покачив головой, — и, однако, она меня не удовлетворяет; я чувствую, что тут таится какая-то загадка природы, но не могу ее понять.

К девяти часам, проделав значительное расстояние вдоль берега, который всю дорогу оставался таким же плоским и песчаным, сани прибыли к бухте, где находилось тюленьё лежбище. Сани и собак оставили позади, чтобы не распугать тюленей, которых надо было захватить врасплох.

Насколько эта часть побережья отличалась от местности, прилегающей к мысу Батерст!

Там, где остановились охотники, берег был извилистый, источенный волнами и на всем протяжении причудливо взгорбленный. Он, несомненно, был вулканического происхождения, в противоположность окрестностям мыса Батерст, образовавшимся из каких-то наносных отложений.

Не вода, а огонь геологических эпох образовал эту местность. Камень, полностью отсутствовавший у мыса Батерст, — что, кстати, было так же необъяснимо, как и отсутствие приливов, — здесь встречался и в виде принесенных ледниками валунов и в виде скал, наполювину торчащих из земли. На темном песке, среди пористых кусков лавы, повсюду были разбросаны камни-силикаты, известные под общим названием полевых

шпатов, наличие которых неоспоримо доказывало кристаллическое строение побережья. На поверхности поблескивали и неисчислимые лабрадориты, и яркие, переливчатые гальки — синие, красные, зеленые, и куски пемзы, и обломки стекловидных сплавов. Дальше громоздились высокие уступчатые скалы, на двести футов возносившиеся над уровнем моря.

Джаспер Гобсон решил подняться на них, чтобы осмотреть восточную часть края. Времени у него было достаточно, так как час охоты на тюленей еще не наступил. У воды возилось лишь несколько пар этих животных; нападать на них следовало ближе к полудню, когда их соберется побольше и, разморенные солнцем, они заснут на берегу. К тому же Джаспер Гобсон увидел, что эти млекопитающие, хоть и относились к отряду ластоногих, однако были вовсе не тюлени, как ему сказали его люди, а морские лошади или морские коровы, а по зоологической терминологии — моржи; от тюленей они отличаются длинными верхними клыками — бивнями.

Охотники обошли вокруг излюбленной этими животными бухты — они дали ей имя «Моржовой» — и взобрались на прибрежную скалу. Петерсен, Хоуп и Келлет остались на нижнем уступе сторожить животных, а миссис Барнет, Джаспер Гобсон и сержант поднялись на вершину скалы, откуда, с высоты ста пятидесяти или двухсот футов, можно было обозреть всю окрестность, не теряя в то же время из виду троих охотников, которые должны были подать им условный знак, когда моржи соберутся в достаточном количестве.

Через четверть часа лейтенант, его спутница и сержант достигли вершины; отсюда перед их взором развернулись широкие дали.

У их ног лежало необъятное море, на севере сливавшееся с небом. Ни земли, ни ледяных полей, ни айсбергов не было видно. Океан был чист ото льда на всем доступном глазу пространстве, и, по всей вероятности, на этой параллели путь для кораблей был открыт вплоть до Берингова пролива. Значит, во время

летнего сезона суда компании смогут свободно доходить до мыса Батерст через Северо-Западный проход.

Джаспер Гобсон обернулся на запад, и представшая перед ним неожиданная картина открыла ему секрет вулканических обломков, которыми было загромождено побережье.

Милях в десяти от берега друг за другом вздымались усеченные конусы огнедышащих сопок, невидимых с мыса Батерст из-за скрывавших их береговых скал. Их контуры, словно начертанные дрожащей рукой, смутно вырисовывались на фоне неба. Внимательно взглядевшись, Джаспер Гобсон указал на них сержанту и миссис Барнет и, не промолвив ни слова, обратил взгляд в другую сторону.

На востоке, до самого мыса Батерст, тянулась длинная прибрежная полоса — ровная и однообразная. Воссружившись подзорной трубой, можно было бы разглядеть форт Надежды и даже голубоватый дымок, поднимавшийся в этот час над плитой миссис Джолиф.

Позади окрестность открывала взору два резко отличных друг от друга пейзажа. К югу и к востоку от мыса Батерст раскинулась обширная, в несколько сот квадратных миль равнина. Начиная же от бухты Моржовой, местность между береговыми скалами и вулканическими горами была вздыблена и изрыта; весь ее вид говорил о каком-то геологическом перевороте, которому она была обязана своим происхождением.

Лейтенант пристально всматривался в эти две соседние и так поразительно несхожие между собой территории. Это показалось ему весьма странным — он никогда не видел ничего подобного.

Сержант Лонг спросил:

— Вам не кажется, мистер Гобсон, что виднеющиеся на западе горы — это вулканы?

— Вне всякого сомнения, сержант, — ответил Джаспер Гобсон. — Это они извергли на побережье и куски пемзы, и стекловидные сплавы, и бесчисленные лабрадориты; мы не прошли бы и трех миль в сторону этих гор, как у нас под ногами оказались бы лава и пепел.

— А как по-вашему, лейтенант, они — действующие? — спросил сержант.

— Трудно сказать.

— Но ведь над их вершинами сейчас не видно дыма.

— Это ничего не доказывает, Лонг. И у вас во рту не всегда дымится трубка!

— Не всегда, мистер Гобсон.

— Ну вот, Лонг, так же обстоит дело и с вулканами: они тоже не всегда курятся.

— Понимаю, мистер Гобсон, — ответил сержант Лонг. — Но, признаться, я никак не предполагал, что в Заполярье могут быть вулканы.

— Их здесь не так уж много, — заметила миссис Барнет.

— Да, немного, сударыня, — ответил лейтенант, — однако они все же есть: на острове Ян-Майен, на Алеутских островах, на Камчатке, в Русской Америке, в Исландии; затем на юге — на Огненной Земле и в Антарктике. Вулканы — всего лишь трубы того гигантского завода в недрах земли, где перерабатываются химические продукты земного шара, и я думаю, что природа создала эти трубы везде, где в них встретилась надобность.

— Так-то оно так, мистер Гобсон, — ответил сержант, — но у самого полюса, в таком холодном климате!..

— А какая разница, сержант? Какая разница — на полюсе или на экваторе? Скажу больше: возле полюсов отдушины должны быть даже многочисленнее, чем в любой другой точке земного шара.

— А почему, мистер Гобсон? — спросил сержант, которого, видимо, поразило это утверждение.

— Потому что, если эти клапаны открылись под давлением внутренних газов, то это должно было произойти там, где земная кора тоньше. А так как Земля сплюснута именно около полюсов, то естественно... Смотрите-ка, Келлет подает нам сигнал! — воскликнул лейтенант, прерывая свои пояснения. — Вы пойдете с нами, сударыня?

— Я подожду здесь, — ответила путешественница. — Избиение моржей меня совсем не привлекает!

— Хорошо, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Через час все будет кончено, и, если вы спуститесь к этому времени, мы сразу же отправимся в обратный путь.

Миссис Полина Барнет осталась на вершине скалы любоваться разнообразием развернувшейся перед ее взором панорамы.

Четверть часа спустя Джаспер Гобсон и сержант Лонг были уже на берегу.

Моржей собралось теперь много. Их можно было насчитать не меньше сотни. Некоторые ползали на лапах по песку, но большинство, расположившись семьями, спало. Два-три огромных самца, метра в три длиной, покрытые негустой рыжеватой шерстью, словно часовые, стерегли покой стада.

Охотники приближались с величайшей осторожностью, пользуясь выступами скал и неровностями почвы и стараясь незаметно окружить группу моржей, чтобы отрезать им отступление к морю. На суше эти животные тяжелы, мало подвижны и неповоротливы. Они передвигаются короткими скачками или ползут, производя спиной волнообразные движения. Но в воде — их истинной стихии — они проворны, как рыбы; с такими пловцами опасно вступать в борьбу, и случается, они даже топят преследующие их лодки.

Между тем самцы почуяли неладное. Они подняли головы и, озираясь по сторонам, старались разглядеть, откуда надвигается опасность. Но прежде чем они успели протрубить тревогу, Джаспер Гобсон и Келлет набросились на стадо с одной стороны, Лонг, Петерсен и Хоуп подоспели с другой и, ранив пулями пятерых моржей, тут же добили их копьями, в то время как остальные животные в испуге ринулись к морю.

Победа далась легко. Все пять моржей оказались очень крупными. Белая кость их клыков, хотя и несколько шероховатая, была самого лучшего качества; но главное, — и это особенно порадовало лейтенанта

Гобсона, — их большие упитанные туши обещали обильные запасы жира. Моржей взвалили на сани, и собакам пришлось тащить на себе довольно значительный груз.

Был час пополудни. В это время миссис Барнет присоединилась к своим спутникам, и все двинулись вдоль берега в обратный путь к форту Надежды.

Так как сани были нагружены, то люди всю дорогу шли пешком. Им пришлось проделать миль десять — и все по прямой линии. Но, как справедливо гласит английская пословица, «нет дороги длинней, чем дорога прямая». Поэтому охотники, чтобы разогнать скуку однообразного пути, все время беседовали между собой. Миссис Барнет часто вступала в их разговор, пользуясь случаем почерпнуть у этих смелых людей специальные знания, которыми они обладали. Однако путь все-таки показался очень долгим. Собакам тяжело было волочить грузные туши, и сани скользили медленно. Между тем по твердому снежному насту они меньше чем в два часа покрыли бы все расстояние от бухты Моржовой до форта Надежды.

Лейтенант Гобсон несколько раз делал короткие остановки, чтобы измученные животные могли передохнуть.

В конце концов сержант Лонг заметил:

— Эти проклятые моржи, хотя бы ради нашего удобства, должны были выбрать себе лежбище поближе к форту.

— Они не нашли бы себе там подходящего места, — ответил лейтенант, покачав головой.

— Почему же, мистер Гобсон? — спросила удивленная миссис Барнет.

— Потому что эти животные выбирают только отлогие берега, где им легко выйти из моря.

— А побережье у мыса не отлогое?..

— Побережье у мыса, — подтвердил Джаспер Гобсон, — отвесное, как крепостная стена, без малейшего ската, словно его обрубили топором. Вот еще одна необъяснимая особенность этого мыса, сударыня: если наши рыбаки вздумают удить рыбу у моря, то им придется запастись лесой по меньшей мере в триста

сажен длиной! Чем объясняется такое строение почвы? Не знаю, но склонен думать, что много веков назад вследствие сильнейшего землетрясения от берега оторвался гигантский кусок земли и был поглощен Ледовитым океаном!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Два выстрела

Первая половина сентября миновала. Если бы форт Надежды находился у полюса, то есть еще на двадцать градусов выше, то двадцать первого числа он уже был бы окутан мраком полярной ночи. Но на семидесятой параллели солнцу предстояло еще больше месяца совершать свой путь над горизонтом. Однако температура заметно понизилась. По ночам термометр опускался до тридцати одного градуса по Фаренгейту (1° ниже нуля по Цельсию). Кое-где уже появлялся молодой лед, таявший днем под последними лучами солнца. Пронеслось несколько шквалов и сильных дождей пополам со снегом. Зима была не за горами.

Но жителей фактории она не страшила. Сложного в кладовых довольствия с избытком должно было хватить до лета. Запасы сушеного мяса увеличились. Было убито еще штук двадцать моржей. Мак-Нап успел выстроить для прирученных оленей теплые стойла, а позади дома — поместительный сарай для топлива. Пусть теперь приходит зима, а с нею тьма, стужа, снег, лед. Ее было чем встретить!

Обеспечив нужды обитателей форта, Джаспер Гобсон обратился к делам компании. Наступала пора, когда звери, опять одевшись в зимние шубы, становятся драгоценной добычей. Время было самое подходящее для охоты с ружьем; а скоро земля покроется ровным слоем снега и можно будет расставить капканы. Джаспер Гобсон предпринял несколько охотничьих вылазок.

Рассчитывать на содействие индейцев — обычных поставщиков факторий — не приходилось, так как они

не заходят в такие высокие широты. Лейтенант Гобсон, Марбр, Сэбин и еще двое-трое их товарищей должны были сами охотиться в интересах компании, и уж конечно они не пренебрегали своими обязанностями.

На притоке маленькой речки, в шести милях к югу от форта, была обнаружена колония бобров. Туда-то Джаспер Гобсон и направился во главе первой охотничьей экспедиции.

В былые времена, когда в моде были касторовые шляпы, бобровый подшерсток стоил до четырехсот франков за килограмм; спрос на него с тех пор сильно уменьшился, но шкуры бобров на пушном торге все еще шли по довольно высоким ценам, ибо эта порода грызунов, нещадно истреблявшаяся, почти совсем исчезла.

Охотники подошли к речке у места расположения бобровой колонии. Здесь лейтенант предложил миссис Полине Барнет полюбоваться хитроумными сооружениями этих животных, строящих сообща свое удобное подводное жилище. Тут было штук сто бобров, и все они парами жили в норах поблизости от ручья. Они уже приступили к постройке зимних жилищ, и вся колония прилежно трудилась.

Быстрый и глубокий ручей — настолько глубокий, что даже в самые суровые зимы он не промерзал до дна, — бобры перегородили слегка выгнутой навстречу течению плотиной; эта плотина состояла из вертикально поставленных кольев, переплетенных поперек гибкими ветвями и деревцами без сучьев; все вместе было связано, слеplено, сцементировано глиноземом, который грызуны сначала хорошенько вымеси-ли ногами, затем, наложив эту глину на крепление плотины, тщательно выравнивали комы своим широким, овальным, горизонтально сплюсненным и покрытым чешуеобразной щетиной хвостом.

— Эта плотина, сударыня, — сказал Джаспер Гобсон, — сделана для того, чтобы поддерживать в речке постоянный уровень воды; благодаря ей эти инженеры бобрового племени могли выстроить в верхнем течении круглые хижины, верхушки которых вы видите.

Эти хижинки очень прочны: их стены из дерева и глины имеют два фута толщины, и проникнуть в них можно только через узкий вход под водой; правда, это заставляет их обитателей нырять каждый раз, как они хотят выйти из дому или вернуться домой, но зато такое устройство обеспечивает безопасность семейству. Если хатку разрушить, то в ней обнаружатся два этажа: нижний служит складом, в котором хранятся запасы на зиму — ветки, кора, корешки, а в верхнем, куда вода не доходит, живет сам хозяин со своей маленькой семьей.

— Однако я нигде не вижу этих искусных животных, — сказала миссис Барнет. — Неужели они бросили свою постройку?

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — но они трудятся только по ночам, а сейчас легли отдыхать, и мы захватим их спящими в норах.

Действительно, поймать грызунов оказалось совсем нетрудно. В какой-нибудь час наловили целую сотню бобров, в том числе несколько очень ценных экземпляров, с совершенно черным мехом. У остальных была шелковистая, длинная, блестящая, рыжевато-каштановая шерсть, а под ней — нежный, густой, серебристо-серый подшерсток. Охотники вернулись домой очень довольные результатом своей вылазки. Бобровые шкуры были отправлены на склад и записаны в книгу согласно их стоимости — одни в рубрику взрослых бобров, другие в рубрику бобрового молодняка.

Такие экспедиции продолжались весь сентябрь и первую половину октября, и всегда с одинаковым успехом.

Охотникам попадались и барсуки, но в небольшом количестве; их убивают ради кожи, которая идет на обтяжку хомутов для упряжных лошадей, и ради волоса, из которого изготавливают щетки и кисти. Эти хищники — в сущности маленькие медведи; они принадлежат к породе лабрадорских барсуков, которые водятся лишь в Северной Америке.

В большом количестве попал на склады компании еще один вид грызунов, почти таких же смысленных, как и бобры. Это мускусные крысы, животные более

фута длиной, не считая хвоста, с довольно дорогим мехом. Их тоже во множестве захватили в норах, так как они плодятся с необыкновенной, свойственной их породе быстротой.

Против представителей кошачьего семейства — рысей — пришлось употребить огнестрельное оружие. Эти светлорыжие с черными пятнышками звери очень гибки и подвижны, и их боятся даже олени. Защищаются рыси отчаянно, но тем не менее это всего лишь огромные кошки; а так как Марбру и Сэбину не впервой были встречи с ними, то они убили их штук шестьдесят.

Несколько росомах с довольно красивым мехом тоже было прикончено пулями.

Горностаи почти не показывались. Они, как и хорьки, являются разновидностью куниц и к тому времени не оделись еще в свою зимнюю одежду, всю белоснежную, за исключением черного кончика хвоста. Спинки их были еще рыжие, а брюшко желтовато-серое. Джаспер Гобсон распорядился пока их не трогать. Надо было подождать и дать им «дозреть», по выражению Сэбина, иными словами — побелеть под влиянием зимних холодов. Что касается хорьков, то охота на них крайне неприятна из-за отвратительного запаха, который они распространяют, что отразилось даже в их названии; все же хорьков добыли довольно много, снимая их пулями с ветвей, по которым они проворно лазают, а также вытаскивая из дупел деревьев, служащих им норами.

Но всего усерднее охотились на куниц. Всем известно, что шкурки этих мелких хищников ценятся лишь немногим меньше шкурок соболя, роскошный мех которого слегка чернеет к зиме; однако соболь водится лишь в северных областях Европы и Азии вплоть до Камчатки, и там на него главным образом охотятся сибиряки. На американском же побережье Ледовитого океана живут разновидности куниц, тоже очень дорогие: это — норки и пеканы, иначе именуемые «канадскими куницами».

За сентябрь на склады фактории куниц и норок поступило все же очень мало. Это в высшей степени

увертливые и прыткие зверьки, с длинным и настолько гибким телом, что они заслужили название «червеобразных». Действительно, они способны растягиваться, как червяк, и вползать в самые узкие отверстия. Понятно, что они легко ускользают от преследования охотников. Поэтому в зимнее время с помощью капканов ловить их гораздо легче. Марбр и Сэбин только и ждали дня, когда можно будет расставить капканы и ловушки, в твердой уверенности, что к весне на складах компании наберется множество шкурок и куниц и норок.

Чтобы закончить перечисление мехов, какими благодаря усиленной охоте обогатился форт Надежды, надо упомянуть еще голубых песцов и серебристых лисиц, которые на рынках России и Англии считаются самыми драгоценными из всех пушных зверей.

На первом месте стоит голубой песец, известный в зоологии под именем «isatis». Это хорошенький зверек с черной мордочкой и с вовсе не голубой, как можно было бы думать, а пепельной или песочно-желтой шубкой; его необыкновенно длинная, очень густая и шелковистая шерсть обладает всеми качествами, обуславливающими красоту меха: мягкостью, прочностью, длиною волоса, плотностью и цветом. Голубой песец — безусловно царь пушных зверей. Но зато его шкурка и стоит в шесть раз дороже любых других шкур; так, шуба русского императора, сшитая из одних шеек голубых песцов (эта часть у них самая красивая), была оценена на Лондонской выставке 1851 года в три тысячи четыреста фунтов стерлингов.

В окрестностях мыса Батерст появилось несколько голубых песцов, но охотникам не удалось завладеть ими — эти хитрые и проворные хищники не так-то легко даются в руки, — зато была убита дюжина серебристых лисиц великолепного черного цвета с белыми искорками по всему меху. Хотя их шкуры и не идут в сравнение с голубым песцом, тем не менее добыча была богатой, ибо на рынках Англии и России эти меха также очень высоко ценятся.

Одна из этих серебристых лисиц — размером немного крупнее обыкновенной лисицы — была на ред-

кость хороша. Уши, шея и хвост у нее были дымчато-черные, а самый кончик хвоста и пушистые брови — белые.

Особые обстоятельства, при которых эта лиса была убита, заслуживают подробного описания: они подтвердили основательность некоторых опасений лейтенанта Гобсона, а также то, что меры, принятые им для обороны форта, были отнюдь не напрасными.

Утром 24 сентября в Моржовую бухту на двух санях приехали миссис Барнет, лейтенант Гобсон, сержант Лонг, Марбр и Сэбин. Накануне кто-то из солдат отряда обнаружил лисьи следы между скал, где росло несколько чахлых деревьев; неоспоримые признаки свидетельствовали о том, что лисицы побывали тут совсем недавно. Раззадоренные охотники, соскочив с саней, немедленно принялись выслеживать драгоценного зверя, и действительно, поиски их не остались тщетными. Через два часа после приезда довольно красивая серебристая лиса безжизненным трупом лежала на земле.

В отдалении мелькнули еще две-три лисицы. Тогда охотники решили разделиться: Марбр и Сэбин бросились по следам одного зверя, а лейтенант Гобсон, миссис Барнет и сержант Лонг расположились так, чтобы отрезать дорогу другому великолепному животному, которое пыталось улизнуть меж скал.

Эта лиса заставила порядком с собой повозиться: она была очень осторожна и, вплотную прижимаясь к камням, умудрялась увертываться от охотников, не давая взять себя на прицел.

Целых полчаса продолжалось безрезультатное преследование, хотя лиса была окружена с трех сторон, а с четвертой путь ей преграждало море. Она скоро поняла безнадежность своего положения; спасти ее мог лишь невероятный прыжок — тогда охотнику придется стрелять в нее на лету.

И вот она прыгнула, взвившись над скалой. Но Джаспер Гобсон не опускал с нее глаз, и в тот миг, когда лиса, как тень, пролетала в воздухе, он послал ей вдогонку смертоносную пулю.

В ту же секунду раздался другой выстрел, и смертельно раненное животное упало на землю.

— Ура! Ура! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Лиса моя!

— И моя! — ответил какой-то незнакомец, поставив ногу на тело лисицы в ту минуту, как лейтенант уже протягивал к ней руку.

Пораженный Джаспер Гобсон отступил назад. Он думал, что вторая пуля принадлежит сержанту, и вдруг очутился лицом к лицу с каким-то неизвестным охотником, ружье которого еще дымилось.

Соперники посмотрели друг на друга.

Тут подоспели миссис Барнет и ее спутник, а вслед за ними Марбр и Сэбин; с другой стороны из-за угеса вышли человек двенадцать охотников и обступили чужеземца, который почтительно склонился перед дамой.

Незнакомец — высокий, статный человек — соединял в себе все характерные черты «канадских путешественников», чьей конкуренции так опасался Джаспер Гобсон. На нем был старинный традиционный костюм, подробным описанием которого мы обязаны американскому романисту Вашингтону Ирвингу: одеяло, накинутое на манер солдатского плаща с капюшоном, полосатая бумажная рубашка, широкие суконные штаны, кожаные гетры, мокасины из замши и пестрый шерстяной пояс, за который, кроме ножа, был заткнут кисет с табаком, трубка и разные мелкие походные принадлежности, — словом, он был одет наполовину как цивилизованный человек, наполовину как дикарь. Четверо его товарищей были снаряжены так же, как он, но далеко не столь элегантно. Остальные восемь, служившие эскортом, были индейцы-чипевеи.

Джаспер Гобсон не ошибся. Перед ним был француз или во всяком случае потомок канадских французов, возможно даже агент какой-нибудь американской компании, поручившей ему следить за деятельностью вновь основанной фактории.

— Эта лисица принадлежит мне, сударь, — сказал лейтенант после минутного молчания, в течение которого он и его соперник не сводили друг с друга пристального взгляда.

— Она принадлежит вам, если вы ее убили, — ответил незнакомец на хорошем английском языке, но с легким иностранным акцентом.

— Ошибаетесь, милостивый государь, — запальчиво возразил Джаспер Гобсон, — она моя, даже если ее сразила ваша пуля!

Презрительная улыбка была ответом на эти слова, исполненные горделивой уверенности в неотъемлемом праве Компании Гудзонова залива на все охотничьи угодья от Атлантического до Тихого океана.

— Повидимому, милостивый государь, — проговорил незнакомец, опираясь с естественной грацией на свое ружье, — вы считаете Компанию Гудзонова залива безраздельной властительницей всех земель на севере Америки?

— Безусловно, — ответил лейтенант Гобсон, — и если вы, милостивый государь, принадлежите, как я полагаю, к какой-нибудь американской компании...

— К Сен-Луисской пушной компании, — сказал, слегка поклонившись, охотник.

— Вам, я думаю, — перебил лейтенант, — мудро будет предъявить акт, утверждающий за вашей компанией привилегию на охоту в какой-либо части этой территории.

— Акты! Привилегии! — пренебрежительно воскликнул канадец. — Это все старые европейские словечки — в Америке они не звучат!

— А вы и не в Америке, вы на английской земле! — надменно заявил Джаспер Гобсон.

— Лейтенант, — ответил охотник, тоже мало-помалу разгораясь, — сейчас не время препираться на эту тему. Нам с давних пор известны притязания Англии вообще и Компании Гудзонова залива в частности на все охотничьи угодья, но, полагаю, рано или поздно события изменят этот странный порядок вещей, и Америка станет американской, начиная от Магелланова пролива и до Северного полюса.

— Не думаю, — сухо ответил Джаспер Гобсон.

— Как бы то ни было, милостивый государь, — продолжал канадец, — но я предложил бы вам оставить в покое международные вопросы: компания может

претендовать на что ей угодно, но в этих северных областях континента — и особенно на побережье — хозяин территории тот, кто ее сейчас занимает. Вы основали факторию на мысе Батерст — хорошо, мы не станем охотиться на вашей земле, но и вам придется уважать наши права, когда Сен-Луисская пушная компания построит форт где-нибудь у северных границ Америки.

Джаспер Гобсон нахмурился. Он хорошо понимал, что в самом недалеком будущем у Компании Гудзона залива даже на этом отдаленном побережье найдутся опасные соперники, что с ее притязаниями властвовать над всеми северными областями Америки не посчитается никто и что разрешать эту тяжбу придется с оружием в руках. Но он сообразил также, что сейчас неуместно затевать спор о привилегиях, и ему было даже приятно, что охотник — кстати, человек весьма вежливый — решительно перенес спор на другую почву.

— Что касается нашего столкновения, — сказал канадец, — то оно маловажно! Я думаю, мы с ним покончим, как подобает охотникам. Ружья у нас разных калибров, и пули легко будет отличить. Пусть же эта лисица принадлежит тому, кто ее действительно убил!

Предложение было справедливо. Такой способ разрешить сомнения о принадлежности убитого зверя был единственно правильным.

Труп лисы внимательно осмотрели. Оказалось, что обе пули попали в цель: одна в бок, другая — в сердце. И та, что пронзила сердце зверя, принадлежала канадцу.

— Лиса ваша, милостивый государь, — сказал Джаспер Гобсон, с трудом скрывая досаду: слишком уж богатая добыча переходила в чужие руки.

Канадец взял лису, и все подумали, что он сейчас перекинет ее через плечо и унесет с собой, но охотник вместо этого подошел к миссис Барнет и сказал:

— Дамы любят прекрасные меха. Если б они знали, ценой какой мучительной усталости, а подчас и опасности эти меха нам достаются, они, быть может,

умерили бы свою расточительную склонность! Но что делать — пока они их еще очень любят. Позвольте же, сударыня, поднести вам этот мех в память о нашей встрече!

Миссис Барнет мгновенно колебалась, но канадский охотник так любезно и чистосердечно предложил ей этот великолепный мех, что отказ был бы равносильным оскорблению.

Путешественница приняла подарок и поблагодарила незнакомца.

Он низко поклонился ей и, кивнув англичанам, быстро исчез среди прибрежных скал, сопровождаемый своими товарищами.

Лейтенант и его спутники повернули обратно к форту Надежды. Джаспер Гобсон шел, глубоко задумавшись. Итак, местонахождение новой фактории, основанной его трудами, уже обнаружено конкурирующей компанией, и эта встреча с канадским охотником могла сулить в будущем самые серьезные осложнения.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Приближение зимы

Наступило 21 сентября. Солнце находилось в точке осеннего равноденствия — день и ночь были равны во всем мире. Последовательная смена тьмы и света была с радостью встречена обитателями форта. Им куда лучше спалось в темноте. В самом деле, глаз отдыхает и набирается новых сил во мраке, особенно когда солнечный свет непрерывно утомлял его в течение нескольких месяцев.

Известно, что во время равноденствия обычно бывают особенно сильные приливы, ибо, когда солнце и луна сходятся на одном меридиане, их двойное влияние заметно увеличивает силу прилива. Итак, время было самое подходящее для внимательного наблюдения за приливом у побережья возле мыса Батерст. Джаспер Гобсон уже несколько дней назад расставил

в разных местах вехи — своеобразные мареографы, — чтобы точно определить разницу между уровнем моря в часы отлива и прилива. И вот ему лишний раз довелось убедиться, что в чем бы ни заключалась причина столь странного явления, но в этой части Ледовитого океана — вопреки всем утверждениям наблюдателей — даже двойное влияние луны и солнца почти не оказывало на море никакого действия. Прилив был едва ощутим, хоть это и противоречило соображениям мореплавателей.

«В этом таится нечто противоестественное!» — подумал лейтенант Гобсон.

И действительно, какое мог он найти объяснение? Но другие заботы захватили его, и он бросил ломать себе голову над разрешением этой таинственной загадки.

Двадцать девятого сентября состояние атмосферы ощутимо изменилось. Термометр упал до сорока одного градуса по Фаренгейту (5° выше нуля по Цельсию). Небо заволочило тучами, которые не замедлили разразиться дождем. Наступало ненастье.

Миссис Джолиф занималась своими посевами до тех пор, пока не выпал снег. Можно было надеяться, что устойчивые семена шавеля и ложечника, укрытые толстым слоем снега, выдержат самый лютый мороз и дадут весной обильные всходы. Позади возвышенной части мыса под огород заранее было вскопано и засеяно в последние дни сентября несколько акров земли.

Джаспер Гобсон не стал дожидаться, пока грянут морозы, и теперь же выдал своим спутникам зимнюю одежду. Так что все с удовольствием надели шерстяное белье и облачились в куртки из оленьего меха, штаны из тюленьей кожи, меховые шапки и непромокаемые сапоги. Комнаты тоже, если можно так выразиться, оделись в зимний наряд. Чтобы резкое понижение температуры не вызывало оледенения стен, их сверху донизу обили шкурами. К этому времени мастер Рэй уже установил вбирающие рассеянную в воздухе влагу конденсаторы, опорожнять которые следовало два раза в неделю. Что касается топки, то огонь в печи поддерживали сообразно изменениям погоды,

с таким расчетом, чтобы в комнатах всегда была температура не ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту (10° выше нуля по Цельсию). Впрочем, очень скоро толстая снеговая шапка должна была укрыть дом и воспрепятствовать убыли внутреннего тепла. Все это вместе взятое вселяло в зимовщиков надежду, что они успешно отразят обоих своих грозных врагов — холод и сырость.

Второго октября температура вновь упала, и первый снег запорошил окрестности мыса Батерст. Но ветер был слабый и не поднял обычной в северных областях метели, называемой англичанами «drifts». И мыс, и форт с его оградой, и длинная прибрежная полоса — все вскоре покрылось громадным ровным белым ковром. Незамерзшие воды озера и моря резко выделялись рядом со снегом своим тусклосерым, грязноватым цветом. Между тем на северном горизонте, отчетливо вырисовываясь на фоне облачного неба, показались первые айсберги. Сплошного ледяного поля пока еще не было, но природа уже накапливала материал, из которого мороз в недалеком будущем скует непроходимый ледовой барьер.

Впрочем, первый ледок не замедлил скрепить жидкую поверхность моря и озера. Озеро замерзло первым. Здесь и там появились огромные серовато-белые пятна, предвещающие скорое рождение прочного льда, чему способствовала тихая безветренная погода. И действительно, после того как однажды ночью было пятнадцать градусов по Фаренгейту (9° ниже нуля по Цельсию), озеро наутро представляло собой настолько гладкую поверхность, что она удовлетворила бы самых взыскательных конькобежцев Серпентины. Затем небо на горизонте приобрело особый блеск, называемый китоловами «мерцанием», происходящий вследствие отражения лучей ледяными полями. Вскоре море замерзло на огромном пространстве. Из отдельных скопившихся льдин понемногу образовалось плотно спаявшееся с берегом гигантское поле льда. Но это океанское ледяное поле вовсе не было похоже на гладкое зеркало озера. Бурные волны, скованные морозом, взбудоражили его ровную поверхность. Здесь и там вздымались

гряды льда, кое где соединенные по краям, — то были остановившиеся пловучие льдины, известные под названием «drift-ices», — и все поле вспучилось ледяными глыбами и обломками льда, вытесненными страшным давлением на поверхность. Китоловы называют эти глыбы «торосами».

В несколько дней вид мыса Батерст и его окрестностей неузнаваемо изменился. Миссис Полина Барнет, как замороженная, следила за этим волшебным превращением. Зрелище было для нее совершенно новое — путешественница охотно заплатила бы за него любыми лишениями и муками. Нельзя вообразить себе ничего прекраснее этого торжественного шествия зимы, этого грозного вступления мороза в его северные владения! Миссис Барнет не узнавала ни привычных видов, ни знакомых мест. Все вокруг преобразилось. На глазах путешественницы возникала новая страна, исполненная величественной печали. Мелкие подробности ландшафта исчезли, их скрыл под собою снег, сохранив только крупные, загущенные морозной дымкой штрихи. Одна декорация сменялась другой, словно в феерии. Там, где недавно был могучий океан, теперь не осталось и признаков моря. Там, где была пестро расцвеченная земля, теперь лежал ослепительно белый ковер. Там, где был смешанный, разных оттенков зелени лес, теперь остался лишь хаос обнаженных, заиндевших стволов. Исчезло лучистое солнце — вместо него какой-то бледный диск, едва пробиваясь сквозь туман, лениво влачился по небу, описывая в течение нескольких часов укороченную дугу. И, наконец, там, где прежде была четкая граница неба и моря, теперь замкнулась бесконечная цепь причудливо зазубренных айсбергов, из которых приюда воздвигла непроходимую стену между полюсом и отважными путешественниками.

Сколько разговоров, какой оживленный обмен впечатлениями вызвали все эти перемены! Пожалуй, один лишь Томас Блэк остался равнодушным к изумительным красотам арктического пейзажа. Да и чего было ждать от погруженного в свои мысли астронома, которого, по правде, никто из членов маленькой

колонии до сих пор не считал своим! Этот замкнувшийся в своей науке ученый жил только созерцанием небесных явлений, прогуливался только по лазурным дорогам небосвода, покидая какую-нибудь звезду для того лишь, чтобы тотчас перенестись на другую! И вот его небо стало затмеваться, созвездия исчезали из виду, непроницаемая завеса тумана протягивалась между ним и зенитом. Томас Блэк был вне себя! Но Джаспер Гобсон его утешил, пообещав ему в будущем благоприятные для астрономических наблюдений великолепные морозные ночи, и северные сияния, и светящиеся кольца вокруг планет, и ложные луны, и другие, достойные вызвать его восхищение чудеса полярных стран.

Тем временем температура держалась сносная. Ветра не было, а ведь именно ветер делает щипки мороза особенно чувствительными. Охота все еще продолжалась. На склады фактории поступали новые меха, в кладовые — новая провизия. Устремляясь в теплые края, во множестве пролетали тетерева и куропатки, доставлявшие фактории свежее и питательное мясо. В изобилии появились полярные зайцы уже в зимних шубках. Добрая сотня этих грызунов, следы которых легко было распознать на снегу, вскоре пополнила запасы форта.

Громадными стаями пролетали в вышине лебеди-шипуну — красивейшие представители пернатого царства Северной Америки. Охотники убили несколько пар лебедей. Это были роскошные птицы от четырех до пяти футов длиной, с белоснежным оперением и медно-красными головкой и горлом. Они переселялись в более гостеприимные края, где есть необходимые для их пропитания водяные растения и насекомые; летели они с необыкновенной быстротой, ибо воздух и вода — их истинные стихии. Замечены были и другие лебеди, так называемые «лебеди-трубачи», крик которых напоминает рожок горниста. Эти птицы величиной почти не уступают шипунам, спина и грудь у них белые, ноги и клюв черные. Их стаи также тянулись на юг. Ни Марбру, ни Сэбину не посчастливилось убить ни одного из этих трубачей, но вслед им они

весьма многозначительно крикнули: «До свиданья!» Дело в том, что эти птицы неизменно возвращаются с первым дуновением весны, и именно в это время их легче всего подстрелить. Охотники факторий и индейцы особенно ценят в них кожу, перья и пух, и в иные счастливые годы десятки тысяч лебедей сбываются на рынках Старого Света, где они идут по полгинеи за штуку.

Теперь экспедиции никогда не длились больше нескольких часов и нередко прерывались из-за дурной погоды. Охотники не раз видели большие стаи волков; чтобы встретить их, уже не было надобности уходить далеко — подстрекаемые голодом, волки осмелели и подходили к самой фактории, раздражавшей их острый нюх вкусными кухонными запахами. По ночам часто доносился их зловещий вой. Не страшные в одиночку, в большом количестве эти хищники становятся опасны, и охотники выходили теперь за ограду фактории только хорошо вооруженными.

Гораздо более дерзкими стали и медведи. Не проходило дня, чтобы они не показывались вблизи форта, а ночью подбирались к самой ограде. Несколько удалось ранить выстрелами, и они ушли, пятная снег кровью. Но приближалась уже середина октября, а ни один медведь не оставил еще в руках охотников своей теплой прекрасной шубы. Впрочем, Джаспер Гобсон запрещал своим людям нападать первыми на этих грозных зверей. С ними лучше было держаться оборонительной тактики, тем более что рано или поздно должно было наступить время, когда голод заставит их предпринять атаку на форт, и тогда, защищаясь, можно будет одновременно захватить добычу.

Несколько дней стояла сухая, холодная погода. На земле лежал крепкий снежный наст, сильно облегчавший передвижение. Охотники совершили несколько экскурсий по побережью и к югу от форта. Лейтенант желал удостовериться, покинули ли территорию агенты Сен-Луисской пушной компании: если — да, то где-нибудь в окрестностях должны были обнаружиться их следы; однако все поиски оказались тщетными. Оставалось предположить, что раньше чем выпал снег

они вернулись в более умеренные широты, чтобы перезимовать в каком-нибудь южном форте.

Но хорошие дни держались недолго: в первую же неделю ноября подул южный ветер; хотя мороз стал мягче, зато повалил густой снег и вскоре на несколько футов покрыл землю. Приходилось ежедневно отгребать его от дома и расчищать дорожки к воротам, сараю, оленьим стойлам и псарне. Охотничьи экскурсии совершались реже, и, отправляясь в поход, приходилось надевать лыжи.

Во время сильных морозов снег так твердеет, что не оседает под тяжестью человека. Ступать по нему можно смело, не боясь в любой момент провалиться. Когда же снег рыхлый, нога сразу же погружается в него по колено, и в это время индейцы всегда пользуются лыжами.

Лейтенант Гобсон и его спутники давно привыкли к этим «snow-shoes»¹ и с легкостью конькобежцев носились на них по мягкому снегу; Полина Барнет тоже приспособилась к лыжам и скоро в быстроте бега могла соперничать со своими товарищами. Лыжные прогулки совершались и по замерзшему озеру и по побережью. Спускались даже и на прочную поверхность океана: толщина его льда измерялась уже многими футами. Но эти прогулки были чрезвычайно утомительны: лед был неровный, повсюду друг на друга громоздились льдины, то и дело приходилось огибать торосы, а дальше неодолимым препятствием вставала цепь айсбергов — их гребни возвышались на пятьсот футов! Эти причудливо нагроможденные ледяные глыбы представляли собой изумительное зрелище. Тут, казалось, лежит в руинах какой-то белый город — обвалившиеся крепостные стены, монументы, колонны; там — простирается словно потрясенная геологической катастрофой страна: груды гигантских ледяных обломков образовывали горную цепь с четко выступавшими на фоне неба вершинами, с отрогами и долинами — словом, целая ледяная Швейцария!

¹ Лыжи для глубокого снега, буквально — «снеговые башмаки» (англ.).

Запоздавшие птицы — глупыши, чистики, топорки — еще оживляли окрестное безмолвие, наполняя его пронзительными криками. Среди торосов, сливаясь с ними своей белизной, бродили большие полярные медведи. Действительно, путешественнице было на что посмотреть и чем восхищаться. Верная Мэдж, сопровождавшая ее всюду, разделяла ее восторги. Как далеко очутились они обе от тропических областей Индии или Австралии!

Несколько экскурсий было сделано по этому замерзшему океану, ледяная кора которого, не треснув, выдержала бы тяжесть артиллерийских парков и даже зданий. Но скоро эти прогулки сделались настолько утомительны, что их по необходимости пришлось прекратить. Температура резко понизилась, и самая легкая работа, самое ничтожное усилие вызывали парализовавшую всякое движение одышку. Глаза болели от яркой белизны снега, и долго выдерживать это сверканье было невозможно — даже привычные эскимосы часто от него слепнут. Наконец, благодаря удивительному явлению, происходившему в результате преломления световых лучей, расстояния, глубины, объемы представлялись взору не такими, какими они были в действительности. Так, между двумя льдинами на деле было пять или шесть футов, а человеку казалось, что это расстояние не больше двух футов; из-за такого оптического обмана люди часто падали и нередко сильно ушибались.

Четырнадцатого ноября термометр показал три градуса ниже нуля по Фаренгейту (19° мороза по Цельсию) и к холоду прибавился еще резкий ветер. Воздух весь как бы наполнился иголками. Всякий, кто выходил во двор, рисковал мгновенно обморозить себе лицо, если не удавалось при помощи энергичного растирания снегом восстановить кровообращение в пораженной части. Некоторые из обитателей форта подверглись такому мгновенному обморожению, и между ними Гарри, Бельчер и Хоуп, но своевременное растирание спасло их от беды.

Понятно, что в таких условиях физический труд на воздухе стал немыслим. Кроме того, день сильно уко-

ротился. Солнце только на несколько часов показывалось над горизонтом. На смену ему приходили бесконечные сумерки. Близилась настоящая зимовка, иными словами — непрерывное сиденье взаперти. Уже последние северные птицы покинули окутанное мраком побережье. Осталось лишь несколько пар пятнистых соколов, которых индейцы называют «зимовщиками», ибо они вплоть до наступления полярной ночи задерживаются в этом царстве льда, но и эти птицы должны были вскоре скрыться.

Лейтенант Гобсон торопился покончить с работами, то есть с устройством капканов и ловушек, которые на зиму надо было расставить в окрестностях мыса Батерст.

Капканы эти состояли из тяжелых досок, укрепленных на трех сколоченных в виде цифры «4» неустойчивых брусках, от малейшего прикосновения к которым доски падали и придавливали зверя. Это были точь-в-точь такие же ловушки, какие в полях расставляют птицеловы, только гораздо больших размеров. На конец горизонтального бруса клали какие-нибудь мясные отбросы, и всякое небольшое животное вроде лисицы или куницы, едва протянув к ним лапу, неизбежно оказывалось пойманным. Такие именно ловушки — иногда на пространстве в несколько миль — ставили зимой знаменитые охотники, жизнь которых, полную приключений, столь поэтически описал Купер. Штук тридцать таких капканов было расставлено вокруг форта Надежды, и наведываться к ним приходилось довольно часто.

Двенадцатого ноября в маленькой колонии прибавился новый зимовщик. Миссис Мак-Нап родила толстого здорового мальчишку, которым мастер-плотник чрезвычайно гордился. Миссис Барнет была крестной матерью младенца, которого назвали Майкл — Надежда. Обряд крещения совершился с большой торжественностью — этот день в фактории объявили праздником в честь маленького существа, только что появившегося на свет за пределами семидесятого градуса северной широты.

Через несколько дней, 20 ноября, солнце окончательно скрылось за горизонтом, с тем чтобы уже не появляться целых два месяца. Полярная ночь вступила в свои права!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Полярная ночь

Эта долгая ночь началась страшной бурей. Мороз, быть может, и не был особенно лютый, зато воздух был насыщен сыростью. Несмотря на все принятые меры, эта сырость проникала в дом, и каждое утро из конденсаторов выбрасывали по несколько фунтов льда.

На дворе метель крутилась, как смерч. Снег падал не вертикально, а почти горизонтально. Джаспер Гобсон запретил отворять дверь, ибо сени в одну минуту завалило бы снегом. Зимовщики оказались бы в плену.

Ставни закрыли наглухо. В течение томительных часов этой бесконечной ночи, которую, однако, не посвящали сну, непрерывно горели лампы.

Снаружи царил полярный мрак, обычное безмолвие здешних мест сменилось теперь ревом бури. Врываясь в пространство между домом и выступом мыса, протяжно выл ветер. Дом, по которому он бил наискось, дрожал до самого основания. Если бы не прочность постройки, он, наверное, не выдержал бы натиска бури. К счастью, груды лежавшего у стен снега несколько смягчали ее удары. Мак-Нап боялся только за наружные части труб, сложенных из известковых кирпичей, — они могли развалиться под напором ветра. Но трубы устояли, только отверстия их часто приходилось прочищать от забивавшегося внутри снега.

Посреди свиста и воя временами раздавался страшный грохот, причины которого миссис Барнет разгадать не могла. То рушились вдали айсберги. Эхо многократно повторяло этот грохот, подобный раскатам грома. Слышался непрерывный треск ледяных полей, смещавшихся и разбивавшихся от падения ледяных

гор. Чтобы не испытывать гнетущего чувства страха, надо было иметь особо закаленную суровой северной природой душу. Для Джаспера Гобсона и его товарищей эти грозные явления были делом обычным, но и миссис Полина Барнет и Мэдж понемногу научились относиться к ним равнодушно. К тому же в прошлых путешествиях им обоим не раз случалось испытывать на себе страшную силу ураганов, проносящихся со скоростью сорока лье в час и опрокидывающих тяжелые артиллерийские орудия. Но здесь, на мысе Батерст, к урагану присоединился еще мрак и снег. Можно было опасаться, что если ветер не ослабеет, то к утру и дом, и псарня, и сарай, и ограда будут погребены, засыпаны, исчезнут под громадными сугробами.

Пока длилось это невольное заточение, жизнь в форте шла своим чередом. Отважных обитателей фактории соединяла между собой прочная дружба, и совместное существование в тесном помещении не повлекло за собой ни недоразумений, ни ссор. Кроме того, разве они не привыкли к подобным условиям еще в форте Энтерпрайз и в форте Релайанс? И миссис Полина Барнет ничуть не удивилась, что у ее товарищей оказался такой легкий характер.

С одной стороны работа, с другой — чтение и игры заполняли весь день. Работа — это было шитье и починка одежды, чистка оружия, изготовление обуви, внесение записей в ежедневный журнал, который вел лейтенант Гобсон, отмечая малейшие события зимовки: погоду, температуру, направление ветра, появление метеоров, столь частых в полярных широтах; работа — это было также наведение порядка в доме, подметание комнат, каждодневный осмотр мехов, которые могли испортиться от сырости; наконец, работа — это было поддержание огня в печах, наблюдение за тягой и непрерывная борьба с мельчайшими частицами накапливавшейся в углах влаги. Каждый вносил свою лепту в общий труд — согласно вывешенному в большой зале расписанию. Никто не был перегружен сверх меры, но и без дела жители форта не оставались. Томас Блэк свинчивал и развинчивал свои приборы или проверял астрономические вычисления; он почти не выходил

из своей комнатки, негодуя на бурю, мешавшую ему наблюдать за ночным небом. Что касается трех замужних женщин, то миссис Мак-Нап возилась со своим малышом, а миссис Джолиф, за которой по пятам ходил ее дотошный супруг, с помощью миссис Рэй ведала кулинарной частью.

Совместному отдыху посвящали ежедневно несколько часов, а воскресенье — целиком. Заклучался он главным образом в чтении вслух. Библия и несколько книг о путешествиях составляли всю библиотеку форта, но эти славные люди умели довольствоваться малым. Большею частью читала миссис Полина Барнет, и слушать ее было одно наслаждение. Рассказы о путешествиях и главы священной истории, переданные ее проникновенным, прочувствованным голосом, приобретали особое очарование. Вымышленные лица и легендарные герои вдруг оживали, и их удивительная жизнь приобретала в ее чтении полную убедительность. И когда в назначенный час эта милая женщина бралась за книгу, радость была всеобщей. Полина Барнет была душой маленького мирка: она училась сама и учила людей, давала советы и выслушивала мнения других; она всегда и во всем готова была услужить. Она соединяла в себе прелесть и доброту женщины с духовной энергией мужчины, что было двойной ценностью, двойной заслугой в глазах этих суровых солдат, которые преклонялись перед нею и, не задумываясь, отдали бы за нее свою жизнь. Добавим, что миссис Полина Барнет жила так же, как жили остальные, — она не запиралась в своей комнатке, трудилась наравне со всеми, а своей любознательностью и распросами умела каждого вовлечь в разговор. Итак, ничто не оставалось праздным в форте Надежды — ни руки, ни языки. Работали, беседовали и, надо сказать, чувствовали себя прекрасно. Хорошее настроение поддерживало хорошее самочувствие и побуждало скуку долгого затворничества.

Между тем буря не унималась. Зимовщики уже три дня не выходили на воздух, а метель бушевала все с той же силой. Джаспер Гобсон терял терпение. В комнатах необходимо было освежить перенасыщенный

углекислотой воздух; он уже настолько был испорчен, что даже лампы стали тускло гореть. Сначала хотели было пустить в ход воздушные насосы, но трубки, естественно, оказались забитыми льдом и не действовали, — насосами невозможно было пользоваться, когда дом был погребен под такой толщей снега. Надо было что-то предпринять. Лейтенант посоветовался с сержантом Лонгом, и 23 ноября было решено открыть одно из окон заднего фасада в конце сений: с этой стороны ветер дул слабее.

Дело оказалось нелегким. Рамы отворились свободно, но ставень, притиснутый оледенелым снегом, не поддавался никаким усилиям. Пришлось снять его с петель. Затем ломami и лопатами принялись пробивать снег, которого навалило футов на десять. Прорыли нечто вроде туннеля, и свежий воздух тотчас же вошел в помещение.

Джаспер Гобсон, сержант, несколько солдат и даже миссис Барнет рискнули выбраться по туннелю наружу, что потребовало от них немалых усилий, ибо ветер неистово дул навстречу.

Какое грустное зрелище представляли собою мыс Батерст и окружающая равнина! Был полдень, но только на юге узкая полоска сумеречного света чуть оттеняла линию горизонта. Холод был не такой резкий, как можно было ожидать, — всего пятнадцать градусов выше нуля по Фаренгейту (9° мороза по Цельсию). Однако вьюга попрежнему свирепствовала с неистовой силой, и лейтенанта, его товарищей и путешественницу неминуемо свалило бы с ног, если бы они не стояли по пояс в снегу, который их поддерживал и давал возможность сопротивляться порывам ветра. Они не могли говорить и ничего не видели сквозь ослеплявшие их хлопья густого снега. За каких-нибудь полчаса их замело бы с головой. Все было бело вокруг; ограду завалило доверху, крыша и стены дома представляли собою ровный холм, и если бы не две струи голубоватого дыма, метавшиеся по ветру, никто и не догадался бы о существовании здесь человеческого жилья.

Понятно, что при таких обстоятельствах «прогулка» была весьма краткой. Но путешественница успела

окинуть быстрым взглядом этот унылый пейзаж. Перед ней промелькнул исхлестанный метелью горизонт и полная предельного ужаса картина полярной бури. И она вернулась в дом, унося с собой незабываемое впечатление.

Атмосфера в доме освежилась в несколько секунд, и вредные испарения рассеялись от притока свежего и живительного воздуха. Лейтенант Гобсон и его спутники в свою очередь поспешили под надежный кров. Окно закрыли, но проход, необходимый уже хотя бы для одной вентиляции, ежедневно старательно рассчитали.

Так прошла целая неделя. К счастью, у оленей и собак корма было вдоволь, и наведываться к ним не было нужды. Восемь дней зимовщики жили, как настоящие затворники. Для людей, привыкших к вольному воздуху, — солдат и охотников, — это был долгий срок. И, надо сознаться, даже чтение утратило для них половину своей прелести, а игра в «криббэдж» в конце концов показалась просто скучной. Ложились спать, надеясь при пробуждении услышать последние, слабеющие завывания бури, но надежда всякий раз оказывалась тщетной. Снег попрежнему заносил окна, попрежнему крутилась метель, ледяные горы рушились с громовыми раскатами, дым гнало в комнаты, и от этого люди, не переставая, кашляли, а буря все не унималась, и казалось, она вообще никогда не утихнет.

Наконец, 28 ноября барометр-анероид, висевший в большой зале, показал близкую перемену погоды. Он сильно поднялся. В то же время ртуть в наружном термометре упала до четырех градусов ниже нуля по Фаренгейту (20° мороза по Цельсию). В значении этих признаков трудно было ошибиться. И действительно, 29 ноября по внезапно наступившей тишине жители форта Надежды поняли, что буря прекратилась.

Все поспешили выйти на воздух — заключение длилось слишком долго. Дверь невозможно было отворить — пришлось вылезать в окно и отгребать сугробы. Но теперь это уже не был прежний рыхлый снег — мороз превратил его в твердую, оледенелую массу, и ее пришлось разбивать ломом.

На это ушло полчаса, и скоро все зимовщики за исключением миссис Мак-Нап, которая еще не поднималась с постели, разгуливали по двору.

Мороз был крепкий, но давал себя меньше чувствовать, ибо ветер совершенно утих. Однако разница между температурой нагретого помещения и наружной была около пятидесяти четырех градусов (30° по Цельсию), и все оделись потеплее, чтобы без ущерба для здоровья выдержать этот резкий переход.

Было восемь часов утра. По небу, от зенита, где сверкала Полярная звезда, и до самого горизонта горели яркие созвездия. С первого взгляда казалось, будто их миллионы, хотя на самом деле звезд, видимых невооруженным глазом, на всем небесном своде насчитывается не больше пяти тысяч. У Томаса Блэка то и дело вырывались восторженные восклицания. Он готов был рукоплескать этому звездному небосклону, не подернутому нигде ни облачком, ни туманом. Еще ни перед одним астрономом не открывалось такого великолепного неба!

Пока Томас Блэк, равнодушный к делам земли, предавался своим восторгам, его товарищи уже добрались до укрепленной ограды. Тут снег был твердый, как камень, и притом очень скользкий, так что люди все время падали, однако без неприятных последствий.

Нечего и говорить, что весь двор был завален снегом. Только крыша дома едва заметным холмом возвышалась над абсолютно ровной, сглаженной могучим нивелиром ветра поверхностью. Виднелись только верхушки столбов частокола, и в таком виде он не был препятствием даже для самого ничтожного из грызунов! Но что было делать? О том, чтобы на таком громадном пространстве разгрести сугробы затвердевшего снега в десять футов толщиной, нечего было и думать. Самое большее, можно было попробовать убрать его с наружной стороны ограды, чтобы получился отвесный ров, который все-таки послужил бы некоторой защитой. Но зима была только в начале, и можно было опасаться, что новая буря в несколько часов доверху заметет этот ров.

В то время как лейтенант осматривал укрепления, которые не могли уже служить защитой фактории до тех пор, пока лучи солнца не растопят снеговую кору, миссис Джолиф вдруг воскликнула:

— А наши собаки! А олени!

И правда, надо было немедленно убедиться, живы ли они. Псарня и стойла, менее высокие, чем дом, были совершенно погребены под снегом, и весьма возможно, что животным не хватило воздуха. Зимовщики бросились кто к псарне, кто к оленьим стойлам, но все опасения тотчас же рассеялись. Ледяная стена, соединявшая северный угол дома с выступом мыса, отчасти прикрыла собой обе постройки, и снежные сугробы около них были не выше четырех футов. Даже «глазки», проделанные в стенах, не были занесены; животные оказались в полном здравии, и как только открыли дверь, собаки выскочили во двор, заливаясь долгим, радостным лаем.

Тем временем мороз начал чувствительно покалывать, и после часовой прогулки каждый уже с удовольствием подумывал о благотворном тепле печки, весело трещащей в зале. Делать во дворе было больше нечего. Осмотреть капканы, погребенные под десятифунтовой толщей снега, пока было нельзя. Все вернулись в дом, закрыли окно и уселись по своим местам за столом, ибо наступил час обеда.

Понятно, разговор вертелся вокруг внезапно нагрянувшей стужи, так быстро сковавшей льдом весь толстый снеговой покров. Это было досадное обстоятельство, до некоторой степени угрожавшее безопасности форта.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — разве не может на несколько дней наступить оттепель? Тогда весь этот лед растаял бы.

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант, — оттепель в это время года маловероятна. Скорей всего, мороз еще усилится, и очень жаль, что мы не имели возможности убрать снег, пока он был рыхлый.

— Как! Неужели вы думаете, что температура еще понизится?

— Без всякого сомнения, сударыня. Четыре градуса ниже нуля (20° мороза по Цельсию)¹ — разве это мороз для такой высокой широты!

— Что ж было бы, если б мы находились на полюсе? — спросила миссис Полина Барнет.

— Весьма возможно, сударыня, что полюс не является самой холодной точкой на земном шаре: ведь многие мореплаватели утверждают, что море там свободно ото льдов. Повидимому, вследствие ряда географических и гидрографических причин средняя годовая температура всего ниже в пункте, расположенном на девяносто пятом меридиане и на семьдесят восьмом градусе северной широты, — иными словами, на северном побережье Джорджии. Там средняя годовая температура не превышает двух градусов ниже нуля (19° мороза по Цельсию). Этот пункт так и называется «полюсом холода».

— Однако, мистер Гобсон, — возразила путешественница, — ведь наш форт отстоит на целых восемь градусов от этого страшного места!

— Потому-то, — ответил Джаспер Гобсон, — я и рассчитывал, что у мыса Батерст мы не будем так страдать от холода, как страдали бы, если бы находились в северной Джорджии. Я нарочно рассказал вам о «полюсе холода», чтоб вы не связывали представление о самой низкой температуре с географическим полюсом. И вообще сильные холода бывают и в других пунктах земного шара. Только они там не так длительны.

— Где ж это, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет. — Должна сознаться, вопрос холода меня сейчас сильно занимает!

— Если мне не изменяет память, — ответил лейтенант Гобсон, — на острове Мелвилл полярные исследователи отметили температуру в шестьдесят один градус ниже нуля, а в порту Феликс — в шестьдесят пять.

¹ Не надо забывать, что на термометре Фаренгейта точка замерзания приходится на 32-й градус. (Прим автора)

— Но ведь остров Мелвилл и порт Феликс, кажется, расположены на более высокой широте, чем мыс Батерст!

— Безусловно, сударыня, но широта в иных случаях еще ничего не доказывает. Другой раз достаточно соединения нескольких атмосферных явлений, чтобы уже наступило сильное похолодание. Помните, сержант Лонг, кажется в тысяча восемьсот сорок пятом году... Ведь вы были тогда в форте Релайанс?

— Как же, лейтенант, — ответил Лонг.

— Так вот, в этом году и, по-моему, в январе мы отметили чрезвычайное понижение температуры.

— Да, — ответил сержант, — я отлично помню, как термометр показал семьдесят градусов ниже нуля (56,7° мороза по Цельсию).

— Что? — воскликнула миссис Полина Барнет. — Семьдесят градусов в форте Релайанс, на Невольничьем озере?

— Так точно, сударыня, — сказал лейтенант, — а он всего на шестьдесят пятом градусе северной широты, то есть на параллели Христиании или Санкт-Петербурга.

— Значит, мистер Гобсон, нужно быть готовым ко всему!

— Вы правы, сударыня, — действительно ко всему, когда зимуешь в Арктике!

Ни 29, ни 30 ноября мороз не смягчился, и в печах приходилось все время поддерживать сильный огонь, иначе скопившаяся по всем углам дома сырость неминуемо обратилась бы в лед. Но дров было вволю, и их можно было не экономить. В комнатах вопреки угрозам стужи постоянно сохранялась средняя температура в пятьдесят два градуса по Фаренгейту (11° выше нуля по Цельсию).

Несмотря на жестокий холод, Томас Блэк при виде столь ясного неба не мог устоять перед соблазном понаблюдать за звездами. Там, где в зените горела одна великолепная звезда, он льстил себя надеждой открыть по крайней мере две! Но, увы, от наблюдений пришлось отказаться. Инструменты «жгли» ему руки.

Ожог — единственное слово, которое может передать ощущение, испытываемое при прикосновении на морозе к металлическому предмету. Впрочем, физически это явления тождественные. Сообщается ли телу внезапный жар посредством горячего предмета, или так же резко отнимается предметом сильно охлажденным — ощущение одно и то же. Достойный ученый вполне убедился в этом, когда кожа на его пальцах оказалась приклеенной к подзорной трубе. Наблюдения пришлось отложить.

Однако за этот ущерб небеса вознаградили астронома двумя неопишуемой красоты явлениями: сначала — галб, а затем — северным сиянием.

Гало представляет собою белое с бледнокрасным краем кольцо вокруг луны. Этот светящийся диск является результатом преломления лунных лучей сквозь мельчайшие, носящиеся в воздухе призматические кристаллики льда; измеренный секстаном по диаметру, он давал угол около сорока пяти градусов. Ночное светило ярко блистало в центре этой короны, словно образованной из прозрачных, молочно-белых кругов лунной радуги.

Пятнадцать часов спустя над северным горизонтом, более чем на сто географических градусов, раскинулась в небе великолепная дуга северного сияния. Верхушка ее совпала с магнитным меридианом, и, как это иной раз бывает, сияние окрасилось во все цвета радуги, среди которых наиболее отчетливо проступал красный. Кое-где созвездия казались залитыми кровью. Из скопившейся на горизонте туманности, составлявшей средоточие сияния, исходили яркие лучи; некоторые из них протягивались выше зенита и заставляли бледнеть свет луны, утонувшей в этих электрических волнах. Лучи вздрагивали, как будто воздушные потоки колебали частицы света. Никакое описание не может передать божественной красоты этого «венца», сверкавшего во всем своем величии над полюсом земного шара. Полчаса сияние горело ослепительным светом, а затем, не сокращаясь, и не сжимаясь, и даже нигде не потеряв своего блеска, оно вдруг погасло,

словно невидимая рука внезапно оборвала приток электричества, которым оно питалось.

Для Томаса Блэка сияние исчезло как раз во-время: еще пять минут, и почтенный астроном примерз бы к месту, на котором стоял!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Визит соседей

Второго декабря мороз стал мягче. Для всякого метеоролога появление гало является верным признаком близкой перемены погоды. Оно свидетельствует о присутствии в атмосфере известного количества влаги, и, в самом деле, барометр несколько понизился, а температура в то же время поднялась до пятнадцати градусов выше нуля (9° мороза по Цельсию).

Обитателям умеренного пояса такой мороз показался бы значительным, но бывалые зимовщики переносили его легко. К тому же ветра совсем не было. Лейтенант Гобсон, заметив, что оледенелая поверхность сугробов сделалась рыхлой, распорядился разгрести снег с наружной стороны частокола. Мак-Нап и его помощники дружно взялись за дело, и через несколько суток работа была закончена. В те же дни откопали погребенные под снегом капканы и расставили их заново. Многочисленные следы говорили о том, что в окрестностях мыса скопилось немало пушных зверей; нигде не находя пищи, они должны были пойти на приманку.

Следуя советам охотника Марбра, по эскимосскому обычаю выкопали яму для оленей. Это был ров десяти футов длины и такой же ширины и глубиной в двенадцать футов. Ров прикрывают качающимся от собственной тяжести настилом, на конец которого накладывают траву. Привлеченное ею животное неизбежно падает в ров, из которого уже не может выбраться. Качающийся настил снова автоматически выпрямляется, и в западню один за другим могут попасть несколько

олений. Марбру нетрудно было соорудить такую западню, если не считать того, что пришлось копать сильно промерзшую землю; и каково же было его удивление, — а также и удивление Джаспера Гобсона, — когда лопата, пройдя футов пять земли и песку, вдруг ударилась о твердый, как камень, слой льда, казавшийся очень толстым.

Лейтенант внимательно осмотрел это странное расположение слоев почвы и сказал:

— Должно быть, в какие-то далекие времена эта часть побережья подверглась длительному и очень сильному промерзанию, потом песок и земля засыпали оледенелую массу, покоящуюся, вероятно, на гранитном ложе.

— Наверно, так оно и было, лейтенант, — ответил охотник, — но от этого наша западня хуже не станет. Напротив, на скользких стенках олени не найдут никакой точки опоры.

Марбр был прав, и дальнейшие события это подтвердили.

Пятого декабря, когда он и Сэбин отправились осмотреть ров, они услышали доносившееся из глубины глухое рычание. Оба остановились.

— Это не крик оленя, — сказал Марбр. — Я знаю, какой зверь попал в нашу западню!

— Медведь? — спросил Сэбин.

— Да, — ответил Марбр, и его глаза заблестели от удовольствия.

— Ну что ж! — заметил Сэбин. — Такая замена нам не в убыток! Медвежий бифштекс не хуже оленьего, а впридачу нам достанется еще и шкура! За дело!

Охотники были вооружены. Они забили пули в ружья, уже заряженные дробью, и подошли к западне. Настил был на месте, но приманка исчезла, свалившись, вероятно, в ров. Марбр и Сэбин наклонились над отверстием и заглянули внутрь. Рычание усилилось. Так оно и было — в яме сидел медведь! В углу рва прижалась едва различимая во мраке огромная туша — целая груда белого меха; из глубины сверкали горящие злобой глаза. Стенки рва оказались исцарапанными, и, если б они были земляные, медведь,

конечно, выкарабкался бы наружу. Но на скользком льду его когтям не за что было зацепиться, и зверь хотя и расширил свою тюрьму, но выйти из нее не мог.

Теперь уже завладеть им было нетрудно. Две пули прикончили его на дне рва; наиболее сложным оказалось вытащить его оттуда. Охотники пошли в факторию за подкреплением. Захватив веревки, они в сопровождении десятка товарищей вернулись к западне, и общими усилиями извлекли медведя на поверхность. То был громадный зверь шести футов ростом, весивший не меньше шестисот фунтов. Сила его, надо думать, была чудовищная. Он принадлежал к породе полярных медведей: у него был плоский череп, длинное туловище, короткие, почти прямые когти, узкая морда и совершенно белая шерсть. Съедобные части этого гиганта были торжественно препровождены к миссис Джолиф и в тот же день послужили украшением обеденного стола.

Всю следующую неделю капканы действовали довольно успешно. Попалось штук двадцать куниц во всей красе их зимнего наряда и только две-три лисицы. Эти пронырливые животные чутьем угадывали, что мясо лежит тут неспроста, и, подкопав вокруг капкана землю, умудрялись достать приманку, а затем выбраться из-под захлопнувшейся над ними западни. Плачевный результат ловли приводил Сэбина в негодование, и охотник заявил, что подобные увертки «недостойны уважающей себя лисы».

Десятого декабря ветер подул с северо-запада и опять пошел снег, но уже не крупными хлопьями. Это был мелкий и редкий снежок, однако мороз был порядочный, и снежный наст тотчас же обращался в лед; скоро усилился и ветер, так что долгое пребывание на воздухе стало затруднительным. Пришлось снова запереться в четырех стенах и приняться за домашние дела. Джаспер Гобсон предусмотрительно роздал всем известковые лепешки и лимонный сок — промозглая сырость держалась упорно, и пора было пустить в ход противоцинготные средства. Впрочем, у жителей форта Надежды еще не появлялось признаков цинги. Благодаря принятым гигиеническим мерам здоровье у всех было отличное.

Стояла глубокая полярная ночь. Приближалось зимнее солнцестояние — время, когда в Северном полушарии дневное светило особенно низко опускается за горизонт. Во время полуночных сумерек южный край необъятной белой равнины только едва-едва светлел. Безысходную грусть навевала эта окутанная мраком земля!

В совместных трудах и развлечениях прошло еще несколько дней. Джаспер Гобсон уже меньше опасался нападения диких животных с тех пор, как снег перед оградой был убран. Это было сделано во-время, ибо то и дело доносился грозный рев, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Что касается посещения индейских или канадских охотников, то зимой бояться их было нечего.

Тем не менее через несколько дней случилось происшествие, которое для зимовщиков было целым событием; и оно показало, что даже в разгар зимы эта безмолвная пустыня не была совершенно безлюдна. По побережью и тогда скитались человеческие существа, которые, построив себе снеговые хижины, промышляли охотой на моржей. Эти люди принадлежали к племени «пожирателей сырых рыб»¹, которые кочуют по всему североамериканскому континенту от Баффинова моря до Берингова пролива, но никогда не заходят южнее Невольничьего озера.

В девять часов утра 14 декабря, возвратившись в факторию после обхода побережья, сержант Лонг, заканчивая свое донесение лейтенанту, сказал, что если глаза его не обманули, то возле маленького мыса, в четырех милях от форта, расположилось биваком какое-то кочевое племя.

— Кто же эти кочевники? — спросил Джаспер Гобсон.

— Либо люди, либо моржи, — ответил сержант. — Середины быть не может!

Бравый сержант очень удивился бы, если б узнал, что некоторые ученые как раз признают эту самую «середину», существования которой он не мог допустить.

¹ Перевод слова «эскимос». (Прим. автора.)

Действительно, нашлись натуралисты, которые наполовину в шутку, наполовину всерьез считали эскимосов «породой, средней между человеком и тюленем».

Лейтенант, миссис Полина Барнет, Мэдж и еще несколько человек тотчас решили воочию убедиться в присутствии неожиданных гостей. Одевшись потеплее, чтобы невзначай не отморозить себе лицо или руки, вооружившись ружьями и топорами, обувшись в меховые сапоги, в которых даже на оледенелом льду не скользит нога, они вышли из ворот и двинулись вдоль края загроможденного льдинами побережья.

Луна в последней четверти бросала сквозь туман слабый свет на ледяное поле. Прошагав с час, лейтенант стал уже подумывать, что Лонг ошибся или в самом деле видел лишь моржей, нырнувших затем в родную стихию через никогда не замерзающие лунки во льду.

Однако сержант показал на сероватую струйку, вившуюся в нескольких сотнях шагов над небольшой конической возвышенностью поля, и спокойно заметил:

— А вот и дымок у моржей!

В эту минуту из снежной хижины ползком выбрались на лед какие-то живые существа. То были эскимосы, но мужчины или женщины, сказать мог только их соплеменник, ибо по одежде различить их было невозможно.

И вправду, хотя приведенное выше суждение натуралистов мало похвально, всякий невольно принял бы этих эскимосов за тюленей, за настоящих, покрытых шерстью животных. Их было шестеро: четверо больших и двое маленьких. Несмотря на низкий рост, все были широкоплечие, безбородые, с плоским носом, с нависшей над глазами тяжелой складкой век, большим толстогубым ртом и длинными черными жесткими волосами. Одеты они были в круглые малицы с капюшонами из моржовых шкур; на них были моржовые башлыки, сапоги и рукавицы. Эти полудикие существа подошли к европейцам и принялись молча их разглядывать.

— Кто говорит по-эскимосски? — спросил Джаспер Гобсон своих товарищей.

С эскимосским языком не был знаком никто, но вдруг раздался чей-то голос, и все услышали английский приветствие:

— Welcome! Welcome! ¹

Говорил эскимос, вернее, как вскоре выяснилось, эскимоска; она приблизилась к миссис Полине Барнет и дружелюбно помахала ей рукой.

Изумленная путешественница произнесла в ответ несколько слов, которые туземка, повидимому, легко поняла; затем европейцы пригласили все эскимосское семейство направиться вместе с ними в форт.

Эскимосы обменялись взглядами, словно советуясь между собой, и после некоторого колебания тесной группой последовали за лейтенантом Гобсоном.

Когда эскимосы подошли к ограде и увидели дом, о существовании которого никто из них не имел представления, туземка воскликнула по-английски:

— Дом! Дом! Снежный дом?

Она спрашивала, сделан ли дом из снега; такой вопрос был вполне естественен, ибо все строения совершенно сливались с белой пеленой, покрывавшей землю. Ей объяснили, что дом деревянный. Эскимоска сказала что-то своим, и те ответили ей утвердительным знаком. Затем все вошли в ворота, и минуту спустя гости были введены в большую залу.

Здесь эскимосы скинули башлыки, и тогда стало возможным различить их пол. Среди них было двое мужчин лет сорока или пятидесяти, с желто-красными лицами, у обоих были острые зубы и сильно выдающиеся скулы, что придавало им отдаленное сходство с хищными зверями; затем две довольно молодые женщины с туго заплетенными косами, украшенными зубами и когтями полярных медведей; наконец, двое детей лет пяти-шести — два бедных маленьких существа с оживленными личиками, которые глядели вокруг себя широко раскрытыми от удивления глазами.

— Надо полагать, эскимосы всегда голодны, — сказал Джаспер Гобсон. — Добрый кусок мяса, наверно, придется по вкусу нашим гостям.

¹ Добро пожаловать! (англ.)

По приказу лейтенанта капрал вынес жареного оленьего мяса, на которое бедняги накинлись с чисто животной жадностью. Только говорившая по-английски молодая эскимоска обнаружила некоторую сдержанность; она внимательно рассматривала миссис Полину Барнет и других женщин фактории. Увидев младенца на руках миссис Мак-Нап, она вскочила из-за стола, подбежала к нему и начала очень мило его ласкать, что-то нежно приговаривая.

Молодая туземка казалась если не более развитой, то во всяком случае более цивилизованной, чем прочие члены ее семейства; это особенно бросилось в глаза, когда, закашлявшись, она поднесла руку ко рту согласно элементарным правилам учтивости.

Эта подробность ни от кого не ускользнула. Миссис Барнет, стараясь употреблять самые простые английские слова, завела с ней разговор и узнала, что молодая женщина год прожила в Уперниевике в услужении у датского губернатора, женатого на англичанке. Затем ей пришлось покинуть Гренландию вместе со своей семьей, отправлявшейся на промысел. Двое мужчин были ее братья. Вторая женщина, мать детей, была жена одного из них и ее невестка. Все они возвращались с расположенного на востоке у побережья Британской Америки острова Мельбурн и направлялись на запад, в Русскую Америку, к мысу Барроу в Джорджии, где обосновалось их племя. То, что на мысе Батерст оказалась фактория, их очень поразило. Оба эскимоса даже покачали головой, увидав здесь поселение европейцев. Отнесли ли они неодобрительно к тому, что на этой точке побережья вообще был построен форт? Или же просто местоположение его показалось им неудачно выбранным? Как ни старался лейтенант Гобсон добиться от них толкового объяснения, ему это так и не удалось, а быть может, он не понял их ответов.

Молодая эскимоска, которую звали Калюмах, видимо, почувствовала большую приязнь к миссис Барнет. Однако, несмотря на явное влечение к обществу, бедная девушка ничуть не жалела о покинутом ею месте у губернатора Упернивика; она была, должно быть, сильно привязана к своей семье.

Подкрепившись и разделив между собой полпинты брэнди, причем даже малыши получили свою долю, эскимосы распрощались с хозяевами; но перед уходом молодая туземка попросила путешественницу непременно посетить их снеговую хижину. Миссис Полина Барнет пообещала прийти назавтра, если позволит погода.

И вот на следующий день в сопровождении Мэдж, лейтенанта Гобсона и нескольких вооруженных солдат — не против этих бедняг, конечно, а на случай встречи с бродившими по побережью медведями, — миссис Полина Барнет отправилась к мысу Эскимосов, как был назван выступ берега, где находилось туземное стойбище.

Калюмах выбежала навстречу своей вчерашней приятельнице и с довольным видом показала ей на хижину. Хижина эта представляла собою большой снежный конус, в вершине его было пробито узкое отверстие, через которое выходил дым от очага; в этой снежной глыбе эскимосы выкопали себе временное пристанище. Такие снежные дома строятся очень быстро, на местном языке их называют «иглу». Они удивительно приспособлены к суровому климату, и их обитатели, даже не разводя огня, легко переносят в них сорокаградусные морозы. Летом эскимосы разбивают палатки из оленьих и тюленьих кож, называемые «тапик».

Проникнуть в хижину было не так-то просто. Единственный вход был сделан вровень с ее основанием, а так как снежные стены были очень толстые, то приходилось три-четыре фута ползти по тесному лазу. Однако опытной путешественнице и лауреату Королевского общества не пристало останавливаться перед подобным препятствием, и миссис Барнет вместе с Мэдж, не колеблясь, храбро полезла в узкий проход вслед за молодой эскимоской. Что касается лейтенанта Гобсона и солдат, то они уклонились от посещения хижины.

Миссис Барнет очень скоро поняла, что главная трудность заключалась не в том, чтобы залезть в снежную хижину, а в том, чтобы пробыть там хотя бы некоторое время. Воздух, нагретый костром, в котором

пылали моржовые кости, пропитанный воонью горевшей лампы, насыщенный испарениями от просаленной одежды и моржового мяса, составляющего главную пищу эскимосов, был тошнотворен. Мэдж не могла вытерпеть и секунды и тотчас выбралась наружу. Но миссис Барнет, боясь огорчить молодую эскимоску, проявила сверхчеловеческую выдержку и высидела в хижине пять долгих минут — целых пять веков! Оба ребенка и мать были дома. Мужчины ушли на моржовый промысел за четыре или пять миль от стоянки.

Выйдя из хижины, миссис Барнет с наслаждением вдохнула морозный воздух, возвративший краску ее слегка побледневшим щекам.

— Что скажете, сударыня? — спросил ее лейтенант. — Как вам понравился эскимосский дом?

— Вентиляция оставляет желать лучшего, — кратко ответила миссис Барнет.

Целую неделю прожило на своей стоянке любопытное туземное семейство. Оба эскимоса из двадцати четырех часов двенадцать ежесуточно проводили на охоте за моржами. Только жителям снеговых хижин, вероятно, доступно терпение, с каким они подстерегали у лунок появление моржа, вылезающего подышать на поверхность ледяного поля. Как только морж показывался, туземцы накидывали на него стягивавшуюся под лапами петлю, не без труда выволакивали его на лед и убивали ударом топора. По правде говоря, это походило больше на рыбную ловлю, чем на охоту! Затем начинался пир: эскимосы упивались горячей моржовой кровью, что было для них истинным наслаждением.

Несмотря на стужу, Калюмах ежедневно прибегала в форт Надежды. Ей доставляло огромное удовольствие обойти все комнаты, посмотреть, как и что шьют, и последить за кулинарными манипуляциями миссис Джолиф. Она спрашивала английские названия предметов и часами беседовала с миссис Полиной Барнет, если только старательное подыскивание понятных друг для друга слов можно назвать беседой. Когда путешественница читала вслух, Калюмах слушала ее с напряженным вниманием, хотя, конечно, мало что понимала.

У Калюмах был довольно приятный голос, и она пела песни странного ритма, песни холодные, леденящие душу, печальные, с непривычным для европейского уха чередованием рифм. У миссис Полины Барнет хватило терпения перевести один такой образчик гиперборейской поэзии — любопытную гренландскую «сагу», грустный напев которой, прерывавшийся паузами и поражавший неожиданной сменой тональностей, не лишён был своеобразной прелести. Вот слова этой песни, выписанные из альбома самой путешественницы:

ГРЕНЛАНДСКАЯ ПЕСНЯ

На небе мгла.
Влачится солнце мимо,
Чуть зримо.
Боль тяжела
Невыразимо:
Та, что любима,
Златоволосая, не внемлет песне грез,
И в сердце у нее безжалостный мороз.

О ангел мой!
Рвусь к милой ежечасно
Столь страстно,
Что надо мной
Пурга не властна.
Ты так прекрасна!
Ах! Поцелуев жар сердечка не зажег,
Снегов твоей души он растопить не мог!

Но будет час!
Его, во тьме тоскуя,
Все жду я.
В сиянье глаз,
Смеясь, ликуя,
Ответ найду я.
И солнцем небосвод наш озарится вновь,
И в сердце у тебя растопит льды любовь¹.

Двадцатого декабря эскимосы всей семьей пришли в форт Надежды попрощаться с его обитателями. Калюмах сильно привязалась к путешественнице, и та охотно удержала бы ее при себе, но молодая туземка не хотела расставаться со своими. Однако она пообе-

¹ Перевод Н. Вержейской.

шала следующим летом непременно побывать в форте Надежды.

Прощание было трогательное. Калюмах подарила миссис Полине Барнет маленькое медное колечко и в свою очередь получила агатовое ожерелье, которое тут же надела на себя. Джаспер Гобсон распорядился снабдить этих бедняков провизией на дорогу. Ее сложили в их сани, и Калюмах сказала несколько благодарственных слов; после этого необычайное семейство направилось на запад и вскоре скрылось в густом, нависшем над побережьем тумане.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ртуть замерзает

Сухая и тихая погода еще несколько дней благоприятствовала охотникам. Тем не менее они старались не особенно удаляться от форта, да в этом и не было надобности: обилие дичи позволяло им действовать на ограниченном пространстве. Лейтенанту Гобсону оставалось только радоваться, что он решил основать факторию в этой точке континента. В капканы попадалось множество различных пушных зверей. Сэбин и Марбр убили немало полярных зайцев. Штук двадцать голодных волков было прикончено из ружей. Эти хищники вели себя крайне вызывающе и, собираясь стаями вокруг форта, оглашали воздух хриплым воем. Со стороны ледяного поля, между торосами, часто показывались громадные медведи, за приближением которых настороженно следили охотники.

Двадцать пятого декабря вновь пришлось отложить все ранее задуманные экскурсии. Поднялся северный ветер, и опять начались жестокие морозы. На воздухе нельзя было оставаться без риска мгновенно заочеченеть. Термометр Фаренгейта упал до восемнадцати градусов ниже нуля (28° мороза по Цельсию). Ветер свистел подобно залпам картечи. Прежде чем снова затвориться в доме, Джаспер Гобсон позаботился о живот-

ных: собакам и оленям задали корму на несколько недель вперед.

Двадцать пятого декабря было рождество — праздник, который так чтут и так свято соблюдают англичане. Его справили истово и благоговейно. Зимовщики благодарили провидение за то, что оно до сих пор хранило их от беды. Вечером труженики факторнии, отдыхавшие весь сочельник, собрались за роскошно убраным столом, на котором красовались два громадных пудинга.

Окруженный стаканами, запыхавшийся традиционный пунш. Лампы были погашены, и зала, освещенная синеватым пламенем брандвейна, приняла фантастический вид. Дрожащие отсветы заиграли на добродушных лицах солдат, оживленных предвкушением веселья, которое обещал им горячий напиток.

Огонь стал затухать, разбежался голубыми язычками по краям чаши с национальным угощением и погас.

Но что за чудо! Хотя лампы не были еще вновь зажжены, зала оказалась ярко освещенной. В окно проникал красноватый свет, не заметный ранее за светом ламп.

Пирующие поднялись, в изумлении глядя друг на друга.

— Пожар! — крикнул кто-то.

Однако, коль скоро не горела сама фактория, какой же пожар мог быть по соседству с мысом Батерст?

Лейтенант бросился к окну и тотчас догадался о причине зарева. Началось извержение вулкана.

В самом деле, на западе, позади скал, позади Моржовой бухты, весь горизонт был в огне. Вершины огнедышащих сопок, находившихся километрах в тридцати от мыса Батерст, не были видны, но огненный столб, взметнувшись высоко в небо, бросал на всю окрестность рыжий отблеск.

— Это еще красивее северного сияния! — воскликнула миссис Полина Барнет.

Томас Блэк возмущился. Разве может земное явление быть красивее небесного? Но вступать в спор с астрономом не захотел никто: несмотря на службу и

пронизывающий ветер, все высыпали во двор любоваться полыхавшим в черном небе ослепительным столбом пламени.

Если б у Джаспера Гобсона и его спутников и спутниц уши и рты не были так плотно закутаны в густые меха, они услышали бы доносившийся издали глухой гул извержения и поделились бы впечатлениями от этого грозного зрелища. Но, укрытые с головой, зимовщики не могли обмениваться словами и ничего не слышали. Им оставалось только глядеть. Зато какая величественная картина предстала перед их взорами! Какое незабываемое воспоминание запало им в душу! Между бездонным мраком небес и необъятной белой пеленою снега протянулись полосы вулканического огня, порождавшие световые эффекты, которых не описать никакому перу и не передать никакой кисти. Гигантское зарево охватило полнеба, одну за другою затмевая звезды. Снежный покров отливал всеми оттенками золота. Торосы на ледяном поле, а за ними огромные айсберги, словно бесчисленные горящие зеркала, отражали каждую вспышку пламени. Сноп света преломлялись и отсвечивали в гранях льда, а ледяные плоскости, по-разному наклоненные, отбрасывали их с еще большим блеском, придавая им новую окраску. Поистине волшебное скрещение лучей! Казалось, грандиозная ледовая декорация была, точно в феерии, нарочно воздвигнута для этого праздника света!

Но сильная стужа скоро загнала зрителей обратно в их теплое жилище, и не один нос едва не заплатил дорогой ценой за удовольствие, которое в ущерб ему получили на свирепом морозе глаза!

В последующие дни было отмечено еще большее понижение температуры. Можно было опасаться, что на ртутном термометре не хватит делений и придется пустить в ход спиртовой градусник. И действительно, в ночь с 28 на 29 декабря ртутный столбик упал до тридцати двух градусов ниже нуля (36° мороза по Цельсию).

Печки были до отказа набиты дровами, но температуру в доме все же не удавалось поднять выше двадцати градусов (7° мороза по Цельсию). Зябли даже

в жилых комнатах, и жар печи в десяти футах уже совершенно не ощущался. Лучшее местечко предоставили младенцу, колыбельку которого поочередно качали все, кто подходил к очагу погреться. Строжайше было запрещено отворять окно и дверь, иначе скопившиеся в помещении пары немедля обратились бы в снег. В сенях человеческое дыхание мгновенно замерзло. Со всех сторон раздавался громкий сухой треск, очень удивлявший тех, кому в этом климате все было внове. Это трескали под действием мороза стволы деревьев, из которых были сложены стены дома. Запас спиртных напитков, водки и джина поспешили спустить с чердака в общую залу, ибо спирт уже сгустился на дне бутылок в виде шариков. Пиво из еловых почек замерзло, и бочки полопались. Твердые предметы точно окаменели и не поддавались влиянию тепла. Дрова горели плохо, и Джасперу Гобсону, чтобы облегчить их воспламенение, пришлось пожертвовать некоторым количеством моржового жира. По счастью, тяга была хорошая, и в комнатах совсем не оставалось дурного запаха. Но на вольном воздухе форт Надежды, вероятно, издавала свое присутствие горьким и вонючим дымом и по виду мог быть причислен к вредным для здоровья жилищам.

Достоин упоминания то, что в течение этих очень холодных дней всех мучила страшная жажда. Чтобы освежиться, у огня то и дело оттаивали напитки, ибо в замерзшем виде они не могли бы утолить этой жажды. Другим характерным симптомом была неодолимая сонливость, с которой лейтенант Гобсон всячески увещевал бороться, но далеко не всем его товарищам удавалось ее победить. Мужественная миссис Барнет подбадривала всех своими советами, добрым словом и хлопотливой деятельностью, разгоняя тем самым и собственную дремоту. То она читала рассказ о каком-нибудь путешествии, то пела старинную английскую песенку, и все хором ее подхватывали. От этого пения волей-неволей пробуждались уснувшие и скоро в свою очередь начинали подпевать. Так протекали долгие дни заточения, а Джаспер Гобсон, наблюдая сквозь мутное окошко за наружным термометром, отмечал, что мороз

все крепчает. Наконец, 31 декабря ртуть в чашечке термометра окончательно замерзла. Это означало, что температура упала до сорока четырех градусов ниже нуля (до 42° мороза по Цельсию).

На следующий день, 1 января 1860 года, лейтенант Гобсон поздравил миссис Полину Барнет с Новым годом и пожелал ей и в будущем с такой же твердостью и добрым расположением духа переносить невзгоды зимовки. С подобным же приветствием обратился он к астроному, но тот в замене цифры 1859 цифрой 1860 видел лишь наступление долгожданного года, в котором должно было состояться его знаменитое солнечное затмение. Добрыми пожеланиями обменялись и прочие члены дружной маленькой колонии; все они — благодарение богу — пользовались отменным здоровьем. Едва у кого-либо появлялись признаки цынги, как своевременным употреблением лимонного сока и известковых лепешек их быстро заставляли исчезнуть.

Но торжествовать пока было рано! Впереди было еще три зимних месяца. Правда, солнце вскоре уже должно было показаться над горизонтом, но достигла ли стужа предела — этого никто не знал, тем более что в северных широтах максимальное понижение температуры наблюдается главным образом в феврале. Во всяком случае, в первые дни нового года мороз не уменьшился, а 6 января спиртовой термометр, висевший снаружи у окна сеней, показал шестьдесят шесть градусов ниже нуля (54° мороза по Цельсию). Еще несколько градусов, и температура на мысе Батерст сравнялась бы с минимальной температурой, отмеченной в 1845 году в форте Релайанс, а может быть, оказалась бы даже еще ниже.

Упорно державшийся свирепый мороз все сильнее и сильнее тревожил Джаспера Гобсона. Он опасался, что пушные звери уйдут на юг в поисках более умеренного климата и его планы на весеннюю охоту будут сорваны. Кроме того, он часто слышал под землей глухие раскаты, имевшие несомненную связь с извержением вулкана. Горизонт на западе был попрежнему охвачен отсветом подземного пламени, и было ясно,

что в недрах земли совершается какая-то гигантская плутоническая работа. Не таило ли опасности для новой фактории это соседство с действующим вулканом? Вот о чем думал лейтенант, прислушиваясь к грозному подземному гулу. Но свои тревоги, впрочем, тогда еще очень неопределенные, Джаспер Гобсон хранил про себя.

Во время таких холодов нечего было и думать о том, чтобы выйти из дому. Собакам и оленям корму задали вдоволь, к тому же животные, привыкшие к длительным зимним голодовкам, не требовали от своих хозяев никакого особого ухода. Итак, подвергать себя риску обморожения не было нужды. Довольно было уже того, что все дрогли даже в той относительно сносной температуре, какую удавалось поддерживать усиленной топкой дровами и моржовым жиром. Несмотря на все принятые меры, сырость проникала в непроветриваемые комнаты и отлагалась на бревенчатых стенах утолщавшимся с каждым днем блестящим слоем инея. Конденсаторы наполнились до краев, и один из них даже лопнул от давления распиравшей его изнутри замерзшей воды.

При этих обстоятельствах лейтенант Гобсон отбросил всякую мысль о сбережении топлива. Напротив, он щедро расходовал его, надеясь поднять температуру, которая, едва только в печке и в плите немного утихал огонь, сразу опускалась до пятнадцати градусов по Фаренгейту (9° мороза по Цельсию). Дежурным истопникам, сменявшимся каждый час, было приказано поддерживать яркий огонь и следить, чтобы он не пригасал.

— Нам скоро не хватит дров, — сказал однажды лейтенанту сержант Лонг.

— Как так не хватит! — воскликнул Джаспер Гобсон.

— Я хочу сказать, — пояснил сержант, — что находящийся в доме запас иссякнет и за дровами скоро придется идти в сарай. Между тем по опыту известно, что выходить на воздух в такой мороз опасно для жизни.

— Да! — ответил лейтенант Гобсон. — Мы сделали ошибку, не построив сарай вплотную к дому и не соединив их прямым ходом. Я это сообразил слишком поздно. Мне следовало помнить, что зимовать нам предстоит за семидесятой параллелью. Но что сделано, то сделано. Скажите, Лонг, сколько дров осталось в доме?

— Хватит чем топить печь и плиту еще дня два-три, не больше, — доложил сержант.

— Будем надеяться, — продолжал Джаспер Гобсон, — что к тому времени мороз смягчится и можно будет без риска пересечь двор.

— Вряд ли, лейтенант, — возразил, покачав головой, сержант Лонг. — Небо чисто, ветер установился северный, и я не удивлюсь, если морозы продержатся еще недели две, то есть до новолуния.

— Что ж, мой славный Лонг, — ответил лейтенант, — не погибнем же мы от холода, не правда ли? И в тот день, когда нужно будет рискнуть...

— Мы рискнем, лейтенант, — закончил сержант Лонг.

Джаспер Гобсон крепко пожал руку сержанта, самоотверженность которого была ему хорошо известна.

Может показаться, что Джаспер Гобсон и сержант Лонг преувеличивали, полагая, что при внезапном соприкосновении человеческого организма с ледяным воздухом возможен смертельный исход. Но они всю жизнь прожили в полярном климате и накопили на сей счет достаточный опыт. Не раз при них крепкие люди, выйдя из теплого помещения, тут же в обмороке падали на снег: от мороза у них захватывало дыхание, и их уносили замертво. Свидетелями подобных случаев — как ни невероятны они на первый взгляд — постоянно бываю зимовщики. В своем описании путешествия к берегам Гудзонова залива в 1746 году Вильям Мур и Смит рассказывают о таких печальных происшествиях; они лишились даже нескольких своих товарищей, которых мороз поразил как ударом грома. Можно считать бесспорной истиной, что выходить на воздух в то время, когда даже ртутный столбик не мо-

жет больше измерять степень стужи, значит подвергать себя риску мгновенной смерти.

Итак, положение обитателей форта Надежды было уже достаточно тревожным, когда новое, неожиданное обстоятельство еще больше усугубило грозившую им опасность.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Полярные медведи

Из четырех окон форта единственное, не закрытое ставнями, было окно в сенях, и только через него можно было видеть двор. Но, чтобы что-нибудь рассмотреть, приходилось каждый раз смывать с него кляпком толстый слой льда. По настоянию лейтенанта эту работу проделывали несколько раз в день и, оглядывая окрестности мыса Батерст, одновременно внимательно следили за состоянием неба и показаниями висевшего снаружи спиртового термометра.

И вот в одиннадцать часов утра 6 января солдат Келлет, на которого в тот день возложено было наблюдение, вдруг позвал сержанта и показал ему на какие-то смутно шевелившиеся в потемках громадные туши.

Сержант Лонг, подойдя к окну, невозмутимо сказал:

— Это медведи!

В самом деле, с полдюжины медведей изловчились перелезть через частокол и, привлеченные запахом дыма, подбирались к дому.

Как только Джасперу Гобсону доложили о присутствии страшных хищников, он приказал немедленно забаррикадировать изнутри окно из сеней. Этим окном пользовались, как единственным выходом, и, забив его, казалось, можно было быть уверенным, что доступ медведям в жилье будет надежно прегражден. Плотник Мак-Нап накрепко заколотил окно толстыми брусьями, оставив лишь узкий просвет для наблюдения за действиями докучных посетителей.

— Теперь, — заявил плотник, — эти господа уже не влезут без нашего разрешения. А мы тем временем созовем военный совет!

— Что ж, мистер Гобсон, — сказала миссис Барнет. — Зимовка у нас по всем правилам: сначала стужа, затем медведи.

— Увы, не «затем», — ответил лейтенант Гобсон, — а в самую стужу, что куда серьезнее! Да еще в какую стужу! Нам нельзя даже высунуться во двор! Не знаю, право, как мы избавимся от этих зловредных тварей.

— Я думаю, они потеряют терпение и уйдут так же, как пришли, — заметила путешественница.

Джаспер Гобсон с сомнением покачал головой.

— Вы не знаете медведей, сударыня, — возразил он. — За суровую зиму они изголодались и не сдвинутся с места, пока их к этому не принудишь.

— Вы, кажется, встревожены, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет.

— И да и нет, — ответил лейтенант Гобсон. — В дом медведям не проникнуть — это верно, но как мы отсюда выйдем, если явится необходимость, — этого я себе не представляю!

Тут Джаспер Гобсон вернулся к окну, а миссис Барнет и другие женщины обступили сержанта — бывшего солдата и специалиста по «медвежьему вопросу» — и стали слушать его рассказы. Сержанту Лонгу много раз случалось иметь дело с этими хищниками, ибо встреча с ними не редкость даже в более южных областях; но там на медведей с успехом можно было напасть самим, здесь же обитатели форта очутились в осаде, а мороз препятствовал всякой попытке выйти наружу.

День прошел в настороженном наблюдении за бродившими по двору медведями. Время от времени какой-нибудь из них подходил к окну и упирал в него свою толстую морду; тогда до людей доносилось его глухое, сердитое рычание. Лейтенант Гобсон и сержант обсудили положение, и было решено, что если медведи не удалятся, то в стенах просверлят бойницы и отгонят зверей ружейными залпами. Но прежде, чем

прибегнуть к этому средству, надо было подождать день-другой: Джаспер Гобсон отнюдь не спешил устанавливать лишние пути сообщения между наружным воздухом и комнатным, уже настолько холодным, что даже моржовый жир, который подбрасывали в печь, стал твердым, как камень, и его приходилось разрубать топором.

Новых происшествий в тот день не произошло. Медведи приходили, уходили, кружились вокруг дома, но на прямое нападение не отваживались. Всю ночь люди не покидали сторожевого поста, и к четырем часам утра появилась надежда, что осаждавшие покинули двор. Во всяком случае, они больше не показывались.

Однако часов в семь утра Марбр, поднявшись на чердак за провизией, тотчас опрометью сбежал вниз и объявил, что медведи разгуливают по крыше.

Джаспер Гобсон, сержант, Мак-Нап и два-три солдата, схватив ружья, бросились на лестницу, сообщавшуюся с чердаком посредством откидного люка. На чердаке был такой холод, что через несколько минут лейтенант и его товарищи не могли уже держать в руках стволы своих ружей. Пар от их дыхания обращался в иней.

Марбр не ошибся. Медведи взобрались на крышу. Слышно было, как они по ней бегали и рычали. Иногда, пронзив когтями слой льда, они впивались в брусья кровли, и можно было опасаться, что у них хватит силы их отодрать.

Лейтенант и его люди, продрогнув на нестерпимом морозе, поспешно сошли вниз. Джаспер Гобсон рассказал о создавшемся положении.

— Медведи, — сообщил он, — расположились на крыше. Это сильно осложняет дело. Нам самим опасность пока не угрожает, ибо пробраться в комнаты им не удастся. Но боюсь, что они залезут на чердак и сожрут хранящиеся там меха. Меха же эти принадлежат компании, и наша обязанность сберечь их в неприкосновенности. Поэтому я прошу вас, друзья, помочь мне перенести их в безопасное место.

Лейтенант расставил людей цепочкой в зале, на кухне, в сенях и на лестнице. Сменяясь, так как

длительной работы на морозе никто выдержать не мог, они по двое, по трое выходили на чердак, и через час меха, целые и невредимые, были сложены в зале.

Пока происходила переноска мехов, медведи продолжали возиться на крыше, стараясь оторвать стропила. В иных местах брусья уже прогнулись под их тяжестью. Плотник Мак-Нап тревожился все больше и больше. Когда он ставил крышу, ему не приходила в голову возможность подобной нагрузки, и сейчас он опасался, что крыша не выдержит.

Но и этот день миновал благополучно — осаждающие не ворвались на чердак. Однако другой, не менее грозный враг — холод — мало-помалу проникал в комнаты. Огонь в печах угасал. Запас топлива подходил к концу. Через несколько часов сгорит последнее полено — и печи потухнут.

Приближалась смерть, самая страшная из смертей, — смерть от мороза. Несчастные люди, прижавшись друг к другу, окружили угасавшую печку, чувствуя, как понемногу уходит из организма их собственное тепло. Но никто не жаловался. Даже женщины героически переносили муки холода. Миссис Мак-Нап судорожно прижимала младенца к своей хладеющей груди. Некоторые солдаты спали, или, вернее, застыли в тупом оцепенении, которое нельзя было назвать сном.

В три часа утра Джаспер Гобсон посмотрел на комнатный термометр, висевший на стене, в десяти шагах от печки.

Фаренгейт показывал четыре градуса ниже нуля (20° мороза по Цельсию).

Лейтенант провел рукой по лбу, оглядел сидевших тесной, молчаливой кучкой товарищей и погрузился в раздумье. Пар от дыхания, леденя, окутывал его беловатым облаком.

В эту минуту чья-то рука легла на его плечо. Он вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла миссис Полина Барнет.

— Надо что-то предпринять, лейтенант Гобсон, — сказала ему эта сильная духом женщина. — Не умирать же нам, ничего не сделав для своего спасения!

— Да! — ответил лейтенант, в котором эти слова пробудили душевную энергию. — Надо что-то предпринять!

Лейтенант подозвал сержанта Лонга, Мак-Напа и кузнеца Рэя — самых отважных людей своего отряда. В сопровождении миссис Барнет они подошли к окну, промыли его кипятком и посмотрели на наружный термометр.

— Семьдесят два градуса (58° мороза по Цельсию)! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Друзья мои! У нас осталось только два выхода: либо с риском для жизни достать дрова из сарая, либо начать жечь скамьи, кровати, перегородки — все, что может поддерживать огонь в печах. Но это крайнее средство, ибо ничто не предвещает перемены погоды, и морозы, наверное, удержатся.

— Надо рискнуть! — ответил сержант Лонг.

Таково же было мнение и обоих товарищей сержанта.

Больше не было сказано ни слова, и все четверо стали приводить себя в боевую готовность.

Вот на чем остановились и какие были приняты меры для того, чтобы по возможности охранить жизнь тех, кто решил пожертвовать собой ради общего блага.

Сарай, в котором были заперты дрова, находился шагах в пятидесяти позади дома, чуть влево от него. Было решено, что кто-нибудь один бегом добежит до сарая. Вокруг себя он обмотает длинную веревку, а другую потянет за собой, оставив конец ее в руках товарищей. Войдя в сарай, он живо наложит на хранящиеся там сани побольше дров, привяжет к их передку свободную веревку, за которую его товарищи тотчас же поволокут сани к дому, а к задку прикрепит ту, которой был обмотан: за эту веревку он потащит опорожненные сани обратно в сарай; и таким образом между домом и сараем установится непрерывное сообщение, что позволит, не подвергая себя серьезной опасности, возобновить в доме запас дров. Сильное дерганье за конец той или другой веревки будет означать, что сани либо нагружены в сарае, либо разгружены в доме.

План был хорош, однако мог потерпеть неудачу по двум причинам: во-первых, дверь сарая, по всей вероятности, примерзла и ее очень трудно будет отворить; во-вторых, можно было опасаться, что медведи слезут с крыши и бросятся во двор. Вот две возможности, с которыми почти наверняка пришлось бы столкнуться.

Все трое — сержант Лонг, Мак-Нап и Рэй — вызвались на это опасное дело. Но сержант заметил, что его товарищи люди женатые, и настаивал на том, чтобы все было поручено ему. Лейтенант же хотел взять риск на себя; однако миссис Барнет решительно этому воспротивилась.

— Мистер Гобсон, — сказала она ему, — вы командир отряда, ваша жизнь нужна всем, и вы не имеете права ставить ее на карту. Мистер Гобсон, пусть идет сержант Лонг.

Сознание долга, возложенного на него занимаемым положением, заставило Джаспера Гобсона подчиниться; но на ком-нибудь все же надо было остановить выбор, и Джаспер Гобсон решил послать сержанта. Миссис Барнет пожала руку отважному Лонгу.

Остальные обитатели форта, погруженные в сон или забытые, ничего не знали о предполагавшейся вылазке.

Приготовили две длинные веревки. Одну сержант обмотал вокруг туловища поверх теплых мехов, в которые закутался, неся на себе ценность более чем в тысячу фунтов стерлингов. Другую привязал к поясу, заткнул за пояс огниво и заряженный револьвер. Перед самым выходом он залпом выпил полстакана водки, что называлось у него «хлебнуть горячительного».

Джаспер Гобсон, Лонг, Рэй и Мак-Нап вышли из залы и, пройдя через кухню, в которой уже погасла плита, очутились в сенях. Рэй поднялся к чердачному люку и, приоткрыв его, прислушался: медведи попрежнему топтались на крыше. Наступило время действовать.

Отворили первую дверь из сеней. Несмотря на теплую меховую одежду, Джаспер Гобсон и его товарищи почувствовали, что мороз пробирает их до костей. За-

тем распахнули наружную дверь, выходившую во двор, и невольно попятились: морозом перехватило дыхание. Скопившаяся в сених влага тотчас же кристаллизовалась в иней, и тонкий белый слой покрыл пол и стены.

Воздух на улице был необыкновенно сух. Как никогда ярко горели звезды.

Не теряя ни секунды, сержант Лонг бросился во тьму, увлекая за собой веревку, конец которой крепко держали его товарищи. Наружную дверь притворили и плотно заперли вторую; Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй вошли в сени и стали ждать. Если Лонг тотчас же не вернется, значит дело идет на лад: он находится в сарае и накладывает первую порцию дров. На это самое большее уйдет минут десять, если, конечно, дверь сарая уступила его усилиям.

Пока Джаспер Гобсон и Мак-Нап дожидались в сених, Рэй следил за чердаком и прислушивался к поведению медведей. Ночь была темная, и можно было надеяться, что сержант проскользнул незаметно.

Через десять минут после его ухода Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй вернулись в тесный тамбур между двумя входными дверьми, с нетерпением ожидая сигнала тащить сани.

Прошло еще пять минут. Веревка, конец которой они держали, не шевелилась. Можно себе представить их беспокойство! Сержант ушел больше четверти часа назад; этого времени было вполне достаточно для загрузки саней, но условного знака Лонг не подавал.

Джаспер Гобсон подождал еще немного, затем, натянув веревку, с помощью товарищей начал тащить. Если дрова еще не наложены, Лонг сейчас же остановит сани.

Веревка дрогнула и быстро пошла. Что-то тяжелое волочилося по снегу и через несколько секунд приблизилось к наружным дверям...

То было привязанное за пояс тело сержанта! Несчастный Лонг не успел даже добежать до сарая. Задохнувшись, он упал по дороге, и его тело, пролежав двадцать минут на страшном морозе, могло быть лишь трупом!

Крик отчаяния вырвался у Мак-Напа и Рэя. Тело Лонга внесли в сени, а лейтенант между тем возвратился, чтобы закрыть дверь, но вдруг почувствовал, что кто-то сильно на нее напирает снаружи. Послышалось грозное рычание.

— Ко мне! — закричал Джаспер Гобсон.

Мак-Нап и Рэй бросились ему на помощь, но их опередила женская фигура. Это миссис Полина Барнет поспешила присоединить свои усилия к усилиям лейтенанта Гобсона. Однако чудовищный зверь налег всей тяжестью на дверь, просвет становился все шире, и медведь уже готов был ворваться в сени.

Миссис Барнет выхватила из-за пояса Джаспера Гобсона один из его револьверов и, хладнокровно дождавшись мгновенья, когда голова медведя просунулась в отверстие, выпустила весь заряд прямо в открытую пасть хищника.

Медведь рухнул, сраженный наповал; дверь заперли, а затем основательно забаррикадировали.

Тело сержанта было перенесено в залу и положено у печки, в которой чуть тлели последние уголья. Как оживить несчастного? Как вызвать Лонга к жизни, все признаки которой, казалось, покинули его?

— Я пойду, я! — крикнул кузнец Рэй. — Я пойду за дровами, не то...

— Да, Рэй, — раздался рядом с ним чей-то голос. — И мы пойдем вместе!

То была его мужественная жена.

— Нет, нет, друзья мои! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Вам не миновать гибели если не от мороза, то от медведей. Сожжем лучше здесь все, что может гореть, а там — да поможет нам бог!

Услышав эти слова, измученные полузамерзшие люди вскочили со своих мест и, как сумасшедшие, хватали топоры. В один миг скамейки, столы, перегородки — все было повалено, расколото, разрублено в куски, и скоро печь в большой зале и кухонная плита загорели от жаркого огня, в который подбросили еще немного моржового жира.

Температура в помещении поднялась градусов на двенадцать. Лонгу была оказана первая помощь. Сер-

жанта растерли горячей водкой, и мало-помалу кровообращение его восстановилось. Белые пятна, местами покрывшие тело, начали исчезать. Но бедняга жестоко страдал, и прошло несколько часов, прежде чем он мог выговорить хоть слово. Его уложили в нагретую постель, и миссис Барнет вместе с Мэдж продежурили при нем всю ночь.

Тем временем Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй изыскивали выход из столь резко ухудшившегося положения. Нового топлива, позаимствованного в самом доме, хватит самое большее на два дня. Что станет со всеми обитателями форта, если мороз продлится? Новолуние наступило уже двое суток назад, но не принесло с собой никакой перемены погоды. Ледяной северный ветер дул попрежнему. Барометр стоял на «ясно, сухо», и с земли, представлявшей теперь гигантское ледяное поле, не поднималось ни единой струйки тумана. Вряд ли можно было рассчитывать на смягчение погоды. На что же решиться? Возобновить попытку пробраться в сарай, попытку, которая сделалась еще опаснее с тех пор, как двор сторожат медведи? Или вступить с ними в бой на открытом воздухе? Нет. Это было бы безумие, следствием которого могла быть лишь общая гибель.

Но пока что температура в комнатах установилась сносная. Утром миссис Джолиф подала на завтрак жареное мясо и чай. Не был забыт и горячий грог, и храбрый Лонг мог уже проглотить свою долю. Благодатное тепло печей, поднимая температуру в доме, поднимало в то же время и дух наших зимовщиков. Чтобы напасть на медведей, ждали только приказа Джаспера Гобсона. Однако лейтенант, считая силы слишком неравными, не хотел рисковать людьми. День, по всей видимости, должен был пройти без новых происшествий, как вдруг около трех часов пополудни сверху послышался страшный треск.

— Это они! — закричали солдаты, поспешно вооружаясь топорами и револьверами.

Очевидно, медведи все же отодрали какую-то балку и ворвались на чердак.

— Всем оставаться на месте! — спокойно скомандовал лейтенант. — Рэй, люк!

Рэй бросился в сени, взбежал на лестницу и наглухо захлопнул подъемную дверь.

Над потолком, который, казалось, оседает под тяжестью медведей, слышался ужасный шум: рычание, топот и злобные удары когтями.

Изменилось ли положение людей от того, что медведи вторглись на чердак? Увеличилась ли опасность, или нет? Джаспер Гобсон и его товарищи посовещались между собой. Большинство сходилось на том, что положение улучшилось. Раз все медведи собрались на чердаке, — а, вероятно, так оно и было, — то на этом узком пространстве на них уже можно было напасть, тем более что от холода людям там не захватит дыхания и оружие не выпадет у них из рук. Конечно, сражаться врукопашную с этими хищниками в высшей степени опасно, но по крайней мере физическая невозможность такой попытки была теперь устранена.

Оставалось решить, атаковать ли непрошенных гостей на занятой ими позиции? Дело это было рискованное — особенно потому, что через узкий люк солдаты могли вылезать на чердак только поодиночке.

Понятно, Джаспер Гобсон медлил отдавать приказ о нападении. Обдумав все и посоветовавшись с сержантом и другими своими товарищами, в храбрости которых сомневаться не приходилось, лейтенант решил подождать. Какое-нибудь неожиданное обстоятельство могло увеличить шансы на успех. Разломать же потолочные балки, более прочные, чем брусья крыши, медведям было почти невозможно, а следовательно, невозможно было и проникнуть в комнаты нижнего этажа.

День прошел в ожидании. Ночью никто не мог уснуть — так бесновались на чердаке разъяренные звери.

На следующее утро в девять часов новая беда осложнила положение и заставила лейтенанта Гобсона действовать.

Как известно, трубы от печки и кухонной плиты проходили сквозь чердак. Эти трубы, сложенные из известковых кирпичей и недостаточно крепко сцемен-

тированные, не могли устоять против сильного бокового напора. И вот случилось, что медведи — то ли ударяя по трубам лапами, то ли навалившись на них всем туловищем, чтобы погреться, — понемногу расшатывали кладку. Куски кирпичей с шумом попадали вниз, и скоро в печи и плите прекратилась тяга.

То было непоправимое бедствие, от которого, конечно, менее стойкие люди пришли бы в отчаяние. Но и это было не все. Едва огонь начал пригасать, как по всему дому распространился едкий черный дым, тошнотворно вонявший моржовым жиром. Трубы обрушились. Через несколько минут дым настолько сгустился, что затмил свет ламп. Перед Джаспером Гобсоном встала необходимость вывести людей из дома, чтобы спасти их от удушья. А выйти из дому — значило погибнуть от холода. Послышались вопли женщин.

— Друзья! — крикнул лейтенант, хватая топор, — за мной, на медведей!

Больше ничего не оставалось делать. Хищников надо было истребить. Во главе с Джаспером Гобсоном все до единого кинулись через сени на лестницу. Отбросили люк. Посреди клубов черного дыма засверкали выстрелы. Крики людей смешались с медвежьим ревом, полилась кровь. Дрались в полнейшем мраке...

И вдруг грозный гул потряс воздух, от сильных толчков закачалась земля. Дом накренился, словно сдвинувшись со своего основания. Бревна в стенах разошлись, и сквозь образовавшиеся щели ошеломленный Джаспер Гобсон и его товарищи увидели, как, воя от ужаса, убегают во тьму медведи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пять месяцев

Сильнейшее землетрясение поколебало эту часть американского континента. Наверное, подобные толчки нередко случались в недрах этой вулканической

почвы. Существование тесной связи между землетрясениями и извержениями подтвердилось еще раз.

Джаспер Гобсон понял, что произошло. В щемящей тоске он стоял и ждал, что будет дальше. Глубокая трещина в земле в любую минуту могла поглотить его товарищей и его самого. Но дальнейших толчков не последовало. И первый толчок, по всей вероятности, был не прямой, а отраженный. Под его действием дом наклонился в сторону озера, и стены его расселись. Затем почва вновь приобрела прежнюю устойчивость и неподвижность.

Надо было обратиться к делам первейшей необходимости. Хотя дом и сместился, но жить в нем было еще можно. Наскоро заделали щели между разошедшимися бревнами. Кое-как починили трубы.

По счастью, раны, полученные некоторыми солдатами во время схватки с медведями, были не опасны и не требовали ничего, кроме обычных перевязок. В таких условиях несчастные люди прожили два тяжких дня, сжигая кровати и последние доски перегородак. За это время Мак-Нап и его подручные закончили самые спешные починки внутри дома. Столбы, глубоко врубленные в землю, не треснули, и постройка держалась крепко. Но было ясно, что в результате землетрясения поверхность побережья получила какой-то новый наклон и во всей окрестности произошли значительные изменения. Джаспер Гобсон стремился поскорее выяснить все последствия катастрофы, ибо в известной мере они могли угрожать безопасности фактории. Но свирепый мороз не позволял и думать о том, чтоб выйти на воздух.

Между тем некоторые признаки указывали на довольно близкую перемену погоды. В окно было видно, что звезды сверкают уже не так ярко. 11 января барометр упал на несколько делений. В воздухе появился туман, который, сгустившись, должен был повысить температуру.

В самом деле, 12 января подул юго-западный ветер и с перерывами пошел снег. Почти тотчас же ртуть в термометре поднялась до пятнадцати градусов

выше нуля (9° мороза по Цельсию). Настрадавшимся зимовщикам такая температура показалась весенней.

В этот день в одиннадцать часов утра все обитатели фактории вышли наружу. Со стороны можно было подумать, что какой-то партии невольников неожиданно возвратили свободу. Но из опасения неприятных встреч выходить за пределы форта было строго-настрого запрещено.

В это время года солнце еще не показывается, но уже близко подходит к горизонту, и над зимовьем установились долгие сумерки. На расстоянии двух миль отчетливо вырисовывались предметы. Джаспер Гобсон поспешил окинуть взглядом окружающую местность — после землетрясения она, должно быть, приняла совсем другой вид.

Действительно, перемен было много. Утес, которым заканчивался мыс Батерст, наполовину обрушился, и на берегу валялись громадные глыбы мерзлой земли. Самый же мыс как будто накренился в сторону озера, сдвинув площадку, на которой стоял дом. Вся поверхность земли заметно понизилась на западе и приподнялась на востоке. Это изменение рельефа должно было повлечь за собой важное последствие. воды озера и реки Полины, освободившись ото льда, устремятся с востока на запад согласно новому наклону и часть западной территории будет, вероятно, затоплена. Речка проложит себе новое русло, и, следовательно, исчезнет существовавшая в ее устье маленькая естественная гавань. Холмы в восточной части побережья, казалось, сильно понизились. Что касается скал на западе, то узнать о них что-либо, ввиду их удаленности, пока еще было нельзя. Словом, самое существенное изменение, вызванное землетрясением, заключалось в следующем: на пространстве по крайней мере четырех или пяти квадратных миль горизонтальное положение почвы нарушилось, поверхность земли приобрела наклон с востока на запад.

— Вот беда-то, мистер Гобсон, — сказала, смеясь, путешественница. — Вы были так любезны, что

назвали моим именем порт и речку, и вдруг порт Барнет и река Полины исчезли с лица земли! Надо признаться, мне не везет!

— Действительно, сударыня, — ответил лейтенант. — Но хоть речка и пропала, зато озеро осталось, и, если вы позволите, мы будем впредь именовать его «озеро Барнет». Хочется думать, что уж оно-то вам не изменит.

Мистер и миссис Джолиф, выйдя из дому, тотчас направились один на псарню, другая — в оленьи стойла. Собаки не особенно пострадали от долгого заключения и, весело прыгая, выскочили во двор. Один из оленей несколько дней назад пал. Остальные, правда, похудели, но, видимо, были здоровы.

— Итак, сударыня, — обратился лейтенант Гобсон к миссис Барнет во время прогулки, — мы выпутались из беды, и благополучнее, чем можно было ожидать!

— Я не отчаивалась ни минуты, мистер Гобсон, — ответила путешественница. — Опасностям зимовки не сломить таких людей, как вы и ваши товарищи!

— Сударыня, с тех пор как я живу в полярных странах, — продолжал лейтенант Гобсон, — я никогда не испытывал подобного мороза и скажу по правде: продлись он еще несколько дней, я полагаю, мы все бы погибли.

— Значит, землетрясение началось как нельзя более кстати, — сказала путешественница. — По крайней мере оно разогнало этих проклятых медведей, а может быть, повлияло и на погоду.

— Возможно, сударыня, вполне возможно, — ответил лейтенант. — Все эти явления природы находятся во взаимной зависимости. Но, должен сознаться, меня весьма беспокоит вулканическое строение здешней почвы. Мне сильно не нравится, что соседом фактории оказался действующий вулкан. Лава затопить нас не может, но подземные удары приносят дому ужасный вред. Взгляните, на что он стал похож!

— Весной вы его почините, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — и, наученные опытом, воздвигнете постройку более прочную!

— Само собой разумеется, сударыня! Но пока-то, каково вам будет еще несколько месяцев! Пожалуй, в таком виде наш дом вам уж не покажется таким удобным!

— Это мне-то — путешественнице! — расхохоталась миссис Полина Барнет. — Я буду воображать, что живу в каюте судна, которое дало крен, а так как при этом не будет ни боковой, ни килевой качки, то бояться морской болезни нечего!

— Отлично, сударыня, отлично! — ответил Джаспер Гобсон. — Ваш характер заслуживает высшей похвалы! Все это знают. Своей душевной энергией, своей постоянной веселостью вы поддержали всех нас — моих товарищей и меня — в дни суровых испытаний, и я благодарю вас от их и от своего имени.

— Уверю вас, мистер Гобсон, — вы преувеличиваете...

— Нет, нет, все вам скажут то же самое... Но позвольте мне задать один вопрос. Как вы знаете, в июне месяце капитан Крэвенти должен прислать нам караван с подкреплением, который на обратном пути отвезет в форт Релайанс добытые нами меха. По всей вероятности, наш друг Томас Блэк, налюбовавшись своим затмением, отправится в июле с этим отрядом. Разрешите спросить, сударыня, намерены ли вы вернуться вместе с ним?

— Вы меня прогоняете, мистер Гобсон? — с улыбкой спросила путешественница.

— О сударыня!..

— Так вот, любезный лейтенант, — ответила миссис Барнет, протягивая Джасперу Гобсону руку, — я попрошу у вас позволения провести еще одну зиму в форте Надежды. Очень возможно, что в будущем году какое-нибудь судно компании бросит якорь у мыса Батерст, и тогда я воспользуюсь им; мне улыбается перспектива, добравшись сюда сушей, обратный путь совершить через Берингов пролив.

Лейтенант был в восторге от решения своей спутницы. Он сумел понять и оценить ее. Искренняя симпатия привязывала его к этой мужественной женщине, а она в свою очередь считала его честным и храбрым

человеком. Если б час расставанья был близок, они с большим огорчением думали бы о разлуке. К тому же как знать? Может быть, небо готовило им новые, ужасные испытания и душевная сила обоих, соединившись, должна была еще послужить на благо остальным...

Двадцатого января в первый раз показалось солнце; полярная ночь кончилась. Солнце лишь несколько мгновений стояло над горизонтом, но зимовщики приветствовали его радостными возгласами «ура». Начиная с этого числа продолжительность дня все время возрастала.

Весь февраль и первая половина марта были отмечены резким чередованием хорошей и дурной погоды. Хорошая сопровождалась сильными морозами, дурная — обильными снегопадами. В ясные дни стужа мешала охотникам отправиться на промысел, в дурные — их удерживали дома снежные бури. Наружные работы могли производиться, только когда стояла переменная погода, однако от дальних походов пока что приходилось отказываться. Впрочем, удаляться от форта не было и надобности, ибо капканы действовали безотказно. В конце зимы куниц, лис, горностаев, росомах и других ценных животных было поймано видимо-невидимо, и охотники не сидели сложа руки, хотя и не покидали ближайших окрестностей мыса Батерст. Только в марте они однажды дошли до бухты Моржовой и там впервые во всем объеме увидели последствия землетрясения: вид прибрежных скал оказался совсем иным, да и сами скалы сильно ушли в землю. Над видневшимися в отдалении огнедышащими сопками висело облако пара, но действие вулканов, видимо, на время прекратилось.

Около 20 марта охотники заметили первых лебедей; наполняя воздух пронзительным свистом, птицы возвращались из южных краев, устремляясь на север. Затем появились белоснежные «подорожники» и «соколы-зимовщики». Но бескрайний белый ковер все еще покрывал землю, и солнце не могло растопить ледяную поверхность моря и озера.

Океан начал освобождаться ото льда только в первых числах апреля. Ледяной покров ломался с невероятным грохотом, временами напоминавшим артиллерийскую канонаду. Замерзший океан быстро менял свой вид. Потеряв равновесие, разбиваясь друг о друга, подточенные снизу, с невероятным шумом рушились айсберги. Эти обвалы ускоряли вскрытие ледяного поля.

В это время средняя температура равнялась тридцати двум градусам выше нуля по Фаренгейту (0° по Цельсию). Кромка льда у берега не замедлила растаять, ледовый барьер, увлекаемый северными течениями, мало-помалу отодвинулся, а вскоре и совсем исчез за туманным горизонтом. К 15 апреля море очистилось, и судно, пройдя из Тихого океана через Берингов пролив и следуя вдоль американского побережья, могло бы пристать к мысу Батерст.

Одновременно с Ледовитым океаном освободилось от ледяного панцыря и озеро Барнет — к великому удовольствию уток и других водоплавающих птиц, тысячами кишевших на его берегах. Но, как и предвидел лейтенант Гобсон, очертания озера изменились в связи с новым рельефом местности. Прибрежная полоса, примыкавшая к ограде форта и заканчивавшаяся на востоке лесистыми холмами, значительно расширилась. Джаспер Гобсон подсчитал, что воды озера на сто пятьдесят шагов отступили от своего восточного берега. На противоположной стороне они на столько же должны были переместиться на запад и, вероятно, затопили бы всю местность, если бы их не сдержала какая-нибудь естественная преграда.

Словом, большое счастье, что образовавшийся наклон почвы шел с востока на запад, ибо в противном случае фактория неминуемо была бы затоплена.

Что касается реки, то она иссякла тотчас же после того, как вскрылась. Воды ее, можно сказать, потекли вспять, ибо в этой части берега новый наклон почвы шел с севера на юг.

— Придется вычеркнуть ее с карты полярных

стран! — сказал Джаспер Гобсон сержанту. — Если б у нас только и было питьевой воды, что из этой речонки, мы очутились бы в затруднительном положении! Но, к счастью, есть еще озеро Барнет, и я льщу себя надеждой, что наши товарищи не выпьют его до дна!

— Да, озеро... — ответил сержант Лонг. — Только вот остались ли его воды пресными?

Джаспер Гобсон пристально взглянул на сержанта, и брови его сдвинулись. Эта мысль ему еще не приходила в голову: действительно, через какую-нибудь трещину в почве могло установиться сообщение между морем и озером. Если так — значит, произошла непоправимая беда, и она повлечет за собой разорение фактории, которую по необходимости придется покинуть.

Лейтенант и сержант Лонг бегом кинулись к озеру. Вода попрежнему была пресная.

В первых числах мая снег кое-где сошел и земля под действием солнечных лучей зазеленела. Показались пучки мха, и какие-то дикие злаки робко высунули из земли кончики своих бледных стебельков. Проросли и семена щавеля и ложечника, посеянные миссис Джолиф. Толстый снеговой покров защитил их от мороза. Теперь предстояло уберечь их от птичьих клювов и звериных зубов. Эту важную обязанность возложили на достойного капрала, который исполнял ее с добросовестностью заправского огородного пугала!

Возвратились долгие дни, и вновь началась охота.

Джаспер Гобсон хотел пополнить запас мехов — через несколько недель за ними должны были прийти агенты из форта Релайанс. Марбр, Сэбин и другие охотники дружно взялись за дело; однако их вылазки не были ни длительными, ни утомительными. Им никогда не приходилось удаляться от мыса Батерст дальше чем на две мили. Такого количества дичи они не видели за всю свою жизнь. Это и радовало и удивляло их. Куницы, олени, зайцы, карибу, лисицы, горностаи просто бежали навстречу выстрелам.

Отмечено было еще одно любопытное обстоятельство. Совершенно исчезли медведи — к великой до-

саде затаивших против них злобу зимовщиков, — и даже следов их нигде не было видно. Можно было подумать, что участники осады форта, убегая, увлекли за собою всех сородичей. Вероятно, землетрясение напугало их сильнее, чем всех прочих зверей: медведи, как известно, отличаются очень тонкой и даже «нервной» организацией, если только такое выражение применимо по отношению к простому четвероногому.

Май выдался дождливый. Снег и дождь шли попеременно. Средняя температура равнялась сорока одному градусу выше нуля (5° тепла по Цельсию). Часто спускались туманы, и временами такие густые, что удаляться от форта было небезопасно. Однажды Петерсен и Келлет проплутали двое суток, причинив сильнейшее беспокойство своим товарищам. Сбившись с пути, охотники никак не могли выбраться на верную дорогу: им казалось, что они находятся вблизи бухты Моржовой, в то время как на самом деле они все время шли к югу. Оба вернулись измученные и полуживые от голода.

Наступил июнь, и вместе с ним установилась хорошая погода, а иногда даже бывала настоящая жара. Зимовщики сбросили теплую одежду и деятельно принялись за исправление своего жилища: дом пришлось переделывать с самого основания. Кроме того, в южном углу двора Джаспер Гобсон распорядился соорудить просторный склад. Необходимость этой постройки была вызвана обилием пушных зверей. Меха накопилось столько, что требовалось специальное помещение для их хранения.

Джаспер Гобсон со дня на день ожидал прибытия отряда, который должен был выслать капитан Крэвенти. Еще очень многого не хватало новой фактории. Подходили к концу и боевые припасы. Если отряд вышел из форта Релайанс в первых числах мая, то на мыс Батерст он должен был прибыть в середине июня. Здесь, как, вероятно, помнит читатель, капитан и лейтенант назначили место встречи. А так как новый форт был основан Джаспером Гобсоном на самом мысе, то посланные к нему агенты никак не могли его миновать.

Пятнадцатого июня лейтенант отдал распоряжение, чтобы с этого дня дозор солдат ежедневно обходил окрестности мыса. На вершине утеса водрузили заметный издали британский флаг. Впрочем, были все основания предполагать, что вспомогательный отряд пойдет приблизительно тем же путем, каким год назад двигался лейтенант: то есть начиная от залива Коронации и до мыса Батерст все время следуя вдоль побережья. В летнюю пору года, когда море свободно ото льдов и линия берега отчетливо видна, это был если не самый короткий, то самый верный путь.

Июнь прошел, а отряда между тем все не было. Джаспер Гобсон начал тревожиться, тем более что непроницаемый туман вновь окутал местность. Для агентов компании, продвигавшихся по совершенно безлюдной пустыне, эта упорно державшаяся плотная пелена могла оказаться серьезным препятствием.

Джаспер Гобсон часто обсуждал создавшееся положение с миссис Барнет, сержантом Лонгом, Мак-Напом и Рэем. Астроном Томас Блэк не скрывал своего беспокойства: он твердо рассчитывал уехать с отрядом сразу после затмения. Если же отряд не явится, он будет обречен на новую зимовку, а такая перспектива ему вовсе не улыбалась. Почтенный ученый хотел, исполнив свой долг перед наукой, тотчас же вернуться восвояси. Он делился своей тревогой с лейтенантом Гобсоном, а тот, по правде говоря, не знал, что ему ответить.

Миновало уже 4 июля, а об отряде не было ни слуху ни духу. Несколько человек, посланных в разведку на три мили в юго-восточном направлении, не обнаружили ни малейших следов отряда.

Оставалось предположить, что либо агенты вовсе не выезжали из форта Релайанс, либо они заблудились в пути. Увы, последняя гипотеза была наиболее вероятной. Джаспер Гобсон хорошо знал капитана Крэвенти и не мог допустить, чтобы тот не высладал обоза из форта Релайанс точно в условленный срок.

Можно себе представить, как сильно он тревожился! Лето кончалось. Еще два месяца, и нагрянет полярная зима с ее пронизывающими ветрами, метелями и бесконечной ночью.

Но не таков был лейтенант Гобсон, чтобы пассивно пребывать в неизвестности! Что-то следовало предпринять, и, посоветовавшись со своими товарищами, вот на каком решении он остановился. Нечего и говорить, что астроном его всячески в этом поддерживал.

Было 5 июля. Через две недели — 18 июля — должно было произойти солнечное затмение. Томас Блэк на следующий же день мог выехать из форта Надежды. Условились, что, если до того времени ожидаемые агенты не придут, небольшой отряд, состоящий из нескольких человек и четырех-пяти саней, отправится из фактории к Невольничьему озеру. Этот отряд захватит с собой часть наиболее ценных мехов и самое позднее через шесть недель, то есть к концу августа, когда погода еще окончательно не испортится, прибудет в форт Релайанс.

Успокоившись на этот счет, Томас Блэк вновь сделался самым собою, иначе говоря, замкнулся в себе, думая лишь о той минуте, когда луна, став между ним и сияющим светилом, полностью закроет диск солнца!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Солнечное затмение 18 июля 1860 года

Туман между тем не рассеивался. Солнце проглядывало сквозь плотную завесу испарений, и астроном терзался мыслью, что наблюдения вообще могут не удался. Бывало, туман сгущался настолько, что со двора форта не видно было вершины мыса.

Лейтенант Гобсон тревожился все больше и больше. Теперь он уже не сомневался, что обоз из форта Релайанс заблудился где-то в пустыне. Какие-то неопределенные опасения и прустные предчувствия смущали его. Этот энергичный человек с непонятной ему

самому боязнь глядел в будущее. Почему? Он не мог бы на это ответить. Ведь все как будто шло хорошо. Несмотря на тяжелую зимовку, его маленькая колония могла похвалиться отменным здоровьем. Между его товарищами не возникало никаких недоразумений, и все эти мужественные люди ревностно исполняли свои обязанности. Окрестности изобиловали дичью. Меха добыли на славу, и компания могла быть вполне довольна результатами деятельности своего агента. Если даже допустить, что форт Надежды так и не получит новых припасов, то прожить можно будет и на местных ресурсах, так что и перспектива второй зимовки вовсе не должна была пугать. Почему же лейтенант Гобсон утратил уверенность?

Не раз беседовал он на эту тему с миссис Полиной Барнет. Путешественница старалась его ободрить, выставляя на вид только что приведенные доводы. В тот день, гуляя с ним по берегу, она особенно горячо доказывала ему, что он поступил правильно, выбрав мыс Батерст и ценой стольких трудов основав здесь факторию.

— Да, все это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Но как сладить с предчувствием? Человек я отнюдь не суеверный. Сколько раз в своей солдатской жизни я бывал в критическом положении, но никогда не испытывал страха. И вот впервые будущее меня страшит. Если бы передо мной была какая-то определенная опасность, я бы ее не боялся. Но опасность неизвестная, грозящая непонятно откуда, опасность, которую я лишь предчувствую...

— Но какая опасность? — спросила миссис Барнет. — Что вас страшит: люди, животные, стихии?

— Животные? Нимало, — ответил лейтенант. — Это им надо бояться охотников мыса Батерст. Люди? Нет. В этих краях одних только эскимосов и встретишь, индейцы — и те редко сюда заходят...

— Заметьте, мистер Гобсон, — добавила миссис Барнет, — канадцы, появления которых летом вы в известной мере могли опасаться, вообще не показались...

— Это-то и плохо, сударыня!

— Как! Плохо, что вы избавились от конкурентов, явно враждебных по отношению к компании?

— Сударыня, — ответил лейтенант, — это и плохо и не плохо!.. Трудно это объяснить!.. Обратите внимание: из форта Релайанс должен был прийти обоз, но не пришел. То же случилось и с агентами Сен-Луисской пушной компании: по всей видимости, они должны были явиться, но не явились. Даже ни один эскимос не заглянул летом в эту часть побережья...

— Что же из этого следует, мистер Гобсон? — спросила Полина Барнет.

— Следует то, что, быть может, на мыс Батерст и в форт Надежды теперь уже не так легко попасть, как нам кажется, сударыня!

Путешественница взглянула на лейтенанта Гобсона. Лицо его было сумрачно, и слова «не так легко» он заметно подчеркнул.

— Лейтенант Гобсон, — сказала она, — животных вы не боитесь, людей не боитесь тоже; остается предположить, что вас пугают стихии...

— Сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — быть может, я не в своем уме, быть может, меня сбили с толку предчувствия, но как хотите, а в этом краю есть что-то странное. Будь он мне лучше известен, я, пожалуй, ни за что не обосновался бы здесь! О некоторых необъяснимых его особенностях я вам уже говорил: например, полнейшее отсутствие камней во всей округе и гладко срезанный берег! Геологическое происхождение этого мыса мне не ясно! Конечно, соседство вулкана может служить объяснением многому... Но помните, что я вам говорил о приливах?

— Как же, мистер Гобсон!

— Там, где, по свидетельству всех исследователей, море должно было бы подниматься на пятнадцать — двадцать футов, оно едва поднимается на один фут.

— Верно, — ответила миссис Барнет, — но вы объяснили это явление своеобразным расположением берегов, устьем проливов...

— Я пытался его так объяснить — вот и все, — ответил лейтенант Гобсон, — но позавчера мне довелось увидеть еще более неправдоподобное явление, тайну которого разгадать я не в силах, и не знаю, разгадает ли ее хотя бы один ученый!

Миссис Полина Барнет взглянула на Джаспера Гобсона.

— Что случилось? — спросила она.

— Позавчера, сударыня, было полнолуние, и, по данным астрономического ежегодника, прилив должен был быть особенно сильным. А между тем море не поднялось даже на фут, как бывало раньше! Оно не поднялось вовсе!

— Может быть, это ошибка! — заметила миссис Барнет.

— Нет, не ошибка. Я сам проводил наблюдения. Позавчера, четвертого июля, прилив на побережье мыса Батерст равнялся нулю — абсолютному нулю!

— В чем же дело, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет.

— Дело в том, — ответил лейтенант, — что либо законы природы изменились, либо этот край находится в каких-то особых условиях... Вернее, я не знаю, в чем дело... не способен сделать вывод... недоумеваю... и... встревожен!

Миссис Барнет больше не старалась добиться, чтобы лейтенант Гобсон высказался определеннее. Очевидно, полное отсутствие прилива было не менее невероятно и противоестественно, чем, скажем, отсутствие в полдень солнца над головой. Разве что землетрясение совсем изменило структуру побережья и самой арктической почвы?.. Но подобная гипотеза не могла удовлетворить вдумчивого наблюдателя явлений природы.

О том, что лейтенант ошибся в своих наблюдениях, смешно было и думать; в тот же день — 6 июля — миссис Барнет, по сделанным на берегу отметкам, вместе с лейтенантом удостоверилась, что прилив, в течение всего прошлого года повышавший уровень моря по

крайней мере на фут, теперь решительно и безусловно равнялся нулю!

Это открытие сохранили в тайне. Лейтенант Гобсон не хотел — и вполне резонно — вселять тревогу в умы своих товарищей. Однако они часто видели, как, молчаливый и неподвижный, он одиноко стоял на вершине мыса и смотрел на расстилавшееся перед ним открытое море.

В июле охоту на пушных зверей пришлось прекратить. Куницы, лисы и прочие звери уже сбросили свой зимний мех. Охотники ограничивались преследованием съедобных животных — карибу и полярных зайцев, которые — и это заметила сама миссис Барнет — по какой-то по меньшей мере странной прихоти все сбежались в окрестности мыса Батерст, хотя ружейные выстрелы, казалось бы, должны были их мало-помалу распугать.

Наступило 15 июля, но в положении зимовщиков не произошло перемен. Из форта Релайанс попрежнему не было известий. Долгожданный караван не показывался. Джаспер Гобсон решил привести свой план в исполнение: самому идти к капитану Крэвенти, раз капитан Крэвенти не шел к нему.

Начальником отряда назначен был Лонг. Сержанту не хотелось разлучаться с Джаспером Гобсоном. Действительно, речь шла о довольно продолжительном отсутствии, ибо вернуться в форт Надежды он мог бы не раньше будущего лета и зиму ему пришлось бы провести в форте Релайанс. Это означало не меньше восьми месяцев отлучки. Конечно, сержанта Лонга могли бы заменить не менее надежные Мак-Нап и Рэй, но они были люди женатые. А главное, Мак-Нап был плотник, а Рэй — кузнец, и оба были нужны в фактории, где без их услуг обойтись было трудно.

Лейтенант Гобсон взвесил все эти соображения, и сержант — «в порядке военной дисциплины» — подчинился. Сопровождать Лонга должны были четыре солдата — Бельчер, Понд, Петерсен и Келлет, которые объявили, что они готовы к отъезду.

В путешествие было снаряжено четверо саней

в собачьих упряжках. На них предполагалось погрузить продовольствие и самые ценные меха: лисьи, горностаевые, куньи, рысьи, мускусных крыс, росомах, а также лебяжий пух. Отъезд был назначен на утро 19 июля, на следующий день после затмения. Само собой разумеется, Томас Блэк уезжал с сержантом Лонгом, и для перевозки его особы и всех его инструментов были выделены особые сани.

Надо сказать, что в дни, предшествовавшие столь нетерпеливо ожидавшемуся затмению, достойный ученый был предельно несчастен. Переменная погода — то хорошая, то дурная, частые туманы, дожди, после которых атмосфера бывала насыщена влажными испарениями, никак не хотевший установиться ветер — все это вызывало в нем законную тревогу. Он не спал, не ел, он почти не жил. Если в течение тех нескольких минут, что длится затмение, небо будет затянуто облаками; если ночное и дневное светила скроются за густой завесой; если он, Томас Блэк, посланный специально с целью наблюдения, так и не увидит ни сияющей короны, ни красноватых протуберанцев, — какое это будет разочарование! Сколько лишений, перенесенных напрасно, сколько опасностей, пережитых зря!

— Ехать в такую даль, чтобы посмотреть на луну, — и не увидеть ее! — восклицал он комически жалобным тоном.

Нет! С этой мыслью он не мог смириться. Как только наступали сумерки, почтенный ученый взбирался на вершину мыса и глядел в небо. Но в последние ночи он не мог даже утешиться созерцанием белокурой Фебеи. Новый месяц должен был родиться лишь через три дня — сейчас же луна сопровождала солнце в его движении по небосводу и тонула в его лучах.

Томас Блэк частенько изливал свои горести добросердечной миссис Барнет. Отзывчивая женщина сочувствовала ему всей душой и однажды, не зная, чем бы его еще утешить, сказала, что барометр, кажется, поднимается, что теперь, как-никак, стоит лето и поэтому...

— Лето! — воскликнул Томас Блэк, пожимая плечами. — Разве в подобных краях бывает лето?

— Ах, мистер Блэк! — заметила миссис Барнет. — Предположим даже, что вам не повезет и этого затмения вы не увидите. Но ведь будут же другие! Затмение, которое должно состояться восемнадцатого июля, надо думать, не последнее в нашем столетии.

— Нет, сударыня, — ответил астроном. — Нет, до тысяча девятисотого года предстоит еще пять полных солнечных затмений: первое ожидается тридцать первого декабря тысяча восемьсот шестьдесят первого года, оно будет полным в Атлантическом океане, Средиземном море и в пустыне Сахаре; второе — двадцать второго декабря тысяча восемьсот семидесятого года — будет полным на Азорских островах, в Южной Испании, в Алжире, Сицилии и Турции; третье — девятнадцатого августа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года — в Северо-Восточной Германии, Южной России и Центральной Азии; четвертое — девятого августа тысяча восемьсот девяносто шестого года — будет наблюдаться в Гренландии, Лапландии и Сибири; и, наконец, в тысяча девятисотом году, двадцать восьмого мая, в Соединенных Штатах, Испании, Алжире и Египте состоится пятое полное солнечное затмение.

— Значит, мистер Блэк, — подхватила миссис Барнет, — если вы пропустите затмение восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года, то легко утешитесь тридцать первого декабря тысяча восемьсот шестьдесят первого! Что значат какие-то семнадцать месяцев!

— Чтобы утешиться, сударыня, — серьезно ответил астроном, — мне придется ждать не семнадцать месяцев, а двадцать шесть лет!

— Почему так?

— Потому что из всех этих затмений полным в странах, расположенных в северных широтах — Лапландии, Сибири и Гренландии, — будет лишь затмение девятого августа тысяча восемьсот девяносто шестого года!

— А зачем вам наблюдать затмение непременно в северных высотах? — спросила миссис Барнет.

— Как зачем, сударыня! — вскричал Томас Блэк. — Да потому, что это представляет величайший научный интерес! Очень редко удавалось наблюдать затмение в близких к полюсу широтах, то есть там, где солнце, низко поднимаясь над горизонтом, открывает взору диск внушительных размеров. Это же относится и к луне, которая должна закрыть собою солнце, и очень возможно, что при таких условиях изучение светящейся короны и протуберанцев даст удивительные результаты! Вот почему, сударыня, я приехал вести наблюдения выше семидесятой параллели. Подобный случай повторится лишь в тысяча восемьсот девяносто шестом году! Поручитесь ли вы, что я доживу до того времени?

Ответить на эти доводы было нечем, и горю Томаса Блэка не было пределов, ибо непостоянная погода, кажется, действительно собиралась сыграть с ним плохую шутку.

Шестнадцатого июля день был прекрасный. А наутро, как назло, по небу потянулись тучи и поднялся густой туман. Было от чего прийти в отчаяние! Томас Блэк даже расхворался. Лихорадочное состояние, в котором он жил последнее время, грозило перейти в настоящую болезнь. Миссис Полина Барнет и Джаспер Гобсон тщетно старались его успокоить. Что касается сержанта Лонга и остальных, то те искренно удивлялись, как можно «так страдать от любви к луне»!

Наконец, настал великий день 18 июля! По исчислению астрономических таблиц, полное затмение должно было длиться четыре минуты сорок две секунды и, начавшись в одиннадцать часов сорок три минуты пятнадцать секунд утра, закончиться в одиннадцать часов сорок семь минут пятьдесят семь секунд.

— Ведь что мне нужно? — жалобно восклицал астроном, хватаясь за голову. — Только чтобы один уголок неба, один крошечный уголок, где луна за-

кроет солнце, не был застлан тучами, и сколько времени? — всего четыре минуты! А потом — пусть себе идет снег, пусть гремит гром и неистовствуют стихии — мне до этого так же мало дела, как улитке до хронометра!

Томас Блэк отчаивался не без основания. Было очень похоже на то, что наблюдение не удастся. На рассвете весь горизонт заволокло туманом. С юга, с той именно части неба, где должно было произойти затмение, поползли тяжелые тучи. Но, наверно, бог астрономов сжалился над бедным Блэком: в восемь часов утра с севера подул довольно сильный ветер и очистил весь небосклон.

О! Какой крик благодарности, какие выражения признательности вырвались из груди почтенного ученого! Небо было ясно, солнце сверкало в ожидании той минуты, когда луна, еще не видная в его ярких лучах, мало-помалу затмит его блеск своим диском.

Тотчас все приборы Томаса Блэка были вынесены и установлены на вершине мыса. Астроном направил их на южный горизонт и стал ждать. К нему мгновенно вернулось его обычное терпение и необходимое для наблюдения хладнокровие. Чего теперь было опасаться? Разве что небо свалится ему на голову! В девять часов ни на горизонте, ни в зените не было ни единой тучки, ни единого облачка! Никогда еще астрономические наблюдения не проходили в столь благоприятных условиях.

Джаспер Гобсон со своими товарищами и миссис Барнет со своими приятельницами — все пожелали присутствовать при этом астрономическом священнодействии. Колония в полном составе собралась на мысе Батерст и окружила астронома. Солнце медленно поднималось, описывая над простиравшейся на юге необъятной равниной сильно удлинненную дугу. Зимовщики стояли молча, в каком-то торжественном волнении.

Затмение началось в девять часов тридцать минут. Диск луны надвинулся на солнечный диск. Но полностью закрыть его он должен был лишь в промежу-

ток времени между одиннадцатью часами сорока тремя минутами пятнадцатью секундами и одиннадцатью часами сорока семью минутами пятьюдесятью семью секундами. Судя по астрономическим таблицам, это было время полного затмения, а всякому известно, что ни малейшая ошибка не может вкратиться в эти точнейшие вычисления, выверенные и проконтролированные учеными всех обсерваторий мира.

Томас Блэк привез в своем багаже некоторое количество закопченных стекол; он раздал их окружающим, и всякий без вреда для глаз мог следить за ходом затмения.

Темный диск луны постепенно надвигался все дальше и дальше. Предметы на земле уже приняли особенную оранжево-желтую окраску. Небо в зените изменило свой цвет. В десять часов пятнадцать минут луна покрыла половину солнечного диска. Выпущенные из псарни собаки, жалобно повизгивая, тревожно носились взад и вперед. Утки, до тех пор спокойно сидевшие на берегу, вдруг подняли свой вечерний гомон и стали искать подходящее для ночлега место. Мамаши сзывали птенцов, спешивших спрятаться под их крылья. Для всех животных началась ночь, приблизился час сна.

К одиннадцати часам скрылись уже две трети солнца. Освещение сделалось винно-красным. Воцарились сумерки, которые на время, равное четырем минутам, должны были превратиться в почти полный мрак. Появилось уже несколько планет — Меркурий, Венера, а также созвездия Овна, Тельца и Ориона. Тьма сгущалась с каждой минутой.

Томас Блэк замер у своего телескопа и молча наблюдал за ходом затмения. В одиннадцать часов сорок три минуты оба диска должны были точно совпасть друг с другом.

— Одиннадцать часов сорок три минуты, — сказал Джаспер Гобсон, внимательно следивший за секундной стрелкой своего хронометра.

Прильнув к окуляру, Томас Блэк не шевелился. Прошло полминуты...

Вдруг астроном выпрямился; глаза его были непомерно расширены. Потом он опять на минутку присел к телескопу и снова вскочил.

— Но она уходит! Она уходит! — закричал он своим голосом. — Луна! Луна бежит! Она исчезает!

И правда, лунный диск, скользя по диску солнца, не закрыл его целиком. Затемнены были только две трети солнца.

Томас Блэк упал на стул, как громом пораженный. Четыре минуты истекли! Понемногу стало светлеть. Сияющая корона не появилась!

— Что случилось? — спросил Джаспер Гобсон.

— Что случилось! — воскликнул астроном. — Случилось то, что настоящего затмения не произошло, что оно не было полным в этой точке земного шара! Поянли? Не было полным!

— Значит, ваши эфемериды ошибочны!

— Ошибочны! Какой вздор! Убеждайте в этом кого-нибудь другого, лейтенант!

— Но тогда выходит... — проговорил Джаспер Гобсон, внезапно меняясь в лице.

— Выходит, что мы не на семидесятой параллели, — подхватил Томас Блэк.

— То есть как это! — вскричала миссис Барнет.

— А вот сейчас узнаем, как! — сказал астроном, глаза которого выражали глубокое разочарование и в то же время сверкали гневом. — Через несколько минут солнце пройдет через меридиан... Мой секстан! Живо! Живо!

Один из солдат побежал в дом и принес требуемый прибор.

Томас Блэк навел секстан на дневное светило, выждал, чтобы оно прошло через меридиан, и, опустив секстан, стал быстро заносить в записную книжку цифры вычислений.

— Где находился мыс Батерст, когда год назад мы по приезде определили его широту? — спросил он.

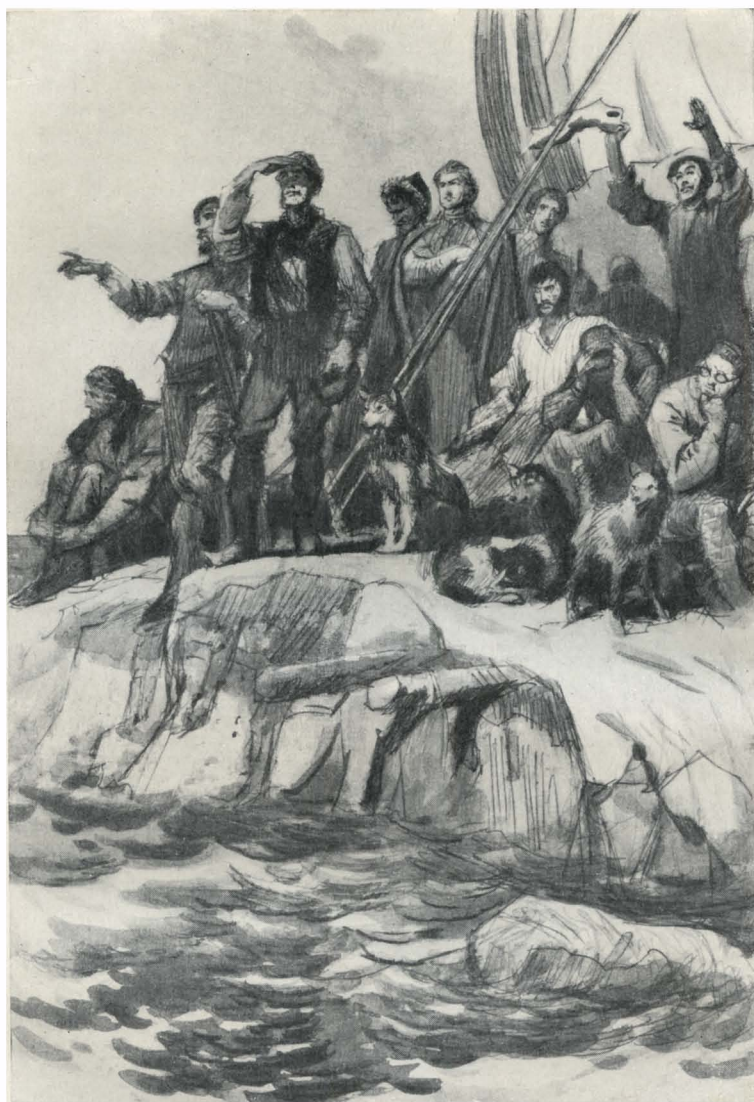
— На семидесятом градусе сорока четырех минутах и тридцати семи секундах! — ответил лейтенант Гобсон.

— Так вот, милостивый государь, сейчас мыс Батерст находится на семьдесят третьем градусе семи минутах и двадцати секундах северной широты! Как видите, мы вовсе не на семидесятой параллели!..

— Вернее, мы уже не на семидесятой параллели! — прошептал Джаспер Гобсон.

Точно завеса внезапно разорвалась перед его умственным взором! Все необъяснимые дотоле явления стали вдруг ясны!..

Мыс Батерст с прилегающей к нему местностью «переместился» со времени приезда отряда лейтенанта Гобсона на три градуса к северу.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пловучий форт

Итак, форт Надежды, основанный лейтенантом Джаспером Гобсоном у самых границ Северного Ледовитого океана, уносило морским течением. Но можно ли было поставить это хотя бы в малейшую вину смелому агенту Компании Гудзонова залива? Нет! Всякого другого на его месте постигла бы здесь такая же неудача. Да и в самом деле, кто мог бы предвидеть эту роковую случайность? Он был уверен, что строит на скале, а вышло хуже, чем на песке! Полуостров Виктория, который самые точные карты Британской Америки относили к американскому континенту, внезапно отделился от него. Оказалось, что полуостров этот был не чем иным, как ледяным полем площадью в сто пятьдесят квадратных миль. Благодаря последовательным наносам эта огромная льдина приобрела со временем вид большого участка суши с плодородной почвой и сравнительно обильной растительностью. Но вот, должно быть под действием землетрясения 8 января, ледяное поле, за сотни тысяч лет как бы сросшееся с материком, неожиданно откололось от него. Полуостров превратился в остров, но остров блуждающий, бродячий, который вот уже три месяца сила течений увлекала вглубь Северного Ледовитого океана!

Да, то была просто-напросто дрейфующая льдина, уносившая на себе форт Надежды и его обитателей. Джаспер Гобсон сразу понял, что только этим и можно объяснить обнаруженное изменение широты. Несколько месяцев назад в районе полуострова Виктории произошло извержение вулкана, вызвавшее сильный подземный толчок, в результате которого, очевидно, и треснул узкий перешеек, соединявший полуостров с континентом. Пока стояла суровая северная зима и полярные морозы держали море в своих ледяных оковах, эта катастрофа никак не отражалась на географическом положении полуострова. Но едва началось вскрытие льда, едва нагретый солнцем ледяной покров стал таять и ледяные поля с нагроможденными на них торосами, отступив от берега, ушли за линию горизонта, — словом, когда море очистилось, эта покоившаяся на льдине земля под влиянием каких-то арктических течений отделилась от материка. Она перемещалась вместе со своими лесами и утесами, со своим скалистым мысом, со своим озером и прибрежной полосой. Несмотря на то, что это движение происходило уже несколько месяцев, зимовщики, охотившиеся только вблизи форта Надежды, ничего не замечали. Отсутствие всякого ориентира, густые туманы, ограничивавшие видимость всего лишь несколькими милями, кажущаяся неподвижность почвы — все это привело к тому, что ни лейтенант Гобсон, ни его спутники не заметили, как из обитателей континента они превратились в островитян. Следует упомянуть, что остров, перемещаясь, продолжал сохранять свое положение относительно четырех стран света. Этому, очевидно, способствовала протяженность острова и прямолинейное направление течения, которое уносило его. Конечно, если бы мыс Батерст начал менять свое место относительно стран света, если бы остров повернулся вокруг своей оси, а солнце и луна переменили бы точки своего восхода и захода, то и Джаспер Гобсон, и Томас Блэк, и миссис Барнет, и остальные зимовщики сразу поняли бы, что произошло. Но так как по неизвестной причине движение льдины совершалось до сих пор по одной и той же параллели и

при этом с большой скоростью, то никто этого не ощущал.

Хотя лейтенант Гобсон нисколько не сомневался в мужестве, хладнокровии и стойкости своих товарищей, он пока не хотел, чтобы они узнали о случившемся. Он считал, что всегда успеет сообщить им об этом, но что раньше надо тщательно обследовать остров. К счастью, все эти люди — честные солдаты и рабочие — слабо разбирались в вопросах астрономии и географии, в частности в географической широте и долготе: вот почему мысль об изменениях, происшедших за последние три месяца в координатах полуострова, так сильно тревожившая лейтенанта Гобсона, им и в голову не приходила.

Решив до времени не объявлять о том положении, в какое они попали, ибо он еще не видел из него выхода, лейтенант Гобсон призвал на помощь все свое мужество. Величайшим усилием воли, которое не ускользнуло от миссис Барнет, он вновь овладел собой и принялся успокаивать несчастного ученого, который готов был в отчаянии рвать на себе волосы.

Астроном даже не подозревал о явлении, жертвой которого он оказался. В отличие от лейтенанта, который уже давно доискивался причины некоторых странных особенностей местности, он ничего не понял и ни о чем не хотел знать, кроме того злополучного факта, что в предусмотренный день и час луна полностью не закрыла солнца. Чем же в сущности Блэк мог объяснить случившееся? Тем, что, к стыду обсерваторий, их эфемериды оказались ошибочными и столь желанное затмение, его, Томаса Блэка, затмение, ради которого он совершил столь долгое и утомительное путешествие, в этой части земного шара, лежащей на семидесятой параллели, вообще не должно было быть полным?! Нет! Он бы никогда не допустил такой мысли! Никогда! Вот почему это так и потрясло его. Но Томасу Блэку предстояло вскоре узнать истину.

Джаспер Гобсон, уверив зимовщиков, что случай с неудавшимся затмением должен беспокоить только астронома, а их ничуть не касается, распорядился

возобновить прерванные работы. Однако, когда солдаты приготовились покинуть оконечность мыса Батерст и вернуться в факторию, капрал Джолиф неожиданно подошел к лейтенанту и, отдав честь, остановился перед ним.

— Господин лейтенант, — сказал он, — разрешите задать вам один вопрос.

— Пожалуйста, капрал, — ответил Джаспер Гобсон, не понимавший, куда клонит его подчиненный. — В чем дело? Говорите!

Но капрал медлил. Он колебался. Тогда его маленькая жена толкнула мужа локтем.

— Я, господин лейтенант, — произнес, наконец, Джолиф, — касательно этого самого семидесятого градуса широты. Сдается, мы очутились не там, где вы предполагали...

Лейтенант сдвинул брови.

— Действительно, — ответил он уклончиво, — мы допустили ошибку в вычислениях... наше первое наблюдение оказалось неточным. Но почему... с какой стороны это может вас занимать?

— Да я насчет жалованья, господин лейтенант, — ответил Джолиф, ухмыльнувшись. — Вы-то ведь знаете, компания обещала платить вдвойне..

Джаспер Гобсон облегченно вздохнул. В самом деле, как помнит читатель, зимовщики в случае основания фактории на семидесятой параллели или севернее получали право на более высокое вознаграждение. Капрал Джолиф, человек расчетливый, проявлял к этому вопросу исключительно денежный интерес и опасался, что прибавка не будет утверждена.

— Будьте покойны, капрал, — улыбаясь, ответил лейтенант, — и успокойте своих славных товарищей. Наша ошибка, в самом деле необъяснимая, к счастью, не причинит вам никакого ущерба. Мы находимся не южнее семидесятой параллели, а севернее ее, и, следовательно, вам полагается двойное жалованье.

— Благодарю вас, господин лейтенант, — воскликнул капрал, просяив, — благодарю! Ведь это не мы держимся за деньги, а эти проклятые деньги держат нас.

После этого капрал Джолиф и весь отряд удалились, нисколько не подозревая о той странной и грозной перемене, которая произошла в природе и положении фактории.

Сержант Лонг тоже собрался было направиться к форту, но лейтенант Гобсон удержал его:

— Подождите, Лонг.

Сержант повернулся на каблуках и замер в ожидании.

На вершине мыса Батерст оставались теперь только миссис Полина Барнет, Мэдж, Томас Блэк, лейтенант Гобсон и сержант Лонг.

С момента несостоявшегося затмения миссис Барнет не произнесла ни слова. Она вопросительно смотрела на Джаспера Гобсона, но тот делал вид, что ничего не замечает. Лицо отважной женщины выражало скорее удивление, чем тревогу. Поняла ли она? Неужели у нее внезапно мелькнула та же мысль, что и у лейтенанта Гобсона? Догадывалась ли она о положении фактории, и какие выводы сделал из этого ее трезвый ум? Как бы то ни было, она молча сидела, прижавшись к Мэдж, которая обняла ее за талию.

Между тем астроном продолжал нервно шагать взад и вперед. Он не мог стоять на месте. Волосы у него были взъерошены. Он то всплескивал руками, то воздевал их над головой, то бессильно опускал вниз. С уст его ежеминутно срывались возгласы отчаяния. Он грозил солнцу кулаком и не отрываясь смотрел на него, рискуя повредить глаза.

Но вот Блэк стал, наконец, приходить в себя. Он почувствовал, что уже в силах говорить. Скрестив руки, с гневно пылающим взором и нахмуренным лбом он подошел к лейтенанту Гобсону и грозно остановился перед ним.

— А теперь поговорим, — крикнул он, — теперь поговорим, господин агент Компании Гудзонова залива!

Этот возглас, тон и поза были весьма похожи на вызов. Но Джаспер Гобсон, видимо, не хотел этого замечать и только пристально смотрел на злосчастного астронома. Лейтенант понимал, как тяжело переживает этот человек свою неудачу.

— Мистер Гобсон, — сказал Томас Блэк тоном плохо сдерживаемого раздражения, — не соблаговолите ли вы объяснить мне, что все это значит? Уж не мистификация ли это с вашей стороны? В таком случае, сударь, она заденет людей, стоящих повыше меня, и смотрите, как бы вам потом не пожалеть!

— Что вы хотите этим сказать, мистер Блэк? — спокойно спросил Джаспер Гобсон.

— Я хочу сказать, сударь, — ответил астроном, — что вы обязаны были доставить ваш отряд на семидесятую параллель...

— Или севернее, — перебил Джаспер Гобсон.

— Севернее? — вскричал Томас Блэк. — Но что стал бы я делать севернее? Ведь чтобы наблюдать полное затмение, мне надо было находиться в пределах круга тени, отбрасываемой луной, граница которого в этой части Британской Америки совпадает с семидесятой параллелью, а мы, изволите видеть, оказались на три градуса выше!

— Ничего не поделаешь, мистер Блэк, — самым спокойным тоном ответил лейтенант Гобсон. — Значит, мы с вами ошиблись, — вот и все!

— Вот и все! — возмутился Блэк. Хладнокровие лейтенанта выводило его из себя.

— Между прочим, мистер Блэк, должен вам заметить, что если я и ошибся, то ведь и вы виноваты не менее. По прибытии на мыс Батерст мы вместе определяли его географическое местоположение, вы — вашими приборами, я — своими. И не к лицу вам перекладывать на меня ответственность за неточность, допущенную вами!

Эти слова окончательно сразили Томаса Блэка, и, хотя в нем все кипело, он не нашелся, что ответить. Да и что мог он сказать в свое оправдание! Если произошла ошибка, то и он виноват в ней. Но как отнесутся к этому ученые Европы, Гринвичская обсерватория? Что подумают они о злосчастном астрономе, который допустил неточность в определении широты места! Знаменитый Томас Блэк ошибается на три градуса — и в чем? В определении географической параллели. Да еще при каких обстоятельствах! Когда это

связано с наблюдениями над полным затмением солнца в таких условиях, которые не повторятся в течение весьма длительного времени! Томас Блэк опозорен, опозорен как ученый!

— Но как, как мог я так ошибиться? — снова вскричал он, хватаясь за голову. — Или я разучился обращаться с секстаном? Не способен вычислить угол? Ослеп я, что ли? А если так, мне остается броситься вниз головой с вершины этого утеса!..

— Мистер Блэк! — заговорил лейтенант Гобсон, и в голосе его прозвучали торжественные ноты, — не обвиняйте себя понапрасну: результаты ваших наблюдений безупречны.

— Значит, вы один...

— Я виноват не больше вас, сударь. Прошу вас выслушать меня. И вас также, сударыня, — добавил он, поворачиваясь к миссис Барнет, — и вас, Мэдж, и вас, сержант Лонг. Но я хотел бы лишь одного: сохраните то, что я вам сообщу, в строжайшей тайне. Незачем пугать, быть может даже приводить в отчаяние, остальных наших товарищей по зимовке.

Миссис Барнет, Мэдж, сержант Лонг и Томас Блэк молча окружили лейтенанта, как бы выражая этим свое согласие хранить доверенную им тайну.

— Друзья мои, — начал Джаспер Гобсон. — Когда мы ровно год назад прибыли в эту часть Британской Америки и установили географическое положение мыса Батерст, он находился как раз на семидесятой параллели, и если сейчас он переместился севернее семьдесят второй параллели, то есть на целых три градуса ближе к полюсу, то это произошло потому, что он дрейфует.

— Дрейфует! — вскричал Томас Блэк. — Кому вы это говорите? С каких это пор мысы начали дрейфовать?

— И, однако, это так, мистер Блэк! — невозмутимо подтвердил лейтенант Гобсон. — Полуостров Виктория — это огромная льдина. Подземным толчком ее оторвало от американского материка, и теперь одно из сильнейших полярных течений уносит ее!..

— Куда? — осведомился сержант Лонг.

— Куда направит ее воля божья, — ответил лейтенант.

Все молча слушали Джаспера Гобсона. Их взгляды невольно обратились к югу, туда, где за необъятным простором океана остался перешеек, от которого откололась льдина. Но оттуда, где они стояли, видна была лишь северная часть окружавшего их теперь со всех сторон океана. Если бы высота мыса Батерст над уровнем моря была на несколько сот футов больше, вся местность открылась бы перед ними как на ладони и они могли бы убедиться, что находятся уже не на полуострове, а на острове.

И когда они представили себе, что форт Надежды со всеми его обитателями уносится от побережья вглубь океана, где он станет игрушкой ветров и волн, — сердца их сжались.

— Значит, мистер Гобсон, — прервала молчание миссис Барнет, — это и есть причина тех необъяснимых явлений, которые вам пришлось здесь наблюдать?

— Да, сударыня! — отвечал лейтенант. — И теперь мне все понятно. Полуостров, а ныне остров Виктория, который мы, естественно, считали неотъемлемой частью материка, на деле оказался огромной ледяной глыбой, уже много веков спаянной с американским континентом. Дувшие с суши ветры постепенно наносили на льдину песок и землю и засевали ее семенами будущих мхов и деревьев. Тучи поливали его водой, образовавшей озеро и небольшую речку. Покрывшись растительностью, льдина совсем преобразилась. Но под озером, под верхним слоем земли и песка, словом, под нашими ногами лежит слой льда, который благодаря присущей ему легкости держится на поверхности океана. Да, мы живем на пловучей льдине и поэтому ни разу не находили здесь ни булыжника, ни другого камня. Вот почему здесь такие отвесные берега, вот почему, когда мы рыли волчьи ямы для оленей, мы уже на глубине десяти футов под землей наткнулись на лед. По этой причине здесь не ощущался морской прилив, ибо в часы прилива и отлива наш мнимый полуостров поднимался либо опускался на волнах.

— Теперь действительно все понятно, — сказала миссис Барнет, — и ваши предположения, лейтенант, были правильны. Однако мне хотелось бы знать, почему прилив теперь вовсе не заметен, а в первое время после нашего прибытия на мыс Батерст он все же несколько ощущался?

— Совершенно верно, сударыня, и я объясняю это тем, что, когда мы здесь поселились, полуостров был еще соединен с материком перешейком. Тогда он еще оказывал приливу некоторое сопротивление, и на его северном побережье уровень воды поднимался приблизительно на два фута против ординара вместо двадцати футов, как это обычно наблюдается. Но, с тех пор как во время землетрясения перешеек раскололся и полуостров, отделившись от материка, стал во время прилива и отлива сам подниматься и опускаться на волнах, это явление проходит совершенно незаметно для нас. Несколько дней назад, во время новолуния, мы с вами убедились в этом.

Несмотря на свое отчаяние, Томас Блэк с напряженным вниманием слушал объяснения Джаспера Гобсона. Доводы лейтенанта были настолько убедительны, что астроном не мог не согласиться с ними. Но, взбешенный тем, что это редкое, непредвиденное и, как он выразился, «нелепое» стечение обстоятельств произошло как будто специально для того, чтобы помешать ему увидеть желанное затмение, Блэк все время молчал и сидел мрачный и пристыженный.

— Мне очень жаль мистера Блэка, — сказала миссис Барнет, — надо признаться, ни один астроном на свете не попадал еще в такое досадное положение!

— Во всяком случае, сударыня, — ответил лейтенант, — мы здесь ни при чем. Никто не может упрекнуть в чем-либо ни вас, ни меня. Все это проделки природы, и она одна во всем виновата!.. Подземный толчок разорвал связь полуострова с континентом, и это отнюдь не фантазия, что мы несемся на пловучем острове. Этим объясняется и то, что в окрестностях форта так много пушного, да и всякого другого зверя. Животные, как и мы, оказались в плену.

— И вот почему, — подхватила Мэдж, — нас ни разу не посетили ваши конкуренты, что были здесь в самый разгар охотничьего сезона. Я помню, как их присутствие тревожило вас, мистер Гобсон.

— И вот почему, — заявила миссис Барнет, взглянув на лейтенанта Гобсона, — я должна, по крайней мере на этот год, оставить всякую надежду на возвращение в Европу.

По тону путешественницы можно было догадаться, что она уже примирилась со своей участью и отнеслась к ней более спокойно, чем можно было ожидать. Она как будто приняла внезапное решение и намеревалась воспользоваться этим удивительным стечением обстоятельств, чтобы провести здесь интересные наблюдения. Впрочем, если бы она пришла в отчаяние, а ее спутники вздумали бы жаловаться и обвинять кого-то, ничего бы не изменилось. Разве могли они остановить движение пловучего острова или снова прикрепить его к какому-нибудь материку? Нет! Один бог мог решить грядущую судьбу форта Надежды, и приходилось покориться его воле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Где они?

Непредвиденное обстоятельство, поставившее служащих Компании Гудзонова залива в совершенно новые условия, требовало самого тщательного изучения, и лейтенант Гобсон решил немедленно приступить к делу, имея перед собой точную карту. Следовало прежде всего определить долготу острова Виктории (это название так за ним и осталось), как это было только что сделано относительно его широты. Но это пришлось отложить до утра: чтобы произвести вычисление, надо было измерить высоту солнца до и после полудня, а также вычислить два часовых угла.

В два часа пополудни лейтенант Гобсон и Томас Блэк определили при помощи секстана высоту солнца;

на следующий день они рассчитывали повторить эту операцию около десяти часов утра, чтобы на основании полученных данных вычислить долготу места, где находился в то время остров, плывший по волнам Северного Ледовитого океана.

Но они не сразу вернулись в форт, и беседа между Джаспером Гобсоном и его спутниками продолжалась довольно долго. Мэдж совсем не думала о себе, всецело предавшись на волю providения, но ее мучила мысль об испытаниях, а возможно, и гибельных опасностях, которые судьба готовила ее госпоже, ее «дочери Полине», и она не могла смотреть на нее без волнения. Мэдж готова была жизнь отдать за Полину, но разве спасла бы эта жертва ту, которую она любила больше всего на свете? Впрочем, Мэдж знала, что миссис Барнет не из тех слабых созданий, которые позволяют себе падать духом. Смелая путешественница без страха смотрела в будущее, и, надо сказать, у нее еще не было никаких оснований отчаиваться.

В самом деле, обитателям форта Надежды вовсе не грозила неизбежная гибель. Наоборот, все позволяло надеяться, что роковая катастрофа минует их. И доводы лейтенанта Гобсона на этот счет были достаточно убедительны.

Вдали от американского континента пловучему острову угрожали две, всего лишь две опасности: морские течения могли отнести его к крайним полярным широтам, откуда никто не возвращается, либо увлечь его на юг — например, через Берингов пролив — прямо в Тихий океан.

В первом случае зимовщикам, окруженным льдами, запертым непроходимыми торосами и лишенным всякой связи с людьми, предстояло погибнуть от холода и голода в ледяных пустынях.

Во втором случае ледяная опора острова Виктории, отнесенного течениями в более теплые воды Тихого океана, должна была постепенно растаять, а сам остров провалиться под ногами своих обитателей.

И в том и в другом случае неизбежная гибель ожидала и самого лейтенанта Гобсона, и всех его спутников, и факторию, созданную ценою таких трудов.

Но неужели тот или другой конец был неизбежен? Нет! Это было невероятно!

И в самом деле, добрая половина лета уже прошла. Через каких-нибудь два-три месяца море, скованное первыми полярными морозами, превратится в неподвижное ледяное поле и до ближайшей земли можно будет добираться на санях. Если остров удержится в восточной части океана — эта земля окажется Русской Америкой, если, наоборот, его отбросит на запад — побережьем Азии.

— Дело в том, — добавил Джаспер Гобсон, — что пловучий остров нам не подчиняется. Это вам не парусное судно, и им нельзя управлять. Нам придется плыть туда, куда он нас понесет.

Объяснения лейтенанта Гобсона, очень ясные и точные, были приняты без возражений. Было вполне вероятно, что с наступлением полярной зимы остров Виктория примерзнет к какому-нибудь большому ледяному полю, и можно было надеяться, что его не отнесет слишком далеко на север или на юг. А переход в несколько сот миль по гладкому льду не мог испугать этих смелых и решительных людей. Все они привыкли к полярному климату и к длительным путешествиям по областям Арктики. Правда, покинуть остров Викторию значило потерять форт Надежды, который потребовал от них столько усилий и труда, и право на вознаграждение за свою добросовестную службу; но что поделаешь? Фактория, основанная на этой пловучей земле, все равно оказалась бы бесполезной для Компании Гудзонова залива. А самый остров — рано или поздно — должен был пойти ко дну где-нибудь посреди океана. Вот почему им следовало самим уйти отсюда, пока не поздно.

Больше всего лейтенанта Гобсона беспокоило, — и он особенно подчеркивал это обстоятельство, — то, что до ледостава оставалось еще недель восемь или девять, а за это время остров Виктория мог переместиться слишком далеко на север или на юг. По рассказам зимовщиков, такие случаи движения льдов на далекие расстояния нередки, причем остановить их или помешать им нельзя.

Словом, все зависело от каких-то неизученных течений. Начинались они у входа в Берингов пролив, и потому необходимо было тщательно проследить их направление по карте Северного Ледовитого океана. У Джаспера Гобсона была такая карта, и он предложил товарищам последовать за ним в форт. Но, прежде чем покинуть вершину мыса Батерст, он еще раз напомнил всем их обещание хранить все в строжайшей тайне.

— Наше положение далеко не безнадежно, — добавил лейтенант Гобсон, — и, по-моему, не следует волновать наших товарищей и вселять в них тревогу, тем более что они, быть может, отнесутся к этому событию иначе, чем мы с вами, и не смогут столь хладнокровно воспринять случившееся.

— Но не сочтете ли вы благоразумным, — заметила миссис Барнет, — уже сейчас приступить к постройке небольшого, но вместительного судна, которое могло бы забрать нас всех и выдержать морское плавание в несколько сот миль.

— Да, это будет действительно разумно, — согласился лейтенант Гобсон, — мы так и сделаем. Я постараюсь найти какой-нибудь предлог и отдам старшему плотнику приказ незамедлительно приступить к постройке прочного бота. Однако, по-моему, к такому способу возвращения на континент следует прибегнуть лишь в крайнем случае. Главное — покинуть остров до начала нового движения льдов, и надо сделать все, чтобы, как только океан замерзнет, добраться до материка.

Это и в самом деле был лучший способ достичь материка. Чтобы построить судно водоизмещением от тридцати до тридцати пяти тонн, понадобилось бы не меньше трех месяцев, но как раз в это время море покрывается льдом, и судном уже нельзя будет воспользоваться. Если бы лейтенанту Гобсону удалось переправить свою маленькую колонию на материк пешком по льду, это было бы наиболее удачным выходом из положения. Пуститься же по морю среди дрейфующих льдов — предприятие весьма рискованное, и Джаспер Гобсон вполне резонно рассматривал этот способ как

последнее средство спасения. Его спутники согласились с ним.

Все снова подтвердили лейтенанту свое обещание не разглашать тайны, считая, что ему одному принадлежит право решать этот вопрос. Затем они покинули мыс Батерст и вскоре уже расположились в большой зале форта Надежды, где в то время никого не было, ибо рабочие и солдаты были заняты работой вне дома.

Лейтенант Гобсон принес великолепную карту воздушных и океанических течений, и все принялись внимательно изучать часть Северного Ледовитого океана между мысом Батерст и Беринговым проливом.

Эта малодоступная часть Северного Ледовитого океана расположена между Полярным кругом и той малоисследованной зоной, которая с момента смелого открытия Мак-Клюра носит название «Северо-Западного прохода». Здесь известны два течения — по крайней мере другие в гидрографических исследованиях не указаны.

Одно из этих течений носит название Камчатского. Беря начало у берегов одноименного полуострова, оно идет вдоль азиатского побережья и пересекает Берингов пролив, огибая мыс Восточный — выступ Чукотского полуострова. Примерно в шестистах милях от Берингова пролива течение это внезапно меняет свое основное направление с юга на север и поворачивает на восток, следуя почти параллельно проходу Мак-Клюра, словно стремится сделать его доступным в продолжение нескольких месяцев теплого периода.

Другое течение носит название Берингова; оно несет свои воды в противоположном направлении. Проходя с востока на запад вдоль берегов Америки на расстоянии не более ста миль от материка, оно словно устремляется навстречу Камчатскому течению у входа в Берингов пролив. Спустившись затем к югу и подойдя к берегам Русской Америки, течение это в конце концов разбивается о своего рода волнорез Берингова моря — Алеутские острова.

Карта отражала самые последние достижения морских экспедиций и заслуживала полного доверия.

Джаспер Гобсон некоторое время внимательно изучал ее, не произнося ни слова. Затем он провел ладонью по лбу, как бы отгоняя какие-то неприятные мысли.

— Надо надеяться, друзья мои, — сказал он, — что злой рок не занесет нас в эти отдаленные места. Наш пловучий остров рисковал бы навсегда остаться там.

— Почему? — живо спросила миссис Полина Барнет.

— Вы спрашиваете, почему? — сказал лейтенант. — Вглядитесь хорошенько в эту часть Северного Ледовитого океана, и вы сразу поймете. Здесь, в противоположных друг другу направлениях, проходят два опасных для нас течения. В месте их встречи наш остров может быть затерт льдами на большом расстоянии от ближайшей земли. Здесь ему и придется зазимовать, а с возобновлением движения льдов либо Камчатское течение увлечет его на северо-запад, в самое сердце затерянных земель, либо он подчинится влиянию Берингова течения и уплывет на юг, где и погрузится в глубины Тихого океана.

— Нет, лейтенант, этого не случится, — воскликнула Мэдж, и в голосе ее прозвучала искренняя вера. — Бог не допустит!

— Однако, — продолжала миссис Барнет, — я себе не представляю, в какой части Северного Ледовитого океана мы сейчас находимся. На широте мыса Батерст я вижу лишь одно опасное Камчатское течение, которое стремится прямо на северо-запад. Не следует ли опасаться, что оно подхватило нас и несет к берегам Северной Джорджии?

— Нет, не думаю, — помедлив секунду, ответил Джаспер Гобсон.

— А почему?

— Потому, сударыня, что это очень быстрое течение, и если бы оно увлекало нас, то нам бы уже открылась какая-нибудь земля, а этого не произошло.

— Но все-таки, где мы сейчас, по-вашему, находимся? — спросила путешественница.

— Вероятно, где-нибудь между Камчатским течением и приморской полосой, возможно в своего рода

огромном водовороте, который возникает вблизи берегов.

— Этого, мистер Гобсон, не может быть, — живо возразила миссис Барнет.

— Не может быть? — удивился лейтенант. — А почему, сударыня?

— А вот почему! Если бы остров Виктория попал в водоворот, то есть плыл бы, не следуя определенному направлению, то ему неминуемо пришлось бы подчиниться какому-либо вращательному движению. А так как за эти три месяца его положение по отношению к странам света не изменилось, значит он не попал в водоворот.

— Вы правы, сударыня! — согласился Джаспер Гобсон. — Вы великолепно разбираетесь в этих вещах, и мне нечего возразить вам, разве что есть еще какое-нибудь неизвестное нам течение, которое пока не нанесено на эту карту. По правде говоря, такая неуверенность ужасна. Я не дождусь завтрашнего дня, чтобы установить, наконец, где находится наш остров.

— Завтра уже не за горами, — утешила его Мэдж.

Оставалось лишь ждать. Все разошлись. Каждый вернулся к своим повседневным занятиям. Сержант Лонг отправился предупредить зимовщиков, что назначенный на следующий день отъезд нескольких человек в форт Релайанс отменен. Он сослался на то, что лето подходит к концу, и по здравом размышлении лейтенант решил, что им вряд ли попасть в эту южную факторию до начала сильных холодов; помимо того, астроном решил провести здесь еще одну зиму, чтобы закончить свои метеорологические наблюдения; наконец, добавил сержант, форт Надежды и не нуждается в добавочных припасах. Надо заметить, что отмена поездки мало тронула этих славных людей.

Между тем охотники получили от лейтенанта Гобсона специальный приказ: не трогать впредь пушных зверей, с которыми пока нечего было делать, а усилить охоту за съедобной дичью, чтобы пополнить продовольственные запасы фактории. Он запретил им также удаляться от форта более чем на две мили, опасаясь, как бы Марбр, Сэбин или другие звероловы не уви-

дели сплошного водного пространства там, где еще несколько месяцев назад простирался перешеек, соединявший полуостров Викторию с американским континентом. Неожиданное исчезновение этой узкой полосы земли, несомненно, открыло бы им глаза на истинное положение вещей.

День этот показался лейтенанту Гобсону бесконечным. Он несколько раз поднимался на вершину мыса Батерст, один или в сопровождении миссис Барнет. Эта энергичная, сильная духом женщина не испытывала ни малейшего страха. Будущее вовсе не представлялось ей грозным. Она даже шутила по этому поводу, уверяя Джаспера Гобсона, что для поездки на Северный полюс лучшего экипажа, чем их пловучий остров, не найти! И, попадись им только благоприятное течение, они, чего доброго, доберутся до самой неприступной точки земного шара!

Слушая рассуждения своей спутницы, лейтенант Гобсон кивал головой, но глаза его не отрывались от горизонта: он надеялся увидеть вдали какую-нибудь известную или не известную ему землю. Но небо и вода плотно сливались в одну дугообразную линию, и ничто не нарушало ее четкости. Это убеждало Джаспера Гобсона, что остров двигался, повидимому, к западу, а не в другом направлении.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — не думаете ли вы, что нам необходимо обследовать берега нашего острова — и при этом в самое ближайшее время?

— Обязательно, сударыня, обязательно! Как только мне удастся установить наши координаты, я займусь определением его формы и размеров. Это необходимо, чтобы в будущем следить за всеми происходящими изменениями. Повидимому, льдина откололась у самого перешейка, и таким образом полуостров превратился в остров.

— Странная у нас с вами судьба, лейтенант, — говорила миссис Барнет. — Другие, возвращаясь из путешествия, привозят континенту какие-то новые земли, а мы, наоборот, стираем с карты этот мнимый полуостров Викторию.

На следующий день, 19 июля, в десять часов утра, когда на небе не было ни облачка, Джаспер Гобсон измерил высоту солнца. Затем, сравнив этот результат с данными, полученными накануне, он математически вычислил долготу, на которой находился остров.

Во время этой работы астроном даже не показывался. Он все еще дулся и сидел один в своей комнате, точно капризный ребенок. Впрочем, вне своей научной деятельности он и в самом деле оставался большим ребенком.

Между тем наблюдение показало, что остров Виктория находился на $157^{\circ} 37'$ западной долготы, считая от Гринвичского меридиана.

Широта, полученная накануне в полдень, сразу после затмения, была, как известно, $73^{\circ} 7' 20''$.

Координаты острова были нанесены на карту лейтенантом Гобсоном в присутствии миссис Барнет и сержанта Лонга.

Это был волнующий момент, и вот что оказалось. Пловучий остров, как и предполагал лейтенант Гобсон, дрейфовал в западном направлении, но другое течение, не отмеченное на карте и не известное гидрографам этих мест, уносило его к Берингову проливу. Таким образом, все опасности, которые предвидел Джаспер Гобсон, могли в будущем угрожать острову, если только его до наступления зимы вновь не прибьет к материку.

— Но как далеко мы теперь от американского континента? — спросила миссис Барнет. — Ведь это для нас самый интересный вопрос.

Джаспер Гобсон взял циркуль и старательно измерил по карте самую узкую полосу моря между берегом и семьдесят третьей параллелью.

— В настоящее время мы отстоим более чем на двести пятьдесят миль от самой северной точки Русской Америки — мыса Барроу, — ответил он.

— Не мешало бы знать, на сколько миль уплыл остров от того места, где когда-то находился мыс Батерст, — спросил сержант Лонг.

— Миль на семьсот, не меньше, — ответил Джаспер Гобсон, опять обращаясь к карте.

— А с какого приблизительно времени остров начал дрейфовать?

— Должно быть, в конце апреля, — отвечал лейтенант. — Как раз в ту пору ледяное поле взломало, и те льдины, что не растаяли на солнце, отнесло к северу. Таким образом, можно предположить, что остров Виктория, увлекаемый этим параллельным берегу течением, уже около трех месяцев дрейфует в западном направлении, делая в среднем девять-десять миль в сутки.

— Но ведь это не такая уж маленькая скорость! — заметила миссис Барнет.

— Да, скорость значительная, — согласился лейтенант. — Судите же сами, как далеко может нас отнести за два летних месяца, пока эта часть Северного Ледовитого океана будет еще свободна от льдов!

Наступило молчание. Собеседники пристально вглядывались в карту полярных стран, которые так упорно защищают себя от исследования их человеком и куда, как чувствовали наши зимовщики, течение неотвратимо уносило их остров.

— Значит, при этих условиях нам нечего делать и все наши попытки будут напрасны? — спросила миссис Барнет.

— Да, напрасны, сударыня, — подтвердил лейтенант. — Надо ждать и молить природу, чтобы скорее наступила зима — гроза всех полярных мореплавателей, но наша единственная надежда. Зима — это лед, а лед — наш якорь спасения. Он один может преградить путь блуждающему острову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обследование острова

Лейтенант Гобсон и его помощники решили, начиная с этого дня, вести наблюдения, как это принято на кораблях, и в случае благоприятного состояния атмосферы определять и записывать точное местонахождение

ние острова Виктории. И в самом деле, не был ли отныне этот остров своего рода потерпевшим крушение кораблем без руля и без ветрил, который неся по волнам неизвестно куда?

На следующий день Джаспер Гобсон установил, что остров, оставшийся на той же широте, был отнесен еще на несколько миль к западу. Лейтенант отдал распоряжение мастеру Мак-Напу приступить к постройке вместительного бота. В качестве объяснения он сказал, что намерен обследовать будущим летом северное побережье вплоть до Русской Америки. Удовлетворенный этим, Мак-Нап немедленно занялся подбором корабельного леса, облюбовав для верфи песчаную отмель у подножья мыса Батерст, откуда легко было спустить судно на воду.

В тот же день лейтенант Гобсон решил привести в исполнение задуманное им обследование территории острова, на котором он и его товарищи оказались теперь настоящими узниками. Ледяной остров, подвергаясь постоянному влиянию переменной температуры океана, мог претерпеть значительные изменения, а потому необходимо было определить его теперешнюю форму, площадь, а в некоторых местах даже и толщину. Особенно тщательно надо было обследовать место разлома, который произошел, повидимому, у перешейка. На этом, еще свежем месте разлома можно будет, вероятно, изучить строение почвы острова: его нижний, ледяной, и верхний, земляной, пласты.

Но через несколько часов небо внезапно потемнело, а к вечеру налетел шквал, сопровождавшийся густым туманом. Вскоре все заволочло тучами и хлынул проливной дождь. По крыше дома забарабанил крупный град, и даже послышались отдаленные раскаты грома — явление весьма редкое в северных широтах.

Путешествие пришлось отложить в ожидании, пока успокоятся разбушевавшиеся стихии. Однако три дня — 20, 21 и 22 июля — погода не прояснялась. Буря продолжала свирепствовать, по небу неслись черные тучи, водяные валы с оглушительным шумом разбивались о берег. Целые потоки воды обрушива-

лись на мыс Батерст с такой силой, что можно было опасаться за его, теперь весьма сомнительную, прочность. Ведь этот мыс был всего лишь нагромождением земли и песка и не имел даже надежной опоры. Суда, застигнутые в море подобным ураганом, достойны жалости! Но огромный блуждающий остров не ощущал этих бешеных ударов волн и равнодушно встречал неистовый гнев океана.

В ночь с 22 на 23 июля буря неожиданно утихла. Сильный северо-восточный ветер разогнал остатки тумана, висевшего над горизонтом. Барометр поднялся на несколько делений, и лейтенант Гобсон нашел, что погода вполне благоприятствует задуманной им экскурсии.

Сопровождать его должны были миссис Барнет и сержант Лонг. Они могли пробыть в отсутствии один-два дня, и это никого из обитателей фактории не удивило бы. Путешественники захватили с собой немного вяленого мяса, галет и несколько флажков брэнди, которые не сильно отягощали их дорожные сумки. Дни были в эту пору очень длинные, и солнце уходило за горизонт всего на несколько часов.

Встречи с хищными животными бояться, повидимому, не приходилось. Медведи, наделенные особенно развитым инстинктом, очевидно, покинули остров Викторию, когда он был еще полуостровом. Однако из предосторожности и мужчины и миссис Барнет взяли ружья. Кроме того, лейтенант и сержант захватили с собою ножи и топоры для льда — орудие, с которым полярные путешественники никогда не расстаются.

На время отсутствия лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга управление фортом согласно военной иерархии переходило в руки капрала Джолифа, а вернее — его маленькой жены, и Джаспер Гобсон прекрасно знал, что на нее вполне можно положиться. Что касается Томаса Блэка, то никто и не рассчитывал, что он захочет присоединиться к исследователям; но астроном все же пообещал усердно вести наблюдения за северным горизонтом и отмечать возможные перемены на море или в положении острова.

Миссис Полина Барнет пыталась было успокоить бедного ученого, но он ничего и слышать не хотел. Он считал, и не без основания, что природа зло подшутила над ним, и поклялся никогда не простить ей этого.

Обменявшись крепкими рукопожатиями с остающимися, миссис Барнет и ее спутники вышли из форта и, повернув на запад, направились вдоль длинной излучины берега, между мысом Батерст и мысом Эскимосов.

Было восемь часов утра. Косые лучи солнца заливали берег, оживляя его своими рыжеватыми отблесками. Тысячами слетались обратно рассеянные бурей птицы: белые межняки, кайры, тупики, глупыши. Стаи уток торопились добраться до берегов озера, не подозревая, что их уже ждет котелок миссис Джолиф. Кое-где путешественникам попадались полярные зайцы, куницы, мускусные крысы, горностаи. При виде людей они не спеша исчезали. Казалось, животные, чувствуя общую с человеком опасность, старались держаться поближе к нему.

— Они хорошо знают, что со всех сторон окружены морем, — заметил Джаспер Гобсон, — и что им не убежать с острова.

— А разве эти грызуны — зайцы и другие, — спросила миссис Барнет, — не переселяются осенью куда-нибудь на юг, где зима потеплее?

— Конечно, сударыня, — ответил лейтенант, — но если им на этот раз не удастся переправиться туда по льду, они останутся здесь такими же узниками, как мы с вами. И зимой большинство из них наверное погибнет от холода и голода.

— А мне сдается, что эти животные окажут нам услугу и помогут перезимовать, — вставил сержант. — Нашему лагерю просто повезло, что бедные зверушки не послушались своего инстинкта и не убежали, пока остров не оторвался еще от перешейка.

— Но птицы, конечно, улетят от нас? — спросила миссис Барнет.

— Разумеется, сударыня, — отозвался Джаспер Гобсон. — Все эти пернатые улетят с первыми же морозами. Они легко преодолевают огромные расстояния

и, будучи удачливее нас, доберутся до суши раньше, чем мы.

— А не могут ли они послужить нам гонцами? — спросила путешественница.

— Это мысль, сударыня! — вскричал лейтенант Гобсон. — Великолепная мысль! Почему бы нам не наловить несколько сот птиц и не прикрепить им ошейники с описанием нашего таинственного приключения? Еще Джон Росс в тысяча восемьсот сорок восьмом году пытался известить подобным образом оставшихся в живых членов экспедиции Франклина о том, где в полярных льдах стояли его корабли «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор». Он поймал в ловушки несколько сот белых песцов, запаял им вокруг шеи медные полоски, на которых было вырезано то, что надо было сообщить, и пустил в разных направлениях.

— Должно быть, кое-кто из этих вестников и попал в руки потерпевших кораблекрушение? — спросила миссис Полина Барнет.

— Возможно, — ответил лейтенант. — Во всяком случае, я помню, что одна из лисиц, уже состарившаяся, была поймана капитаном Гаттерасом во время его путешествия с целью открытия новых земель. На шее у нее сохранился наполовину стершийся ошейник, который будто врос в ее густой белый мех. Ну, а раз нам нельзя воспользоваться четвероногими, мы приспособим к этому птиц!

Разговаривая и строя планы на будущее, двое мужчин и их спутница продолжали свой путь вдоль побережья. Здесь пока не было заметно никаких перемен. То были все те же отвесные берега, покрытые слоем земли и песка; они были целы, и ничто не указывало на то, что за последнее время периметр острова изменился. Однако можно было опасаться, что ледяная опора острова, попав в более теплые течения, начнет таять и становиться тоньше. Это сильно беспокоило лейтенанта Гобсона.

К одиннадцати часам утра путешественники прошли те восемь миль, что отделяли мыс Батерст от мыса Эскимосов. Вскоре они наткнулись на следы стоянки семьи Калюмах. От снежных хижин, разу-

меется, не осталось и следа, но давно остывшая зола и тюленьи кости указывали путь, по которому ушли эскимосы.

Миссис Полина Барнет и ее спутники решили отдохнуть здесь, а затем идти дальше и провести эту короткую ночь у Моржовой бухты, куда рассчитывали попасть через несколько часов. Они расположились позавтракать на небольшом бугре, покрытом тощей травкой. Перед ними тянулась четкая линия ясного морского горизонта. Ни парус, ни айсберг не оживляли безбрежной водной пустыни.

— Мистер Гобсон, — обратилась к лейтенанту миссис Барнет, — вы были бы очень изумлены, если бы перед нами вдруг появился корабль?

— Изумлен? Нет, миссис Барнет, — ответил лейтенант, — но, признаюсь, был бы весьма приятно поражен. В летнее время китобойные суда нередко заходят в эти широты, особенно с тех пор, как Северный Ледовитый океан превратился в гигантский садок для кашалотов и китов. Но теперь уже двадцать третье июля, лето в разгаре, и, должно быть, вся китобойная флотилия стоит сейчас в заливе Коцебу, у входа в Берингов пролив. Китобои недаром опасаются всяческих сюрпризов со стороны Северного Ледовитого океана. Они боятся его льдов и все время следят за тем, чтобы не попасть к ним в плен. А у нас, наоборот, — только и надежды, что на айсберги, торосы, заторы и ледяные поля, мы только к ним и взываем о спасении!

— Они появятся, лейтенант, еще немного терпения! — воскликнул сержант Лонг. — Каких-нибудь два месяца, и волны океана перестанут биться о скалы мыса Эскимосов!

— Мыс Эскимосов! — улыбнулась миссис Барнет. — Боюсь, что давать это наименование, как и все то, что мы давали разным бухтам и выступам полуострова, не имело большого смысла. У нас уже нет ни порта Барнет, ни реки Полины, — кто знает, не исчезнут ли в свою очередь мыс Эскимосов и Моржовая бухта?

— Исчезнут и они, сударыня, а вслед за ними и самый остров Виктория, — сказал Джаспер Гобсон. —

Его уже ничто не связывает с континентом, и он обречен на верную гибель. Конец его неизбежен, и все наши труды, потраченные на подыскание географической номенклатуры, пропадут зря! Впрочем, все эти наименования еще не утверждены Королевским географическим обществом, и почтенному Родерику Мурчисону¹ не придется вычеркивать их со своих карт.

— Ну, одно название все-таки надо будет вычеркнуть! — заметил Лонг.

— Какое?

— Мыс Батерст.

— И в самом деле, сержант! Вы правы. Мыс Батерст придется исключить из полярной картографии.

Двухчасовой отдых восстановил силы путешественников, и в час пополудни они приготовились продолжать свой путь.

Но прежде чем уйти, лейтенант Робсон бросил с высоты мыса Эскимосов последний взгляд на окружавшее их море. Не заметив ничего, что могло бы остановить его внимание, он сошел вниз и присоединился к ожидавшим его спутникам.

— Сударыня, — обратился он к миссис Барнет, — вы не забыли семью эскимосов, которую мы встретили как раз в этом месте незадолго до конца зимы?

— Нет, лейтенант, напротив, — об этой милой маленькой Калюмах у меня сохранилось самое лучшее воспоминание. Она даже обещала еще раз побывать у нас в форте Надежды. Но теперь ей, пожалуй, не удастся выполнить свое обещание. А почему вы меня спросили об этом?

— Мне вдруг вспомнилось одно обстоятельство. Тогда я не придавал ему особого значения, но сейчас оно почему-то пришло мне в голову.

— Какое обстоятельство?

— Вы помните, как были удивлены и встревожены эскимосы, увидев, что мы построили факторию у подножья мыса Батерст?

— Еще бы не помнить!

¹ В то время председатель Королевского географического общества. (Прим. автора.)

— А вы не забыли, как я старался узнать, догадаться, в чем дело, но безуспешно?

— Да, конечно.

— Так вот теперь я понимаю, почему они качали головой, — сказал лейтенант. — По сохранившейся ли у них легенде, или по опыту в связи с каким-либо случаем, или еще по какой-нибудь причине, но этим эскимосам было, видимо, известно происхождение и природа полуострова Виктории. Они знали, что мы построили факторию на гиблом месте. Но так как полуостров существовал века, то они и сами не верили в неизбежность катастрофы и потому не высказались определеннее.

— Так оно, должно быть, и было, — заметила миссис Барнет, — но, очевидно, Калюмах не знала того, о чем подозревали ее соплеменники, иначе бедняжка не побоялась бы предупредить нас.

Лейтенант Гобсон согласился с этим.

— И надо же нам было, — заметил Лонг, — попасть на этот остров как раз в такое время, когда он вздумал отколоться от материка и пуститься в странствие по морям! Вот роковое совпадение! Ведь он давным-давно примерз к материку и оставался в таком виде, наверно, целые века! Не правда ли, лейтенант?

— Вы не ошибетесь, сержант, если скажете: тысячи и тысячи лет! — ответил Джаспер Гобсон. — Представьте себе только, что эта заросшая растительностью почва, по которой мы сейчас ступаем, была нанесена ветрами частичка за частичкой, а песок долетал сюда по крупинке! Подумайте же, сколько времени понадобилось, чтобы семена этих сосен, берез и, скажем, толокнянки размножились и превратились в кустарники и деревья. Быть может, льдина, на которой мы плывем, образовалась и соединилась с материком еще до того, как на земле появился человек!

— Ну, так этой сумасбродной льдине, — воскликнул сержант, — надо было бы повременить еще несколько столетий, прежде чем пускаться в плавание. Это избавило бы нас не только от множества тревог, но, пожалуй, и от многих опасностей.

На этом вполне резонном замечании сержанта разговор оборвался, и все молча зашагали дальше.

Начиная от мыса Эскимосов и до Моржовой бухты берег тянулся почти прямо с севера на юг, следуя направлению меридиана. Вдали, милях в четырех-пяти, виднелся сверкающий на солнце краешек озера, а еще дальше за ним — нижние уступы лесистых склонов, обрамлявших его. Рассекая воздух могучими взмахами крыльев, в небе парили орлы-свистуны; притаившись за песчаными буграми или спрятавшись в редких кустах ивняка и толокнянки, пушные звери — кунницы, росомахи, горностаи — с любопытством следили за путниками. Они, казалось, понимали, что сейчас им нечего бояться ружейных выстрелов. Джасперу Гобсону попало на пути и несколько бобров. Должно быть, сбитые с толку исчезновением своей речушки, они брели куда глаза глядят. Без крова, лишенные ручья, где они могли бы построить свои поселения, бобры с наступлением сильных холодов были обречены на гибель. Сержант Лонг видел даже, как через широкую поляну пробегала стая волков.

Итак, было очевидно, что все полярные животные оказались пленниками пловучего острова; поэтому с приходом зимы хищники, лишенные возможности искать себе пропитания в более теплых краях, изголодавшись, могли стать опасными для обитателей форта Надежды.

В фауне острова Виктории не доставало — и жалеть об этом вряд ли стоило — лишь белых медведей. Правда, сержанту Лонгу почудилась было сквозь зелень березовой рощи какая-то медленно двигавшаяся белая туша, но, приглядевшись внимательнее, он решил, что ошибся.

Часть побережья, примыкавшая к Моржовой бухте, вообще едва поднималась над уровнем моря, а в некоторых местах берег совсем сливался с водной поверхностью, и последние завитки волн, пенясь, катились по песку, словно только здесь им и удалось по-настоящему разгуляться. Вид этой части острова заставил наших исследователей заподозрить, что почва осела тут совсем недавно, но отсутствие каких-либо прежних

ориентиров мешало им установить и самый факт изменения местности и размеры этого изменения. Джаспер Гобсон пожалел о том, что перед уходом не позаботился расставить опознавательные знаки в окрестностях мыса Батерст, чтобы установить затем возможное оседание почвы или обвалы на побережье. И он дал себе слово заняться этим немедленно по возвращении в форт.

Само собой разумеется, что осмотр местности задерживал продвижение лейтенанта и его спутников. Они то и дело останавливались для исследования почвы, проверяли, нет ли где трещин, которые могли распространиться на береговую полосу. Для этого им порою приходилось забираться на целые полмили вглубь острова. К тому же сержант Лонг решил сразу принять меры на будущее и расставить вехи из ивовых или березовых прутьев, чтобы заметить места, требующие постоянного наблюдения, особенно там, где почва была сильно размыта и грозила осесть. Это давало возможность определить изменения поверхности, если они произойдут.

Между тем путники все же двигались вперед и в три часа пополудни были уже в трех милях от Моржовой бухты, лежавшей дальше к югу. Лейтенант Гобсон уже мог сам отметить и обратить внимание миссис Барнет на весьма серьезные изменения местности, вызванные подземным толчком.

Раньше юго-западная сторона горизонта была заслонена длинной, слегка закругленной цепью холмов, образующих побережье большого залива Ливерпул. Теперь же там тянулась широкая полоса воды. Континент исчез. Остров заканчивался здесь резко обрывавшимся углом, который образовался, повидимому, в месте разлома перешейка. Казалось, стоит только обогнуть этот угол, и взору откроются безбрежный океан, омывающий весь южный, когда-то несокрушимый на вид берег мнимого полуострова Виктории, от Моржовой бухты до залива Уошберн.

Миссис Барнет не без волнения взирала на этот новый пейзаж. Он не был для нее неожиданностью, и все же сердце ее сильно билось. Она искала глазами

исчезнувший с горизонта материк — материк, оставшийся на юге, более чем за двести миль от них. Теперь ее нога уже не ступала по американской земле. Людям с чуткой душой незачем долго объяснять такие вещи, и надо заметить, что и лейтенант Гобсон и сержант Лонг разделяли волнение своей спутницы.

Все трое прибавили шаг, чтобы поскорее добраться до этого круто обрывававшегося угла, которым заканчивалась теперь южная часть острова. В этом месте побережья почва еще немного поднималась над водой. Здесь слой земли и песка был толще, что объяснялось близостью настоящего материка, который некогда был соединен с островом так плотно, что, казалось, составлял с ним одно целое. Очевидно, с веками ледяная глыба и пласт земли постоянно утолщались, и перешеек держался до тех пор, пока сильный подземный толчок не разрушил его. Землетрясение 8 января коснулось только самого американского материка, но довольно было толчка, чтобы мнимый полуостров откололся и сделался игрушкой океана.

В четыре часа путешественники достигли, наконец, угла острова. Моржовая бухта, которая когда-то образовалась из глубокой выемки в побережье, исчезла. Она осталась связанной с материком.

— Сказать по правде, сударыня, — с серьезным видом заметил сержант, обращаясь к миссис Барнет, — ваше счастье, что мы не дали этой бухте имя Полины Барнет!

— Вы правы, сержант, — ответила миссис Барнет, — я и сама начинаю думать, что роль крестной в географии мне не дается!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночной привал

Итак, Джаспер Гобсон не ошибся относительно места разлома: действительно, перешеек не выдержал подземных толчков. Сейчас здесь не осталось и следа американского материка. Исчезли скалистые утесы,

исчез вулкан на западной стороне острова. Куда ни глянешь — море.

Угол, образовавшийся на юго-западе острова после отрыва льдины, рисовался теперь в виде довольно острого мыса. Омываемый более теплыми водами, не защищенный от всевозможных толчков, мыс этот, конечно, не мог долго противостоять грозившему ему в будущем разрушению.

Исследователи снова пустились в путь, продолжая идти вдоль линии разлома; они двигались теперь почти по прямой, с запада на восток. Линия эта была удивительно ровной — словно льдина была отрезана от материка каким-то острым орудием. Кое-где по срезу можно было проследить расположение пластов почвы. Этот крутой берег, сложенный наполовину из льда, наполовину из земли и песка, поднимался футов на десять над водой. Он падал совершенно отвесно, без всякого откоса; но на некоторых его участках и выступах видны были свежие следы обвала. Сержант Лонг показал на две-три небольшие льдины, отделившиеся от берега; очутившись в открытом море, они почти совершенно растаяли. Вполне понятно, что во время прибоя более теплая вода размывала эту новую береговую линию острова, еще не успевшую одеться в защитный покров из песка и снега, какой лежал на всем остальном побережье. И это обстоятельство было, конечно, малоутешительным.

Миссис Полина Барнет и оба ее спутника решили, прежде чем останавливаться на отдых, закончить обследование этой южной оконечности острова. Солнце, описывавшее в небе сильно удлиненную дугу, должно было закатиться не раньше одиннадцати часов вечера, и до сумерек было еще далеко. Сверкающий солнечный диск медленно опускался к западному краю горизонта, и его косые лучи отбрасывали перед пешеходами их непомерно длинные тени. Порой разговор оживлялся, но затем путники снова надолго затихали и шли молча, вопрошая море и думая о будущем.

Джаспер Гобсон намеревался устроить ночной привал возле залива Уошберн. Дойдя до него, наши исследователи сделали бы в этот день восемнадцать миль, то

есть — если их расчеты были правильны — половину всего пути вдоль берегов острова. Лейтенант предполагал, что, отдохнув несколько часов и восстановив свои силы, миссис Барнет будет в состоянии возобновить путешествие, и, обогнув восточное побережье, они возвратятся в форт Надежды.

Обследование части вновь образовавшегося побережья — между бухтой Моржовой и заливом Уошберн — прошло без всяких приключений. В семь часов вечера лейтенант Гобсон и его спутники прибыли к месту привала. Здесь они нашли те же разрушения. От бухты Уошберн на побережье сохранилась только продолговатая излучина, которая когда-то огибала эту бухту с севера. Она тянулась на семь миль, до так называемого мыса Майкл, и нисколько не пострадала от разрыва перешейка. Молодые сосны и березы, разросшиеся поодаль от берега, в это время года были покрыты густой зеленью. На полянах прыгало множество пушистых зверьков.

Путешественники решили здесь остановиться. Если северная часть горизонта была закрыта от их взоров, то южный горизонт был им наполовину открыт. Солнце описывало такую низкую дугу, что лучи его, заслоненные рельефом местности, подымавшейся к западу острова, уже не достигали побережья бухты Уошберн. Нет, это была еще не ночь и даже не сумерки, ибо лучезарное светило не исчезло.

— Скажите, лейтенант, — произнес вдруг сержант Лонг самым серьезным тоном, — если бы чудом сейчас раздался звон колокола, что бы он, по-вашему, возвестил?

— Что время ужинать! — ответил Джаспер Гобсон. — Надеюсь, сударыня, вы со мной согласны?

— Вполне! — подтвердила путешественница. — А так как нам стоит лишь сесть, и стол будет готов, то прошу садиться. А вот и скатерть! Она из мха и, признаться, не совсем свежа, но зато словно разостлана для нас самой природой.

Развязали сумку с провизией. В меню вошло: вяленое мясо, паштет из зайца, приготовленный на кухне миссис Джолиф, и несколько галет.

Четверть часа спустя ужин был окончен, и Джаспер Гобсон вновь вернулся на побережье, чтобы обследовать юго-восточный угол острова. Миссис Барнет усе-лась отдохнуть под чахлой елью с наполовину опав-шими ветвями, а сержант Лонг стал готовить место для ночлега.

Лейтенант Гобсон хотел исследовать структуру льдины, служившей основанием острова, и, по воз-можности, разобраться в системе ее последователь-ных напластований. Спустившись по небольшому от-коосу к самому морю, он очутился перед отвесной сте-ной разрушенного берега.

В этом месте остров поднимался всего на три фута над уровнем моря. Верхний слой береговой толщи со-стоял из тонкого пласта земли и песка, смешанного с ракушечной пылью; нижний же представлял собою плотную, твердую, почти как металл, массу льда. Тол-щина надводной части льдины была не больше одного фута. По свежему срезу можно было точно опреде-лить ее слоистое строение. Горизонтальные слои льдины указывали на то, что последовательное оле-днение ее происходило в сравнительно спокойных водах.

Известно, что замерзание начинается обычно с верхних слоев жидкости; и если мороз крепнет, тол-щина ледяного панцыря увеличивается сверху вниз. Это верно по крайней мере для стоячих вод. Процесс замерзания проточных вод идет, наоборот, снизу, со дна, где, как установлено наблюдениями, образуется так называемый донный лед, который затем всплы-вает на поверхность.

Что касается льдины, служившей основой острову Виктория, то она, несомненно, образовалась у побе-режья американского материка, в условиях спокойных вод. Замерзание ее происходило, очевидно, начиная с верхних слоев, и, рассуждая логически, следовало предположить, что таяние ее начнется с нижних слоев. Когда под влиянием нагретых вод толщина тающей льдины станет уменьшаться, остров глубже погру-зится в воду.

В этом и крылась главная опасность.

Как уже было сказано, Джаспер Гобсон обнаружил, что твердая опора острова, то есть льдина, поднималась над уровнем моря приблизительно на один фут; при этом согласно законам физики четыре пятых ее оставались под водой. Для любого ледяного поля или айсберга на один фут его надводной части приходится пять футов подводной. Следует, однако, заметить, что плотность, или, если угодно, удельный вес, пловучих льдов различен и зависит от способа их замерзания или от их происхождения. Льдины, образовавшиеся из морской воды, пористые, ноздреватые, непрозрачные, окрашиваемые проходящими сквозь них световыми лучами в голубоватый или зеленоватый цвет, весят меньше, чем льдины, образовавшиеся из пресной воды. Их выпуклая поверхность выступает над уровнем океана немного больше. Поэтому можно было не сомневаться, что льдина, составлявшая основу острова Виктории, образовалась из морской воды. Исходя из всех этих свойств морского льда и приняв во внимание вес покрывавшего льдину минерального слоя и растительного покрова, Джаспер Гобсон пришел к заключению, что толщина подводной части льдины составляла приблизительно от четырех до пяти футов. Что касается рельефа острова, то более или менее значительные возвышенности были образованы, очевидно, из верхнего слоя — слоя земли и песка, и не оказывали заметного влияния на глубину погружения пловучего острова, которая не превышала пяти футов.

Это открытие весьма встревожило Джаспера Гобсона. Всего лишь пять футов! Ведь не говоря уже о том, что ледяное поле постепенно подтаивало, одного серьезного толчка могло оказаться достаточно, чтобы поверхность его треснула. Бурный напор волн, сильный порыв урагана — все это могло привести к смещению слоев ледяного поля, раздроблению, а затем и к полному его разрушению. Ах, скорей бы зима, мороз, замерзший столбик ртути в стеклянной трубке! Вот чего жаждал лейтенант Гобсон. Только свирепая стужа полярных стран, морозы арктической зимы могли

скрепить, увеличить толщу ледяной основы острова и установить сообщение между ним и континентом.

Лейтенант Гобсон возвратился на место стоянки и застал Лонга за устройством ночлега. Сержант не соби́рался спать под открытым небом, хотя миссис Барнет готова была покориться этой необходимости. Он объявил Джасперу Гобсону, что хочет вырыть в земле нечто вроде ледяной хижины или «снежного дома», в котором свободно поместятся три человека и где можно будет укрыться от ночной стужи.

— В стране эскимосов, — сказал он, — разумнее всего жить на эскимосский лад.

Джаспер Гобсон согласился, но посоветовал сержанту не углубляться слишком в толщу льда, так как она не больше пяти футов.

Сержант принялся за дело. Работая топориком и ножом, он вскоре расчистил землю и прорыл нечто вроде коридора, отлого спускавшегося до ледяного пласта, а затем принялся и за эту хрупкую массу, которая столько веков была укрыта землей и песком.

Ему понадобилось не больше часа, чтобы вырыть это подземное убежище, или, вернее, ледяное логово, прекрасно сохранявшее тепло и, следовательно, вполне пригодное для того, чтобы провести в нем несколько ночных часов.

Пока сержант Лонг работал подобно термиту, лейтенант Гобсон, подойдя к путешественнице, стал рассказывать ей о результатах обследования геологического строения острова Виктории. Он не скрыл от нее, что состояние острова внушает ему серьезные опасения. По его мнению, недостаточная толщина ледяного основания острова должна была вскоре вызвать на его поверхности трещины, а затем и переломы, которые невозможно заранее предвидеть, а значит, и предупредить. Пловучий остров, вследствие изменений в удельном весе мог в любую минуту начать постепенно погружаться в воду или — что еще того хуже — распасться на отдельные более или менее крупные островки, разумеется, недолговечные. В заключение лейтенант Гобсон заметил, что впредь обитатели форта

Надежды не должны уходить далеко от фактории и им следует быть, по возможности, вместе, чтобы разделить общую участь.

Их разговор был прерван каким-то криком. Они вскочили и обвели взглядом заросли, поляну, море.

Никого!

Но крик раздался громче.

— Сержант! Сержант! — вскричал Джаспер Гобсон и вместе с миссис Барнет бросился к месту ночлега.

Не успел он пробежать до зияющего спуска в ледяной дом, как увидел висящего над ямой сержанта. Лонг вцепился обеими руками в вонзенный в ледяную стену снежный нож и, не теряя хладнокровия, продолжал громко звать на помощь.

Видны были только его голова и руки. В то время как сержант долбил стены подземелья, лед под ним внезапно треснул, и он до пояса погрузился в воду.

Джаспер Гобсон произнес только: «Держитесь!» — и бросился на землю.

Дотянувшись до края отверстия, он подал сержанту руку. Почувствовав крепкую опору, тот выбрался из ямы.

— Боже, что это с вами случилось, сержант? — вскричала миссис Барнет.

— А то, сударыня, — ответил Лонг, отряхиваясь, как мокрый пудель, — что подо мной провалился ледяной пол, и волей-неволей пришлось искупаться.

— Значит, вы, — сказал Джаспер Гобсон, — не обратили внимания на мое предупреждение и стали рыть слишком глубоко.

— Виноват, лейтенант! Но вы сами видите, что я соскоблил всего каких-нибудь четырнадцать дюймов ледяной толщи. Дело в том, что в ней была, должно быть, какая-то пустота, что-то вроде пещеры. Лед торчал горбылем, и я провалился сквозь него, как сквозь треснувший потолок. Не вцепись я в свой снежный нож, плавать бы мне сейчас под островом. А ведь досадно было бы пропасть из-за такой глупости, не правда ли, сударыня?

— Даже очень досадно, мой добрый сержант! — согласилась миссис Барнет и дружески протянула руку этому достойному человеку.

Сержант Лонг дал совершенно правильное объяснение. В этом месте льдина неизвестно почему, — быть может, от скопления в ней воздуха, — образовала выпуклость с довольно тонкой стенкой, прилегавшей непосредственно к земляному пласту острова. Роя подземный ход, сержант задел верхний слой этой стенки, отчего она сразу обрушилась под его тяжестью.

Такое явление, происходившее, возможно, и в других местах ледяного поля, создавало серьезную опасность. Не было никакой уверенности, что нога ступает по надежному грунту, который не поддастся под тяжестью человека. У кого не дрогнет сердце, будь оно самое мужественное, когда он представит себе под этим тонким слоем земли и льда бездну океана?

Между тем сержант Лонг, уже забыв о холодной ванне, готовился продолжить земляные работы в другом месте. Однако на этот раз миссис Барнет решительно воспротивилась. Что стоит ей провести одну ночь под открытым небом? Под сенью ближайшей рощицы она будет чувствовать себя не хуже, чем ее спутники. И она окончательно восстала против повторения этой опасной затеи. Лонг должен был в конце концов уступить ей и подчиниться.

Лагерь был перенесен шагов на сто вглубь побережья, на небольшой бугор, где росли молодые деревья — сосны и березы, так редко расставленные, что это место ни в коем случае нельзя было назвать зарослью. Набрали хворосту и разожгли весело потрескивавший костер. Было десять часов вечера, и заходящее солнце уже коснулось края горизонта, за которым оно готовилось скрыться всего на несколько часов.

Сержант Лонг решил воспользоваться удобным случаем, чтобы высушить у костра свои сапоги, и подсел к лейтенанту Гобсону. Беседа их длилась до тех пор, пока дневной свет не сменился сумерками. Миссис Барнет время от времени вступала в разговор, стараясь рассеять невеселые думы лейтенанта. Впрочем, эта полярная ночь, прекрасная, как все полярные ночи,

с мириадами звезд, горящих над головою, тоже действовала умиротворяюще на встревоженный ум. Ветер шелестел ветвями елей. Океан, прильнув к берегу, казался, дремал. Медленная волна, чуть всколыхнув его спокойную гладь, бесшумно замирала у острова. Ни птичьего гомона в воздухе, ни крика на равнине. Треск еловых поленьев, изливавших огненные потоки смолистого аромата, да тихий шепот уносящихся вдаль голосов — одни только и нарушали торжественную тишину ночи.

— Ну, кто поверит, что мы вот так блуждаем по океану! — произнесла вдруг миссис Барнет. — Сказать по правде, лейтенант, мне нужно сделать над собою некоторое усилие, чтобы поверить, что все это происходит наяву. А ведь море, как будто совсем неподвижное, уносит нас с непреодолимой силой.

— А знаете, сударыня, — откликнулся Джаспер Гобсон, — говоря откровенно, если бы палуба нашего корабля была прочнее, если бы его подводная часть не грозила сегодня-завтра развалиться, если бы я не боялся, что в один прекрасный день его корпус может треснуть пополам, и знал, куда это судно меня доставит, я бы не прочь был поплавать на нем по океану.

— В самом деле, мистер Гобсон, — подхватила миссис Барнет, — есть ли на свете более удобный и приятный способ передвижения, чем этот! У нас, например, нет ощущения, что мы движемся. Наш остров дрейфует со скоростью течения, которое его уносит. Разве это не то же явление, которое сопутствует полету воздушного шара? И что за прелесть само это путешествие: вместе со своим домом, садом, парком и даже своим родным краем. Такой блуждающий остров, будь он на прочной опоре и нетонуший, надо было бы признать самым удобным и чудесным экипажем, какой только можно себе вообразить. Говорят, когда-то строили висячие сады. Так почему бы со временем не начать строить и пловучие парки, которые могли бы перевозить нас в любой уголок земного шара. Они будут громадных размеров и потому совсем нечувствительны к морской качке. Им не страшны будут никакие бури! При попутном ветре ими даже удастся, по-

жалуй, управлять посредством огромных парусов. А какие чудеса растительного мира откроются перед пассажирами, когда они из умеренного пояса попадут в тропики! Я даже думаю, что с искусным лоцманом, хорошо изучившим морские течения, можно будет, по желанию, делать остановки под любой параллелью и наслаждаться вечной весной.

Лейтенант мог только улыбаться, слушая Полину Барнет, увлеченную этими фантастическими мечтами, отчего она стала еще прелестнее. Отважная путешественница казалась в эти минуты олицетворением самого острова Виктории, стремительно уносившегося вперед. Конечно, попав в подобное положение, нечего было жаловаться на столь странный способ морского путешествия, но можно было желать по крайней мере, чтобы острову не грозила ежеминутно опасность растаять и провалиться в пучину.

Ночь прошла. Спали всего несколько часов. Проснувшись, позавтракали, причем все нашли завтрак превосходным. У жаркого пламени костра согрели ноги, онемевшие от ночного холода.

В шесть часов утра все трое двинулись в обратный путь.

От мыса Майкл до бывшего порта Барнет берег шел на протяжении одиннадцати миль почти по прямой, с юга на север. Здесь не было заметно перемен, и, повидимому, с момента разлома перешейка тут ничего не изменилось. Берег здесь был невысок, но слегка извилист. Сержант Лонг, по распоряжению Джаспера Гобсона, расставил вдоль береговой полосы опознавательные знаки, по которым можно было бы впоследствии проследить происходящие перемены.

Лейтенант обязательно хотел в тот же вечер вернуться в форт Надежды. Миссис Барнет торопилась повидать своих товарищей и друзей. Положение дел требовало немедленного присутствия главы отряда в фактории.

Поэтому они шли быстро, срезая повороты, и уже к полудню обогнули небольшой мыс, когда-то защищавший порт Барнет от восточных вегров.

Отсюда до форта Надежды оставалось не более восьми миль. И не было еще четырех часов, как эти восемь миль были пройдены и капитан Джолиф приветствовал возвращение наших путешественников громким «ура».

ГЛАВА ПЯТАЯ

С 25 июля по 20 августа

Возвратившись в форт, Джаспер Гобсон прежде всего осведомился у Томаса Блэка о состоянии маленькой колонии. За сутки никаких событий не произошло, но остров, как показало последовательное наблюдение, опустился на один градус широты, то есть переместился к югу, продолжая одновременно двигаться на запад. Таким образом, остров находился теперь в двухстах милях от американского побережья, на одной широте с Ледовым мысом — острым выступом в западной Джорджии. Скорость течения в этой части Северного Ледовитого океана была, очевидно, не так велика, как в восточной, но остров все время перемещался и, к большому огорчению лейтенанта Гобсона, приближался к Берингову проливу. Было еще только 24 июля; и если бы остров попал под влияние более быстрого течения, его в какой-нибудь месяц могло унести через этот пролив прямо в нагретые воды Тихого океана, где он и растаял бы, «как кусок сахара в стакане воды».

Миссис Барнет сообщила Мэдж о результатах обследования побережья. Она описала ей обнаруженное во время обхода острова место его отрыва от перешейка, сложное строение его верхнего, земляного, пласта и толщу льдины, погруженной на пять футов под воду; затем рассказала о приключении с сержантом Лонгом, которое окончилось для него холодной ванной, и объяснила, почему ледяной остров может каждую минуту расколоться на части или пойти ко дну.

Между тем обитатели фактории были уверены в полной своей безопасности. Этим честным людям

никогда и в голову не приходило, что форт Надежды блуждает над бездной, а им ежеминутно грозит смертельная опасность. Здоровый климат, прекрасная погода, живительный морской воздух — все поддерживало в них бодрость духа и жизнерадостность, и женщины соперничали в хорошем настроении с мужчинами. Маленький Майкл рос на славу и уже начал бегать на своих крепких ножках по двору форта. Капрал Джолиф в нем души не чаял и не мог дожидаться дня, когда начнет обучать его обращению с мушкетом и основам воинского дела. Ах, если бы миссис Джолиф подарила ему сына, какого бы солдата он из него сделал! Но чересчур практичная чета Джолиф, видимо, не заслужила благоволения свыше, и небо — по крайней мере до сих пор — отказывалось благословить ее потомством, хотя супруги ежедневно молили его об этом.

Что касается солдат, то они не сидели сложа руки. Плотник Мак-Нап и его подручные — Петерсен, Бельчер, Гарри, Понд и Хоуп — ревностно трудились над сооружением бота; для осуществления этой нелегкой задачи требовалось не менее трех месяцев. Но так как судном нельзя было воспользоваться раньше будущего лета, когда море освободится от льда, они не откладывали из-за этого других дел, необходимых для жизни фактории. Джаспер Гобсон держал себя так, словно форт должен был просуществовать неограниченное время. Он продолжал скрывать от своих подчиненных опасное состояние острова, хотя те, кто составлял своего рода генеральный штаб форта Надежды, уже не раз обсуждали вместе с ним этот весьма серьезный вопрос. И миссис Барнет и Мэдж отнюдь не разделяли мнения лейтенанта на сей счет. Им казалось, что их товарищи, люди энергичные и стойкие, не способны впасть в отчаяние и что во всяком случае удар будет гораздо чувствительнее, если опасность настолько возрастет, что ее уже нельзя будет скрыть от них. Но хотя этот довод и был достаточно убедителен, Джаспер Гобсон не сдавался, и сержант Лонг поддерживал его в этом вопросе. Возможно, что они в конце концов были правы, и такое

решение подсказывал им их жизненный опыт и знание людей.

Продолжались и работы по оборудованию и защите форта. Крепостная ограда, укрепленная новыми столбами и во многих местах поднятая на значительную высоту, представляла теперь собою вполне солидное оборонительное сооружение. Мастер Мак-Нап выполнил даже один свой проект, который пришлось ему особенно по сердцу и был одобрен лейтенантом Гобсоном. По углам крепостной ограды со стороны озера он выстроил две остроконечные караульные башенки. Они прекрасно завершали это сооружение и придавали форту боевой вид, особенно радовавший капрала Джолифа, мечтавшего о том времени, когда он будет подниматься туда для смены часовых.

Закончив укрепление форта, Мак-Нап перешел к хозяйственным постройкам. Помня о жестоких морозах прошедшей зимы, он решил пристроить с правой стороны главного дома новый дровяной сарай, с которым можно было бы сообщаться через внутреннюю дверь, не выходя наружу. Таким образом, топливо было бы всегда под рукой. По левую сторону дома Мак-Нап выстроил просторный флигель для солдат, которые до тех пор жили в общей зале. Теперь походные кровати оттуда вынесли, и в дальнейшем залой должны были пользоваться только как столовой, местом отдыха и рабочей комнатой. В новый флигель поместили три семьи — причем каждая получила отдельную комнату, — а также одиноких солдат колонии. Позади главного дома, недалеко от порохового погреба, был сооружен специальный склад для хранения мехов. Это полностью освобождало чердак; стропила и фермы дома были скреплены железными скобами, что предохраняло обитателей форта от нападения с крыши.

Мак-Нап намеревался также воздвигнуть небольшую деревянную часовню. По первоначальному замыслу Джаспера Гобсона, она должна была завершить архитектурный ансамбль фактории. Но сооружение часовни было отложено до будущего лета.

С какой заботой, рвением и энергией занимался бы в другое время лейтенант Гобсон всеми этими мело-

чами своего предприятия! С каким удовлетворением смотрел бы он на окружавшие его дома, сараи, склады, если бы они были построены на твердой земле! А этот, ныне уже бесполезный проект увенчать мыс Батерст сооружением, которое должно было стоять на страже форта Надежды! Форт Надежды! Теперь при звуке этого имени у него сжималось сердце. Мыс Батерст навсегда оторвался от американского континента, и форту Надежды ныне более подобало бы называться фортом Безнадежности.

Работа шла беспрерывно все лето, и люди трудились не покладая рук. Изо дня в день работали и над сооружением судна. Мак-Нап задумал построить бот водоизмещением в тридцать тонн; при благоприятной погоде такой бот мог перевезти двадцать пассажиров на расстояние нескольких сот миль. Мастеру посчастливилось найти изогнутые стволы для корпуса, и вскоре установленные на киле форштевень и ахтерштевень уже высились над верфью у подножья мыса Батерст.

В то время как плотники работали топором, пилой, теслом, звероловы охотились за дичью для стола, за северными оленями и полярными зайцами, которые в изобилии водились в окрестностях фактории. Впрочем, лейтенант Гобсон запретил Сэбину и Марбру уходить далеко от форта, сославшись на то, что, пока укрепление форта не закончено, приходится остерегаться, как бы по их следу сюда не проникли какие-нибудь враждебно настроенные охотничьи партии; в действительности же Джаспер Гобсон боялся, как бы Марбр и Сэбин, заметив на мнимом полуострове перемены, не заподозрили истины.

Однажды на вопрос Марбра, не пора ли отправиться к Моржовой бухте для охоты на тюленей, жир которых был превосходным горючим, лейтенант Гобсон поспешил ответить:

— Нет, Марбр, это бесполезно!

Ведь он прекрасно знал, что Моржовая бухта осталась далеко на юге, более чем за двести миль от них, и что тюлени уже не посещали берегов острова Виктории!

Не следует, однако, думать, что Джаспер Гобсон считал положение безнадежным. Вовсе нет! И он не раз совершенно искренно говорил об этом и миссис Барнет и сержанту Лонгу. Он утверждал, и самым решительным образом, что остров продержится до тех пор, пока не наступит полярная зима, которая, с одной стороны, укрепит его ледяную основу, с другой — оставит его движение.

Возвратившись после обследования своих новых владений, Джаспер Гобсон точно вычислил периметр острова Виктории. Остров имел более сорока миль в окружности, что составляло площадь примерно в сто сорок квадратных миль, то есть он был даже немного больше острова Святой Елены. Периметр его равнялся приблизительно периметру Парижа по линии городских укреплений. Если бы даже остров раскололся на части, его обломки были бы, вероятно, так велики, что на них можно было бы прожить еще какое-то время.

Когда миссис Барнет удивилась, что ледяное поле может иметь такую большую площадь, лейтенант сослался на свидетельства полярных мореплавателей. Такие исследователи, как Парри, Пэнни, Франклин, во время своих путешествий по арктическим морям нередко встречали ледяные поля длиной до ста и шириной до пятидесяти миль. Капитан Келлет оставил свой корабль на ледяном поле площадью не менее трехсот квадратных миль. Что же в сравнении с такими ледяными равнинами представлял собою остров Виктория!

И все же он был достаточно велик, чтобы, сопротивляясь теплым течениям, которые подтачивали его ледяную опору, продержаться до зимних холодов. Джаспер Гобсон несколько в этом не сомневался, он лишь страдал от сознания, что потеряно столько трудов, напрасно потрачено столько энергии, погибли столько замыслов и уже готовая осуществиться мечта. Все пошло прахом! И он, понятно, уже не мог проявлять прежнего интереса к работам фактории. Он не мешал им — и только!

Что касается миссис Барнет, то она, как говорится, в беде не унывала. Она старалась поощрять труды жен зимовщиков и сама в них участвовала, как

будто грядущее зависело от нее. Заметив, что миссис Джолиф усердно занялась огородом, она повседневно стала помогать ей советами. Щавель и ложечник дали хороший урожай, и в этом была немалая заслуга кап-рала Джолифа, который с невозмутимым спокойствием огородного чучела охранял засеянное пространство от целой тучи всякого рода пернатых.

Очень удачно прошло в форте Надежды и приручение северных оленей. Несколько самок дали уже приплод, и маленький Майкл наравне с оленятами получал свою порцию молока. Стадо этих полезных животных возросло теперь до тридцати голов. Его пасли на травяных угодьях мыса Батерст, а на зиму уже запасали скошенную в зарослях короткую и сухую траву. Олени быстро осваивались и, привыкнув к людям, больше не уходили со двора, а некоторые даже позволяли запрягать себя в сани.

Кроме того, несколько животных той же породы, бродивших в окрестностях форта, попались в западни, вырытые на полдороге между факторией и портом Барнет. Охотники вспомнили, что в прошлом году в такую яму попался огромный медведь, а теперь туда часто попадались олени. Мясо их солили, вялили и заготавливали впрок. Таким образом изловили по крайней мере двадцать голов этих жвачных животных, которые с наступлением зимы обычно уходят в более южные области.

Но вот однажды смещение почвы привело западню в негодность, и 5 августа охотник Марбр, вернувшись с проверки своего звероловного хозяйства, подошел к Джасперу Гобсону и обратился к нему довольно странным тоном:

— Я, лейтенант, только что обошел все ловушки.

— Ну и что же? — спросил Джаспер Гобсон. — Надеюсь, Марбр, вы были нынче не менее удачливы, чем вчера? Не попала ли еще парочка оленей в яму?

— Никак нет, лейтенант... никак нет, — растерянно ответил Марбр.

— Как? Ваша западня не дала сегодня обычного контингента рекрутов?

— Нет! А если какой зверь туда и попал, то, наверно, пошел ко дну.

— Почему ко дну? — вскричал лейтенант, с беспокойством уставившись на охотника.

— Да, ко дну, — ответит тот, пристально взглянув на своего командира, — ведь в яме полно воды.

— Понятно, — ответил лейтенант тоном человека, который не придает событию никакого значения, — вы же знаете, что яма была вырыта во льду. Солнце растопило стенки, и...

— Виноват, лейтенант, я вас перебыю, — но эта вода никак не могла образоваться от таяния льда.

— Почему?

— Да потому что, будь она талая, она была бы пресной, как вы мне когда-то объясняли, а та, что в яме, наоборот, — соленая!

Как ни владел собою Джаспер Гобсон, он слегка побледнел и ничего не ответил.

— К тому же, — продолжал охотник, — когда я захотел узнать, много ли там воды, то как ни старался, а дна не достал.

— Ну и что же, — торопливо проговорил лейтенант Гобсон, — тут нет ничего удивительного. Возможно, почва дала небольшую трещину, и яма стала сообщаться с морем! Это случается иногда... даже при самом стойком грунте. Итак, не беспокойтесь, мой друг. Перестаньте на время пользоваться этой ямой и удовольствуйтесь капканами; их можно расставлять по близости от форта.

Марбр поднес руку ко лбу, отдавая честь, и повернулся на каблуках; но, отходя от лейтенанта, бросил на него странный взгляд.

Джаспер Гобсон на минуту задумался. Новость, которую сообщил ему охотник, внушала серьезную тревогу. Должно быть, дно ямы, омываясь более теплыми водами и постепенно подтаивая, провалилось, и сейчас яма сообщалась непосредственно с водами океана.

Лейтенант, разыскав сержанта Лонга, рассказал ему об этом случае, и оба они незаметно отправились

на берег, где у подножья мыса Батерст были расставлены опознавательные знаки и сделаны зарубки.

Они стали их проверять.

Со времени последнего обследования уровень пловучего острова понизился на шесть дюймов.

— Значит, мы мало-помалу погружаемся! — пробормотал Лонг. — Дно ледяного поля потихоньку подтаивает!

— О, зима! Зима! — воскликнул Джаспер Гобсон, топнув ногой по земле злосчастного острова.

Однако еще ни одна примета не возвещала приближения холодной поры. Термометр Фаренгейта держался в среднем на пятидесяти девяти градусах (15° тепла по Цельсию), опускаясь за несколько ночных часов приблизительно на четыре градуса.

Обитатели форта Надежды продолжали усердно готовиться к предстоящей зимовке. У них всего было вдоволь, и, хотя фактория никакой провизии от капитана Крэвенти не получила, обитатели ее могли спать спокойно в ожидании долгой полярной ночи. Единственно, что требовало экономии, это боевые припасы. Нельзя было также пополнить запаса ничем не заменимых галет и спиртных напитков, которых, впрочем, потреблялось немного и оставалось еще достаточно. Что же касается запасов дичины и консервированного мяса, то они постоянно возобновлялись. Благодаря обилию этой здоровой и сытной пищи, сдабриваемой обычно какими-нибудь противоцинготными травами, обитатели маленькой колонии чувствовали себя превосходно.

Запасаясь топливом, рубили деревья в лесах, окаймлявших восточный берег озера Барнет. Под топором Мак-Напа свалилось немало берез, сосен и елей, которые отвозили затем в склады форта на прирученных оленях. Плотник не жалел леса, очищая стволы от сучьев и хвороста; он все-еще считал остров Викторию полуостровом и думал, что леса здесь никогда не переведутся. Действительно, часть территории, прилегавшая к мыслу Майкл, была богата всевозможными породами деревьев.

Мак-Нап не раз приходил в восторг и поздравлял лейтенанта Гобсона с открытием этой благодатной земли, изобилующей всем, что было необходимо для полного процветания новой фактории. Всякого рода лесной материал, дичь, пушнина, казалось, сами собой наполнявшие склады компании, богатое рыбой озеро, продукты которого вносили такое приятное разнообразие в повседневный рацион! Подножный корм для домашнего скота и «двойное жалованье для людей», непременно добавил бы капрал Джолиф! Так разве не был мыс Батерст тем благодатным уголком земли, подобного которому не найти на всем этом далеком северном пространстве? Да, должно быть, у лейтенанта Гобсона легкая рука, и как не благодарить providение, направившее их в это единственное в мире место!

Единственное в мире! Честный Мак-Нап! В простоте своей он и не подозревал, какая тревога просыпалась в душе лейтенанта при этих словах.

Само собой разумеется, в маленькой колонии не забывали и о том, чтобы к зиме все были тепло одеты. Миссис Барнет, Мэдж и жены Рэя и Мак-Напа усердно шили; к ним, покончив со стряпней, присоединялась и миссис Джолиф. Полина Барнет, зная, что вскоре им всем предстоит покинуть форт Надежды и добираться до американского континента пешком по льду, решила позаботиться, чтобы у всех была особенно теплая и удобная одежда. Если остров Виктория будет остановлен льдами далеко от материка, люди столкнутся с жестокими морозами долгой полярной ночи. Чтобы в таких условиях преодолеть переход по льду в несколько сот миль, надо было запастись не только теплой одеждой, но и теплой обувью. Вот почему миссис Барнет и Мэдж направили на это все свое внимание и заботу. Они понимали, что в случае катастрофы о спасении запасов пушнины нечего будет и думать, и решили употребить их на это дело. Шкуры сшивались вдвое, мехом внутрь и наружу, и если бы наступил день, когда этим достойным женам солдат, самим солдатам и их командиру пришлось бы надеть на себя эти ценные меха, им позавидовали бы не

только супруги миллионеров, но и самые богатые русские княжны. Конечно, жены зимовщиков были на первых порах несколько удивлены таким употреблением ценного имущества компании, но распоряжение лейтенанта Гобсона на сей счет носило характер недвусмысленного приказа. Впрочем, куницы, норки, мускусные крысы, бобры и даже лисы кишмя кишели вокруг фактории, и истраченную таким образом пушнину нетрудно было возместить в любое время: стоило только дать несколько ружейных выстрелов или расставить ловушки. А когда миссис Мак-Нап увидела прелестную горностаевую шубку, сшитую Мэдж для ее малыша, она и подавно перестала считать это чем-то особенным.

Так проходил день за днем вплоть до середины августа. Все еще удерживалась прекрасная погода, и хотя небо слегка заволакивало туманом, солнце быстро его поглощало.

Джаспер Гобсон продолжал ежедневные измерения. Но чтобы не возбуждать у зимовщиков каких-либо подозрений, он старался уходить для этого подальше от форта. Лейтенант обследовал то одну, то другую часть острова и был очень счастлив, ибо не отмечал никаких существенных перемен.

Шестнадцатого августа остров Виктория находился на $167^{\circ} 27'$ долготы и $70^{\circ} 49'$ широты. Значит, с некоторых пор его отнесло немного к югу, но при этом он не приблизился к материку, береговая линия которого также отклонялась здесь в южном направлении; континент все еще отстоял от острова более чем на двести миль к юго-востоку.

Что же касается расстояния, пройденного островом со времени разлома перешейка, или, вернее, с начала движения льдов, то можно было считать, что остров переместился на тысячу сто или тысячу двести миль к западу.

Но что значило это расстояние в сравнении с безграничными просторами океана? И разве не известны случаи, когда такие суда, как английский корабль «Резольют», американский бриг «Эдванс» и, наконец,

«Фокс», затертые льдами, были отнесены течениями на тысячи миль. Они передвинулись вместе со сковавшими их ледяными полями на расстояние, исчисляемое многими градусами, и только полярная зима остановила их движение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Десять дней шторма

В течение четырех дней, с 17 по 20 августа, стояла прекрасная погода и удерживалась сравнительно высокая температура. Туманы, клубившиеся на горизонте, не сгущались в тучи. В северных широтах столь продолжительная ясность — явление довольно редкое. Вполне понятно, что такое состояние атмосферы не могло не беспокоить лейтенанта Гобсона.

Но 21 августа барометр возвестил о скорой перемене погоды. Ртутный столбик термометра внезапно опустился на несколько делений. На следующий день он снова поднялся, потом опять упал, и с двадцать третьего числа понижение температуры приняло устойчивый характер.

Двадцать четвертого августа постепенно скопившиеся испарения, вместо того чтобы рассеяться, поднялись вверх. Солнце в момент прохождения через меридиан затянулось густой пеленой тумана, и лейтенант Гобсон не мог произвести свои ежедневные измерения. Наутро подул сильный северо-западный ветер, который, временами затихая, сменялся проливным дождем. Тем не менее температура продолжала держаться на пятидесяти четырех градусах по Фаренгейту (12° тепла по Цельсию).

По счастью, все нужные работы к этому времени были закончены, и Мак-Нап успел уже собрать и обшить корпус судна. Можно было даже прекратить охоту на съедобную дичь, ибо запасов продовольствия было вполне достаточно. Впрочем, погода вскоре окончательно испортилась, подул пронзительный ветер, полили холодные, пронизывающие дожди, нависли

густые туманы, и людям волей-неволей приходилось безвыходно сидеть в фактории.

— А что вы думаете по поводу такой перемены погоды, мистер Гобсон, — спросила утром 27 августа миссис Барнет, заметив, что ветер с часу на час все свирепеет. — Не кажется ли вам, что она может оказать нам услугу?

— Я не уверен в этом, сударыня, но надо вам сказать, что для нас любая погода лучше, чем ясные дни, когда солнце весь день нагревает воды океана. Кроме того, сейчас, как видно, установился северо-западный ветер и очень сильный, так что наш остров при всей своей тяжести не может противиться ему. Поэтому я не буду удивлен, если мы приблизимся к американскому континенту.

— Экая досада, — заметил сержант Лонг, — что нам нельзя будет ежедневно проверять координаты острова. Ведь за этим туманом не видно ни солнца, ни луны, ни звезд! Попробуйте-ка в таких условиях определить высоту солнца!

— Не беспокойтесь, сержант! — ответила миссис Барнет. — Если перед нами появится земля, мы ее и так узнаем, ручаюсь вам. И, какова бы она ни была, будем ей рады. Вот увидите, это окажется непременно какая-нибудь часть Русской Америки, возможно Западная Джорджия.

— Да, пожалуй, что так, — согласился Джаспер Гобсон, — потому что во всей этой части Северного Ледовитого океана нет, к сожалению, ни острова, ни островка, ни даже подводного камня, за который мы могли бы уцепиться!

— Ах, — воскликнула миссис Барнет, — и почему бы нашей карете не доставить нас прямо к берегам Азии? Разве, подгоняемая течением, она не может проскользнуть в ворота Берингова пролива и отправиться к Чукотской земле, чтобы примерзнуть к ней?

— Нет, сударыня, нет! — воскликнул лейтенант. — Наша льдина скоро, вероятно, встретится с Камчатским течением, и оно немедля унесет ее на северо-восток, что будет весьма плачевно. Но, пожалуй, северо-

западный ветер и в самом деле приблизит нас к берегам Русской Америки!

— Тогда надо быть начеку, — сказала путешественница, — и по возможности определить наше направление.

— Мы и будем начеку, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — хотя такой густой туман сильно ограничивает видимость. А если нас отбросит к берегу, то так тряхнет, что мы обязательно почувствуем. Но будем все же надеяться, что остров не разлетится вдребезги от такого удара. Вот чего надо опасаться! Словом, если это случится, тогда посмотрим. А пока делать нечего!

Само собой разумеется, этот разговор происходил не в общей зале, где солдаты и женщины собирались в часы работы. Такие вопросы обсуждались миссис Барнет в ее небольшой комнате, окна которой выходили во двор. Сквозь мутные стекла едва проникал тусклый свет туманного дня. За окном, словно катящаяся с гор лавина, грохотал бушующий шторм. И хотя мыс Батерст в значительной мере защищал дом от бешеных порывов ветра, с утеса градом сыпались комья земли и песок, громко барабанил по крыше. Мак-Напа снова стали беспокоить печные трубы, особенно труба кухонного очага, который должен был действовать бесперебойно. К вою ветра примешивался грозный шум разбивавшихся о берег морских валов. Шторм превращался в ураган.

Днем 28 августа Джаспер Гобсон, несмотря на бурю, захотел непременно подняться на мыс Батерст, чтобы осмотреть горизонт и понаблюдать за состоянием моря и неба. Он плотно закутался в плащ, чтобы порывистый ветер не проникал под одежду, и решительно вышел из дома.

Пройдя через внутренний двор, Джаспер Гобсон без особого труда достиг подножья мыса. Правда, песок и земля засыпали и слепили глаза, но под защитой широкого утеса ему не приходилось по крайней мере один на один бороться с ветром.

Труднее всего оказалось подняться на самый утес по его совсем отвесному с этой стороны склону. Цеп-

ляясь за пучки травы, лейтенант все-таки взобрался на вершину. Здесь ураган бушевал с такой силой, что невозможно было ни стоять, ни сидеть. Пришлось, растянувшись на животе, перебраться на другую сторону утеса и лечь там, держась за кусты. Таким образом, лейтенант подставлял теперь ветру только голову.

Джаспер Гобсон глядел сквозь водяную пыль тумана, который навис над ним, как жидкий занавес. Вид океана и неба был поистине страшен. В полумиле от мыса они сливались в непроницаемой мгле. Над головой лейтенанта с ужасающей быстротой проносились низкие, растрепанные тучи, в зените клубились длинные космы тумана. Мгновениями в воздухе наступала полная тишина, и слышались лишь иступленный вой прибоя и гневные удары волн. Затем ураган вновь раздражался с беспримерной яростью, и Джаспер Гобсон чувствовал, как дрожит утес до самого основания. Бывали минуты, когда дождь лил с такой силой, что его почти горизонтальные струи превращались в тысячи брызжащих фонтанов, и ветер хлестал ими, точно картечью.

То был один из тех ураганов, которые возникают в самом злокозненном месте небес. Северо-восточный ветер мог удержаться очень долго и долго еще способен был возмущать атмосферу. Но лейтенант Гобсон на это не жаловался. При других обстоятельствах разрушительные последствия бури доставили бы ему большое огорчение, но сейчас он ликовал. Если остров устоит, — на что лейтенант все же надеялся, — то, дрейфуя под этим ветром, более сильным, чем течение, он будет отброшен на юго-запад, а юго-запад — это континент, это спасение. Да, это избавление от гибели и его самого и его друзей, всех! А потому было необходимо, чтобы буря продолжалась, пока остров не прибьет к берегу, все равно к какому. То, что стало бы гибелью для судна, для блуждающего острова будет спасением.

Добрых четверть часа лежал так Джаспер Гобсон, сжавшись под ударами урагана, весь вымокший под холодным душем морского прибоя и дождя. Впиваясь в землю со всей энергией утопающего, он ловил

каждое движение бури, сулившей ему счастливый исход. Наконец, он спустился с утеса, соскользнул на отлогий берег мыса и, подгоняемый вихрем песчаной пыли, пересек двор и вошел в дом.

Прежде всего лейтенант сообщил своим товарищам, что ураган, видимо, еще не достиг полной своей силы, и надо ждать, что он продлится еще несколько дней. Тон Джаспера Гобсона показался всем весьма странным: как будто он сообщал какую-то приятную новость. На лицах обитателей фактории невольно отразилось недоумение. Неужели их начальник действительно приветствует этот поединок стихий?

Тридцатого августа лейтенант Гобсон, невзирая на бурю, снова отправился на мыс Батерст; правда, на этот раз он уже не поднимался на его вершину, но дошел до самого побережья. Там, стоя на крутом берегу, о который бились огромные водяные валы, он обратил внимание на выброшенные волной длинные стебли какого-то растения, чуждого флоре острова.

То была совсем еще свежая зелень фукуса, и эти водоросли, несомненно, только недавно были вырваны со дна вблизи американского материка. Значит, берег уже недалеко! Значит, северо-восточный ветер вытолкнул остров из течения, которое уносило его до сих пор! Радость, охватившая Христофора Колумба, когда он увидел пловучие растения, возвещавшие близость земли, была, вероятно, не больше.

Лейтенант Гобсон вернулся в форт и поделился своим открытием с миссис Барнет и Лонгом. В эту минуту он горел желанием все рассказать и другим своим товарищам, ибо теперь больше не сомневался в спасении. Но какое-то предчувствие удержало его, и он промолчал.

Однако в эти дни томительного затворничества обитатели форта не сидели праздно. Они занимались хозяйственными работами внутри форта. Время от времени кто-нибудь отправлялся во двор рыть канавки для стока воды, которая застаивалась между домом и складами. Мак-Нап, проходя с гвоздем в одной руке и молотком в другой, всегда находил что-нибудь требовавшее починки. Итак, днем люди работали, почти

не замечая жестокой бури. Но когда наступала ночь, всем казалось, что ураган свирепствует с удвоенной силой. Спать было невозможно. Порывы ветра обрушивались на дом, словно удары тарана. Иногда между мысом и фортом возникал какой-то вихрь. Казалось, ураган, подобно смерчу, бешено кружился вокруг дома. Половицы трескали. Стропила грозили разойтись по швам, а само здание — рассыпаться в щепы. Мак-Нап жил в постоянном страхе, и его подручным приходилось все время быть настороже. Между тем лейтенанта Гобсона беспокоил не самый дом, а почва, на которой он его построил. Буря становилась все яростнее, море — все ужаснее, и именно сейчас можно было опасаться, что ледяное поле распадется на куски. Казалось невероятным, чтобы эта огромная льдина, которая стала уже гораздо тоньше и постепенно разрушалась снизу, сейчас, подвергаясь беспрестанному перемещению из одной плоскости в другую, могла долго продержаться. Масса острова была настолько значительна, что его обитатели, конечно, не ощущали этих колебаний, но от этого ему доставалось не меньше толчков. Таким образом, вопрос сводился к следующему: уцелеет ли остров до той минуты, когда его отбросит к берегу? Не разлетится ли он вдребезги, прежде чем его прибьет к суше?

В том, что остров до сих пор еще не распался, не было никакого сомнения, и Джаспер Гобсон настойчиво доказывал это миссис Барнет. Действительно, если бы ледяное поле уже раскололось на более мелкие льдины и остров превратился в группу небольших островков, зимовщики форта сразу бы это заметили, ибо тот сравнительно небольшой обломок, на котором они очутились бы, уже не был бы так нечувствителен к состоянию моря и должен был испытывать качку. Переменные движения килевой и боковой качки сотрясали бы его вместе с теми, кто плыл на нем, как это бывает во время бури с пассажирами судна. Между тем обитатели форта этого не ощущали. Лейтенант Гобсон, производя свои ежедневные наблюдения, ни разу не заметил ни движения острова, ни какого-либо

колебания или сотрясения почвы. Остров попрежнему казался таким неподвижным и устойчивым, как будто перешеек все еще крепко связывал его с американским континентом.

Но если остров был еще цел, то это не значило, что он не мог расколоться в любую минуту.

Особенно беспокоил Джаспера Гобсона вопрос, приблизился ли остров Виктория, вытолкнутый из течения и теперь дрейфовавший под влиянием северо-восточного ветра, к какому-либо берегу, так как в этом была единственная надежда на спасение. Однако какому понятию, что, когда нет ни солнца, ни луны, ни звезд, все инструменты бесполезны и, пока небо не прояснится, установить местонахождение острова будет невозможно. Если даже они и приближались к земле, то могли узнать об этом лишь тогда, когда она появится; если же лейтенант Гобсон хотел выяснить это заранее — до того, как произойдет столкновение с материком, — ему надо было отправиться в южную часть этой опасной территории. В самом деле, положение острова Виктории относительно четырех стран света почти не изменилось. Мыс Батерст все еще был обращен своим острием на север, как и раньше, когда он представлял собою выдававшуюся в море часть американского материка. Было очевидно, что, если остров подойдет к берегу, он пристанет к нему своей южной стороной, заключенной между мысом Майкл и углом, который когда-то прилегал к Моржовой бухте. Одним словом, он вновь соединился бы с материком посредством прежнего перешейка. Вот почему надо было прежде всего и главным образом обследовать южную часть острова.

Итак, лейтенант Гобсон, несмотря на страшную бурю, решил отправиться к мысу Майкл. Но и на этот раз он счел нужным скрыть от зимовщиков настоящие причины своей отлучки. В такую штормовую погоду он мог решиться взять с собою лишь сержанта Лонга.

В этот день, 31 августа, около четырех часов полудни, Джаспер Гобсон на всякий случай послал за сержантом, и тот немедленно явился.

— Сержант Лонг, — обратился к нему лейтенант, — мы должны немедленно определить географическое положение острова Виктории или по крайней мере узнать, не приблизился ли он благодаря этому шторму к американскому континенту. Я, признаться, надеюсь на это.

— Мне как раз и самому казалось необходимым это выяснить — и чем скорей, тем лучше.

— Но тогда надо отправиться в южную часть острова.

— К вашим услугам, лейтенант!

— Я знаю, что вы всегда готовы исполнить свой долг, сержант. Но вы пойдете не один. Нам надо быть вдвоем, чтобы, если покажется земля, немедленно предупредить товарищей. И, кроме того, я должен видеть собственными глазами... Мы пойдем вместе...

— Как вам угодно, лейтенант! Хотя сейчас, если вы считаете нужным.

— Мы отправимся сегодня вечером, в девять часов, когда все улягутся спать...

— Не сомневаюсь, что любой из них охотно пошел бы с нами, но им незачем знать, что заставляет нас уходить так далеко от фактории.

— Да, да, пусть никто и не знает, — подтвердил Джаспер Гобсон, — я постараюсь до последней минуты избавить их от той тревоги, которую внушает наше ужасное положение.

— Слушаюсь!

— Вы возьмете с собой огниво и трут, на случай если придется дать сигнал. Например, если на юге покажется земля.

— Так точно!

— Поход будет суровый, сержант!

— Само собой разумеется, суровый! Но это не важно! Кстати, как с нашей путешественницей, лейтенант?

— Я решил ничего не говорить ей: боюсь, как бы она не пожелала идти с нами.

— Ну, это невозможно! — заявил сержант. — Женщине не справиться с таким ветром! Смотрите, какой шторм!

И в самом деле, дом так и дрожал от урагана. Казалось, его вот-вот свалит на бок.

— Да, — согласился Джаспер Гобсон, — этой смелой женщине нельзя идти с нами. Но, быть может, лучше рассказать ей о нашем намерении. Надо, чтобы она была предупреждена на случай, если с нами случится в дороге какая-нибудь беда...

— Да, лейтенант, да! — воскликнул сержант Лонг. — Не надо ничего от нее скрывать, и ежели мы не вернемся...

— Итак, в девять часов, сержант!

— В девять часов!

Сержант Лонг отдал честь и вышел.

Немного спустя Джаспер Гобсон, беседуя с миссис Барнет, сообщил ей о предстоящем походе. Как он и ожидал, отважная женщина заявила о своем желании сопровождать их, чтобы вместе с ними бросить вызов жестокой буре. Лейтенант не стал отговаривать ее, рисуя все опасности похода в подобных условиях, а ограничился лишь напоминанием, насколько необходимо ее присутствие в форте во время их отлучки, подчеркнув, что от этого будет зависеть его душевное спокойствие. Если с ними случится несчастье, он по крайней мере будет уверен, что мужественная путешественница заменит его и позаботится об оставшихся здесь людях.

Миссис Барнет поняла его и больше не настаивала. Но она просила Джаспера Гобсона не рисковать безрассудно, памятуя, что он — глава фактории и его жизнь ему не принадлежит: он должен сохранить ее для спасения остальных. Лейтенант обещал быть осторожным, насколько позволят обстоятельства; но сейчас, добавил он, необходимо, чтобы обследование было проведено немедленно, и он это сделает. На следующий день миссис Барнет должна будет объявить зимовщикам, что лейтенант Гобсон и сержант Лонг отправились на юг — в последнюю разведку перед наступлением зимы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Огонь и крик

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг провели вечер в большой зале форта Надежды до часа отхода ко сну. Здесь собрались все, кроме астронома, который все время сидел, так сказать, наглухо запертый и законопаченный в своей комнатке. Люди занимались каждый своим делом: кто чистил оружие, кто чинил или точил инструмент. Миссис Мак-Нап, миссис Рэй, миссис Джолиф и Мэдж шили, а миссис Барнет читала вслух. Чтение то и дело прерывалось, и не только шумом ветра, который словно таранил стены дома, но и криками ребенка. Капралу Джолифу, которому поручили забавлять его, приходилось нелегко. Его колени, превратившиеся в ретивых коней, совсем уже онемели, а неустоимому всаднику все было мало. Ребенок так долго не унимался, что капрал положил его в конце концов на большой стол, и он барахтался там до тех пор, пока не уснул.

В восемь часов прочитали, как обычно, общую молитву, погасили лампы, и вскоре обитатели факторнии улеглись в свои постели.

Как только все стихло, лейтенант Гобсон и сержант Лонг бесшумно прошли через пустую залу в коридор. Там они застали миссис Барнет; она хотела в последний раз пожать им руку.

— До завтра, — сказала она лейтенанту.

— До завтра, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — да... до завтра... непременно...

— А если вы запоздаете?..

— Надо набраться терпения и ждать. Ведь может случиться, что во время обследования южной части горизонта, во тьме среди ночи вдруг покажется огонь, например, если мы уже приблизились к берегам Новой Джорджии. Тогда мне непременно захочется еще раз определить наше местоположение при дневном свете, и наша экспедиция может продлиться целые сутки. Но если нам удастся попасть на мыс Майкл ранее полуночи, мы вернемся обратно завтра вечером.

Итак, будьте терпеливы, сударыня, и поверьте, что мы не станем напрасно подвергать себя опасности.

— Но если вас не будет ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня?.. — спросила путешественница.

— Значит, мы уже никогда не вернемся! — просто сказал лейтенант Гобсон.

Дверь открылась. Миссис Барнет заперла ее за ушедшими и, взволнованная тяжелыми мыслями, возвратилась в свою комнату, где ее ожидала Мэдж.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг пересекли внутренний двор. Там кружил такой вихрь, что их едва не свалило с ног. Поддерживая друг друга и опираясь на палки с железными наконечниками, они прошли через калитку в ограде и направились по дороге между холмами и берегом озера.

Остров был окутан слабым сумеречным светом. Молодому, только накануне народившемуся месяцу было еще не время взойти над горизонтом и озарить мрачный лик ночи; темноте оставалось царить еще несколько часов. Однако и сейчас было достаточно светло, чтобы не заблудиться.

Но какой ветер и дождь! Лейтенант Гобсон и его спутник были в непромокаемых сапогах и туго стянутых в талии клеенчатых плащах с капюшонами, закрывавшими голову. По счастью, эта одежда хорошо защищала их от холода, ибо ветер дул им в спину, беспощадно толкая вперед, а когда шторм усиливался, они продвигались даже быстрее, чем им хотелось бы. Они шли молча. Оглушенные шумом бури, задыхаясь от ветра, не слыша друг друга, они и не пытались перекинуться словом. Джаспер Гобсон не предполагал идти вдоль побережья, так как его извилины только удлиннили бы переход и подставили бы путников под прямые удары урагана, для которого здесь, у самого моря, не было никаких преград. Он рассчитывал, по возможности, срезать путь от мыса Батерст до мыса Майкл, идя по прямой, и предусмотрительно запаса карманной буссолью, которая помогала ему контролировать направление. Поэтому, чтобы достичь намеченной цели, им оставалось пройти всего десять — одиннадцать миль, и лейтенант Гобсон надеялся закончить

переход приблизительно к тому времени, когда сумеречный свет совсем угаснет и остров часа на два погружится во мрак.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг, согнувшись под напором ветра, втянув голову в плечи и опираясь на палки, продвигались довольно быстро. Пока дорога шла восточным берегом озера, они не испытывали на себе всей силы ветра и не слишком страдали от него, — их отчасти спасали увенчанные деревьями холмы. Ветер с дикой яростью свистел в кронах деревьев, грозя вырвать с корнем или свалить те, что послабее. Но, сметая все на пути, он сам «разбивался» о преграды. Дождь и тот рассеивался едва ощутимой пылью. Таким образом, этот переход в четыре мили показался смелым разведчикам менее тяжелым, чем они ожидали.

Дойдя до южного края лесного массива, где отлогие склоны холмов, постепенно понижаясь, переходили в совершенно плоскую равнину, не защищенную завесой деревьев и открытую морским ветрам, они на мгновение остановились. До мыса Майкл оставалось еще шесть миль.

— Вот теперь будет, пожалуй, трудновато! — крикнул Джаспер Гобсон на ухо сержанту.

— Да, — ответил сержант, — дождь и ветер зададут нам знатную трепку.

— Боюсь, как бы не присоединился к ним временими и град, — добавил лейтенант.

— Ну, он все-таки будет не так смертоносен, как картечь, — спокойно заметил сержант. — А ведь вам, лейтенант, как и мне, не раз приходилось иметь с ней дело. Итак, вперед!

— Вперед, сержант!

Было десять часов вечера. Последние отблески сумеречного света начали исчезать, как будто утопая в тумане или угасая под дождем и ветром. Однако еще брезжил какой-то свет, правда, очень слабый. Лейтенант высек огонь и посмотрел на буссоль, осветив ее зажженным концом трута. Затем он плотнее запахнул полы плаща, крепко-накрепко затянул капюшон, оставив только щелку для глаз, и в сопровождении сержанта устремился вперед — в простиравшееся перед

ними темное пространство, где уже ничто не препятствовало урагану и не могло защитить от него.

В первое мгновение обоих с силой бросило оземь, но они тотчас же поднялись и, держась друг за друга, сгорбившись, как старики, бросились бежать все быстрее и быстрее.

Буря была великолепна в своей ярости. Огромные, растерзанные клочья тумана — настоящие лохмотья, сотканые из воздуха и воды, — волочились по земле, словно подметая равнину. Песок и земля носились в воздухе подобно картечи. По соленому вкусу, который ощущался на губах, лейтенант Гобсон и сержант Лонг поняли, что морская вода долетала сюда за две-три мили от берега — в виде сыпучей пелены.

Изредка наступало короткое затишье, и тогда они останавливались, чтобы отдышаться. Лейтенант, тщательно проверяя направление, пытался определить пройденное расстояние, и они снова пускались в путь.

Однако с наступлением ночи буря еще усилилась. Казалось, две стихии — вода и воздух — совершенно смешались. В нижних слоях атмосферы они образовали один из тех опасных смерчей, которые разрушают здания, с корнем вырывают деревья в лесу; защищаясь от них, суда стреляют из пушек. Можно было подумать, что выплеснутый из своего ложа океан начинал всей своей массой перекатываться через пловучий остров.

Джаспер Гобсон недаром задавал себе вопрос, каким образом поддерживавшая остров льдина могла устоять перед этим катаклизмом и как она под ударами гигантских валов до сих пор еще не разлетелась на части. Надвигавшийся вал был, должно быть, чудовищным, и лейтенант Гобсон услышал издали его рев. В это мгновение сержант Лонг, опередивший своего командира на несколько шагов, внезапно остановился и вернулся к лейтенанту, пытаясь что-то сказать.

— Туда нельзя! — услышал Гобсон.

— Почему?

— Там — море!..

— Как? Море! Но ведь мы еще не дошли до юго-западного побережья.

— Посмотрите сами, лейтенант!

Действительно, лейтенант увидел впереди в темноте широкое водное пространство, и волны с силой разбивались у его ног.

Джаспер Гобсон еще раз высек огонь, зажег новый кусок трута и внимательно посмотрел на иглу буссоли.

— Нет, море лежит левее. Мы еще не прошли большой лесной массив, отделяющий нас от мыса Майкл.

— Но тогда это...

— Трещина на поверхности острова... — ответил Джаспер Гобсон и так же, как его спутник, бросился на землю, чтобы укрыться от ветра. — Быть может, значительная часть острова отделилась от него и теперь дрейфует, а возможно — это просто небольшая расселина и ее можно обойти. Вперед!

Джаспер Гобсон и сержант Лонг поднялись с земли и пошли вправо, вдоль обочины, залитой водою, которая пенилась под их ногами. Они шли так минут десять, боясь, и не без основания, что сообщение с южной частью острова уже невозможно. Вскоре шум прибоя, который прибавился к разноголосому шуму бури, смолк.

— Нет, это просто расселина, — крикнул лейтенант Гобсон на ухо сержанту. — Повернем обратно!

И они опять свернули к югу. Но, приняв это решение, смелые люди подвергали себя ужасной опасности, и они знали это, хотя ни словом не обмолвились друг с другом.

Действительно, та часть острова Виктории, куда они так смело устремились, уже дала большую трещину и могла с минуты на минуту отделиться от него. Если трещина, размываемая прибоем, пойдет еще дальше, их неминуемо унесет течением вглубь океана. Но они не раздумывали и ушли во тьму, даже не задаваясь вопросом, будет ли возможность вернуться назад.

Сколько тревожных мыслей осаждало в эти минуты лейтенанта Гобсона!.. Можно ли было надеяться, что остров уцелеет до зимы? Не началось ли уже его неизбежное разрушение? Если ветер не прибьет его к берегу, не обречен ли он на скорую гибель, не потонет

ли он, не растает ли? Какой ужасный конец! И на что могут надеяться несчастные обитатели этой льдины?

Между тем избитые, изнемогающие в борьбе со штормом, но исполненные неиссякаемого чувства долга, эти два стойких человека продолжали свой путь. Так дошли они до края лесного массива, который примыкал к мысу Майкл и который им предстояло пересечь, чтобы как можно быстрее достичь побережья. Они вступили в лес, окутанный непроницаемым мраком и наполненный оглушительным шумом ветра, свистевшего в верхушках берез и елей. Вокруг все трещало. На каждом шагу их больно хлестали сломанные ветви. Им ежеминутно грозила опасность попасть под удар падающего дерева, они то и дело натыкались в темноте на расколотый ствол. Но сейчас они уже не брели наугад, их вел сквозь чащу шум морского прибоя. Они слышали глухие отголоски тяжелого падения гигантских валов, бьющих о берег, и временами чувствовали, как вздрагивал под их ударами самый остров, ставший, очевидно, значительно легче. Держась за руки, чтобы не потеряться в темноте, поддерживая и поднимая один другого, когда кто-нибудь из них спотыкался и падал, они добрались, наконец, до противоположной опушки леса.

Но там они сразу попали в круговорот вихря, который, насильно оторвав их друг от друга и швырнув в разные стороны, бросил на землю.

— Сержант, сержант, где вы? — крикнул Джаспер Гобсон изо всех сил.

— Я здесь, лейтенант! — послышался хриплый голос Лонга.

Они ползком попытались добраться друг до друга, но, казалось, чья-то властная рука пригвоздила их к месту. Наконец, после неимоверных усилий им это удалось, и, чтобы предупредить повторение такого случая, лейтенант Гобсон привязал к себе сержанта поясным ремнем. Они вскарабкались по песку на небольшой пригорок, где росло несколько елей и можно было укрыться от ветра. Там они вырыли яму и забрались в нее, усталые, разбитые, изнеможенные.

Было половина одиннадцатого вечера.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг просидели несколько минут молча, полузакрыв глаза и не шевелясь: ими овладело какое-то оцепенение, какая-то непреодолимая дремота. Словно кости скелета, скрипели над их головами раскачиваемые шквалом ели. Между тем они постепенно побороли это сонное состояние и, глотнув из фляжки сержанта немного водки, подбодрились и начали разговаривать.

— Только бы эти деревья устояли, — проговорил лейтенант.

— И наша яма не ушла бы вместе с ними! — добавил сержант, упираясь в осыпавшийся под ним песок.

— Ну, раз уж мы здесь, — сказал Джаспер Гобсон, — в нескольких шагах от мыса Майкл, и пришли сюда, чтоб смотреть, — посмотрим! Знаете, сержант Лонг, у меня какое-то предчувствие, что мы недалеко от материка; но, конечно, это только предчувствие!

Оттуда, где они расположились, их взгляд мог охватить две трети южной стороны горизонта, если бы горизонт был виден. Но в это время царил полный мрак, и они понимали, что если только до утра не появится огонек, то им придется дожидаться рассвета, чтобы рассмотреть побережье материка, в случае если ураган отнес их далеко на юг.

Между тем, — и лейтенант Гобсон говорил об этом миссис Полине Барнет, — рыбаки нередко посещают эту часть Северной Америки, носящую название Новой Джорджии. На этом берегу встречается также немало поселков; туземное население их занимается раскопками в поисках бивней мамонтов, так как в этих местах сохранилось в окаменелом состоянии много скелетов этих гигантских допотопных животных. Несколькими градусами южнее находится Ново-Архангельск — главный город Русской Америки и ее административный центр, распространяющий свое влияние на весь архипелаг Алеутских островов. Охотники теперь чаще посещали берега Северного Ледовитого океана, особенно с тех пор, как Компания Гудзонова залива арендовала охотничьи угодья, где некогда промышляли русские

купцы. Джаспер Гобсон, не зная здешних мест, знал нравы агентов, приезжавших сюда в это время года, и был почти уверен, что встретит здесь соотечественников и даже коллег по профессии или же, за отсутствием их, каких-нибудь кочующих индейцев, бродивших обычно по побережью.

Но что давало лейтенанту Гобсону повод надеяться, что остров Виктория был отброшен к побережью материка?

— Да, тысячу раз да! — твердил он Лонгу. — Вот уже неделю, как этот северо-восточный ветер дует не хуже урагана. Я прекрасно знаю, что за наш очень плоский остров ему трудно зацепиться, но холмы и лесные массивы, расставленные здесь, как паруса, должны слегка уступать напору ветра. Кроме того, море тоже испытывает влияние ветра, и вполне понятно, что его большие волны бегут по направлению к материку. Поэтому я считаю, что мы должны были выйти из течения, уносившего нас на запад, и что нас отбросило на юг. В последний раз мы были всего в двухстах милях от земли, а за эти семь дней...

— Все ваши рассуждения справедливы, лейтенант, — поддержал сержант Лонг. — Притом если нам помогает ветер, то помогает и бог. Он не захочет, чтобы погибло столько несчастных. И на него возлагаю я свои надежды.

Разговор Джаспера Гобсона с сержантом прерывался почти на каждой фразе ревом бури. Они пытались проникнуть взглядом в густую мглу, в которой ползли длинные космы растрепанного ветром тумана, отчего она казалась еще более непроницаемой. И в этой мгле не было видно ни одной светящейся точки.

К половине второго утра ураган на несколько минут утих и только страшно разбушевавшееся море продолжало реветь. Огромные валы, вздымаясь, яростно набегали друг на друга.

Вдруг Джаспер Гобсон, схватив своего товарища за руку, крикнул:

— Сержант, вы слышите?..

— Что?

— Шум моря!

— Слышу, лейтенант, — ответил сержант Лонг. — И уже несколько мгновений мне кажется, что удары волн...

— Уже не те... не правда ли, сержант?.. Слушайте... слушайте... как будто прибой... как будто волны разбиваются о скалы!..

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг напряженно вслушивались. Это и в самом деле не был уже тот глухой, монотонный шум волн, набегающих одна на другую в открытом море, но звучный рокот тяжелых струй, ударяющихся о твердый берег, который рождал звонкое эхо скал. Между тем на побережье острова Виктории не было ни одной скалы, оно представляло собою просто невысокую кромку из земли и песка, почти не отражавшую звуков.

Но не ошиблись ли Джаспер Гобсон и его спутник? Сержант привстал было, чтобы лучше прислушаться, но его тут же свалил неожиданный порыв урагана, возобновившегося с новой силой. Затишья как не бывало, пронзительный свист ветра приглушал рев моря, а вместе с ним то особенное звучание, которое поразило слух лейтенанта.

Судите сами, какое волнение охватило этих людей! Они снова залезли в свою нору и, чувствуя, как под ними осыпается песок, видя, как ели склоняются до самой земли, гадали, не лучше ли им уйти из этого убежища, пока не поздно. В то же время оба, не отрываясь, смотрели в сторону юга. В этом взгляде сосредоточилась вся их жизнь; пристально вглядывались они в густую мглу, которая должна была рассеяться с первыми лучами зари.

Вдруг около половины третьего утра сержант Лонг крикнул:

— Вижу!

— Что?

— Огонь!

— Огонь?

— Да!.. Вон в той стороне!..

И он указал на юго-запад. Но не ошибся ли он? Нет! Джаспер Гобсон, взглянув в ту сторону, тоже различил какой-то робкий свет.

— Да! — вскричал он. — Да, сержант! Огонь! Это земля!

— Или огни корабля!

— Корабль в такую погоду! Невозможно! — вскричал лейтенант. — Нет, нет, там суша, говорю вам, всего в нескольких милях от нас!

— Ну, так дадим сигнал!

— Да, сержант, в ответ на этот огонек с континента зажжем огонь на нашем острове!

Ни у лейтенанта Гобсона, ни у сержанта не было факела, но ураган сгибал над ними до земли смолистые ели.

— Ваше огниво, сержант! — крикнул Джаспер Гобсон.

Лонг высек огонь и зажег трут. Потом ползком добрался до рощицы. Лейтенант последовал за ним. Здесь было много валежника. Они сложили его у самых корней деревьев, зажгли, и раздуваемое ветром пламя охватило всю рощицу.

— Ну, если мы увидели их, значит и они нас увидят!

Ели горели синеватым пламенем и коптили, как гигантский факел. Смола трещала в старых стволах, и они быстро сгорали. Вскоре раздался последний слабый треск, и все погасло.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг смотрели, не ответит ли им новый огонек...

Но нет!.. Минут десять они упорно вглядывались вдаль, надеясь вновь найти ту светящуюся точку, которая блеснула им на миг, и уже отчаялись дожидаться какого-нибудь сигнала, как вдруг послышался крик, внятный крик, отчаянный зов с моря.

В страшной тревоге Джаспер Гобсон и сержант Лонг бросились к берегу, скользя на ходу.

Крик не повторился.

Между тем уже разгоралась заря. С появлением солнца ярость бури, казалось, начала утихать. Вскоре стало достаточно светло, чтобы зоркий глаз мог оглядеть далекое пространство...

Земли нигде не было. На горизонте небо и море сливались, как и прежде, в одну сплошную линию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прогулка миссис Полины Барнет

Все утро Джаспер Гобсон и сержант Лонг блуждали в этой части побережья. Погода заметно изменилась. Дождь почти прекратился, а ветер, бушевавший все с той же силой, внезапно изменил направление и дул теперь с юго-востока. Это досадное обстоятельство еще более ухудшило положение и усилило тревогу лейтенанта Гобсона. Он уже потерял всякую надежду, что остров приблизится к земле.

В самом деле, юго-восточный ветер мог только отдалить остров от американского континента и снова бросить его в зону тех опасных течений, которые устремлялись в северную часть Ледовитого океана.

Но можно ли было утверждать, что в эту ужасную ночь остров действительно приблизился к берегам материка? Или то было лишь предчувствие лейтенанта Гобсона, предчувствие, которое не оправдалось? Ночь была довольно ясная, и взгляд мог охватить пространство радиусом в несколько миль, а между тем нигде не было заметно и признака земли. Не следовало ли поэтому возвратиться к предположению сержанта и допустить, что ночью в виду острова прошло судно, на борту которого появился и тут же исчез огонь; оттуда же донесся отчаянный крик матроса, ибо разве во время такого шторма судно не могло терпеть бедствие?

Но как бы то ни было, ни на море, ни на берегу не было видно обломков разбитого судна. Между тем океан, разъяренный ветром с материка, вздымался такими огромными валами, против которых трудно было бы устоять любому кораблю.

— Итак, лейтенант, — сказал сержант Лонг, — надо принять какое-то решение!

— Да, надо, сержант, — ответил Джаспер Гобсон, проводя рукой по лбу, — надо оставаться на острове и ждать зимы! Только она и может нас спасти!

Был уже полдень, и так как Джаспер Гобсон хотел вернуться в форт Надежды до наступления вечера, он и его спутник, подгоняемые ветром, который снова

дул им в спину, немедленно направились к мысу Батерст. Они сильно опасались, что ночью во время борьбы двух стихий остров мог расколоться пополам. Если бы расселина, которую они видели накануне, протянулась во всю ширину острова, они оказались бы отрезанными от своих друзей.

Вскоре путники подошли к лесу, через который проходили накануне. Земля была покрыта свежим валежником, у одних деревьев был расщеплен ствол, другие были вырваны с корнем из тонкого растительного слоя земли, где они держались недостаточно прочно. Порывистый ветер громко шелестел облетевшими листьями, которые, сморщившись, приняли какие-то странные очертания.

Отойдя мили на две от этого опустошенного леса, лейтенант Гобсон и сержант Лонг приблизились к краю расселины, размеров которой они в темноте определить не могли. Теперь же они тщательно ее обследовали. Трещина была шириной футов в пятьдесят и пересекала побережье приблизительно на полпути между мысом Майкл и местом, где некогда находился порт Барнет. Она представляла собою нечто вроде лимана, вдававшегося больше чем на полторы мили вглубь острова. Если бы новая буря вызвала дальнейшее вторжение моря, щель расширилась бы еще больше.

Подойдя к берегу, лейтенант Гобсон увидел, как огромная льдина внезапно отделилась от острова и пошла блуждать в открытом море.

— Вот что опасно! — пробормотал сержант Лонг.

Они быстро повернули на запад и, обойдя расселину, направились прямо к форту Надежды.

На всем остальном пути ни лейтенант Гобсон, ни сержант не заметили никаких других изменений, и в четыре часа они были уже в фактории, где нашли всех своих товарищей за обычными делами.

Джаспер Гобсон сказал своим людям, что он хотел в последний раз перед наступлением зимы поискать, нет ли где следов отряда, обещанного капитаном Крэвенти, но его поиски ничего не дали.

— Что ж, лейтенант, — сказал Марбр, — мне думается, что на этот год во всяком случае надо забыть о том, что мы ждали к себе наших товарищей из форта Релайанс.

— Я тоже так думаю, Марбр, — просто ответил Джаспер Гобсон и вернулся в общую залу.

Найдя там миссис Барнет и Мэдж, он сообщил им, что во время экспедиции они заметили вдаль огонь и слышали крик с моря. Джаспер Гобсон уверял, что и он и сержант действительно видели огонь и слышали крик и что это не игра их воображения. По зрелом размышлении все пришли к одному и тому же выводу: ночью мимо острова проходил потерпевший бедствие корабль, но сам остров несколько не приблизился к американскому материку.

Между тем юго-восточный ветер вскоре очистил небо и разогнал туман. Джаспер Гобсон мог теперь с полным правом надеяться, что на следующий день можно будет определить координаты острова.

В самом деле, ночью сильно похолодало и выпал небольшой снег, покрывший всю территорию острова. Проснувшись утром, Джаспер Гобсон приветствовал этот первый признак наступления зимы.

Было 2 сентября. Небо постепенно очистилось от заволакивавшего его тумана. Показалось солнце. Его-то и ждал лейтенант Гобсон. В полдень он сделал удачное определение широты, а около двух часов произвел вычисление часового угла и нашел долготу.

Результат наблюдений был следующий:

Широта — 70°57'
Долгота — 170°30'

Таким образом, несмотря на жестокий ураган, остров удерживался приблизительно на той же параллели, только течение отнесло его еще дальше на запад. В это время он проходил через меридиан Берингова пролива, но был по меньшей мере в четырехстах милях севернее мыса Восточного и мыса Принца Уэльского, расположенных в самой узкой части пролива.

Новое местоположение острова было еще опаснее. С каждым днем он приближался к мощному

Камчатскому течению, которое, захватив его в свои стремительные воды, могло увлечь остров на север. Вскоре должна была, очевидно, решиться его судьба: либо он остановится между двумя противоположными течениями, пока вокруг него не замерзнет океан, либо уйдет дальше на север и затеряется в полярных пустынях.

Джаспер Гобсон был крайне удручен и, желая скрыть свою тревогу, ушел к себе и весь день не появлялся. Разложив на столе перед собою подробную карту территории, он призвал на помощь всю свою находчивость, весь свой практический опыт и фантазию, стараясь найти какой-нибудь выход из создавшегося положения.

В этот день температура понизилась еще на несколько градусов, и густой туман, который поднялся к вечеру над юго-восточной стороной горизонта, ночью сменился снегом. Наутро, 3 сентября, толщина снежного покрова достигла двух футов. Зима, наконец, наступала.

В тот же день миссис Барнет решила обследовать несколько миль той части побережья, которая простиралась от мыса Батерст до мыса Эскимосов. Путешественнице хотелось узнать, какие изменения могла произвести буря за последние дни. Если бы миссис Барнет предложила Джасперу Гобсону сопровождать ее, он бы, несомненно, согласился. Но, не желая отрывать лейтенанта от его дел, она решила отправиться без него и взять с собою Мэдж. К тому же им не угрожала никакая опасность. Единственными действительно страшными хищниками были в здешних местах медведи, но, повидимому, все они покинули остров еще во время землетрясения. Таким образом, две женщины смело могли провести в окрестностях мыса несколько часов.

Мэдж, не раздумывая, приняла предложение миссис Барнет; и в восемь часов утра, вооружившись снежным ножом, с флягой и сумкой для провизии через плечо, они, никого не предупредив, вышли из дома, спустились по откосу мыса Батерст и свернули на запад.

Солнце устало ползло по небосводу. Теперь даже в полдень, в момент прохождения через меридиан, оно поднималось всего лишь на несколько градусов. Но тонкий слой снега в тех местах, куда падали его хотя и косые, но яркие и пронизывающие лучи, все еще таял.

Птицы — белые межняки, чистики, тупики, дикие гуси, утки разных пород — носились целыми стаями и, оглашая воздух громкими криками, оживляли побережье. В зависимости от того, какая вода — пресная или соленая — их привлекала, они беспрестанно перелетали от озера к морю.

Миссис Барнет теперь сама убедилась, как много пушных зверей водилось в окрестностях форта Надежды. Здесь были куниты, горностаи, мускусные крысы, лисицы. Фактория могла бы наполнить свои склады без малейшего труда. Но к чему это было теперь? Эти безобидные звери, видно, понимали, что уже никто не станет на них охотиться, и, бродя у самой ограды, привыкали к людям и становились все более ручными. Инстинкт, несомненно, подсказывал им, что на этом острове они такие же пленники, как и человек, и что общая участь их сближает. Но самым странным — и миссис Барнет прекрасно это заметила — было то, что Марбр и Сэбин, два страстных охотника, беспрекословно подчинялись приказу лейтенанта не охотиться на пушных зверей и, казалось, не испытывали ни малейшего желания стрелять в эту драгоценную дичь. Правда, лисицы и другие пушные звери еще не оделись в свой зимний наряд, что значительно их обесценивало, но одним этим трудно было объяснить чрезвычайное равнодушие к ним со стороны охотников.

Продолжая идти быстрым шагом и обсуждая свое необыкновенное положение, миссис Барнет и Мэдж внимательно всматривались в песчаную кромку берега. Разрушения, недавно причиненные морем, особенно бросались здесь в глаза. На месте обвалов то тут, то там зияли новые, отчетливо выделявшиеся трещины. Песчаный берег, плоский и уже размытый в нескольких местах, дал огромные оползни, и теперь

волны добирались туда, куда прежде крутизна берега преграждала им путь. Очевидно, некоторые части острова погрузились в воду и теперь едва поднимались над уровнем океана.

— Милая Мэдж, — сказала миссис Барнет, указывая своей спутнице на большую поляну, на которую, разбиваясь, с шумом набегали волны, — это злосчастная буря еще ухудшила наше положение! Очевидно, общий уровень острова постепенно понижается! Наше спасение — во власти погоды! Скоро ли наступит зима? Все зависит от нее!

— Зима не заставит себя ждать, дочка, — ответила Мэдж с непоколебимой уверенностью. — Уже вторую ночь идет снег. Ведь холод спускается сверху, с небес, и мне хочется думать, что его посылает нам бог.

— Ты права, Мэдж, — продолжала путешественница, — надо надеяться. Мы, женщины, обычно не доискиваемся физических первопричин явлений и не должны отчаиваться, даже если люди образованные и приходят в отчаяние. В этом и есть наша женская привилегия. К несчастью, лейтенант не может рассуждать, как мы. Ему известны причины явлений, он размышляет, вычисляет, высчитывает остающееся время, и я вижу, что он близок к тому, чтобы потерять всякую надежду.

— Между тем это стойкий и решительный человек, — заметила Мэдж.

— Да, — добавила миссис Барнет, — и он спасет нас, если только наше спасение еще в руках человеческих!

К девяти часам миссис Барнет и Мэдж прошли четыре мили. Чтобы обойти низкие места, куда уже вторглись волны океана, они вынуждены были несколько раз сворачивать с прибрежной дороги и отходить дальше от берега. Во время бури море кое-где продвинулось на полмили вглубь острова, и ледяное поле должно было там значительно подтаять. Это грозило тем, что в некоторых местах в результате размыва на побережье могли образоваться новые бухты и заливы.

Миссис Барнет заметила, что, по мере того как они удалялись от форта, пушных зверей попадалось все меньше. Очевидно, присутствие человека, близости которого они прежде боялись, теперь их успокаивало, и животные предпочитали держаться недалеко от фактории. Хищников, которым инстинкт во-время не подсказал покинуть этот опасный остров, было мало. Однако миссис Барнет и Мэдж все же заметили вдали, на равнине, несколько бродячих волков, которых, видимо, не могла приручить до сих пор даже общая с человеком опасность. Впрочем, волки к ним близко не подошли и вскоре исчезли за южным холмистым берегом озера.

— Но что будет, — спросила Мэдж, — с этими дикими животными, такими же, как и мы, пленниками острова, когда у них не станет пищи и зима заставит их голодать?

— Голодать! Милая моя Мэдж! — ответила миссис Барнет. — Полно! Уверяю тебя, что этого нечего бояться. В пище у них недостатка не будет, и все эти куницы, горностаи, полярные зайцы, которых мы теперь щадим, станут добычей волков. Нападение хищников нам не страшно. Нет! Опасность не в том! Она — в хрупкой опоре острова, который распадется, который прозит распасться под нашими ногами в любую минуту. Взгляни, Мэдж, как далеко вглубь острова проникло море! Оно уже покрыло часть этой равнины, и его воды, еще сравнительно теплые, будут разрушать ее и снизу и сверху. И если только холод не остановит его, океан скоро дойдет до нашего озера, и мы лишимся озера, как уже лишились порта и речки.

— Если так случится, — воскликнула Мэдж, — это будет непоправимое несчастье!

— Почему ты так думаешь, Мэдж? — удивилась миссис Барнет.

— Да потому, что у нас не станет пресной воды, — ответила Мэдж.

— О, в пресной воде у нас недостатка не будет, милая моя Мэдж. Дождь, снег, лед, айсберги океана, наконец сама ледяная основа острова — все это пресная вода! Нет, повторяю тебе, опасность не в этом!

К десяти часам миссис Барнет и Мэдж были уже на уровне мыса Эскимосов, но, так как сильно размытым берегом пройти было нельзя, им пришлось удалиться — по меньшей мере на две мили — вглубь острова. Женщины, слегка утомленные прогулкой, затянувшейся из-за частых обходов, решили, прежде чем возвращаться в факторию, несколько минут отдохнуть. Здесь, на невысоком холме, поросшем кустами толокнянки, была небольшая березовая рощица. Покрытый желтоватым мхом и освещенный солнцем, которое уже растопило снег, этот холмик оказался прекрасным местом для отдыха.

Они уселись под деревьями, открыли сумку и братски разделили скромный завтрак.

Полчаса спустя миссис Барнет предложила своей спутнице продолжать путь, но не сворачивать сразу на восток, к фактории, а сначала дойти до берега и посмотреть, что случилось с мысом Эскимосов. Ей хотелось знать, устоял ли перед натиском бури этот выступавший в море клин. На это Мэдж ответила, что она готова сопровождать свою дочку, куда та пожелает, но напомнила ей, что до мыса Батерст остается еще добрых восемь-девять миль и что не следует беспокоить лейтенанта Гобсона таким долгим отсутствием.

Тем не менее миссис Барнет, словно что-то предчувствуя, настояла на своем, и не напрасно, как это вскоре узнает читатель. Впрочем, этот обходный путь удлинит их путешествие не более чем на полчаса.

Женщины поднялись и направились к мысу Эскимосов.

Но не прошли они и четверти мили, как миссис Барнет вдруг остановилась, указывая Мэдж на следы, ясно отпечатавшиеся на снегу. Они были совсем свежие, оставленные не больше чем несколько часов назад, иначе выпавший ночью снег покрыл бы их.

— Какой это зверь прошел здесь? — спросила Мэдж.

— Это не зверь, — ответила миссис Барнет и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть следы. — У вся-

кого четвероногого совсем другие следы. Смотри, Мэдж, они одинаковы, и мы можем порадоваться — здесь ступала нога человека!

— Но кто же мог прийти сюда? — спросила Мэдж. — Ни один солдат, ни одна женщина — никто не выходит за пределы форта, а так как мы на острове... Ты, верно, ошибаешься, дочка. Впрочем, пойдем по этим следам и посмотрим, куда они нас приведут.

Миссис Барнет и Мэдж пошли вперед, пристально глядя в отпечатки ног.

Пройдя шагов пятьдесят, они снова остановились.

— Посмотри, Мэдж, — сказала миссис Барнет, удерживая свою спутницу, — и скажи, ошиблась ли я?

Рядом со следами шагов, на том месте, где снег был недавно примят каким-то тяжелым телом, был ясно виден отпечаток руки.

— Это рука женщины или ребенка! — воскликнула Мэдж.

— Не знаю, кто здесь упал — ребенок или женщина, но кто-то изнемогающий, больной, обессиленный... Потом это несчастное существо поднялось и снова пошло... Смотри! Следы ведут дальше... И там кто-то снова упал!..

— Но кто же, кто? — спросила Мэдж.

— Я и сама не знаю, — ответила миссис Барнет. — Возможно, какой-нибудь пленник этого острова, кто, как и мы, томится здесь в течение трех или четырех месяцев. Или потерпевший кораблекрушение и выброшенный на берег в эту жестокую бурю... Вспомни огонь и крик, о которых нам рассказывали лейтенант Гобсон и сержант Лонг!.. Скорей, скорей, Мэдж, быть может, нам суждено спасти какого-нибудь несчастного!..

И, увлекая свою спутницу, миссис Барнет устремилась вперед по скорбному пути, проложенному через эту снежную поляну. Вскоре они увидели на земле несколько капель крови.

«Спасти какого-нибудь несчастного!» — сказала эта сострадательная и отважная женщина, забывая,

что на этом полуразрушенном острове, которому рано или поздно суждено было погрузиться на дно океана, нет спасения ни для кого-либо другого, ни для нее самой!

Следы вели к мысу Эскимосов, и миссис Барнет и Мэдж шли вперед, пристально всматриваясь в них. Вскоре кровавых пятен стало больше, но отпечатки шагов исчезли. Дальше по снегу шла только неровная тропинка. С этого места несчастное существо, исчерпав последние силы, видимо, ползло, влачилось по земле, помогая себе руками и ногами. То тут, то там валялись куски разорванной одежды. То были клочья тюленьей кожи и какого-то меха.

— Идем, идем! — повторяла Полина Барнет, сердце которой бешено колотилось.

Мэдж спешила за ней. До мыса Эскимосов оставалось не больше пятисот шагов. Он был уже виден, уже вырисовывался над морем на фоне неба! Но там было пусто.

След вел, очевидно, прямо к мысу. Миссис Барнет и Мэдж добежали до самого конца, но и здесь никого не было. Только у основания мыса, у подножья образовавшего его холма, след сворачивал направо и пролагал тропинку к морю.

Миссис Барнет устремила вправо, но в тот миг, когда она спускалась к берегу, Мэдж, следовавшая за ней и бросавшая вокруг беспокойные взгляды, удержала ее движением руки:

— Постой!

— Нет, нет, Мэдж, — воскликнула миссис Барнет, которую влекло вперед какое-то непреодолимое чувство.

— погоди, дочка! Смотри! — решительно остановила ее Мэдж.

Шагах в пятидесяти от мыса Эскимосов, у самой кромки берега, издавая грозное рычание, двигалась какая-то огромная белая масса.

Это был полярный медведь исполинских размеров. Женщины замерли на месте и с ужасом смотрели на него. Громадный зверь кружил вокруг какого-то свертка мехов, лежавшего на снегу, потом приподнял

его, снова опустил и стал обнюхивать. Сверток этот был похож на безжизненное тело моржа.

Миссис Барнет и Мэдж не знали, как быть, идти ли дальше, или нет, как вдруг тело приняло такое положение, при котором над его головой отвернулось нечто вроде капюшона и из-под него выбились длинные пряди темных волос.

— Это женщина! — воскликнула миссис Барнет и бросилась было к несчастной, желая во что бы то ни стало узнать, жива она или нет.

— Не ходи, — закричала опять Мэдж, удерживая ее. — Не ходи! Он не сделает ей зла!

Действительно, медведь внимательно смотрел на сверток и только поворачивал его, видно совсем не собираясь разрывать своими страшными когтями. Он то уходил от него, то снова возвращался и точно не знал, что с ним делать. Женщин, в смертельном страхе наблюдавших за ним, он не замечал.

Вдруг раздался треск, и земля как будто вздрогнула. Казалось, весь мыс Эскимосов обрушился в море.

От берега отделилась огромная льдина. Изменение удельного веса переместило центр ее тяжести, и теперь она уплывала в открытое море, унося с собой и медведя и женщину.

Миссис Барнет вскрикнула и хотела броситься к льдине, прежде чем волны вынесут ее в открытое море.

— Постой, постой, доченька! — стараясь сохранить спокойствие, повторяла Мэдж, судорожно сжимая ее руку.

Услышав шум откалывающейся льдины, медведь сразу отступил; прозно рыча, он оставил женщину и бросился к берегу, от которого его уже отделяло футов сорок. Испуганный зверь обежал островок, взрыл когтями землю, высоко разметал снег и песок и возвратился к безжизненному телу. Затем ухватил сверток зубами, приподнял его, добежал до края льдины, несшейся мимо острова, и бросился в воду.

Сильный пловец, как все полярные медведи, он в несколько взмахов добрался до острова,

с усилием взобрался на берег и положил сверток на землю.

Тут уже миссис Барнет не выдержала и, не думая об опасности оказаться лицом к лицу со страшным хищником, вырвалась из рук Мэдж и кинулась к берегу.

Увидев ее, медведь встал на задние лапы и пошел прямо на нее. Однако шагах в десяти он остановился и тряхнул своей огромной головой. Потом, точно потеряв присущую ему кровожадность, а быть может, под влиянием того же страха, что преобразил всех зверей острова, повернулся, глухо зарычал и, не оборачиваясь, спокойно пошел вглубь острова.

Миссис Барнет тотчас же подбежала к распростертому на снегу телу.

Из ее груди вырвался крик:

— Мэдж! Мэдж!

Мэдж быстро подошла и внимательно посмотрела на безжизненное тело.

То была юная эскимоска Калюмах!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Приключения Калюмах

Калюмах здесь, на пловучем острове, в двухстах милях от американского континента! Это было невероятно!

Но прежде всего надо было убедиться, жива ли еще несчастная, можно ли ее спасти? Миссис Барнет, опустившись на колени, расстегнула одежду юной эскимоски, в теле которой, казалось, еще теплилась жизнь, и, приложив ухо к ее груди, стала слушать. Сердце Калюмах билось чуть слышно, но все же билось. У нее оказалась только рана на руке, которая сильно кровоточила, но не была опасна. Мэдж остановила кровь, перевязав рану своим платком.

Между тем миссис Барнет, обняв Калюмах, приподняла ей голову, влила в разжатый рот

несколько капель брэнди и смочила ей лоб и виски снегом.

Прошло несколько минут. Миссис Барнет и Мэдж не решались произнести ни слова в смертельном страхе, как бы жизнь в этом неподвижном теле окончательно не угасла.

Внезапно из груди Калюмах вырвался едва слышимый вздох. Руки ее слабо зашевелились, и, еще не открывая глаз и не видя той, которая спасла ее, она прошептала:

— Госпожа Полина! Госпожа Полина!

Услышав свое имя, путешественница замерла от изумления. Неужели Калюмах по собственному побуждению явилась сюда, на этот блуждающий остров, чтобы разыскать чужестранку, которая была когда-то добра к ней? Но как могла она узнать обо всем и как добралась до острова Виктории, оторванного от всякой земли? Как, наконец, могла она догадаться, что льдина унесла далеко от континента и миссис Барнет и всех остальных обитателей форта Надежды? Все это было и в самом деле непонятно.

— Она жива, она не умрет! — сказала Мэдж, почувствовав под рукой теплоту этого дотоле безжизненного тела.

— Несчастное дитя! — прошептала миссис Барнет, глубоко растроганная. — Почти умирая, она произносила мое имя! Мое имя было на ее устах!

Но вдруг Калюмах приоткрыла глаза; ее взгляд, сперва робкий, испуганный, блуждающий, остановившись на миссис Барнет, внезапно оживился. На мгновение, только на одно мгновение увидела она ее, но этого было достаточно. Юная эскимоска сразу узнала «свою добрую госпожу». Калюмах еще раз повторила имя путешественницы, и рука ее слегка приподнялась и опустилась в ладонь миссис Барнет.

Заботы двух женщин быстро привели Калюмах в чувство. Причиной крайнего ее изнеможения была не только усталость, но и голод. Как потом узнала миссис Барнет, девушка не ела двое суток. Несколько кусочков холодной дичи и глоток брэнди

восстановил ее силы, и не прошло и часа, как она уже шла со своими друзьями к форту Надежды.

Но в этот час, сидя на песке между миссис Барнет и Мэдж, Калюмах сначала излила им свою благодарность и любовь, а затем начала свой рассказ. Нет! Она не забыла чужестранок из форта Надежды, и образ миссис Барнет всегда жил в ее памяти. Нет, не случай забросил ее, полумертвую, на берег острова Виктории!

Вот что в кратких словах поведала Калюмах Полине Барнет.

Читатель помнит, что в первое свое посещение форта Надежды юная эскимоска обещала друзьям вернуться к ним летом.

Прошла долгая полярная ночь, и наступил май. Исполнить данное обещание Калюмах считала своим долгом. Она покинула поселок в Новой Джорджии, где провела зиму, и в сопровождении одного из своих родственников направилась к полуострову Виктории.

Шесть недель спустя, в половине июня, она добралась до пределов Новой Британии, лежащей недалеко от мыса Батерст. Она прекрасно узнала вулканы вокруг залива Ливерпул и, пройдя еще миль двадцать, очутилась у Моржовой бухты, где вместе со своими родными не раз охотилась на тюленей. Но по ту сторону бухты, на севере, было пусто! Берег прямой линией уходил к юго-востоку. Ни мыса Эскимосов, ни мыса Батерст!

Калюмах поняла, что случилось: либо вся эта часть материка, ставшая с некоторых пор островом Викторией, поглощена волнами, либо она блуждает по океану!

Не найдя тех, к кому она так стремилась издалека, Калюмах заплакала.

Между тем ее шурина, эскимоса, эта катастрофа несколько не поразила. Среди кочевых племен Северной Америки существовало весьма распространенное предание, что территория мыса Батерст тысячи веков тому назад не составляла одного целого с материком и что наступит время, когда силами природы она снова отделится от него. Поэтому-то эскимосы и были

так удивлены, увидев, что лейтенант Гобсон основал факторию как раз у подножья мыса Батерст. Но то ли из чрезмерной осторожности, свойственной их племени, то ли из чувства неприязни, которую питает всякий туземец к иноплеменику, завладевшему его землей, эскимосы ничего не сказали лейтенанту Гобсону. К тому же фактория была уже построена. Этого предания, которое ничем не подтверждалось и было всего лишь одной из многочисленных легенд о происхождении полярных стран, Калюмах не знала и потому не предостерегла обитателей форта Надежды об угрожавшей им опасности.

Если бы эскимосы предупредили Джаспера Гобсона, он бы не доверился этой земле, которая к тому же отличалась такими странными свойствами, и стал бы искать для фактории другое, более надежное место.

Когда Калюмах обнаружила исчезновение мыса Батерст, она начала искать своих друзей по ту сторону залива Уошберн, но и там не оказалось никаких следов тех, кого ей так хотелось видеть. Отчаявшись их найти, она вернулась обратно на запад, на рыбные промыслы Русской Америки.

Итак, Калюмах и ее шурин покинули окрестности Моржовой бухты в последних числах июня. Они снова пошли прибрежной дорогой и к концу июля, проделав все это бесполезное путешествие, возвратились в Новую Джорджию.

Калюмах уже не надеялась когда-нибудь увидеть ни миссис Барнет, ни ее товарищей из форта Надежды. Она решила, что все они погибли в пучинах океана.

В этом месте своего рассказа юная эскимоска глазами, полными слез, взглянула на миссис Барнет и нежно пожала ей руку. Потом, шепча молитву, она возблагодарила бога, который спас ее именно этой рукою друга.

Возвратившись домой к своим близким, Калюмах зажила прежней жизнью. Она работала вместе с родными на рыбных промыслах Ледового мыса,

расположенного почти на семидесятой параллели, в шестистах милях от мыса Батерст.

Вся первая половина августа прошла без особых событий. Но в конце месяца разразился свирепый шторм, который так встревожил Джаспера Гобсона. Охватив, казалось, весь Северный Ледовитый океан, буря распространилась даже за пределы Берингова пролива. У Ледового мыса она бушевала так же неистово, как и над островом Викторией. В это время блуждающий остров находился всего лишь в двухстах милях от материка, как это установил на основании своих наблюдений Джаспер Гобсон.

Слушая рассказ Калюмах, миссис Барнет, прекрасно осведомленная о положении острова, сопоставляла в уме все происшедшее, стараясь найти разгадку этих необычайных событий, а главное — объяснить себе появление на острове юной туземки.

Первые дни бури эскимосы Ледового мыса провели, забившись в свои хижины, не имея возможности выйти из дома, а тем более на рыбную ловлю. Однако в ночь с 31 августа на 1 сентября Калюмах решила отправиться на берег. Она шла, не страшась ветра и дождя, бушевавших вокруг, и тревожно вглядывалась в разъяренное море, вздымавшееся во мраке подобно горной цепи.

Вдруг вскоре после полуночи ей показалось, что под напором урагана вдоль берега движется какая-то огромная, бесформенная масса. Ее глаза, зоркие, как у всех туземцев, привыкших к мраку долгих полярных ночей, не могли ее обмануть. Громада плыла в двух милях от берега, но то не был ни кит, ни корабль и, судя по времени года, ни айсберг.

Впрочем, Калюмах даже не размышляла. Ей представилось странное видение. В ее возбужденном мозгу возникли образы друзей. Она снова видела их всех: миссис Барнет, Мэдж, лейтенанта Гобсона и милого ребенка, которого когда-то в форте Надежды она осыпала нежными ласками. Да, это были они, буря уносила их на этой пловучей льдине.

Калюмах ни минуты не сомневалась и не колебалась. Надо было сообщить погибающим то, о чем

они, быть может, и не подозревали: что земля близко. Девушка возвратилась к себе в хижину, взяла факел из просмоленной пакли, какими эскимосы пользуются ночью во время рыбной ловли, зажгла его и, взбежав на вершину Ледового мыса, начала им размахивать.

Этот огонь в ночь на 1 сентября и заметили сквозь густой туман находившиеся на мысе Майкл Джаспер Гобсон и сержант Лонг.

С каким радостным волнением увидела тогда Калюмах ответный сигнал — зажженный Джаспером Гобсоном костер из елей, бросавший свой красноватый отблеск на американский берег, о близости которого лейтенант и не подозревал!

Но вскоре все погасло. После недолгого затишья ураган, который налетал теперь с юго-востока, разразился с новой силой.

Калюмах поняла, что пловучий остров, — «ее добыча», как она мысленно назвала его, — ускользает от нее, что к берегу его не прибьет. Она видела его, этот остров, она понимала, что он исчезает во мраке ночи, вновь уходит в открытое море.

Для юной эскимоски это были ужасные минуты. Она твердила себе, что должна во что бы то ни стало предупредить друзей, и тогда, возможно, у них будет еще время действовать, а каждый упущенный час отдаляет их от материка...

Калюмах не колебалась. Ее каяк, этот утлый челн, в котором она не раз бросала вызов бурям океана, был здесь. Она вскочила в него, столкнула его в море, стянула вокруг пояса своей куртки из тюленьей кожи гибкие края каяка, схватила пагай и устремилась в ночную тьму.

В этом месте рассказа юной Калюмах миссис Барнет нежно прижала к груди отважную девушку. Мэдж, слушая, плакала.

Когда Калюмах бросилась в разъяренные волны, бешеные порывы ветра не только не мешали ей, а скорее помогали, унося в открытое море. Они приближали ее к бесформенной массе, которую она еще смутно различала в темноте.

Валы перекашивались через каяк, но они были бессильны причинить вред нетонувшей лодке, которая, будто соломинка, неслась по гребням волн. Каяк не раз накренился, но Калюмах одним движением весла выпрямляла его.

Наконец, после целого часа борьбы она стала яснее различать очертания острова. Сомнений не было: цель была близка, до острова оставалось всего четверть мили.

Тогда во тьме и раздался ее крик, который услышали лейтенант Гобсон и сержант Лонг.

Но тут течение, для которого лодка была более доступна, чем остров Виктория, с непреодолимой силой стало уносить эскимоску на запад. Тщетно пыталась она устоять против него. Легкий каяк летел, как стрела. Калюмах снова закричала, но она была уже далеко и никто ее не слышал. Когда первый луч солнца озарил бушующее море, земля Новой Джорджии, которую она покинула, и блуждающий остров, к которому она стремилась, лишь смутно вырисовывались на горизонте.

Но юная эскимоска не отчаивалась. Вернуться на материк было теперь уже невозможно. Ее отталкивал от него тот бешеный встречный ветер, который уносил остров и в течение тридцати шести часов увлек его с помощью прибрежного течения на двести миль в открытое море.

Оставалось одно: догонять остров, удерживая каяк в том же течении и в тех же водах, которые неудержимо уносили его вперед!

Но увы! Силы изменили мужественной Калюмах. Бедную девушку вскоре стал мучить голод. Усталая и обессиленная, она уже не могла управлять своим челном.

Девушка боролась еще несколько часов, и ей казалось, что остров уже близко, но оттуда никто ее не видел — в этом необъятном океане она была едва заметной точкой. Она боролась, даже когда ее обессиленные, окровавленные руки уже отказывались ей служить. Она не сдавалась, борась из последних сил, пока

не потеряла сознание и ее легкий каяк не стал игрушкой ветра и волн.

Что было потом? Она не могла бы сказать. Сколько времени блуждала она так по воле волн, как обломок крушения? Она не знала. Она пришла в себя, лишь когда от внезапного толчка ее каяк разлетелся вдребезги.

Холодная вода, в которую погрузилась Калюмах, вернула ее к жизни, и несколько минут спустя волны выбросили ее, почти умирающую, на песчаный берег.

Это произошло накануне ночью перед рассветом, то есть часа в два-три утра.

С момента, когда Калюмах вскочила в каяк, и до того, когда волны поглотили его, прошло почти трое суток.

Она не знала, к какому берегу прибила ее буря. Был ли это материк или остров, куда она рвалась с такой отвагой? Она не знала, но надеялась! Да, она надеялась, что это был остров: ведь ветер и течение должны были отнести ее в открытое море, а не отбросить назад к побережью!

Эта мысль поддерживала ее. Она поднялась и с трудом побрела вдоль берега.

Девушка и не подозревала, что судьба забросила ее в ту часть острова Виктории, которая прежде составляла северный угол Моржовой бухты. Но теперь она не узнала побережья, разрушенного волнами и изменившего после разрыва перешейка свои очертания.

Калюмах шла, затем, изнемогая, останавливалась и, собрав последние силы, снова двигалась дальше. А дорога, словно наперекор ей, удлинялась. На каждой миле ей приходилось огибать берег в тех местах, которыми уже завладело море. Так, едва передвигая ноги, падая и опять поднимаясь, достигла она березовой рощицы, где в то утро отдыхали миссис Барнет и Мэдж. Читатель помнит, что, направляясь к мысу Эскимосов, недалеко от этого места обе женщины увидели на снегу следы ее шагов. Немного дальше бедная Калюмах упала в последний раз и,

изнуренная усталостью и голодом, продвигалась уже только ползком.

Но в сердце юной туземки вернулась надежда — в нескольких шагах от берега она, наконец, узнала мыс Эскимосов, у основания которого ее родичи и она останавливались лагерем год назад. Она знала, что до фактории оставалось не более восьми миль и надо было идти дорогой, по которой она не раз ходила, навещая своих друзей из форта Надежды.

Да! Эта мысль сперва поддерживала ее. Но, достигнув берега, она, совсем обессилив, упала на снег и вновь потеряла сознание. Если б не миссис Барнет, она бы погибла!

— Но, — добавила Калюмах, — дорогая моя госпожа, я знала, что вы придете мне на помощь и бог спасет меня вашими руками!

Остальное уже известно! Известно, что какой-то внутренний голос подсказал миссис Барнет и Мэдж обследовать в тот день эту часть побережья и какое-то предчувствие заставило их после остановки в березовой рощице не сразу возвратиться в факторию, а пройти к мысу Эскимосов. Известно также, как оторвалась льдина и как повел себя при этом медведь.

В заключение миссис Барнет добавила, улыбаясь:

— Не я тебя спасла, дитя мое, тебя спас этот благовоспитанный зверь! Без него ты погибла бы, и если он когда-нибудь к нам вернется, мы отнесем к нему как к твоему спасителю.

Во время этого рассказа силы Калюмах, которую заботливо накормили и приласкали, постепенно восстановились и миссис Барнет предложила ей не мешкая отправиться в форт, где их отсутствие могло вызвать беспокойство. Юная эскимоска тут же поднялась, готовая продолжать путь.

Миссис Барнет в самом деле спешила сообщить Джасперу Гобсону о событиях этого утра, а также о том, что произошло в ночь, когда бушевал шторм и блуждающий остров приблизился к американскому берегу.

Но прежде всего она просила Калюмах сохранить в полной тайне все эти события и все то, что касалось положения острова. Ее появление на острове должно будет рассматриваться как исполнение данного друзьям обещания вернуться к ним с наступлением теплых дней, и все решат, конечно, что она пришла со стороны побережья. Это обстоятельство может даже укрепить обитателей фактории в мысли, что в окрестностях мыса Батерст не произошло никаких изменений, и рассеять все подозрения по этому поводу, если они у кого-нибудь и возникли.

В три часа дня миссис Барнет, юная туземка, опиравшаяся на ее руку, и верная Мэдж повернули на восток, и не было еще пяти часов, когда все трое уже подходили к воротам форта Надежды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Камчатское течение

Легко себе представить, как встретили обитатели форта юную Калюмах! С ее появлением как бы восстанавливалась прерванная с остальным миром связь. Жены солдат осыпали ее ласками. А она прежде всего бросилась к ребенку и стала нежно его целовать.

Эскимоска была искренно тронута гостеприимством своих друзей-европейцев. И в самом деле, все были ей рады, как никому другому, и с восторгом приняли известие, что она проведет в фактории всю зиму: наступление холодов якобы лишало ее возможности вернуться в свой поселок в Новой Джорджии.

Но если обитатели форта были приятно удивлены появлением эскимоски, то что должен был подумать Джаспер Гобсон при виде Калюмах под руку с миссис Барнет? Он не верил своим глазам. В его мозгу с быстротой молнии промелькнула мысль, что вопреки данным ежедневных измерений остров Виктория в каком-то пункте незаметно соединился с материком.

Миссис Барнет прочла во взгляде лейтенанта это неправдоподобное предположение и отрицательно покачала головой.

Джаспер Гобсон понял, что ничего не изменилось, и стал ждать, когда миссис Барнет объяснит ему неожиданное появление Калюмах.

Несколько минут спустя Джаспер Гобсон и путешественница уже прогуливались у подножья мыса Батерст, и лейтенант жадно слушал ее рассказ о приключениях Калюмах.

Итак, все предположения лейтенанта Гобсона оправдались! Во время бури северо-восточный ветер вырвал блуждающий остров из течения! В ужасную ночь с 31 августа на 1 сентября льдина была на расстоянии всего лишь мили от американского континента! Огонь, который Джаспер Гобсон увидел, не был огнем с корабля, а крик, долетевший до его слуха, не был воплем потерпевшего кораблекрушение! Земля была совсем близко, она была рядом, и, если бы ветер продолжался в этом направлении еще какой-нибудь час, остров прибило бы к берегам Русской Америки!

Но тут произошла роковая, гибельная для судьбы острова перемена. Ветер подул с юга и, оттолкнув остров от берега, снова вынес его в открытое море! Мощное течение опять подхватило его в свои воды, и с этой минуты, подгоняемый порывами юго-восточного ветра, он с невероятной скоростью, которую ничто не могло уменьшить, доплыл до опасного места между двумя противоположными течениями, из которых каждое могло погубить остров вместе со всеми его несчастными обитателями!

В сотый раз лейтенант и миссис Барнет обсуждали случившееся. Наконец, Джаспер Гобсон спросил, насколько велики разрушения между мысом Батерст и Моржовой бухтой.

Миссис Барнет ответила, что в некоторых местах уровень побережья как будто понизился и волны заходят туда, куда прежде не проникали. Потом она рассказала о том, что произошло у мыса Эскимосов и как большая льдина откололась здесь от острова.

Действительно, положение было чрезвычайно опасным. Ледяная основа острова, омываемая снизу сравнительно теплыми водами, постепенно таяла. То, что произошло с мысом Эскимосов, могло каждую минуту случиться и с мысом Батерст. Постройки фактории в любой час дня и ночи грозили рухнуть на дно океана, и единственной надеждой на спасение была зима, зима с ее лютыми морозами. Но она все еще не наступала.

На следующий день, 4 сентября, новое наблюдение лейтенанта Гобсона показало, что положение острова по сравнению с предыдущим днем мало изменилось. Он попрежнему оставался неподвижным между двумя противоположными течениями, и в тех условиях это было в сущности наиболее благоприятным обстоятельством.

— Пусть только холода застанут нас здесь, пусть ледовые заторы остановят движение острова, а море вокруг замерзнет, — сказал Джаспер Гобсон, — и я буду считать наше спасение обеспеченным. Сейчас до берега меньше двухсот миль; решившись пройти это расстояние по крепкому ледяному полю, мы сможем добраться до Русской Америки или до берегов Азии. Но нам нужна зима, зима — во что бы то ни стало и как можно скорее!

Между тем, по приказанию лейтенанта, заканчивались последние приготовления к зимовке. Заготавливались все необходимые корма для домашних животных на время долгой полярной ночи. Собаки были здоровы и жирели от безделья, но они заслуживали хорошего ухода: ведь бедным животным предстоял немалый труд, когда обитатели форта Надежды покинут остров и пойдут по льду, направляясь к материку. Надо было поэтому сохранить собак сильными, и для них не жалели мяса, главным образом мяса оленей, которых удавалось подстрелить в окрестностях фактории.

Домашние олени тоже чувствовали себя превосходно. Для них были устроены удобные стойла и в сараях форта запасено много мха. Олени самки давали хорошие удои, и миссис Джолиф все время употребляла молоко для приготовления пищи.

Капрал и его жена снова занялись огородом, который дал летом такой обильный урожай. Они еще до снега подготовили землю для посадки щавеля, ложечника и лабрадорского чая. В этих ценных противоцинготных средствах колония не должна была терпеть недостатка.

Что касается дров, то сараи были наполнены ими до самой кровли. Если бы наступила даже самая суровая, морозная зима, когда ртуть замерзает в чашечке термометра, и то зимовщикам не пришлось бы, как в прошлые холода, жечь обстановку дома. Мак-Нап и его подручные приняли в этом отношении свои меры, и лес, оставшийся от постройки судна, значительно пополнил запасы топлива.

К этому времени охотники поймали немало пушных зверей, уже одевшихся в свой зимний мех. То были куницы, норки, голубые песцы, горностаи. Лейтенант разрешил Марбру и Сэбину поставить несколько ловушек недалеко от ограды форта. Он не считал возможным отказать им в этом, опасаясь, как бы они чего-нибудь не заподозрили, ибо веского довода к тому, чтобы прекращать снабжение фактории мехами, у него не было. Между тем он знал, что это совершенно бесполезный труд, и уничтожение ценных и безобидных зверьков никому не принесет пользы. Впрочем, их мясом кормили собак, экономя таким образом оленину.

Словом, подготовка к зиме шла полным ходом, как будто форт находился на самом надежном месте; солдаты работали с усердием, какого бы они, быть может, и не проявляли, если бы им было известно истинное положение фактории.

Самые тщательные наблюдения не показали в следующие дни каких-либо существенных изменений в местонахождении острова. Видя, что их пловучий дом стоит неподвижно, Джаспер Гобсон воспрянул духом. Если в неорганической природе еще не замечалось признаков зимы и температура держалась в среднем на сорока девяти градусах по Фаренгейту (9° выше нуля по Цельсию), то все же наблюдались другие приметы приближения холодов: на юг, в поисках более теплых стран, улетело несколько лебедей, да и другие

птицы, которых не пугали длительные перелеты над морем, постепенно покидали берега острова. Они знали, что материки Америки или Азии, с их менее суровым климатом, более гостеприимной землей и со всякого рода жизненными ресурсами, расположены недалеко, а крылья у них достаточно сильны, чтобы перенести их туда. Несколько таких птиц было поймано, и, по совету миссис Барнет, лейтенант прикрепил каждой из них на шею лоскуток прорезиненного холста, на котором обозначил местоположение острова и имена его обитателей. Затем птиц выпустили и не без зависти следили, как они улетали на юг.

Само собой разумеется, все это было сделано им в тайне, в присутствии лишь миссис Барнет, Мэдж, Калюмах и сержанта Лонга.

Что касается заключенных на острове четвероногих, то они не могли провести зиму, как всегда, в более теплых краях, где у них были уже обжитые места. В это время года, в первых числах сентября, олени, полярные зайцы и даже волки обычно уже покидали окрестности мыса Батерст и укрывались где-нибудь около Большого Медвежьего или Невольничьего озер, то есть гораздо южнее Полярного круга. Но на сей раз море преградило им путь, и, чтобы отправиться на поиски более подходящих мест, надо было ждать, пока оно замерзнет. Конечно, инстинкт подсказывал им необходимость переселиться на юг, что они и попытались сделать, но, не имея возможности уйти дальше берега, они вновь, повинаясь инстинкту, возвратились обратно в окрестности форта Надежды, ближе к людям, таким же пленникам, как и они, ближе к охотникам, которые когда-то были их злейшими врагами.

Наблюдения 5, 6, 7, 8 и 9 сентября не установили никаких изменений в положении острова Виктории. Он стоял неподвижно в обширном водном пространстве, между двумя течениями. Если бы это *status quo*¹ сохранилось в продолжение двух, самое большее — трех недель, лейтенант готов был бы поверить в спасение.

¹ Неизменное положение вещей (лат.).

Но неудачам еще не наскучило преследовать остров, и обитателей форта Надежды ожидали новые жестокие, можно сказать, нечеловеческие испытания!

Действительно, 10 сентября измерения показали, что остров Виктория переместился. Этот пока еще медленный дрейф происходил в северном направлении.

Джаспер Гобсон был сражен! Значит, Камчатское течение окончательно захватило остров в свои воды! Он уплывал в сторону той неизвестной части Северного Ледовитого океана, где образуются ледовые заторы! Он уходил в его пустынные просторы, недоступные человеку, в те области, откуда не возвращаются.

От тех, кто знал тайну положения фактории, лейтенант Гобсон не скрыл этой новой опасности. И миссис Барнет, и Мэдж, и Калюмах, и, уж конечно, сержант Лонг мужественно и безропотно встретили этот новый удар.

— Быть может, остров еще и остановится! — сказала миссис Барнет. — Быть может, он будет двигаться медленно! Не надо терять надежды... подождем! Зима не за горами, и мы идем ей навстречу. Во всяком случае, да свершится воля божья!

— Друзья мои, не считаете ли вы, — спросил лейтенант Гобсон, — что мне следует предупредить наших товарищей? Вы видите, в каком мы положении и что с нами может случиться! Не беру ли я на себя слишком большой ответственности, скрывая от них угрожающую нам опасность?

— Я бы еще подождала, — не колеблясь, ответила путешественница. — Не надо повергать в отчаяние наших товарищей, пока мы еще не исчерпали всех возможностей.

— И я так думаю, — сказал сержант Лонг.

Джаспер Гобсон в сущности придерживался того же мнения и был счастлив, что друзья поддержали его.

Одиннадцатого и двенадцатого сентября перемещение острова на север обнаружилось еще явственнее. Остров Виктория двигался со скоростью от двенадцати

до тринадцати миль в день. Тем самым он удалялся на двенадцать — тринадцать миль от берегов всякой земли, поднимаясь к северу, то есть следуя резко выраженному изгибу, который образует Камчатское течение на этой высокой широте. Вскоре остров должен был перейти ту самую семидесятую параллель, что пересекла когда-то крайнюю точку мыса Батерст и за пределами которой в этой части Арктики уже не было ни материка, ни другой земли.

Каждый день лейтенант Гобсон отмечал на своей карте новое местоположение блуждающего острова и видел, навстречу каким опасностям он несется. Единственной надеждой было то, что остров, как выразилась миссис Барнет, «шел навстречу зиме». Двигаясь на север, он вместе с холодами встретил бы там и плавающий лед, который постепенно увеличил бы и укрепил его основу. Но если обитатели форта Надежды и могли бы тогда надеяться, что остров не рухнет в океан, то какой бесконечный, быть может, непроходимый путь предстояло им совершить, чтобы вернуться из этих глубин полярного края! О, если бы только судно, пусть даже несовершенное, было уже готово, лейтенант Гобсон не побоялся бы пуститься на нем в море со всеми обитателями фактории! Но плотник должен был особенно тщательно строить судно, которому, возможно, пришлось бы доверить жизнь двадцати человек, да еще в столь опасных водах, и, несмотря на все старания Мак-Напа, бот не был, да и не мог быть скоро готов.

Шестнадцатого сентября остров Виктория был на семьдесят пять — восемьдесят миль севернее того пункта, где он прежде неподвижно удерживался несколько дней между двумя течениями — Камчатским и Беринговым. Теперь признаки приближения зимы стали более заметными. Снег шел уже чаще и иногда падал плотными хлопьями. Ртуть в термометре постепенно понижалась. Днем средняя температура достигала еще сорока четырех градусов по Фаренгейту (6,7° тепла по Цельсию), но ночью падала до тридцати двух градусов (0° по Цельсию). Солнце описывало

над горизонтом чрезвычайно удлиненную кривую. В полдень оно поднималось всего на несколько градусов над горизонтом и ежедневно исчезало уже на одиннадцать часов из двадцати четырех.

Наконец, в ночь с 16 на 17 сентября на море показались первые признаки льда. То были отдельные небольшие кристаллики, похожие на снег и казавшиеся пятнами на прозрачной поверхности воды. Этот снег, как уже было установлено наблюдениями известного мореплавателя Скорсби, заметно успокаивал зыбь, так же как масло, которое льют моряки, чтоб успокоить волнение океана. Лыдинки эти имели тенденцию плотно соединяться и, несомненно, соединились бы в спокойной воде, но как только они образовывали сколько-нибудь значительную поверхность, волны дробили и разгоняли их.

Джаспер Гобсон чрезвычайно внимательно следил за появлением этого первого льда. Он знал, что за сутки ледяная кора, уплотняясь снизу, может достигнуть толщины от двух до трех дюймов, а этой толщины уже достаточно, чтоб выдержать вес человека. Поэтому он рассчитывал, что остров Виктория скоро будет остановлен в своем движении на север.

Но пока день продолжал еще уничтожать работу ночи; и если с наступлением темноты движение острова задерживалось отдельными, более устойчивыми льдинами, то с восходом солнца они, растаяв или расколовшись, уже не замедляли его быстрого благодаря сильному течению дрейфа.

Таким образом, остров уходил все дальше на север, и этого движения ничем нельзя было остановить.

Начиная с 21 сентября, дня равноденствия, продолжительность ночи стала постепенно увеличиваться за счет дня. Зима наступала со всей очевидностью, но медленно, и не казалась суровой. К этому времени остров Виктория уже почти на целый градус перешел за семидесятую параллель, и тут в первый раз обнаружилось, что он начал вращаться вокруг своей оси; Джаспер Гобсон определил, что размер этого смещения равен четверти его окружности.

Легко себе представить, как был озабочен лейтенант Гобсон. Природа грозила открыть даже самым непроницательным тайну, которую он доколе так тщательно скрывал. Действительно, в результате этого вращательного движения изменилось положение острова относительно стран света. Мыс Батерст теперь был обращен уже не на север, а на восток. Солнце, луна и звезды всходили и заходили в другой части горизонта, и казалось невероятным, чтобы столь наблюдательные люди, как Мак-Нап, Рэй, Марбр и другие, не заметили этой явной перемены, которая должна была им все открыть.

Но, к великому изумлению Джаспера Гобсона, эти честные солдаты как будто ничего не замечали. Правда, перемещение острова относительно стран света было незначительно, и за дымкой тумана, часто заволакивавшей небо, нельзя было точно проследить за восходом и закатом светил.

Между тем это вращательное движение как будто совпало с заметным ускорением поступательного движения. Начиная с этого дня остров Виктория дрейфовал со скоростью около одной мили в час. Продолжая двигаться к более северным широтам, он удалялся от всякой земли. Джаспер Гобсон старался не падать духом, впрочем малодушие вообще было ему несвойственно, но он понимал, что гибель приближается, и молил о наступлении зимы, вернее морозов, во что бы то ни стало.

Наконец, температура еще понизилась. Густой снег шел весь день 23 и 24 сентября, покрывая поверхность льдин, уже скованных холодом, и увеличивая их плотность. Постепенно образовалось необозримое ледяное поле. Своим движением остров еще дробил его, но сопротивление льдов возрастало с каждым часом. Море замерзало вокруг, всюду — насколько хватал взор.

И вот, наконец, наблюдение 27 сентября показало, что затертый огромным ледяным полем остров Виктория второй день был недвижим. Он стоял неподвижно на $177^{\circ}22'$ долготы и $77^{\circ}57'$ широты, более чем в шести-стах милях от ближайшего материка!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сообщение Джаспера Гобсона

Вот как обстояли дела. Остров, по выражению сержанта Лонга, «бросил якорь». Он остановился, он был недвижим, как в те времена, когда перешеек еще соединял его с американским континентом. Но теперь от обитаемой земли его отделяло расстояние в шестьсот миль, и эти шестьсот миль предстояло проделать в санях по замерзшей поверхности океана, среди нагроможденных холодом ледяных гор, и притом в самые суровые месяцы полярной зимы.

О таком отчаянном плане страшно было и подумать, но иного выхода не было. Зима, которую так страстно призывал лейтенант Гобсон, наконец наступила. Она остановила роковое движение острова на север и должна была перебросить между ним и ближайшим материком мост протяженностью в шестьсот миль. Необходимо было воспользоваться этим новым обстоятельством и переправить на родину обитателей фактории, затерянной в глубинах Арктики.

Действительно, — и лейтенант Гобсон говорил об этом своим друзьям, — нельзя было, дождавшись весеннего движения льдов, вновь отдаться во власть течений Берингова моря. Следовало только выждать, пока океан достаточно замерзнет, то есть еще три-четыре недели. За это время лейтенант Гобсон рассчитывал еще раз подробно обследовать окружающее остров ледяное поле, чтобы установить, насколько оно прочно и возможно ли по нему передвижение в санях. Кроме того, надо было решить, куда лучше направиться — к побережью Азии или к американскому континенту.

— Разумеется, — добавил Джаспер Гобсон, обсуждая этот план с миссис Барнет и сержантом Лонгом, — мы предпочтем Новую Джорджию побережью Азии и при равных шансах направимся к Русской Америке.

— И тогда Калюмах будет нам весьма полезна, — заметила миссис Барнет, — ведь как туземка она прекрасно знает земли Новой Джорджии.

— Да, действительно, она будет весьма полезна, — сказал лейтенант Гобсон, — ее послала нам сама судьба. С ее помощью мы легко доберемся до факторий форта Майкл в заливе Нортон или даже еще южнее — до города Ново-Архангельска — и остановимся там на всю зиму.

— Бедный форт Надежды, — проговорила миссис Барнет. — Какого труда вам стоило его создать и как удачно вы его построили, мистер Гобсон! Мне будет тяжело покинуть его на этом острове, среди ледяных полей, бросить его, быть может, за непроходимыми заторами. Когда нам придется уезжать и прощаться с ним, сердце мое будет буквально разрываться от горя!

— Я буду страдать не меньше, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — а может быть, и больше! Основание форта Надежды было главным делом моей жизни. В создание этой фактории с таким неудачным названием я вложил все свои способности, всю свою энергию и никогда не утешусь, если мне придется его покинуть! Да и что скажет компания, возложившая на меня, своего скромного агента, столь почетную миссию?

— Она скажет, мистер Гобсон, — взволнованно воскликнула миссис Барнет, — что вы честно исполнили свой долг! Не можете же вы нести ответственность за капризы природы, всегда и везде более могущественной, чем руки и ум человека! Она поймет, что вы не в силах были предвидеть то, что случилось, то, что лежит вне предвидения человеческого! Она узнает, что благодаря вашему благоразумию и присутствию духа ей не придется оплакивать утрату ни одного из доверенных вам людей.

— Благодарю вас, сударыня, — ответил лейтенант, пожимая руку путешественнице, — благодарю за слова, подсказанные вашим сердцем, но я немного знаю людей, и уж поверьте, что преуспеть — лучше, чем потерпеть неудачу. Но да будет воля божья!

Желая отвлечь лейтенанта от невеселых мыслей, сержант Лонг перевел разговор на вопросы, требовавшие скорого решения, — на предстоящие приготовления к отъезду, а затем спросил, не собирается ли

лейтенант сообщить, наконец, солдатам о действительном положении острова Виктории.

— Подождем еще, — ответил Джаспер Гобсон. — Наше молчание до сих пор избавляло наших бедных товарищей от лишних тревог. Подождем же, пока день нашего отъезда будет окончательно установлен, и тогда откроем им всю правду.

Так и решили, и еще несколько недель работы в фактории шли обычным порядком.

Припомним, в каких условиях жили обитатели форта Надежды год назад, когда они были еще счастливы и все вокруг их радовало.

Год назад первые признаки наступления зимы были те же, что и в описываемое время. На побережье постепенно образовался первый лед. Озеро с более спокойными водами, чем воды океана, замерзло раньше. Днем температура держалась на одном-двух градусах выше точки замерзания, а ночью понижалась до трех-четырех градусов ниже ее. По приказанию лейтенанта Гобсона люди стали одеваться по-зимнему — в меха и шерстяное белье. В доме установили конденсаторы и приступили к чистке воздушного резервуара и насосов для вентиляции помещения. Вокруг ограды у мыса Батерст поставили западни, и Сэбин и Марбр не могли нарадоваться своим охотничьим удачам. Наконец, заканчивались последние работы по благоустройству главного дома.

И теперь — год спустя — работы велись точно так же. Хотя форт Надежды и переместился больше чем на два градуса севернее того места, где он находился в начале прошлой зимы, эта разница не должна была вызвать значительного изменения среднемесячных температур. Действительно, расстояние между семидесятой и семьдесят второй параллелью не настолько велико, чтобы заметно влиять на среднемесячную температуру. И скорее даже казалось, что теперь холод был менее ощутим, чем год назад. Возможно, конечно, что зимовщики уже приспособились к этому суровому климату и легче переносили стужу.

Впрочем, начало зимы действительно было менее холодным, чем обычно. Погода стояла сырая и пасмур-

ная, насыщавшие воздух туманы ежедневно разрешались то дождем, то снегом. Жестокого мороза, который был так нужен лейтенанту Гобсону, не было.

Что касается океана, то он замерз вокруг острова, но неравномерно и не сразу. Большие черные пятна, рассеянные на поверхности молодого льда, указывали на то, что льдины еще плохо скованы между собой. Почти непрерывно слышался громкий треск, — это разрывался какой-нибудь пласт льда, состоявший из бесчисленного множества неплотно спаянных частей, верхние грани которых размывались дождем. Еще не чувствовалось того мощного сжатия льдин, которое наблюдается обычно, когда под влиянием резкого холода они быстро образуются и нагромождаются одна на другую. Айсберги и даже торосы были редки, а ледовые заторы еще и вовсе не появлялись на горизонте.

— Ну и зима! — часто повторял сержант Лонг. — Специально для исследователей северо-западного пути и открывателей Северного полюса! Но для наших планов возвращения домой она совсем не годится.

Так продолжалось весь октябрь. Джаспер Гобсон отметил, что средняя температура была не ниже тридцати двух градусов по Фаренгейту (0° по Цельсию). Между тем море, как известно, замерзает при температуре не выше семи-восьми градусов мороза, причем такая температура должна продержаться несколько дней.

То, что ледяное поле было до сих пор совершенно непригодным для передвижения, подтверждалось еще одним обстоятельством, не ускользнувшим от внимания миссис Барнет и Джаспера Гобсона.

Олени, волки и различные пушные звери, оказавшиеся на острове, несомненно ушли бы в более южные широты, если бы это было возможно, то есть если бы море замерзло и могло послужить им надежным путем. Между тем вокруг фактории скопилось множество животных, стремившихся быть поближе к людям. Даже волки подходили на ружейный выстрел к ограде форта и пожирали там куниц и полярных зайцев — свою единственную пищу. Лишившись мха и травы, голодные олени собирались целыми стаями у мыса Батерст.

Медведь, без сомнения тот самый, у которого миссис Барнет и Калюмах считали себя в долгу, тоже часто появлялся в лесу на берегу озера. И то, что все эти звери, особенно жвачные животные, которым нужна исключительно растительная пища, несмотря на октябрь месяц, еще оставались на острове, — означало, что они не могли и не могут никуда уйти.

Читателю уже известно, что температура в среднем держалась на точке таяния льда. Заглянув в свой дневник, Джаспер Гобсон увидел, что в предыдущую зиму в том же октябре месяце термометр показывал двадцать градусов ниже нуля по Фаренгейту (29° ниже точки замерзания по Цельсию). Разница была большая, и по ней можно судить о том, насколько причудливы колебания температуры в полярных областях!

Таким образом, зимовщики пока несколько не страдали от холода, и им не приходилось прятаться по домам. Но было очень сыро, часто шел дождь, перемежавшийся со снегом, и понижение барометра указывало на то, что воздух насыщен испарениями.

В течение октября Джаспер Гобсон и сержант Лонг предприняли несколько экскурсий, чтобы обследовать состояние ледяного поля вокруг острова. Однажды они отправились к мысу Майкл, в другой раз — к месту, где прежде находилась Моржовая бухта; они горели нетерпением узнать, можно ли попытаться достичь какого-либо континента — американского или азиатского, — можно ли уже назначать день отъезда?

Поверхность ледяного поля была покрыта полыньями и местами рассечена трещинами, неминуемо остановившими бы движение саней. Трудно было допустить, чтобы кому-нибудь даже пешком удалось пройти по этой пустыне, где было почти столько же воды, сколько льда. Несильный и неустойчивый холод, постоянное изменение температуры воздуха привели к тому, что лед был еще недостаточно прочным; это подтверждалось и тем, что его поверхность была усеяна множеством острых выступов, кристаллов, призм, всевозможных многогранников, торчавших, словно наросты сталагмитов. Ледяное поле было похоже скорее на глетчер, и передвижение по нему было

бы невыносимо тяжелым, если бы даже оно и оказалось возможным.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг спустились на лед и с громадным трудом, затратив много времени, прошли одну или две мили в южном направлении. Убедившись, что необходимо еще подождать, они вернулись в форт Надежды крайне удрученными.

Наступили первые дни ноября. Температура понизилась, но незначительно — всего на несколько градусов. Этого было недостаточно. Густые, влажные туманы окутывали остров Викторю. В комнатах приходилось весь день жечь лампы, тогда как следовало экономить освещение. Действительно, запас масла был весьма ограничен: ведь отряд капитана Крэвенти так и не доставил его в факторию; вместе с тем охота на моржей прекратилась, ибо эти животные на блуждающем острове больше не появлялись. Если бы зимовка продлилась в этих условиях, обитателям форта Надежды, чтобы обеспечить себя хотя бы каким-нибудь светом, пришлось бы употреблять животный жир или даже древесную смолу. Дни, как это бывает на севере в это время года, стали совсем короткими, и солнце, которое являло взору лишь бледный диск, не дававший ни тепла, ни света, появлялось над горизонтом всего на несколько часов. Да! То была настоящая зима, с туманами, дождями, снегом, — но без морозов!

День 11 ноября в форте Надежды оказался праздником — об этом свидетельствовали добавочные блюда, которые миссис Джолиф подала к обеду. И в самом деле, то был день рождения маленького Майкла Мак-Напа — ему исполнился ровно год. Ребенок был здоров, а светлые выющиеся волосы и голубые глаза придавали ему необыкновенное очарование. Он был похож на своего отца, старшего плотника, и этот достойный человек весьма гордился таким сходством. За десертом малыша торжественно взвесили. Надо было видеть, как он вертелся на весах! А как кричал! Весил он — без всякого преувеличения — тридцать четыре фунта! Этот внушительный вес произвел огромное впечатление: ребенка приветствовали многократным

«ура», и все поздравляли милейшую миссис Мак-Нап как превосходную кормилицу и мать. Неизвестно почему именно, но капрал Джолиф отнес значительную часть поздравлений на свой счет: вероятно, в качестве заботливого наставника и дядьки ребенка. Достойный капрал столько носил на руках, ласкал и баюкал малыша, что видел и свою заслугу в том, что Майкл рос таким крепким и упитанным.

На следующий день, 12 ноября, солнце совсем не появилось над горизонтом. Начиналась долгая полярная ночь, причем на девять дней раньше, чем в прошлую зиму на американском континенте, — это объяснялось разницей между широтами материка и острова Виктории.

Однако исчезновение солнца несколько не повлияло на состояние атмосферы. Температура оставалась все такой же капризной и изменчивой: один день ртуть в термометре падала, на другой — опять поднималась. Шел то дождь, то снег. Ветер был теплый и влажный и не имел определенного направления, проходя в один и тот же день через все румбы компаса. Между тем постоянная сырость этого края становилась опасной, ибо могла вызвать среди зимовщиков заболевание цынгой. Известно, что запасы фактории не были пополнены, как это было предусмотрено, и уже начал ощущаться недостаток в лимонном соке и в известковых лепешках. По счастью, собрали обильный урожай щавеля и ложечника, и по совету лейтенанта Гобсона их ежедневно употребляли как приправу к пище.

Итак, необходимо было любой ценой покинуть остров Викторию. При таком состоянии ледяного поля на переход до ближайшего континента понадобилось бы, вероятно, не меньше трех месяцев. Если бы зимовщики отважились двинуться по замерзшей поверхности океана, им угрожала бы опасность быть застигнутыми весенним передвижением льдов, прежде чем они ступят на твердую землю. Вот почему если уж трогаться с места, то надо было пускаться в путь не позднее конца ноября.

Относительно самого отъезда не было никаких сомнений. Но если в суровую зиму, которая прочно скрепила бы все части ледяного поля, путешествие само по себе было бы достаточно тяжелым, то в эту неустойчивую погоду оно становилось крайне опасным.

Тринадцатого ноября Джаспер Гобсон, миссис Барнет и сержант Лонг собрались вместе, чтобы назначить день отъезда. Сержант был того мнения, что остров следует покинуть как можно скорее.

— Мы должны, — сказал он, — предусмотреть все задержки, возможные при переходе в шестьсот миль. Надо достичь материка до наступления марта, иначе с началом движения льдов мы рискуем очутиться в еще худшем положении, чем на нашем острове.

— Но, — заметила миссис Барнет, — вопрос в том, везде ли океан замерз одинаково прочно и можно ли будет пройти.

— Конечно, замерз, — ответил сержант Лонг, — и с каждым днем лед становится плотнее. Да и барометр понемногу поднимается. А это признак понижения температуры. К тому времени, когда мы закончим приготовления, — а это займет не меньше недели, — я думаю, зима решительно повернет на мороз.

— Так или иначе, — заметил лейтенант Гобсон, — но начало зимы плохое, и, по правде говоря, все оборачивается против нас. В этой части океана не раз наблюдались странные зимы, когда китобойным судам удавалось заходить в такие широты, где в другие годы даже летом не оказалось бы свободной воды под килем. Но как бы то ни было, я согласен, что нельзя терять ни одного дня. Жаль только, что обычные для этих краев морозы не пришли нам на помощь.

— Они еще придут! — успокоила его миссис Барнет. — Во всяком случае, надо быть готовыми использовать благоприятные обстоятельства. На какое время предполагаете вы назначить отъезд, мистер Гобсон?

— Самый крайний срок — конец ноября, — ответил лейтенант, — но если через неделю, то есть к

двадцатому числу этого месяца, мы закончим наши приготовления и путь по льду станет доступным, я буду считать это благоприятным обстоятельством, и мы двинемся в дорогу.

— Да, — подтвердил сержант Лонг. — Мы должны готовиться, не теряя ни минуты.

— В таком случае, мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — откроете ли вы нашим товарищам положение, в каком мы оказались?

— Да, сударыня. Настало время говорить, ибо уже время действовать.

— Когда вы рассчитываете сообщить им все?

— Немедленно! Сержант Лонг, — добавил Джаспер Гобсон, обращаясь к сержанту, который тотчас же стал навьютку, — соберите ваших людей в большой зале, чтобы выслушать мое сообщение.

Сержант Лонг круто повернулся на каблуках, отдал честь и вышел размеренным шагом.

В продолжение нескольких минут миссис Барнет и лейтенант Гобсон оставались одни, не проронив ни слова.

Сержант вскоре возвратился и доложил Джасперу Гобсону, что его приказание выполнено.

Вслед за тем лейтенант и миссис Барнет прошли в большую залу, освещенную тусклым светом ламп, где застали в сборе всех обитателей фактории — мужчин и женщин.

Лейтенант Гобсон подошел к своим товарищам и торжественно произнес:

— Друзья мои, чтобы избавить вас от лишних волнений, я считал своим долгом до сих пор скрывать от вас положение, в котором находится наша фактория... Землетрясение оторвало нас от материка... Мыс Батерст отделился от американского побережья... Наш полуостров теперь не что иное, как льдина, блуждающий остров...

Тогда Марбр выступил вперед, подошел к Джасперу Гобсону и спокойно сказал:

— Мы это знали, лейтенант!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Попытка спасения

Итак, эти мужественные люди все знали! Но, чтобы не причинять лишних огорчений своему командиру, они делали вид, что им ничего не известно, и готовились к зимовке с прежним усердием.

Слезы умиления выступили на глазах Джаспера Гобсона. Он не пытался скрыть свое волнение и сердечно пожал руку, протянутую ему охотником Марбром.

Да, эти честные солдаты все знали, так как Марбр давно уже обо всем догадался! Западня, вдруг напавшая на соленую воду; тщетное ожидание отряда из форта Релайанс; ненужные на континенте ежедневные определения широты и долготы и предосторожности, принимавшиеся лейтенантом Гобсоном, чтобы никто этого не заметил; животные, оставшиеся вокруг фактории в зимнее время года, и, наконец, замеченная в последние дни перемена положения мыса Батерст относительно стран света — все это натолкнуло обитателей форта Надежды на мысль о случившемся. Единственное, что им казалось необъяснимым, — это появление Калюмах, но они решили, — и это отчасти соответствовало действительности, — что во время бури волны по счастливой случайности выбросили ее на берег острова.

Марбр, убедившись прежде других в правильности своих догадок, поделился ими с плотником Мак-Напом и кузнецом Рэем. Спокойно обсудив создавшееся положение, все трое сошлись на том, что им следует предупредить не только товарищей, но и своих жен. Однако они решили скрыть от лейтенанта, что им все известно, и, как прежде, беспрекословно ему подчиняться.

— Вы мужественные люди, друзья мои, — сказала, выслушав Марбра, миссис Барнет, глубоко растроганная деликатностью этих людей, — вы честные и храбрые солдаты!

— И наш лейтенант, — ответил Мак-Нап, — может на нас положиться. Он выполнил свой долг, мы выполним наш.

— Да, дорогие друзья, — сказал Джаспер Гобсон, — бог не оставит нас, и мы поможем ему нас спасти!

Затем лейтенант подробно рассказал обо всем, что произошло с тех пор, как во время землетрясения перешеек раскололся и часть материка, расположенная у мыса Батерст, превратилась в остров. Весной море освободилось ото льда, и вновь образовавшийся остров был унесен неизвестным течением за двести миль от континента; затем шторм опять пригнал его к берегу, и он был уже близок к земле, но ночью 31 августа ураган снова отбросил его; лейтенант Гобсон закончил свой рассказ тем, как бесстрашная Калюмах, рискуя жизнью, пыталась спасти своих друзей-европейцев. Он описал изменения, которые произошли на острове, постепенно разрушавшемся в более теплых водах океана, и поведал о тревогах, испытанных им в связи с тем, что остров мог быть либо отброшен в Тихий океан, либо увлечен Камчатским течением, и, наконец, сообщил своим товарищам, что 27 сентября блуждающий остров остановился.

Принесли карту полярных морей, и Джаспер Гобсон указал местонахождение острова, который отстоял более чем на шестьсот миль от всякой земли.

Закончив свое сообщение, лейтенант Гобсон заявил, что положение чрезвычайно опасно, ибо во время весеннего движения льдов остров будет неминуемо раздавлен, и поэтому необходимо, не дожидаясь будущего лета, когда можно было бы воспользоваться ботом, еще зимой попытаться достичь американского континента, пройдя пешком через ледяное поле.

— Нам надо пройти шестьсот миль в холоде и темноте. Это будет тяжело, друзья мои, но вам, как и мне, понятно, что оставаться здесь дольше нельзя.

— Как только вы дадите нам знак к отъезду, лейтенант, — ответил Мак-Нап, — мы последуем за вами!

Итак, все было решено, и с этого дня начались спешные приготовления к опасному путешествию.

Люди мужественно отнеслись к предстоящему им труднейшему переходу в шестьсот миль. Сержант Лонг руководил работами, между тем как Джаспер Гобсон, оба охотника и миссис Барнет изо дня в день обследовали состояние ледяного поля. По большей части их сопровождала Калюмах, опыт которой мог оказаться очень полезным. Нельзя было терять ни минуты, и отъезд, если не возникнет каких-нибудь неожиданных препятствий, должен был состояться 20 ноября.

Тем временем поднялся ветер; температура, как и предвидел Джаспер Гобсон, немного понизилась: термометр Фаренгейта показывал двадцать четыре градуса (4,4° ниже нуля по Цельсию). Дождь, шедший в последние дни, сменился снегом, превращавшимся на земле в лед. Если бы холод продержался еще несколько дней, передвижение на санях стало бы возможным. Расселина перед мысом Майкл была заполнена частью льдом, частью снегом; однако не следовало забывать, что ее более спокойные воды должны были замерзнуть быстрее. И действительно, поверхность океана была в менее удовлетворительном состоянии. Это объяснялось тем, что почти непрерывно дул довольно резкий ветер и зыбь мешала нормальному образованию и скреплению льда. Во многих местах льдины отделялись друг от друга большими разводьями, и всякая попытка пройти по ледяному полю была обречена на неудачу.

— Погода безусловно идет на похолодание, — сказала как-то миссис Барнет лейтенанту Гобсону. (Это происходило 15 ноября, во время предпринятого ими обследования острова, вплоть до его южной части). — Температура заметно понизилась, и все эти трещины скоро замерзнут.

— Я тоже так думаю, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — но, к сожалению, самый характер ледяного покрова мешает нашим планам. Льдины по размеру невелики, и края их образуют утолщения, которыми испещрена вся поверхность поля; поэтому если наши сани и будут скользить по этому ухабистому льду, то лишь с чрезвычайным трудом.

— Однако, — заметила миссис Барнет, — если не ошибаюсь, достаточно двух-трех дней или даже нескольких часов, чтобы густой снег выровнял всю эту поверхность.

— Совершенно верно, сударыня, но если идет снег, значит температура поднялась, а если это потепление удержится, ледяное поле еще больше разойдется. Словом, это палка о двух концах, и оба бьют по нас!

— Согласитесь, мистер Гобсон, — сказала миссис Барнет, — если здесь, где мы сейчас находимся, в самом сердце Ледовитого океана, вместо суровой полярной зимы мы столкнемся с умеренной, — это будет пример исключительного невезения.

— Бывает, сударыня, бывает! Кроме того, я вам напомним, насколько сурова была зима, проведенная нами на американском континенте. Между тем не раз наблюдалось: две зимы подряд, одинаковые по своим холодам и продолжительности, — большая редкость, и это прекрасно знают китобой северных морей. Безусловно, сударыня, нас преследует особенная неудача! Холодная зима — когда нас удовлетворила бы умеренная, и умеренная — когда нам необходима суровая! Да, в самом деле, до сих пор нам что-то не везло. А когда я подумаю, что эти шестьсот миль надо пройти с женщинами, с ребенком!..

И Джаспер Гобсон указал на юг, где перед их глазами расстилалось беспредельное пространство, необъятная белая даль, похожая на кружевное покрывало причудливого рисунка. Печальное зрелище являло это не совсем еще замерзшее море, поверхность которого издавала зловещий треск. Мутная луна, окутанная влажным туманом, поднимаясь лишь на несколько градусов над горизонтом, бросала на окружающий пейзаж свой бледный свет. Полумрак в соединении с некоторыми явлениями преломления лучей увеличивал размеры предметов. Несколько айсбергов средней высоты, приняв колоссальные размеры, производили впечатление апокалиптических чудовищ. Над ними, громко хлопая крыльями, проносились птицы, и благодаря этому оптическому обману самая маленькая из них казалась крупнее кондора или бородатого ягнтя-

ника. Кое-где меж ледяных гор как будто разверзались огромные черные туннели, в которые не решился бы углубиться даже самый отважный человек. Но вот на море внезапно возникало какое-то движение — это опрокидывались в поисках равновесия ледяные горы, подтаявшие у самого основания, и в воздухе раздавался оглушительный грохот, повторяемый гулким эхом льдов. Картина менялась на глазах, словно декорация феерии. С каким ужасным чувством должны были наблюдать все это несчастные зимовщики, которым предстояло пуститься в путь по ледяным полям!

Несмотря на все свое мужество и стойкость духа, путешественница чувствовала, как ее охватывает невольный ужас. Он леденил ей душу и тело. Ей хотелось закрыть глаза и уши, не видеть и не слышать. Когда луна заволакивалась на мгновение более густым туманом и вид этого северного пейзажа становился еще более зловещим, миссис Барнет представляла себе караван мужчин и женщин, движущийся по этой пустыне в бурю, в снег, среди падающих льдин, в полном мраке полярной ночи!..

Однако она заставляла себя смотреть. Она хотела приучить себя к этому зрелищу, закалить свою душу против чувства страха. И она упрямо смотрела. Но вдруг из ее груди вырвался крик ужаса, рука сжала руку лейтенанта Гобсона, и она указала ему на двигавшийся в ста шагах от них огромный предмет, форму которого нельзя было различить в полумраке.

То было колоссальное, более пятидесяти футов ростом, чудовище сверкающей белизны. Медленно пробираясь по льдинам, оно перескакивало с одной на другую огромными скачками, вскидывая гигантскими лапами, которые могли бы сразу обхватить десять больших дубов. Казалось, чудовище тоже искало путь через ледяное поле, чтобы бежать с этого злосчастного острова. Видно было, как оседали под его тяжестью льдины, и ему удавалось восстанавливать равновесие лишь после ряда беспорядочных движений.

Чудовище прошло по льдам с четверть мили. Потом, очевидно убедившись, что дальше идти нельзя, оно вернулось обратно и направилось к той части

побережья, где находились лейтенант Гобсон и миссис Барнет.

Джаспер Гобсон снял ружье, висевшее через плечо, и приготовился стрелять. Но, прицелившись в зверя, он тотчас же опустил руку и негромко сказал:

— Это медведь, сударыня, всего лишь медведь, а размеры его чрезвычайно увеличены преломлением лучей.

В самом деле, то был полярный медведь, и миссис Барнет, сразу поняв, что она стала жертвой обмана зрения, облегченно вздохнула. Затем у нее мелькнула мысль.

— Да ведь это же мой медведь! — воскликнула она. — Он самоотвержен, как настоящий ньюфаундлендец! И вполне возможно — это единственный, оставшийся на острове. Но что он здесь делает?

— Пытается бежать, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон. — Пытается бежать с этого проклятого острова! Но пока еще он не может этого сделать и показывает нам, что путь, закрытый для него, закрыт и для нас.

Джаспер Гобсон не ошибся. Сделав попытку уйти с острова, чтобы добраться до какого-либо материка, но потерпев неудачу, пленный зверь теперь возвращался на остров. Встряхивая головой и глухо рыча, медведь прошел мимо лейтенанта и его спутницы не больше чем в двадцати шагах. То ли не видя людей, то ли не устаивая их взгляда, он побрел своей тяжелой поступью дальше, по направлению к мысу Майкл, и исчез за холмом.

В тот день лейтенант Гобсон и миссис Барнет вернулись в форт печальные и молчаливые.

Между тем в фактории продолжали так деятельно готовиться к путешествию, как будто переход через ледяное поле был уже осуществим. Надо было предусмотреть все, что могло обеспечить наибольшую безопасность экспедиции, и принять во внимание не только трудности и неизбежные тяготы, но и капризы полярной природы, так решительно ограждающей себя от вторжения человека.

Предметом особых забот были собачьи упряжки. Собакам не мешали бегать в окрестностях форта, чтобы этим моционом восстановить их силы, слегка ослабленные долгим сиденьем взаперти. В общем, эти животные были в удовлетворительном состоянии и, если их не гнать чрезмерно, могли бы проделать длинный путь.

Тщательно осмотрели сани. На ухабистой поверхности ледяного поля их неминуемо ждали резкие толчки. Поэтому необходимо было укрепить их основные части — нижнюю раму, изогнутый передок и прочее. Это было, конечно, делом Мак-Напа и его подручных, и они постарались придать этим экипажам севера исключительную прочность.

Кроме того, изготовили двое грузовых саней большого размера; из них одни были предназначены для перевозки провизии, другие — для перевозки мехов. Их должны были тащить прирученные олени, прекрасно для этого приспособленные. Меха, — и с этим нельзя не согласиться, — были грузом, являвшимся роскошью, и, может быть, было неблагоприятно стеснять себя ими. Но Джаспер Гобсон хотел, насколько возможно, соблюсти интересы Компании Гудзонова залива, решив в то же время бросить меха по пути, если бы они мешали движению каравана. Впрочем, никакого риска в этом не было, ибо оставленные в кладовых фактории эти драгоценные меха безусловно погибли бы.

Что касается съестных припасов, то с ними дело обстояло иначе. Их надлежало иметь как можно больше и хорошо упакованными для перевозки. Рассчитывать на то, что удастся охотиться по дороге, не приходилось. Как только путь станет проходным, дичь опередит караван и быстро достигнет южных областей. Итак, мясные консервы, солонина, паштеты из зайца, сушеная рыба, галеты, запас которых, к сожалению, был весьма ограничен, в большом количестве щавель и ложечник, брэнди, винный спирт для приготовления горячих напитков — все было погружено в особые грузовые сани. Джаспер Гобсон охотно взял бы с собою дрова, так как не было никакой надежды встретить по дороге хотя бы одно дерево, куст или немного мха,

либо наткнуться на какие-нибудь унесенные морем обломки. Но такой перегрузки каравана нельзя было допустить, и от этого намерения пришлось отказаться. В удобной теплой одежде, по счастью, недостатка не предвиделось. Ее было много, и в случае необходимости можно было пополнить запас из саней с мехами.

Томас Блэк, который после своих злоключений от всех отстранился, избегал своих спутников, запираясь в комнате, и никогда не принимал участия в совещаниях лейтенанта, сержанта и миссис Барнет, как только день отъезда был назначен, вдруг появился. Правда, его занимали исключительно те сани, которые должны были везти его самого, его приборы и записи наблюдений. Он попрежнему молчал, и от него нельзя было добиться ни слова. Казалось, он забыл обо всем, даже о том, что он — ученый. С тех пор как Томаса Блэка постигла неудача с наблюдением «его» затмения и с разрешением вопроса о протуберанцах, астроном уже больше не уделял никакого внимания наблюдению таких свойственных высоким широтам явлений, как полярное сияние, круги вокруг планет, ложные луны и тому подобное.

В последние дни каждый работал с таким рвением и проворством, что к утру 18 ноября все приготовления к отъезду были закончены.

К несчастью, ледяное поле все еще оставалось непроходимым. Температура немного понизилась, но все же не настолько, чтобы поверхность океана замерзла сплошь. Снег, к тому же очень мелкий, падал неравномерно и с перерывами. Джаспер Гобсон, Марбр и Сэбин ежедневно обследовали побережье от мыса Майкл до бывшей Моржовой бухты. Рискуя пройти около полутора миль по ледяному полю, путники вынуждены были признать, что все оно покрыто трещинами, выбоинами и разводьями. По нему не прошли бы не только сани, но и свободные в своих движениях пешеходы. Во время этих коротких экспедиций лейтенант Гобсон и оба его спутника выбивались из сил и не раз теряли надежду дойти до острова Виктории по этому изменчивому пути, среди еще подвижных льдин.

В самом деле, природа как будто ожесточилась против несчастных зимовщиков. В течение 18 и 19 ноября ртуть в термометре поднялась, а барометр начал падать. Эта перемена в состоянии атмосферы грозила роковыми последствиями. Одновременно с потеплением небо заволокло тучами. При тридцати четырех градусах по Фаренгейту (1,1° тепла по Цельсию) снег сменился проливным дождем. Под его относительно теплыми струями во многих местах белый покров начал таять. Легко себе представить действие этих небесных вод на ледяное поле, которое окончательно распадалось. Можно было подумать, что скоро начнется движение льдов. На льдинах, как во время оттепели, были уже заметны следы таяния. Лейтенант Гобсон, невзирая на отвратительную погоду, ежедневно обследовал южную часть острова и однажды возвратился в полном отчаянии.

Двадцатого ноября над этой злополучной частью Ледовитого океана снова разразился шторм, похожий по своей силе на тот, что бушевал над островом месяц назад. Зимовщики, как и тогда, перестали выходить из дому и провели пять дней, запершись в форте Надежды.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Через ледяное поле

С 22 ноября погода стала, наконец, постепенно улучшаться. Неожиданно, в течение нескольких часов, буря утихла. Подул северный ветер, и термометр опустился на несколько градусов. Исчезли некоторые перелетные птицы, и появилась надежда, что температура станет такой, какой она должна быть в это время года в этих северных широтах. Зимовщикам пришлось пожалеть, что до сих пор не было морозов, как в прошлую зиму, когда ртуть в термометре падала до семидесяти двух градусов ниже нуля (58° ниже точки замерзания по Цельсию).

Джаспер Гобсон решил больше не медлить с отъездом, и утром двадцать второго вся небольшая колония была готова покинуть форт Надежды и остров Викторию, смерзшийся теперь с окружающим пространством и тем самым соединившийся с американским континентом ледяным полем протяжением в шестьсот миль.

В половине двенадцатого утра, в пасмурный, но тихий день, озаренный великолепным северным сиянием, охватившим небо от горизонта до зенита, лейтенант Гобсон подал знак к отъезду. Собаки были запряжены в сани, три пары прирученных оленей тянули грузовые сани, и караван молча тронулся с места по направлению к мысу Майкл — тому пункту, где надо было перейти с острова на ледяное поле.

Они двинулись по краю лесистого холма, на восток от озера Барнет, но прежде, чем миновать его, каждый обернулся назад, чтобы взглянуть в последний раз на покидаемый навсегда мыс Батерст. При свете северного сияния на снегу вырисовывались глубокие следы полозьев и две-три белых черты, по которым можно было узнать ограду фактории. Кое-где белели отливавшие серебром пятна окон и вился над крышей тонкий дымок, последнее дыхание огня, готового угаснуть навеки. Таков был вид форта Надежды, стоившего столько трудов, столько усилий, теперь уже напрасных!

— Прощай, прощай, наш бедный полярный дом! — воскликнула миссис Барнет, последний раз помахав ему рукой.

И все, запечатлев в памяти это последнее воспоминание, охваченные грустью, молча двинулись в обратный путь на родину.

В час дня, обогнув трещину, которая из-за недостаточной холодной погоды осталась незамерзшей, отряд прибыл к мысу Майкл. До сих пор движение каравана проходило без особых трудностей, ибо поверхность острова Виктории была относительно ровной. Но совсем другое ожидало путников на ледяном поле, которое подверглось сильному сжатию ледовыми заторами с севера. На нем неизбежно должны были образоваться торосы, айсберги, целые горы льда, среди которых пришлось бы ценой большого напряжения и огром-

ных усилий беспрестанно выбирать места, где можно было пройти.

К вечеру того же дня было пройдено несколько миль. Чтобы приготовить ночлег, прибегли к способу эскимосов и североамериканских индейцев и, пользуясь прекрасно приспособленными для этой цели снежными ножами и топорами, вырыли в ледяных глыбах «снежные дома». В восемь часов, после ужина, состоявшего из сушеного мяса, весь персонал фактории забрался в эти пещеры, где на самом деле гораздо теплее, чем можно предполагать.

Прежде чем заснуть, миссис Барнет спросила у лейтенанта, может ли он определить расстояние, пройденное ими от форта Надежды до места стоянки.

— Думаю, не больше десяти миль, — ответил Джаспер Гобсон.

— Десять из шестисот! — воскликнула миссис Барнет. — Но если исходить из этого расчета, то, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее нас от американского материка, понадобится три месяца!

— Да, сударыня, три месяца, если не больше, — ответил Джаспер Гобсон, — но мы не можем передвигаться быстрее. Ведь перед нами не те ледяные долины, что отделяют форт Релайанс от мыса Батерст, по которым мы мчались в прошлом году, а раздавленное сжатием, деформированное и почти непроходимое ледяное поле! Я готов ко всем трудностям, связанным с этой нашей попыткой, только бы нам преодолеть их! Во всяком случае, задача не в том, чтобы дойти быстро, а в том, чтобы дойти благополучно, и я буду считать себя счастливейшим человеком, если на перекличке по возвращении в форт Релайанс все наши спутники окажутся налицо. Если нам удастся через три месяца ступить на землю в каком-нибудь пункте американского континента, мы, сударыня, должны будем возблагодарить судьбу!

Ночь прошла спокойно, но Джаспер Гобсон провел ее без сна. Ему казалось, что там, где расположился его отряд, слышен какой-то зловещий треск, указывавший на слабое сцепление частей ледяного поля. Для него было очевидно, что это огромное ледяное поле

не плотно спаяно и на нем осталось много трещин. Это обстоятельство создавало неуверенность в том, что можно будет добраться до континента. Впрочем, перед тем как пуститься в дорогу, лейтенант обратил внимание, что пушные звери и хищники продолжают бродить в окрестностях фактории; раз животные не ушли в южные области с менее суровым климатом, где они могли бы провести зиму, — это означало, что инстинкт предупреждал их о препятствиях, которые они встретили бы на своем пути. Тем не менее, пытаясь доставить маленькую колонию на родину, лейтенант Гобсон устремился через ледяное поле и поступил разумно. Необходимо было сделать эту попытку уйти с острова до весеннего движения льдов, даже рискуя потерпеть неудачу и возвратиться назад. И, покидая форт, Джаспер Гобсон лишь исполнял свой долг.

На следующий день, 23 ноября, отряд не мог пройти и десяти миль в восточном направлении, — так невыносимы стали трудности передвижения. Ледяное поле было до того изломано, что видны были все его наслоения — нагроможденные друг на друга ледяные пласты, втиснутые мощным ледовым затором в гигантскую воронку Ледовитого океана. Отсюда и возникло это столкновение льдин, это скопление айсбергов, напоминавшее груды гор, которые бессильная рука уронила на эти пространства, а они, падая, превратились в обломки.

Понятно, что караван, состоящий из саней, запряженных собаками и оленями, не мог пройти по этим глыбам; тем более нельзя было проложить себе путь через торосы с помощью простого топора или снежного ножа. Ледяные горы были самой различной формы, и их скопления напоминали развалины разрушенного города. Многие из них поднимались на триста — четыреста футов над уровнем ледяного поля, а на них, взгромодившись одна на другую, качались огромные глыбы льда, только и ждавшие какого-нибудь сотрясения, толчка или даже простого колебания воздуха, чтобы, потеряв равновесие, лавиной рухнуть вниз.

Поэтому, огибая эти ледяные горы, нужно было проявлять величайшую осторожность. Было приказано

во время этих опасных обходов не повышать голоса и не подгонять упряжек щелканьем бича. И такие меры вовсе не были преувеличенными, ибо малейшая неосторожность грозила серьезной катастрофой.

На обход препятствий, на поиски дороги уходило бесконечно много времени; люди изнемогали от усталости и напряжения и почти не продвигались вперед: делали десять миль в обход, чтобы пройти одну милю на восток. Все же под их ногами пока еще была твердая поверхность.

Но двадцать четвертого возникли новые препятствия, именно те, которых Джаспер Гобсон так опасался, считая их непреодолимыми.

Действительно, пройдя сквозь первый затор, возвышавшийся приблизительно в двадцати милях от острова Виктории, отряд очутился на гораздо менее поврежденном ледяном поле, отдельные места которого почти не подверглись сжатию. Очевидно, в связи с направлением течений на эту часть ледяного поля давление затора не распространилось. Но здесь путь Джаспера Гобсона и его товарищей оказался перерезанным широкими разводьями, которые еще не замерзли. Погода стояла относительно теплая, и термометр в среднем показывал не меньше тридцати четырех градусов по Фаренгейту ($1,1^{\circ}$ выше нуля по Цельсию). Соленая вода, как известно, замерзает труднее, чем пресная, и обращается в твердое состояние только при нескольких градусах ниже нуля, поэтому море и не могло еще полностью замерзнуть. Все льдины, из которых состояли ледовый затор и ледяное поле, пришли сюда из более северных широт, они взаимно поддерживали друг друга и питались, так сказать, собственным холодом; южная же поверхность Ледовитого океана замерзла не везде одинаково, к тому же шел теплый дождь, вызывавший таяние льдов.

В этот день путь отряда оказался решительно прегражденным трещиной, которая была наполнена бурлящей водой, усеянной небольшими льдинами; трещина была не более ста футов шириной, но длина ее, должно быть, измерялась несколькими милями.

В течение двух часов путники двигались вдоль западного края расселины в надежде обойти ее и затем снова повернуть на восток; но трещине, казалось, не было конца. Пришлось остановиться. Сделали привал и расположились лагерем.

Джаспер Гобсон, сопровождаемый сержантом Лонгом, прошел четверть мили вперед, обследуя нескончаемую трещину и проклиная мягкую зиму, причинявшую отряду столько зла.

— И все же надо пройти, — сказал сержант Лонг, — здесь нам оставаться нельзя.

— Да, надо пройти, — ответил лейтенант Гобсон, — и мы пройдем, либо поднявшись на север, либо спустившись на юг. Но дело в том, что за этой полынью будут другие, их тоже придется обходить; и так будет все время, возможно, на протяжении сотен миль, пока будет продолжаться эта колеблющаяся, убийственная для нас температура.

— Значит, лейтенант, прежде чем продолжать путь, надо выяснить, что ждет нас впереди, — сказал сержант.

— Да, сержант, — решительно ответил Джаспер Гобсон, — иначе мы рискуем, проделав миль пятьсот или шестьсот с обходами, не преодолеть и половины расстояния, отделяющего нас от американского берега. Да! Прежде чем идти дальше, надо тщательно обследовать поверхность ледяного поля. Это я и сделаю!

Затем, не прибавив ни слова, Джаспер Гобсон снял с себя одежду и бросился в ледяную воду; сильный пловец, он быстро доплыл до другого края расселины и исчез в темноте, среди айсбергов.

Спустя несколько часов изнемогающий от усталости Джаспер Гобсон возвратился в лагерь, куда уже раньше пришел сержант. Лейтенант отвел его в сторону и сообщил ему и миссис Барнет, что ледяное поле непроходимо.

— Может быть, — сказал он им, — один человек, пешком, без саней, без поклажи, и мог бы попытаться совершить этот переход, но каравану там не пройти! На востоке разводьев еще больше, и, право же, чтобы

добраться до американского материка, судно было бы более пригодно, чем сани.

— В таком случае, — ответил сержант Лонг, — если один человек может преодолеть этот путь, не должен ли кто-нибудь из нас попытаться отправиться за помощью?

— Я думал пойти... — сказал Джаспер Гобсон.

— Вы, мистер Гобсон?

— Вы, лейтенант?

Эти два вопроса, прозвучавшие одновременно в ответ на предложение Джаспера Гобсона, свидетельствовали о том, насколько оно было неожиданным и нелепым. Ему, главе экспедиции, уйти! Покинуть тех, кого ему доверили, пусть даже подвергнув себя грозной опасности, пусть даже в их интересах! Нет, это было невозможно! И Джаспер Гобсон не стал настаивать.

— Да, друзья мои, — сказал он, — я все понимаю и не покину вас. Но тогда бесполезно и кому-нибудь из вас пытаться пройти этот путь! Это ему не удастся, он погибнет в дороге, и, когда растает ледяное поле, могилой его станет бездна, разверзающаяся под нашими ногами. К тому же, добравшись даже, скажем, до Ново-Архангельска, что может он сделать, чем может он нам помочь? Зафрахтует корабль, чтобы прибыть за нами? Хорошо! Но корабль двинется в путь только после того, как пройдут льды. А тогда, кто знает, куда унесет остров Викторию — в Ледовитый океан или в Берингово море?

— Да, вы правы, лейтенант, — заметил сержант Лонг, — надо оставаться всем вместе, и если наше спасение в корабле, так ведь судно Мак-Напа еще там, на мысе Батерст; его по крайней мере не придется ждать!

Миссис Барнет слушала, не говоря ни слова. Она тоже поняла, что раз нельзя пройти по ледяному полю, им остается только одно: положиться на судно Мак-Напа и мужественно ждать, пока море не освободится от льдов.

— Итак, мистер Гобсон, — сказала она, — вы решились?..

— Вернуться на остров Викторию.

— Так возвратимся же, и да хранит нас бог!

Были собраны все зимовщики, и им предложили вернуться назад.

Это предложение Джаспера Гобсона произвело сперва тяжелое впечатление. Несчастные люди так мечтали о близком возвращении на родину через ледяное поле, что их разочарование граничило с отчаянием. Но они быстро поняли неизбежность возвращения на остров и согласились подчиниться.

Джаспер Гобсон объявил им о результатах своей разведки. Он сказал, что на востоке их ждет столько препятствий, что каравану физически невозможно пройти с грузом, совершенно необходимым в путешествии, которое должно продлиться несколько месяцев.

— В настоящее время, — добавил он, — всякое сообщение с американским побережьем для нас отрезано, и, продолжая ценою необычайных усилий продвигаться на восток, мы к тому же рискуем лишиться возможности вернуться на остров — наше последнее и единственное убежище. А если весеннее движение льдов застанет нас на ледяном поле, мы погибли. Я не скрываю от вас правды, друзья мои, но и не сгущаю красок. Я знаю, что говорю с людьми сильной воли, которые хорошо знают, что я не люблю отступать. И все же повторяю вам: мы стоим перед лицом невыполнимого!

Солдаты безгранично верили в своего командира. Они знали его мужество, его энергию, и раз он сказал, что переход невозможен, — значит, он был действительно невозможен.

Возвращение в форт Надежды было назначено на следующий день. Оно происходило в самых тяжелых условиях. Погода стояла ужасная. Над ледяным полем ревел ураган. Шел проливной дождь. Легко себе представить, с каким трудом приходилось продвигаться в полной темноте, среди лабиринта ледяных гор!

Четыре дня и четыре ночи ушло на то, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее караван от острова Виктории. Несколько саней и упряжек потонуло в водах. Все же благодаря предусмотрительности и

самоотверженности лейтенанта, не погиб ни один из его спутников. Но сколько усилий пришлось им затратить, какие опасности претерпеть! И что сулило будущее этим несчастным людям, которых ожидала новая зимовка на блуждающем острове?!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Зимние месяцы

Было уже 28 ноября, когда лейтенант Гобсон и его спутники, преодолев огромные трудности, вновь возвратились в форт Надежды. Теперь приходилось рассчитывать только на бот, но отплыть на нем можно было не раньше чем через шесть месяцев, то есть когда море освободится ото льдов.

Итак, началась зимовка. Разгрузили сани; съестные припасы перенесли в кладовые; одежду, оружие, инструменты и меха — на склады. Собак опять водворили в псарню, а оленей — в стойла.

Томасу Блэку тоже пришлось вновь заняться своим устройством, — и это повергло его в отчаяние. Злополучный астроном перенес все приборы, книги, записки в свою комнату и заперся там, более чем когда-либо раздраженный против «преследовавшего его рока» и чуждый, как и прежде, всему происходящему в фактории.

На устройство хватило одного дня, а затем потекла обычная жизнь зимовщиков — существование, столь бедное событиями, что жителям больших городов оно показалось бы невыносимо однообразным. Шитье, починка одежды, уход за мехами с целью спасти хотя бы часть этого драгоценного товара, наблюдение за погодой, обследование ледяного поля, наконец чтение — таковы были повседневные занятия и развлечения. Миссис Барнет всем руководила, и во всем чувствовалось ее влияние. По первому ее слову прекращались небольшие разногласия, подчас возникавшие между солдатами; люди были удручены настоящим, исполнены тревоги за будущее и порою становились

несговорчивыми. Путешественница приобрела над этим маленьким мирком огромную власть, но использовала ее только на общее благо.

Калюмах привязывалась к ней все больше и больше. Впрочем, и юную эскимоску, кроткую и услужливую, все окружающие тоже любили. Миссис Барнет взялась за ее обучение, и дело пошло успешно, ибо ученица оказалась способной и жадно стремилась к знанию. Путешественница научила ее хорошо говорить, а также читать и писать по-английски. К тому же целый десяток других добровольных учителей оспаривал друг у друга удовольствие быть наставниками Калюмах, — все эти солдаты выросли в английских владениях или в самой Англии, и не было ни одного, кто не умел бы читать, писать и считать.

Постройка бота шла спешным порядком: необходимо было закончить обшивку и настлат палубу к концу месяца. В темноте вечной ночи, при свете горящей смолы Мак-Нап и его подручные усердно трудились; в это время остальные работали в складах фактории, подготавливая все необходимое для оснащения судна. Зима давно уже наступила, но по-настоящему холодная погода еще не установилась. Морозы, порою очень резкие, держались недолго, что, очевидно, зависело от беспрерывно дувших западных ветров.

Так прошел весь декабрь. Дожди перемежались снегом, а температура колебалась от двадцати шести до тридцати четырех градусов по Фаренгейту (от 3,3° ниже нуля до 1,1° выше нуля по Цельсию). Расход топлива был небольшой, хотя дров было запасено много и не было никакого основания их экономить. Но не так, к несчастью, обстояло с освещением. Масла оставалось очень мало, и Джаспер Гобсон был вынужден распорядиться, чтобы свет зажигали только на несколько часов в день. Попытка использовать для освещения дома олений жир окончилась неудачей — его запах был настолько невыносим, что лучше уж было сидеть впотьмах. Работы приостановились, и часы вынужденного безделья казались бесконечно долгими.

Несколько раз над горизонтом появлялось северное сияние, а в период полнолуния — две-три ложных

луны. Томасу Блэку представлялся прекрасный случай, наблюдая эти небесные явления, произвести точные расчеты, тщательно изучить их силу, окраску, зависимость от насыщенности атмосферы электричеством, их влияние на магнитную стрелку и т. д. Но астроном даже не выходил в такие дни из своей комнаты. Он вел себя точно невменяемый.

Тридцатого декабря вокруг всей северной и восточной части острова Виктории обнаружилась при лунном освещении длинная дугообразная линия ледяных гор, закрывавшая горизонт. То был ледовый затор, и на нем колоссальные глыбы льда громоздились друг на друга, образуя высоты в триста — четыреста футов. Этот гигантский ледовый барьер окружал приблизительно две трети острова, и можно было опасаться, что он охватит его еще больше.

В первых числах января стояла ясная погода. Новый 1861 год начался с довольно резкого похолодания, и ртуть в термометре опустилась до восьми градусов по Фаренгейту ($13,3^{\circ}$ ниже нуля по Цельсию). То была самая низкая температура, наблюдавшаяся до сих пор в эту необыкновенную зиму; впрочем, подобное понижение температуры было совсем незначительным для такой высокой широты.

Лейтенант Гобсон счел нужным снова произвести определения широты и долготы острова, измерив высоты звезд, и удостоверился, что никакого перемещения острова не произошло.

К этому времени, несмотря на всю экономию, масло для освещения было уже почти израсходовано, между тем солнце должно было опять появиться в этих широтах не раньше первых чисел февраля. Таким образом, зимовщикам предстояло провести целый месяц в полной темноте. Но неожиданно, благодаря юной эскимоске, появилась возможность возобновить запас масла, необходимого для освещения фактории.

Было 3 января. Калюмах отправилась разведать состояние льдов у подножья мыса Батерст. Здесь, как и во всей северной части острова, ледяное поле было наиболее спаянным. Лдины, из которых оно состояло, плотно смерзлись, и разводьев между ними не было.

Вся, хотя и крайне неровная, поверхность ледяного поля была одинаково твердой. Это, несомненно, объяснялось тем, что оно было плотно сжато между ледовым затором и островом Викторией.

Трещин нигде не было, но несколько круглых отверстий, тщательно вырезанных во льду, привлекли внимание Калюмах — она прекрасно знала их назначение. То были «тюленьи норы» — отверстия, которым животные, заточенные под толстой корой льда, не давали затянуться: они выходили через них на поверхность подышать воздухом и добывать мох, скрытый под снегом на побережье.

Девушка знала, что зимой у этих отверстий медведи, присев на задние лапы, терпеливо ждут, пока тюлень не появится из воды; тогда они хватают его, душат и уносят. Она знала, что и эскимосы, не менее терпеливые, чем медведи, тоже ждут появления этих животных, накидывают на них аркан и ловят без особого труда.

Опытные охотники легко могли проделать то, что делают медведи и эскимосы, а раз были отверстия, значит тюлени ими пользовались. А тюлени — это был жир, это был свет, которого тогда так недоставало фактории.

Поспешно вернувшись в форт, Калюмах сообщила обо всем Джасперу Гобсону, и он тут же позвал охотников Марбра и Сэбина. Девушка рассказала им, какие приемы применяют эскимосы при ловле тюленей зимой, и посоветовала ими воспользоваться.

Едва выслушав Калюмах, Сэбин приготовил толстую веревку с затяжной петлей.

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, охотники, Калюмах и еще трое солдат отправились к мысу Батерст. Женщины остались на берегу, а мужчины поползли к отверстиям, на которые им указала Калюмах. Каждый расположился у своего отверстия с веревкой наготове.

Ждать пришлось довольно долго. Прошел час, но ничто не предвещало появления животных. Наконец, в том отверстии, за которым наблюдал Марбр, вода запенилась и появилась голова с длинными клыками. То была голова моржа. Марбр ловко накинул на моржа

петлю и быстро затянул. Остальные поспешили ему на помощь и, несмотря на сопротивление моржа, не без труда вытащили на лед огромное животное. Там его прикончили несколькими ударами топора.

Это была удача. Зимовщики форта Надежды вошли во вкус нового вида «рыбной ловли» и поймали тем же способом еще несколько моржей. Из них извлекли большое количество жира. Правда, это был жир животный, а не растительный, но он пошел для освещения; и теперь мужчины и женщины, работавшие в общей зале, не испытывали недостатка в свете.

Между тем похолодание не наступало. Температура оставалась умеренной. Если бы зимовщики находились на твердой почве материка, они могли бы только радоваться подобной зиме. К тому же высокий ледовый барьер защищал их от северных и западных ветров, и они не ощущали их. Январь приближался к концу, а термометр все еще показывал лишь несколько градусов ниже нуля.

Эта теплая погода должна была привести — и действительно привела — к неполному замерзанию моря вокруг острова Виктории. А то, что ледяное поле не замерзло на всем своем протяжении и вследствие более или менее значительных разводьев оставалось непроходимым, подтверждалось тем, что ни олени, ни пушные звери не ушли с острова. Трудно себе представить, до какой степени эти четвероногие освоились и стали ручными, они превратились в конце концов как бы в собственный зверинец форта.

По распоряжению лейтенанта Гобсона животных, которых было незачем истреблять, щадили. Оленей убивали только, когда надо было получить свежее мясо, чтобы внести разнообразие в обычный рацион, но горностаев, куниц, рысей, мускусных крыс, бобров и лисиц, смело заходивших в окрестности форта, не трогали. Самые отважные зверьки проникали даже на территорию форта, но никто не выказывал намерения прогонять их оттуда. Куницы и лисы были великолепны в своем зимнем наряде, и шубки многих из них стоили больших денег. Благодаря мягкой температуре эти грызуны легко находили под рыхлым и тонким

слоем снега растительную пищу и отнюдь не питались за счет запасов фактории.

Итак, ожидая не без страха окончания зимы, обитатели острова вели крайне монотонное существование, в которое миссис Барнет старалась внести возможное разнообразие.

Январь был отмечен одним довольно печальным событием. Седьмого числа у сынишки плотника Мак-Напа появилась сильная лихорадка. Резкие головные боли, жестокая жажда, переходы от озноба к жару вскоре привели ребенка в плачевное состояние. Легко себе представить отчаяние матери, самого Мак-Напа и их друзей! Никто не знал, что предпринять, ибо характер болезни еще не был ясен. По совету сохранившей присутствие духа Мэдж, несколько знакомой с такого рода заболеваниями, стали применять освежающие отвары и делать припарки. Калюмах выбивалась из сил, проводя дни и ночи у постели малыша, и не соглашалась отдохнуть ни минуты.

На третий день болезнь определилась — тело ребенка покрылось характерной сыпью. Это была скарлатина, которая неизбежно должна была вызвать внутреннее воспаление.

Редко бывает, чтобы годовалый ребенок заболел этой опасной болезнью, к тому же в такой сильной форме. Все же такие случаи встречаются. К несчастью, в аптеке форта было довольно мало лекарств. Но Мэдж, которой приходилось не раз ухаживать за больными скарлатиной, вспомнила о благотворном действии настойки белладонны. Маленькому больному начали ежедневно давать по одной-две капли этой настойки, и были приняты величайшие предосторожности, чтобы его не простудить.

Ребенка поместили в комнате отца и матери. Вскоре сыпь распространилась по всему телу, и на языке, губах и даже на глазном яблоке появились маленькие красные точки. Спустя два дня пятна на коже приняли лиловатый оттенок, затем побелели и превратились в чешуйки.

Именно теперь надо было удвоить осторожность и побороть внутреннее воспаление, являвшееся призна-

ком злокачественного характера болезни. Были приняты все меры, и надо сказать, что уход за маленьким пациентом был действительно превосходным. Таким образом, к 20 января, то есть спустя двенадцать дней после начала заболевания, появилась твердая надежда на его выздоровление.

Какая это была радость для фактории! Ведь чудесного малыша считали ребенком форта, ребенком отряда, детищем полка! Он родился в этом суровом крае, в кругу этих смелых людей! Они называли его Майкл — Надежда — и среди стольких испытаний смотрели на него как на некий талисман, который судьба не должна была у них отнять. Что касается Калюмах, то можно было поверить, что она не пережила бы смерти ребенка; но маленький Майкл стал постепенно поправляться, и, казалось, с его выздоровлением вновь воскресли все надежды.

Так, в тревогах и волнениях дожили до 23 января. За это время положение острова Виктории нисколько не изменилось. Над Ледовитым океаном все еще простиралась нескончаемая ночь. Уже несколько дней шел густой снег, покрывший поверхность острова и ледяного поля плотной пеленою в два фута высотой.

Двадцать седьмого января в форт явился незванный гость. Солдаты Бельчер и Понд, стоявшие на часах у ворот фактории, увидели утром исполинского медведя, спокойно направлявшегося к форту. Они вошли в общую залу и сообщили миссис Барнет о появлении опасного хищника.

— Да ведь это наш медведь! — сказала путешественница Джасперу Гобсону, и оба в сопровождении сержанта, Сэбина и нескольких вооруженных солдат подошли к воротам фактории.

Медведь был на расстоянии двухсот шагов и шел спокойно и уверенно, как будто действовал по заранее обдуманному плану.

— Я узнаю его, — воскликнула миссис Барнет. — Калюмах, это твой медведь, твой спаситель!

— О, не убивайте моего медведя! — вскричала девушка.

— Мы его не убьем, — ответил лейтенант Гобсон. — Не трогайте его, друзья мои, возможно, он уйдет так же, как пришел.

— Ну, а если он вздумает войти... — сказал сержант Лонг, мало веривший в добрые намерения полярных медведей.

— Впустите его, сержант, — заметила миссис Барнет. — Этот зверь избавился от своей кровожадности. Он такой же пленник, как и мы, а вы знаете, что пленники ..

— Не нападают друг на друга! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Это правда, сударыня, но только если они одной и той же породы. Словом, мы пощадим его по вашей просьбе и будем защищаться лишь в том случае, если он нападет на нас. Все же я считаю благоразумным войти в дом: не следует чрезмерно искушать этого хищника.

Совет был правильный. Все вошли в дом. Двери заперли, но оконные ставни остались открытыми.

Таким образом, глядя в окна, можно было проследить за всеми действиями пришельца. Медведь, подойдя к воротам, оставшимся незапертыми, осторожно открыл их, просунул голову во двор, осмотрелся и вошел. Дойдя до середины двора, он принялся рассматривать окружающие его строения, затем направился к стойлам и псарне и, на мгновение прислушавшись к ворчанию собак, почувствовавших его присутствие, и к крику встревоженных оленей, продолжал свой осмотр, двигаясь вдоль внутренней стороны ограды; потом он подошел к главному дому и уткнулся своей опромной мордой в одно из окон большой залы.

Надо признаться, все отступили; солдаты схватились за ружья, и Джаспер Гобсон решил, что шутка зашла слишком далеко.

Но тут Калюмах прижалась своим нежным личиком к тонкому стеклу. Медведь, как будто узнав ее, — так по крайней мере показалось девушке, — пришел в благодушное настроение, громко зарычал и повернул обратно к воротам; затем, как и предполагал Джаспер Гобсон, ушел тем же путем, каким пришел.

Таково было это больше не повторявшееся происшествие, и все снова пошло своим чередом.

Тем временем малыш выздоравливал, и в последних числах месяца щеки его уже округлились и к нему вернулась его обычная живость.

Третьего февраля, около полудня, южная часть горизонта слегка окрасилась в бледные, менявшиеся в продолжение часа тона. Затем на мгновение показался желтоватый диск — лучезарное светило, появившееся в первый раз после долгой полярной ночи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Последняя разведка

С тех пор солнце стало всходить каждый день и все выше поднималось над горизонтом. Но если ночной мрак уже прерывался на несколько часов, то в то же время заметно похолодало, как это часто бывает в феврале. Термометр Фаренгейта показывал один градус (17° ниже нуля по Цельсию). Это была самая низкая температура, наблюдавшаяся в ту необыкновенную зиму.

— Когда начинается движение льдов в этих морях? — спросила как-то у Джаспера Гобсона путешественница.

— В обычную зиму, сударыня, — ответил лейтенант, — лед взламывается не раньше первых чисел мая, но эта зима была настолько теплой, что, если не будет еще новых сильных морозов, лед может двинуться и до начала апреля. Так я по крайней мере предполагаю.

— Значит, нам, пожалуй, придется ждать еще месяца два? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, не меньше, — ответил Джаспер Гобсон, — и будет благоразумнее не рисковать нашим ботом, спустив его раньше времени и заставив бороться со льдами; я думаю, что мы даже выиграем, дождавшись, когда наш остров попадет в самую узкую

часть Берингова пролива, где ширина не превышает ста миль.

— Как же так, мистер Гобсон? — воскликнула миссис Барнет, озадаченная ответом лейтенанта. — Разве вы забыли, что нас сюда принесло Камчатское течение, течение северное, и во время движения льдов оно может снова захватить нас в свои воды и отнести еще дальше.

— Не думаю, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — и даже осмелюсь утверждать, что этого не будет. Лед идет всегда с севера на юг; потому ли, что Камчатское течение меняет свое направление, потому ли, что льды движутся вместе с Беринговым течением, или по другой причине, которую я затрудняюсь назвать, но ледяные горы неизменно плывут к Тихому океану, чтобы растаять там — в более теплых водах. Спросите у Калюмах, она знает этот край и скажет вам то же, что и я, — что движение льдов происходит с севера на юг.

Спросили Калюмах, и она подтвердила слова лейтенанта. Таким образом, казалось вероятным, что остров, подхваченный течением в первых числах апреля, будет, подобно огромной льдине, отнесен на юг, то есть в самую узкую часть Берингова пролива, посещаемую летом рыбаками из Ново-Архангельска, мореплавателями и исследователями побережья. Однако, принимая во внимание возможные задержки, а также время, необходимое на то, чтобы остров спустился к югу, нельзя было рассчитывать достичь материка раньше мая месяца. Впрочем, несмотря на то, что морозы были небольшие, остров Виктория, несомненно, стал прочнее, ибо его ледяная основа сделалась толще, и, следовательно, он мог продержаться еще несколько месяцев.

Итак, зимовщикам приходилось вооружиться терпением и ждать, снова ждать!

Между тем выздоровление ребенка шло своим чередом. 20 февраля, в первый раз после сорока дней болезни, мальчика перенесли из комнаты родителей в большую залу, где его осыпали бесконечными ласками. Миссис Мак-Нап, предполагавшая отнять ребенка от груди, когда ему исполнится год, теперь, по

совету Мэдж, продолжала кормление, и материнское молоко, смешиваемое иногда с оленьим, быстро восстанавливало силы малыша. Мальчика ожидало множество разных игрушек, сделанных во время его болезни друзьями-солдатами, и он чувствовал себя, конечно, счастливейшим ребенком на свете.

Последняя неделя февраля была необычайно дождливая и снежная. Дул сильный северо-западный ветер, и за несколько дней температура настолько понизилась, что выпал обильный снег. Но это не уменьшило ярости шторма. Со стороны мыса Батерст и гряды торосов доносился его оглушительный рев. Ледяные горы, сталкиваясь друг с другом, рушились с грохотом, напоминая раскаты грома. Гонимые ветром льды нагромождались на северном побережье острова. Можно было опасаться, что и самый мыс, который в сущности был своего рода ледяной горой, обросшей землей и песком, рухнет. Несколько крупных льдин, несмотря на их огромный вес, прибило к самой подножью крепостной ограды. По счастью, мыс устоял и предохранил постройки фактории от полного разрушения.

Само собой разумеется, что положение острова Виктории, находившегося у входа в узкий пролив, где скоплялись льды, было крайне опасным. Он мог быть просто сметен, если можно так выразиться, своего рода горизонтальной лавиной и, прежде чем провалиться в бездну, оказаться раздавленным льдами, надвигающимися из самого сердца океана. Таким образом, к прежним опасностям прибавилась еще одна, новая. Миссис Барнет, наблюдая чудовищный напор льдов и ту неистовую силу, с какой они нагромождались друг на друга, поняла, что грозит еще острову, когда море начнет очищаться ото льдов. Она несколько раз заговаривала об этом с лейтенантом Гобсоном, но он, не находя ответа, лишь качал головой.

В первых числах марта шторм совершенно утих, и тогда можно было видеть, насколько изменилась картина ледяного поля. Казалось, торосистый барьер, как бы скользнув по ледяной поверхности моря, приблизился к острову Виктории. Местами он отстоял

теперь от острова не более как на две мили и напоминал перемещающийся гигантский ледник, с той только разницей, что он двигался по горизонтали, тогда как ледники спускаются сверху вниз. Пространство между исполинским ледовым барьером и побережьем острова было неузнаваемо: ледяное поле страшно покорибилось, покрылось торосами, обломками ледяных шпилей и сваленными в кучи осколками льда. Изрытое высокими валами, подобно морю, застывшему вдруг в самый разгар бури, оно походило на развалины огромного города, где не уцелело ни единого здания. Только гигантский ледовый барьер, с его конусами, шарами, фантастическими зубцами и острыми пиками, которые причудливо вырисовывались на фоне зичнего неба, стоял прочно и величественно обрамлял все это живописное нагромождение льдов.

К тому времени постройка судна была закончена. Бот, как и следовало ожидать, получился несколько неуклюжий, тем не менее он делал честь Мак-Напу. Его высокая, в подражание галиоту, носовая часть смело могла противостоять натиску льдов, и с виду его можно было принять за один из тех больших голландских ботов, на которых отваживаются плавать в северных морях. Оснастка его, подобно оснастке кутера, состояла из грота и кливера на одной мачте. Паруса эти были сшиты из грубого холста.

Судно могло свободно вместить всех зимовщиков острова, и, если бы — как они надеялись — им удалось попасть в Берингов пролив, оно легко преодолело бы даже самое большое расстояние, отделявшее их в то время от американского побережья. Оставалось только дожидаться весеннего движения льдов.

Тогда лейтенанту Гобсону пришла мысль совершить довольно длительную экскурсию на юго-восток, чтобы разведать состояние ледяного поля, узнать, нет ли признаков скорого таяния льда, тщательно изучить ледовый барьер и на основании состояния моря убедиться в том, прегражден ли еще путь к американскому матерiku. Немало событий и случайностей ожидало еще зимовщиков, прежде чем море освободится

от льдов, и такая разведка была необходимой мерой предосторожности.

Итак, экспедиция была решена и выступление назначено на 7 марта. Небольшой отряд состоял из лейтенанта Гобсона, путешественницы, Калюмах, Марбра и Сэбина. Условились, что, если путь окажется свободным, будет сделана попытка пробраться сквозь торосистый барьер, но что во всех случаях миссис Барнет и ее спутники пробудут в отсутствии не более двух суток.

Была заготовлена провизия, и отряд, на всякий случай хорошо вооруженный, выступил утром 7 марта из форта Надежды и направился к мысу Майкл.

В тот день термометр показывал тридцать два градуса по Фаренгейту (0° по Цельсию). Погода была слегка пасмурная, но без ветра. Солнце совершало свой дневной путь над горизонтом уже в продолжение семи или восьми часов, и его косые лучи проливали достаточно яркий свет на ледяной массив.

В девять часов, после небольшой остановки, лейтенант Гобсон и его товарищи спустились по склону мыса Майкл и пошли по ледяному полю в юго-восточном направлении. С этой стороны ледовый затор находился на расстоянии трех миль от мыса.

Продвигались, понятно, довольно медленно. Ежеминутно приходилось огибать то глубокую трещину, то высокий торос. Было очевидно, что никакие сани не прошли бы по этой ухабистой дороге. То было не что иное, как нагромождение ледяных глыб разного размера и различных форм, причем некоторые из них только чудом сохраняли равновесие. Другие, судя по свежим трещинам и острому, как клинок, граням, обрушились совсем недавно. И среди всего этого хаоса — ни единого следа человека или зверя! Ни одного живого существа в этой пустыне, покинутой даже птицами!

Миссис Барнет не без удивления спрашивала себя, как могли бы они в декабре перейти это развороченное ледяное поле, но лейтенант Гобсон заметил, что в декабре у замерзшей поверхности моря был совсем иной вид. Тогда не было такого сильного сжатия льдов

и путники встретили бы на своем пути относительно ровное ледяное пространство. В то время единственным препятствием являлось неполное замерзание океана. Теперь же ледяное поле действительно было непроходимым из-за всех этих нагромождений, но в начале зимы их еще не было.

Между тем отряд приближался к огромному ледовому барьеру. Почти всегда впереди шла Калюмах. Быстрая и легкая, она ступала среди льдов так же уверенно, как серна среди альпийских скал. Все с восхищением смотрели, как она смело неслась вперед среди этого лабиринта ледяных глыб и безошибочно, будто инстинктивно, находила надежный проход. Затем она возвращалась к своим спутникам, и они доверчиво следовали за ней.

К полудню, затратив не менее трех часов, чтобы пройти три мили, отряд достиг подножья грандиозного ледового затора.

Беличественное зрелище представлял этот ледовый барьер, вершины которого поднимались местами более чем на четыреста футов над уровнем ледяного поля. Можно было отчетливо различить составлявшие его пласты. Ледяные стены барьера были окрашены в различные тона удивительно нежных оттенков. Они то переливались всеми цветами радуги, то искрились, точно мрамор, и все были испещрены фантастическими узорами и усеяны яркими блестками. Ни один самый причудливый утес не мог бы дать представления об этом хаотическом нагромождении льдин — то непрозрачных, то прозрачных, и эта игра света и тени производила самое необычайное впечатление.

Однако к этим зловещим громадам, устойчивость которых была весьма сомнительна, надо было приближаться с большой опаской. Внутри барьера непрерывно раздавался треск. Там шла огромная разрушительная работа: пузырьки воздуха, содержащиеся в этой ледяной массе, вызывали ее распад, и становилось ясным, насколько хрупко было это возведенное холодом здание, которому не суждено было пережить полярную зиму. Солнечные лучи обратят его в воду, способную напитать целые реки!

Лейтенанту Гобсону приходилось предостерегать своих товарищей против обвалов, ежеминутно разрушавших венец барьера, и они шли на некотором расстоянии от основания затора. Эта предосторожность оказалась не лишней — около двух часов дня, входя в лощину, по которой миссис Барнет и ее спутникам предстояло идти, они увидели, как огромная льдина, весом не менее ста тонн, отделилась от гребня барьера и с ужасающим грохотом обрушилась на ледяное поле. От удара поле треснуло и высоко вверх брызнула вода. По счастью, осколки глыбы, разорвавшейся как бомба, никого не задела.

От двух часов до пяти отряд шел по узкой извилистой лощине, уходящей вглубь затора. Но всю ли его ширину она пересекала, было неизвестно. Двигаясь по ней, можно было исследовать внутреннее строение ледового барьера. Ледяные глыбы были здесь расположены более симметрично, чем на его внешней границе. В нескольких местах ледяного массива виднелись попавшие в него стволы деревьев. То были деревья тропических пород, вероятно занесенных в полярные края теплым океаническим течением, — они были зажаты льдами и после таяния должны были возвратиться в океан. Кое-где встречались и обломки кораблекрушения — остатки разбитых в щепы кораблей.

К пяти часам почти совсем стемнело, и исследование пришлось прервать. К этому времени было пройдено около двух миль по крайне загроможденной и малопроходимой лощине, извилины которой мешали точно определить длину пройденного пути.

Джаспер Гобсон подал знак остановиться. За полчаса, вооружившись снежными ножами, Марбр и Сэбин вырыли в ледяном массиве пещеру, куда и забился весь небольшой отряд; люди поужинали и, утомленные, почти тотчас же уснули.

На следующий день в восемь часов все уже были на ногах и прошли еще одну милю по той же лощине, — необходимо было узнать, пересекала ли она ледовый барьер во всю его ширину? Судя по положению солнца, расщелина шла уже не на северо-восток, а поворачивала к юго-востоку.

В одиннадцать часов лейтенант Гобсон и его спутники вышли на другую, противоположную сторону затора. Сомнений не было — проход существовал.

Вся эта восточная сторона ледяного поля была в таком же хаотическом состоянии, как и западная. То же скопление льдов, то же нагромождение глыб. Впереди лежало необозримое пространство, на котором высились ледяные горы и торосы, кое-где разделенные ровными, но узкими ледяными полями, пересеченными множеством трещин с уже тающими краями. Здесь царила та же заброшенность, то же молчание пустыни. Ни зверя, ни птицы.

Миссис Барнет, поднявшись на вершину ледяного холма, простояла так целый час, созерцая печальный полярный ландшафт. Она невольно вспомнила о той попытке двинуться в путь, которую они совершили пять месяцев назад. Она представила себе всех обитателей фактории, весь этот жалкий караван, затерянный во тьме полярной пустыни, пытающийся добраться до американского материка, преодолевая столько препятствий и подвергаясь стольким опасностям.

Лейтенант Гобсон вывел ее, наконец, из глубокой задумчивости.

— Сударыня, — сказал он, — прошло уже двадцать четыре часа с тех пор, как мы ушли из форта. Ширина ледового затора нами выяснена, и, так как мы обещали вернуться не позже чем через двое суток, я думаю, пора возвращаться.

Миссис Барнет согласилась. Цель разведки была достигнута. Затор оказался средней ширины и должен был в скором будущем разрушиться, дав возможность судну Мак-Напа пройти сейчас же вслед за двинувшимися льдами. Итак, надо было возвращаться, к тому же погода могла перемениться, а снежная буря сделала бы лошину труднопроходимой.

Позавтракали и около часа дня пустились в обратный путь. В пять часов, как и накануне, сделали привал в ледяной хижине. Ночь прошла спокойно, и на следующий день, 9 марта, лейтенант Гобсон в восемь часов утра подал знак к выступлению.

Погода была прекрасная. Солнце уже поднялось над ледовым барьером, и в ложину проникали его лучи. Джаспер Гобсон и его спутники, направляясь на запад, шли спиной к солнцу, но в глаза им било сияние его лучей, отраженное скрещивающимися перед ними ледяными гранями.

Миссис Барнет и Калюмах, немного отстав, беседуя, шли по узкому проходу, указанному Марбром и Сэбином. К двенадцати часам путники надеялись снова пересечь затор и пройти не больше чем за два часа три мили, отделявшие их от острова Виктории. Таким образом, участники экспедиции могли бы возвратиться в форт с заходом солнца, опоздав всего на несколько часов, и это опоздание не слишком беспокоило бы их товарищей.

Они рассчитывали так, не подозревая о происшествии, которого, несомненно, никакая человеческая проницательность предусмотреть не могла.

Было около десяти часов, как вдруг Марбр и Сэбин, ушедшие шагов на двадцать вперед, остановились. Казалось, они о чем-то спорили. Догнав их, лейтенант, миссис Барнет и Калюмах увидели, что Сэбин, держа в руке буссоль, указывал на нее своему спутнику, а тот с удивлением смотрел на стрелку.

— Странное дело! — воскликнул он, обращаясь к Джасперу Гобсону. — Не скажете ли вы, лейтенант, в какой стороне по отношению к затору лежит наш остров? На западе или на востоке?

— Конечно, на западе, — ответил Джаспер Гобсон, которого этот вопрос очень удивил, — и вы сами, Марбр, это прекрасно знаете.

— Я-то знаю!.. Прекрасно знаю... — ответил Марбр, кивнув головой. — Но если остров лежит на западе, мы, стало быть, идем не туда и удаляемся от него!

— Как! Мы удаляемся от острова? — вскричал лейтенант, озадаченный уверенным тоном охотника.

— Вне всякого сомнения, лейтенант! — ответил Марбр. — Взгляните на компас: или я ничего не понимаю, или он указывает, что мы идем на восток, а не на запад!

— Но этого быть не может! — воскликнула путешественница.

— Взгляните сами, сударыня, — ответил Сэбин.

И в самом деле, магнитная стрелка указывала на север, в направлении, совершенно противоположном тому, на которое они рассчитывали. Джаспер Гобсон молча думал.

— Вероятно, мы ошиблись сегодня утром, выйдя из ледяного дома, — сказал Сэбин. — Должно быть, повернули налево, вместо того чтобы пойти направо.

— Нет, — воскликнула миссис Барнет, — этого не может быть! Мы не могли ошибиться!

— Однако... — сказал Марбр.

— Однако, — подхватила миссис Барнет, — посмотрите на солнце! Разве оно отныне больше не восходит на востоке? А раз мы с утра шли к нему спиной и продолжаем идти так же, это доказывает, что мы идем на запад. Итак, поскольку остров находится на западе, мы увидим его, выйдя из лощины к западной части затора.

Марбр, сраженный этим неопровержимым доводом, на который ему нечего было возразить, молча скрестил руки.

— Пусть так, — сказал Сэбин, — но тогда выходит, что буссоль и солнце разошлись друг с другом?

— Да, по крайней мере сейчас, — ответил Джаспер Гобсон, — и вот отчего это зависит: в этих высоких северных широтах и в областях, соседних с магнитным полюсом, случается иногда, что магнитная стрелка компаса внезапно отклоняется и дает совершенно ложные показания.

— Ладно, — сказал Марбр, — значит, надо так и идти, повернувшись спиной к солнцу?

— Безусловно, — ответил лейтенант. — Мне кажется, что, выбирая между солнцем и компасом, колебаться не следует. Ведь солнце не отклоняется.

Путники двинулись дальше, оставляя солнце позади. Все понимали, что доводы Джаспера Гобсона, основанные на положении лучезарного светила, оспаривать не приходится.

Отряд шел ложиной, но значительно дольше, чем ожидали. Джаспер Гобсон рассчитывал пересечь затор еще до полудня, между тем было уже два часа, когда они оказались, наконец, у выхода из узкого коридора.

Эта, впрочем, весьма странная задержка не беспокоила лейтенанта, но каково было изумление и его самого и его спутников, когда, ступив на ледяное поле у основания затора, они не обнаружили острова Виктории, который должен был находиться напротив.

Да! Острова не было, хотя по деревьям, венчающим мыс Майкл, его легко было бы узнать с этой стороны. Вместо этого перед ними простиралось бесконечное ледяное поле, все залитое солнечными лучами, падавшими на него поверх ледового барьера.

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, Калюмах и оба охотника огляделись по сторонам и переглянулись.

— Остров должен был находиться там! — воскликнул Сэбин.

— А его там больше нет! — ответил Марбр. — Куда же он подевался, господин лейтенант?

Ошеломленная миссис Барнет не находила слов. Джаспер Гобсон молчал.

Но тут к лейтенанту Гобсону подошла Калюмах и, дотронувшись до его руки, сказала:

— Мы заблудились в ложине, мы пошли вверх по ней вместо того, чтобы спуститься вниз, и теперь мы в том же месте, где были вчера, когда проходили в первый раз через затор. Идите сюда! Идите!

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, Марбр, Сэбин, так сказать, машинально, доверяя инстинкту эскимоски, дали себя увести и опять углубились в узкий проход, чтобы возвратиться назад. Между тем, судя по положению солнца, все признаки были против Калюмах.

Но девушка, ничего не объясняя и не останавливаясь, повторяла:

— Идем! Скорей! Скорей!

Лейтенант, путешественница и их спутники были в полном изнеможении и едва передвигали ноги. Уже наступила ночь, когда, наконец, после трех часов

пути они оказались по другую сторону ледового затора. Темнота мешала им сразу увидеть, там ли находится остров, но эта неизвестность продолжалась недолго.

Действительно, в нескольких сотнях шагов от них на ледяном поле во всех направлениях горели смоляные факелы и раздавались ружейные выстрелы. Это звали их.

Отряд ответил на призыв, и вскоре к нему уже присоединились сержант Лонг, Томас Блэк, которого тревога за друзей вывела, наконец, из обычного оцепенения, и другие зимовщики, вышедшие им навстречу. Несчастные люди были в самом деле крайне встревожены, решив, что Джаспер Гобсон и его спутники, возвращаясь на остров, заблудились, что, впрочем, вполне соответствовало действительности.

Но какие были основания для такого предположения у людей, оставшихся в форте Надежды? Почему могли они думать, что лейтенант, возвращаясь обратно со своим маленьким отрядом, заблудился?

Дело было в том, что двадцать четыре часа назад огромное ледяное поле, а вместе с ним и остров переместились, сделав полуоборот вокруг своей оси. И в результате этого перемещения блуждающий остров надо было искать не к западу, а к востоку от ледового барьера!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Движение льдов

Два часа спустя все были уже в форте Надежды. На следующий день, 10 марта, солнце озарило прежде всего ту сторону побережья, которая раньше была западной частью острова. Теперь мыс Батерст был обращен своим острым концом не на север, а на юг. Калюмах, которой подобные явления были хорошо знакомы, оказалась права, и если не ошиблось солнце, то нельзя было обвинять и буссоль!

Таким образом, положение острова Виктории относительно стран света изменилось еще раз и теперь

гораздо заметнее. С тех пор как остров отделился от американского континента, он повернулся вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, и повернулся не только самый остров, но и огромное ледяное поле, которое окружало его. Это вращательное движение указывало на то, что ледяное поле уже не соединено с материком, что оно отошло от побережья, и, следовательно, вскоре начнется передвижение льдов.

— Во всяком случае, — сказал лейтенант Гобсон путешественнице, — эта перемена фронта пойдет нам только на пользу. Мыс Батерст и форт Надежды повернулись к юго-востоку, то есть в направлении континента, и теперь ледовый затор, оставлявший нашему судну лишь очень узкий и трудный проход, уже не загораживает нам путь к Америке.

— Значит, все к лучшему? — спросила с улыбкой миссис Барнет.

— Все к лучшему, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, правильно оценивший последствия этой перемены положения острова Виктории.

С 10 по 21 марта никаких событий не произошло, но уже чувствовалось приближение весны. Температура держалась между сорока тремя и пятьюдесятью градусами по Фаренгейту (6° — 10° выше нуля по Цельсию), и эта оттепель могла вызвать внезапный разлом и движение льдов. На ледяном поле появились новые трещины и разводья. По меткому выражению китобоев, трещины эти были «кровоточащими ранами» ледяных полей. Треск ломающихся льдин раздавался подобно артиллерийским залпам. Теплый дождь, продолжавшийся несколько дней подряд, ускорил таяние ледяной поверхности моря.

Птицы, покинувшие пловучий остров в начале зимы, возвращались теперь огромными стаями. То были белые межняки, кайры, тупики, дикие утки и прочие. Марбр и Сэбин настреляли их немало. Среди убитых оказалось несколько птиц с теми записками на шее, которые несколько месяцев назад были составлены лейтенантом Гобсоном и путешественницей. Оглашая воздух громким жлекотом, проносились стаи белых лебедей. Что касается четвероногих —

грызунов и хищников, — то они по старой привычке посещали окрестности фактории и вели себя как настоящие домашние животные.

Почти ежедневно, когда это было возможно по состоянию неба, лейтенант Гобсон определял географическое положение острова. Иногда ему в этом помогала или даже заменяла его миссис Барнет, прекрасно научившаяся обращаться с секстаном. Действительно, тщательное наблюдение за малейшим изменением положения острова, в смысле долготы и широты, было крайне необходимо. Серьезный вопрос о влиянии на остров одного из двух противоположных течений до сих пор не был решен, и лейтенанта Гобсона и путешественницу больше всего беспокоила мысль, в каком направлении — на север или на юг — двинется остров, когда море освободится от льдов.

Надо сказать, что миссис Барнет, обладавшая смелым и мужественным характером, всегда и во всем проявляла необычную для женщины энергию. Обитатели форта Надежды ежедневно наблюдали, как она, невзирая на усталость и дурную погоду, в дождь и снег отправлялась либо на разведку в какую-нибудь часть острова, либо на ледяное поле, уже наполовину покрытое трещинами и разводьями. Возвращаясь домой, она сразу же входила во внутреннюю жизнь фактории и заботилась о благополучии своих товарищей, помогая им советом и делом. Верная Мэдж не отставала в этом от своей госпожи.

Миссис Барнет смело смотрела в будущее и ничем не выдавала ни сомнений, иногда против воли охватывавших ее, ни предчувствий, которых не мог победить ее здравый ум. Все видели в ней женщину, исполненную твердой уверенности и всегда готовую оказать поддержку другому. Она всегда была в ровном настроении, и никто не подозревал о той мучительной тревоге, которую она не могла в себе побороть. Джаспер Гобсон глубоко восхищался ею.

К Калюмах лейтенант Гобсон тоже чувствовал полное доверие и часто полагался на природный инстинкт молодой эскимоски, подобно тому как охотник полагается на инстинкт своего верного друга — собаки.

Умная Калюмах была к тому же хорошо знакома с особенностями полярной природы и связанными с ней случайностями. Эта юная эскимоска смело могла бы заменить на борту китобойного судна так называемого «ice-master» — ледового лоцмана, которому поручается вождение судна во время плавания среди льдов. Калюмах ежедневно отправлялась на ледяное поле проверить его состояние и по одному только доносившемуся издалека треску айсбергов угадывала, как идет разлом льда. Никогда еще более смелая нога не ступала по льдинам. Калюмах инстинктивно чувствовала, какая из «подгнивших» льдин может еще выдержать ее легкое прикосновение, и бесстрашно носилась по испещренной трещинами ледяной поверхности океана.

Начавшаяся ранее оттепель с 20 по 30 марта еще усилилась, а обильные дожди ускорили таяние. Появилась надежда, что ледяное поле вскоре само распадется и через каких-нибудь две недели лейтенант Гобсон, воспользовавшись широкими разводьями, спустит свое судно на воду, и обитатели форта двинутся сквозь плывучие льды. Джаспер Гобсон был человек решительный и не стал бы колебаться, тем более когда прозила опасность, что Камчатское течение возьмет верх над течением Берингова пролива и остров Виктория будет унесен на север.

— Этого не надо бояться, — упорно твердила Калюмах, — ведь льды не поднимаются к северу, а, наоборот, спускаются к югу. И вот это-то и опасно! — повторяла она, указывая на юг, где простирались необозримые воды Тихого океана.

Юная эскимоска была совершенно уверена в этом. Лейтенанту Гобсону было известно ее мнение, и он успокоился, так как считал, что гибель острова в Тихом океане еще не означает гибели людей. Ведь весь персонал фактории заблаговременно перейдет на судно, которое доставит его на ближайший берег того или другого континента, ибо Берингов пролив является настоящей воронкой между мысом Восточным на азиатском побережье и мысом Принца Уэльского на американском.

Итак, можно понять, с каким вниманием надо было следить за малейшим перемещением острова. Обсервации производились всякий раз, когда это позволяло состояние неба, и начиная с этого времени лейтенант Гобсон и его товарищи принимали все нужные меры в предвидении близкой и, быть может, неожиданной посадки на бот.

Нечего и говорить, что обычные для фактории работы — охота и установка капканов и ловушек — были теперь полностью заброшены. Склады и так были переполнены мехами, большая часть которых должна была неизбежно погибнуть. Охотники и звероловы остались без дела. Что касается старшего плотника и его подручных, то они закончили постройку судна и, в ожидании того времени, когда море очистится от льдов и бот можно будет спустить на воду, занялись укреплением главного дома форта. Это было разумно, так как в период движения льдов дом мог подвергнуться сильному сжатию со стороны оттаявшего вдоль побережья припая, если бы мыс Батерст не оказал льдам достаточного сопротивления. Поэтому деревянные стены дома укрепили толстыми подпорами. В комнатах установили вертикальные столбы, послужившие новыми точками опоры для потолочных балок. Кровля дома, стропила которой были в свою очередь усилены подпорками и железными прутьями, напоминала теперь свод каземата и могла выдержать большую нагрузку. Все эти работы были закончены в первых числах апреля, и вскоре пришлось убедиться не только в их полезности, но и в своевременности.

Между тем с каждым днем появлялись все новые признаки близкой весны. Весна была удивительно ранняя, и наступила она после на редкость мягкой для северных областей зимы. На деревьях распустились первые почки. Кора берез, ив, толокнянки набухла под влиянием согретых теплом соков. Нежнозеленого цвета мхи покрыли склоны холмов, открытые лучам солнца, и грызуны, которыми кишели окрестности форта, изголодавшись за зиму, с жадностью набрасывались на молодую зелень, едва она появлялась на поверхности земли.

Но кто чувствовал себя в те дни действительно несчастным, так это почтенный капрал. Читатель уже знает, что супругу миссис Джолиф был поручен надзор за огородными участками, засеянными его женой. При других обстоятельствах ему пришлось бы охранять урожай щавеля и ложечника от посягательств одних лишь пернатых грабителей — чистиков и тупиков. Для устрашения этих прожорливых птиц достаточно было бы пугала, а уж тем более самого капрала! Однако на этот раз к птицам присоединились и грызуны, а также жвачные животные полярной фауны. Зима так и не заставила их уйти, и, чуя инстинктом опасность, они держались вблизи фактории. Ни северные олени, ни полярные зайцы, ни мускусные крысы, ни землеройки и куницы не боялись угроз капрала. Бедняга не мог с ними справиться: пока он охранял один край поля, они опустошали другой.

С факторией вскоре предстояло расстаться, и, конечно, самым благоразумным было бы уступить этим многочисленным четвероногим врагам урожай, которым все равно не пришлось бы воспользоваться. Миссис Барнет так и советовала поступить упрямому капралу, докучавшему ей двадцать раз на дню своими жалобами, но Джолиф и слышать об этом не хотел.

— Помилуйте, сударыня, ведь затрачено столько труда, — отвечал он. — Расстаться с факторией, когда она вступает на путь процветания! Пожертвовать семенами, которые миссис Джолиф и я с такой заботливостью сеяли!.. Ах, сударыня, у меня иногда является желание отпустить всех, вас и остальных, и остаться здесь вдвоем с женою. Уверен, что компания согласилась бы отдать нам остров в полную собственность...

Миссис Барнет не могла удержаться от смеха, слушая эти нелепые рассуждения, и отсылала капрала к его жене, давно уже махнувшей рукой на свой щавель, ложечник и другие, теперь уже ненужные, противощыготные средства.

Надо сказать, что здоровье зимовщиков, как мужчин, так и женщин, было в превосходном состоянии. Одни только болезни и щадили их. Ребенок

совершенно поправился и, греясь в первых лучах весеннего солнца, рос всем на радость.

В течение 2, 3 и 4 апреля продолжало усиленно таять. Заметно потеплело, но погода была пасмурная. Часто шел дождь, падавший крупными каплями. Дул юго-западный ветер, насыщенный теплыми испарениями, поднимавшимися с континента. Сквозь густую завесу не видно было ни солнца, ни луны, ни звезд; обсервация становилась невозможной в этой туманной атмосфере, что было весьма досадно, так как наблюдать за малейшим перемещением острова было крайне важно.

В ночь с 7 на 8 апреля началось настоящее движение льдов. Взойдя утром на вершину мыса Батерст, лейтенант Гобсон, миссис Барнет, Калюмах и сержант Лонг установили, что ледяной затор принял несколько иной вид. Этот огромный ледовый барьер, разделившись почти пополам, представлял теперь два отдельных крыла, и казалось, что его более высокая часть двигалась к северу.

Было ли это влияние Камчатского течения? И должен ли был блуждающий остров следовать в том же направлении? Легко понять, какая тревога поднялась в душе лейтенанта и его товарищей. Их дальнейшая судьба могла решиться в течение нескольких часов. Если бы роковое стечение обстоятельств отбросило их еще на несколько сот миль дальше к северу, добраться до материка на таком маленьком судне, как бот, было бы почти невозможно.

По несчастью, зимовщики не могли определить силу и характер происходившего перемещения льдов. Тем не менее движение ледового барьера было вполне ощутимо, и можно было установить, что остров, по крайней мере по отношению к затору, не перемещается. Таким образом, казалось вероятным, что часть ледяного поля отделилась и поднимается к северу, тогда как окружающие остров льды все еще остаются неподвижными.

Неожиданное перемещение огромного ледового массива нисколько, однако, не изменило мнения Калюмах. Она продолжала утверждать, что льды пой-

дут на юг и влияние Берингова течения вскоре скажется и на самом ледовом барьере. Чтобы ее лучше поняли, она взяла щепку и, изобразив на песке, где и как расположен пролив, наметила направление течения и показала, что, следуя ему, остров приблизится к берегам Америки. Никакие возражения не могли поколебать ее на этот счет, и зимовщики почти успокоились, слушая, с какой уверенностью отстаивала смышленная девушка свою правоту.

Однако 8, 9 и 10 апреля состояние ледового барьера как будто опровергало доводы Калюмах. Северная часть его все больше и больше отодвигалась к северу. Мощное движение льдов сопровождалось невероятным гулом. Во всех точках побережья с ужасающим треском взламывался лед, и разговаривать из-за шума можно было лишь в доме. Беспреданно раздавался грохот, подобный непрекращающейся канонаде. В полумиле от берега, в той части побережья, над которой высился мыс Батерст, лед уже начинал тороситься. Ледовый массив распадался на множество отдельных ледяных гор, которые уплывали на север. Таким по крайней мере казалось направление их перемещения. Как ни старался лейтенант Гобсон скрыть свою тревогу, она все возрастала, и настойчивые доводы Калюмах уже не могли его успокоить. Он возражал ей, но эскимоска упорно стояла на своем.

Наконец, однажды — это было утром 11 апреля — Джаспер Гобсон указал Калюмах на последние ледяные горы, которые, скрываясь на севере, уже исчезали из виду, и сослался на это, казалось, основанное на факте и тем самым неопровержимое доказательство.

— Да нет же, нет! — ответила Калюмах более, чем когда-либо, убежденным тоном. — Нет! Не ледовый затор поднимается на север, а наш остров спускается к югу!

Ее ответ чрезвычайно поразил Джаспера Гобсона. А что, если Калюмах права? В самом деле, разве движение затора на север не могло быть только кажущимся, а в действительности — это увлекаемый ледяным полем остров Виктория перемещался к проливу?

Но зимовщики не могли установить ни факта самого движения, ни его скорости, ни местоположения дрейфующего острова.

Между тем погода не только не прояснялась, что мешало наблюдениям, но еще одно свойственное полярным странам явление, к несчастью, совсем затемнило атмосферу и значительно ограничило видимость.

Как раз к началу движения льдов температура понизилась на несколько градусов, и вскоре всю эту часть океана окутал какой-то странный туман. Все вокруг покрылось особой, не похожей на обычный иней, белой коркой, которая образовалась из замерзших после своего осаждения водяных испарений. Чрезвычайно тонкие частицы этого замерзшего тумана прилеплялись к деревьям, кустарникам, стенам форта, ко всем выступам и вскоре образовали на них толстый слой, испещренный прожилками призматической или пирамидальной формы, верхушки которых отклонялись в направлении ветра.

Джаспер Гобсон узнал это атмосферное явление, которое китобои и зимовщики нередко наблюдают весной в полярных странах.

— Это вовсе не туман, — сказал он своим товарищам, — это род инея, изморози, это сгустившиеся испарения, остающиеся в состоянии полного замерзания.

Но был ли то туман или изморозь, — такое атмосферное явление было одинаково нежелательно, — эта завеса, поднимавшаяся по меньшей мере на высоту ста футов над уровнем моря, обладала такой густотой и плотностью, что люди не видели друг друга на расстоянии трех шагов.

Надежды зимовщиков были обмануты. Невзгоды следовали за невзгодами, и, казалось, природа ни в чем не хотела пощадить их. Как раз во время движения льдов, когда блуждающий остров должен был освободиться от сжимавших его в продолжение стольких месяцев оков, когда надо было особенно зорко следить за его передвижением, спустился этот мешавший всякому наблюдению туман!

Так продолжалось четыре дня! Туман рассеялся только 15 апреля; подувший с утра резкий южный ветер прорвал и разогнал его пелену.

Засияло солнце. Лейтенант Гобсон бросился к своим приборам. Он произвел измерение высоты, и в результате вычислений были определены координаты острова на тот день:

Широта — $69^{\circ}57'$
Долгота — $179^{\circ}33'$

Калюмах была права. Остров Виктория, уносимый Беринговым течением, дрейфовал к югу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Обвал

Итак, зимовщики приблизились, наконец, к менее пустынной части Берингова моря. Теперь им уже не приходилось опасаться, что остров будет отнесен к северу, и оставалось только наблюдать за его перемещением и определять скорость движения, которая менялась в зависимости от встречавшихся на пути препятствий. Именно этим и занялся Джаспер Гобсон, производя поочередно самые тщательные вычисления высоты солнца и звезд. На следующий же день, 16 апреля, вычисления показали, что если скорость движения останется неизменной, то к началу мая остров Виктория достигнет Полярного круга, от которого его отделяло не более четырех градусов широты.

Можно было предположить, что остров, оказавшись в узкой части пролива, остановится в своем движении и останется неподвижным до тех пор, пока море не очистится ото льдов. Тогда зимовщики спустят на воду свой бот и поплывут, распустив паруса, к американскому континенту.

Читатель знает, что все было предусмотрено и готово к немедленному отплытию.

Обитатели острова запаслись теперь еще бóльшим терпением, а главное — стали больше надеяться на

свое спасение. Этим несчастным, столько пережившим людям казалось, что недалек час избавления и что они очутятся вскоре так близко от того или другого побережья, что ничто не помешает им причалить через несколько дней к земле.

Эта надежда возвратила зимовщикам мужество и подняла их упавший было дух. К ним снова вернулась природенная живость, давно уже утраченная в тяжелых испытаниях. За столом опять стало весело, тем более что в съестных припасах недостатка не было, а в связи с новыми перспективами уже не приходилось их экономить. Скорее наоборот! Кроме того, уже чувствовалось веяние весны, и все с упоением вдыхали теплый ветерок, который она несла с собою.

В последующие дни было предпринято несколько экскурсий вглубь острова и вдоль побережья. Ни пушные звери, ни жвачные животные, ни хищники и думать не могли о том, чтобы покинуть остров, так как ледяное поле, державшее их в заточении и разъединявшее с американским континентом, — что подтверждалось перемещением льдов, — не дало бы им возможности добраться до материка.

Ни мыс Эскимосов, ни мыс Майкл, никакая другая часть побережья острова не подверглись каким-либо изменениям.

Ничто не изменилось ни в центре острова, ни в лесной поросли, ни на берегах озера. Большая расселина, образовавшаяся вблизи мыса Майкл во время бури, за зиму закрылась, и никаких других трещин на поверхности земли не появлялось.

Во время экскурсии зимовщики встречали не одну стаю волков, рыскавших по острову. Только эти хищники из всей фауны острова Виктории, несмотря на общую с человеком опасность, не стали ручными.

Несколько раз видели зимовщики и спасителя Калюмах: благородный зверь печально бродил по пустынным равнинам; когда мимо проходили люди, он останавливался. Чувствуя, что ему нечего бояться этих добродушных людей, не имевших намерения причинить ему зло, медведь иногда провожал их до самого форта.

Двадцатого апреля лейтенант Гобсон установил, что блуждающий остров продолжает продвигаться к югу. Остатки ледового затора — ледяные горы южного крыла — следовали за островом; но изменение его местоположения, за отсутствием ориентиров, можно было определить лишь путем астрономических наблюдений.

По распоряжению Джаспера Гобсона, желавшего выяснить толщину льдины, поддерживавшей земляной покров острова, в нескольких местах, а именно у подножья мыса Майкл и на берегах озера, производилось несколько раз бурение почвы. Было установлено, что толщина льдины не увеличилась, как не увеличилась и высота острова над уровнем моря. На основании этого было решено как можно скорее покинуть этот ненадежный остров, который, попав в более теплые воды Тихого океана, неминуемо растаял бы.

К этому времени, 25 апреля, положение острова в отношении стран света еще раз изменилось. Ледяное поле обернулось вокруг своей оси, с востока на запад, на три восьмых своей окружности. Вершина мыса Баттерст была теперь обращена на северо-запад, и последние остатки ледового затора закрыли северный горизонт. Это было доказательством того, что ледяное поле свободно перемещалось в проливе и еще не соединилось ни с какой землей.

Приближался решительный момент. Дневные и ночные наблюдения точно устанавливали местоположение острова, а следовательно, и местоположение ледяного поля. 30 апреля вся эта масса льдов дрейфовала мимо залива Коцебу — большой треугольной выемки, глубоко врезающейся в американский берег. Мыс Принца Уэльского, выдающийся вперед в южной части залива, мог бы задержать блуждающий остров, отклонись он только от самой середины узкого прохода.

Погода стояла довольно хорошая, и термометр нередко показывал пятьдесят градусов по Фаренгейту (10° выше нуля по Цельсию). Уже несколько недель, как зимовщики расстались со своей зимней одеждой. Они в любой миг готовы были к отплытию, и Томас Блэк уже перенес свою поклажу ученого — астрономические приборы и книги — в стоявший на стапеле бот.

Погрузили также часть провизии и наиболее ценные меха.

Второго мая весьма тщательное наблюдение показало, что остров Виктория отклоняется к востоку, приближаясь тем самым к американскому материку. То было чрезвычайно благоприятное обстоятельство: ведь Камчатское течение, как известно, проходит вдоль Азиатского побережья, и больше не приходилось опасаться, что оно вновь захватит остров в свои воды. В первый раз зимовщикам улыбнулось счастье!

— Мне думается, мы, наконец, утомили враждебную нам судьбу, сударыня, — сказал сержант Лонг, обращаясь к миссис Барнет. — Очевидно, несчастья наши подходят к концу, и я считаю, что нам больше нечего опасаться.

— Да, я того же мнения, сержант Лонг, — ответила миссис Барнет, — какое счастье, что несколько месяцев назад нам пришлось отказаться от этого путешествия через ледяное поле. Желая нас спасти, провидение сделало его непроходимым!

Говоря так, миссис Барнет была безусловно права. В самом деле, сколько опасностей, сколько препятствий ожидало их на этом пути, сколько трудностей пришлось бы им перенести для того, чтобы зимой, в долгую полярную ночь, преодолеть шестьсот миль, отделявших их от материка.

Пятого мая Джаспер Гобсон объявил своим товарищам, что остров пересекает Полярный круг. Наконец, он снова попадал в ту зону земного сфероида, которую солнце не покидает даже в период своего наибольшего склонения к югу. И этим достойным людям казалось, что они опять возвращаются в обитаемый мир.

В тот день изрядно выпили, «спрыснув» Полярный круг, подобно тому, как «спрыскивают» экватор на борту пересекающего его впервые корабля.

Теперь оставалось лишь ждать, когда распавшиеся и подтаявшие льды откроют проход боту, который увезет всех обитателей фактории.

Днем 7 мая положение острова относительно стран света снова изменилось, на этот раз на четверть окружности. Мыс Батерст был теперь обращен на север, и

над ним нависали все оставшиеся от затора ледяные массы. Таким образом, он почти вернулся к положению, которое занимал на географических картах в те времена, когда он составлял еще одно целое с американским материком. Остров сделал полный оборот вокруг своей оси, и в последние месяцы восходящее солнце приветствовало по очереди все точки его побережья.

Наблюдение 8 мая показало, что остров стоит неподвижно приблизительно в середине Берингова пролива, меньше чем в сорока милях от мыса Принца Уэльского. Итак, земля была на сравнительно небольшом расстоянии от них, и спасение зимовщиков было, казалось, обеспечено.

Вечером торжественно поужинали в большой зале и провозгласили тосты в честь миссис Барнет и лейтенанта Гобсона.

В тот же вечер лейтенант решил разведать, какие изменения могли произойти в южной части ледяного поля, и установить, не обнаружится ли там проходимый для судна путь.

Миссис Барнет выразила желание сопровождать Джаспера Гобсона, но он уговорил ее отдохнуть и ушел, взяв с собою только сержанта Лонга. Уступив настоятельной просьбе лейтенанта, миссис Барнет ушла вместе с Мэдж и Калюмах в главный дом. Солдаты и их жены также расположились на ночлег в отведенной им пристройке.

Была чудесная ночь. Луна не появлялась, и звезды сияли особенно ярко. Расстилавшаяся впереди даль была освещена неясным светом, отражавшимся ледяным полем.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг, выйдя из форта в девять часов вечера, направились к части побережья, расположенной между исчезнувшим портом Барнет и мысом Майкл.

Оба путника прошли вдоль берега две-три мили. Но какое зрелище являло собою это ледяное поле! Какие разрушения! Какой хаос! Гигантская груда кристаллов причудливой формы — точно море, внезапно застывшее в самый разгар шторма! Все вокруг было еще забито льдами, и судно не могло бы пройти.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг задержались на побережье до полуночи, наблюдая и беседуя между собой. Убедившись, что все осталось в прежнем состоянии, они решили возвратиться в форт и немного отдохнуть до утра.

Пройдя сотню шагов, они оказались у высохшего русла реки Полины. Но вдруг их остановил неожиданный шум. То был какой-то отдаленный гул, доносившийся с северной части ледяного поля. Шум все усиливался и вскоре совсем оглушил их. Там, несомненно, совершалось какое-то могучее стихийное явление! Лейтенанту Гобсону показалось, что почва дрогнула у него под ногами, и это встревожило его больше всего.

— Шум доносится со стороны ледового затора! — сказал сержант Лонг. — Что там случилось?..

Джаспер Гобсон ничего не ответил и, до последней степени взволнованный, увлек своего спутника к побережью.

— К форту! К форту! — закричал лейтенант Гобсон. — Вероятно, лед разошелся, и можно будет спустить бот в море!

И оба во весь дух бросились кратчайшим путем к форту Надежды.

Множество мыслей пронеслось в их голове. Какая новая катастрофа произвела этот неожиданный шум? Знают ли о происходящем уснувшие обитатели форта? Да, безусловно! Ведь беспрерывно усиливавшийся грохот мог бы, как говорится, «разбудить и мертвого»!

За двадцать минут Джаспер Гобсон и сержант Лонг пробежали две мили, отделявшие их от форта Надежды. Но, еще не дойдя до ограды, они услышали отчаянные крики и увидели своих товарищей, беспорядочно разбегавшихся в смятении и ужасе. Плотник Мак-Нап подошел к лейтенанту, держа на руках своего малыша.

— Посмотрите, мистер Гобсон, — сказал он, увлекая лейтенанта на пригорок, возвышавшийся в нескольких шагах за оградой фактории.

И вот что открылось взору Джаспера Гобсона!

Остатки ледового барьера, находившиеся до ухода лейтенанта в двух милях от острова, внезапно устре-

мились на побережье. Мыса Батерст больше не существовало, и гигантская гряда земли и песка, сметенная ледяными горами, обрушилась на фабрику. Главный дом и прилегавшие к нему с северной стороны строения исчезли под огромным обвалом. Лдины со страшным шумом громоздились друг на друга и снова рушились, низвергая все на своем пути. Казалось, ледяные глыбы пошли в наступление на остров.

Что касается судна, стоявшего у подножья мыса, то оно было уничтожено!.. Исчезла последняя надежда несчастных зимовщиков!

В эту минуту строение, где недавно находились и откуда во-время успели выскочить солдаты и женщины, рухнуло под тяжестью упавшей на него огромной ледяной глыбы. Раздался отчаянный вопль несчастных людей.

— А остальные наши товарищи?! — воскликнул лейтенант, и в голосе его послышался невыразимый ужас.

— Там, — ответил Мак-Нап, указывая на груды песка, земли и льда, под которой исчез главный дом фабрики.

Да, под этой лавиной были погребены застигнутые во время сна миссис Барнет и вместе с нею Мэдж, Калюмах и Томас Блэк!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Все за работой

Произошла страшная катастрофа. Ледовый барьер навалился на блуждающий остров! Глубоко погруженный в воды океана, так что над поверхностью выступала лишь пятая часть его, этот огромный ледовый массив не мог противиться подводным течениям. Проложив себе путь среди разошедшихся льдов, он всей тяжестью обрушился на остров Викторину, который под этим мощным ударом двинулся к югу.

Заслышав грохот обвала, придавившего псарню, оленьи стойла и главный дом фактории, Мак-Нап и его товарищи успели выскочить из флигеля, которому угрожала та же опасность. Через минуту и это строение рухнуло. Вокруг не осталось и следа человеческого жилья! А остров между тем уносил своих обитателей вглубь океана! Но, быть может, заваленные лавиной Полина Барнет, Мэдж, юная эскимоска и астроном все же уцелели? Надо было поспешить к ним на помощь и извлечь их на поверхность — живыми или мертвыми.

Лейтенант Гобсон в первое мгновение остолбенел, но тотчас же обрел свое обычное хладнокровие и воскликнул:

— Все за кирки и лопаты! Дом построен прочно! Он мог устоять! За работу!

В инструментах недостатка не было. Но приблизиться к оgrade оказалось невозможным. Она была завалена льдинами — отколовшимися пиками айсбергов; некоторые из этих обезглавленных гор, остатков торосистого барьера, все еще возвышались футов на двести над поверхностью острова Виктории. По одному этому легко было себе представить разрушительную силу этих пришедших в движение ледяных громад, которые, казалось, заполнили всю северную сторону горизонта. Часть побережья между исчезнувшим мысом Батерст и мысом Эскимосов была сплошь покрыта, буквально усеяна движущимися глыбами. Неудержимо стремясь вперед, гигантские торосы уже продвинулись на четверть мили вглубь острова. Каждую минуту сотрясение почвы и оглушительный грохот возвещали, что где-то обрушился айсберг. Но ужаснее всего было то, что придавленный этим невероятным грузом остров мог пойти ко дну. Рельеф местности заметно изменился, и стало очевидным, что северная часть побережья маломалу погружается: воды океана уже подступали к самому озеру.

Положение зимовщиков было ужасным; не имея возможности что-либо предпринять для спасения товарищей, отброшенные от огады напором ледяной лавины, не в силах отразить ее грозное вторжение, а тем

более остановить его, они вынуждены были весь остаток ночи бездействовать, охваченные мрачным отчаянием.

Наконец, начало светать. Какое страшное зрелище являли собой окрестности мыса Батерст! Весь видимый горизонт был опоясан ледовым барьером. Но наступление льдов как будто приостановилось, по крайней мере на время. Впрочем, кое-где айсберги, теряя равновесие, накренились, и с них срывались глыбы льда. Основная масса ледяных гор, глубоко погруженная в воду, сообщала теперь острову всю силу дрейфа, которую сама черпала в подводном течении, и остров с опасной быстротой устремлялся на юг, иначе говоря, в пучину.

Но те, кого он уносил с собою, этого не замечали. Они думали лишь об одном: о спасении жертв катастрофы, и прежде всего — смелой путешественницы, которую все они так любили и ради которой охотно отдали бы жизнь. Наступало время действовать. Теперь, наконец, уже можно было приблизиться к ограде, и нельзя было терять ни минуты — уже десять часов несчастные были погребены под лавиной.

Как уже было сказано, мыса Батерст больше не существовало. Под ударом исполинского айсберга он всей своей массой обрушился на факторию, уничтожил судно, завалил псарню и олени стойла и раздавил их вместе с находившимися там животными. Вскоре и главный дом исчез под слоем песка и земли, над которым выросла гора льда высотой в пятьдесят — шестьдесят футов. Двор форта был так загроможден, что не видно было ни одного столба ограды. Чтобы добраться до людей, заживо погребенных под этой массой льда, земли и песка, нужно было употребить титанические усилия.

Прежде чем приступить к раскопкам, лейтенант Гобсон подозвал старшего плотника.

— Как вы думаете, Мак-Нап, — обратился он к нему, — устоял ли дом под тяжестью лавины?

— Надеюсь, лейтенант, — отвечал Мак-Нап, — и почти готов в этом поручиться. Как вам известно, мы укрепили дом. Крыша стала прочнее сводов каземата,

подпирающие потолок столбы крепки и должны выдерживать. Кроме того, на дом обрушился сначала слой земли и песка, и это должно было ослабить удары ледяных глыб, которые падали на него с высоты торосистого барьера.

— Дай бог, чтобы вы оказались правы, Мак-Нап, — проговорил Джаспер Гобсон, — и да избавит он нас от страшной беды.

Затем лейтенант обратился к жене капрала.

— Миссис Джолиф, — спросил он, — есть ли в доме провизия?

— Конечно, мистер Гобсон! В кладовой и в кухне были мясные консервы.

— А вода?

— И вода и брэнди, — отвечала миссис Джолиф.

— Отлично, — воскликнул лейтенант, — значит, от голода и жажды они не погибнут! Только бы не задохнулись.

На это мастер Мак-Нап ничего не ответил. Действительно, если дом уцелел, как надеялся плотник, то самой большой опасностью, угрожавшей жертвам обвала, был недостаток воздуха. Вот почему надо было быстрее освободить замурованных или по крайней мере возможно скорее установить сообщение между засыпанным домом и внешним миром.

Все, и мужчины и женщины, вооружившись кирками и лопатами, принялись за работу. Они с ожесточением набросились на огромную кучу льда, песка и земли, рискуя вызвать новые обвалы. Мак-Нап стал во главе спасательных работ и методически направлял их.

Он решил атаковать гору с вершины. Оттуда можно было скатывать нагроможденные глыбы в сторону озера. Киркой и ломом нетрудно было справиться с льдинами средней величины, но более крупные глыбы приходилось сначала раскалывать на части, а самые большие — растапливать у костров, в которые все время подбрасывали хвойные смолистые дрова. Все силы были употреблены на то, чтобы быстрее разрушить и сбросить вниз всю эту массу льда.

Самоотверженные люди работали без передышки и останавливались лишь, чтобы перекусить; но нагро-

мождение льдов было столь велико, что солнце давно уже скрылось за горизонтом, а чудовищная гора как будто и не уменьшилась. Все же вершина ее мало-помалу выравнивалась. Решили работать всю ночь; и когда будет устранена опасность обвалов, Мак-Нап должен был прокопать в плотной массе льда и земли отвесный колодец, что позволило бы самым прямым и коротким путем достичь крыши дома и обеспечить доступ воздуха оставшимся в нем людям.

Всю ночь лейтенант Гобсон и его товарищи занимались разравниванием ледяного массива. Огонь и железо яростно атаковали беспорядочное нагромождение льдин, и оно медленно убывало. Мужчины работали кирками и лопатами. Женщины поддерживали пламя костров. Всеми владела одна мысль: спасти миссис Барнет, Мэдж, Калюмах, Томаса Блэка!

Наступило утро. Уже тридцать часов несчастные были заживо погребены и, несомненно, страдали из-за разреженного воздуха.

Теперь, когда ночные работы окончились, Мак-Нап мог приступить к рытью колодца, через который можно было добраться до крыши дома. По его расчетам, глубина колодца должна была быть не меньше пятидесяти футов. Пробить слой льда толщиной футов в двадцать было сравнительно легко, но затем трудности должны были возрасти: ведь надо было преодолеть слой земли и песка толщиной по крайней мере футов в тридцать, а эти сыпучие породы требовали укрепления стенок колодца. Поэтому заранее приготовили длинные доски, и прокладка шахты началась! В ней могли работать одновременно только три человека. Люди часто сменяли друг друга, и можно было надеяться, что дело пойдет быстро.

Как всегда бывает в минуты опасности, зимовщики то и дело переходили от надежды к отчаянию. Когда непредвиденные трудности задерживали работу или неожиданный обвал частично уничтожал ее, всех охватывало чувство безнадежности, и только твердый и уверенный голос Мак-Напа снова вселял в них бодрость. Пока мужчины рыли по очереди колодец, женщины, собравшись у подножья небольшого холма, терпеливо

ожидали, изредка перебрасываясь словами, и тихо молились. Единственно, чем они могли помочь работающим, — это приготовить пищу, которую солдаты наспех проглатывали в короткие минуты отдыха.

Пока рытье колодца шло без особых трудностей; правда, лед был чрезвычайно плотным, и это, естественно, замедляло работу. Только к вечеру Мак-Нап достиг слоя земли и песка, и нельзя было рассчитывать, что его удастся пройти раньше чем за сутки.

Наступила ночь. Рытье шахты не прекращалось. Было решено продолжать спасательные работы при свете смоляных факелов. На побережье, в одном из тюрсов, была на скорую руку выдолблена ледяная пещера для женщин и малыша. Ветер дул теперь с юго-запада, и вскоре полил довольно холодный дождь, перемежавшийся сильными порывами ветра. Но ни лейтенант, ни его товарищи и не думали прекращать работу.

Как раз в это время начались большие трудности. Рыть колодец в сыпучем песке оказалось невозможно, и, чтобы помешать осыпанию рыхлой почвы и песка, пришлось сначала обшивать стенки досками. Затем с помощью привязанного к веревке ведра солдаты стали вытаскивать вырытую землю на поверхность. Работа в этих условиях подвигалась, разумеется, очень медленно. Постоянно приходилось остерегаться оползней и соблюдать все меры предосторожности, чтобы землекопы сами не оказались засыпанными.

Мак-Нап почти все время находился на дне узкой шахты и сам руководил работами. Он то и дело ощупывал дно длинной киркой, но не чувствовал сопротивления, которое свидетельствовало бы, что колодец соприкоснулся с крышей дома.

Опять наступило утро, а между тем за ночь было пройдено всего десять футов земли и песка; если допустить, что дом устоял и кровля его, таким образом, находится на том же уровне, что и до обвала, то, прежде чем добраться до нее, надо было пройти еще футов двадцать.

Уже пятьдесят четыре часа миссис Барнет, две ее спутницы и астроном оставались в засыпанном доме.

Несколько раз лейтенант и Мак-Нап задавали себе вопрос, не пытаются ли несчастные жертвы обвала со своей стороны установить сообщение с внешним миром. Зная бесстрашие и стойкость миссис Барнет, они не сомневались, что мужественная женщина, если только она сохранила свободу передвижения, постарается пробить выход наружу. В доме были инструменты, и один из подручных плотника, Келлет, хорошо помнил, что он оставил в кухне свою лопату. Быть может, узники выломали дверь и начали прокладывать штольню? Но они могли вести ее лишь в горизонтальном направлении, и эта работа потребовала бы куда больше времени, чем предпринятое Мак-Напом рытье колодца: ведь нагромождение льда, возвышаясь футов на шестьдесят, покрывало собою пространство не менее пятисот футов в диаметре. Узники не могли, конечно, этого знать; во всяком случае, если предположить, что они приступили к прокладке штольни, то достичь края ледяной горы им удалось бы не раньше чем через неделю. А к этому времени, если бы у них и хватило пищи, они задохнулись бы от недостатка воздуха.

И все же Джаспер Гобсон самолично обходил все части ледяного массива, надеясь уловить хоть какой-нибудь звук, свидетельствующий о подземной работе. Но ничего не было слышно.

С наступлением дня Мак-Нап и его товарищи с новой энергией взялись за свой тяжелый труд. Земля и песок безостановочно подавались на поверхность, и колодец постепенно углублялся. Грубая дощатая обшивка удерживала рыхлую землю. Все же произошло несколько оползней, которые были быстро приостановлены, и до вечера больше никаких досадных происшествий не случилось. Правда, солдата Гарри ранило в голову осколком льда, но рана оказалась не опасной, и он не захотел даже бросить работу.

К четырем часам дня глубина колодца достигла пятидесяти футов; из них двадцать футов были прорыты во льду, а тридцать — в толще земли.

Именно на этом уровне Мак-Нап рассчитывал встретить кровлю дома, если она уцелела под давлением лавины.

Он находился в это время на дне колодца. Легко понять его разочарование, когда, вонзив глубоко в землю свою кирку, он не ощутил ожидавшегося им сопротивления. Скрестив руки, плотник с минуту молча смотрел на стоявшего рядом с ним Сэбина.

— Ничего? — спросил охотник.

— Ничего, — ответил Мак-Нап. — Ничего. Но будем рыть дальше. Крыша, как видно, продавлена, но быть не может, чтобы перекрытия чердака не выдержали! Меньше чем через десять футов мы наткнемся на потолок комнат... или...

Мак-Нап не закончил фразы и вместе с Сэбином яростно принялся за работу.

К шести часам вечера глубина колодца увеличилась еще на десять — двенадцать футов.

Мак-Нап снова вонзил кирку в землю. Опять ничего! Кирка, как и раньше, свободно ушла в рыхлую почву.

Плотник на мгновение выпустил из рук свое орудие и закрыл лицо руками.

— Несчастные! — прошептал он.

Затем, цепляясь за крепления деревянной обшивки колодца, выбрался на поверхность.

Здесь он застал лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга в состоянии крайней тревоги и, отведя их в сторону, рассказал о разочаровании, которое только что испытал.

— Значит, — воскликнул Джаспер Гобсон, — значит, дом раздавлен обвалом и наши несчастные товарищи...

— Нет! — перебил плотник, и в голосе его послышалась твердая уверенность. — Нет! Дом не раздавлен! Он должен устоять, он ведь такой прочный! Нет! Он не раздавлен! Этого не может быть!

— Но что же тогда случилось? — спросил лейтенант, и по щекам его покатились две крупные слезы.

— А вот что, — отвечал Мак-Нап. — Дом-то устоял, ну, а почва под ним провалилась. И он сразу пошел ко дну! Он проломил ледяную корку — основу нашего острова. Так что дом не раздавлен, а поглощен океаном... И наши несчастные товарищи...

— Утонули? — воскликнул сержант Лонг.

— Да, сержант, утонули, не успев сделать ни одного движения! Утонули, подобно пассажирам идущего ко дну корабля!

Несколько мгновений все трое молчали. Догадка Мак-Напа была правдоподобна. Было вполне логично предположить, что ледяная опора острова подломилась под такой огромной тяжестью. Дом благодаря крепким столбам, поддерживавшим потолочные балки, устоял, но пробил ледяной фундамент и погрузился в глубины океана.

— Ну что ж, Мак-Нап, — сказал лейтенант Гобсон, — если нам не суждено обнаружить их живыми...

— Да, — подхватил плотник, — надо по крайней мере отыскать их мертвыми!

Мак-Нап вновь спустился на дно колодца и, ничего не говоря товарищам о своей ужасной догадке, распорядился возобновить прерванную работу. Лейтенант Гобсон последовал за ним.

Рытье колодца продолжалось всю ночь, люди сменялись каждый час; и пока солдаты пробивали песчаный слой земли, Мак-Нап и Джаспер Гобсон, примостившись на креплениях обшивки, наблюдали за ходом работы.

В три часа утра кирка Келлета, внезапно наткнувшись на какое-то препятствие, издала глухой звук. Старший плотник скорее почувствовал, чем услышал его.

— Мы у цели! — вскричал солдат. — Они спасены!

— Молчи и рой дальше! — хрипло отозвался лейтенант Гобсон.

С того времени как лавина обрушилась на дом, прошло почти семьдесят шесть часов.

Келлет и его товарищ Понд продолжали копать. Дно колодца по всем расчетам должно было уже быть почти у уровня моря, и поэтому Мак-Нап больше ни на что не надеялся.

Не прошло и двадцати минут, как твердый предмет, на который наткнулась кирка Келлета, обнажился. Оказалось, что это одна из кровельных балок. Мак-

Нап стремительно спустился на дно колодца, схватил кирку и стал пробивать крышу. В несколько секунд образовалось широкое отверстие...

И в этом отверстии показалось человеческое лицо. Его с трудом можно было узнать в темноте. То была Калюмах!

— Помогите! Помогите! — чуть слышно прошептала несчастная девушка.

Джаспер Гобсон быстро спустился вниз. Его охватил сильный холод. Он очутился по пояс в воде. Вопреки предположениям, крыша не была продавлена, но догадка Мак-Напа частично оправдалась: дом пробил льдину, и вода проникла в комнаты, но, не затопив чердака, остановилась на фут от его пола. Таким образом, надежда еще не была потеряна!..

Продвигаясь в темноте, лейтенант наткнулся на неподвижное тело! Он подтащил его к отверстию, а Понд и Келлет подхватили тело и вынесли наверх. Это был Томас Блэк.

Вскоре лейтенант обнаружил и тело Мэдж. На дно колодца были спущены веревки, и Томас Блэк, а затем и Мэдж были извлечены на поверхность. Свежий воздух быстро привел их в чувство.

Оставалось спасти Полину Барнет. Джаспер Гобсон, следуя за Калюмах, прошел в самый дальний угол чердака и здесь нашел ту, кого искал. Путешественница лежала неподвижно, по шею погруженная в воду. Она казалась мертвой. Лейтенант поднял ее на руки и понес к отверстию в крыше. Через несколько мгновений он в сопровождении Калюмах и Мак-Напа с миссис Барнет на руках выбрался из колодца.

Все обитатели форта — друзья отважной женщины — собрались здесь. Они замерли в отчаянии, не в силах произнести ни слова.

Юная эскимоска, едва державшаяся на ногах, с рыданием бросилась к неподвижному телу своей покровительницы.

Миссис Барнет еще дышала, сердце ее слабо билось. Чистый воздух, проникнув в легкие, постепенно вернул ее к жизни. И, наконец, она приоткрыла глаза.

Крик радости вырвался из груди собравшихся. В нем звучала благодарность небу, и она была, несомненно, услышана!

Тем временем стало рассветать, солнце взошло над горизонтом и своими первыми лучами осветило окрестность.

Миссис Барнет с видимым усилием поднялась. С высоты господствовавшей над островом ледяной громады она огляделась вокруг. Затем со странным выражением прошептала:

— Море! Море!

И действительно, с обеих сторон — с востока и запада — море, свободное ото льдов море, окружало пловучий остров!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Берингово море

Итак, остров Виктория, толкаемый ледовым барьером, со стремительной быстротой прошел мимо берегов Берингова пролива и очутился теперь в водах Берингова моря. Под непреодолимым напором айсбергов, приводимых в движение глубоким подводным течением, он дрейфовал к югу. Ледяные громады продолжали увлекать остров в более теплые воды, которые должны были вскоре стать его могилой. А бот между тем был разбит в щепы, и воспользоваться им было нельзя.

Как только миссис Барнет окончательно пришла в себя, она в нескольких словах рассказала историю семидесяти четырех часов, проведенных ею и ее товарищами в полузатопленном доме. Путешественница, Томас Блэк, Мэдж и юная эскимоска были захвачены лавиной врасплох. Они бросились к двери, к окнам. Поздно! Выхода не было! Толща земли и песка, за мгновение до того еще носившая название мыса Баттерст, засыпала дом. И почти тотчас же узники услышали грохот огромных льдин, которые обрушились на факторию.

Не прошло и четверти часа, как миссис Барнет, обе ее спутницы и астроном почувствовали, что дом, устоявший под этим ужасным напором, погружается в землю. Ледяная основа острова проломилась! В помещение хлынула морская вода.

Взять из кладовой немного провизии и подняться на чердак было делом одной минуты. Их толкнуло на это бессознательное чувство самосохранения. И, однако, оставался ли у этих несчастных хотя бы проблеск надежды? Между тем чердак, очевидно, должен был выдержать; возможно, что две ледяные глыбы образовали над кровлей род арки и спасли ее от немедленного разрушения.

Сидя на чердаке, узники слышали, как сверху на крышу то и дело падали огромные глыбы ледяной лавины. А снизу, не переставая, подымалась вода. Что будет с ними? Раздавит их или они пойдут ко дну!

Но можно сказать, что каким-то чудом крыша дома, поддерживаемая прочными балками, выдержала, и самый дом, погружившись до определенной глубины, остановился; однако вода достигла чердака и поднялась на фут над его полом.

Миссис Барнет и ее друзьям пришлось забраться под самые стропила. Там они и просидели все эти долгие часы. Преданная Калюмах превратилась для всех в добровольную служанку: по колена в воде, она переходила от одного к другому, предлагая поест. Сами они ничего не могли предпринять для своего спасения. Помощь могла прийти лишь извне.

Положение было ужасное! Дышать спертым воздухом, почти лишенным кислорода и перенасыщенным углекислотой, становилось все труднее... Если бы несчастные пробыли в этом тесном помещении еще несколько часов, лейтенант Гобсон нашел бы уже их трупы.

К физическим страданиям прибавились и нравственные муки. Миссис Барнет догадывалась о том, что произошло. Она поняла, что на остров обрушился ледовый барьер, и по тому, как под домом бурлила вода, путешественница поняла, что остров неудержимо дрейфует к югу. Вот почему, едва открыв глаза и оглядевшись,

она и произнесла слова, которые после гибели судна звучали так страшно:

«Море! Море!»

Но в ту минуту все окружающие не хотели ничего видеть, ничего понимать, кроме того, что они спасли ту, ради которой охотно пожертвовали бы жизнью, а вместе с нею — Мэдж, Томаса Блэка, Калюмах. В конце концов, несмотря на все испытания и опасности, до сих пор все, кто отправился в эту злосчастную экспедицию под командой лейтенанта Гобсона, были налицо.

Однако обстоятельства становились теперь более угрожающими, чем когда-либо раньше, и, без сомнения, приближали последнюю катастрофу: развязка не могла заставить себя долго ждать.

В тот день первой заботой лейтенанта Гобсона было определить местоположение острова. Отныне нечего было и думать о том, чтобы покинуть его, так как бот был уничтожен и море, наконец освободившееся ото льдов, нигде не оставило никакой прочной опоры. Находившиеся на севере айсберги представляли собою лишь обломки мощного ледового барьера, гребень которого обрушился на мыс Батерст, а основание, погруженное глубоко в воду, толкало остров к югу.

В развалинах главного дома отыскивали инструменты и карты Томаса Блэка, которые астроном первым делом захватил с собой; по счастью, они не пострадали. Небо было покрыто тучами, но порою проглядывало солнце, и лейтенант Гобсон мог в нужное время с достаточным приближением определить высоту солнца.

Из этого наблюдения выяснилось, что в тот день, 12 мая, ровно в двенадцать часов, остров Виктория находился на $168^{\circ}12'$ западной долготы и на $63^{\circ}27'$ северной широты. Этот пункт, нанесенный на карту, оказался против залива Нортон, между остроконечным мысом Чаплин на азиатском и мысом Стефенс на американском континенте, больше чем в ста милях от того и от другого.

— Значит, нам не удастся, как видно, пристать к материку? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — на это нет никакой надежды. Течение стремительно несет нас в открытое море, и мы можем рассчитывать теперь разве только на встречу с каким-нибудь китобойным судном, которое пройдет в виду острова.

— Однако, — возразила путешественница, — если мы не можем пристать к материку, почему бы течению не выбросить нас на какой-нибудь из островов Берингова моря?

Да, на это еще оставалась слабая надежда, и отчаявшиеся люди ухватились за нее, как утопающий за соломинку. В этой части Берингова моря было немало островов: Святого Лаврентия, Святого Матвея, Нунивак, Святого Павла, Святого Георгия и другие. В то время блуждающий остров находился недалеко от острова Святого Лаврентия — довольно обширной земли, окруженной несколькими островками; в крайнем случае, если бы даже все эти участки суши остались в стороне, можно было надеяться, что цепь Алеутских островов, замыкающих Берингово море с юга, остановит движение острова Виктории.

Да, без сомнения! Остров Святого Лаврентия мог стать гаванью спасения для наших зимовщиков. А если бы они миновали его, остров Святого Матвея и вся группа расположенных вокруг него островков могли еще оказаться на их пути. Что до Алеутских островов, от которых их отделяло более восьмисот миль, то они вряд ли достигли бы их. Раньше, значительно раньше, остров Виктория, подточенный и размывтый теплыми водами, расплавленный солнцем, которое уже приближалось к знаку Зодиака, именуемому Близнецами, должен был погрузиться на дно морское!

Да, этого следовало ожидать. В самом деле, растаяние, на которое льды приближаются к экватору, весьма различно. В Южном полушарии оно короче, в Северном — длиннее. Их иногда встречают у мыса Доброй Надежды, то есть примерно на тридцать шестой параллели, в то время как айсберги, приплывающие из Северного Ледовитого океана, никогда не переходят за сороковой градус северной широты. Но граница таяния льдов, очевидно, связана с колебаниями темпе-

ратуры и зависит от климатических условий. В долгие зимы льды держатся даже в относительно южных широтах, тогда как при ранних веснах наблюдается противоположная картина.

Именно раннее наступление теплой погоды в том, 1861 году и должно было привести вскоре к разрушению острова Виктории. Синие воды Берингова моря, — они бывают такими вблизи от айсбергов, как это заметил мореплаватель Гудзон, — уже окрасились в зеленый цвет. Вот почему теперь, когда судна уже не существовало, надо было каждую минуту опасаться катастрофы.

Джаспер Гобсон решил встретить опасность во всеоружии и построить для этого плот, достаточно просторный, чтобы на нем поместились все обитатели фактории; на этом плоту можно будет как-нибудь добраться до материка. Он распорядился собрать весь лес, пригодный для постройки такого плота, который будет держаться на поверхности моря, не грозя пойти ко дну. Как-никак, а в такое время года, когда китобойные суда, преследуя свою добычу, заходят далеко на север, встреча с каким-нибудь кораблем была вполне возможна. Поэтому Мак-Напу было поручено построить большой и прочный плот, на который люди перешли бы, если б остров Виктория был поглощен пучиной.

Но прежде всего надо было приготовить какое-нибудь жилье, которое могло бы приютить несчастных обитателей острова. Самым простым оказалось очистить от обломков флигель, где прежде жили солдаты; стены этого помещения, примыкавшего к главному дому, сохранились. Все дружно взялись за работу, и через несколько дней уже было готово помещение, в котором люди могли укрыться от непогоды, нередкой в этих краях с капризным климатом, где столь часты шквалы и ливни.

Произвели также раскопки в главном доме. Из затопленных комнат извлекли немало полезных предметов: инструменты, оружие, постельные принадлежности, мебель, воздушные насосы, резервуар для воздуха и прочее.

На следующий день, 13 мая, пришлось отказаться от мысли пристать к острову Святого Лаврентия. Определили местоположение острова Виктории, и оказалось, что он находится значительно восточнее острова Святого Лаврентия. Действительно, морские течения обычно избегают естественных преград и охотнее обходят их; лейтенант Гобсон понял, что течение не прибьет остров ни к какому берегу. Одни только Алеутские острова, растянувшиеся на пространстве в несколько градусов, точно огромное разорванное ожерелье, могли еще, пожалуй, остановить остров; но, как уже говорилось, можно ли было добраться до них? Правда, остров плыл довольно быстро, но было вполне вероятно, что скорость эта сильно уменьшится, как только айсберги, толкавшие его вперед, почему-либо оторвутся от него или растают: ведь слой земли не защищал их от солнечных лучей!

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, сержант Лонг и старший плотник, часто беседовавшие на эти темы, по зрелом размышлении пришли к выводу, что остров ни в коем случае не достигнет группы Алеутских островов — потому ли, что будет выброшен из Берингова течения, или же потому, что растает, наконец, под двойным воздействием воды и солнца.

Четырнадцатого мая мастер Мак-Нап и его подручные дружно взялись за сооружение большого плота. Их задача состояла в том, чтобы плот держался как можно выше над водой и волны не заливали бы его. Дело было нелегкое, но это не уменьшило рвения работников и не остановило их. По счастью, кузнец Рэй разыскал на складе, примыкавшем к дому, множество железных болтов, которые были привезены из форта Релайанс; они должны были прочно скрепить между собой различные части плота.

Что касается места, на котором сооружали плот, то оно заслуживает особого упоминания. По совету лейтенанта, Мак-Нап поступил следующим образом: вместо того чтобы сколачивать балки и доски на земле, плотник сразу же разместил их на поверхности озера. Сначала на берегу в различных частях будущего плота просверлили отверстия и выбрали пазы, а затем части эти

были порознь брошены на поверхность маленького озера и здесь без труда пригнаны друг к другу. Такой способ работы имел два преимущества: во-первых, плотник мог тотчас же судить о глубине погружения и степени устойчивости, которую надо было придать плоту; во-вторых, к тому времени, когда остров Виктория растает, плот уже будет плавать на волнах и не пострадает от смещения слоев почвы и толчков, которые рассеявшийся грунт мог бы передать ему, если бы он находился на земле. Эти два весьма серьезных соображения заставили старшего плотника поступить так, как сказано выше.

Пока продолжалась эта работа, Джаспер Гобсон, иногда один, иногда в сопровождении миссис Барнет, бродил по побережью. Он наблюдал за состоянием моря и за изменениями в извилистой береговой линии, которую постепенно размывали волны. Взгляд его блуждал по пустынному горизонту. На севере не видно было больше ни единой ледяной горы. Тщетно искал он, как все потерпевшие кораблекрушение, «тот корабль, который никогда не появляется!» Спокойную гладь океана нарушали только дельфины; они часто заплывали в эти зеленые воды, кишевшие мириадами мельчайших животных — их единственной пищей. Время от времени мимо проплывали деревья различных пород, вырванные с корнем в жарких странах: их занесли в эти места мощные океанические течения.

Однажды — это было 16 мая — миссис Барнет и Мэдж прогуливались в той части побережья, которая заключена между мысом Батерст и местом, где был когда-то порт. Стояла теплая, ясная погода. Уже несколько дней как на поверхности острова не осталось и следа снега. Одни только льдины, которыми ледовый барьер усеял северную часть побережья, еще напоминали о полярном пейзаже тех мест, откуда дрейфовал остров. Но и эти льдины мало-помалу таяли, и всё новые водопады каждый день обрушивались с вершин и склонов айсбергов. Несомненно, солнце в скором времени должно было растопить последние скопления образованных морозами льдов.

Любопытную картину представлял собою остров Виктория! Люди, глядевшие на мир менее печальными глазами, с любопытством наблюдали бы ее. Весна заявляла о себе с неожиданной силой. На острове, оказавшемся в более теплых широтах, жизнь забила ключом. Мхи, крошечные чашечки цветов, посевы миссис Джолиф распускались со всей щедростью. Животворящая сила земли, освободившейся от оков сурового полярного климата, проявлялась не только в обилии растений, которые покрывали ее поверхность, но и в яркости их оттенков. То были уже не бледные, словно разбавленные водой краски, а сочные тона, достойные освещавшего их теперь солнца. Заросли толокнянки, многочисленные деревья — ивы, сосны, березы — покрылись темной зеленью. Их почки, напоенные мощными соками, разогретыми в жаркие часы дня, когда температура достигала шестидесяти восьми градусов по Фаренгейту (20° выше нуля по Цельсию), быстро распускались. В этих широтах, соответствовавших широтам Христиании или Стокгольма — самых богатых растительностью мест умеренного пояса, — полярная природа словно преображалась.

Однако миссис Барнет не хотела замечать этого преображения. Могла ли она изменить состояние своих недолговечных владений? Могла ли она спать этот блуждающий остров с прочной корою земного шара? Нет! И в ней все больше крепло предчувствие неизбежности конечной катастрофы. Она инстинктивно ощущала ее приближение, как ощущали его сотни животных, которыми буквально кишели окрестности фактории. Все эти лисы, куницы, горностан, рыси, бобры, мускусные крысы, норки и даже волки, которых сознание близкой и неотвратимой опасности делало менее свирепыми, — все они с каждым днем ближе и ближе жались к своим исконным врагам — людям, как будто люди могли их спасти! То было молчаливым, инстинктивным признанием превосходства человека, и именно в таких обстоятельствах, когда это превосходство ничего не могло дать!

Нет! Миссис Барнет не хотела замечать этой новой жизни на острове, и взор ее не отрывался от безжалост-

ного моря — безбрежного и беспредельного, сливавшегося на пустынном горизонте с небом.

— Бедная моя Мэдж, — внезапно проговорила миссис Барнет, — это я виновна в том, что ты погибнешь, ты, которая всюду следовала за мной, чья преданность и дружба заслуживают иной участи! Простишь ли ты меня?

— Я не простила бы тебе, дочка, только одного, — отвечала Мэдж. — Я говорю о смерти, которую я не разделила бы с тобой!

— Мэдж! Мэдж! — воскликнула путешественница. — Если бы моя жизнь могла спасти жизнь этим несчастным, я отдала бы ее не задумываясь!

— Дочка, — спросила Мэдж, — стало быть, ты больше не надеешься?

— Нет!.. — прошептала миссис Барнет и спрятала лицо на груди своей верной подруги.

В этой мужественной натуре на мгновение проявилась женская слабость. И кто не оправдал бы этой минутной слабости в столь жестоких испытаниях!

Миссис Барнет рыдала! Сердце ее было переполнено. Слезы катились у нее из глаз.

— Мэдж! Мэдж! — прошептала путешественница, поднимая голову. — Только не говори им, что я плакала!

— Не скажу, — отвечала Мэдж. — Впрочем, они бы мне все равно не поверили. Ведь мужество лишь на миг оставило тебя! Встань, дочка, ведь ты — наша душа, наша надежда! Встань и возьми себя в руки!

— Значит, ты еще надеешься? — воскликнула миссис Барнет, вперив взор в лицо своей верной спутницы.

— Я всегда надеюсь, — просто ответила Мэдж.

Между тем можно ли было сохранять хотя бы проблеск надежды, когда несколько дней спустя блуждающий остров миновал группу островов Святого Матвея: теперь он уже не мог пристать ни к какой земле в Беринговом море!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В открытом море

Остров Виктория плыл теперь по просторам Берингова моря; он находился в шестистах милях от первых Алеутских островов и более чем в двухстах милях от ближайшего материка, расположенного к востоку от него. Он попрежнему дрейфовал с довольно большой скоростью. Но, если даже предположить, что скорость эта не уменьшится, все же ему понадобится бы еще по крайней мере три недели, чтобы достичь южной границы Берингова моря — Алеутских островов.

Но мог ли до тех пор продержаться остров, чья ледяная основа становилась с каждым днем все тоньше под влиянием уже заметно потеплевших вод, средняя температура которых поднялась до пятидесяти градусов по Фаренгейту (10° выше нуля по Цельсию)? Не грозила ли почва острова ежеминутно разверзнуться под ногами его обитателей?

Лейтенант Гобсон изо всех сил торопил с окончанием плота, нижний настил которого уже покачивался на поверхности озера. Мак-Нап хотел придать своему сооружению наибольшую устойчивость, чтобы, если потребуется, плот мог как можно дольше сопротивляться ударам волн. В самом деле, можно было предполагать, что если он не встретится с каким-нибудь китобойным судном здесь, в просторах Берингова моря, то ему придется плыть до самых Алеутских островов, то есть преодолеть огромное морское пространство.

Тем не менее остров Виктория пока еще не испытал заметных изменений в своих очертаниях. Ежедневно производилась разведка местности, но люди, уходившие к побережью, должны были проявлять величайшую осторожность: надлом земли и расчленение острова могли ежеминутно изолировать их от остальных обитателей фактории. Приходилось постоянно опасаться, что уходивших на разведку никогда больше не увидят.

Глубокая расселина вблизи мыса Майкл, скованная зимними морозами, мало-помалу опять раскрылась. Теперь она уходила на целую милю вглубь острова — вплоть до высохшего русла речушки. Это угрожало дальнейшим продвижением расселины по руслу, которое уже и так уменьшало толщину льдины. В этом случае вся часть острова Виктории между мысом Майкл и местом, где некогда был порт Барнет, ограниченная на западе руслом речки, могла исчезнуть, а ведь то был огромный участок территории площадью в несколько квадратных миль! Поэтому лейтенант Гобсон не рекомендовал своим товарищам заходить в эти места без крайней нужды, так как достаточно было сильного волнения на море, чтобы вся эта часть отделилась от острова.

В то же время в нескольких местах в почве были проделаны скважины, чтобы определить те участки острова, которые благодаря своей толщине могли бы дольше противостоять таянию. И оказалось, что наибольшая толщина была именно в окрестностях мыса Батерст, в том самом месте, где прежде находилась фактория; причем дело было отнюдь не в толщине слоя земли и песка — это не служило бы никакой гарантией, — а в толщине ледяной основы острова. В сущности это оказалось счастливым обстоятельством. Скважины, проделанные в земле и во льду, были оставлены открытыми, и каждый день можно было наблюдать, как ледяная кора становится все тоньше. Процесс этот шел медленно, но неуклонно. Надо было полагать, что остров не продержится больше трех недель, имея в виду то досадное обстоятельство, что он дрейфовал в водах, все сильнее нагревавшихся лучами солнца.

Всю неделю, начиная с 19 и кончая 25 мая, стояла очень дурная погода. Разразилась сильная гроза. Небо прорезали сверкающие молнии, слышались раскаты грома. Северо-западный ветер поднял на море сильную волну, которая доставила немало тяжелых минут обитателям острова. Морские валы несколько раз чувствительно сотрясали остров. Вся маленькая колония была начеку, готовая погрузиться на плот, верхний

настил которого был уже почти закончен. На плот перенесли даже немного провизии и пресной воды, чтобы никакие случайности не застали людей врасплох.

Гроза сопровождалась сильным ливнем; теплые струйки воды проникали глубоко в почву и разъедали ледяную основу острова. Такое просачивание привело в некоторых местах к таянию верхних слоев ледяной коры и к образованию опасных оползней. Кое-где на склонах небольших холмов почва была совершенно размыта и обнажилась сверкающая ледяная кора. Чтобы спасти ледяную основу от действия внешней температуры, пришлось спешно засыпать рытвины землей и песком. Без этих мер предосторожности почва оказалась бы вскоре изрешечена отверстиями, точно шумовка.

Гроза нанесла также непоправимый ущерб лесистым холмам, покрывавшим западный берег озера. Земля и песок были размыты проливным дождем, и множество деревьев, корни которых лишились опоры, рухнуло. В одну ночь вид части острова между озером и местом, где когда-то находился порт Барнет, неузнаваемо изменился. Здесь осталось только несколько березовых и еловых рощиц, устоявших против урагана. Все эти факты свидетельствовали о разрушениях, которых нельзя было не замечать, но люди против них были бессильны. Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, сержант — все видели, что их хрупкий остров постепенно гибнет, и все это чувствовали, кроме разве Томаса Блэка, мрачного, молчаливого, казавшегося человеком не от мира сего.

Во время бури 23 мая, выйдя утром из жилища, охотник Сэбин из-за довольно густого тумана едва не утонул в образовавшемся ночью широком провале, который появился на месте главного дома фактории.

До сих пор казалось, что дом этот, заваленный слоем земли и песка и на три четверти погруженный в воду, прочно застрял в ледяной коре острова. Но, видимо, волны, размывая это широкое отверстие снизу, увеличили его, и дом, придавленный огромной тяжестью земли, некогда составлявшей мыс Батерст, окончательно затонул. Земля и песок исчезли в отвер-

стии, куда тотчас же с шумным плеском хлынули морские воды.

Сэбин успел уцепиться за скользкие края расщелины, и прибежавшие на крик охотника товарищи вытащили его оттуда. Он отделался неожиданной ванной, которая, однако, могла для него кончиться очень плохо.

Позднее зимовщики заметили, что балки и доски дома, который провалился под остров, плывут у его берегов, точно обломки потерпевшего крушение корабля. То было последнее, что разрушила буря, и это еще больше ослабило прочность острова, так как волны разъедали его теперь и изнутри. Провал в льдине должен был, точно рак, постепенно уничтожить остров Викторию.

Двадцать пятого мая направление ветра переменялось — теперь он дул с северо-востока. Шквал превратился в сильный ветер, дождь перестал, и море начало успокаиваться. Ночь прошла спокойно, и утром с появлением солнца Джаспер Гобсон мог сделать точную обсервацию.

В полдень 25 мая он по высоте солнца определил координаты острова:

Широта —56°13'
Долгота —170°23'

Значит, скорость движения острова продолжала оставаться весьма значительной, ибо он проделал около восьмисот миль от того места, которое занимал два месяца назад в Беринговом проливе, то есть в начале движения льдов.

Такое быстрое перемещение острова дало Джасперу Гобсону некоторую надежду.

— Друзья мои, — обратился он к своим товарищам, показывая им карту Берингова моря, — видите ли вы эти Алеутские острова? Теперь они находятся всего в двухстах милях от нас! Быть может, еще неделя — и мы очутимся там!

— Неделя! — отозвался сержант Лонг, покачив головой. — Это немалый срок — неделя!

— Замечу еще, — продолжал лейтенант Гобсон, — что, если бы наш остров держался сто шестьдесят восьмого меридиана, он бы достиг уже широты, на которой расположены эти острова. Но он, совершенно очевидно, отклоняется к юго-западу, следуя направлению Берингова течения.

Это наблюдение было справедливо. Течение стремилось отбросить остров от всякой земли, его могло отнести в сторону даже от Алеутских островов, которые тянутся только до сто шестьдесят восьмого меридиана.

Миссис Барнет молча изучала карту. Она пристально смотрела на точку, поставленную карандашом, которая указывала местоположение острова. На карте крупного масштаба точка эта была едва заметной — настолько велико было в сравнении с ней Берингово море! Путешественница мысленно окинула весь пройденный островом путь, путь, начертанный роком, а вернее, непреложным направлением течений. Пройдя мимо стольких островов, мимо двух континентов, он нигде не коснулся суши. И теперь перед зимовщиками открывались безбрежные просторы Тихого океана!

Так сидела она, погружившись в мрачную задумчивость, и, наконец, воскликнула:

— Но неужели мы не можем управлять нашим островом? Неделя, еще одна неделя такой скорости, и мы, пожалуй, достигнем последнего из Алеутских островов!

— Эта неделя — в руках божьих! — торжественно ответил лейтенант Гобсон. — Пожелает ли он подарить нам ее? Скажу совершенно чистосердечно, сударыня, — наше спасение может явиться только с небес.

— И я того же мнения, мистер Гобсон, — отозвалась миссис Барнет, — но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай! Не можем ли мы что-нибудь сделать, или попытаться сделать, предпринять какие-нибудь не известные мне меры?

Джаспер Гобсон с сомнением покачал головой. Он считал, что осталось лишь одно средство к спасению — плот; но надо ли было перебраться на него немедленно

и, смастерив из одеял и покрывал паруса, попытаться достичь ближайшего берега?

Лейтенант посоветовался с сержантом Лонгом, плотником Мак-Напом, которому очень доверял, кузнецом Рэем и охотниками Сэбином и Марбром. Все они, взвесив «за» и «против», пришли к единодушному решению — покинуть остров лишь в том случае, если не будет иного выхода. Действительно, плот мог служить лишь самым последним, самым крайним средством, ибо волны непрестанно заливали бы его и он был бы лишен даже той скорости, с какой дрейфовал остров, гонимый на юг айсбергами. Что касается ветра, то он дул большей частью с востока и мог, вероятнее всего, отбросить плот далеко от всякой земли.

Таким образом, оставалось ждать, терпеливо ждать, ибо остров Виктория стремительно неслась по направлению к Алеутским островам. Приблизившись к группе этих островов, можно будет понять, как лучше поступить.

Это было наиболее благоразумным решением; через неделю, если быстрота движения острова не уменьшится, он либо пристанет к Алеутским островам — этой южной границе Берингова моря, — либо его отнесет еще дальше на юго-запад, в воды Тихого океана, где он безвозвратно погибнет!

Но злой рок, так долго и упорно преследовавший зимовщиков, готовил им новый удар. Та скорость движения острова, на которую они рассчитывали, должна была в ближайшем будущем резко сократиться.

Действительно, в ночь с 26 на 27 мая остров Виктория внезапно изменил свое положение относительно стран света. Последствия этого оказались весьма серьезными. Остров совершил полуоборот вокруг своей оси. Айсберги — остатки огромного ледового затора, окружавшие остров с севера, — оказались таким образом с его южной стороны.

Наутро потерпевшие кораблекрушение — не уместно ли их так назвать? — увидели, что солнце встает над мысом Эскимосов, а не над той частью побережья, где был когда-то порт Барнет.

К чему могло привести это изменение в положении острова? Не отойдут ли от него ледяные горы?

Все предчувствовали приближение новой беды, и каждый понял, что имел в виду солдат Келлет, воскликнувший:

— Еще до вечера мы лишимся винта!

Келлет хотел этим сказать, что айсберги теперь, когда они располагались не сзади, а впереди острова, не замедлят отделиться от него. А ведь именно они придавали ему относительно большую скорость, ибо на каждый фут их надводной массы приходилось от шести до семи футов подводной. Погруженные глубже, чем остров, в море, льды именно поэтому сильнее подвергались влиянию подводного течения, и можно было опасаться, что оно оторвет их от острова, с которым они ничем не были спаяны.

Да, солдат Келлет был прав. Остров походил бы тогда на судно со сломанными мачтами и без руля.

На восклицание Келлета никто не ответил. Но не прошло и четверти часа, как послышался страшный треск. Вершины айсбергов содрогнулись, и горы льда, отделившись от острова, оставили его позади, а сами, гонимые неодолимой силой подводного течения, быстро понеслись к югу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Остров превращается в островок

Через три часа последние остатки ледового барьера скрылись за горизонтом. Столь быстрое их исчезновение доказывало, что отныне остров почти не двигался с места. Дело в том, что вся сила течений была сосредоточена в глубинах моря, а не на поверхности.

Между тем произведенная в полдень обсервация дала точное положение острова. Через сутки новая обсервация показала, что остров Виктория не переместился и на милю.

Итак, оставалась только одна возможность спасения: быть может, поблизости пройдет какой-нибудь

корабль или китобойное судно и подберет потерпевших крушение зимовщиков, которые будут находиться либо еще на острове, либо уже на плоту, если остров к тому времени растает.

Остров Виктория находился тогда на 54°33' широты и 177°19' долготы и отстоял на несколько сот миль от ближайшей земли — Алеутских островов.

Лейтенант Гобсон собрал в тот день своих товарищей и еще раз спросил у них, как следует поступить.

Все придерживались одного мнения: оставаться на острове, пока он не пойдет ко дну, так как благодаря его размерам на нем по крайней мере не отражается состояние моря; но когда над ним нависнет угроза окончательной гибели, — разместить всю маленькую колонию на плоту и ждать.

Ждать!

Плот был к тому времени закончен. Мак-Нап построил на нем вместительное помещение наподобие рубки: оно должно было служить убежищем для всех обитателей форта. Была изготовлена мачта, которую можно было установить на плоту в случае необходимости, паруса же, ранее предназначавшиеся для бота, были готовы уже давно. Плот был сколочен прочно, и, если бы дул попутный ветер, а море было относительно спокойно, это сооружение из балок и досок могло бы, пожалуй, спасти всю колонию.

— Нет ничего, — сказала миссис Барнет, — нет ничего невозможного для того, кто повелевает ветрами и волнами!

Джаспер Гобсон подсчитал запасы провизии. Они были невелики, ибо обвал нанес фактории значительный ущерб, но зато вокруг было вдоволь жвачных животных и грызунов, которым остров, весь в зеленеющих мхах и кустарниках, без труда доставлял корм. Когда стало необходимым увеличить запасы мясных консервов, охотники подстрелили изрядное количество оленей и зайцев.

В общем, здоровье обитателей острова было в хорошем состоянии. Они легко перенесли последнюю столь умеренную зиму, а нравственные испытания пока еще не подорвали их физических сил. Однако — и об этом

надо сказать — все с крайней тревогой и дурным предчувствием ожидали минуты, когда им придется расстаться с островом, или, вернее, когда остров расстанется с ними! Они ужасались при одной мысли, что им предстоит плыть по этому безбрежному морю на дощатом настиле, подверженном любому капризу морских валов. Даже в спокойные часы волны будут заливать плот, и положение людей станет крайне опасным. Надо иметь в виду и то, что обитатели фактории не были моряками, привыкшими к водной стихии и не боящимися довериться легкому плоту; нет, то были солдаты, всегда ощущавшие под ногами прочные земли компании. Их остров был хрупок, он покоился всего лишь на тонком ледяном поле, но все же над этим льдом был слой земли, а на этой земле — зеленеющие травы, кустарники, деревья; бок о бок с людьми жили и животные; остров был совершенно нечувствителен к волнам и казался неподвижным. Да! Они любили его, этот остров, на котором прожили почти два года, который исходили из конца в конец, на котором взойшли их посевы! И он как-никак устоял до сих пор перед столькими катастрофами! И, если им придется покинуть остров, они покинут его с чувством сожаления и лишь в том случае, если он сам уйдет у них из-под ног!

Лейтенант Гобсон знал об этих настроениях и подходил их вполне естественными. Ему было известно, с какой неохотой его товарищи взойдут на плот, но стремительное развитие событий вело к тому, что в этих теплых водах остров должен был в скором времени растаять. И действительно, уже появились первые грозные предвестники, которыми нельзя было пренебрегать.

Что же представлял собою их плот? Каждая сторона его равнялась тридцати футам, — следовательно, общая площадь достигала девятисот квадратных футов. Верхний настил плота подымался на два фута над водой, и невысокие щиты защищали его от небольшой волны, но было очевидно, что более сильные валы без труда перехлестнут через этот недостаточный барьер. Посреди плота старший плотник построил настоящую рубку, в которой могло поместиться человек двадцать. Вокруг были установлены огромные лари для провизии

и бочонки с водой; все это было прочно прикреплено к настилу железными болтами. Мачта футов в тридцать высотой опиралась о рубку и удерживалась в вертикальном положении канатами, которые закрепили по углам плота. На этой мачте в случае необходимости можно было поднять четырехугольный парус, который, конечно, служил бы лишь при попутном ветре. Этому пловучему сооружению, снабженному самым примитивным рулем, всякое другое движение было полностью противопоказано.

Таков был плот, построенный мастером Мак-Напом; на нем должны были укрыться двадцать человек, не считая сынишки плотника. Плот этот спокойно покачивался на поверхности озера, удерживаемый у берега крепкой якорной цепью. Нет сомнения, что он был построен более тщательно, чем это могли бы сделать люди, неожиданно потерпевшие кораблекрушение и оказавшиеся на поверхности моря; плот наших зимовщиков был куда прочнее и лучше оснащен, но все же это был только плот!

Первого июня произошло новое событие. Солдат Хоуп пошел к озеру за водой для кухни. Миссис Джолиф, попробовав воду, нашла ее соленой. Она подо звала Хоупа и заметила ему, что просила принести пресной, а не морской воды.

Хоуп ответил, что набрал эту воду в озере. Между ними загорелся спор, в разгар которого подошел лейтенант Гобсон. Услышав заверения Хоупа, он поблел и бегом бросился к озеру...

Вода в озере была совершенно соленая! Было очевидно, что дно озера дало трещину и в пробоину хлынуло море.

Как только об этом стало известно, всех охватил страх.

— У нас нет больше воды, пригодной для питья! — воскликнули несчастные зимовщики.

В самом деле, после исчезновения реки Полины исчезло и озеро Барнет.

Но лейтенант Гобсон поспешил успокоить своих товарищей.

— У нас много льда, друзья мои, — сказал он. — Не бойтесь ничего. Достаточно растопить несколько

кусков нашего острова; и я надеюсь, что нам не придется выпить его целиком, — добавил он, пытаясь улыбнуться.

В самом деле, соленая вода, испаряясь или замерзая, полностью освобождается от соли, которая до этого содержалась в ней в растворенном виде. Тут же выкопали, если можно так выразиться, несколько ледяных глыб и растопили их не только для повседневных нужд, но и для того, чтобы наполнить бочонки на плоту.

Однако этим новым предупреждением природы пренебрегать не следовало. Остров, совершенно очевидно, подтаивал снизу, и проникновение моря в озеро доказывало это самым убедительным образом. Почва могла ежеминутно провалиться под ногами, и Джаспер Гобсон больше не разрешал своим людям уходить далеко, так как это было связано с риском утонуть или быть унесенным в море.

Казалось, животные тоже чуяли близкую опасность. Они собрались вокруг бывшей фактории. После исчезновения пресной воды нередко можно было наблюдать, как они лизали вырубленные глыбы льда. Звери были в тревоге, некоторые точно обезумели, особенно волки, которые стремительно пробегали целыми стаями и так же внезапно исчезали с хриплым рычаньем. Пушные звери расположились возле круглого провала, образованного затонувшим домом. Их насчитывалось здесь несколько сот, причем они принадлежали к различным породам; что касается медведя, то он бродил в окрестностях, не причиняя вреда ни животным, ни людям. Он был, видимо, чем-то сильно встревожен и охотно попросил бы защитить его от опасности, которую инстинктивно чуял, но не мог предотвратить.

Птиц, до последнего времени весьма многочисленных, становилось все меньше и меньше. За последние дни большие стаи пернатых, которым мощные крылья позволяли преодолевать большие пространства (среди них были и лебеди), улетели на юг. Там лежали ближайшие из Алеутских островов, где они могли найти себе надежное пристанище. Это усиленное движение

в воздухе обратило на себя внимание миссис Барнет и Мэдж, которые в то время бродили по побережью. Обе усмотрели в этом дурное предзнаменование.

— Птицы находят себе на острове достаточно пищи, — заметила миссис Барнет, — а между тем они улетают! И это неспроста, милая Мэдж!

— Да, — ответила Мэдж, — они, конечно, соблюдают свои интересы, но тем самым предупреждают и нас, и мы должны подумать над этим. Я нахожу, что и животные встревожены больше, чем обычно.

В тот день Джаспер Гобсон распорядился перенести на плот большую часть провизии и лагерных принадлежностей. Было решено, что люди также перейдут туда.

Но море в тот вечер, как нарочно, было беспокойно, и на крошечном «Средиземном море», образовавшемся теперь на месте озера, волнение Берингова моря воспроизводилось даже с еще большей силой. Волны, заключенные в сравнительно узком пространстве, ударились о берега и с яростью разбивались. Точно буря разразилась над озером, или, вернее, над бездной, столь же глубокой, как и окружавшее ее море. Плот сильно качало, вздымавшиеся валы поминутно захлестывали его. Пришлось даже приостановить погрузку вещей и провизии.

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах лейтенант Гобсон не торопил своих товарищей. Лучше уж было провести еще одну ночь на острове. На завтра, если море успокоится, можно будет закончить погрузку.

Поэтому солдатам и женщинам не было предложено покинуть в тот вечер их жилье и оставить остров: ведь, переходя на плот, они уже навсегда расставались с ним.

Впрочем, ночь прошла лучше, чем можно было ожидать. Ветер стих. Море понемногу успокоилось. Правда, разразилась гроза, но она закончилась с быстротой, характерной для всех явлений атмосферного электричества. К восьми часам вечера море совсем утихло и волны чуть плескались о берега озера.

Несомненно, остров не мог избежать неминуемого разрушения, но было бы лучше, если б он постепенно

растаял, а не разлетелся на куски во время бури; а ведь это могло произойти каждую минуту, когда морские валы горами вздымались вокруг него.

Гроза сменилась легким туманом, который угрожал к ночи сгуститься. Он надвигался с севера и вследствие нового положения острова покрывал собою большую часть его территории.

Перед тем как лечь спать, Джаспер Гобсон осмотрел цепи, которыми был прикреплен плот: они были обмотаны вокруг толстых стволов берез. В качестве дополнительной предосторожности их обмотали еще лишний раз. Впрочем, самое худшее, что могло случиться, — это что плот был бы отнесен на середину озера, но ведь озеро было не столь велико, чтобы он мог на нем затеряться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Четыре следующих дня

Ночь — в сущности какой-нибудь час сумерек и предрабачного тумана — прошла спокойно. Лейтенант Гобсон, встав поутру с твердым намерением распорядиться, чтобы все обитатели острова в тот же день перешли на плот, прежде всего направился к озеру.

Густой туман еще не рассеялся, но сквозь него уже пробивались первые лучи солнца. Небо было будто омыто вчерашней грозой, и день обещал быть жарким.

Подойдя к берегу озера, Джаспер Гобсон не мог разглядеть его поверхности, еще скрытой клубами тумана.

В эту минуту миссис Барнет, Мэдж и кое-кто из солдат присоединились к лейтенанту.

Туман постепенно редел. Он отступал вглубь озера и медленно приоткрывал его поверхность. Однако плота пока что не было видно.

Внезапно порыв ветра разорвал пелену тумана...

Плот исчез! Озеро исчезло! Вокруг перед их глазами расстилалось безбрежное море!

Лейтенант Гобсон не мог удержать жест отчаяния. Когда он и его спутники обернулись и окинули взором весь горизонт, из их груди вырвался общий крик!.. Остров Виктория превратился в островок!

Ночью шесть седьмых прежней территории мыса Батерст, разъединенные и размытые прибоем, без шума, без малейшего толчка погрузились на дно моря, и плот, найдя выход, уплыл на простор. Те, кто видел в нем свою последнюю надежду, не могли теперь даже разглядеть его на пустынной глади моря!

Несчастные, очутившись в полной власти пучины, грозившей их поглотить, не имея никаких средств, никакой возможности спастись, пришли в отчаяние. Несколько солдат в припадке помешательства хотели броситься в море. Миссис Барнет стала на их пути. Они вернулись. Некоторые плакали.

Кто не поймет положения этих людей, потерпевших крушение? Могла ли у них сохраниться хотя бы тень надежды? Пусть читатель судит и о состоянии лейтенанта Гобсона среди этих отчаявшихся, полуобезумевших людей! Двадцать взрослых и одного ребенка уносил этот небольшой островок льда, который должен был вскоре неминуемо уйти из-под их ног! Вместе с затонувшей частью острова Виктории исчезли и его лесистые холмы. Итак, здесь больше не было ни одного дерева. В распоряжении несчастных оставалось лишь несколько досок, из которых было сбито жилье, но они совершенно не годились для постройки нового плота, который мог бы выдержать всех обитателей фактории. Таким образом, жизнь потерпевших кораблекрушение отныне определялась долговечностью островка, иначе говоря, сводилась к нескольким дням; стоял июнь месяц, и средняя температура была уже больше шестидесяти восьми градусов по Фаренгейту (20° выше нуля по Цельсию).

В тот же день лейтенант Гобсон счел необходимым обследовать островок. Быть может, людям надо будет перейти в другое место, где толщина ледяной коры обеспечивала большую прочность почвы? Миссис Барнет и Мэдж отправились вместе с ним.

— Ты все еще надеешься? — спросила миссис Барнет свою верную подругу.

— Как всегда, — ответила Мэдж.

Путешественница ничего не ответила. Джаспер Гобсон и обе женщины быстро шли вдоль побережья. Весь берег протяженностью в восемь миль — от мыса Батерст до мыса Эскимосов — остался цел. Остров раскололся у мыса Эскимосов, и линия излома шла по кривой вплоть до южной границы озера. Новая линия берега тянулась по северной стороне озера, которая омывалась теперь морем. От верхней границы озера другая линия излома продолжалась до побережья, заключенного между мысом Батерст и местом, где когда-то находился порт Барнет. Таким образом, островок представлял собою продолговатую полосу земли, средняя ширина которой не превышала одной мили.

От ста сорока квадратных миль, некогда составлявших площадь острова, не осталось и двадцати!

Лейтенант Гобсон с величайшим вниманием обследовал новое строение острова и пришел к выводу, что самая его толща попрежнему находится там, где раньше помещалась фактория. Вот почему он решил, что будет правильно не менять места стоянки; не случайно, что и животные, следуя своему инстинкту, оставались там же.

Между тем заметили, что множество жвачных животных и пушных зверей, а также большинство собак, которые бегали на воле, исчезли вместе с затонувшей частью острова. Впрочем, небольшое количество животных, главным образом грызунов, еще оставалось. Медведь, словно помешанный, бродил по островку, кружа вдоль побережья, как в клетке.

К пяти часам вечера лейтенант Гобсон и обе его спутницы вернулись к жилью. Мужчины и женщины, сбившись в кучу, сидели молча, не желая ничего видеть и слышать. Миссис Джолиф приготавлила какую-то еду. Охотник Сэбин, не столь удрученный, как его товарищи, ходил взад и вперед, намереваясь добыть немного свежего мяса. Что же касается астронома, то он сидел поодаль, устремив на море блуждающий и рав-

нодушный взгляд. Его уже, казалось, ничто не могло удивить!

Джаспер Гобсон рассказал товарищам о результатах своей разведки. Он подтвердил, что место, где находится жилье, — самое надежное на всем острове, и посоветовал далеко не уходить от него, так как на пути между домом и мысом Эскимосов уже заметны признаки близкого разлома. Вполне возможно, что поверхность островка в скором времени еще уменьшится. И ничего, ничего нельзя было сделать!

День выдался по-настоящему жаркий. Льдины для питьевой воды таяли сами по себе, без огня. На крутых склонах побережья подтаивала ледяная кора, и тонкие струйки воды стекали в море. Было заметно, что островок еще немного погрузился. Теплые воды безжалостно разъедали его основу.

Наступила ночь, но в лагере никто не сомкнул глаз. Да и кто мог заснуть, кроме малыша, беззаботно улыбавшегося матери, которая ни на мгновение не выпускала его из рук? Ведь каждый помнил, что пучина в любую минуту могла поглотить островок!

Наутро, 4 июня, солнце, поднявшись над горизонтом, осветило безоблачный небосклон. За ночь не произошло никаких изменений. Размеры островка не уменьшились.

Днем смертельно перепуганный голубой песец забежал в жилище зимовщиков и ни за что не хотел оттуда выходить. Надо сказать, что окрестности бывшей фактории просто кишели куницами, горностаями, полярными зайцами, мускусными крысами, бобрами. Они вели себя, как ручные. В фауне островка не хватало теперь только волков. Эти хищники, рыскавшие во время катастрофы на противоположной стороне острова, очевидно, были поглощены морем. Видимо, чуя опасность, медведь не уходил далеко от мыса Батерст. Но пушные звери были в такой тревоге, что, казалось, даже не замечали присутствия хищника. Люди и сами привыкли к исполинскому медведю и не мешали ему бродить взад и вперед. Опасность, которую одинаково чувствовали и люди и животные, как бы сблизила разумные существа с неразумными тварями.

За несколько минут до полудня несчастные путешественники испытали живейшее волнение, которому суждено было вскоре превратиться в жестокое разочарование.

Охотник Сэбин, стоявший на небольшом пригорке, уже несколько мгновений пристально вглядываясь в море, внезапно крикнул:

— Корабль! Корабль!

Все, точно под действием электрического тока, вскочили и бросились к нему. Лейтенант Гобсон вопросительно посмотрел на охотника.

Сэбин указал рукой на белый дымок на востоке. Все взоры устремились на море, и никто не решался прервать молчание. И вот показался силуэт корабля, который с каждой минутой становился все отчетливее.

Да, это был корабль, очевидно китобойное судно. Ошибиться было невозможно; и действительно, через какой-нибудь час можно уже было различить его корпус.

По несчастью, корабль приближался с востока, то есть со стороны, противоположной той, куда должен был уплыть унесенный волнами плот. Как видно, это китобойное судно попало сюда случайно, и, поскольку оно не встретило плота, нельзя было рассчитывать ни на то, что оно прибыло на поиски потерпевших кораблекрушение, ни даже на то, что оно подозревает об их существовании.

Но, быть может, с корабля все же заметили островок, едва выступавший над поверхностью моря? Не приближается ли он к нему? Обратят ли моряки внимание на сигналы, которые им станут подавать с островка? Днем, при ярком солнце, на это было мало надежды. Ночью можно было бы сложить из досок, выломанных в стенах жилища, костер, заметный даже с большого расстояния. Но не исчезнет ли корабль из виду еще до наступления темноты, которая и вообще-то должна была продлиться не более часа? Так или иначе, сигналы были поданы, раздались ружейные залпы.

Между тем корабль приближался. То было длинное трехмачтовое судно, видимо китобойное, следовавшее

из Ново-Архангельска; обогнув полуостров Аляску, оно направлялось к Берингову проливу. Корабль находился с подветренной к островку стороны: идя левым галсом, под нижними парусами, марселями и брамсе-лями, он поднимался к северу. Внимательно изучив на-правление судна, опытный моряк сразу бы определил, что оно должно оставить островок в стороне. Но, быть может, его заметят с корабля?

— Если они нас и заметят, — прошептал лейтенант Гобсон на ухо сержанту Лонгу, — если они нас и заме-тят, то тотчас же устремятся в бегство.

Джаспер Гобсон с полным правом говорил это. Ко-рабли ничего так не боятся в этих широтах, как айсбер-гов и ледяных островов. Ведь это — пловучие рифы, о которые они рискуют разбиться, особенно ночью. Вот почему мореплаватели, едва заметив опасность, спешат изменить курс. Не поступит ли так же и это судно, за-видев островок? Это было весьма вероятно.

Невозможно передать волнение, с каким люди на островке переходили от надежды к отчаянию. До двух часов дня они еще верили, что providение, наконец, сжалилось над ними, что помощь придет, что спасение близко. Судно все время приближалось, опи-сывая длинную кривую. Оно находилось всего лишь в шести милях от них. Усилили сигналы, стреляли из ружей, разожгли сильно дымивший костер, употребив для этого несколько досок, выломанных из стен жи-лища.

Но все было напрасно. Либо на корабле ничего не заметили, либо он поспешил удалиться от островка, едва завидев его.

В половине третьего судно повернуло по ветру и удалилось на северо-восток.

Час спустя от него остался лишь белый дымок, но вскоре и он растаял.

Тогда солдат Келлет разразился каким-то странным хохотом, затем упал на землю и стал кататься по ней. Казалось, он сошел с ума.

Миссис Барнет пристально посмотрела в лицо Мэдж, как будто спрашивая, надеется ли она еще?

Мэдж отвернулась.

Вечером этого злосчастного дня раздался сильный треск: большая часть островка отломилась и пошла ко дну. Послышался громкий визг животных.

От островка остался только небольшой участок земли: он занимал пространство от места, где прежде стоял затонувший дом, до оконечности мыса Батерст.

Теперь это была лишь льдина!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

На льдине

Льдина! Всего лишь льдина треугольной формы с основанием в сто и самой длинной стороной в сто пятьдесят футов! И на ней — двадцать один человек, сотня пушных зверей, несколько собак да исполинский медведь, который в это время сидел на задних лапах на самом краешке льдины!

Да! Все потерпевшие кораблекрушение были налицо! Пучина пока еще не поглотила ни одного человека. Островок раскололся в ту минуту, когда все люди находились в жилище. Судьба и на этот раз спасла их, видимо желая, чтобы они погибли все вместе.

Какое ужасное положение! Никто не произнес ни слова! Никто не шевельнулся! Быть может, малейшего движения, самого легкого толчка было достаточно, чтобы льдина подломилась?

К нескольким ломтикам сушеного мяса, которые раздала миссис Джолиф, никто не прикоснулся. Для чего?

Почти все несчастные путешественники провели ночь на открытом воздухе. Они предпочитали пойти ко дну, так сказать, на свободе, а не в тесном помещении из досок.

На следующий день, 5 июня, сверкающее солнце осветило группу отчаявшихся людей. Они почти не разговаривали между собой. Они как будто избегали друг друга. Некоторые тревожным взором обводили без-

брежные просторы, со всех сторон окружавшие несчастную льдину.

Море было совершенно пустынно. Ни паруса, ни пловучих льдов, ни островка! Их льдина была, без сомнения, последней, которая еще бороздила воды Берингова моря!

Температура все время поднималась. Ветра не было. Грозное спокойствие царило в воздухе. Волны легонько качали этот последний обломок земли и льда, еще сохранившийся от острова Виктории. Он поднимался и опускался, не двигаясь вперед, точно обломок кораблекрушения. Да он и в самом деле был таковым!

Но когда судно терпит крушение, остается какая-то часть корпуса, хотя бы кусок мачты, сломанный марс, несколько досок, — и все это держится на волнах, плывет, не может потонуть! Между тем льдина — всего лишь замерзшая вода, которую лучи солнца рано или поздно растопят!..

Уцелевшая льдина составляла когда-то часть острова, достигавшую наибольшей толщины; и этим объясняется, почему она дольше сохранилась. Слой земли и растительный покров защищали ее, точно шапка, и вполне возможно, что толщина ее ледяной основы была еще довольно значительна. Должно быть, длительные морозы Ледовитого океана «напитали ее льдом» в те далекие времена, когда мыс Батерст веками представлял собою самый северный мыс американского материка.

Теперь льдина еще возвышалась в среднем на пять-шесть футов над уровнем моря. Из этого можно было заключить, что ее подводная часть была примерно такой же толщины. Но если в этих спокойных водах ей и не грозила опасность расколоться, то она должна была постепенно растаять и превратиться в воду. Это было легко установить, наблюдая за краями льдины, которые под действием волн, лизавших их своими длинными языками, заметно уменьшались, и участки земли, покрытые зеленоющей растительностью, один за другим навсегда скрывались в море.

В тот же день в час пополудни откололась та часть льдины, где находилось жилище, стоявшее теперь у

самой воды. По счастью, в жилье никого не было, но спасти от него удалось только несколько досок да две-три кровельных балки. Почти все инструменты и астрономические приборы погибли! Обитатели маленькой колонии спешно перебрались в самую возвышенную часть островка, где их уже ничто не защищало от непогоды.

Сюда перенесли оставшиеся инструменты, насосы и резервуар для воздуха, в который по приказанию Джаспера Гобсона собрали во время ливня несколько галонов дождевой воды. И действительно, не стоило вырубать из уже сильно уменьшившейся льдины глыбы льда, до тех пор служившие для получения питьевой воды. Теперь приходилось беречь буквально каждую крупницу льда!

Часа в четыре солдат Келлет, у которого и прежде проявлялись признаки безумия, подошел к миссис Барнет и сказал ей спокойным тоном:

— Сударыня, я решил утопиться.

— Что вы, Келлет! — воскликнула путешественница.

— Повторяю, я решил утопиться, — настаивал солдат. — Я долго думал. Нам ни за что не выпутаться. И лучше уж я покончу с собой по собственной воле!

— Келлет, — сказала миссис Барнет, взяв солдата за руку и пристально посмотрев в его остекленевшие глаза, — Келлет, вы этого не сделаете!

— Непременно сделаю, сударыня. А так как вы всегда были добры ко всем нам, мне не хотелось умереть, не простившись с вами. Прощайте же!

И он направился к морю. Испуганная миссис Барнет схватила его за плечо. Джаспер Гобсон и сержант Лонг прибежали на ее крик. Они присоединились к ней, пытаясь помешать Келлету осуществить его намерение. Но несчастный, одержимый навязчивой идеей, лишь отрицательно качал головой.

Можно ли было заставить этого полупомешанного человека прислушаться к доводам рассудка? Нет! Между тем поступок безумца, бросающегося в море, мог оказаться заразительным! Кто знает, не последуют ли примеру Келлета и другие его товарищи, те, кто оконча-

тельно пал духом. Надо было любой ценой воспрепятствовать несчастному покончить с собой.

— Келлет, — с мягкой улыбкой обратилась к солдату миссис Барнет, — ведь вы искренне питаете ко мне добрые, дружеские чувства?

— Да, сударыня, — спокойно ответил Келлет.

— Так вот, Келлет, если хотите, умрем вместе... но только не сегодня.

— Сударыня!..

— Нет, нет, мой добрый Келлет, я еще не готова... лучше завтра... завтра, хорошо?

Солдат пристально посмотрел на бесстрашную женщину. Казалось, он мгновение колебался; он бросил свирепый, полный зависти взгляд на сверкающую гладь моря и, прикрыв рукой глаза, пробормотал:

— Завтра!

Произнеся это слово, он спокойно отошел и присоединился к своим товарищам.

— Бедняга! — прошептала миссис Барнет. — Я просила его дожидаться завтрашнего дня, но кто знает, не будем ли мы все к тому времени поглощены пучиной!..

Между тем Джаспер Гобсон, не желавший сдаваться, спрашивал себя: не существует ли какого-либо средства приостановить таяние островка, чтобы сохранить его до той поры, когда люди окажутся в виду какой-нибудь земли?

Полина Барнет и Мэдж больше не разлучались ни на минуту. Калюмах, как верный пес, лежала возле своей покровительницы, стараясь согреть ее. Миссис Мак-Нап, завернувшись в несколько мехов, оставшихся от богатых запасов фактории, дремала, крепко прижав свое дитя к груди.

Остальные, растянувшись на земле, лежали так неподвижно, словно это были трупы, оставшиеся на палубе тонущего корабля. Ни малейший звук не нарушал этого жуткого спокойствия. Слышался лишь плеск волны, постепенно размывавшей льдину, да сухой треск отламывавшихся кусков, напоминавший о роковом уменьшении ее размеров.

Сержант Лонг иногда вставал и оглядывался вокруг. Обведя взором морской простор, он тотчас же

вновь ложился на землю. На краю льдины неподвижно, точно огромный снежный ком, возвышался медведь.

На какой-нибудь час наступила темнота. В положении терпящих бедствие ничего не изменилось! Низкий утренний туман окрасился на востоке в светлооранжевый цвет. В зените растаяло несколько облачков, и вскоре лучи солнца засверкали на поверхности моря.

Лейтенант Гобсон решил прежде всего обойти льдину. Ее периметр заметно сократился, но самое главное — она еще глубже погрузилась в море. Волны заливали большую часть ее. Только верхушка небольшого холма была для них еще недосыгаема.

Сержант Лонг, со своей стороны, отметил происшедшие изменения. Таяние льдины зашло так далеко, что у него не оставалось ни малейшей надежды.

Миссис Барнет подошла к лейтенанту.

— Это произойдет сегодня? — спросила она.

— Да, сударыня, — ответил он, — и вы исполните обещание, которое дали Келлету!

— Мистер Гобсон, — торжественно обратилась к нему путешественница, — все ли мы сделали, что было в наших силах?

— Да, сударыня.

— Ну что ж, да свершится тогда воля божья!

Тем не менее днем была предпринята последняя отчаянная попытка. На море поднялся довольно свежий ветер; он дул в юго-восточном направлении, то есть именно в том направлении, где находились самые близкие из Алеутских островов. Но на каком они были расстоянии? Этого никто не знал, так как за отсутствием нужных приборов определить положение льдины не было возможности. Она не должна была уплыть далеко, разве что ее подхватило какое-либо течение; ветер же не мог ускорить ее движение: ему, так сказать, «не за что было ухватиться».

И все же ничего определенного нельзя было сказать. Что, если, допуская невозможное, льдина была ближе к земле, чем полагали несчастные путешественники? Что, если неизвестное течение отнесло ее к столь желанным Алеутским островам? Ветер дул теперь в

направлении этих островов и мог бы быстро гнать льдину, если бы встретил на ней точки опоры. Быть может, льдине надо было продержаться на волнах всего несколько часов, быть может, через эти несколько часов показалась бы земля либо по крайней мере какое-нибудь каботажное или рыболовное судно, которое держится вблизи побережья.

Некая мысль, сначала смутно мелькнувшая в сознании лейтенанта Гобсона, постепенно приобрела удивительную четкость. Почему бы не поставить на льдине парус, как делают на обычном плоту? Это и в самом деле было осуществимо.

Джаспер Гобсон поделился своей мыслью с плотником.

— Вы правы, — отвечал Мак-Нап. — Поднять все паруса!

Этот проект, как мало шансов на успех он ни сулил, воодушевил несчастных людей. Да и могло ли быть иначе? Как было им не ухватиться за все, что давало надежду на спасение?

Все принялись за работу, даже Келлет, который пока еще не напоминал миссис Барнет о ее обещании.

Балку, некогда поддерживавшую кровлю флигеля, где жили солдаты, установили вертикально, глубоко врыли в песчаную почву холма и привязали веревками, заменявшими ванты и штаг. Из крепкой жерди соорудили рею, прикрепили к ней вместо парусов одеяла и покрывала, которыми раньше пользовались, и установили ее на верхушке мачты. Попутный ветер надул этот парус, или, вернее, целую систему должным образом прилаженных парусов, — и вскоре все почувствовали, что льдина начала быстро дрейфовать в юго-восточном направлении.

Это был подлинный успех! Павшие духом люди оживились. Их льдина больше не оставалась на месте, она двигалась, и как ни медленно было это движение, оно пьянило их. Особенно был доволен достигнутым результатом плотник. Впрочем, все, точно добровольные наблюдатели, не отрывали глаз от горизонта, и, если бы им сказали, что они не увидят земли, они бы этому не поверили!

И тем не менее это было именно так.

Уже три часа льдина плыла по сравнительно спокойной глади моря. Ей не приходилось бороться против ветра и волн, наоборот — волны не только не противились ей, но сами несли ее вперед. И, однако, ее по-прежнему со всех сторон окружал пустынный горизонт, на котором не видно было ни единого пятнышка. И все же несчастные продолжали надеяться.

Около трех часов пополудни лейтенант Гобсон отвел в сторону сержанта Лонга и сказал ему:

— Мы движемся в ущерб прочности и долговечности нашего островка.

— Что вы хотите этим сказать, лейтенант?

— Я хочу сказать, что вследствие трения о воду, которое возросло из-за быстрого движения, наша льдина катастрофически уменьшается. Она просто распадается на куски и с тех пор, как мы поставили парус, сократилась на треть.

— Вы в этом уверены?..

— Совершенно уверен, Лонг. Кажется, будто льдина удлиняется, а это она становится все уже и уже. Смотрите, море уже плещется в десяти футах от холма.

Лейтенант Гобсон был прав: именно это и происходило со льдиной, быстро увлекаемой вперед ветром.

— Сержант, — спросил Джаспер Гобсон, — не считаете ли вы, что нам следует приостановить дальнейшее движение?

— Я полагаю, — отвечал сержант Лонг, немного подумав, — я полагаю, что надо посоветоваться с товарищами. Теперь все должны разделять ответственность за наши решения.

Лейтенант утвердительно кивнул головой. Они вернулись на холм, и Джаспер Гобсон объявил о сложившемся положении.

— Скорость движения, — сказал он, — быстро разрушает льдину. Это может приблизить на несколько часов неизбежную катастрофу. Решайте, друзья мои! Хотите ли вы продолжать наше движение вперед?

— Вперед!

Это слово слетело с уст всех этих несчастных.

Льдина продолжала плыть, хотя решение отчаявшихся людей могло иметь серьезнейшие последствия. В шесть часов вечера Мэдж поднялась и, указывая на юго-восток, воскликнула:

— Земля!

Все, словно под действием электрического тока, вскочили на ноги. На юго-востоке, милях в двенадцати от них, действительно показалась земля.

— Парус! Парус! — закричал лейтенант Гобсон.

Его поняли. Площадь паруса была увеличена. К веревкам прикрепили наподобие маленьких парусов одежду, меха — все, что могло дать опору ветру.

Скорость движения возросла, тем более что ветер все свежел. Но льдина таяла со всех сторон. Чувствовалось, как она сотрясается. Она грозила каждую секунду погрузиться в море.

Но об этом никто не думал. Все были полны надежды! Там — на континенте — их ждало спасение. Люди простирали вперед руки, кричали! Они были точно в бреду!

В половине восьмого вечера льдина заметно приблизилась к берегу. Но она таяла прямо на глазах и все больше погружалась в воду. Теперь она почти уже не выступала над поверхностью, волны заливали ее и постепенно уносили обезумевших от ужаса животных. Каждое мгновение надо было опасаться, что льдина пойдет ко дну. Пришлось облегчить ее как тонущий корабль. Затем заботливо прикрыли землей и песком, еще остававшимися на ледяной поверхности, края льдины, чтобы предохранить их от прямого действия солнечных лучей. Разостлали также меха, которые, как известно, по природе своей плохо проводят тепло. Словом, эти энергичные люди употребили все средства, чтобы отдалить конечную катастрофу. Но принятых мер оказалось недостаточно. Внутри льдины слышался треск, а на ее поверхности появились трещины. Некоторые солдаты схватили доски и гребли ими, как веслами. Но вода уже проступала сквозь лед, а до берега оставалось еще не меньше четырех миль!

— Скорее сигнал, друзья! — воскликнул лейтенант Гобсон, действовавший в эти часы с необычайной энергией. — Быть может, его заметят!

Все, что могло еще гореть — две-три доски, балка, — было сложено в кучу, и вспыхнул костер! Яркое пламя поднялось над хрупким обломком острова Виктории.

Но льдина с каждым мигом таяла и все глубже погружалась в воду. Вскоре над поверхностью моря виднелся лишь невысокий холм. Там собрались все путешественники, охваченные смертельной тревогой, вокруг находились немногие животные, еще не ставшие добычей волн. Медведь громко рычал.

Вода неумолимо поднималась. Ничто не говорило о том, что терпящих бедствие заметили с берега. Без сомнения, меньше чем через четверть часа они пойдут ко дну!..

Но неужели не было способа продлить существование льдины? Еще три часа, каких-нибудь три часа, и они, пожалуй, достигли бы земли, от которой их отделяло всего три мили! Но что делать? Что предпринять?

— Ах! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Если б найти какое-нибудь средство, чтобы помешать этой льдине растаять! Я отдал бы жизнь, лишь бы отыскать его! Да! Жизнь!

В это мгновение кто-то отрывисто произнес:

— Есть такое средство!

То говорил Томас Блэк! Да, это был астроном, давно уже, можно сказать, не раскрывавший рта, астроном, которого его обреченные на смерть товарищи уже перестали считать живым существом! И он нарушил свое молчание, чтобы сказать: «Да, есть средство помешать льдине растаять! Да, есть еще средство спасти всех нас!»

Джаспер Гобсон бросился к Томасу Блэку. И он и другие зимовщики с волнением смотрели на астронома. Они решили, что ослышались.

— Какое же это средство? — спросил лейтенант Гобсон.

— К насосам, — вместо ответа проговорил Томас Блэк.

Не сошел ли астроном с ума? Не принимал ли он льдину за тонущий корабль, в трюм которого набралось футов на десять воды?

Между тем на льдине действительно еще оставались воздушные насосы и даже резервуар для воздуха, служивший в то время баком для пресной воды. Но что могли дать эти насосы? Как могли они укрепить грани льдины, таявшей со всех концов?

— Он помешался! — пробормотал сержант Лонг.

— К насосам! — повторил астроном. — Наполните резервуар воздухом!

— Сделаем так, как он говорит! — вскричала миссис Барнет.

Насосы присоединили к резервуару, крышку его плотно захлопнули и закрепили болтами. Насосы тотчас же заработали, и воздух, нагнетаемый с силой в несколько атмосфер, наполнил резервуар. Затем Томас Блэк, взяв в руки кожаный шланг, соединенный с резервуаром, отвернул кран, чтобы дать выход сжатому воздуху, и направил шланг на края льдины, туда, где под влиянием жары они особенно быстро таяли.

Результат, произведенный этим, поверг всех в изумление! Везде, куда попадал направляемый рукою астронома сжатый воздух, таяние прекращалось, трещины затягивались, лед снова замерзал!

— Ура! Ура! — закричали несчастные путешественники.

Работать у насосов было утомительно, но в охотниках недостатка не было. Люди сменяли друг друга. Грани льдины утолщались, как будто подвергаясь действию сильного мороза.

— Вы нас спасаете, мистер Блэк! — воскликнул Джаспер Гобсон.

— Что может быть проще! — коротко ответил астроном.

И в самом деле, ничего не могло быть проще! Вот что за физическое явление имело тогда место.

Новое замерзание льдины происходило по двум причинам: во-первых, потому, что под действием

сжатого воздуха вода, улетучиваясь с поверхности льдины, создавала сильный холод; во-вторых, сжатый воздух, разрежаясь, поглощал с оттаявшей поверхности льда тепло. Всюду, где образовывалась трещина, холод, вызванный разрежением воздуха, скреплял ее разошедшиеся края, и благодаря этому льдина мало-помалу обретала прежнюю прочность.

Так продолжалось несколько часов. Несчастные путешественники, вновь загоревшись надеждой, неутомимо работали.

Земля приближалась.

Когда до берега осталось не больше четверти мили, медведь бросился в воду, выплавь добрался до суши и быстро исчез из виду.

Через несколько минут льдину выбросило на песчаную отмель. Еще остававшиеся на ней животные устремились в бегство. Люди сошли на берег и, упав на колени, возблагодарили небо за свое чудесное спасение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Заключение

Итак, проделав на своем пловучем острове с начала движения льдов больше тысячи восьмисот миль, обитатели форта Надежды высадились, наконец, на одном из островов Ближних; это был последний в группе Алеутских островов, расположенных в южной части Берингова моря. Рыбаки, прибежавшие к ним на помощь, гостеприимно встретили путешественников. Вскоре лейтенант Гобсон и его товарищи вошли в сношения с находившимися на континенте соотечественниками — агентами Компании Гудзонова залива.

После нашего подробного рассказа незачем особо подчеркивать мужество всех этих смелых людей, вполне достойных своего командира, и энергию, которую они проявили за время выпавших на их долю тяжких испытаний. Выдержка не изменила ни мужчинам, ни женщинам. Отважная путешественница в пору

грозных невзгод являла пример стойкости и покорности воле неба. Эти люди боролись до конца и не пали духом, даже узнав, что часть материка, на которой они основали форт Надежды, превратилась в блуждающий остров, этот остров — в островок, а островок — в льдину; они не пали духом и тогда, когда под соединенным действием теплых вод и солнечных лучей льдина эта растаяла! И если компании предстояло повторить свою попытку, так как вновь основанный форт погиб, — никто не мог упрекнуть в этом Джаспера Гобсона и его товарищей, ибо они оказались жертвой обстоятельств, которые человеческий разум не в силах был заранее предвидеть. Во всяком случае, все девятнадцать человек, доверенных лейтенанту, вернулись здоровыми и невредимыми; больше того, в маленькой колонии даже прибавились два новых члена — юная эскимоска Калюмах и сынишка плотника Мак-Напа, крестник миссис Барнет — Майкл.

Через шесть дней после спасения зимовщики прибыли в Ново-Архангельск, главный город Русской Америки.

Здесь эти люди, сильно привязавшиеся друг к другу в обстановке общей опасности, должны были расстаться, быть может, навсегда! Джасперу Гобсону и его отряду предстояло возвратиться через земли компании в форт Релайанс, в то время как миссис Барнет, Калюмах, которая не захотела с ней разлучаться, Мэдж и Томас Блэк рассчитывали вернуться в Европу через Соединенные Штаты Америки, в частности через Сан-Франциско. Но перед тем, как разъехаться в разные стороны, лейтенант Гобсон перед строем своих товарищей взволнованно обратился к путешественнице с короткой речью:

— Сударыня, да благословит вас бог за все то добро, что вы содеяли для нас! Вы были нашей верой, нашим утешением, душою нашего маленького мирка. Я благодарю вас за это от имени всех присутствующих!

Троекратные крики «ура» раздались в честь миссис Полины Барнет. Затем каждый захотел пожать руку мужественной путешественницы. Женщины от всего сердца расцеловались с нею.

Что касается лейтенанта Гобсона, который испытывал к миссис Барнет искреннюю привязанность, то он с грустью в последний раз обменялся с ней рукопожатием.

— Неужели мы никогда больше не свидимся? — проговорил он.

— Нет, Джаспер Гобсон, — ответила путешественница, — мы обязательно свидимся! И если вы не приедете в Европу, то я сама возвращусь сюда, чтобы разыскать вас... здесь или в новой фактории, которую вы когда-нибудь создадите...

В эту минуту Томас Блэк, к которому после того, как он вновь ступил на твердую почву, вернулся дар речи, выступил вперед.

— Да, мы обязательно свидимся... через двадцать шесть лет! — воскликнул он убежденным тоном. — Друзья мои, меня постигла неудача во время затмения тысяча восемьсот шестидесятого года, но этого не повторится во время затмения, которое произойдет в этих же широтах и в тех же условиях в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. А посему я назначаю вам, сударыня, и вам, мой храбрый лейтенант, новую встречу у берегов Северного Ледовитого океана — ровно через двадцать шесть лет!

1873 г.

КОММЕНТАРИЙ

ВОКРУГ СВЕТА В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

ЧТО ПОМОГЛО ФИЛЕАСУ ФОГГУ ВЫИГРАТЬ ПАРИ

Филеас Фогг должен был вернуться в Лондон в зал Реформ-клуба в субботу 21 декабря 1872 года в 8 часов 45 минут вечера, ровно через восемьдесят дней после своего отъезда. Однако согласно отметкам в его записной книжке он опаздывал в Лондон и должен был проиграть пари.

Свою поездку вместе со слугой Паспарту он совершал, следуя в восточном направлении, то есть навстречу восходящему солнцу. Европу он покинул в Бриндизи, двигаясь через Суэцкий канал в Бомбей и далее на восток.

Как же получилось, что при таком направлении кругосветного путешествия он выиграл сутки времени?

Для того чтобы объяснить это, нам надо вспомнить, какие явления положены в основу счета времени, которым мы пользуемся повседневно.

В основу счета времени положено вращение Земли вокруг своей оси и прохождение Солнца через меридиан той точки, в которой находится наблюдатель или житель того или иного населенного пункта.

Известно, что Земля вращается вокруг своей оси с запада на восток, что обуславливает кажущееся движение Солнца вокруг Земли с востока на запад.

Счет истинного местного солнечного времени условно начинается с полуночи. В это время солнце спускается за горизонт ниже всего (нижняя кульминация), но через 12 часов — в пол-

день — солнце стоит над горизонтом выше всего (верхняя кульминация).

Промежуток времени между двумя ближайшими нижними (или верхними) кульминациями и называется истинными солнечными сутками, и относительно их и определяется истинное солнечное время.

Жить по истинному местному солнечному времени оказалось неудобным, так как видимое движение Солнца несколько неравномерно, а следовательно, и продолжительность истинных солнечных суток не всегда одна и та же. Поэтому астрономы предложили пользоваться «средним Солнцем», совершающим свое полное обращение по небу за столько же времени, как и «истинное Солнце», но движущимся равномерно и всегда точно над экватором. По движению «среднего Солнца» и ведется счет нашего времени.

Разницу между истинным местным солнечным и средним местным солнечным временем называют уравнением времени.

Однако жить по среднему местному времени тоже неудобно, потому что если оно одинаково для всех точек Земного шара, расположенных на одном и том же меридиане, то оно уже разнится для любых населенных пунктов, расположенных на восток или на запад один от другого. Поэтому сейчас живут по среднему поясному времени, построенному на условном делении Земного шара на 24 пояса меридианами, отстоящими друг от друга на 15° : внутри каждого пояса время считают одним и тем же.

Границы поясов для удобства населения проводятся не точно по меридианам, а по границам государств. Так, например, Англия, Франция, Бельгия живут по одному и тому же гринвичскому времени, или по времени так называемого «нулевого пояса». Его называют западноевропейским временем. Германия, Чехословакия, Швейцария, Австрия живут по времени первого пояса, то есть по гринвичскому времени плюс один час, или по средневропейскому времени. Балканские страны живут по восточноевропейскому времени, по времени второго пояса.

В каждом поясе часы, поставленные по среднему поясному времени, по сравнению с часами, поставленными по среднему времени соседнего пояса, показывают ровно на один час вперед, если этот пояс расположен западнее, и на один час назад, если этот пояс расположен восточнее. При переезде из одного пояса в другой приходится переставлять свои часы или

ровно на час вперед при движении с запада на восток, или ровно на час назад, если едешь с востока на запад.

Представим себе теперь героя романа Жюль Верна, отправившегося в кругосветное путешествие от Гринвича, расположенного в предместье Лондона, на восток 1 января и движущегося так, что каждый день он попадает из одного пояса в другой: ему придется каждый день переставлять свои часы ровно на один час вперед. Когда он, объехав вокруг света, вернется в Гринвич, ему будет казаться, что он вернулся 26 января. Если бы он путешествовал с такой же скоростью не в восточном, а в западном направлении, то ему казалось бы, что он вернулся в Гринвич 24 января.

Такая ошибка произошла на самом деле с первой кругосветной экспедицией Магеллана и привела в страшное смущение ее участников. На такой ошибке и построен роман «Вокруг света в восемьдесят дней».

Причина ошибки заключается в том, что путешественник, объезжая Земной шар с запада на восток, то есть в направлении вращения Земли, сделает вокруг Земли один лишний оборот. Для него Солнце взойдет не 24, а 25 раз. При движении с востока на запад он сделает одним оборотом меньше.

Чтобы избежать такой ошибки, по международному соглашению установлена «линия изменения даты». Она проходит по Тихому океану, по 180° долготы от Гринвича и через оба полюса. Корабль, пересекающий линию изменения даты с запада на восток, считает один и тот же день два раза, а корабль, пересекающий ее в обратном направлении, один день пропускает. Если, например, корабль при следовании с востока на запад пересечет линию изменения даты 12 января, то следующий день у него будет 14 января.

Условность принятого нами счета времени лучше всего чувствуется на Северном и Южном полюсах, где нет географической долготы, так как здесь все меридианы сходятся вместе в одной точке. А если нет долготы, то нет и времени суток. Поэтому здесь можно жить по времени любого пояса. Для удобства расчетов обычно часы переводятся на гринвичское время, являющееся по международному соглашению временем нулевого пояса.

Академик Д. И. Щербаков

Роман «Вокруг света в восемьдесят дней» печатался в газете «Тан» («Le Temps») с 6 ноября по 22 декабря 1872 года; в начале 1873 года вышел отдельным изданием.

Пуоубликация этого произведения в большой ежедневной газете привлекла к нему внимание читателей и прессы. Вскоре после появления отдельного издания роман был переведен на несколько языков. В России он печатался в журнале «Русский вестник» и в том же 1873 году был опубликован в трех разных переводах.

Большой успех романа побудил дирекцию театра Порт-Сен-Мартен обратиться к Жюлю Верну с предложением инсценировать произведение. Сценический вариант, написанный в соавторстве с драматургом А. Деннери, был закончен весной 1874 года. 8 ноября состоялась премьера спектакля-феерии «Вокруг света в восемьдесят дней». Пьеса выдержала 400 представлений подряд, а всего с 1874 по 1938 год ставилась на сцене Порт-Сен-Мартен 2250 раз.

Интерес к спектаклю был вызван прежде всего сценическими эффектами. По словам парижского корреспондента «Отечественных записок», эта пьеса — своего рода «сценическое нововведение, ряд этнографических картин, что-то вроде волшебной-географической сказки, имеющей целью *поучать, развлекать*. К несчастью, сотрудничество Деннери много ей повредило. Мелодрама, самая невероятная, очутилась на первом плане, а этнографическая обстановка, в которой часто даже не соблюден местный колорит, сделалась только ее рамкою. На сцене по волнам идет небольшой пароход, проходит целый поезд с локомотивом и вагонами... Кроме того, перед зрителями является живой слон... На пьесу уже стали появляться пародии — несомненный признак успеха» («Отечественные записки», 1874, № 12, стр. 373).

Инсценировка пьесы с неизменным успехом шла на протяжении нескольких десятилетий в театрах Петербурга и Москвы.

В основе романа «Вокруг света в восемьдесят дней» лежит любопытный научный факт. Подобный же факт, связанный с потерей или выигрышем одного дня во время кругосветного путешествия, был использован американским писателем Эдгаром По в рассказе «Неделя с тремя воскресеньями». В очерке об Эдгаре По (1863) Жюль Верн писал, что для трех людей на одной неделе может быть три воскресных дня, если один совершит кругосветное путешествие, выехав с запада на восток,

другой — с востока на запад, а третий останется на месте. Встретившись снова, они узнают, что для первого воскресенье было вчера, для второго — наступит завтра, а для третьего оно — сегодня. В этих пояснениях Жюль Верна к рассказу Эдгара По уже намечается замысел его будущего романа «Вокруг света в восемьдесят дней».

В окончательном виде замысел произведения сложился, по-видимому, не раньше второй половины 1869 года, когда известный французский географ Вивьен де Сен-Мартен напечатал в географическом журнале «Вокруг света» («Le Tour du Monde») статью о возможности кругосветного путешествия в восемьдесят дней. Вскоре после выхода романа Французское Географическое общество стало получать письма по поводу данного автором научного объяснения неожиданной развязки произведения. С ответом на эти письма 4 апреля 1873 года на заседании Географического общества выступил сам Жюль Верн («Bulletin de la Société de Géographie», v. VI, p. 423—428).

После его выступления научная полемика, вызванная романом «Вокруг света в восемьдесят дней», еще более оживилась. Во французских газетах печатались статьи по поводу объяснений, представленных писателем, и сообщалось, какие меры собирается принять Бюро долгот для того, чтобы урегулировать международный счет времени и добиться согласованности с другими странами в этом вопросе.

Роман Жюль Верна вызвал во французской литературе подражания (например, роман Поля д'Ивуа «Пять су Левареда») и целый ряд практических попыток достигнуть и превзойти «рекорд» Филеаса Фогга. Последнее стало возможным лишь в самом конце XIX — начале XX века.

Е. Брандис

В СТРАНЕ МЕХОВ

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ПЛАВАЮЩИЕ ЛЕДЯНЫЕ ОСТРОВА?

Неисчерпаемая фантазия Жюль Верна всегда опиралась на точные знания; можно только удивляться, насколько писатель был осведомлен о последних географических открытиях или наблюдениях, которые он умело использовал в своих приключенческих романах. В этом отношении особенно интересна его книга «В стране мехов», описывающая странствование группы охотников по Северной Канаде и вынужденное путешествие героев романа на плавающем острове-льдине, оторвавшемся от берегов Северной Америки.

В истории Арктики существуют многочисленные упоминания об островах или землях, открытых в разное время исследователями, а затем бесследно исчезнувших. К таким землям или островам относятся Земля Джиллиса, Земля Андреева, Земля Санникова и другие. Известно, что в 1707 году капитан китобойного корабля Джиллис увидел севернее Шпицбергена, недалеко от северо-восточных берегов этого архипелага, высокую землю, получившую впоследствии название Земли Джиллиса. Достичь этого нового острова Джиллис не смог из-за тяжелого льда, преградившего ему путь. Он зарисовал очертания Земли и приблизительно нанес ее на карту. В последующем Землю Джиллиса пытались обнаружить многие полярные исследователи, однако их старания не увенчались успехом. В 1935 году ледокол «Садко» подходил к этому району. На поиски Земли был даже послан самолет, пилотируемый известным летчиком Бабушкиным, но никакой земли Бабушкин не обнаружил.

Пожалуй, более интересными были слухи, распространившиеся в XVII веке о том, что где-то к северу от Чукотского полуострова находится неизведанная земля. Слухи оказались настолько упорными, что Адмиралтейство предписало начальнику Северной экспедиции Берингу отыскать эту землю, о чем в данной ему инструкции сказано: «Разведать подлинно в Якуцке о значащейся на карте против устья Колымы земле великой».

В 1763 году, со специальной целью поисков этих земель, на Медвежий острова был послан отряд сержанта Степана Андреева, в состав которого входили Федор Татаринов и Ефим Коновалов. Первый год исследований не дал определенных результатов, поэтому в 1764 году Андреев опять направился на Медвежий острова. В донесении о втором путешествии было указано, что: «Сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов усмотрел в великой отдаленности полагаемый им величайший остров, куда и отправился льдом на собаках». Однако добраться до этого острова он не смог, но тем не менее донесение Андреева создало мнение о реальности земли, находящейся к северу от Медвежьих островов; ее даже назвали Землей Андреева. В 1820—1823 годах поисками Земли Андреева занялся лейтенант Федор Петрович Врангель. Походы Врангеля были совершены в исключительно тяжелых условиях. Земли Андреева Ф. П. Врангель не нашел, но он предсказал открытие другого острова, который и поместил на своей карте к северу от мыса Якан. Действительно, этот остров был обнаружен в 1849 году английским кораблем «Геральд» и получил название острова Врангеля.

Наиболее любопытна история Земли Санникова, послужившая отчасти фабулой для приключенческого романа «Земля Санникова», написанного известным советским геологом академиком В. А. Обручевым. В 1811 году промышленник Яков Санников увидел с северного берега острова Котельного неизвестную землю с высокими берегами. Он пытался подойти к ней по льду, но путь ему преградила большая полынья. С тех пор таинственная Земля Санникова волновала многих полярных путешественников; среди них были убежденные сторонники существования такой земли. К их числу относился и известный русский полярный путешественник Э. В. Толль, утверждавший, что он видел эту землю с Новосибирских островов. Толль ссылаясь при этом на своего проводника Джергели, много лет охотившегося на Новосибирских островах и утверждавшего, что он также видел эту землю. Толль был настолько уверен в существовании

Земли Санникова, что добился организации русской полярной экспедиции на судне «Заря» (1900—1903), основным заданием которой явилось отыскание Земли Санникова. Но Толль на своем пути к острову Бенетта не обнаружил никакой земли, поэтому он решил возвратиться к той точке, в которой по его прежним наблюдениям должна была находиться эта земля. Достичь цели из-за сплошных тяжелых льдов и густых туманов не удалось, поэтому «Заря» вернулась в бухту Тикси, не дав положительного ответа.

Земля Санникова оставалась загадкой вплоть до советского времени, когда многочисленные и широко поставленные исследования Северного Ледовитого океана объяснили эту загадку.

В 1937 году ледокол «Садко» проходил в этом районе не только с целью поисков таинственной земли, но и для того, чтобы высадить полярную станцию на острове Генриетты. Никакой земли на трассе «Садко» не оказалось. Вскоре в этом районе полярный летчик И. И. Черевичный и штурман В. И. Аккуратов обнаружили во время разведки гигантский столовый айсберг, на котором были заметны отдельные возвышенности. В те же годы, а также позднее и другие полярные летчики обнаруживали во время разведки плавающие земли-айсберги к северу от острова Котельного и к северу от Северной Земли.

В марте 1941 года наши летчики открыли большой ледяной остров к северу от Медвежьих островов на широте в 74° , то есть примерно на месте предполагаемой Земли Андреева. Он имел волнистую поверхность, с хорошо выраженными руслами рек. Последовательно посещая этот район, удалось установить, что этот ледяной остров дрейфует на север. Летчики дали ему название острова Андреева.

Следует отметить, что и исследователи полярных районов, примыкающих к архипелагу островов Северной Америки, также обнаружили гигантские сравнительно плоские льдины, которые медленно дрейфовали в районе Северного Ледовитого океана.

В американской специальной печати описывается открытие трех ледяных островов, получивших название «Т-1», «Т-2» и «Т-3» (от английского слова «target» — цель, мишень).

На одной из этих льдин площадью около 150 км^2 американцами была открыта полярная дрейфующая станция. Сам остров получил название Тарджет-три.

Наши ледовые разведчики утверждают, что именно за этим

островом они следили, начиная с 1950 года, когда летчик Перов обнаружил его к северо-востоку от острова Геральда.

Сопоставляя эти и ряд других данных, исследователи Арктики пришли к совершенно определенным выводам о происхождении таких плавающих островов и о характере их дрейфа.

Обычные айсберги — это большие, глубоко погруженные глыбы льда, отколовшегося от языков ледников, спускающихся в море. Но наряду с ними значительно реже встречаются громадные сравнительно плоские льдины, родиной которых, повидимому, являются Гренландия и в особенности острова Канадского Арктического архипелага, в частности район Земли Элсмира. Именно здесь зарождаются гигантские плоские айсберги — пловучие острова, нередко несущие на поверхности нагромождения камней и даже скудную растительность. Эти айсберги отличаются от обычных айсбергов тем, что они представляют собой особые образования мелководных заливов, не связанные с деятельностью обычных ледников.

Сейчас достаточно точно установлено, что айсберги после своего «рождения» начинают плавать в водах Северного Ледовитого океана; нередко они вмерзают в паковые льды и вместе с ними совершают свои дрейфы в определенных направлениях. В зависимости от того, где эти айсберги образовались и в какой участок Северного Ледовитого океана они попали, оторвавшись от материнского массива льда, они совершают разные пути. Ледяные острова, рождающиеся в районе Земли Элсмира, совершают путь из моря Линкольна вдоль островов Канадского Арктического архипелага в направлении к мысу Барроу. Затем они проходят севернее острова Врангеля, но обычно не попадают при этом в течение холодных вод, проходящее от этого острова в юго-восточном направлении и идущее к Берингову проливу, а поворачивают на северо-запад и на север. Их дальнейший путь проходит около Северного полюса и приводит льдины обратно в район Земли Элсмира. Таким образом, для них характерна замкнутая циркуляция по направлению часовой стрелки. Некоторые плоские айсберги совершают замкнутую циркуляцию внутри моря Бофорта. Так, например, один из эскимосов, участник экспедиции Стефансона, обнаружил в 1911 году ледяной остров, на котором высаживался. Он отмечает, что на этом острове находилось много глины, гряды камней, была видна растительность. На льду имелись и озера, на которых плавали многочисленные птицы.

Современные познания о дрейфе ледяных островов и их природе дают полное основание утверждать, что Джилиис, Андреев, Санников и другие полярные исследователи, видевшие земли, на самом деле видели не что иное, как ледяные острова — плоские айсберги. Природа этих островов также достаточно выяснена. Они состоят из прочного пресноводного льда материкового происхождения и нередко несут на себе массы больших валунов, представляющих собой не что иное, как так называемые морены, или нагромождения обломочного материала, переносимого ледниками. Обычно такие большие острова возвышаются над уровнем океанов на 10—15 метров; часть же, уходящая в воду, имеет толщину в 40—50 метров.

Необходимо отметить, что весной 1956 года во время воздушной ледовой разведки, проводившейся Высокоширотной экспедицией Главного управления Северного морского пути с целью выбора места для станции «Северный полюс — 6», удалось обнаружить новую «ледяную землю» к северу от острова Врангеля, на которую и была высажена дрейфующая станция.

За советское время полярные летчики и гидрологи не только установили большое количество ледяных островов, но и определили точное направление их дрейфа. Оказалось, что в Центральном полярном бассейне существуют две основные циркуляции дрейфа льдов. Разделом между ними является подводный хребет имени Ломоносова, тянущийся по дну океана от Новосибирских островов до Земли Элсмira. В восточной части Северного Ледовитого океана циркуляция дрейфа совершается по часовой стрелке, а в западной — в основном против часовой стрелки. Наши пилоты, штурманы и гидрологи первыми дали точные описания ледяных островов, проследили их пути движения и первые составили достоверные схемы их дрейфа.

Совершенно естественно, что в те времена, к которым относится книга Жюль Верна «В стране мехов», имелись в достаточной мере смутные представления об образовании дрейфующих островов и об их происхождении. Тем более приходится удивляться замечательной интуиции Жюль Верна, который по существу предугадал выводы нашей эпохи. Конечно, многое в его описании является фантастическим вымыслом, вполне оправдываемым сюжетом самого произведения, но этот вымысел опирается на достаточно прочные научные основы. Уже во времена Жюль Верна было известно, что через узкий Берингов пролив проходят два течения: одно холодное, идущее между островом Вран-

геля и Чукотским полуостровом, прижимающееся к западному берегу Берингова пролива, а другое — теплое, несущее воды Тихого океана, прижимающееся к Аляске. Поэтому допущение Жюль Верна о прохождении ледяного острова в Тихий океан, учитывая эти обстоятельства, было вполне реально. Жюль Верн только не знал о существовании замкнутых круговых дрейфов, которые позволяют раз возникшим островам описывать по водам Северного Ледовитого океана большие круги в направлении движения часовой стрелки, медленно разрушаясь в течение многих лет своего пути.

Блестяще написанная книга, несомненно, побудит нашего любознательного читателя более глубоко заинтересоваться природой арктического севера и новейшими достижениями советских гидрологов.

Академик Д. И. Щербаков

Жюль Верн начал работать над романом «В стране мехов» в феврале 1871 года. В 1872—1873 годах роман печатался в «Журнале воспитания и развлечения» и в 1873 году вышел в свет отдельным изданием.

«В стране мехов» — один из самых интересных географических романов Жюль Верна. Автор дает в общем правдивое представление об американском секторе Арктики, привлекая многочисленные источники, раскрывающие историю изучения и освоения этих далеких земель. Маршрут путешествия лейтенанта Гобсона и его товарищей, закончившегося у Алеутских островов, впоследствии как бы продолжили герои романа Жюль Верна «Цезарь Каскабель», совершив, тоже поневоле, плавание на дрейфующей льдине от Аляски до Новосибирских островов, а также герои романа «Найденыйш с погибшей «Цинтии», которым удалось проделать за одну навигацию кругосветное путешествие в полярных водах России и Америки.

Роман «В стране мехов» впервые вышел на русском языке в 1874 году в переводе Марко Вовчок под заглавием «Путешествие в страну пушных зверей, или Приключения на пловучем острове». В рецензии, опубликованной в журнале «Дело» (1874, № 2), «В стране мехов» оценивается как один из лучших географических романов Жюль Верна.

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ВОКРУГ СВЕТА В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

Перевод Н. С. Габинского

<i>Глава первая, где заключается взаимный договор, по которому Паспарту поступает в услужение к Филеасу Фоггу</i>	<i>7</i>
<i>Глава вторая, где Паспарту убеждается, что нашел, наконец, свой идеал</i>	<i>12</i>
<i>Глава третья, где завязывается разговор, который может дорого обойтись Филеасу Фоггу</i>	<i>16</i>
<i>Глава четвертая, в которой Филеас Фогг изумляет своего слугу Паспарту</i>	<i>24</i>
<i>Глава пятая, в которой на лондонской бирже появляется новая ценность</i>	<i>27</i>
<i>Глава шестая, в которой сыщик Фикс проявляет вполне законное нетерпение</i>	<i>31</i>
<i>Глава седьмая, которая лишний раз свидетельствует о бесполезности паспортов в делах полиции</i>	<i>35</i>
<i>Глава восьмая, в которой Паспарту говорит, пожалуй, несколько больше того, чем следовало</i>	<i>38</i>
<i>Глава девятая, в которой Красное море и Индийский океан благоприятствуют планам мистера Филеаса Фогга</i>	<i>42</i>
<i>Глава десятая, в которой Паспарту весьма счастлив, что отделался потерей одной только обуви</i>	<i>48</i>
<i>Глава одиннадцатая, в которой Филеас Фогг покупает за баснословную цену животное для верховой езды</i>	<i>53</i>

<i>Глава двенадцатая</i> , где рассказывается о том, как Филеас Фогг и его спутники углубились в чащу индийских лесов, и о том, что из этого вышло	62
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой Паспарту лишний раз доказывает, что счастье улыбается смельчакам	69
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой Филеас Фогг пересекает чудесную долину Ганга, даже не подумав ею полюбоваться	76
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой саквояж с банковыми билетами облегчается еще на несколько тысяч фунтов стерлингов	83
<i>Глава шестнадцатая</i> , в которой Фикс делает вид, будто не понимает, о чем с ним ведут речь	89
<i>Глава семнадцатая</i> , в которой во время переезда из Сингапура в Гонконг поднимаются и разрешаются некоторые вопросы	95
<i>Глава восемнадцатая</i> , в которой Филеас Фогг, Паспарту и Фикс занимаются каждый своим делом	101
<i>Глава девятнадцатая</i> , в которой описывается, как Паспарту проявил слишком живой интерес к делам своего господина и то, что из этого вышло	103
<i>Глава двадцатая</i> , в которой Фикс входит в непосредственные отношения с Филеасом Фоггом	114
<i>Глава двадцать первая</i> , в которой владелец «Танкадеры» рискует потерять премию в двести фунтов	120
<i>Глава двадцать вторая</i> , где Паспарту убеждается, что, даже находясь у антиподов, все же следует иметь немного денег в кармане	128
<i>Глава двадцать третья</i> , в которой нос Паспарту чрезмерно удлиняется	135
<i>Глава двадцать четвертая</i> , во время которой совершается путешествие через Тихий океан	142
<i>Глава двадцать пятая</i> , в которой дается беглый обзор города Сан-Франциско в день митинга	148
<i>Глава двадцать шестая</i> , в которой описывается путешествие в экспрессе Тихоокеанской железной дороги	155
<i>Глава двадцать седьмая</i> , в которой Паспарту со скоростью двадцати миль в час изучает историю мормонов	161
<i>Глава двадцать восьмая</i> , в которой Паспарту не может никого заставить внять голосу рассудка	167

<i>Глава двадцать девятая</i> , где рассказывается о таких происшествиях, которые случаются лишь на железных дорогах Соединенных Штатов Америки	176
<i>Глава тридцатая</i> , в которой Филеас Фогг всего лишь выполняет свой долг	183
<i>Глава тридцать первая</i> , в которой сыщик Фикс принимает близко к сердцу интересы мистера Фогга	190
<i>Глава тридцать вторая</i> , в которой Филеас Фогг вступает в непосредственную борьбу с неудачей	197
<i>Глава тридцать третья</i> , где Филеас Фогг оказывается на высоте положения	201
<i>Глава тридцать четвертая</i> , в которой Паспарту получает возможность очень зло пошутить	209
<i>Глава тридцать пятая</i> , в которой Паспарту не заставляет повторять два раза приказание, отданное ему мистером Фоггом	213
<i>Глава тридцать шестая</i> , в которой Филеас Фогг вновь становится ценностью на бирже	218
<i>Глава тридцать седьмая</i> , в которой доказывается, что, совершив кругосветное путешествие, Филеас Фогг не выиграл ничего, кроме счастья	222

В СТРАНЕ МЕХОВ

Часть первая

Перевод Л. Л. Слонимской

<i>Глава первая</i> . Гости в форте Релайанс	229
<i>Глава вторая</i> . Пушная Компания Гудзонова залива	238
<i>Глава третья</i> . Оттаявший ученый	245
<i>Глава четвертая</i> . Фактория	252
<i>Глава пятая</i> . От форта Релайанс до форта Энтерпрайз	260
<i>Глава шестая</i> . Битва «вапити»	268
<i>Глава седьмая</i> . Полярный круг	277
<i>Глава восьмая</i> . Большое Медвежье озеро	286
<i>Глава девятая</i> . Буря на озере	295
<i>Глава десятая</i> . Экскурс в прошлое	305
<i>Глава одиннадцатая</i> . Вдоль берега	313
<i>Глава двенадцатая</i> . Полуночное солнце	321
<i>Глава тринадцатая</i> . Форт Надежды	330
<i>Глава четырнадцатая</i> . Несколько экскурсий	339

<i>Глава пятнадцатая.</i> В пятнадцати милях от мыса Батерст	347
<i>Глава шестнадцатая.</i> Два выстрела	356
<i>Глава семнадцатая.</i> Приближение зимы	365
<i>Глава восемнадцатая.</i> Полярная ночь	374
<i>Глава девятнадцатая.</i> Визит соседей	384
<i>Глава двадцатая.</i> Ртуть замерзает	394
<i>Глава двадцать первая.</i> Полярные медведи	401
<i>Глава двадцать вторая.</i> Пять месяцев	411
<i>Глава двадцать третья.</i> Солнечное затмение 18 июля 1860 года	421

Часть вторая

*Перевод А. И. Рудковской (гл. 1—17) и Я. З. Лесюка
(гл. 18—24)*

<i>Глава первая.</i> Пловучий форт	433
<i>Глава вторая.</i> Где они?	442
<i>Глава третья.</i> Обследование острова	451
<i>Глава четвертая.</i> Ночной привал	461
<i>Глава пятая.</i> С 25 июля по 20 августа	471
<i>Глава шестая.</i> Десять дней шторма	481
<i>Глава седьмая.</i> Огонь и крик	490
<i>Глава восьмая.</i> Прогулка миссис Полины Барнет	500
<i>Глава девятая.</i> Приключения Калюмах	511
<i>Глава десятая.</i> Камчатское течение	520
<i>Глава одиннадцатая.</i> Сообщение Джаспера Гобсона	529
<i>Глава двенадцатая.</i> Попытка спасения	538
<i>Глава тринадцатая.</i> Через ледяное поле	546
<i>Глава четырнадцатая.</i> Зимние месяцы	554
<i>Глава пятнадцатая.</i> Последняя разведка	562
<i>Глава шестнадцатая.</i> Движение льдов	573
<i>Глава семнадцатая.</i> Обвал	582
<i>Глава восемнадцатая.</i> Все за работой	588
<i>Глава девятнадцатая.</i> Берингово море	598
<i>Глава двадцатая.</i> В открытом море	607
<i>Глава двадцать первая.</i> Остров превращается в островок	613
<i>Глава двадцать вторая.</i> Четыре следующих дня	619
<i>Глава двадцать третья.</i> На льдине	625
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Заключение	635
<i>Комментарий</i>	641

Редактор *Н. Хуцишвили*
Оформление художника *Т. Цинберг*
Художественный редактор
А. Гайденов
Технический редактор
Ф. Артемьева
Корректоры *В. Брагина* и
Е. Лаптева

*

Сдано в набор 10/IV 1956 г.
Подписано к печати 20/VII 1956 г.
А-10002. Бумага 84×108¹/₃₂—20,5 печ. л.
33,6 усл. печ. л. 31,63 уч.-изд. л. +
+ 3 вкл. = 31,78 л. Тираж 390 000.
Заказ № 1026. Цена 12 р.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
„Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.